

Сиротка
Нежная душа

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Annotation

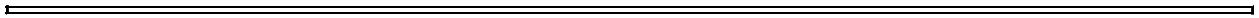
Эта девушка пела в церковном хоре — и ангелы завидовали ее нежному голоску! Даже когда сердце Мари-Эрмин без остатка заполнила любовь к Тошану, а на руках появился милый младенец, она не оставила мечты о сцене... А поезд уже мчит ее в Квебек: одно прослушивание — и ее судьба решена!

- [Мари-Бернадет Дююи](#)
 - [Предисловие](#)
 - [От автора](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Слова признательности](#)
 -
 -

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

Мари-Бернадет Дюпюи
Нежная душа
Сиротка

Предисловие

«Мир может сжаться до уголка леса, до поселка или до семьи» — такие интересные слова произносит одна из героинь открытой вами книги. И действительно, благодаря тонкому искусству автора события романа завладевают вниманием читателя целиком, заставляя ненадолго почувствовать, что не существует на свете никого, кроме этих персонажей с их невероятными приключениями.

О чем только не писала неугомонная Мари-Бернадетт Дюпюи! Ей ничего не стоит сочинить историю любви француженки и немца во время Второй мировой войны, описать в романе знаменитую австрийскую принцессу Сисси или талантливо, неординарно предупредить людей о страшных последствиях наркотической зависимости. Она редактирует журнал и устраивает выставки памяти величайшей актрисы Роми Шнайдер, где демонстрирует чудом добытые редкие фотографии звезды. Ее энергии хватает на все, вдохновение черпается всюду. И в последних работах МБД (такую подпись писательница ставит под своими произведениями) опять удастся приятно удивить читательскую аудиторию, с нетерпением ожидающую ее новых романов. Родившись и проживая во Франции, Дюпюи так сердечно описывает Канаду начала прошлого века, отдаленные уголки провинции Квебек, что возникает ощущение сопричастности ко всему происходящему на той земле.

Итак, перед вами продолжение саги Мари-Бернадетт Дюпюи «Сиротка» о девушке с чудесным голосом и нелегкой судьбой. Впрочем, одиночество, испытанное ею в детстве, с лихвой компенсируется впоследствии: во второй книге у Эрмин появляется все больше друзей и... родственников.

В доме Лоры Шарден царят покой и гармония: наконец-то рядом с ней дочь Эрмин и маленький внук с индейским именем Мукки. Кроме того, после пережитых невзгод женщине, кажется, вновь удастся обрести личное счастье в лице молодого музыканта Ханса Цале. Как в рождественской сказке, все вокруг засыпано снегом и наполнено уютными ароматами выпечки и хвои. Но счастью не суждено длиться вечно. Сначала внезапно пропадает малышка Шарлотта. Затем Эрмин, польщенная высокими оценками некоего импресарио, тайком от всех уезжает на прослушивание в Квебек — ей не терпится испытать себя на оперной сцене. Гложет ее сердце только одно: молодая женщина вынуждена лгать супругу, который

категорически против публичных выступлений женоушки. Но магический голос Эрмин способен исцелять и возносить своего слушателя к небесам — его нельзя запереть в клетку, пусть это и не клетка вовсе, а чудесная лесная хижина. К счастью или нет, но на этот раз Эрмин не удастся попасть в Квебек. Вместо этого она оказывается в санатории для неизлечимо больных людей, и именно там судьба ее делает еще один поворот. Причем новости коснутся не только «соловья». Ни Лора, в тепле потягивающая из тонкого фарфора бергамотовый чай, ни красавица индианка Тала, под открытым небом вдыхающая тонкие ароматы зимней земли, еще не знают, что в тот момент, когда сраженное бурей дерево упадет на железнодорожные пути, их жизни изменятся раз и навсегда. Одной из них предстоит встретиться с прошлым, которое казалось давно похороненным, другой — подарить миру надежду на светлое будущее... И обеим суждено пережить любовь.

Важные вопросы встают и перед Эрмин. Дар небес оборачивается для нее серьезным испытанием. Ведь непросто решить, что важнее: блестящее будущее оперной дивы или счастье с единственным мужчиной, пусть и самым лучшим на земле. Слава способна развратить ее, сделав совсем не той, которую так любит Тошан. Но не петь она не может. И потому в лабиринтах северного леса льется и льется «Ария с колокольчиками», да так, что замирает бродивший неподалеку лис и удивленно хлопает глазницами сова. Прислушаемся и мы...

От автора

По обыкновению, я не смогла расстаться со своими персонажами. История требовала продолжения, издатель был того же мнения, поэтому я с огромным удовольствием посредством магии творчества вернулась в Квебек, в окрестности озера Сен-Жан.

Эрмин и все, кто жил с ней рядом в поселке Валь-Жальбер, казалось, просили меня дать им еще немного времени, чтобы жить, мечтать, любить и даже страдать.

И вот я снова встретилась с Лорой, домоправительницей Мирей, метисом Тошаном, его матерью Талой, этой таинственной красавицей индианкой, и с другими персонажами романа, симпатичными и не очень.

Огромная радость — жонглировать судьбами, переплетать жизненные пути, описывать природу и завораживающий мир театра! Хочу заметить: в том, что касается эпизодов, связанных с миром сцены, я опиралась на факты, имевшие место в 1930 году.

Во второй книге я постаралась отдать должное местному квебекскому наречию, сочному и так похожему на французский, каким он был в годы не столь отдаленные. Мне было очень приятно найти слова и выражения, которые характеризуют эту великую страну снегов, куда я всегда возвращаюсь с радостью и приятным волнением.

Надеюсь, я справилась с задачей, которую сама перед собой поставила: сделать мою героиню, талантливую и прекрасную Эрмин, еще более привлекательной, сделать так, чтобы читателю было интересно пройти вместе с ней ее путь к счастью через внутреннюю борьбу и жертвы, которые не так-то легко принести. Но здесь я умолкаю и оставляю вас наедине с повествованием...

Мари-Бернадетт Дююю

Глава 1

Крики в ночи

Валь-Жальбер, 26 декабря 1932 года

Большие голубые глаза Эрмин открылись, но страх, который она только что испытала во сне, не ушел.

— Какой ужас! — вздрогнув, воскликнула она.

Окончательно проснувшись, молодая женщина запустила пальцы в свои густые белокурые волосы. И попыталась прогнать из памяти кошмарное видение: хрупкая фигурка в объятиях снежной бури, преследуемая грозными тенями — жестокими полулюдьми-полузверями. Внутренний голос подсказывал Эрмин, что речь идет о маленькой девочке.

Взгляд ее упал на Мукки, лежавшего на середине кровати. Мальчик, которому исполнилось три месяца и два дня, мирно спал. Но половина Тошана уже опустела. Это огорчило Эрмин: муж сумел бы ее утешить и даже истолковал бы сон. Рожденный от союза индианки из племени монтанье и золотоискателя с ирландскими корнями, Клеман Тошан Дельбо объединил в себе черты, свойственные представителям обеих культур. В свое время он принял крещение в католическом храме, однако духовные ценности его предков-монтанье не утратили для него значения. Поэтому он с большим вниманием относился к собственным снам.

— Он уже встал, — вздохнула Эрмин. — Интересно, который час?

На первом этаже большого дома послышались взволнованные голоса. Эрмин провела многие месяцы в куда более суровых условиях, поэтому не могла нарадоваться комфорту, окружавшему ее сейчас. Она узнала голос своей дорогой Мирей, домоправительницы, которую очень любила — громкоголосой, никогда не стеснявшейся сказать правду в глаза. Молодой женщине даже показалось, что она чувствует аромат свежесваренного кофе.

«Правду говорят, что зимой ночи тянутся бесконечно долго, — подумала она. — Тошан, наверное, решил пройтись. В доме по его меркам слишком тепло, да и спать на таких мягких перинах он не привык. Но вот мама точно еще не встала!»

Эрмин потянулась и снова посмотрела на сына. Жослин Дельбо, которого бабушка-индианка прозвала Мукки, имел золотистого оттенка

кожу и черные волосы. Это был упитанный спокойный младенец, уже балующий родителей очаровательными ангельскими улыбками.

«Как я счастлива! — подумала молодая женщина. — Тошан сделал мне чудесный рождественский подарок, привезя сюда, в Валь-Жальбер, где поет водопад. А встреча! Никогда не забуду, как радовалась мама, как крепко она меня обнимала!»

Втайне от всех сочетавшись браком в пустыни Лак-Бушетт, молодая чета поселилась в просторной хижине на берегу реки Перибонка, на много километров к северу от Валь-Жальбера. У них было вдоволь мехов и пищи, но скромное строение не могло сравниться с роскошным жилищем, построенным сюринтендантом Лапуантом в те дни, когда поселок процветал, а на его целлюлозной фабрике работали сотни квалифицированных рабочих^[1].

Много дней они провели в пути, пока, точно в канун Рождества, не добрались до дома Лоры Шарден, матери Эрмин. Однако даже это путешествие сквозь порывистый ветер и снег, ставшее возможным лишь благодаря выносливости и силе ездовых собак, не было лишено очарования.

Сонная, Эрмин закрыла глаза. Ей совсем не хотелось выбираться из похожей на уютное гнездышко постели. Она немного страшилась грядущего дня. Теперь, после радостной встречи и праздничного застолья, предстоял разговор с матерью.

«Я обязана рассказать ей, как умер отец, Жослин-старший. Я никогда его не увижу. Как жаль! А мама скоро выйдет за Ханса. Похоже, они друг от друга без ума».

Эрмин с головой ушла в думы о недавнем прошлом. Вспомнила, как Ханс Цале сопровождал ее в ресторане роскошного отеля «Château Roberval». Этот робкий тридцатилетний мужчина с датскими корнями был влюблен в нее, Эрмин, прежде чем поддался чарам Лоры.

«Тогда я не знала, что загадочная дама в черном, сидевшая в глубине зала, — моя мать. Слава богу, что память к ней вернулась и она решила меня найти. Теперь между нами нет тайн и обид. Она доказала мне свою любовь, и я надеюсь, что буду нежно любить ее и заботиться о ней еще многие годы. Все уладилось наилучшим образом. Я теперь не сирота, и я замужем за Тошаном. У меня тоже родился малыш, которого мы воспитаем вдвоем с мужем!»

Она добавила шепотом:

— Как бы мне хотелось жить в Валь-Жальбере! Родственники моего мужа очень хорошие люди, но я лучше чувствую себя здесь, в моем

поселке.

Словно ища объяснения своему желанию, Эрмин стала по очереди вспоминать тех, кого она любила, с кем жила рядом долгие годы: свою кормилицу Элизабет Маруа, милостивую тридцатишестилетнюю женщину, стройную, хорошо сложенную, с золотисто-каштановыми кудряшками; ее сыновей Армана и Эдмона и их младшую сестру по имени Мари. Очередь дошла и до Жозефа Маруа, который, несмотря на свойственную ему гневливость и тягу к выпивке, на самом деле был не так уж плох.

— Разве могу я забыть о моей дорогой Шарлотте! — прошептала молодая женщина растроганно. — Слава богу, благодаря маме и ее деньгам она снова может видеть! Говорят, счастье не в деньгах, и все-таки, когда они есть, стать счастливым намного легче.

Эрмин вздрогнула. Девочка из ее сна — это Шарлотта! Она не видела ее лица, но в глубине души точно это знала. Теперь ошибки быть не могло: на улице под окнами кто-то несколько раз прокричал имя девочки. Через мгновение к призывам присоединился колокольный звон.

«Колокол монастырской школы! — подумала Эрмин, и сердце ее быстро забило в тревоге. — Но ведь сейчас каникулы, и учительница уехала. Что могло случиться?»^[2]

Она потихоньку встала и надела красный шерстяной халат. Мукки не шевельнулся. Она осторожно переложила его в детскую кроватку, опасаясь, что сын, очень подвижный для своего возраста, может упасть с большой кровати.

«Бог мой, случилось что-то нехорошее!» — повторяла про себя Эрмин, спускаясь по лестнице.

В холле она увидела женский ареопаг: свою мать Лору, заплаканную Элизабет Маруа и Мирей. Щеки экономки покраснелись от волнения. Она посмотрела на Эрмин, но не нашла что сказать.

— Кто-нибудь скажет мне, что стряслось? — спросила молодая женщина. Все трое были взволнованы, и Эрмин встревожилась всерьез.

— Шарлотта пропала! — дрожащим голосом ответила Лора.

— А это все равно что умерла! — воскликнула Элизабет, схватившись за сердце. — Думаю, она убежала из дома вчера вечером. В такой холод, да еще в снегопад мало шансов найти ее живой.

— Что ты такое говоришь? — возмутилась Эрмин. — Ты что, с ума сошла, Бетти? И почему вы сразу меня не разбудили?

— Кормящим матерям нельзя волноваться, от этого пропадает молоко. Или его становится меньше, а это тоже никуда не годится, — заявила экономка, полная женщина с довольно коротко подстриженными седыми

волосами. — Мы решили тебя побережь.

— Который час? — спросила Эрмин, бросая встревоженный взгляд в сторону входной двери.

— Ровно семь! — отозвалась Элизабет. — Шарлотта взяла с собой кое-что из вещей, наверное, завязала в узелок. Я догадываюсь, почему она, бедняжка, решила уйти!

Лора нежно обняла Эрмин. Было очевидно, что женщина удручена случившимся. И все же в своем домашнем халате из розовой шерсти, подчеркивавшем молочную белизну ее кожи, она выглядела очень элегантно. Глаза у Лоры были такие же красивые, как у дочери, и тоже голубые. Шелковистые волосы, выкрашенные в платиновый блонд, Лора спрятала под розовой шапочкой в виде тюрбана. Несмотря на то, что в недалеком будущем мадам Шарден должно было исполниться сорок, ее часто принимали за старшую сестру собственной дочери, которой недавно минуло восемнадцать.

— Идем, выпьешь горячего кофе. Нам остается только ждать. Поиски уже начались, Тошан уехал первым. Я посоветовала ему съездить в сахароварню Маруа. Шарлотте там очень нравится.

— Нет, мам, я не хочу кофе. Я хочу понять! — отрезала молодая женщина. — Как случилось, что Тошан узнал о пропаже Шарлотты, а я даже не проснулась?

— Это потому, что слух у него намного тоньше твоего, — ответила дочери Лора. — Элизабет, не найдя поутру Шарлотты в кровати, сразу прибежала к нам. Мы все выскочили из постелей, как по пожарной тревоге. Сейчас Ханс собирает мужчин поселка.

Эрмин покачала головой. Ее внезапно охватило отчаяние. Происходящее показалось ей кошмаром. Снова ее сон оказался так близок к реальности... В прошлом с ней такое уже случалось.

— Но почему Шарлотта решила убежать? — воскликнула она. — Бетти, ты ведь обращаешься с ней как с родной дочкой, и зрение к ней вернулось! Еще вчера утром, когда мы ездили в Шамбор, она рассказывала мне, как радуется тому, что видит рождественскую елку и внутреннее убранство церкви. На мессе она сидела с вами, и я любовалась ее улыбающейся мордашкой! Если все хорошо, зачем ей убежать из дома?

Четыре женщины обменялись расстроенными, обескураженными взглядами. В канун Рождества Эрмин пела для тех немногих, кто еще жил в Валь-Жальбере. С тех пор как местную церковь снесли, жителям поселка приходилось посещать мессу в Шамборе^[3]. «Снежный соловей к нам вернулся!» — объявил кюре, приглашая Эрмин занять место у алтаря.

— Бетти! Что заставило Шарлотту убежать? — снова спросила молодая женщина у своей кормилицы. — Это из-за Жозефа? Он взялся за старое, я права?

Выпив, бывший рабочий становился вспыльчивым и жестоким, Эрмин сама немало от него натерпелась. В такие моменты Жозеф Маруа попрекал ее куском хлеба, съеденным в его доме. В свое время он так и не согласился ее удочерить. А с тех пор, как у девочки обнаружился талант певицы и голос исключительного тембра, он мечтал только об одном: заработать на ней как можно больше денег.

— Если уж по правде, вчера вечером Жо выпил бутылку карibu, но ведь был праздник! — начала Элизабет. — Я просила его лечь спать, а он завел разговор о Шарлотте. Ты же знаешь его, Мимин! Редкий скупердьяй! Стал говорить, что девочка обходится нам слишком дорого, что она отнимает кусок у Мари, и это еще только цветочки. С тех пор как у нас появилась собственная дочка, Жо постоянно жалеет о том, что взял Шарлотту в семью. А вчера он так раскричался, что я не знала, как его успокоить. А ведь Шарлотта не дурочка. Я уверена, она услышала, обиделась и решила уйти.

Лора, искренне расстроенная, пожала плечами и, обращаясь к остальным, сказала:

— Но почему она не пришла ко мне? Я ведь предлагала забрать ее, Элизабет! Было бы лучше, если бы вы вовремя сказали мне, что ваш супруг передумал удочерять девочку.

— Мы можем спорить целый день, но Шарлотту это не вернет! — сказала Эрмин. — Я сама пойду ее искать. Она могла спрятаться в любом заброшенном доме здесь, в поселке. Не надо сразу думать о худшем. Она не могла умереть, в это я не верю. После стольких испытаний и горестей!

И молодая женщина поспешила вверх по лестнице, в свою спальню. Взволнованная, Лора бросилась за дочкой.

— Эрмин, ты ведь это не серьезно? Тебе нельзя выходить надолго! В поселке достаточно крепких мужчин, они сами обыщут окрестности. Тошан уехал на упряжке. Он сказал, что на чутье его собак можно положиться.

— Мама, прошу тебя об одном — побудь с Мукки! В пять утра я его покормила, так что он не голоден и подождет меня немного. А если будет сильно плакать, дай ему воды с медом. Тала, моя свекровь, говорит, что груднички такую воду обожают. Оставляю сына на твое попечение.

На лице Лоры отразилась паника.

— Но, дорогая, это же сумасшествие! Умоляю, останься в доме со

мной! А вдруг ты сама потеряешься?

— Я не могу остаться, мама. Я очень привязана к Шарлотте, я люблю ее, как любила бы младшую сестру.

На сборы Эрмин хватило пары минут. Она надела плисовые штаны, две шерстяные кофты, а сверху — меховую курточку. Натянув рукавицы, она схватила шапку и увлекла мать на лестничную площадку.

— Не беспокойся так, я научилась выживать в лесу. И я возьму Шинука. Так будет быстрее.

Лора поняла, что спорить бесполезно. Они вместе спустились по лестнице. Элизабет и Мирей за это время, похоже, не шевельнулись.

— Кого ты оставила с малышкой, Бетти? Если хочешь подождать у нас, пока найдут Шарлотту, сходи за ней. Ты ведь тоже кормишь, и если Мукки будет плакать слишком сильно, покорми и его, пожалуйста.

— Так поступают только дикарки! — воскликнула экономка. — Ребенка нельзя передавать от одной кормилицы к другой! А ты, Эрмин, на кого похожа в этом наряде?

Элизабет тоже смотрела на молодую женщину с удивлением.

— Мирей права, — вздохнула она. — Хватит того, что на рождественской мессе все смотрели на твоего мужа! Ему нужно обрезать волосы и начать одеваться, как подобает доброму христианину.

— Самое время думать об этих глупостях! — зло заметила Эрмин. — Может статься, Шарлотта замерзает, а мы тут рассуждаем о том, как одевается Тошан! Вы что, считаете, я не видела, как на него смотрели в Шамборе? Но всем придется привыкнуть: у мужчины, которого я люблю, есть право показывать, что в его жилах течет и индейская кровь тоже!

Закончив эту гневную тираду, Эрмин вышла на улицу. Фонари бросали золотистые отсветы на сугробы, образовавшиеся за ночь вокруг деревьев и у стен монастырской школы. Молодая женщина быстро пошла по улице. Она с трудом переводила дыхание: по сравнению со вчерашним днем сильно похолодало.

«Господи, защити Шарлотту! Господи, верни ее мне!»

Не переставая взывать к Всевышнему, Эрмин подошла к крыльцу дома семьи Маруа. Она не собиралась заходить. И уж совсем ей не хотелось встречаться с Жозефом. Она прекрасно знала дом, поэтому обошла задний двор и проскользнула в постройку, служившую одновременно конюшней и хлевом. Шинук, красивый жеребец с белой полосой на морде, приветствовал ее радостным ржанием, а корова по кличке Эжени потянулась к ней тяжелой белой головой.

— Вы меня не забыли! — сказала Эрмин.

— Мимин! — послышался вдруг голос. — Ты что здесь делаешь?

В хлев вошел Арман. Шапку-ушанку он натянул до самых бровей. В руках у него были ведра с теплой водой.

— А ты? — спросила у него молодая женщина. — Я думала, ты тоже ушел искать Шарлотту. Ты ведь знаешь, что она пропала?

— Конечно, все знают. Папа решил поискать на старой фабрике, там полно укромных мест. Он же присматривает за динамо-машиной, фабрику он знает как свои пять пальцев!

Это был предмет семейной гордости. С восемнадцати лет Жозеф Маруа работал на целлюлозной фабрике, и даже после того, как она закрылась, его оставили присматривать за работой турбин, которые до сих пор обеспечивали дома электричеством. Жителей в поселке между тем осталось немного. Обитаемыми были всего несколько домов вдоль региональной дороги, но не могли же их жильцов оставить совсем без света!

— Ах вот оно что! — присвистнула молодая женщина. — Жо тоже решил поучаствовать, а ведь это из-за него Шарлотта убежала!

— Я об этом ничего не знаю. Вчера вечером я был у твоей матери, рубил дрова, — проворчал Арман.

— Я беру Шинука. Он подкован, не поскользнется.

Эрмин отвязала коня. Она была полностью уверена в его послушании, поэтому даже не потрудилась оседлать жеребца.

— Арман, Шарлотте у вас хорошо жилось? — спросила молодая женщина, устремив на подростка взгляд своих ясных глаз. — Скажи мне правду!

— Мне нет дела до десятилетней девчонки, Мимин! Других забот полно. Но мне казалось, ей нравится ухаживать за Мари. Маме это на руку, поэтому она часто оставляла нашу младшую на Шарлотту.

Во дворе, где толстый слой снега уже покрылся ледяной коркой, Эрмин вскочила на спину Шинука. Она оставила на нем недоуздок, с помощью которого и намеревалась править, как привыкла.

— Ты что, теперь носишь штаны? — удивился Арман.

Молодая женщина предпочла не отвечать. До недавнего времени ее круг общения ограничивался родственниками мужа, индейцами, и она успела забыть о том, что в Валь-Жальбере куда более строгие нравы. Она погладила коня по гриве, радуясь тому, какой он послушный.

— В путь, Шинук! Я хочу найти Шарлотту. И как можно скорее!

Эрмин направила коня вверх по улице Святого Георгия. Светало. Отовсюду доносились крики вышедших на поиски пропавшей девочки

мужчин. До рассвета оставались считанные минуты. «Шарлотта! Шарлотта!» — слышалось здесь и там. Какой-то мужчина помахал Эрмин рукой. Она узнала его — Филипп, работает где-то в окрестностях Шамбора. Вместе с женой и тремя детьми он остался в числе последних обитателей поселка, поскольку купил свой дом незадолго до закрытия целлюлозной фабрики.

— Вот так история! — сказал он. — Бедное дитя, мы не увидим ее живой.

— Еще как увидим! — с уверенностью заявила Эрмин. — Шарлотта совсем не глупая, она наверняка нашла себе надежное укрытие.

Она пустила коня рысью. Копыта с глухим стуком ударили по обледеневшему снегу. Скоро показались заброшенные строения фабрики. Жозеф Маруа как раз появился на пороге цеха корообдирщиков, в котором на протяжении многих лет рабочие следили за очисткой еловых стволов.

— Что слышно? — напряженным голосом спросила Эрмин.

— Ничего, — проворчал тот, пожимая плечами. — И кто тебе разрешил взять коня? Если он умрет, то по твоей вине!

— А если что-то случится с Шарлоттой, то только из-за вас! Бетти мне все рассказала о вчерашнем вечере.

К ее огромному удивлению, глаза Жозефа моментально наполнились слезами. Он всхлипнул.

— Думаешь, я не понимаю, Мимин? — сокрушенно проговорил он. — Хотя никто не заставлял девчонку подслушивать у двери. Ты же знаешь: выпью лишнего и давай нести всякий вздор! Я привязался к Шарлотте, она хорошая девочка. Кабы не деньги... Я до сих пор не могу купить себе автомобиль.

Эрмин посмотрела на рабочего. Он постарел. Черные волосы начали седеть, черты лица, на котором в молодости так часто появлялось надменное выражение, утратили четкость. Высокий и мускулистый, он стал понемногу горбиться.

— Жо, молитесь, чтобы она нашлась живой и невредимой! — бросила Эрмин. — В противном случае я больше не смогу с вами разговаривать. Ее отец знает, что девочка пропала?

— Конечно. Я посылал к нему Армана. Жюль Лапуант временами бывает в поселке.

— Он тоже виноват, но ему наплевать на собственного ребенка!

С этими словами Эрмин повернула коня. Жозеф Маруа, как и Лора, Элизабет и Мирей двадцать минут назад, подумал, что девочка, некогда такая тихая и ласковая, очень изменилась.

«Что ж, теперь она жена и мать к тому же, — подумал он. — Хотя это не дело — позволять себе разговаривать со старшими таким тоном...»

Что до Эрмин, то ее голову занимали вовсе не происшедшие с ней метаморфозы. Она думала только о том, куда могла отправиться Шарлотта. Выпавший ночью снег засыпал все следы.

«Думай! Куда она могла пойти? Где рассчитывала найти убежище?»

Все мысли Эрмин были только о ее маленькой подопечной. Годом ранее Шарлотта потеряла мать, Аглаю. Бедная женщина долго и тяжело болела, проводя большую часть времени в постели. Ее дочка почти ослепла, была плохо одета и голодна. Эрмин познакомилась с девочкой после прощального праздника, устроенного в монастырской школе по случаю отъезда сестер конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей в Шикутими. Монахини, ранее учительствовавшие в школе, прекратили преподавательскую деятельность, когда учеников стало слишком мало.

«Моя Шарлотта заблудилась на втором этаже, — вспомнила Эрмин. — Ее старший брат, этот обормот Онезим, забыл про нее. Малышка умирала от страха, а он в это время волочился за какой-то юбкой! Слава богу, что мне позволили позаботиться о ней, взяли ее в школу. А теперь она обрела зрение!»

Эрмин со всей очевидностью осознала: Шарлотта не из тех детей, кто легко совершает столь безрассудные поступки. Она была очень разумной девочкой, к тому же ее переполняла благодарность к Лоре.

«Значит, было еще что-то кроме слов Жозефа! Что-то, что ее напугало. В моем страшном сне ей грозила какая-то опасность. Господи, помоги мне! Сестра Магдалина, помоги!»

Впервые за много месяцев Эрмин вспомнила молодую и красивую монахиню, которая заменила ей мать в первые годы жизни. Сестра Магдалина, в миру носившая имя Анжелика, умерла во время ужасной эпидемии испанки, унесшей много жизней в окрестностях озера Сен-Жан, да и во всем мире.

Потерявшись в своих мыслях, молодая женщина вдруг заметила, что Шинук вынес ее за пределы поселка. Лошадь спокойным шагом направилась по обрамленной кленами и соснами тропинке, ведущей к каньону на реке Уиатшуан. Крик ворона заставил ее вздрогнуть.

— Нет, Шинук, не туда! — сказала она.

Но конь пустился рысью, словно был уверен, что выбрал правильную дорогу. Заинтригованная, Эрмин позволила ему идти, куда он хочет. На нее нахлынули воспоминания, дорогие ее душе.

«В разгар лета мы с Шарлоттой пошли к каньону. Она так радовалась,

что я посадила ее на Шинука! И сказала, что листья деревьев поют песню. Я описывала ей красоту окружающего мира, воду, перекачивающуюся через плоские камни и серебящуюся на солнце. Мы обе были так счастливы! И случилось так, что нам повстречался Тошан. Шарлотта сразу догадалась, что я влюблена в него. И это была правда, я уже тогда его любила».

Эрмин осмотрелась. Занимался день. Тучи расходились медленно, открывая фиалкового цвета небо. Розоватый свет омывал каждую деталь пейзажа, усыпанного чистым снегом. У Эрмин при виде окружавшей ее красоты сжалось сердце. Она позвала:

— Шарлотта! Умоляю, вернись!

Ее голос, чистый и сильный, нарушил тишину утра. Она позвала снова, с той уверенностью, которую ощущала, когда пела.

«А что, если Шарлотта и вправду пришла сюда, ведь нам было так хорошо здесь вдвоем, нет, втроем, с Тошаном, который брызгал на нее водой... Что, если она меня слышит, но боится отозваться?»

Ледяной ветер не поколебал ее решимости. Набрав в грудь побольше воздуха, Эрмин запела песню, любимую многими в Квебеке. Шарлотте она тоже очень нравилась — «У чистого ручья». Молодая женщина вложила в нее всю свою душу. Потом Эрмин запела очень сложную партию, которую разучила в свое время с Хансом Цале: «Арию с колокольчиками», самую известную из оперы «Лакме»^[4]. Хрустальный напев безукоризненной чистоты взлетел к небу. Когда же песня закончилась, Эрмин почувствовала, что по щекам ее катятся слезы.

«Я не пела так давно! — удивилась она. — Очень-очень давно».

Внезапно Шинук остановился. Ответом на мысли Эрмин стало недоуменное ржание. Впереди шевелились ветви дерева. Эрмин соскользнула на землю. Ей показалось, что у огромного ствола она видит какую-то фигурку.

— Шарлотта? Если это ты, дорогая, не бойся! Я так за тебя испугалась!

И тут она увидела бледное личико девочки. В больших карих глазах Шарлотты было отчаяние. Она выбралась из шалаша, который сумела для себя устроить.

— Эрмин! Прости меня! — сказала Шарлотта.

— Дай мне скорее тебя обнять! — воскликнула молодая женщина. — Спасибо, Господи, спасибо! Ты жива!

Она обняла девочку, отметив про себя, что надето на ней очень много. Судя по всему, Шарлотта позаботилась о том, чтобы не замерзнуть.

— Да на тебе сто одежек! — воскликнула Эрмин со слезами облегчения. — Две курточки с капюшоном, меховые рукавицы, три шарфа, шапочка!

— Это вещи Эдмона, я взяла их, пока он спал. Я поступила плохо, знаю, — сказала беглянка.

Восьмилетний сын Элизабет был выше и крупнее Шарлотты, хотя та была на два года старше.

— Куда ты собиралась идти? — спросила Эрмин, крепко прижимая девочку к себе.

— Сегодня к полудню я хотела дойти до Роберваля. У меня есть немного денег, чтобы купить билет на поезд. По субботам Бетти дает мне су, и твоя мама тоже.

Когда Эрмин окончательно убедилась, что Шарлотта цела и невредима, беспокойство уступило место изумлению:

— Радость моя, почему ты убежала из дома? Я была так счастлива снова тебя увидеть, радовалась, что на рождественские праздники мы будем вместе! Бетти решила, что ты услышала неприятные вещи, которые говорил Жозеф вчера вечером. Если дело в этом, то тебе нужно было поскорее бежать к моей матери. Мы бы сумели тебя утешить. А теперь тебя ищет весь поселок. Тошан на упряжке поехал к сахароварне Маруа.

— Прости меня, Мимин, но мне нужно уехать, — сказала Шарлотта, и личико ее погрузнело.

— Объяснишь мне все по дороге! — отрезала молодая женщина. — Нам пора возвращаться. Все о тебе беспокоятся. Ты, как обычно, поедешь на Шинуке.

Но девочка отшатнулась, высвободившись из ее объятий.

— Нет! Я не хочу! Жозеф решил отдать меня обратно моему отцу! — сказала она испуганно. — Он говорил, что мне придется вернуться и жить в нашем старом доме.

Эрмин подвела Шарлотту к лежащему на снегу бревну. Она села и устроила девочку у себя на коленях.

— Наверное, все дело в твоём отце. Он наверняка был бы рад, если бы ты, когда подрастешь немного, вернулась жить домой. Мне Жюль Лапуант всегда казался человеком серьезным.

— Мимин, я не хочу возвращаться домой! — воскликнула в отчаянии Шарлотта. — Я прихожу к отцу каждое воскресенье. И...

— И что? — мягко спросила Эрмин.

— Отец пьет еще больше, чем Жозеф. Когда он получает зарплату, то покупает каррибу.

Голос ее опустился до шепота, почти неслышного.

— Отец делает как ты: берет меня на колени, крепко обнимает. И говорит, что теперь я — его любимая женушка, раз мама умерла. В прошлое воскресенье он поцеловал меня в шею и чуть-чуть ниже. Я боюсь его, правда боюсь, Мимин!

Сердце молодой женщины забилося чаще. Однако ей удалось совладать с эмоциями, и она сказала ласково:

— Я понимаю тебя, мое солнышко! Больше ты к нему не пойдешь. Тебе нужно было прийти к нам с мамой. И рассказать обо всем Бетти. И тогда по воскресеньям ты бы оставалась у нее.

— Нет! Жозеф и Бетти говорят, что я обязательно должна навещать отца, потому что он моя настоящая семья. Сначала Онезим приходил по воскресеньям домой обедать, но потом перестал. Его жена, Иветта, ждет малыша.

— И поэтому ты решила убежать! Бедная моя крошка! Ты хорошо сделала, что рассказала мне все. Шарлотта, пообещай, что всегда станешь мне рассказывать обо всех своих беспокойствах. Ты мне как младшая сестричка, никто не причинит тебе зла!

Тело Эрмин сотрясала нервная дрожь. Она не забыла, какой страх ее охватывал, когда подвыпивший Жозеф вез ее домой из Роберваля в коляске. То же довелось испытать и Шарлотте. Жозеф становился слишком ласковым, обнимал чаще и крепче обычного. Симон, старший сын семейства Маруа, который теперь работает в Монреале, рассказал обо всем кюре, и служитель церкви вразумил Жозефа.

— Шарлотта, ты точно все мне рассказала? — поборов смущение, спросила Эрмин.

— Да, Мимин. Мне было очень страшно.

— Думаю, Бетти не отпустила бы тебя жить к отцу, но тебя можно понять. Господи, как же я счастлива, что ты снова со мной! Ты хоть что-нибудь ела?

— Я стащила кусок пирога и несколько печений. Это плохо, я знаю, но мне нужно было взять с собой что-то в дорогу.

Только теперь девочка осмелилась посмотреть на старшую подругу. В ее карих глазах читалось бесконечное доверие. Губки потрескались на морозе, нос покраснел, и все же она была очень хорошенькой.

— Моя чудесная Шарлотта! — нежно сказала молодая женщина. — Сегодня я с тобой не расстанусь. Ни на секунду!

— Мне бы хотелось, чтобы ты еще спела! Это было так здорово! Когда я тебя слышала, мне перехотелось садиться на поезд.

— Нам обеим очень повезло, — пошутила Эрмин, у которой снова навернулись слезы на глаза. — Куда ты собиралась ехать?

— В приют, который в Шикутими. Монахини всегда очень добры к маленьким девочкам.

— Ты права, сестры позаботились бы о тебе, но я, как бы я расстроилась! Бетти так причитала, будто ты уже умерла. Нам пора возвращаться в Валь-Жальбер, дорогая. Даже Жозеф тебя ищет. Он устыдился своих слов.

— Но я останусь с тобой? — взмолилась девочка.

— Разумеется, останешься!

* * *

Часом позже Шинук повернул на улицу Святого Георгия. Верхом на нем сидела Эрмин, прижимая к себе Шарлотту. Девочка держалась за конскую гриву. Возле дома семейства Маруа собралась небольшая толпа. Эрмин увидела Жозефа и Элизабет с сыновьями Арманом и Эдмоном, Ханса Цале, Жюля и Онезима Лапуантов, мэра, владельца отеля-ресторана, пару любопытствующих и нескольких жителей поселка с супругами, которые сгрудились вокруг Лоры. Послышались возгласы радости и облегчения.

— Где Тошан? — спросила Эрмин.

— Он еще не вернулся, — поспешила ответить Лора. — Слава Иисусу, ты ее нашла!

Молодая женщина кивнула в ответ. Шарлотта же застыла от ужаса, увидев в толпе лицо своего отца, все в красных прожилках.

— Шарлотта очень устала, — громко заявила Эрмин. — Я пообещала, что буду за ней ухаживать. Поэтому я забираю ее к нам в дом. Она не хочет ни с кем разговаривать. Арман, пойдем с нами, уведешь домой Шинука.

Приправленная нотками гнева уверенность в правильности своих действий, которой были проникнуты слова молодой женщины, вызвала всеобщее уважение. Ее белокурые волосы искрились на солнце, на щеках играл розовый румянец, а голубые глаза казались еще больше, чем обычно.

— Какая красавица! — заметил незнакомец в черном пальто и фетровой шляпе. — Мне кажется, я где-то ее уже видел.

Эти слова были адресованы старому тележнику Эзебу, зябко кутававшемуся в непромокаемый плащ.

— Ба, да ее все тут знают! — ответил он. — Это наш соловей,

найденых, которого сестры подобрали на пороге монастырской школы. Они научили девочку петь, и теперь она поет лучше ангелов небесных!

Незнакомец зажег сигарету. Прищурился, он взглядом хищника на охоте рассматривал Эрмин. Его одежда, горделивая осанка, легкий запах дорогого одеколора выдавали в нем представителя зажиточных слоев общества.

— Так, значит, это она пела в Шамборе, на рождественской мессе! Помнится, мне говорили, что девушка живет в Валь-Жальбере. Правда, довольно странно видеть ее в таком наряде.

И добавил сквозь сжатые, очень белые зубы, но уже по-английски:

— Я предлагаю соловьям золоченую клетку, чтобы они пели еще лучше!

Эзоб из сказанного не понял ни слова, и все же предпочел отодвинуться подальше от этого элегантного господина. Вокруг гудели голоса. Люди, собравшиеся на поиски девочки, и просто любопытствующие двинулись вслед за лошадью. В итоге через несколько минут все они оказались у дома Лоры.

Эрмин взбежала на крыльцо. Она услышала громкий крик сына. Мукки плакал, потому что был голоден.

— Объяснись хотя бы с господином Лапуантом, — успела шепнуть Лора на ухо дочери. — И с Маруа!

— Не сейчас! — ответила ей молодая женщина. — Мама, пусть подождут. Я покормлю малыша и расскажу тебе, что произошло. Шарлотта остается у нас, я ее никому не отдам.

Лора покорно кивнула и вернулась к ожидавшим ее жителям Валь-Жальбера. В поселке она, вдова богатого промышленника, пользовалась всеобщим уважением. Элизабет, прижимая к груди дочку, прошла мимо нее и скрылась в доме. Обеспокоенная Мирей с вопящим младенцем на руках наконец вздохнула с облегчением:

— Шарлотта, ну и поволновались же мы из-за тебя!

— Ну, признавайся, где ты пряталась? — строгим голосом спросила Элизабет.

— Пожалуйста, не надо повышать голос. Оставьте ее в покое! — отрезала Эрмин, прикладывая Мукки к груди. — Радость моя, садись со мной рядышком. И ни о чем не беспокойся.

Не успела она закончить фразу, как на улице послышались собачий лай и звон бубенчиков.

— Тошан вернулся! Ты слышишь, Шарлотта?

Дверь распахнулась. Высокий, крепкого сложения двадцатипятилетний

мужчина вошел в гостиную. На плече его танцевала черная коса, одет он был в куртку из волчьего меха. На его смуглом лице с правильными чертами читалась искренняя радость. Сказывалась смесь индейской и ирландской кровей — Тошан был потрясающе красив. Мягко ступая, он подошел к Эрмин и сидящей рядом с ней Шарлотте.

— Все встало на свои места, — глубоким теплым голосом сказал он.

В черных глазах отразилось удовлетворение. Эрмин кончиками пальцев погладила его по щеке. Она была уверена, что ее муж — самый красивый мужчина в мире.

— Все встанет на свои места до наступления вечера, — поправила она супруга.

Не выказав удивления, Тошан наклонился и поцеловал юную жену в полуобнаженную грудь. Мирей быстро отвернулась, Элизабет издала смущенное восклицание. Улыбка осталась только на обрамленном темными кудрями личике Шарлотты.

Тошан отошел и устроился в кресле у окна. Он успел заметить недовольную гримаску на лице тещи. Лора, как и Элизабет, сочла его поступок не совсем приличным. Мукки продолжал сосать материнскую грудь в полнейшей тишине. Однако у каждого, кто находился в эту минуту в гостиной, в голове бродили отнюдь не самые безмятежные мысли.

Тошан думал о том, сколько времени ему придется провести в Валь-Жальбере. Они с Эрмин еще не говорили об этом: с поспешным отъездом и трудностями путешествия им было не до этого.

«Спрошу у нее сегодня же вечером, — успокоил он себя. — Я знаю, ей хотелось бы оставаться здесь как можно дольше, но мне-то чем себя занимать? В пристройке полно дров, а в кухне — еды. Что ж, в худшем случае пойду поохочусь».

И он бросил мрачный взгляд за окно — белое пространство с редкими кленами, березами и елями. Он снял куртку и шерстяной жилет. В доме, по его меркам, было слишком жарко.

Лора, устроившись за инкрустированным столиком, делала вид, что листает журнал. Время от времени она с тревогой поглядывала на зятя, одежда, длинные волосы и манеры которого ее раздражали. В этой комнате с красивыми безделушками, мебелью из дорогого дерева с шелковой обивкой, светлого оттенка коврами он был явно не на своем месте.

«Этот юноша похож на зверя в клетке! — с сожалением подумала Лора. — На очень красивого зверя, этого я не стану отрицать. Но он никогда не привыкнет к комфортной монотонной жизни, которой мы здесь живем».

Несколько минут она любовалась милой картиной, которую являли собой Эрмин с младенцем, потом подавила вздох.

«Как бы мне хотелось, чтобы моя дорогая девочка и этот прекрасный малыш остались со мной! — сказала себе Лора. — Мне не суждено было стать матерью мальчика, но у меня есть право видеть, как растет мой внук Жослин. Да, для меня он Жослин, а не Мукки! Индейские имена меня смущают. О, вспоминаю, какое лицо было у моего зятя, когда вчера за ужином я назвала его Клеманом! Нет, сегодня же вечером я поговорю с Эрмин. Я хочу знать, что они планируют на будущее. Лишь бы только не уезжали!»

В голове Элизабет Маруа, сидевшей на краешке дивана, как если бы она чувствовала себя слишком неловко, чтобы устроиться поудобнее, тоже теснились вопросы. Мари, очаровательная шестимесячная малышка, спала у нее на руках.

«Как я рада, что моя крошка Мимин вернулась, — думала женщина. — Но как она изменилась! Хотя это и неудивительно, ей ведь пришлось жить в чаще леса с индейцами. Только бы она и вправду была обвенчана с этим Тошаном... Нет, с Клеманом. Лора очень просила меня называть его Клеманом. Даже не знаю, к чему приведет такой союз! Теперь, когда Эрмин стала мамой, она не сможет сделать карьеру певицы. Что до ее мужа... Как я поняла, он перебивался временной работой на лесопилках. Но ведь теперь, когда у него есть семья, он не сможет ездить по всему краю...»

Между бровей Элизабет залегла морщинка озабоченности. Внимание ее обратилось к Шарлотте. Девочка сидела, закрыв глаза и прижавшись к Эрмин.

«А Шарлотта? Какая муха ее укусила? В канун Рождества она подарила мне салфетку, на которой сама вышила: “*Моей дорогой Бетти*”. Я хорошо о ней забочусь. Но вот Жо... Он бывает таким упрямым!»

Эрмин, которая, как все полагали, была занята только своим малышом, тоже одолевала тревожные мысли. Признание Шарлотты глубоко ее взволновало. По ее мнению, большинство мужчин своим поведением время от времени заслуживали порицания, за исключением ее собственного супруга.

«Какой ужас! А ведь до кончины жены Жюль Лапуант был серьезным и порядочным человеком. Овдовев, он начал пить. Теперь я лучше понимаю нашего кюре, добрейшего отца Бордеро^[5]. Он часто увещевал работников фабрики не пить спиртного, говорил, что алкоголь — это открытая дверь для всех пороков. И не ошибался. Подумать только, что Шарлотта могла потеряться или даже умереть от холода! Почему, ну

почему она не пришла просить помощи у мамы?»

Тошан потер шею. Мирей, как раз накрывавшая на стол к завтраку, предложила ему горячего кофе. И у домоправительницы имелись свои соображения о происходящем.

«Мсье Клеман, конечно, красавец, и все же я бы предпочла, чтобы наша Эрмин вышла замуж за мсье Ханса. Они лучше подходят друг другу. Пианист и певица с прекрасным голосом — какая замечательная вышла бы пара! Тошан, нет, Клеман, не так образован, как мсье Ханс. И элегантности в нем ноль. Господи, эти черные волосы, эта коса! Но Эрмин его обожает. И с этим ничего не поделаешь. Готова поспорить, с годами она превратит его в джентльмена!»

Мирей удовлетворенно потрянула своим густым, аккуратно подстриженным каре. Кругленькая, маленькая, эта пятидесятивосьмилетняя женщина обладала даром располагать к себе любого. Тошан тоже относился к ней с большой симпатией. Время от времени он заходил в кухню и наблюдал, как Мирей управляет с кастрюлями и сковородками.

«Вы энергичная, проворная, и еда у вас выходит вкуснейшая!» — с довольным видом нахваливал он домоправительницу.

Мирей чувствовала себя польщенной. И если она позволяла себе отзываться о муже Эрмин неодобрительно, то только из опасения вызвать неудовольствие хозяйки. Лора была дамой весьма властной и требовательной, а Мирей дорожила своим местом.

— Мукки наелся! — объявила Эрмин. — Пойду поменяю ему пеленки и заодно сама переоденусь в нормальную одежду. Мои штаны совсем мокрые.

— Я с тобой! — воскликнул Тошан.

Шарлотта вздрогнула. Она успела задремать. Но стоило девочке понять, что она находится в бело-бежевой гостиной Лоры, как на ее лице появилась слабая улыбка.

— Мне показалось, что я все еще поддеревом! — сказала она сонным голосом.

— Нет, моя радость, ты в теплой комнате, с нами! — отозвалась Эрмин. — Мирей даст тебе молока с булочками. Бетти, Шарлотта сегодня останется со мной. Ночевать она тоже будет у нас.

— Почему? — удивилась Элизабет. — Она заслужила наказание, а ты ее балуешь.

Тошан успел подойти к жене, и она передала ему малыша.

— Я скоро приду, — шепнула она ему на ухо.

И знаком попросила Лору выйти вместе с ней в коридор.

— Мамочка, прошу тебя, скажи Бетти, но так, чтобы Шарлотта не слышала, что девочку нужно защищать от отца, Жюля Лапуанта. Я тебе все объясню.

Щеки Лоры порозовели от волнения.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросила она.

— Мама, он напивается и плохо себя ведет. Теперь ты понимаешь? У Шарлотты были серьезные основания для побега. Жозеф пригрозил, что ей придется вернуться жить к отцу, и она испугалась.

— Господи, это невозможно! — вздохнула Лора.

В молодые годы ей пришлось торговать своим телом, чтобы выжить, поэтому она не сочла нужным изображать непонимание.

— Бедная крошка! Теперь мне многое понятно, — сказала Лора. — Не волнуйся, Эрмин, я поговорю с Бетти.

Успокоенная, Эрмин поднялась в свою комнату, к Тошану. Он уже уложил сына на кровати и снимал с него пеленки.

— Наш Мукки такой маленький, а уже пытается танцевать! Только посмотри на него! — сказал он, смеясь.

— Прошу тебя, называй его Жослином, это доставляет маме столько удовольствия, — сказала Эрмин первое, что пришло в голову. — Это его христианское имя. На будущей неделе кюре в Шамборе его окрестит. Тебе придется привыкнуть звать его настоящим именем.

— А я, по-твоему, должен откликаться на имя Клеман? — помрачнев, спросил молодой отец. — Вы тут, в Валь-Жальбере, разводите слишком много церемоний.

— У нас есть более важные темы для разговора, Тошан! — сказала Эрмин, укладываясь рядом с сыном. — И мне совсем не хочется с тобой ссориться. Не сегодня. Ты выслушаешь меня?

Он кивнул, но на лице так и осталось обиженное выражение. В нескольких словах она рассказала ему, что заставило Шарлотту одеться потеплее и, прихватив пару печений, убежать из поселка. Тошан позабыл про свои обиды.

— Мне эта девочка нравится! — воскликнул он после недолгого молчания. — Она храбрая. Если никто не может ее защитить, нам придется забрать ее с собой, к моей матери. Тала будет счастлива поселить ее у себя.

— Это очень мило с твоей стороны, — сказала Эрмин, не осмеливаясь поднять на мужа глаза.

До этой минуты они не затрагивали тему, которая волновала умы обоих. Что они планируют делать в ближайшем будущем?

— Мы ведь совсем не готовы к отъезду, — наконец заговорила Эрмин негромко. — Мы только что приехали, и зима едва началась. Мы навестим Талу в начале лета.

— Навестим? — удивленно переспросил супруг. — Эрмин, мы вернемся туда, где наш дом. В начале лета, пусть так, хотя я спрашиваю себя, чем буду заниматься все это время. Работы здесь нет, мужчины ездят в Роберваль и в Шамбор. Твой поселок опустел. Пожалуй, мне это нравится, вот только я не могу сидеть сложа руки в доме твоей матери. Я привык зарабатывать на хлеб, или, по крайней мере, помогать. Этот мальчик, Арман Маруа, управляет по хозяйству, заготавливает дрова. А у меня нет возможности сделать хоть что-то полезное. Неужели ты думаешь, что я смогу просидеть в гостиной полгода, не ударяя палец о палец?

— По крайней мере, работать тебе не обязательно. Мама предложила нам свое гостеприимство. И Валь-Жальбер еще не опустел, в нем живет добрых пять десятков людей.

Эрмин погладила мужа по щеке, гладкой и смуглой. Он поймал ее пальчики и поцеловал их.

— Сходи покатайся на коньках за отелем, — пошутила она. — Каток остался на прежнем месте. Если помнишь, там я увидела тебя в первый раз. Это было тринадцатого марта 1929 года. Мне было четырнадцать лет, и я возвращалась от мадам Дунэ, дорогой Мелани. Она тоже уехала из поселка. Жаль! Теперь она живет у одного из сыновей, в Робервале.

Лицо Тошана посветлело. Он улыбнулся одной из тех улыбок, при виде которых молодая женщина теряла голову от любви.

— Завтра я запрягу собак и отвезу тебя к Мелани Дунэ. Ты меня с ней познакомишь. Она будет рада посмотреть на твоего мужа и сына.

Эрмин вздохнула с облегчением, поняв, что к нему вернулось хорошее настроение. Ее внимание переключилось на малыша. Она запеленала его в чистое и уложила в колыбельку, по всей вероятности, купленную Лорой в ожидании их возвращения.

— Я знаю, что тебе здесь скучно, — сказала она Тошану, — но я всем довольна. Прошу тебя, будь терпеливым. Я провела много месяцев в хижине, с твоей матерью. Теперь твоя очередь. Сходи на охоту, съезди за покупками для нас. У меня закончилась детская присыпка. Сегодня после обеда я могла бы отправиться в бакалейный магазин в Шамбор, но решила провести день с Шарлоттой и мамой. У меня в голове все перемешалось...

Тошан встал и подошел к кровати, чтобы нежно ее обнять. Он коснулся губами ее лба, потом расцеловал в щеки. Эрмин была такой красивой, такой милой...

— Ты мое сокровище! — сказал он, прижимая ее к себе. — Ты и Жослин, наш сын. Я буду стараться, обещаю. Со мной не всегда легко ладить, такой уж у меня характер. Прости меня!

— Мне не за что тебя прощать! Вот увидишь, мама примет тебя таким, какой ты есть. А пока — я очень проголодалась, просто волчий аппетит! Мне нужно поесть, чтобы появилось молоко для следующего кормления.

Молодая чета спустилась на первый этаж. Сидящая у камина Лора, похоже, ждала их. Тут же стоял, согревая у огня руки, Ханс Цале.

— Здравствуйте! — приветствовал он Эрмин и Тошана. — Я искал девочку, но вернулся, как только узнал, что вы, Эрмин, ее нашли. Благодаря вам мы избежали самого страшного.

— Где Элизабет? — спросила молодая женщина. — Мама, ты с ней поговорила?

— Да, конечно, — смущенно отозвалась Лора. — Мы обсудим это позже, дорогая. Иди скорее завтракать. Шарлотта в кухне, Мирей жарит для нее яичницу на сале. Она уже приготовила девочке комнату. Наша маленькая подопечная совсем выбилась из сил. Думаю, она целую ночь не смыкала глаз.

Эрмин не стала настаивать. Она поняла, что мать не хочет предавать огласке постыдное поведение Жюля Лапуанта. Разумеется, Ханс ничего об этом не знал.

«Бедная мамочка! — подумала молодая женщина. — Теперь, когда я приехала, ей, конечно же, хотелось бы, чтобы все было хорошо, но такого никто не мог предвидеть!»

Она посмотрела на мать и с огорчением отметила, что лицо у Лоры грустное. Те, кому доводилось увидеть их вместе, говорили, что мать и дочь удивительно похожи. Это сходство стало еще более явным, когда Лора, стремясь спрятать несколько седых прядей, покрасила волосы в очень светлый блонд. Она была на четыре сантиметра выше дочери и могла похвастаться такими же, как у Эрмин, ясными голубыми глазами. Черты их лиц были практически идентичными. Однако Эрмин унаследовала от отца более пухлые ярко-розовые губы и чуть более выпуклый лоб.

— Тошан собирается в Шамбор! — объявила молодая женщина. — Мамочка, может, тебе что-нибудь нужно? А завтра он отвезет меня в гости к мадам Дунэ. Это прекрасный повод съездить в Роберваль.

— У нас все есть, Мирей за этим следит. Но я бы попросила Клемана привезти мне медовых пастилок, у меня болит горло.

— С удовольствием, — отозвался зять с легкой иронией в голосе.

Про себя он подумал, надолго ли затянется эта война имен и прозвищ.

После насыщенного событиями утра и прошедшего в молчании завтрака Эрмин наконец смогла поговорить с матерью тет-а-тет. Шарлотту уложили спать, Мирей мыла посуду. Тошан с Хансом вместе уехали в Шамбор.

— Как тихо, — заметила Лора. — У тебя удивительно спокойный малыш. Он засыпает после каждого кормления и совсем не кричит.

— Зато уж когда он плачет, то его слышно в гостиной! — пошутила молодая женщина.

Они удобно устроились на обтянутом бархатом канapé с многочисленными подушками. Лора взяла дочь за руку.

— Дорогая, я так по тебе скучала! Для меня это была большая жертва — отпустить тебя с Клеманом прошлой зимой, почти год назад.

— Я тоже по тебе скучала, мамочка! — отозвалась Эрмин. — Особенно когда была беременна. Тала обращается со мной очень хорошо и заботится обо мне, но с тобой мне было бы спокойнее. Я выбрала не самую легкую жизнь, верно?

— Скажем, скорее ты выбрала не самого обычного мужа, — с улыбкой ответила Лора. — Он не похож на тех, с кем мы привыкли общаться. Мне бы хотелось, чтобы он не подчеркивал так свое индейское происхождение. Не обижайся, но ему нужно обрезать волосы.

Эрмин сама не заметила, как расстроилась.

— Мама, ты радушно приняла. Тошана, но не прошло и трех дней, как ты уже принялась его осуждать. Если так будет и дальше, мы не сможем остаться у тебя до лета. Тебе довелось увидеть его ребенком, ты знаешь, в каких условиях он рос. Тебе следовало бы проявить больше снисходительности.

Лора на мгновение закрыла глаза. Черноволосый мальчик на пороге хижины... На берегу реки Перибонки бушует страшная метель. Жослин, ее муж, просит приюта у отца Тошана, Анри Дельбо.

«Я мало что помню о том ужасном вечере. Я была в отчаянии, сгорала от жара. Жослин оставил Эрмин на пороге монастырской школы, чтобы не везти ее с собой на север. Милосердный Боже! Как я была несчастна!»

— Мне он нравится, Эрмин, — ответила Лора. — Но у меня такое впечатление, что он хочет нас разлучить. И, откровенно говоря, я немного тебя к нему ревную.

— Мама, ты ошибаешься! Тошан любит меня и никогда не сделает мне больно. Он понял, что мне очень нужно с тобой повидаться. Прошу, послушай меня, потому что мне нелегко об этом говорить. Но эта обязанность камнем лежит у меня на сердце. Когда я наконец тебе

расскажу, мне станет легче. Речь об отце, Жослине, вернее, о его смерти.

Лора мгновенно побледнела. Эрмин прижалась лбом к ее плечу.

— Тала, мать Тошана, рассказала мне все, что знает. Анри Дельбо нашел тело отца. Рядом валялось ружье — верный признак того, что он покончил жизнь самоубийством. Ты в это время была в обветшалой хижине, в которой вы с отцом нашли приют. Тала думает, что Жослин хотел убить тебя, а потом себя, потому что вы оба слишком страдали от холода и голода. Но у него не хватило смелости выстрелить в тебя. Поэтому он вышел из дома и застрелился. Я думаю, он так и не смог простить себе того, что убил мужчину, который тебя преследовал, что увлек тебя за собой в эту поездку, что оставил меня на произвол судьбы.

Пощадив чувства матери, Эрмин умолчала о том, что тело отца было почти полностью съедено волками.

«Мне не довелось узнать моего отца, но мама его очень любила. Господи, как она дрожит!»

И это была правда. Тело Лоры сотрясала нервная дрожь. Было видно, что она огорчена и взволнована.

— Бедный Жослин, — проговорила она изменившимся голосом. — Он так терзался угрызениями совести. Предпочел свести счеты с жизнью. Но ведь, поступая так, он и меня обрекал на смерть!

— Может, он надеялся, что скоро придет Анри Дельбо, — предположила Эрмин. — Мама, на самом деле он дал тебе шанс. Не плачь, умоляю! Я очень боялась этого момента, но нужно, чтобы ты знала. Это уже в прошлом. Теперь у тебя есть Ханс, который тебя любит и которого любишь ты.

Лора сделала нетерпеливый жест рукой. Глядя перед собой невидящим взором, она сказала со вздохом:

— Говорят, души самоубийц остаются на земле и не могут обрести мир и покой. Временами мне страшно думать о повторном браке. Что, если дух Жослина вернется и станет меня преследовать, упрекая в предательстве?

— Но ведь ты уже была замужем за Фрэнком Шарлебуа! И ничего страшного не случилось.

— Это совсем другой случай. Я вышла за Фрэнка, находясь в состоянии амнезии, и не была в него влюблена. Он ведь был намного старше меня. Он дал мне свое имя и прекрасно понимал, что после его смерти я унаследую его состояние. Я ни о чем не жалею, потому что эти деньги позволили мне сделать много добра.

— Мама, дух отца не станет тебя преследовать. Я уверена, папа был

справедливым, честным человеком. Анри Дельбо похоронил его как положено, прочел молитвы и установил крест на его могиле. Ничего не бойся!

Лора обняла дочь, наслаждаясь теплом ее тела, ее сияющей молодостью.

— Может быть, я не заслуживаю счастья, которое мне подарила судьба, дорогая, — сказала она. — Мне посчастливилось найти тебя, моего волшебного маленького соловья! Ты подарила мне прекрасного внука, и к тому же я, в моем возрасте, собираюсь выйти замуж!

Растроганная, Эрмин кивнула. Она не знала, что три месяца назад Ханс и Лора стали любовниками. Это известие шокировало бы ее, несмотря на то, что у самой Эрмин был довольно-таки мятежный нрав: она была воспитана монахинями конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей и с самого раннего возраста внимала нравоучениям Элизабет Маруа.

— Мама, прошу, не расстраивайся, — сказала она нежно. — Я много молилась о папе с тех пор, как узнала, что он умер. Он стал нашим ангелом-хранителем, я в этом уверена.

— Да услышит тебя Господь, — вздохнула Лора. — Давай поговорим о Шарлотте. Как нам быть? Элизабет, когда я ей сказала, была поражена. Думаю, она хотела бы, чтобы мы оставили девочку у себя насовсем. Ханс полагает, что это правильное решение. Но лучше, чтобы слухов было как можно меньше. Жюль Лапуант больше близко не подойдет к бедняжке, это я тебе обещаю.

— Тошан предложил взять ее с нами этим летом. Мама, нам нужно получить лучшее от тех месяцев, что мы проведем вместе. Когда потеплеет, я последую за своим мужем. Он никогда не согласится поселиться в Валь-Жальбере навсегда. Он гордый, и ему не по душе, что его кормят и дают кров, а он ничем не может за это отплатить.

— Представь себе, я тоже думаю о том, смогу ли всю жизнь прожить в Валь-Жальбере, — сказала Лора. — Мне нравятся эти места, этот уютный дом, но мне было бы лучше в Робервале. Там магазины, развлечения. В былые времена вид озера Сен-Жан меня успокаивал. По правде говоря, Ханс думает, что после свадьбы нам лучше переехать. Но я не стану продавать дом. Он останется тебе.

Эрмин обескураженно смотрела на мать.

— А я-то, глупая, думала, что ты никогда не уедешь из Валь-Жальбера! Значит, люди волнуются не зря. Скоро в поселке не останется ни одной живой души!

Лора хотела было ответить, но тут зазвенел колокольчик на входной

двери. Мирей вышла из кухни, разгладила фартук и поспешила открывать.

— Буян, который так стучит в дверь, разбудит нашу Шарлотту и малыша, — проворчала она, пересекая холл.

Мгновение спустя женщина оказалась нос к носу с господином, на редкость хорошо одетым. Он поприветствовал домоправительницу улыбкой и выбросил свою сигару. Последовал короткий разговор вполголоса. Через несколько секунд Мирей проводила его в гостиную.

— Мадам, мсье желает поговорить с вами и мадам Эрмин.

Гость протянул эконолке свои пальто и шляпу.

— Счастлив, что мне наконец удастся познакомиться с соловьем из Валь-Жальбера! — сказал он, кланяясь двум женщинам, которые встали с диванчика. — Позвольте представиться: Октав Дюплесси, импресарио. Вы, без сомнения, никогда не слышали этого термина, он пока используется в узких кругах. Я представляю интересы артистов и нахожусь в прекрасных отношениях с директором Капитолия в Квебеке. По счастливой случайности я услышал ваше пение в церкви в Шамборе, куда сопровождал престарелую тетушку. Мадемуазель, вы обладаете редчайшим даром.

Эрмин показалось, что она видит этого господина не впервые. И он не внушал ей доверия. Лора внимала ему с гораздо большей благосклонностью.

— Присаживайтесь, мсье! — сказала она. — Мирей, подай нам чаю!

Октав Дюплесси с удовольствием окинул взглядом гостиную.

— Сразу видно, что у хозяйки дома отменный вкус, — заявил он. — Но перейду к делу. Сегодня вечером я возвращаюсь в более населенные места. Мадемуазель, вы достойны того, чтобы петь на лучших сценах мира! И я готов предложить вам очень интересный контракт. Вас ждет слава!

— Не мадемуазель, а мадам, — поправила его Эрмин, которая смотрела на гостя по-прежнему враждебно. — Думаю, вы теряете время попусту, мсье. Я замужем, и у меня четырехмесячный сын. Отныне я пою только для него.

Каждое слово давалось ей с огромным трудом. Сегодня утром, когда она, сидя верхом на Шинуке, пела «Арию с колокольчиками» из оперы «Лакме», то почувствовала в сердце щемящую тоску. В глубине души Эрмин хотелось развивать свой талант, работать над голосом, потому что это был Божий дар, она не могла этого отрицать.

— Какая жалость! — ответил Дюплесси. — Очень, очень жаль!

— Но ведь вы могли бы рассказать нам об этом поподробнее, не так ли? — спросила Лора.

Эрмин хотелось уйти из гостиной, побыть со своим маленьким Мукки. Но, словно зачарованная, она осталась, чтобы слушать речи нежданного гостя.

Глава 2

Фальшивые ноты

Гостиная Лоры, в тот же день

Мирей постаралась, чтобы поднос с чайным прибором выглядел как можно лучше. Парадные серебряные ложки, китайский фарфор... Эрмин обожала этот сервиз с тончайшими чашками, украшенными изображением сада, в котором прогуливались женщины в кимоно. Создавалось впечатление, что основные цвета рисунка — темно-красный, черный и зеленый — оживали, стоило лишь налить в изысканную посуду золотистый горячий чай.

Домоправительница дважды убежала в кухню за угощением: блинчиками с кленовым сиропом и посыпанными сахарной пудрой оладьями.

— Нам ни за что столько не съесть! — воскликнула Лора. — Мсье Дюплесси решит, что мы обжоры!

— Мсье Ханс и мсье Клеман скоро вернутся. После долгой дороги на таком холоде они будут очень голодны.

— Я тоже успел проголодаться, — сказал гость. — Я думал, что смогу пообедать в Валь-Жальбере, но все торговые заведения закрыты. Этот поселок кажется мертвым, чтобы не сказать призрачным!

— А я помню его оживленным, густонаселенным, с домами, оснащенными по последнему слову техники! — возразила Эрмин. — У здешних жителей было чем гордиться: в каждом доме не меньше четырех комнат, с отоплением, и электричеством.

Энтузиазм молодой женщины вызвал у импресарио улыбку. На мгновение Лора испугалась, что дочь вспомнит и о туалетных комнатах с водоспуском — по меркам региона, неслыханное достижение прогресса. Поэтому она поторопилась добавить:

— Должна вам сказать, мсье, что целлюлозная компания построила для своих работников функциональные и очень удобные жилища. Если бы фабрика, которая давала работу сотням людей, не закрылась, Валь-Жальбер, я уверена, по-прежнему бы процветал. Но что привело вас в поселок-мираж, мсье?

Эрмин, погрузившаяся было в ностальгические воспоминания, кивком подтвердила свою заинтересованность в ответе на вопрос матери. Октав Дюплесси задумался.

— А если я скажу вам, что золотой голос мадемуазель... прошу прощения, мадам Эрмин привел меня в эти безлюдные места? Но я не поэт, и вы не живете посреди белой пустыни. И все-таки это правда. Я присутствовал на мессе в церкви Шамбора. Когда кюре заговорил о таланте «соловья из Валь-Жальбера», во мне, что неудивительно для человека моей профессии, проснулось любопытство. Это было настоящее чудо! Мадемуазель... простите, мадам, я все время путаюсь, потому что вы показались мне в тот вечер совсем юной; спели «*Ave Maria*», а потом этот превосходный гимн «*Adeste Fideles*»^[6], что позволило мне оценить силу вашего голоса и чистоту его тембра. Хрустальный, но без хрупкости. Я слышал немало лирических исполнителей, в том числе и в Европе, поэтому не мог вернуться в Квебек, не попытавшись узнать больше. Если бы вас услышал директор Капитолия, он бы, как и я, пришел в восторг. Вы просто обязаны, мадам — и я призываю в свидетели вашу мать — петь на большой сцене.

— В прошлом году мы планировали путешествие в Европу, — вступила в разговор Лора. — Предполагалось, что моя дочь пройдет прослушивание в нескольких театрах. Она брала уроки пения у моего жениха, пианиста Ханса Цале. Он тоже уверен, что у Эрмин прекрасное сопрано и перед ней открывается блестящее будущее.

Для Эрмин этот разговор стал настоящим мучением. Уговоры Октава Дюплесси растревожили душевную рану, которая мучила ее, хотя сама она практически не отдавала себе в этом отчета. Удручало ее и явное сожаление в тоне матери.

— Даже если у меня были отличные перспективы стать артисткой, я предпочла выйти замуж за мужчину, которого люблю больше всего на свете, — сказала молодая женщина. — Я сознательно и по собственной доброй воле отказалась от певческой карьеры. И решения не изменю. Мне нужно воспитывать ребенка.

Октав Дюплесси устремил на нее пронизательный, обвиняющий взгляд.

— Однако, глядя на вас, этого не скажешь, — сказал он, невесело улыбаясь.

— Чего не скажешь? — спросила Эрмин.

— Что вы довольны, своим жизненным выбором, — ответил импресарио. — Я допускаю, что вы выросли в этом поселке и любите эти

места, дикую природу, которая вас окружает. Сегодня утром я любовался вами, сидящей верхом на лошади. Силы небесные, мадам, вы очень красивы, и это еще одно преимущество. Не в обиду выдающимся певицам будет сказано, но большинство сопрано имеют очень внушительные фигуры, если вы понимаете, что я хочу сказать. И часто этим дамам доводится играть роли юных девушек, которые по задумке авторов должны быть очень хороши собой. Но тут уж ничего не поделаешь: в опере главное — это голос и артистический талант исполнителя. Поэтому роли получают сорокалетние примы, чья внешность, однако, диссонирует с персонажем. Но вы! Я представляю вас Маргаритой, юная прелесть которой очаровала доктора Фауста. С белокурыми косами — ведь у вас чудные волосы — и парика не потребует! Вы слышали «Фауста» Гуно^[7]?

Лоре пришлось признать, что она слышит об этом произведении впервые. Эрмин же неохотно кивнула.

— С Хансом Цале мы разучили арию Маргариты, в которой та умоляет ангелов помочь ей, поскольку она отказалась уступить власти Сатаны.

— Какая странная история! — воскликнула Лора.

— Ваше исполнение партии прекрасной Маргариты будет чрезвычайно убедительным, — сказал импресарио.

Со второго этажа донесся плач младенца, потом звук шагов — должно быть, Шарлотта поспешила в комнату к Мукки.

— Мсье, мне нужно подняться к сыну, — сказала Эрмин. — Он проголодался. Думаю, будущей зимой, в это же время, я снова приеду в Валь-Жальбер. Может быть, тогда я смогу подумать о поездке в Квебек, но только не сейчас. Я благодарю вас за похвалы, хотя, думаю, я их уже не заслуживаю. Вы, без сомнения, знаете, что голос — инструмент, который нужно ежедневно тренировать и улучшать. Я же пою очень редко, только для семьи и друзей. До свидания, мсье Дюплесси!

Молодая женщина вышла в коридор и стала стремительно подниматься по лестнице. Разочарованный, Октав Дюплесси встал. Не отрывая взгляда от Лоры, он взял свое пальто и шляпу.

— Мадам, я оставлю вам визитку. Тут мой адрес и номер телефона. Прошу вас, убедите дочь попробовать себя в качестве лирической исполнительницы. Она очень талантлива. Я надеялся, что услышу ее здесь, в вашем доме. Увы! Я потерпел неудачу.

На улице послышался шум — это вернулся Тошан, который возил Ханса Цале в Шамбор на собачьей упряжке. Лаяли собаки, слышался мужской смех. Лора проводила импресарио к входной двери, отметив про себя, что Октав Дюплесси — привлекательный сорокалетний мужчина и

говорит без квебекского акцента.

— Вы француз? — спросила она, пожимая ему руку.

— Да, мадам, парижанин. Но мне так понравился Квебек, что я решил здесь остаться. Не будете ли вы так любезны сообщить мне имя вашей дочери?

— Я окрестила ее именем Мари-Эрмин, но вот уже много лет все зовут ее просто Эрмин.

— Эрмин! Я не забуду это имя, оно встречается не часто.

Октав Дюплесси поклонился. В этот момент в дом вошел Ханс Цале и с недоумением воззрился на посетителя. Импресарио вышел, не удостоив пианиста взглядом. Лора прижалась к будущему супругу.

— О, если бы ты только знал, какая упрямица моя дочь! — воскликнула она.

— Лора, этот человек, который только что вышел, он мне не привиделся? Это же Дюплесси, крупная фигура в оперных кругах. Как он очутился здесь, в твоём доме? Я сто раз видел его фотографию в журналах.

— Ты его знаешь? — удивилась женщина. — Он хотел предложить Эрмин контракт, но она ответила категорическим отказом. Мы даже не стали обсуждать детали. Как жаль!

Оба на мгновение представили себя аплодирующими юной певице в одном из лучших залов мира. Ханс с сожалением вздохнул.

— Дюплесси в Валь-Жальбере! — сказал он, целуя Лоре руку. — Я решил было, что грежу наяву. Лора, дорогая, это поразительно!

— У меня есть его визитка. Ты должен поговорить с Эрмин. Ей нельзя из-за собственного упрямства упускать такой шанс. Ребенок не проблема, я смогу всюду ездить с ней и присматривать за малышом.

— Единственным камнем преткновения станет Тошан, вернее, Клеман! Я провел в его компании несколько прекрасных часов. Он умный парень и очень любит природу. Мы много говорили на разные темы, и я пришел к выводу, что для него Эрмин — прежде всего супруга, мать его ребенка. Он любит слушать, как она поет, и охотно это признает. Вот только для него вполне достаточно, если она станет петь в чаще леса и в церкви по воскресеньям.

— Тише! — сказала Лора. — Он идет!

Тошан обивал снег с ботинок о последнюю ступеньку крыльца. Эта его привычка приводила Лору в отчаяние. Входя в дом, он обычно не снимал обуви, а если и снимал, то ходил исключительно босиком.

— Добрый вечер! — сказал он, входя в дом. — Небо низкое, ветер дует с северо-востока, значит утром будет метель. Пойду скажу Эрмин, что

завтра мы в Роберваль поехать не сможем.

Лора молча кивнула. Тошан стал подниматься по лестнице, оставляя на каждой ступеньке мокрый след.

— Будь терпеливой, — вздохнул Ханс. — Если он любит Эрмин так сильно, как говорит, то, наверное, сможет понять, что ей нужно развивать свой дар.

— Сомневаюсь, — ответила на это Лора. — И это меня очень расстраивает, потому что Тошан мне нравится, правда. Они прекрасная пара и очень счастливы. Мое материнское сердце говорит, что я не должна расстраивать их упреками в том, что они не оправдали моих надежд. Пусть так и будет, я не хочу ссор под крышей этого дома. И я не стану писать и звонить мсье Дюплесси. Ханс, я все лучше узнаю мою дочь: с ней надо избегать прямой конфронтации. Идем, этим вечером я чувствую себя очень усталой.

В гостиной она улеглась на диван, обитый камчатной тканью. Ханс подложил ей под голову подушку.

— Сыграй мне что-нибудь, — попросила Лора.

— С удовольствием, дорогая.

Он сел и коснулся кончиками пальцев клавиш инструмента. В обычной обстановке Ханс Цале выглядел немного неловким, вероятно, причиной тому были его высокий рост и худоба, но стоило ему устроиться за фортепиано, как он расслаблялся и в его позе появлялось достоинство. Лоре нравилось наблюдать за ним в такие моменты. От отца-датчанина Ханс унаследовал вьющиеся, очень светлые волосы. Черты лица у него были ничем не примечательные, и все же мужчина вполне мог считаться симпатичным, особенно когда его украшала искренняя улыбка. Глаза Ханса из-за толстых линз очков смотрели ласково и были полны природной доброты.

— Сонату Брамса? — предложил он.

— На твое усмотрение. У меня на сердце всегда становится легко, когда я слушаю, как ты играешь.

До возвращения Эрмин пара провела множество приятнейших часов в этой изысканно обставленной гостиной. Они создали уютную и тихую вселенную, в которой чувствовали себя защищенными от всех напастей. Лора не была любительницей прогулок: прекрасные осенние пейзажи и гулкое пение реки Уиатшуан, водопадом спадающей к заброшенному поселку, оставляли ее равнодушной. Стоило выпасть первому снегу, как Лора начинала еще больше ценить свое роскошное жилище.

«На мою долю пришлось так много холода и страха, — думала она. —

Я голодала, замерзала, дрожала, услышав, как в ночной тьме воют волки. Теперь у меня есть все права быть счастливой, иметь все самое лучшее, красивое и дорогое».

И все же в этот вечер, слушая негромкие убаюкивающие звуки фортепиано, Лора, глаза которой были закрыты, вдруг ощутила приступ паники. На улице, расшатывая ставни, завывал ветер. Лора открыла глаза и посмотрела на окна. Мирей не задернула зеленые бархатные шторы.

— Ханс! — позвала она. — Ханс, прости, что прерываю тебя, но не мог бы ты задернуть шторы? Я замерзла.

На плечах у нее была кашемировая шаль, ноги укутаны шерстяным одеялом. В комнате пыхла печь.

— Одну минутку! — поспешил ответить Ханс.

Лора сдержала вздох. Их с Эрмин разговор о смерти Жослина взволновал ее. Им с первым мужем пришлось очень нелегко. Он спас ее от ужасной участи: чтобы не умереть с голоду, Лоре, молодой бельгийской эмигрантке, пришлось торговать собственным телом. Она оказалась во власти жестокого бессовестного человека. Жослин, честный бухгалтер и отпрыск очень набожной семьи, влюбившись в нее, пожертвовал всем. И даже совершил непреднамеренное убийство.

«Чтобы защитить меня и начать новую жизнь, он увез нас с Эрмин в леса. Господи, бедный Жослин! Я принесла ему несчастье. Возможно, он возненавидел меня за то, что с нами стало. Его родители так меня презирали, что не захотели даже познакомиться со мной. Если бы они только узнали, что он покончил жизнь самоубийством, без святого причастия...»

Ханс заиграл снова. Музыка вдруг показалась Лоре такой грустной, что она разрыдалась. Она не могла, не испытывая отчаяния, думать о трагической судьбе того, кого она так любила и... обрекла на смерть.

«Этим летом я поеду на его могилу! Эрмин будет довольна. В сравнении со мной моя дочь — ангел света, спустившийся на землю, чтобы нас утешить. Я буду терпеливее с Тошаном. И больше не буду сердить его, называя Клеманом».

Полная благих намерений, Лора вытерла щеки. Она убедила себя в том, что если будет еще добрее и снисходительнее к тем, кто ее окружает, то Жослин там, на небесах, сумеет ее простить и никогда не станет преследовать.

Валь-Жальбер, суббота, 21 января 1933 года

Пальцы Эрмин пробежали по клавиатуре фортепиано. В гостиной она была одна. Мысли ее перепархивали с предмета на предмет в такт мелодии, которую она наигрывала немного неумело, но без откровенной фальши.

«Прошел почти месяц с того дня, когда к нам приходил этот импресарио, Октав Дюплесси. Лучше бы я не рассказывала об этом Тошану, он так расстроился!»

Она закрыла глаза и стала вспоминать, как это было. Устроившись на кровати рядом с крошкой-сыном, молодая женщина передала мужу суть разговора между нею, Лорой и гостем. Тошан помрачнел.

«Тебе нет необходимости петь на сцене, где бы эта сцена ни находилась! — заявил он решительно. — Работать — это моя обязанность. Я как раз собирался тебе сказать, что нашел работу. На лесопилке, которая поставляет сырье на бумажную фабрику Ривербенда^[8], в регионе Альмы. Теперь твоей матери не придется нас содержать. Я буду жить возле фабрики, но по воскресеньям стану приезжать повидать вас с Мукки».

Эрмин возражала и плакала, но Тошан своего решения не изменил. В аргументах у молодой женщины недостатка не было: он будет редко видеть сына, а ей придется спать одной. Но это не помогло. Тошан испытывал такой дискомфорт, находясь с утра до вечера в четырех стенах, что ухватился за первую же возможность оказаться на свежем воздухе, в глубине леса. Он уехал, а Эрмин осталась в доме матери. Потекли безмятежные дни в обществе Лоры, Ханса и Шарлотты. Такое положение вещей весьма радовало домоправительницу: Мирей старалась изо всех сил, подавая изысканные обеды и ужины, восхитительного вкуса полдники. Лора часто приглашала Элизабет с детьми и учительницу разделить с ними трапезу. В уютном красивом доме царила атмосфера покоя и радости. На улице дул ледяной ветер и шел снег, но в доме слышалось успокаивающее пыхтение печей, носились упоительные ароматы готовящихся кушаний.

«Шарлотта так счастлива, что живет с нами! — подумала Эрмин. — Она расцвела и теперь всегда весела, часто смеется. И стала прекрасной нянюшкой для Мукки».

Но, несмотря на столь приятные мысли, молодая женщина с трудом сдерживала слезы. Она не могла запретить себе мечтать, взволнованная обещаниями славы, которыми так щедро сыпал импресарио в этой самой гостиной. Целый мир возник в ее мечтах благодаря соблазнительным речам Дюплесси: волшебный мир лучших театральных сцен с их яркими огнями! Прекрасный оркестр, готовый по первому мановению дирижерской палочки заиграть одну из знаменитых арий...

У Эрмин хватало воображения, чтобы представить себе кулисы, ложи,

яркие костюмы, расшитые цехинами и золотой тесьмой.

«Если бы мне пришлось играть роль Чио-Чио-сан, этой несчастной японки, брошенной возлюбленным-американцем, мне бы понадобился черный парик и соответствующий макияж. Какая я глупая, мне бы не дали эту роль, ведь у меня голубые глаза... Но, быть может, зрители не видят, какого цвета глаза у исполнительницы?»

В груди ее родился вздох сожаления. В доме было очень тихо. Малыш спал наверху. Лора, как обычно после полудня, тоже прилегла отдохнуть. Шарлотта, у которой теперь была собственная комната, открыла для себя удовольствие рисования. Была суббота, день, свободный от уроков. Девочка ходила в школу, где училась читать, поражая своими успехами учительницу, мадемуазель Лемэ^[9], серьезную, набожную и очень добрую девушку.

«Я не могу петь! Я растревожу весь дом, но мне так хочется! — сказала себе Эрмин. — Так хочется!»

Она бесшумно встала с табурета. Оделась потеплее, решив немного пройтись по улице. С темно-серого неба спадал тяжелый занавес из снега. Стволы деревьев и очертания домов тонули в обширном белом море. На расстоянии метра уже невозможно было что-либо разглядеть. Было довольно холодно, но Эрмин, выросшая в краю с суровыми зимами, к этому давно привыкла.

В розовой шерстяной шапочке, с повязанным вокруг шеи шарфом, обутая в высокие, подбитые мехом сапожки Эрмин скользнула под сень кленов, растущих у дома матери. Она пошла по расчищенной Арманом тропинке: по утопанному снегу шагать было намного легче. Молодой женщине хотелось уйти как можно дальше от жилых домов. Одолев порядка сотни метров, она остановилась. Желание петь было настолько велико, что причиняло боль. Осмотревшись и убедившись, что вокруг ни души, Эрмин запела полную надежды арию прекрасной Баттерфляй, ожидающей возвращения своего возлюбленного:

В ясный день желанный
Пройдет и наше горе,
Мы увидим в дали туманной
Дымок, вон там, на море.
Вот корабль, весь белый,
В порт входит плавно...

Она выучила ее сама, без помощи Ханса, хотя музыкант часто предлагал ей позаниматься, чтобы потренировать голосовые связки. Электрофон последней марки, купленный Лорой, стал для нее механическим учителем. Каждое утро Эрмин слушала записи оперных партий, упиваясь вокальным мастерством артисток, чьи имена она знала на память. Ее любимым композитором оставался Пуччини, автор «Тоски», «Богемы» и «Мадам Баттерфляй».

Эрмин отдалась эмоциям. Она достигла нот редчайшей силы, чистых, как хрусталь. Дрожащая, с закрытыми глазами, Эрмин представляла себя в огнях рампы, одетой в шелковое кимоно, поэтому, закончив арию, не удивилась бы, услышав бешеные овации восхищенной публики. Но все дело было в том, что кто-то на самом деле ей аплодировал!

Молодая женщина в растерянности огляделась. Никого. Только белое покрывало снега, густо сыплющиеся с неба снежинки, пушистые деревья...

— Кто здесь? — спросила она.

В тот момент, когда Эрмин уже решила, что стала жертвой галлюцинации, из-за ствола огромной сосны вышел мужчина на лыжах. На нем была толстая шерстяная куртка в шотландскую клетку, а волосы его прятались под меховой шапкой. Незванный слушатель подошел поближе.

— С каких это пор ты, Мимин, поешь серенады птицам? Или, может, ты так старалась ради волков?

Сперва она узнала насмешливый низкий голос, а потом и слегка надменное лицо.

— Симон? — удивилась Эрмин. — Симон, это правда ты?

— Конечно я! Приехал к родителям на несколько дней.

Юноша, старший из сыновей четы Маруа, внешне был копией своего отца, Жозефа, вот только улыбался намного чаще и был чуть выше ростом. Эрмин относилась к нему как к брату. Когда монахини стали искать кормилицу для малышки, найденной на пороге их монастырской школы, Элизабет как раз отняла от груди восемнадцатимесячного Симона. Мальчик сперва ревновал, но быстро привязался к белокурой голубоглазой Эрмин.

— Симон! А я отправила тебе поздравительную открытку в Монреаль! У тебя отпуск?

— Да. И, как видишь, я решил устроить себе пешую прогулку. Мне очень хотелось повидать маму и братьев. Эдмон сильно вырос. И Арман тоже.

— Арман уже совсем взрослый парень! Он работает у мамы вместо Селестена, того противного типа, которого она уволила.

Они смотрели друг на друга — оба взволнованные, радостные.

Последний раз они виделись полтора года назад, в конце лета 1930 года. Благодаря помощи Лоры Симону удалось уехать на работу в Монреаль. Она дала ему рекомендательное письмо к старшему мастеру принадлежавшего ей завода.

— Ты до сих пор не выбрал себе невесту? — шутливо спросила Эрмин. — А может, приехал, чтобы объявить родителям о скорой помолвке?

Симон, весьма видный юноша, имел успех у девушек. Однако, услышав вопрос Эрмин, он только досадливо поморщился:

— Никаких невест нет и в помине! У меня совсем мало времени на развлечения. Проводишь меня, Мимин?

Он по-братски взял ее за руку. Эрмин вспомнила, как упорствовал Жозеф в своем желании их поженить, чем огорчал Элизабет, считавшую, что союз супругов должен строиться на любви, а не на дружбе.

— Ты отличный парень, Симон! — сказала молодая женщина. — Я очень, очень рада тебя видеть!

Симон расхохотался. Рядом с ней он чувствовал себя так, словно вернулся в детство. Вспомнились их с Эрмин совместные прогулки по снегу на лыжах, их ссоры, игры.

— А ты вышла замуж и стала мамой! — сказал он весело. — Я получил фотографию твоего сына. Давно не видел таких толстых щечек! Я завидую тебе, Эрмин, ты все-таки вышла за своего Тошана, за того, кого любишь. Я обязательно с ним познакомлюсь. Вы здесь с Рождества?

— Да. Приходи к нам на кофе! Завтра воскресенье, Тошан будет дома. Он не хочет обременять мою мать, поэтому нашел себе работу.

— Я его понимаю! — отрезал Симон. — В этой жизни нужно иметь чувство собственного достоинства! Думаю, мы с ним станем добрыми друзьями.

— Добрыми друзьями... — повторила Эрмин. — Я не слышала этого выражения сто лет! Так всегда говорили в Валь-Жальбере, но теперь жителей здесь осталось совсем мало. А мама, Ханс и Мирей не знают ни слова из нашего местного говора.

Так, болтая обо всем на свете, они подошли к дому Лоры. Входная дверь тотчас же отворилась, и показалась Мирей с закутанной шарфом головой.

— Эрмин, куда ты запропастилась? — зачастила она. — Ребенок уже десять минут плачет от голода! Мы никак не можем его успокоить!

— Иди скорее! Я отсюда слышу крик твоего малыша, — с улыбкой сказал Симон. — Голос у него неслабый! А ты, должен сказать, поешь все

так же здорово. В Монреале я читал все афиши, надеялся увидеть твоё имя. Песня, которую ты сейчас пела в лесу, просто великолепна!

— Спасибо! Приходи завтра к нам на обед вместе с Бетти и мальчиками. Я спою для вас. Этого мне никто не может запретить...

Последние слова Эрмин произнесла так тихо, что Симон не заметил в её голосе горьких ноток. Он поцеловал её в щеку и направился к монастырской школе, а оттуда — к дому родителей на улице Святого Георгия.

«Бетти, конечно, очень рада, что Симон приехал. Она так по нему скучает», — подумала молодая женщина.

Она уже вошла в дом и сняла сапожки и шубку. Дом наполнился гневным плачем Мукки. Навстречу Эрмин выбежала Шарлотта.

— Поторопись, он так плачет, что стал весь красный! — сообщила она.

Лора пыталась укачать вздрагивающего всем телом младенца, чьё маленькое личико сморщилось в приступе инстинктивного гнева. Эрмин заметила, что щеки матери мокры от слез.

— Что случилось, мама? — удивленно спросила она.

— Мне стало страшно! Что, если бы он задохнулся, надрываясь от крика? Если ты собираешься завести привычку уходить из дома без предупреждения, приучи сына сосать из бутылочки.

Немного обиженная словами матери, Эрмин расстегнула корсаж и приложила малыша к груди. Тотчас же воцарилась полнейшая тишина.

— Это странно! — сказала Эрмин. — Он должен был бы ещё спать. Что-то его разбудило. Прости меня, мамочка, мне просто захотелось немного прогуляться по лесу. Я не подумала, что ты будешь волноваться.

— Сейчас я расстраиваюсь из-за каждой мелочи, — согласно кивнула Лора. — Я почувствовала себя совершенно беспомощной, глядя на нашу плачущую крошку! Шарлотта хотела укачать Жослина, но я его не отдала.

Эрмин промолчала, но про себя подумала, что девочке, скорее всего, удалось бы успокоить младенца.

— Мама, Симон приехал. Мы встретились в лесу, я как раз пела. Для этого я и вышла. Не хотела вас беспокоить.

Лора с обидой посмотрела на дочь.

— Ты сможешь петь, сколько захочешь, если подпишешь контракт с мсье Дюплесси. Ситуация становится гротескной, Эрмин! Господь наделил тебя уникальным даром! Если так пойдет и дальше, твой голос понадобится тебе только для того, чтобы созывать детей к столу, стоя на пороге хижины, затерянной в чаще леса! Я не заговаривала об этом раньше, потому что не хотела тебя расстраивать, однако Тошан не имеет права

портить тебе жизнь!

— Но он ее совсем не портит! — возразила молодая женщина.

— Ну-ну! Для начала, зачем ему понадобилась работа, которая заставляет его жить вдалеке от тебя и Мукки? Он мог бы заняться чем-то полезным и здесь.

Эрмин поморщилась, отметив про себя, что мать назвала ее малыша Мукки, а не Жослин. С некоторых пор Лора перестала произносить вслух имя бывшего супруга.

— Что с тобой, мама? — воскликнула молодая женщина. — За последние пару недель ты сильно переменялась. Говори что угодно, только не обвиняй Тошана в том, что он мешает мне петь. На первых порах ты относилась к нему очень хорошо, но теперь мне кажется, что ты терпеть не можешь моего мужа!

Лора молча вышла из комнаты. В коридоре она разрыдалась. Женщина тщательно скрывала от дочери истинную причину своих терзаний.

«Я не могу рассказать Эрмин, что со мной происходит! — испуганно думала она, спускаясь по лестнице. — Оказавшись в объятиях Ханса, я думаю о Жослине, мне кажется, что он смотрит на нас с небес. И теперь я жалею, что мальчика назвали его именем. Если кто-то произносит его вслух, меня оторопь берет. Господи, а ведь я так радовалась предстоящей свадьбе с Хансом, радовалась, что приехали Эрмин с Тошаном! А теперь все пошло кувырком! Думаю, мне бы стало легче, если бы я куда-нибудь уехала, хотя бы на время. Этим летом мы поедем в Квебек, чего бы это ни стоило. Мне нужно развлечься, посмотреть на людей».

Ханс читал в гостиной. Он нежно посмотрел на Лору, когда та вошла в комнату.

— Почему ты плачешь? — спросил он. — Поссорилась с Эрмин?

— Я засыпала ее глупыми упреками, — призналась Лора. Подойдя к печке, она стала греть ладони, потирая их друг о друга. — Думаю, мне просто надоела зима. Мы все время вынуждены сидеть в доме, окруженные снегом и холодом.

— Совсем недавно тебе это нравилось...

Лора кивнула. Внезапно она почувствовала, что присутствие Ханса ей неприятно. Официально он жил в ее доме на правах гостя и друга семьи, но пятьдесят оставшихся в Валь-Жальбере жителей с некоторых пор находили столь продолжительное его пребывание здесь неприличным.

— Думаю, я чувствую себя дискомфортно потому, что мы перестали быть в доме одни, Ханс, — сказала она тихо. — Ты больше не спишь рядом, и мне снятся кошмары. Но Эрмин не сможет этого понять. Она была

бы шокирована, узнав, что мы спим вместе.

Услышанное удивило пианиста. Он закрыл журнал, который листал, и поправил очки. Ханс чувствовал себя польщенным, и, кроме того, слова Лоры его растрогали.

— Значит, тебе так меня не хватает? — едва слышно спросил он, поглаживая ее по щеке. — Для меня тоже очень мучительно просыпаться и видеть, что тебя нет рядом. Но сегодня я приду к тебе, несмотря ни на что.

— Приходится прятаться, как будто мы делаем что-то плохое, — пожаловалась Лора. — Нам нужно поскорее пожениться, этой же весной!

— Конечно, дорогая! Я с тобой полностью согласен.

Воскресенье, 22 января 1933 года

Стоя у кухонного окна, Эрмин смотрела на проложенную Арманом Маруа дорожку в снегу, надеясь увидеть Тошана. Пятнадцатилетний мальчик с усердием исполнял обязанности «фактотума»^[10], как любила говорить Лора. Прежде эту работу делал Селестен, уволенный за то, что стакнулся с Жозефом Маруа. Укачивая на руках сына, молодая женщина вполуха слушала разглагольствования домоправительницы.

— Элизабет и этот ворчун Жозеф вполне могут снова заговорить с мадам о своем сыне, — сказала Мирей, помешивая в кастрюле сливочный соус. — Арман легко справляется с работой, которая по силам взрослому мужчине. Но он еще не взрослый, поэтому мадам не нанимает его по-настоящему, а его родители считают, что он слишком мало получает. Я же полагаю, мадам Лора и так чересчур добра к нему. Она купила этому сорванцу набор инструментов. Признай, Эрмин, он ведь сорванец!

— Я бы сказала, что он не слишком изменился, — ответила та. — Арман всегда был рассеянным, плохо учился в школе. Что он действительно любит — так это мастерить и разбираться, как устроены механические приборы. Видела бы ты, сколько всего мальчик отыскал в окрестностях фабрики! Он ходит туда тайком, с котомкой, и собирает болты и гвозди. Но по своей природе он хороший парень.

— Тебя послушать, все люди — добрые и хорошие, — вздохнула Мирей. — А я тебе скажу, что мадам не сможет всю жизнь обеспечивать этого парня работой. А уж какой он лакомка! Если бы я за ним не присматривала, он бы давно съел все запасы в кладовке.

Разговор был, в принципе, ни о чем, однако он отвлекал Эрмин от ее единственной заботы: Тошан не вернулся в дом тещи вчера вечером. Хотя

раньше ему не могли помешать ни снегопад, ни холод, ни метель. Он считал, что просто обязан провести выходной день с семьей.

«А я попросила маму устроить праздничный обед, чтобы Симон мог познакомиться с моим мужем, — печально подумала Эрмин. — Но где же он, мой муж? Я так ждала его вчера вечером! Мукки спал всю ночь, и было бы столько времени для нас двоих!»

Она успела соскучиться по поцелуям и ласкам Тошана. Молодая женщина с нетерпением ждала его, ждала нежных объятий, предварявших неистовое взаимное наслаждение.

— Он мог бы прислать телеграмму! — сказала она вполголоса.

— Твой красавец индеец? — не упустила случая подразнить ее Мирей. — Скоро полдень, стол накрыт, вот-вот все вернутся из церкви. В такую погоду наверняка было бы приятно съездить в Шамбор!

На улице ярко светило солнце, и его ослепляющие лучи превращали пейзаж в сверкающую феерию. После недели снегопадов соскучившиеся по чистому небу прихожане поселка, в котором теперь не было собственной церкви, отправились к мессе в ближайший муниципалитет.

— Не расстраивайся так, Эрмин! Тошан придет точно к обеду, вот посмотришь!

— И почти сразу станет собираться назад! — пожаловалась молодая женщина. — Нет, Мирей, он не придет. Мукки улыбается, как ангелочек, а его отцу нет до этого никакого дела. А ведь мог бы подумать о сыне!

Домоправительница попробовала соус на вкус. Удовлетворенно прищелкнув языком, она подошла и погладила малыша по щечке.

— В такой уж стране мы живем, моя крошка, — сказала она с улыбкой. — Мужчинам приходится без конца странствовать по лесам.

— С Тошаном могло случиться несчастье, — сказала Эрмин. — Я всегда о нем беспокоюсь, люди в городе часто нарочно заводят ссоры с метисами.

Мирей как раз искала подходящие слова, когда с крыльца до них донесся мужской голос. Эрмин услышала лай собак. Передав ребенка домоправительнице, она бросилась в холл.

— Тошан! — воскликнула она при виде своего молодого супруга. — Господи, я так боялась за тебя!

Она прижалась к нему, но муж не сомкнул объятий. Эрмин сама обняла его, разочарованная такой встречей. Сердце молодой женщины сжалось. Тошан издал едва слышный стон.

— Что с тобой, Тошан? Ты поранился?

— Да, болит плечо. Я позже объясню. А пока пойду помоюсь. Где

Мукки?

Тон его был серьезным, в нем слышался упрек. Эрмин не смогла сдержать раздражения.

— Я-то не бросила твоего сына! — сказала она сквозь зубы. — Я каждый день по многу раз кормлю его, меняю ему пеленки, баюкаю. Или ты хочешь, чтобы я постоянно носила его за спиной, как индианка? Я отдала его Мирей, чтобы тебя встретить. А ты не слишком торопился повидать своего ребенка, иначе бы приехал еще вчера вечером!

Она с трудом сдерживала слезы разочарования. Тошан смотрел на жену с недоумением.

— За младенцами ухаживают женщины, это не мужское дело, — отрезал он. — И хорошая мать ни на секунду не оставляет своего малыша!

— И это говоришь ты, ты! — с угрозой воскликнула молодая женщина, а потом разразилась рыданиями. — Приезжаешь весь всклокоченный, раненый, в измазанных грязью штанах, и единственное, о чем ты думаешь — это как бы меня отчитать! Я хорошая мать, я всем пожертвовала ради тебя и нашего сына!

Тошан покачал головой и пошел вверх по лестнице. В холл бесшумно вошла Мирей.

— Бери малыша и иди наверх, помирись с мужем! — шепнула она на ухо молодой женщине. — У него случилось что-то серьезное. Выгляни в окно, он не распряг собак.

Эрмин по-настоящему испугалась. По приезде Тошан всегда отводил своих собак в обустроенный специально для этих целей сарай, кормил и заботился о них.

— Значит, он собирается сразу уехать! — воскликнула молодая женщина. Мирей посмотрела на нее с сочувствием. — Я ему помешаю, я не дам ему этого сделать!

Прижимая к груди спящего Мукки, она бросилась вверх по лестнице. Раздетого до пояса Тошана она нашла в ванной комнате. На левом плече у него зиял глубокий порез.

— Что случилось? — спросила Эрмин. — Скажи, ты побудешь с нами сегодня? Почему ты оставил сани и собак у крыльца?

Ребенок у нее на руках проснулся и недовольно заплакал.

— Дай ему грудь, потом поговорим! — бросил Тошан.

Он промыл рану медицинским спиртом и наложил повязку.

— Твой сын кушал двадцать минут назад, — сказала Эрмин. Она стала баюкать малыша, и тот быстро заснул снова. Молодая женщина поспешила уложить его в кровать и вернулась к мужу.

— Я помогу тебе с перевязкой, — предложила она, смягчившись. — Не сердись на меня, просто я очень волновалась. Я думала, мы проведем зиму вдвоем, в тепле. А тебя никогда нет дома!

— Вчера вечером у меня выкрали собак! Я остановился выпить кофе в одном из кафе в Робервальском порту. Я слышал рычание своих собак, но подумал, что они, как обычно, дерутся забавы ради. А когда вышел, то увидел сани без упряжки. Целую ночь я их искал!

Все это было сказано весьма сухим тоном.

— И ты их нашел?

— Конечно, иначе на чем бы я приехал? Ворами оказались парни с гидроэлектростанции в Исль-Малине, что недалеко от Альмы.

— Но зачем они это сделали? Хотели продать твоих собак?

— Нет. Они хотели помешать мне выиграть пари!

Заинтригованная, Эрмин помогла мужу надеть чистую рубашку. Она не забыла, что скоро все соберутся на семейный обед, почетным гостем на котором должен стать Симон.

— Какое пари? Тошан, скажи мне правду!

— В четверг я выпил с ними по маленькой. У каждого из них тоже есть сани и упряжка. Они предложили устроить гонку: из Роберваля через озеро Сен-Жан доехать до Перибонки без остановок. Выиграет тот, кто вернется первым. Расстояние равно приблизительно восемнадцати английским милям. Я поставил на собственную победу двадцать долларов. Я знаю Дюка, моего жоака, он побивает все рекорды. Гонка назначена на завтра, понедельник, мы все отпросились с работы. Мой патрон тоже сделал свою ставку.

Эрмин с недоумением, к которому примешивались разочарование и печаль, смотрела на мужа.

— Завтра у тебя выходной и ты не останешься со мной и Мукки?

— Я с вами сегодня! На что тебе жаловаться? Ты же не собираешься приковать меня к себе цепью?

Тошан выглядел совершенно сбитым с толку, и, похоже, не понимал, почему она расстроилась. У Эрмин появилось странное чувство, будто она его не узнает. За этого ли отстраненного, надменного, даже дерзкого мужчину, который решил доказать кому-то свое превосходство, даже не спросив ее мнения, она в свое время вышла замуж?

— Двадцать долларов — огромные деньги! — сказала молодая женщина, стараясь подавить подступившие к горлу рыдания. — И это ведь очень опасно!

— Ты прекрасно понимаешь, что нет! В это время года лед толстый.

Не трать времени на пустые разговоры, я все равно буду участвовать в гонке. Речь идет о моей чести.

— Ты меня больше не любишь! — сказала Эрмин, присаживаясь на кровать. — Ты изменился, а раньше был таким заботливым и ласковым! Ты даже не посмотрел на нашего сына, а я ведь связала для него новую кофточку и штанишки. Мне здесь больше нечем занять себя, кроме как вязанием!

— Я всегда думал, что женщинам нравится проводить время в доме, у очага. Если тебе скучно, шей одежду для нашего сына. Летом она ему понадобится.

Тошан пригладил волосы и собрал их на затылке. Эрмин все так же плакала. Муж не сказал ни слова в свое оправдание, когда она заявила, что он ее разлюбил.

— Значит, наша история любви закончилась? — с рыданием спросила она.

— Эрмин! Не говори глупостей! Я женился на тебе, потому что любил тебя. Ты — моя жена и останешься ею до моей смерти. Конечно, я тебя люблю! — сказал он.

Она выглядела такой жалкой с покрасневшими веками и дрожащими губами, что он встал перед ней на колени и взял в свои большие теплые ладони ее лицо.

— Девочка моя! Я-то был уверен, что ты счастлива, живя с матерью, Бетти и Шарлоттой! Тала не жалуется, когда я ухожу из дома на многие месяцы. У нее остаются родственники — сестры, племянницы!

— Я вышла замуж, чтобы жить со своим мужем! — ответила на это Эрмин. — Но, похоже, мне это вряд ли удастся.

Она бросилась к нему на шею. Пальцы Тошана, лаская, пробежали по спине супруги, потом коснулись ее налитых молоком грудей, все такой же тонкой талии.

— На тебе очень красивое платье, — заметил он. — Может, чересчур облегающее... Под ним угадывается твое тело.

— Оно из ангорской шерсти, — сказала Эрмин. — Мама его больше не носит. В нем тепло, и цвет мне к лицу.

Он поцеловал одну из ее округлых грудей, обтянутых белым вязаным полотном.

— Это платье цвета снега, — пробормотал он. — Что, если мы полежим немного под одеялом?

— Сейчас? Уже пора спускаться к обеду. Я только что слышала голос мамы, они уже вернулись. Я пригласила к нам Симона, старшего из

сыновей Маруа. Он очень хочет с тобой познакомиться. Мирей все утро готовила. На обед она подаст куриное фрикасе под белым соусом с картошкой и гороховый суп со сливками. А на десерт — пудинг с изюмом.

— Я, конечно, голоден, но охотнее всего начал бы с тебя! — не сдавался Тошан, осыпая легкими поцелуями ее шею.

— Позже, когда приляжем отдохнуть после обеда! — пообещала она, успокоенная, радостная оттого, что он рядом. — Но скажи мне, как ты умудрился пораниться? Или тебя ударили ножом? Те парни, которые украли твоих собак, они были пьяны? Расскажи мне все!

— Черт бы их побрал! Это была всего лишь гадкая шутка. Они спрятали моих псов в ангаре. Я поранился не в драке, а по дороге обратно в Валь-Жальбер. Я слишком торопился. Решил срезать путь, и, когда ехал через лес, ветка вспорола мне плечо через куртку. Но это ничего. А собак я не распряг, потому что спешил увидеть тебя. Пойду отпущу их, а уже потом сяду за стол.

«Потому что спешил увидеть тебя!» Волна счастья накрыла Эрмин, на душе у нее стало легко и радостно. Она почти жалела о том, что устроила званый обед, потому что из-за него они не могли остаться наедине прямо сейчас. Супруги обменялись долгим страстным поцелуем — обещанием любовной схватки, в которой они, задыхающиеся и дрожащие от желания, сойдутся, вне всякого сомнения, еще задолго до наступления ночи.

* * *

За обеденным столом царило оживление. Все присутствующие пребывали в прекрасном расположении духа. Тошан и Симон сразу прониклись друг к другу симпатией. Разделявшая их разница в пять лет не мешала им шутить на одни и те же темы. Они с удовольствием сравнивали свои нынешние занятия и посмеивались над начальниками.

Ханс с улыбкой внимал их диалогу, отдавая должное своей порции куриного фрикасе. Лора ела без аппетита, но старалась быть как можно внимательнее к старшему сыну Бетти и Жозефа. Симон был неплохо воспитанным, приятным во всех отношениях юношей, к тому же он привез ей новости из Монреаля, от управляющего заводом, и не упустил случая еще раз поблагодарить за то, что получил работу в таком хорошем месте.

— Я кое-что откладываю, и это благодаря вам, мадам Лора. Я рад, что Арман тоже подрабатывает. С вашей стороны это очень великодушно — взять его к себе на службу.

Эрмин лучилась радостью. Сидя между матерью и мужем, она наслаждалась теплой семейной атмосферой. Тошан своими поцелуями развеял ее гнев и страхи. Она любовалась великолепной посудой с золотыми каемками, хрустальными бокалами, блюдами, наполненными аппетитной едой. Эмоции, отражавшиеся на личике Шарлотты, которая смотрела на все с таким восхищением, приводили Эрмин в восторг.

«Я заблуждалась, считая, что хочу стать певицей, — подумала молодая женщина. — Как только Тошан оказывается со мной рядом и я могу наслаждаться заботой о сыне, вдоволь болтать с Шарлоттой и мамой, — мое счастье становится полным. Что я стала бы делать в Квебеке или где-нибудь еще, вдалеке от моего поселка? Я предпочитаю жизнь честной и преданной супруги. Это такое наслаждение — прижимать к груди младенца...»

Она представила себя окруженной малышами: Мукки, темноволосый и неумолимый, ласковая белокурая девочка, еще один мальчик, и еще одна девочка... Она будет петь, но для них, для ангелочков, которых пошлет ей небо.

«Как не устает повторять Бетти, дети — вот истинное богатство, — подумалось Эрмин. — Если Октав Дюплесси снова приедет к нам, я так ему и отвечу! Скажу, что желаю только одного — быть мамой и с любовью заботиться о своих детях, по субботам печь им сладости, а остальную неделю шить!»

Восклицание будущего отца этой многочисленной семьи вернуло ее к реальности. Тошан как раз рассказывал Симону о предстоящей гонке и о том, как у него украли упряжку.

— И ты им поверил, этим парням? — прыснул со смеху Симон. — Что кража собак — это шутка? Я думаю, они хотели вставить палки тебе в колеса, то бишь помешать. Они лихие ребята, это мое мнение!

— Может, и так, но у меня собаки лучше, чем у них, — отозвался Тошан. — И они это знают.

— Тошан, вы всерьез собираетесь участвовать в этой гонке? — вмешалась в разговор Лора. — Но ведь это, по меньшей мере, неосмотрительно!

— Такие пари заключались и выигрывались и до меня, — возразил Тошан. — Лед сейчас крепкий. Если я выиграю, то получу пятьдесят долларов.

— Только что ты говорил о двадцати, — удивилась Эрмин. — Двадцать — уже много! Но пятьдесят... Ты хорошо подумал? Это же без малого твоя заработная плата за месяц! И если ты проиграешь, тебе

придется отдать им эти деньги! У тебя они есть?

— Я не проиграю! — с уверенностью в собственных силах заявил Тошан. — Если бы это было не так, я бы не спорил.

— Даже будь я склонен к авантюрам — не стал бы так рисковать! — прокомментировал услышанное Ханс Цале, по натуре человек весьма экономный.

Эрмин подавила вздох. Ей тоже не нравилась эта идея с гонками через озеро, но она не хотела ссориться с мужем, а потому промолчала. Симон же, наоборот, преисполнился энтузиазма. Юная копия Жозефа Маруа, своего отца, только куда более жизнерадостный, он заглянул своими ореховыми глазами в черные очи Тошана.

— Я приду на это посмотреть! — объявил он. — И поставлю на тебя, зять! Я смело могу называть тебя зятем, потому что Мимин мне как сестра. И твою жену возьму с собой, чтобы она смогла присутствовать при старте. Запряжем Шинука и поедем. Ты согласна, Мимин? Прогулка пойдет тебе на пользу!

— Тогда возьмем с собой и Мукки! — согласилась Эрмин, обрадованная этим предложением. — Если будет солнечная погода, я поеду с удовольствием!

— Если так, то мы тоже поедем! — добавила Лора. — Может, даже в автомобиле.

— Снег хорошо утоптан, и, если аккуратно вести машину, проблем не будет, — заверил ее Симон.

Мирей принесла десерт. С характерной для нее непосредственностью экономка вступила в разговор, отрывки из которого улавливала, когда время от времени входила в комнату с блюдом или столовыми приборами.

— Ничего особенного вы, мадам, да и ты, Эрмин, там не увидите: разве что полдюжины сорвиголов, несущихся по озеру и кричащих на своих собак. Бедные звери, ведь бежать-то сломя голову приходится им! Я родилась в Тадуссаке, и, скажу я вам, мой отец не изнурял понапрасну своих собак. Когда лед становился крепким, он охотился на тюленей. Я была шестым ребенком в семье и с четырнадцати лет служила в большой гостинице, в которой могли поселиться за раз три сотни человек^[11]. Уже в то время в наши края приезжали туристы.

Мирей могла без усталости рассказывать о своем детстве, проведенном в Тадуссаке, одном из старейших поселений Квебека. Лора, Ханс и Эрмин не раз слышали о красотах залива, в котором еще в шестнадцатом веке по приказу короля Франции Генриха IV основали одну из крупнейших в

стране факторий^[12].

— Может, поедешь с нами, Мирей? — предложила Лора. — Ты почти не выходишь из своей кухни!

— Господь мне свидетель, мадам, но зимой любой прогулке я предпочту посиделки у печки, и не важно, солнечный день за окном или пасмурный.

Домоправительница вышла. Шарлотта подмигнула Эрмин, и молодая женщина дружески подмигнула в ответ.

— Пока мы будем в городе, Мирей приготовит для нас прекрасный ужин! — сказала Эрмин.

Симон с Тошаном продолжали обсуждать предстоящую гонку. В ожидании кофе Ханс сел за фортепиано. Лора коснулась плеча дочери.

— Дорогая, может, споешь нам что-нибудь? — попросила она. — Симон не слышал твоего рождественского выступления. Ты так хорошо поешь эту арию из «Лакме»! Тошану она тоже понравится, ведь это история об индусах, которые живут в лесу.

— Ты говоришь о «*Dov'è l'Indiana bruna*»? Нет, мама, я не могу. Ноты слишком высокие, у меня разболится горло, я ведь уже много дней не репетировала. И потом, Мукки может проснуться. А он так хорошо спит...

Раньше она никогда не отказывалась петь под таким предлогом. Лора с удивлением взглянула на дочь, потом перевела взгляд на стоящую на диване ивовую, овальной формы корзинку, застеленную цветастой тканью, в которой спал ее внук.

— Малыш засыпает, когда ты поешь, и голос твой в полном порядке, — обиженно возразила Лора. — Скажи лучше, что ты отказываешься пользоваться тем, что другие называют Божьим даром, уникальным и драгоценным!

— Прости, мама, но сегодня я не хочу петь ни арию из «Лакме», ни что-либо другое!

И молодая женщина отвернулась от матери, сделав вид, что с увлечением слушает Тошана, который объяснял, как в свое время дрессировал Дюка, вожака собак. Лора со слезами на глазах подошла к сидевшему за фортепиано Хансу.

— Какое грустное у тебя лицо, — констатировал тот. — А ведь обед прошел прекрасно. Что случилось?

— Я перестала понимать собственную дочь! Она только что отказалась спеть арию из «Лакме».

— Не суди ее слишком строго, — ответил на это музыкант. — Партия очень трудная, нужно брать высокие ноты. Лора, дорогая, не порти себе

воскресенье. Эрмин счастлива своим материнством, супружеством. Ей всего восемнадцать! Когда она отнимет ребенка от груди, то изменит свое мнение.

Ханс замолчал. Мирей ввела в гостиную Элизабет Маруа, приглашенную на кофе. Их добрая подруга и соседка несла на руках маленькую дочь Мари в красивой шерстяной шапочке. Восемилетний Эдмон вбежал в гостиную следом за матерью.

— Пострел, ты не вытер как следует подошвы о коврик! — проворчала домоправительница. — А я-то оставила тебе такой большой кусок пудинга!

Элизабет рассыпалась в извинениях. Хорошая хозяйка, она понимала и разделяла недовольство Мирей.

— Эд слишком торопился повидать Шарлотту! — смущенно добавила она в качестве оправдания.

Эрмин улыбкой успокоила ту, которая заботилась о ней столько лет. Они все так же с полуслова понимали друг друга и питали друг к другу самые теплые чувства, тем более что и интересы у них были общие — у обеих на руках по младенцу.

— Здравствуй, Мимин! Я, признаться, всю ночь не сомкнула глаз! У Мари прорезался зубик, и она все время плачет. Засыпает, только если я беру ее на руки.

— У нее уже режутся зубки! — восхитилась Эрмин. — А ведь ей нет еще и шести месяцев! Бедная моя Бетти, у тебя и правда круги под глазами, ты выглядишь усталой!

— У всех моих детей рано режутся зубы, тебе ли этого не знать! Ты в свое время протирала десны Эдмону сиропом мальвы^[13], который делали монахини. Как было хорошо, когда они жили рядом с нами!

Так, болтая, они прошли в столовую. Симон встал, чтобы помочь матери устроиться за столом.

— Мама, садись скорее! Моя маленькая сестричка наконец уgomонилась? Я мечтал на нее посмотреть, но в мою первую ночь здесь она все время плакала. Говорю вам, у нее голосок не хуже, чем у Мимин! Папа будет на седьмом небе от счастья, ведь у него вырастет собственная Ла Болджж^[14]!

Все собравшиеся засмеялись. Представить себе крошку Мари, розовощекую и пухленькую, в роли популярной певицы со слегка скандальной репутацией — что может быть забавнее? Симон, гордый своим успехом, продолжал:

— Ну, может, не такой, как у Мимин, тут я хватил лишнего! Ни у кого

нет такого чистого тембра, такого сильного голоса! Представьте, вчера подхожу я к поселку и вдруг слышу прекрасное пение. Сперва я решил, что это, наверное, поет какая-нибудь лесная фея, а оказалось — Эрмин. Я никогда не слышал таких высоких, чистых нот. Ты сказала, что это из «Мадам Баттерфляй», да, Мимин? Когда она ждет корабль? Она ведь японка?

Симон не сразу заметил, что Эрмин смутилась, а Лора поджала губы в молчаливом возмущении. Он только хотел показать, что тоже равнодушен к хорошей музыке.

— Это ария «В ясный день желанный», — проговорила своим звонким голоском Шарлотта.

— И ее исполняют только самые лучшие сопрано мира, — не без умысла заметил Ханс Цале.

— Разумеется, лучшие! — вздохнула Лора и встала. — Мне нехорошо, пойду прилягу.

Быстрым шагом она покинула комнату. Эрмин, покраснев, обдумывала ситуацию. Своей ложью она обидела мать.

— Я сболтнул лишнее? — обеспокоенно спросил Симон.

Ханс стал торопливо разливать кофе. Элизабет, которая поняла, что случилось недоразумение, не решалась ни о чем спрашивать.

— Ты ни при чем! — отрезал Тошан. — Идем, покажу тебе собак! Когда получу выигрыш, куплю себе еще две!

Молодые люди вышли, даже не притронувшись к своим чашкам. Эдмон собрался было увязаться за ними, но Шарлотта предложила ему поиграть «в лошадки», одну из самых любимых малышами игр. Дети вернулись в гостиную, и Эрмин оказалась в обществе Ханса и Элизабет.

— Мне показалось, Лора обиделась, — сказала последняя тихо. — Может быть, мы с детьми пришли некстати? Хотя нас пригласили именно на это время...

— Нет, Бетти, это я во всем виновата, — успокоила подругу молодая женщина. — Я отказалась петь, когда мама меня попросила; это было десять минут назад. Я нашла глупые предлоги. Симон не мог этого знать!

— Это не очень деликатно с твоей стороны, — сказал пианист. — У тебя есть свои причины так поступать, но ты лишаешь нас огромного удовольствия. Если бы ты знала, какое это счастье и наслаждение — слушать тебя, ты бы устыдилась так себя вести. И подумала бы еще раз, прежде чем отказываться от карьеры оперной певицы.

— Ханс, мне неприятно это говорить, но мои планы вас не касаются! — отозвалась Эрмин гневно. — В последние дни я много об этом

думала и сделала свой выбор. Я хочу растить сына и родить еще детей. И если мне всю жизнь придется прожить в хижине в лесу, так и будет!

— Это мудрые слова, Мимин, — одобительно сказала Элизабет. — Став матерью и женой, пора поставить крест на детских мечтах. Но ты всегда сможешь петь на мессе, радуя и себя, и окружающих.

Ханс Цале помрачнел и нахмурился, что было ему не свойственно.

— Это все равно что получить в подарок редчайший бриллиант и запереть его на многие годы в шкаф, где он станет лежать, не принося никому ни пользы, ни радости, — не удержался он от замечания. — Глупость, настоящая глупость! Прошу прощения, я поднимусь к Лоре. Она наверняка плачет.

И он, коротко поклонившись, вышел. Мукки тихонько залепетал в своей корзине.

— Какой твой сын спокойный, — поторопилась сказать Элизабет, чтобы сменить тему разговора.

— Да. Он сосет грудь, потом спит, и так без конца. А когда проснется, улыбается мне!

— Посмотри, Мари тоже решила выспаться как следует! Пока я у вас, она ни разу не проснулась!

И они заговорили о детских одежках и пеленках, сравнивая рост и вес своих малышей. Эрмин была как никогда словоохотлива. Если уж она решила отказаться от мыслей о карьере, значит, так тому и быть. Успокоенная присутствием своей Бетти, она без конца болтала о снадобьях, которыми можно пользоваться самых маленьких, рассказала, какие имена выбрала для своих будущих детей. Все было в полном порядке, по крайней мере, Эрмин хотелось так думать. У мужа до весны была работа. Завтра он примет участие в гонках, потому что желание доказать свое превосходство заложено в мужской природе. Она была готова ждать его неделями и больше ни в чем не упрекать. И вдруг Элизабет сказала:

— Знаешь, Мимин, по-моему, все-таки жаль, что ты не хочешь стать певицей. У тебя талант, и ты такая красивая... Только не сердись на меня! Просто я подумала, что когда-нибудь ты можешь пожалеть, что пожертвовала своим голосом.

— Бетти, я не хочу потерять Тошана! — с уверенностью сказала Эрмин. — Я слишком сильно его люблю. Чтобы быть певицей, мне нужно жить в Квебеке, много путешествовать. Тошан не поедет со мной.

— Я понимаю тебя, Мимин, — ответила Элизабет, послушная супруга.

Ощувив умиротворение, Эрмин наклонилась и поцеловала сына. Она искренне полагала, что приняла верное решение. И все же слезы

покатились из ее голубых глаз.

Элизабет Маруа сделала вид, что ничего не заметила.

Глава 3

Прекрасная зима

Роберваль, понедельник, 23 января 1933 года

Погода была чудесной. Огромные снежные просторы искрились в ярком солнечном свете. По дороге из Валь-Жальбера в Роберваль Эрмин любовалась природой, позабыв на время о неприятном напряжении, установившемся между ней и матерью. Лора дулась на дочь со вчерашнего вечера, но все-таки не переменяла своего решения присутствовать при старте гонки. Ханс повез ее в Роберваль на автомобиле, в то время как Эрмин с Шарлоттой устроились в санях, запряженных Шинуком, а Симон, как в былые времена, с удовольствием взял в руки поводья. Юноша не стал рисковать с повозкой, поскольку состояние дороги значительно ухудшилось по сравнению с той порой, когда Валь-Жальбер был густо населен.

«Какая красота!» — с восхищением думала Эрмин, глядя на скованную льдом гладь озера Сен-Жан. Тепло одетые детишки катались на коньках у берега, в нескольких десятках метров от набережной. Шарлотта сказала, что ей тоже очень хотелось бы научиться.

— Тошан тебя научит! — заверила девочку Эрмин. — В нашу первую встречу он катался на катке за отелем, в Валь-Жальбере. Нужно только подобрать тебе коньки по размеру.

Услышав это обещание, девочка ослепительно улыбнулась, пожалала старшей подруге руку, уселась на парапете в нескольких шагах от Эрмин и стала наблюдать за катающимися.

Было довольно холодно, и благодаря морозам серебристый наряд деревьев и домов оставался в неприкосновенности.

— Я никогда не устану любоваться красотой этого края, — сказала Эрмин Симону.

Он стоял рядом, зажав в зубах сигарету. Холодность со стороны Лоры Шарден была ему неприятна, но теперь он знал причину. Молодая женщина все объяснила ему по дороге.

— Да, вчера за столом я сболтнул лишнего, — посетовал Симон. — Прости, Мимин. Но откуда я мог знать?

— Давай не будем больше об этом! — отозвалась молодая

женщина. — В конце концов, мама смирится с тем, что я не хочу петь. Но куда запропастился Тошан?

Ее супруг выехал из Валь-Жальбера первым, рано утром. Он рассказал Эрмин, в каком месте соберутся участники предстоящей гонки. Однако здесь не было ни одной упряжки. Оглядевшись, она увидела приближающихся Лору и Ханса. Оба были одеты очень элегантно.

— Что, в воздухе пахнет свадьбой? — шепнул ей на ухо Симон. — Уж лучше пусть твоя мать выйдет за этого очкарика, чем ты. Он для тебя слишком старый. Тошан куда лучше!

Эрмин улыбнулась и, наклонившись, заглянула в коляску. Мальчик спокойно спал.

— Тебя не смущает, что я ношу фамилию метиса? — шутливым тоном спросила она. — А длинные волосы моего мужа? У мамы и Мирей одно на уме — отправить его к парикмахеру, а потом обрядить в парадный костюм. Неудивительно, что Тошан согласился на первую попавшуюся работу!

Они засмеялись, радуясь тому, что все так же хорошо понимают друг друга. Чтобы не видеть обиженного лица матери, Эрмин отвернулась и стала смотреть на колокольню церкви Сен-Жан-де-Бребёф. Ее построили всего три года назад, однако создавалось впечатление, будто она высилась в этом не перестававшем расти городе с момента его основания.

«Я пела там на Рождество 1930 года и в то время была обручена с Хансом, — подумала молодая женщина. — Тогда я потеряла всякую надежду увидеть Тошана. Но он пришел к окончанию мессы. А потом случилась эта неприятная сцена, когда Жозеф и Селестен хотели избить моего любимого, словно наказывая его за то, что он не похож на других. Я хорошо сделала, что убежала с Тошаном. Я доказала ему, что он — самый дорогой для меня человек. Прошло много месяцев, но ничего не изменилось. Кто искренне принимает моего мужа таким, каков он есть? Наверное, только Симон».

Послышался лай. Эрмин услышала низкий голос Тошана. И, увидев его, затрепетала от радости.

«Как он хорош собой! Как сильно я его люблю!» — сказала она себе.

Сын индианки монтанье и золотоискателя Анри Дельбо привлекал взгляды многих любопытствующих. Тщательно заплетенные в косу длинные, блестящие на солнце черные волосы, смуглое лицо с правильными чертами... По случаю он надел украшенную бахромой кожаную куртку. Довершали костюм сапоги из мягкой дубленой оленьей кожи.

— Твоему мужу нужно сниматься в кино, — пошутил Симон. — Тогда

тебе можно будет петь в опере, вы оба постоянно будете на виду.

— Тише, Симон! — попросила Эрмин. — Присмотри за Мукки пару минут, а я пойду поцелую Тошана.

Не дожидаясь ответа, Эрмин бросилась к упряжке мужа. Дюк приветствовал ее дружеским лаем. Крупный пес с волчьими глазами и серым мехом, казалось, был готов побить все рекорды.

— А где твои достославные соперники? — спросила Эрмин шепотом, счастливая оттого, что можно вот так прижаться к нему.

— Скоро будут, — ответил Тошан. — Как только все соберутся, наш патрон даст сигнал к старту. Я очень рад, что ты сегодня здесь, Эрмин. Я вернусь первым!

— Скажи мне, это точно не опасно? — отозвалась молодая женщина. — Только что Симон рассказывал, что на озере всегда есть места, где лед ненадежный.

Тошан загадочно улыбнулся. Он указал рукой на огромное белое пространство, настоящее внутреннее море, замороженное зимой.

— Пьекуагами не предаст меня, ведь мой дед по отцовской линии происходил из индейцев племени пор-эпик, которые жили на этих берегах, в устье реки Метабешуан!^[15] — сказал он убежденно.

— Пьекуагами? — удивленно переспросила молодая женщина. — Что означает это слово?

— «Плоское озеро». Так его называли мои предки. Не бойся, это соревнование на выносливость. Доехав до пирса на Перибонке, мы вернемся сюда, на место старта. Дистанция — порядка сорока миль. Мы будем здесь еще до наступления темноты, и я приду первым!

Эрмин с беспокойством посмотрела на озеро. Летом она часто любовалась этим бесконечным голубым пространством, по которому время от времени пробегали легкие волны. Эрмин знала, что здесь есть много маленьких островов. Ханс часто расхваливал перед ней привлекательность озера Сен-Жан и его пляжей с туристической точки зрения. «Château Roberval», роскошный отель, собирал под своей крышей шикарную клиентуру.

«И я пела для этих богатых людей! — подумала Эрмин. — Платья дам, элегантные смокинги кавалеров казались мне ослепительно красивыми. Иногда я мечтала о том, что окажусь среди них, буду ужинать за красивым столиком, но выходила на сцену и пела... И все же эти люди аплодировали мне, восхищались моим голосом. Как все это банально!»

— О чем ты думаешь? — тихо спросил у Эрмин муж.

— Я думаю о тебе, о нас, о нашем ребенке! Прощу тебя, будь

осторожен. Теперь у тебя есть сын, не рискуй без необходимости! В пути тебе придется провести немало часов!

Метис посмотрел на набережную, где уже начала собираться толпа зевак. Слух о предстоящей гонке на упряжках быстро пролетел по городу.

— Я должен выиграть это пари, Эрмин, — сказал он. — Это важно, пойми. В лесах я чувствую себя комфортно, но в городе или на лесопилке всегда найдутся типы, которые презирают меня, потому что в моих жилах течет кровь индейцев монтанье.

Вместо ответа она встала на цыпочки и нашла губами его губы. Ни от кого не прячась, они обменялись страстным поцелуем. Какая-то женщина воскликнула:

— А этих дикарей, наверное, никто не учил хорошим манерам!

Лора, несмотря на свой не лишенный вольнолюбия характер и самоуверенность, приобретенную за годы жизни в статусе богатой вдовы, тоже была неприятно поражена поведением дочери и зятя. Она оперлась на руку Ханса со словами:

— Господи милосердный! Похоже, моя дочь готова ехать за этим парнем хоть на Северный полюс, если он захочет. Ханс, я нахожу их любовь трогательной, и все же мне хотелось бы, чтобы Эрмин жила в более комфортных условиях. Что станет с ней в ближайшем будущем? Она превратится в белокурую индианку, которая вполне довольна тем, что готовит дичь в хижине и воспитывает дюжину детишек, в то время как могла бы блистать на сцене лучших театров мира и зарабатывать огромные деньги!

— Перестань мучить себя подобными размышлениями, — вздохнул Цале. — Ты должна смириться. И потом, еще ничего не решено окончательно. Сегодня или завтра Эрмин может передумать. Скажу откровенно: если ты будешь упорствовать, то потеряешь привязанность дочери, а она этого не заслуживает. Я тоже предпринял попытку заставить ее пересмотреть свое решение. Напрасный труд!

Увидев на лице Лоры печаль, пианист наклонился к ней, словно намереваясь поцеловать в щеку. Та быстро отстранилась.

— О чем ты только думаешь? — возмутилась Лора. — Мы ведь еще не женаты! На нас смотрят, заверяю тебя. Я не хочу, чтобы моя репутация пострадала.

— Прости! — сказал Ханс. — Но, мне кажется, немного поздно думать о репутации. Местный булочник, который заезжает в Валь-Жальбер, успел распустить слух, что я покидаю твой дом ни днем, ни ночью.

Лора, расстроенная, отодвинулась еще немного. Она с удовольствием

принимала ласки своего жениха только в интимной домашней обстановке, опасаясь осуждения, от которого так настрадалась в юности. Со стороны региональной дороги послышался яростный лай. На утоптанном снегу показались три собачьих упряжки.

— А теперь оставь меня, — приказал Тошан супруге. — Возвращайся к сыну. Я не хочу, чтобы они знали, кто моя жена. Тем более что я женат на самой красивой женщине в этой стране!

— Возвращайся ко мне! Я тебя люблю! — взмолилась Эрмин и побежала прочь. Сердце ее сжималось от вполне обоснованного страха.

Поддавшись всеобщему ажиотажу, Симон рассматривал упряжки соперников. Он различил нескольких маламутов и одного хаски с бледно-голубыми глазами, но в основном собаки были нечистокровными, представляя собой помесь двух или нескольких пород. Все они лаяли что было мочи, словно предчувствуя долгий изнурительный путь.

— У него есть шансы? — спросила Эрмин.

— Освободи меня от обязанностей няньки, и я пойду и поставлю на твоего мужа! — смеясь, ответил Симон. — У Тошана больше опыта, чем у других.

— У него все шансы утонуть в озере, если лед сломается! — громко сказала Лора. — Как он, имея жену и ребенка, мог решиться на такое опасное предприятие?

— Мама! — взмолилась Эрмин. — Ты ведь, наоборот, должна меня успокаивать! То, что ты сейчас сказала, ужасно! И ты ошибаешься! Сколько отцов в этих краях каждый день рискуют своей жизнью? Я точно знаю, что таких очень много. Рабочие целлюлозной фабрики, те, что трудились у самого водопада, каждый день рисковали упасть на скользких от воды плитах и погибнуть. А лесорубы на лесопилках? Каждый может покалечить себя инструментом, с которым работает. По крайней мере, Тошан никогда бы не оставил своего маленького Мукки на крыльце монастырской школы!

Удар достиг цели: Лора подавила возглас возмущения. Она знала, что на нее смотрят несколько присутствующих на набережной женщин, поэтому молча повернулась и пошла прочь. Ханс последовал за ней.

«Я ее обидела! — опомнилась Эрмин. Лицо ее помрачнело. — Ну почему все идет вкривь и вкось? Мы так хорошо отметили Рождество, но с первых дней нового года обстановка в доме стала прохладной. В глубине души мама не может принять Тошана».

Расстроенная, молодая женщина перевела взгляд на готовящихся к старту соперников. Четыре упряжки выстроились в линию. Собаки, вздыбив шерсть на загривках, рычали и скребли лед крепкими когтями.

— Что вы здесь делаете, очаровательный соловей? — слышался голос у нее за спиной.

Рядом стоял Октав Дюплесси. На нем были коричневая фетровая шляпа и хорошего кроя пальто из серого драпа.

— Мсье Дюплесси! — с удивлением воскликнула Эрмин. — Не знала, что вы в Робервале.

— Мне нравится этот город. Я остановился в отеле «Château Roberval», что на пересечении улиц Сен-Жозеф и Марку, с подругой, которая не выносит холодного ветра, столь нередкого в ваших краях.

— Я хорошо знаю этот отель, — отозвалась Эрмин, следя взглядом за стоящими на старте упряжками.

— Я в курсе, — сказал импресарио. — Стоило упомянуть о «соловье из Валь-Жальбера», как мне сообщили весьма интересные сведения. Вы очень понравились тамошнему персоналу и директору, мадам. Кто из этих *mushers* ваш супруг?

— *Mushers*? — переспросила озадаченная Эрмин.

— В переводе с английского это слово означает «погонщик собачьей упряжки». Моя мать — англичанка, отец — француз. А я, представьте себе, родился в маленьком городке Бруаж, как и знаменитый в вашей стране Самюэль де Шамплен^[16], основатель Квебека. Но, я думаю, об этом вам рассказывали в школе.

— Разумеется, — вежливо ответила Эрмин, хотя в этот момент ее меньше всего интересовало происхождение мсье Дюплесси.

Она не могла понять, почему задерживается старт. Взгляд голубых глаз был устремлен в спину Тошана, и она слышала, как часто бьется ее сердце.

— У Гамелена порвалась упряжь! — крикнул какой-то подросток.

Это была правда: русоволосый великан, один из участников гонки, ворча, пытался починить кожаный ремешок.

— Поторопись, Гамелен! Поторопись, я хочу посмотреть, как ты их обгонишь! А то твои соперники скоро корни пустят! — проговорил рядом хриплый голос с ярко выраженным местным акцентом. — Сегодня утром ты похвалялся, что всех оставишь!

Вокруг засмеялись. Среди зевак Эрмин увидела сгорбленную пожилую женщину, закутанную в шаль из шотландки. Это она кричала, обращаясь к русоволосому погонщику.

— Какое зрелище! — воскликнул Дюплесси. — У этой дамы сильный акцент, и я не все слова понял, но все равно очень забавно!

— Она подбадривала Гамелена, просила поторопиться. А я уже успела

забыть, что вы — иностранец, — со вздохом заметила Эрмин. — Если захотите время от времени жить в Робервале, вам понадобится переводчик.

— Что ж, возможно, вы правы, мадам. А это правда, что ваш муж — индеец? На экране вы смотрелись бы превосходно. В вашей жизни хватит событий на либретто для оперы. Поясню: либретто — это краткое содержание драмы, рассказ, если так понятнее.

— Я знаю, что такое либретто! — с раздражением заметила Эрмин. — Моего мужа, к вашему сведению, зовут Клеман Дельбо. Он католик, серьезный человек и много работает. Его мать — крещеная индианка монтанье. И я не стыжусь своих родственников.

— С чем я вас и поздравляю! Вам хватило смелости настоять на своем, хотя ваша мать, судя по всему, принадлежит к высшему свету. Она — вдова богатого промышленника, Фрэнка Шарлебуа.

— Вам следовало бы стать детективом, мсье, — не без иронии в голосе отозвалась Эрмин. — Слава богу, наконец-то они стартуют!

Собаки всеми возможными способами демонстрировали нетерпение: лаяли и рычали все громче и громче. Их голоса сливались в дикий, оглушительный хор. Полозья саней скрипели по снегу, все четверо возникших стояли на них, крепко взявшись за поручни. Тошан свистнул. Дюк бросился вперед, и его примеру последовали другие собаки. Несколько одобрительных возгласов — и над набережной повисла тишина. Как и Эрмин, все следили глазами за упряжками, шедшими на расстоянии нескольких метров одна от другой. Они стремительно удалялись.

Шарлотта сжала ладонь молодой женщины, чтобы поддержать ее. Октав Дюплесси мельком посмотрел на девочку. Уходить он не спешил.

— Я не получал от вас известий со времен моего визита в Валь-Жальбер, — сказал он наконец. — Что так пугает вас в моем предложении, мадам? Мне трудно называть вас так, вы кажетесь совсем юной.

Эрмин решила расставить все точки над «i».

— Я совсем не ребенок, мсье Дюплесси! У меня есть сын, и, надеюсь, скоро я рожу еще детей. Единственное, о чем я мечтаю — это жить со своей семьей и вести хозяйство. Я скажу вам то же самое, что и матери: я не собираюсь становиться певицей!

— Это просто смешно! — возмутился импресарио. — Я рассказал о вас директору Капитолия. Он был бы счастлив пригласить вас на прослушивание. Что до контракта, который я предлагаю, то вы не обязаны подписывать его немедленно. Я слышал ваше пение всего раз, но этого оказалось достаточно. У вас уникальный голос. Приезжайте в Квебек, когда сможете, и вы услышите мнение специалиста еще более

квалифицированного, чем я. Путешествие на поезде доставит вам удовольствие. Десять часов чтения, приятной дремы или любования пейзажами, и вы на месте. Я часто пользуюсь этим современным видом транспорта. Благодаря железным дорогам расстояния уже не кажутся такими огромными^[17], уверяю вас.

— Я не могу решиться на такую поездку зимой, с младенцем на руках, — тихо сказала Эрмин.

— Для себя я делаю вывод, что вы заинтересовались, — отозвался Дюплесси.

— Вовсе нет! — отрезала молодая женщина. — А сейчас я должна с вами попрощаться, мсье! Я договорилась о встрече с давней подругой.

— Она так же хороша собой, как вы?

Эрмин не могла не улыбнуться. Речь шла о Мелани Дунэ, старушке, некогда проживавшей в Валь-Жальбере.

— Конечно же, она хороша собой, невзирая на свои шестьдесят восемь лет и ревматизм! Сестры из монастырской школы посылали меня к ней с лечебными настойками, и когда шел сильный снег, я ходила для нее за покупками. Мадам Дунэ часто просила меня спеть для нее «Странствующий канадец», а слушая, всегда плакала. Она вспоминала своего мужа. И тогда я пела ей «*Ave Maria*» Гуно.

— Я хочу знать о вас все! — заявил импресарио. — Уверен, ваше детство достойно быть описанным в мелодраматическом романе, и у прессы, когда вы станете знаменитой, не будет недостатка в интересных фактах из вашей биографии.

Молодая женщина посмотрела на Дюплесси. На вид ему было не больше тридцати. Несмотря на крупные черты лица и тонковатые губы, он был довольно привлекательным мужчиной. Тонкая линия темных усиков подчеркивала несколько хищную улыбку.

— До свидания, мсье, — сказала она, давая понять, что дискуссия закрыта. — Идем, Шарлотта, Мелани Дунэ будет рада нас видеть.

Толкая перед собой коляску с ребенком, Эрмин пошла по дороге. Она сожалела о том, что рядом нет Симона, но юноша отправился поставить на Тошана и не вернулся. Шарлотта несколько раз оглядывалась, чтобы посмотреть на Октава Дюплесси. Убедившись, что он остался стоять на набережной, девочка весело высказала свое мнение об услышанном:

— Мимин, почему бы тебе не съездить в Квебек? Я бы гордилась, если бы ты стала оперной певицей, и рассматривала бы твои фотографии во всех газетах.

Эрмин не удивилась, услышав это из уст своей подопечной. Она

ласково погладила девочку по волосам.

— Хорошая моя, ведь я тебе уже объясняла: я теперь замужем, и у меня есть ребенок. Тошан не хочет, чтобы я куда-нибудь уезжала. Мне надоело петь. Когда Жозеф был моим опекуном, он решил, что я — его курочка, которая несет золотые яйца, и за счет моего голоса он обогатится. Он откладывал каждый су, хотел, чтобы я, как Ла Болдюк, записала пластинки.

Услышав про «курочку, которая несет золотые яйца», Шарлотта расхохоталась. Перепрыгивая с ноги на ногу, она чуть было не упала. Эрмин вовремя поймала ее за воротник пальто.

— Смотри под ноги, Лолотта! — сказала она.

— Прошу, не называй меня так больше! Мне уже десять лет, Мимин!

— Прекрасно, мадемуазель! Но тогда и ты не называй меня Мимин.

Скоро они добрались до улицы Сент-Анн, где проживал сын мадам Дунэ с семьей. Вдруг Эрмин остановилась.

— Я открою тебе один секрет, Шарлотта! Мне очень хочется поехать в Квебек, особенно на поезде, но с тобой и так, чтобы никто не узнал об этом. Если сказать маме, она сразу решит, что я передумала и хочу делать карьеру. А если узнает Тошан, будет еще хуже! Он решит, что я не держу обещания, которые ему дала. Но поскольку сделать это тайно невозможно, я никуда и не поеду.

Признание потрясло девочку. Она посмотрела на Эрмин сияющими от восторга глазами и сказала:

— Если я поеду с тобой, то буду присматривать за Мукки. Я ведь для него уже как нянюшка, ты сама говорила.

Молодая женщина начала упрекать себя за сказанное. Теперь Шарлотта без конца станет говорить о предполагаемой поездке.

— А вот и дом номер 28! — сказала Эрмин.

Супруга Ксавье, третьего сына Мелани Дунэ, открыла дверь. Пожилая дама, проводившая свои дни за вязанием у окна, встретила их радостным возгласом.

— Я пришла показать вам своего сына Жослина! — Эрмин подошла к мадам Дунэ. — Его отец и я прозвали малыша Мукки.

Это были волнительные минуты. За чашкой чая с печеньем они вспоминали Валь-Жальбер в те дни, когда на целлюлозной фабрике работали сотни людей, а поселком, дома в котором были оборудованы по последнему слову техники, восхищались все расположенные по соседству муниципалитеты.

— Теперь в Валь-Жальбере едва наберется пятьдесят жителей, —

уточнила Эрмин. — У меня сердце разрывается, когда я смотрю на пустые дома и место, где раньше стояла церковь, тоже пустое. Но монастырская школа все еще работает. И учительница просто замечательная.

Мелани слушала и расспрашивала. Наконец она утерла ностальгические слезы. В Валь-Жальбере женщина провела свои лучшие годы в качестве супруги и матери.

— Не грустите, мадам, — сказала Шарлотта. — Водопад остался на своем месте! Он поет очень громко, особенно весной, и теперь я его вижу. Это так красиво!

— Я и забыла, что тебя прооперировали, малышка! — обрадовалась Мелани. — А ты, Эрмин, ты поешь еще, как наша река? Спроси у моей невестки, я часто рассказываю ей, как ты пела мне «*Ave Maria*» и как это было чудесно.

Через четверть часа молодая женщина согласилась устроить маленькое выступление. Было бы жестоко отказываться. Она закончила арией из «Лакме», которую просто обожала Шарлотта. От звука ее голоса вибрировали стены дома.

Между тем на улице Эрмин слушал Октав Дюплесси.

* * *

Эрмин с сожалением попрощалась с Мелани Дунэ. К этой пожилой даме с серебристыми волосами она всегда испытывала искреннюю симпатию. А еще у них были общие, очень приятные воспоминания о Валь-Жальбере в те времена, когда все дома были заселены. С приходом вечера над печными трубами взвивался дымок, в окнах зажигался умиротворяющий свет. Сердце молодой женщины на мгновение сжалось от тоски.

— Ты пела хорошо, как никогда, — заявила Шарлотта, в то время как они вышли на улицу. — А Мукки слушал тебя и тихонько ворковал.

— Да, мой малыш всегда ведет себя хорошо, когда я пою, — пошутила молодая женщина.

Они направились к порту. Солнце укрылось за пушистыми тучами, мороз вступал в свои права. Эрмин подумала о муже, который, конечно же, уже доехал до Перибонки и теперь повернул обратно.

«Сегодня вечером он будет ночевать на лесопилке, не со мной, хотя ему так нужны теплая ванна и чистая одежда! Боже, мужчин иногда так трудно понять! Тошан привык к трудностям: плохой пище, холоду, самой

тяжелой работе. Готов вынести любое испытание, если того требует наниматель или просто надо доказать, что он чего-то стоит!» Положа руку на сердце, Эрмин не одобряла эту историю с пари и гонкой.

Когда молодая женщина от всей души пела для Мелани Дунэ, то внезапно ощутила волнение, поколебавшее ее уверенность. Она решила для себя, что всегда сможет петь для родственников и друзей, но перед публикой — никогда.

— Интересно, где Ханс и мама? — спросила она вполголоса. — Я бы предпочла, чтобы ты поехала домой в автомобиле, в санях ты рискуешь превратиться в ледышку!

— Но и ты тоже! — возразила девочка. — И тем более Мукки! И это нехорошо — оставлять Симона одного.

— Он уже взрослый мальчик, — пошутила Эрмин.

Они вернулись на набережную. Эрмин увидела Ханса Цале, который махал им рукой. Он был один.

— Вот и ты, Эрмин! — начал он. — Лора ждет меня в баре «Château Roberval». Твоя мать дала мне поручение: я должен отвезти тебя в Валь-Жальбер и собрать для нее чемодан. Мы с Лорой проведем несколько дней в Робервале. Я вернусь в свою скромную квартирку, а она сняла номер в отеле.

Новость обескуражила молодую женщину. Она с недоверием заглянула в серо-голубые глаза пианиста.

— Мама решила остаться из-за меня? — спросила она. — Она очень на меня обиделась? В это невозможно поверить! Мы были так рады видеть друг друга после долгой разлуки! Но, если она поступает так только потому, что я хочу сама решать, что для меня лучше, значит, она не так уж сильно меня любит!

— Твое поведение ее очень огорчает, — ответил на это Ханс. — Эрмин, разве трудно было просто пообещать, что не сейчас, но очень скоро ты еще раз подумаешь о своих перспективах стать певицей? И вы бы не поссорились.

— Я не хотела врать, и вот результат! — грустно отозвалась молодая женщина. — Идем, Шарлотта, мне нужно поговорить с матерью.

— Эрмин, это ничего не изменит! — возразил Ханс. — А твой малыш может простудиться. Будь благоразумна, машину я поставил совсем рядом. Я отвезу вас с Шарлоттой.

— Нет. Я хочу дождаться возвращения Тошана. Я уверена, он выиграет гонку.

— Или потеряет месячное жалование, — с осуждением заметил Ханс.

Молодая женщина взяла тепло укутанного сына на руки и передала коляску своему будущему отчиму.

— Подождите меня здесь, я скоро вернусь! — пообещала она.

И быстрым шагом удалилась. Шарлотта побежала следом.

Лора не удивилась, увидев, как Эрмин входит в роскошное заведение, в котором они встретились впервые после долгой разлуки. Великолепие убранства отеля поразило Шарлотту: она замерла, рассматривая мебель, хрустальные светильники, ковры и портьеры.

— Мама! — тихо позвала Эрмин, не желая привлекать к себе лишнего внимания. — Мама, умоляю, не надо переезжать в отель, оставлять меня дома одну! Что скажут в Валь-Жальбере? Ты не нашла лучшего способа меня наказать?

— Дорогая, ты ошибаешься, — ответила на это Лора столь же доверительным тоном. — Я поступаю так, чтобы освободить тебя от своего присутствия. Последнее время я не очень хорошо себя чувствую. Упрек, который ты бросила мне в лицо на набережной, я заслужила. Я успела забыть о своих ошибках и о том, сколько горя ты перенесла по моей вине. Тошан, в отличие от меня, хороший отец, а ты — ласковая и заботливая мама. Думаю, твой муж чаще будет приезжать, если я перестану путаться у вас под ногами, как сказала бы наша Мирей. И мне нужно подумать. Поверь, я совсем не хотела причинить тебе боль, когда приняла это решение!

Лора в замешательстве посмотрела на Шарлотту. Эрмин поняла намек и предложила своей подопечной прогуляться в соседнюю гостиную, где на столиках для посетителей были разложены самые разные журналы.

— Мы закажем горячий шоколад, — пообещала молодая женщина.

Девочка сообразила, что разговор матери и дочери не предназначен для ее ушей.

Как только они остались одни, Лора добавила:

— Я много думала о твоих перспективах в качестве оперной певицы и вдруг поняла, что существует еще одна проблема. Я отчего-то стала очень раздражительной, я ни в чем не уверена. Если быть краткой, постоянное присутствие Ханса меня угнетает. Живя в отеле, я буду сама решать, как мне провести вечер, а может, и дневные часы. У меня четкая цель: сохранить репутацию.

— Но все ведь знают, что вы обручены и скоро поженитесь! — удивилась Эрмин. — Только что, на набережной, вы держались за руки. Или он тебе наскучил?

— Нет, не все так плохо! Просто у меня появились сомнения насчет

обоснованности нашего будущего союза. А держать его за руку — это мелочь, ведь дороги скользкие и поддерживать друг друга вполне нормально. Как бы то ни было, несколько дней одиночества помогут мне разобраться в своих чувствах. Эрмин, дорогая, меня мучит совесть. Не я воспитывала тебя; ты росла, ожидая возвращения родителей, была вынуждена во всем покоряться сначала монахиням, потом Жозефу Маруа. А теперь я терзаю тебя разговорами о карьере, об успехе. Внезапно я осознала свою неправоту, и мне стало стыдно, что я так плохо с тобой поступаю. А ведь я всего лишь бедная бельгийская эмигрантка! И не заслуживаю состояния, которое унаследовала от Фрэнка. Временами мне хочется раздать все деньги, чтобы они не принесли мне несчастья. Я не забыла о том, что Фрэнк Шарлебуа хотел развестись со мной, когда ко мне вернулась память. Ему помешала только внезапная смерть. Если бы не его кончина, мне пришлось бы самой зарабатывать себе на хлеб.

— И ты не смогла бы заплатить за операцию Шарлотты и поселиться в Валь-Жальбере, — сказала Эрмин, пытаясь успокоить мать.

Лора дрожала, несмотря на то что в гостиной отеля было очень жарко. Как признаться дочери, что она бежит из этого призрачного поселка, от этих бесконечных снежных просторов, окружающих красивый дом, некогда принадлежавший интенданту Лапуанту? Ей больно видеть монастырскую школу, потому что каждый раз она вспоминает вечер января 1916 года, когда Жослин Шарден приехал сюда, чтобы положить их дорогую Мари-Эрмин на порог жилища монахинь. Ночью она часто не могла заснуть, думая о трагической судьбе своего первого супруга, опасаясь ощутить его замогильное дыхание на своей шее или на лбу, как только гасла прикроватная лампа. Поэтому она искренне верила, что, поселившись на неделю или две в «Château Roberval», сможет от всего этого отдохнуть.

— Мама, умоляю, вернемся домой! Мне без тебя, без наших разговоров будет так тоскливо!

— Нет, Эрмин, я приняла решение. Мирей обрадуется возможности поболтать о всяких пустяках с тобой и Шарлоттой. Бетти станет тебя навещать. На что тебе жаловаться? У вас с Тошаном будет целый дом для двоих!

Молодая женщина, которая не знала истинную причину тревоги матери, уже была готова пообещать, что весной поедет на прослушивание в Квебек. Но тут вернулась Шарлотта, и она передумала. Вошел официант с подносом. В белых фарфоровых чашках дымился аппетитно пахнущий напиток. Какое-то время они молча наслаждались теплым шоколадом. Наконец Лора поставила чашку на стол и сказала, обращаясь к Эрмин:

— А вот и мсье Дюплесси! Он остановился в Робервале, вероятнее всего, в компании возлюбленной.

— Я встретила его на набережной, перед началом гонки, — ответила молодая женщина. — Он кажется мне немного странным — его повадки, манера говорить...

— Это правда, он не похож на тех, с кем нам доводится общаться, — признала Лора.

Эрмин погладила мать по запястью.

— Мамочка, дорогая, вернемся в Валь-Жальбер, прошу тебя!

Октав Дюплесси поприветствовал их, приподняв шляпу, и направился к главной лестнице. Эрмин с Лорой даже удивились, что он не подошел поговорить с ними.

— Не так уж сильно он во мне заинтересован, — заметила Эрмин, единственной заботой которой в эту минуту было вернуть Лору «в лоно семьи».

На деле все было наоборот. Импресарио поднимался по красным бархатным ступенькам и думал о том, что нашел редчайшую жемчужину, из которой сделает диву. Он подождет; эту влюбленную супругу и мать нельзя брать нахрапом.

«Она от меня не уйдет», — подвел он итог размышлениям, поднявшись на свой этаж.

Между тем Лора, вняв мольбам дочери, согласилась отложить на время свое пребывание в Робервале. Эту «победу» Эрмин удалось одержать с помощью простейшего логического довода.

— Неужели ты всерьез полагаешь, мам, что Ханс сможет собрать для тебя чемодан? Если ты хочешь пожить здесь несколько дней, сделай это, но не в такой спешке! Лучше собраться как следует.

— Ты права, — признала ее мать. — Боже мой, в свои восемнадцать ты более рассудительна и благоразумна, чем я.

Эрмин посмотрела на красивое лицо матери.

«Буду ли я такой же через двадцать лет? — подумала она. — У мамы молочно-белая кожа и несколько незаметных морщинок. Но она выглядит такой грустной!»

Вошел Ханс Цале. Бедолага, он сильно продрог.

— Вы оставили меня замерзать на ледяном ветру, дамы, — сказал он с натянутой улыбкой. — Я ждал, ждал, но обо мне, наверное, все забыли. Эрмин, похоже, участники гонки возвращаются. Слышен собачий лай, и какой-то паренек уверяет, что видит вдалеке первую упряжку.

— Мама, пожалуйста, пусть Мукки побудет с тобой в тепле, —

попросила молодая женщина. — Я хочу это увидеть!

— Я тоже пойду! — заявила Шарлотта, вставая. — Я точно знаю, Тошан приедет первым!

Взявшись за руки, они побежали на набережную. Закат окрасил замерзшее озеро в багряно-алые тона. Небо, снова чистое, казалось пламенеющим. Это зрелище очаровало Эрмин. Она ощутила себя крошечной и незначительной в сравнении с грандиозной магией природы. Шарлотта стояла рядом, широко распахнув удивленные глазенки. Никогда еще она так не радовалась, что снова может видеть.

— Посмотри, Мимин, посмотри туда! — закричала она. — Там две упряжки!

Пожилая дама, присутствовавшая при старте, остановилась рядом с ними. Бобровый капор покрывал ее убеленную сединами голову.

— Мой Гамелен придет первым! — объявила она. — Этот молодой индеец слишком хилый и щуплый! А его собаки доброго слова не стоят!

— Мой муж — хилый?! — возмутилась Эрмин. — Вот уж нет!

— А, так это твой муж? — переспросила пожилая дама. — Гамелен — мой племянник, сын сестры, она на двенадцать лет младше меня. Тебя я узнала, моя девочка. Ты пела в церкви в день ее открытия. Ты ведь из Валь-Жальбера?

— Да, мадам!

— Берта, зови меня Берта! Я произвела на свет одиннадцать ребят, но больше всех люблю племянника Гамелена.

Эрмин вежливо кивнула. Глаза ее были устремлены к темным точкам, движущимся на фоне розовато-белого снега, в которых уже можно было угадать собак и стоящих на полозьях саней мужчин. Послышались крики — погонщики подбадривали своих выбивающихся из сил животных. Эрмин показалось, что в мужчине, который собирал ставки, она узнала старшего мастера лесопилки в Ривербенде, где сейчас работал Тошан.

Старая Берта со смешком пожала ей руку.

— Смотри-ка, мой Гамелен обошел твоего индейца!

— Ни за что! — воскликнула Эрмин. — Дюк! Давай, мальчик, давай!

Немногочисленные зрители, собравшиеся, чтобы увидеть финиш гонки, тоже стали кричать, подбадривая своих фаворитов. Показалась третья упряжка. Шарлотта хлопала в ладоши, разделяя всеобщее волнение. Теперь любой мог разглядеть напряженные лица Тошана и его основного соперника. Их собаки задыхались, раскрыв устрашающего вида пасти, вывалив языки.

«Тошан непременно придет первым! — сказала себе Эрмин. — Если

он проиграет, то будет в плохом настроении много дней! Но нет, ведь у него сани моего отца, он не может проиграть!»

Воспоминание о Жослине взволновало ее. Она сложила руки на груди и закрыла глаза. Именно в этот миг Дюк с остальными собаками сделали последний рывок. До них донесся вибрирующий от гнева вопль Гамелена и победный — Тошана.

— Мимин, он выиграл! — в восторге крикнула Шарлотта. Ее глазенки сверкали. — Твой муж выиграл!

— Правда? Я не сомневалась, что так и будет!

Старая Берта была вне себя от гнева. Размахивая руками, она принялась поносить всех и вся. В это мгновение рядом с Эрмин и Шарлоттой появился Симон.

— Не машите так руками, мадам, — сказал он любезным тоном. — Невозможно понять, что вы говорите!

— Тебя, молокососа, не спросила!

Эрмин схватила Симона за руку и увлекла за собой. Она не решалась приблизиться к Тошану, который разговаривал с Гамеленом и третьим участником гонки.

— А где четвертая упряжка? — спросила она. — На озере больше никого не видно. Надеюсь, с ними ничего плохого не случилось?

— Нет, — ответил Симон. — Я слышал, четвертый тип отказался ехать обратно. Остался в Перибонке. Тошан положит в карман пятьдесят долларов, а может, и больше. Посмотри, как он доволен! Иди, иди поздравь его!

— Нет, не хочу его отвлекать, — сказала молодая женщина. — Ему не понравится, если я подойду сейчас. Иди лучше ты и скажи, чтобы подошел ко мне, как только сможет. Я оставила Мукки с матерью, она ждет меня в «Château Roberval».

Молодая женщина трепетала от нетерпения. Она мечтала оказаться с мужем наедине, хотя и знала, что этого не случится. Шарлотта, которая всегда тонко чувствовала эмоции старшей подруги, сказала, что предпочла бы вернуться в отель.

— Если Мукки проголодался, я его успокою, — пообещала она. — Я даю ему пососать мой мизинчик, и он перестает плакать!

— Нет, уже почти ночь, — отрезала Эрмин. — Останься со мной.

Они замолчали, услышав радостные возгласы. На берегу озера образовалась толпа, состоящая исключительно из мужчин. Из этой пестрой суতোлки вязаных шапочек и картузов доносились низкие голоса; рядом, требуя пищи, лаяли собаки. И в этот момент наконец появился Тошан. Он

остановился перед юной супругой, лицо его сияло от радости.

— Я выиграл! — улыбаясь, сказал он.

— Bravo! — нежно отозвалась Эрмин, любуясь его белоснежной улыбкой. — И что ты намереваешься предпринять? Было бы лучше отложить эти деньги про запас.

— Ты о деньгах? Я их не взял! — объявил Тошан. — У этих бедняг есть дети, и их надо кормить. Времена сейчас тяжелые, да и этот проклятый кризис... Эрмин, я только хотел доказать, что мои собаки лучше. Я думал о своих предках, родителях и дедах моей матери Талы. Тем более что мой патрон не постеснялся сказать, что мне и так повезло, ведь моя жена — дочка богатой вдовы Шарлебуа.

Черные глаза Тошана, казалось, стали еще темнее. Было очевидно, что этот намек не пришелся ему по душе.

— Сейчас мы пойдем выпьем по стаканчику в таверне, — добавил он. — А потом вернемся на лесопилку. В будущую среду я приеду в Валь-Жальбер.

Тошан поцеловал жену в щеку, ласково погладил Шарлотту по подбородку и повернулся, чтобы уходить.

— И это все? — спросила Эрмин, наконец придя в себя от изумления, но он уже ушел. Горло молодой женщины словно сжало тисками тоски, она изо всех сил пыталась сдержать душившие ее рыдания. Эрмин ощущала себя отверженной, оставленной на произвол судьбы, словно сверток с покупкой, которая разонравилась своему владельцу.

«Почему он так со мной обращается? — спросила она себя. — Я понимаю, ему хочется поскорее вернуться к товарищам, но ведь я — его жена!»

Симон отвлек ее от полных разочарования мыслей. Он поднял до самых ушей воротник своей куртки и похлопал ее по плечу.

— Скажи, Мимин, ты сможешь вернуться домой с Хансом и Лорой? Тошан пригласил меня в таверну. Я никуда не тороплюсь.

Тихим, слегка дрожащим голосом она спросила:

— Ты хорошо укутал Шинука? Нельзя допустить, чтобы он простудился.

— Я умею обращаться с лошастью! — возмутился Симон. — Не дуйся, Мимин! До встречи!

На обратном пути в Валь-Жальбер все молчали. Уставшая за день Шарлотта дремала, но автомобиль трясло, и она просыпалась. Эрмин, которая устроилась на заднем сиденье, дала сыну грудь и созерцала

окутанный синеватыми сумерками пейзаж, расцвеченный серебристым светом молодого месяца. Лора тоже была погружена в свои мысли. Ханс Цале насвистывал какую-то мелодию. В общем, каждый думал о своем.

«Мне бы так хотелось поехать в Квебек с Эрмин! — думала девочка. — Может, она одолжила бы мне одну из своих модных шляпок в форме колокола. Мы бы остановились на ночь в отеле, а когда бы шли по улицам, люди думали бы, что мы — сестры... Я бы причесывала волосики Мукки... Но ведь у меня нет чемодана... Мне нужен чемодан!»

Убаюканная мурлыканьем мотора, Лора невидящими глазами смотрела на бегущее перед машиной пятно света от фар. Вокруг сверкал снег.

«Сегодня вечером мне жарко! На мне манто из меха куницы. Мужчина, которого я уважаю и который нежно меня любит, со мной рядом. Но я, я вспоминаю другие вечера, когда сидела в санях Жослина, в этих великолепных санях, временами служивших нам кроватью. Ветер проникал под наши одеяла, волчьи крики разрывали мне сердце. Жослин понимал, как мне страшно. Он наклонялся ко мне и разговаривал со мной, как с ребенком. Если нам удавалось найти заброшенную хижину, он устраивал импровизированное ложе. Губами он искал мои губы, накрывал мое тело своим. Господи, ну почему нам было суждено расстаться? Неужели он и правда хотел меня убить, испугавшись, что я могу сойти с ума у него на глазах?»

Взволнованная своими размышлениями, которым не было конца, Лора вдруг ощутила желание прижаться к Хансу. Похоже, он угадал ее намерение, потому что с беспокойством посмотрел на нее.

«Лора, дорогая! — думал он. — Я полагал, что влюблен в Эрмин, но ошибался. Ее великолепный голос и ее доброта очаровали меня. Поцелуй же Лоры дали мне узнать горький, но изысканный вкус страсти. Она так миниатюрна, моя нареченная, так хороша собой! Посторонние находят ее холодной и сдержанной, но тайный огонь течет в ее венах...»

У Эрмин на душе было тяжелее, чем у других. Ей никак не удавалось справиться с разочарованием. Поведение Тошана заставляло ее бояться грядущих месяцев, даже лет. Если не считать первых дней после побега, когда любовь с его стороны казалась ей безграничной, красавец-метис часто вел себя так же авторитарно и бывал так же упрям, как Жозеф Маруа.

«Я ведь совсем немного от него требую! — думала молодая женщина. — Я долго жила в лесах с его матерью, а он на много дней уходил поохотиться или повидать двоюродных братьев. По его желанию мы зовем нашего сына Мукки. Если бы я не заболела от тоски, мы бы не приехали на Рождество в Валь-Жальбер. Настанет лето, и мне придется

снова уехать с ним, это даже не обсуждается. Хорошая супруга подчиняется мужу! О, как я на него сердита! Но я его люблю... И он сказал, что в субботу приедет. Целых четыре дня ожидания!»

Закрыв глаза, Эрмин представила момент, когда они останутся наедине. Она наденет ночную сорочку из розового линона, с украшенным кружевом воротом. Если им повезет, сын уже будет спать.

«Любовь моя! — мысленно обратилась она к Тошану. — На этот раз я не выпущу тебя из объятий. Я буду так ласкова, так нежна, что ты не сможешь встать с рассветом, как привык. Я спрячу тебя от всех под одеялами, я никуда тебя не отпущу...»

Но в глубине души Эрмин знала, что эта битва проиграна заранее.

Валь-Жальбер, середина февраля 1933 года

Эрмин вышивала нагрудник для сына. Она решила украсить его цветочным мотивом. Мирей объявила, что на ужин будут блинчики. Дом казался гаванью покоя и тепла. Мукки спал в импровизированном гнезде из подушек на диване.

— Когда злюка-зима вдаль умчится, лето теплое к нам возвратится! — напевала молодая женщина себе под нос.

Шарлотта была в школе. Из пристроенного к кухне сарая доносился стук — Арман колот дрова.

— Оказывается, очень приятно жить в таком большом и удобном доме, — все так же вполголоса сказала сама себе Эрмин.

Накануне, на три недели позже назначенной ранее даты, Лора с Хансом уехали в Роберваль. Сильные снегопады заперли их в Валь-Жальбере.

«Симон уехал с ними в автомобиле; из Роберваля он отправится в Шамбор, а там сядет на поезд. Моя Бетти так плакала вчера... Счастье, что у нее есть крошка Мари!»

В комнату вошла домоправительница. Внимательным взглядом она окинула печь, проверила, в порядке ли мебель, занавеси, безделушки.

— Вам все по нраву, маленькая хозяйка? — шутливо поинтересовалась она и улыбнулась Эрмин.

— Я всем довольна, моя Мирей! Если бы еще Тошан Дельбо постучал в дверь, мое счастье было бы полным!

— Ждать осталось недолго, в субботу он зайвится, и я сделаю для него фрикасе из свинины с луком. Давно мсье Клеман не просил его

приготовить!

— Тошан, Мирей! Моего мужа зовут Тошан.

— Мне больше по нраву католические имена! — отрезала домоправительница, любясь заснувшим младенцем. — Я и так пропустила мессу в прошлое воскресенье, так что у меня нет никакого желания болтать по-индейски.

Эрмин улыбнулась. Слова экономки вовсе не казались ей обидными.

— А когда ты подашь блинчики? — спросила она.

— Когда Шарлотта вернется, разумеется!

— Тогда я поднимусь к себе, Мирей! Если Мукки проснется, не страшно. Мне все равно скоро его кормить.

И Эрмин сделала то, что в последнее время делала каждое утро: взяла с фортепиано партитуру и через две ступеньки взбежала вверх по лестнице. Через несколько минут она уже пела.

Мирей слушала, стоя в коридоре первого этажа. Казалось, уютный дом сюринтенданта Лапуанта вибрирует от крыши до фундамента. Голос молодой женщины был таким чистым и сильным, что у домоправительницы слезы навернулись на глаза.

«Вот чудная девчонка! — взволнованно думала она. — Стоило мадам Лоре упорхнуть из дома, как она поет во всю мочь, наша Эрмин. А ведь ее мать была бы счастлива услышать такое пение!»

Импровизированный концерт продолжался. Мирей прослушала арию из «Лакме», потом — из «Мадам Баттерфляй». Мукки проснулся и заворочался, а через пару минут закричал что было сил. Малыш проголодался. Ему недавно исполнилось пять месяцев. Он был пухленький, с круглыми щечками и смуглой кожей. Эрмин тотчас же спустилась в гостиную, напевая себе под нос. Она взяла сына на руки и закружила по комнате. Мальчик залился смехом.

— Ты пела замечательно! — восторженно сказала домоправительница. — Была бы я похитрее, написала бы мадам Лоре и рассказала, чем ты занимаешься в ее отсутствие.

— Мирей, не ворчи на меня! Я все тебе объясню. Не сегодня, на будущей неделе. Мне нужно немного поработать над голосом.

Та, пожав плечами, вернулась в кухню. Эрмин приложила Мукки к груди. Ее тело все еще трепетало от радости, которую она испытывала, когда пела. Эрмин была полностью довольна жизнью. После истории с гонками Тошан попросил у нее прощения за то, что оставил ее в тот вечер одну на набережной. Она простила, опьяненная ласками и проявлениями любви, которыми пары обмениваются в обжигающей тени постели. В такие

моменты ее супруг «опускал оружие», оставляя свою гордость за пределами магического круга их объятий. Он клялся, что обожает ее, что они с Мукки — лучшее, что есть у него в жизни.

Наконец вернулась Шарлотта, оставив пару снегоступов на крыльце дома. Девочка стала для Эрмин наперсницей, обладающей поистине ценным качеством: понимала и поддерживала все ее задумки, даже самые дерзкие. Она подбежала к Эрмин и спросила шепотом:

— Ты повторяла арии?

— Да, но... Мирей не может понять, что происходит.

— Может, лучше сказать ей, что в будущий понедельник мы едем в Квебек? — предложила Шарлотта.

— Я скажу в воскресенье вечером, когда Тошан уедет обратно на лесопилку. У меня еще есть время порепетировать. Если уж я решилась пройти прослушивание в Капитолии, то нужно подготовиться как можно лучше.

Это был их общий секрет. В отсутствие Лоры и Ханса они приступили к осуществлению своего смелого плана. Шарлотта была на седьмом небе от счастья.

— Мимин, так мило с твоей стороны взять меня с собой! Я уже ездила в Монреаль на операцию с твоей мамой, но с тобой путешествовать мне нравится намного больше! На перемене я составила список вещей, которые нужно взять с собой: варежки, шарфики, бутыл-термос с кофе, погремушку для Мукки.

— Чш-ш-ш! — оборвала ее Эрмин.

В комнату вошла Мирей и поставила поднос на столик.

— Полдник на столе, милые дамы-заговорщицы, — сказала она. — Из кухни я слышала, что вы о чем-то шепчетесь. Не знаю, что вы задумали, но, надеюсь, мне это не повредит.

Шарлотта прыснула, Эрмин, сама невинность, ласково посмотрела на домоправительницу. Обе уже видели себя сидящими в поезде, через огромные снежные просторы стремящемся в Квебек.

«Я приняла решение, — думала молодая женщина. — Я пройду прослушивание, хотя бы раз, и буду знать, так ли я талантлива, как не устает повторять мсье Дюплесси. Я должна это сделать. Так мне будет спокойнее».

Она тихонько погладила свой животик под шерстяной шалью. Несколько дней назад она убедилась в том, что ожидает второго малыша. Это заставляло ее, расправив крылья, искать ответ на свой вопрос за пределами Валь-Жальбера.

«Тошан так обрадуется, узнав, что скоро снова станет папой, что простит мне мою эскападу. Как и Мукки, малыш родится в сентябре».

Вместе с новой беременностью Эрмин обрела уверенность: никакое предложение от импресарио или директора театра не заставит ее предпочесть сцену семейному счастью. По крайней мере, она искренне в это верила.

Глава 4

Путешественницы

Валь-Жальбер, воскресенье, 19 февраля 1933 года

Близился вечер, и Тошан, как обычно, стал собираться в обратный путь. Он уже запряг собак, и они в нетерпении поскуливали у крыльца. Эрмин всегда провожала мужа. Молодая женщина торопливо натянула шубку, голову покрыла шерстяным шарфом. Она хотела убедиться, что он не забыл печенье, которое испекла для него Мирей, и комплект сменного белья. Молодая чета в полной мере насладились этой парой дней, проведенных в обществе друг друга. Много часов провели они в своей спальне, играя с сыном и занимаясь любовью. Как и говорила Лора, Тошану нравилось, что в доме они с Эрмин одни. Присутствие Шарлотты и Мирей их совсем не стесняло, поскольку девочка умела быть неназойливой, а Мирей почти не выходила из кухни.

— Все, пора ехать! — сказал он, натягивая варежки. — Я приеду на лесопилку и сразу лягу спать. Остальные парни к этому времени уже будут видеть десятый сон.

— Будь осторожен! — попросила она.

Тошан вздрогнул. В голосе жены он уловил веселую нотку, хотя обычно Эрмин, провожая его, выглядела грустной и в глазах у нее стояли слезы.

— Сдается мне, ты не так уж расстроена моим отъездом! — с подозрением заметил он.

— Что ты такое говоришь? — возмутилась молодая женщина. — Просто я понемногу привыкаю. Я не единственная жена в этих краях, чей супруг целую неделю работает вдалеке от дома. И потом, нам так хорошо было вместе в эти два дня!

Обняв Тошана, Эрмин подкрепила свои слова нежным поцелуем.

— Ты какая-то странная, — не сдавался он. — Нервничаешь, смеешься невпопад...

— Тебе больше понравилось бы, если бы я плакала? — пошутила она. — Я нахожу себе занятие, когда тебя нет дома. Мукки становится таким забавным! Лепечет, пытается сесть! Он дарит мне столько радости!

Тошан покачал головой. Слова супруги не убедили его. Внезапно он впервые осознал, что его жена много дней подряд бывает предоставлена сама себе, ходит куда захочет и делает что ей вздумается. В нем разыгралась ревность.

— Ты ни с кем не видишься? — спросил он строго.

— Конечно, вижусь! — игриво отозвалась Эрмин. — С Бетти и ее малышкой и с Эдмоном, он часто сопровождает мать, когда она вечером идет ко мне в гости. Тошан, я так тебя люблю! Как ты мог подумать такое?

Молодая женщина сделала вид, что поправляет чулок. Внезапно ей стало стыдно за то, что она задумала это путешествие в Квебек. Раньше она и подумать не могла о том, чтобы соврать Тошану, а теперь намеревалась его обмануть.

«Я все ему расскажу в будущее воскресенье, — успокоила себя Эрмин. — Если я посвящу его в свои планы сейчас, он запретит мне ехать. Ничего не сказать — это ведь не то же самое, что соврать, верно?»

Подобный образ мыслей раньше был ей абсолютно не свойственен. Сестры конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей привили своей воспитаннице такие черты, как милосердие, честность и порядочность. Возмущение, назревшее в ней, было порождено чередой досадных обстоятельств и потаенных печалей. Супруг, хотя искренне любил ее, оказался человеком авторитарным и не слишком щедрым на милые знаки внимания, которые так ценят и так ждут от своих мужей жены. Что до Лоры, то настроение у нее менялось, казалось бы, без всякого повода: сейчас она ласковая и внимательная, а через час — раздражительная и обеспокоенная...

«Я просто хочу немного развлечься, в этом нет ничего плохого. И Шарлотта так радуется предстоящей поездке!»

— Эрмин, посмотри на меня! — приказал Тошан.

Она выпрямилась и посмотрела ему в глаза. Охваченная волнением, к которому примешивались угрызения совести, молодая женщина вдруг всхлипнула.

— Я не посылала тебя работать в Ривербенд! — сказала она. — Я умоляла тебя остаться со мной и сыном, но ты гордый, ты искал себе работу!

— Зачем ты гладила синее платье сегодня утром? — не обращая внимания на ее слова, спросил Тошан. — То самое, что надевала к рождественской мессе?

— Хочу надеть его в следующее воскресенье, потому что к нам в гости приедет кюре из Шамбора. И, если ты помнишь, мама тоже будет дома.

Залаял Дюк. На улице протяжно и жалобно завывал ледяной ветер. Тошан надел картуз с наушниками, поправил шейный платок.

— Прощу тебя, будь благоразумна, Эрмин. Я люблю тебя. Ты — мое сокровище, Мукки тоже значит для меня очень много.

Он посмотрел на нее, лицо его было серьезным. Молодая женщина ощутила жгучее желание рассказать ему о своей секретной экспедиции: с такой безграничной любовью он смотрел на нее, пожалуй, только в первые дни их чувства.

— Не волнуйся, очень скоро мы снова увидимся! — пообещала она с лучезарной улыбкой.

И вот сани двинулись. Собаки, распутив хвосты, перешли на рысь. Тошан помахал рукой и отвернулся. Продрогшая молодая женщина не спешила возвращаться в дом.

«Прости! Мне так жаль!» — подумала она, и это было правдой.

Наконец она решила, что пора вернуться в тепло. Шарлотта дожидалась ее в гостиной, личико у нее было озабоченное. На коленях она держала Мукки.

— Думаю, он проголодался, — тихо сказала девочка. — Теперь пора поговорить с Мирей.

— Знаю, — отозвалась Эрмин. — Подождем до ужина. Дай мне Мукки!

— Я уже собрала чемодан, — радостно улыбнулась Шарлотта. — Эрмин, что с тобой? Ты плакала?

— Да. Тошан заподозрил неладное. Сегодня я была слишком веселой. А теперь мне грустно оттого, что я ему соврала. Мне начинает казаться, что это безумная затея.

— Ты уже не хочешь ехать? — с огорченным видом спросила у молодой женщины ее маленькая подружка.

— Конечно, хочу, не волнуйся! И уже поздно отказываться. Онезим заедет за нами завтра утром, в восемь.

Онезим, брат Шарлотты, был на двенадцать лет старше ее. Он входил в число оставшихся пятидесяти жителей Валь-Жальбера и жил в доме у региональной дороги. Женившись на Иветте, дочери тележника, этот крепкий парень теперь каждый день ездил на работу в Роберваль. Он охотно взялся за небольшую плату подвезти путешественниц на вокзал узловой станции «Шамбор-Жонксьон».

— В последний раз я видела Онезима на Рождество, — заметила девочка. — Иветта подарила мне носовые платочки. Она не такая уж плохая.

Эрмин с улыбкой кивнула. Разбитная и слишком сильно накрашенная, Иветта считалась самой большой грешницей в поселке, пока не связала свою жизнь с Онезимом Лапуантом. Жили они дружно и мирно. Сына, рожденного прошлой весной, назвали Дамазом в честь основателя рабочего поселка Дамаза Жальбера^[18]. Это имя предложил молодой чете кюре из Шамбора, часто с ностальгией вспоминая золотые годы целлюлозной фабрики.

— В каждом есть что-то хорошее, — вздохнула молодая женщина, любуясь жадно сосущим грудь Мукки.

Сказав это, Эрмин вспомнила об отце Шарлотты, Жюле Лапуанте, который покинул эти края. Она готова была поспорить, что пить он не бросил. «Пока была жива его супруга, он не злоупотреблял алкоголем, — грустно сказала она себе. — И пользовался всеобщим уважением. Он не смог справиться со своим горем и дошел до того, что стал приставать к собственной десятилетней дочке. Какой ужас!»

Эрмин нашла еще один аргумент в пользу своей завтрашней эскапады: Шарлотта тоже заслужила немного радости, тем более что девочке так хочется увидеть Квебек!

«Она очень расстроится, если я откажусь от поездки. Как хорошо, что у меня есть деньги, чтобы заплатить за номер в отеле!»

Речь шла о довольно крупной сумме, которую Лора передала в полное распоряжение дочери — своего рода аванс в счет наследства.

— Почему здесь так тихо? — спросила Мирей, входя в комнату.

Домоправительница не могла не заметить, что в последние дни Эрмин сама не своя. Она обошла окна, задергивая занавеси.

— Мирей, иди присядь с нами! — позвала молодая женщина. — Хочу доверить тебе секрет. Пообещай, что не рассердишься!

— Хм! Все зависит от того, что, за секрет!

Эрмин, не торопясь, рассказала о своих планах. Она постаралась лишней раз не оправдываться. Шарлотта слушала, время от времени кивая.

— Ба, теперь я понимаю, за что мне выпало счастье всю последнюю неделю слушать серенады! — с понимающим видом сказала домоправительница. — Ты готовилась к этому прослушиванию! Что ж, нужно приготовить вам провизии в дорогу. Поезжай в свой Квебек, притворщица! Но подумала ли ты о ребенке? Вам придется взять с собой коляску и хороший запас пеленок. Боже милосердный! В старую машину Онезима не поместится столько багажа! И уверена ли ты, что сможешь вернуться в будущую субботу? Если начнутся снегопады, поезда могут отменить. А дорога занимает двенадцать часов.

— По приезде в Квебек из отеля я сразу же позвоню мсье Дюплесси, — сказала Эрмин. — Думаю, прослушивание я вполне смогу пройти в среду. Мирей, я не собираюсь скрывать эту поездку от мужа и матери. Если я не смогу вернуться вовремя, что ж, так тому и быть.

— Так тому и быть? — ворчливо повторила за ней Мирей. — Легко тебе говорить! А ругать за то, что позволила тебе уехать, станут меня! Мадам Лора не слишком расстроится, но Тошан, боюсь, будет в ярости!

— Я все понимаю, Мирей! Но у меня есть чем его задобрить, если он слишком рассердится.

Заинтригованная, домоправительница нахмурила брови. Какое-то время она смотрела на красивое лицо молодой женщины в ореоле густых белокурых волос.

— Тебе все простят за одни только красивые глаза! — сказала она наконец. — И все же ты заставишь всех нас поволноваться. Мне остается только скрестить за тебя пальцы и пожелать удачи. Хотя крайне неосмотрительно отправляться в путешествие одной, с младенцем на руках и девочкой. Мадам Лора с удовольствием поехала бы с тобой. И все-таки, к чему такая скрытность?

— Я и сама не знаю точно, — призналась Эрмин. — Самое простое объяснение — это касается только меня. Это мой голос, и мне решать, что делать с ним в будущем. Кроме того, вполне возможно, я лучше спою, если в зале не будет ни мамы, ни Ханса.

Мирей воздела руки к небу. По правде говоря, смелость Эрмин ей нравилась.

— Сегодня на ужин вы съедите вкусного горохового супа, а завтра утром возьмете с собой теплых оладий с сахаром и бутыл-термос с кофе. Вот так история! Господи, вот так история!

Шарлотта посмотрела на молодую женщину и вздохнула с облегчением. Эрмин, которая, предвкушая новые впечатления, чувствовала приятное волнение и в то же время подспудное беспокойство, ответила лукавой улыбкой.

— Нужно сложить вещи, — сказала она взволнованно. — Идем, поможешь мне, Лолотта! Прости, Шарлотта! Боюсь, сегодня ночью я не усну...

Девочка пожала ей руку. Она была так счастлива, что верила: она сможет защитить свою старшую подругу и малыша в любых обстоятельствах.

Онезим Лапуант приехал в половине восьмого. Бледный рассвет

занимался над застывшим на морозе пейзажем. Обеспокоенная сверх всякой меры, домоправительница впустила его в дом и предложила обжигающе горячего кофе.

— Я приехал пораньше, потому что мою машину нужно перед дорогой хорошо прогреть. Не хочу, чтобы мадам опоздала на поезд.

Эрмин спустилась вниз полностью одетая, с сыном на руках. Сердце ее сжималось от страха. На ней была шубка, волосы она собрала в пучок и покрыла красной шерстяной шляпкой в форме колокола.

— Возьмите мой чемодан, Онезим! Мирей, посмотри, я достаточно хорошо закутала Мукки? Если он заболит, Тошан мне никогда не простит!

— Из одеял едва кончик носа видно! Не переживай так, твой сын крепкой породы! Ребенка индейских и квебекских кровей простуде так легко не одолеть!

Мирей нахмурилась, провожая взглядом Онезима, который в грязных башмаках стал подниматься вверх по лестнице. Из своей комнаты вышла одетая по-дорожному Шарлотта. Брат и сестра в знак приветствия обменялись улыбками.

— Ты стала настоящей барышней! — сказал Онезим. — Никогда не видел тебя в таком красивом наряде.

— Я же еду в Квебек! — с серьезным видом отвечала девочка.

— Вот оно что! — шутливо отозвался старший брат.

Быстрый обмен парой фраз — и пришло время расставаться. Эрмин поцеловала Мирей, а та, чтобы ее успокоить, ласково похлопала молодую женщину по спине. Онезим устроил чемоданы и коляску в своей машине с тихо гудящим двигателем.

«Я поступаю неосмотрительно, — думала молодая женщина. — Следовало бы дождаться мая!»

У нее комок стоял в горле, во рту пересохло. Предстоящее путешествие казалось предприятием неосуществимым.

«Какой отель выбрать? Я совсем не знаю Квебека. В сравнении с Робервалем это, должно быть, огромный город!»

Шарлотта волновалась куда меньше. Она села на заднее сиденье. И вдруг испуганно вскрикнула:

— Мимин, ты не предупредила учительницу, что я пропущу несколько дней занятий!

— О Боже, ты права! И Бетти! Бетти, как обычно, придет к нам в гости вечером!

— Я обо всем позабочусь, — обещала экономка. — Поговорю и с учительницей, и с мадам Элизабет.

Наконец машина тронулась с места. Эрмин надеялась уехать из Валь-Жальбера, не привлекая ничьего внимания, но ее планам не суждено было сбыться. Мадемуазель Лемэ с крыльца монастырской школы смотрела, как автомобиль, порывивая мотором, зигзагами мчит по дороге. За обледеневшими стеклами она увидела лица пассажиров. Это была Эрмин и одна из ее учениц. Чуть поодаль Жозеф, с лопатой на плече, разговаривал с сыном Арманом.

— Гляди-ка, Эрмин куда-то уезжает с Онезимо! — воскликнул бывший рабочий.

— Может, ей нужно увидаться с доктором в Шамборе, — предположил подросток. В принципе, ему было все равно, куда направляется молодая женщина.

Эрмин между тем с трудом сдерживала слезы. Ей казалось, что она совершает побег. Но пришлось взять себя в руки, чтобы не огорчать Шарлотту. Онезим водил не слишком умело. Машину часто заносило.

— Простите, мадам! — говорил он. — Дорога тряская, тут уж ничего не поделаешь.

И все же на вокзал «Шамбор-Жонксьон» они прибыли целыми и невредимыми. Это был довольно крупный железнодорожный узел. Местные жители часто называли его «станция “Шамбор-Коптильня”» из-за того, что там всегда было в избытке пара от паровозов.

— Я часто езжу в Шамбор на мессу, но ни разу не была на вокзале, — заметила молодая женщина. — Как здесь шумно! Можно оглохнуть!

— Здесь и зимой и летом полно народу, — вставил свое замечание Онезим. — Сейчас помогу вам вынуть багаж.

С этого момента для Эрмин началось погружение в совершенно незнакомый мир. Суэта, царившая на перроне, толпа путешественников, скрежет и рычание паровозов, — все это сливалось во впечатляющую какофонию. Эрмин вошла в здание вокзала, чтобы купить билеты. Шарлотта, неся Мукки, не без страха рассматривала шеренги вагонов, многие из которых предназначались для перевозки грузов.

Онезим огрубевшим пальцем погладил ее по щеке.

— Я очень рад, сестричка, что у тебя все так хорошо складывается. И, знаешь, я благодарен мадам Лоре. У нее доброе сердце. И у ее дочери тоже.

— Онезим, пожалуйста, никому не рассказывай, что мы уехали. Это секрет!

— Я догадался, маленькая плутовка! — отозвался он шепотом. — Иначе вас отвез бы мсье Ханс. Но меня это не касается.

Над поселком закружились хлопья снега. Пронзительный ветер со

скованного льдом озера Сен-Жан тонким свистом пронизал морозный воздух; следом послышалось глухое рычание.

— Механики заливают воду в баки, — пояснил Онезим. — Чтобы поезд двинулся, нужно очень много угля и воды!

Шарлотта наморщила носик. Запахи вокзала казались ей в одно и то же время неприятными и опьяняющими. Вернулась Эрмин и заставила себя улыбнуться девочке.

— Я купила билеты, — объявила она с таким видом, словно за них ей пришлось выдержать жестокую битву. — Держите, Онезим! Было очень любезно с вашей стороны нас подвезти!

И она сунула ему в ладонь сверток банкнот. Приятно удивленный молодой человек, не ожидавший такой щедрости, счел своим долгом донести до места их багаж.

— Спасибо! Садитесь в вагон, а я вернусь за коляской!

Устроившись, Эрмин вздохнула свободнее. Она сняла шарф и посадила сына к себе на колени.

— Мукки даже не заплакал, — сказала она с улыбкой удовлетворения на устах.

— Ему нравится путешествовать, — заверила молодую женщину Шарлотта.

Несколько последующих минут они сидели молча, ощущая некоторую робость. И без того высокий и крепкий, в своей толстой меховой куртке Онезим, который ловко уложил чемоданы и детскую коляску на багажные полки, казался настоящим великаном.

— Желаю вам приятной поездки, дамы! — сказал он с улыбкой и приподнял в знак приветствия свой картуз.

Локомотив выплюнул облако пара, а за мгновение до этого послышался протяжный второй свисток.

«Господи, пусть этот поезд поскорее тронется! — подумала Эрмин. — Или я выйду и не важно как, но вернусь в Валь-Жальбер. Мне не нужно было никуда ехать! Это безумная затея!»

Ее охватила паника, как это обычно случается с детьми. Мысли, одна тоскливее другой, теснились в голове.

«Видела бы меня сейчас мама! Она бы спросила себя, какая муха меня укусила, чтобы вот так путешествовать посреди зимы с пятимесячным младенцем на руках. А Тошан! Он будет вне себя от ярости. Если бы только я осталась дома! Я бы пригласила Бетти на полдник, а вечером закончила бы вязать шерстяную кофточку для Мукки. И из-за меня Шарлотта пропустит столько уроков!»

— Мимин, все в порядке, поезд тронулся, — потрясла ее за руку Шарлотта. — Посмотри, мы едем!

— Да, ты права, — ответила молодая женщина слабым голосом.

Шли минуты, Эрмин смотрела на проплывающий за окном пейзаж. Сосны в шапках из снега, белые луга, столбы. Она подумала в который раз, что следовало бы снять шубку, но в вагоне было не слишком тепло.

— Как ты думаешь, мы приедем в Квебек до темноты? — спросила Шарлотта.

— Нет, мы приедем поздно ночью, — тихо ответила Эрмин.

Мукки жалобно вскрикнул. Эрмин подсчитала мысленно, сколько времени прошло с того момента, как она кормила его в последний раз. Она устроилась поудобнее, чтобы дать ему грудь. Кашемировый платок укрыл бы ее от нескромных взглядов других пассажиров, но на соседнем месте сидела только женщина с двумя детьми. Шарлотта, убаюканная покачиванием вагона, скоро задремала.

Эрмин не стала отнимать сына от груди, когда он насытился. Мукки спокойно спал. Из соседнего вагона донеслись звуки аккордеона вперемешку со взрывами смеха и отголосками разговоров.

«Слава богу, что в нашем вагоне спокойно», — подумала молодая женщина.

Она с любопытством рассмотрела потолок и перегородки, потом перевела взгляд на окно, за которым елями, соснами и кленами щетинились холмы. Шел снег. Молодая женщина наконец осознала, что эскапада удалась. Она представила себя птицей, сверху смотрящей на железнодорожные пути, подобные черной змее, соединяющей Шамбор с Квебеком. Расстояние между городами показалось ей неисчислимым, как и время, за которое оно могло бы быть пройдено.

«Помнится, мама и Ханс рассказывали, каким важным моментом в освоении берегов озера Сен-Жан и других регионов было сооружение сети железных дорог. Благодаря поездам население значительно увеличилось. Стал развиваться туризм. Говорят, что жители Монреалья по субботам и воскресеньям приезжают кататься на лыжах в Лорентид, и это развлечение становится очень популярным. Мне бы тоже хотелось попробовать. Я сижу здесь и дрожу от страха вместо того, чтобы радоваться! Раньше на такое путешествие ушло бы много дней!»

Эрмин закрыла глаза. Она вспомнила другой отъезд, который не закончился ничем. Лора организовала тогда поездку в Квебек, летом. Они должны были плыть на пароходе.

«Мы планировали выехать из Шикутими, а потом по Сагенею

спуститься в Тадуссак. Ханс сопровождал бы нас, хотя в то время он был только другом семьи, не более. Но я получила письмо от своих деда и бабки по отцовской линии, Шарденов. Они написали, что не хотят знаясь со мной и что моя мать в прошлом была проституткой».

Молодая женщина вздрогнула, вспомнив, каким это стало для нее ударом. И вот, пока Лора ждала ее, Эрмин убежала из дома.

«Я поднималась по тропинке вдоль водопада и чувствовала себя такой несчастной, что мне не хотелось жить. Я решила броситься в воды Уиатшуан, моей реки. Мама последовала за мной, вымолила у меня прощение. И мы помирились, потому что из-за меня она чуть не погибла. Я была не права, все не так уж страшно. Потом я поняла, какая это радость — любить, иметь ребенка».

По телу ее снова пробежала дрожь, но на этот раз она была отголоском счастливых переживаний. Эрмин с восторгом подумала о крошечном обещании жизни, обретавшемся в ее теле.

— Эрмин? — позвала Шарлотта шепотом, просыпаясь. — Ты, наверное, скучала, пока я спала!

— Вовсе нет, я думала. Хочешь, открою тебе секрет?

— Конечно хочу!

— Я жду малыша. Он родится в сентябре, как Мукки.

Новость обескуражила Шарлотту. Она смущенно улыбнулась.

— И у тебя будет по малышу каждый год? Если так, мне скучать не придется!

Они разговаривали шепотом. Эрмин погладила свою маленькую подопечную по щеке.

— Я хочу девочку, такую же милую, как ты, моя крошка Шарлотта!

Она уже успела пожалеть о своей неосмотрительности. О таких вещах не стоило бы говорить с ребенком возраста Шарлотты. Ату, похоже, эта тема очень интересовала. Шарлотта вспомнила свою мать, Аглаю, которая умерла тремя годами ранее.

— У мамы было трое детей после Онезима, но они умерли. Когда родилась я, мама благодарила Бога, она была очень рада. Элизабет тоже была счастлива, когда у нее родилась Мари.

— Я знаю, — согласилась Эрмин. — Бетти всегда хотелось иметь большую семью, но детей у нее всего четверо. Ее образцом для подражания была Селин Тибо, примерная мать, которая умерла от испанки. У той было пять сыновей и шесть дочерей.

— А почему у мадам Лоры только одна дочь — ты?

— Слишком долго объяснять, — отрезала Эрмин. — Я проголодалась.

И с удовольствием выпила бы кофе.

Шарлотта поспешила взять с полки корзинку с провизией, уложенную заботливой Мирей.

— Чашечки маленькие, как в кукольном сервизе, — с восторгом заметила Шарлотта. — Я налью тебе кофе.

Эрмин уложила закутанного в одеяльце Мукки на сиденье. Они с наслаждением позавтракали, радуясь необычности окружающей обстановки. Поезд между тем успел уже сделать две остановки на маленьких вокзалах. Он снова стал терять скорость и наконец остановился на станции «Лак-Бушетт». Обвешанные багажом, в вагон зашли несколько пассажиров.

— Шарлотта, здесь, в пустыни Святого Антония, мы с Тошаном поженились. Я даже хотела привезти тебя сюда, чтобы твои глаза выздоровели. Здесь есть часовня и миниатюрная копия базилики Лурда, что во Франции.

— Меня прооперировали, и теперь я снова вижу, — заметила девочка. — Но я все равно с удовольствием сюда бы приехала.

Сердце молодой женщины сжалось. Ей показалось, что с того странного вечера, когда состоялась их с Тошаном свадьба, прошло много лет. Они добрались до пустыни на санях, обезумевшие от любви и желания наконец принадлежать друг другу.

«Я не могу рассказать Шарлотте, что мы ночевали в кольце лиственниц, у огромного костра, — подумала Эрмин. — Как же мы были счастливы... И свободны! Тошан говорил мне такие приятные вещи, был нежен и внимателен...»

Приходилось признать, что ее супруг переменился. Он заверял ее, что любит, как в первые дни брака, но на самом деле стал более строгим и слегка отстраненным.

«По крайней мере, днем, не ночью... когда мы спим вместе, что случается редко».

— Ты видела, Мимин, какой густой идет снег? — спросила Шарлотта.

— Да, но ведь мы в надежном укрытии!

Поезд тронулся снова. Эрмин решила снять шляпку и шубу. Мужчина, один из вошедших на последней остановке пассажиров, который как раз раскладывал свои вещи, посмотрел на нее с восторгом. Она была ослепительна — белокурая, с розовым румянцем и округлыми грудями, угадывающимися под шерстяным жилетом.

Проходили часы. Шарлотта, чтобы не скучать, смотрела в окно.

— По-моему, я только что видела лося! — воскликнула она, когда они

проезжали по редкому лесу. Ветви деревьев трепал порывистый ветер. — Он был громадный!

Они перекусили сэндвичами с сыром, приготовленными Мирей, съели каждая по оладье. Эрмин снова накормила малыша, который вел себя на удивление спокойно. «Я зря так боялась этой поездки, — размышляла она, баюкая сына. — Подумать только, завтра утром мы проснемся в Квебеке! На вокзале возьмем такси и спросим у водителя совета, какой выбрать отель. Нам нужно хорошее заведение!»

Чтобы приободриться, она достала из сумочки визитную карточку Октава Дюплесси с его номером телефона.

«Вот этот господин удивится, когда я ему позвоню! — подумала она. — И еще сильнее — когда я скажу, что звоню из Квебека и решила пройти прослушивание. Хотя боюсь, на директора Капитолия мое выступление не произведет никакого впечатления. Ханс сделал все, что мог, но ведь он не настоящий преподаватель вокала. А значит, я всего лишь подмастерье!»

Шарлотта спала. Было, по подсчетам Эрмин, около трех пополудни. И вдруг молодая женщина, которая тоже было задремала, вздрогнула. Что-то ударило в стекло. Это была сосновая ветка. Послышался бесконечно долгий скрежет, похожий на крик агонизирующего чудовища с телом из железа, чугуна и древесины. Рядом от страха закричал ребенок.

— Что случилось? — испуганно спросила Шарлотта.

— Не знаю, — ответила Эрмин. — Не бойся!

За окнами ничего не было видно. Бушевала метель, швыряя в стены вагона охапки густых холодных хлопьев снега. По проходу пробежал подросток с наспех повязанным шейным платком.

— Впереди завал, — прокричал он. — На пути упало несколько сосен!

Состав остановился с ужасающим скрежетом, так резко, что некоторые пассажиры упали со своих мест. Эрмин взяла Мукки на руки. На несколько минут в вагоне стало тихо, потом разразился целый концерт дискуссий и возгласов, перекрываемых завываниями ветра. Мужчины открывали двери и выходили из поезда, чтобы лучше узнать, что происходит.

— Произошел несчастный случай или авария, — встревоженно предположила Эрмин, обнимая Шарлотту. — Лучше сидеть здесь, выходить нельзя ни в коем случае!

Их соседка издала испуганный возглас. Своему мальчику, который собрался было вскочить с места, она приказала вернуться.

— Весной были такие дожди, что образовался оползень, — сказала

она, обращаясь к Эрмин. — Рельсы съехали вниз по склону холма. Как же я тогда испугалась! Еще немного, и поезд лег бы на бок!

— Я вас понимаю, — ответила молодая женщина. — Господи, не хочется думать, что могло случиться что-то нехорошее!

— Видно, что вы не слишком часто читаете газеты, — качая головой, заметила мать семейства. — Я немало поволновалась, когда стала ездить этим поездом! Однажды локомотив сбил лося. Бедное животное отбросило на обочину, из окна я видела его окровавленное тело. А поезд даже не замедлил ход!

Шарлотта едва сдержала крик ужаса. Ей было очень жалко несчастного лося. Эрмин вздрогнула: в купе проник поток ледяного воздуха. Она снова надела шубку и шляпку, но сперва как следует закутала девочку и Мукки.

— Какой у вас спокойный малыш! — сказала соседка по купе. — Я наблюдала за вами, он пьет молоко и засыпает, потом снова кушает, и так без конца. Он совсем не похож на вас, у него такие темные волосы и смуглое личико...

— Он вылитый папа, — отрезала Эрмин, не сочтя нужным уточнять, что отец ее ребенка — метис.

Они с соседкой обменялись еще несколькими банальностями. Шло время, но состав все так же стоял на месте. Благодаря любопытству некоторых мужчин, не скупившихся на комментарии, они узнали, что нужно расчистить железнодорожные пути и устранить поломку в паровом котле.

— А на дворе уже стемнело, — пожаловалась Шарлотта. — Мы не сможем устроиться на ночь в отеле!

— Я очень удивлюсь, если мы прибудем в Квебек до ночи, моя девочка, — сказала соседка. — Будет чудом, если мы доедем до озера Эдуар. Мы серьезно выбились из расписания. Даже не думайте о том, чтобы переночевать в Квебеке.

Услышав эти слова, Эрмин подумала, что видит кошмарный сон. Похоже, ее эскапада все-таки оказалась крайне неудачной. Несмотря на очень теплую одежду, молодая женщина вдруг поняла, что страшно замерзла. Малышка Шарлотта готова была заплакать от разочарования. И все же, будучи разумной и сильной духом девочкой, она продолжала укачивать забеспокоившегося Мукки.

В вагон вошел аккордеонист. Это был седовласый кудрявый старик с разделенной надвое бородой. Посмеиваясь, он наигрывал «Рядом с моей возлюбленной». В песне говорилось о белокурой девушке, и выбрал он ее,

наверное, увидев золотистые волосы Эрмин, потому что, проходя мимо, бросил на молодую женщину многозначительный взгляд.

— Сдается мне, поездка окончена, дамы, — сказал он, извлекая из своего инструмента последнюю вибрирующую ноту.

Почти тотчас же в вагон вошел представитель железнодорожной компании с рупором в руке.

— Дамы и господа, придется покинуть поезд. Мы не можем ехать дальше. Из поселка Лак-Эдуар приедут повозки, чтобы забрать женщин и детей. Пассажиров поезда устроят на ночь в туберкулезном санатории. Прошу вас, возьмите с собой свой багаж. Отсюда до Лак-Эдуара две мили пешим ходом, вдоль железнодорожных путей.

— А метель? — с беспокойством спросила Эрмин. — Вы же видите, на улице метель!

— Мадам, это метель нестрашная, я видел куда хуже. Поторапливайтесь, поторапливайтесь! В Лак-Эдуаре есть телеграф, так что о заторе уже сообщили.

Началось настоящее столпотворение. Некоторые пассажиры решили непременно сесть в первую же повозку, поэтому стали судорожно хватать свои вещи, в то время как остальные собирались не спеша и возмущались, когда их просили поторопиться. И все же атмосфера оставалась дружелюбной, что очень удивило Эрмин, ведь ей совсем не хотелось ни улыбаться, ни разговаривать с окружающими.

«Господи, это знак судьбы, — сказала она себе. — Кажется, мне нельзя ехать в Квебек, я просто не должна была туда ехать! И вот теперь я наказана!»

Шарлотта встала. Личико у нее было испуганное. Ее короткие черные косички и орехового цвета глаза привлекли внимание аккордеониста.

— Ты ведь не станешь плакать, верно? — воскликнул он. — Даю тебе слово: на рассвете господин локомотив поедет дальше, пуская большие клубы дыма...

— Я не маленькая, мсье, я не стану плакать, — негромко сказала на это девочка. — Я уже ездила до самого Монреаля!

Старик присвистнул с уважением и удалился. Эрмин, в каждой руке у которой было по чемодану, беспомощно посмотрела на детскую коляску. Какой-то юноша предложил ей помощь. Пассажиры поддерживали друг друга из чувства солидарности и были уверены, что их без содействия тоже не оставят.

За окнами состава сгущались сумерки. Между стволами деревьев танцевали огоньки. Сквозь завывания ветра, так похожие на волчий вой,

пробился перезвон бубенчиков. В тот момент, когда Эрмин ступила на свежий снег, подъехала большая повозка, запряженная крепкой черной лошадью.

— Лолотта! — позвала молодая женщина. — Держи Мукки крепко и не отставай от меня ни на шаг! Я не хочу тебя потерять!

Девочка пообещала. Ей было тяжело держать мальчика на руках, но она не хотела жаловаться.

Повозку взяли штурмом. Эрмин попыталась усадить Шарлотту, когда двое молодых людей, без сомнения, пьяных, оттолкнули их. Молодая женщина сделала шаг назад, споткнулась о чемодан и тяжело упала на спину.

— Мимин, ты цела? — испуганно спросила Шарлотта.

— Цела, не волнуйся! Осторожно, отойди в сторону!

Подошла большая лошадь, которой правил сидевший на переднем сиденье мужчина. Секунда — и эта, вторая по счету, повозка уже не могла вместить больше ни одного пассажира. Ни Эрмин с ребенком, ни Шарлотта не нашли бы в ней для себя места.

— Подождите, сейчас подъедет грузовик! — крикнул кто-то.

Девочка помогла Эрмин подняться. Из ниоткуда перед ними появился грузовик с гусеницами вместо колес. Мукки, который замерз и испугался воя ветра и окружающего их гама, заплакал что было мочи.

— На этот раз, дорогая, нужно успеть! — шепнула молодая женщина на ухо своей подопечной. — Бог с ней, с коляской, я оставлю ее здесь, если понадобится. Как же все-таки холодно!

Это место внушало Эрмин инстинктивный страх. Высокие ели северного леса закружились в адском танце, словно готовые разбиться на мельчайшие кусочки. С мрачного неба падал густой колючий снег.

— Господи, помоги! — тихо взмолилась Эрмин, возвращаясь к реальности.

Ее соседка по купе теребила молодую женщину за рукав:

— Поторопитесь, мадам! Мои дети уже в грузовике. Я помогла сесть туда же вашей девочке с малышом.

Движением толпы женщину отнесло прямо к подножке грузовика, а Эрмин в очередной раз оттолкнули назад. Она не имела привычки расталкивать других локтями, чтобы добиться своего, — монахини воспитали в ней, наряду с вежливостью, также и смирение. Не прошло и минуты, как она, не веря собственным глазам, стояла и смотрела на отъезжающий грузовик.

— Шарлотта! — позвала молодая женщина. — Шарлотта, не бойся! Я

скоро приеду!

Но в набившейся в грузовик массе людей она не увидела девочки. Плача от беспокойства и нервозности, она посмотрела по сторонам в поисках другого транспорта. Крепкие мужчины, нагруженные чемоданами, иногда на лыжах, шли вдоль рельсов в направлении Лак-Эдуара.

— Идти лучше, чем стоять, мадам! — обратился к Эрмин элегантно одетый человек лет шестидесяти, который опирался на трость. — Так вы скорее согреетесь!

Эрмин отвернулась. Ей было стыдно за слезы и за свой каприз с поездкой, принесший им с Шарлоттой столько неприятностей. Она старалась не думать о Тошане и матери, которым, естественно, и в голову не приходило, что она в этот снежный вечер торчит где-то в Мориси^[19], недалеко от поселка Лак-Эдуар.

Какой-то подросток положил руку ей на плечо, чтобы привлечь ее внимание:

— Мадемуазель, не бойтесь, сейчас подъедет на санях мой отец. Он послал меня вперед, чтобы успокоить оставшихся пассажиров. Говорят, в вагоне, который шел следом за локомотивом, есть раненые.

— Спасибо, это очень мило с вашей стороны, — с трудом проговорила Эрмин. — Так вышло, что мой сын, а ему всего пять месяцев, уехал в другой повозке. Вы представляете, как я беспокоюсь! За ним присматривает подруга, но мне страшно...

Она не стала уточнять, кем ей приходится Шарлотта и сколько ей лет.

— Я позабочусь о вас, — заверил ее мальчик. — Где ваши чемоданы? Вот эти? В санатории вам будет уютно. Здание там просторное, места хватит всем. Счастье еще, что поезд не заполнен под завязку! Последние несколько вагонов — товарные.

Сочувственное отношение мальчика успокоило Эрмин, и она решила никуда от него не отходить. Где-то залаяли собаки.

— А вот и отцовская упряжка, — сказал мальчик. — Не переживайте, все образуется, мадам!

Молодая женщина устроилась в санях, на своих чемоданах. Она оказалась между пышнотелой дамой, ни на секунду не перестававшей ругаться и осыпать всех и вся упреками, и ее мужем, кончики русских усов которого превратились в крохотные сосульки. Супружеская чета переговаривалась очень громко, стараясь перекричать завывания ветра.

— Почему это мы должны ночевать в санатории? Им нужно было разместить нас в другом месте. Не хватало нам заразиться туберкулезом!

— Нас поместят отдельно от больных, Вельдиния! — отрезал ее

супруг. — Нас наверняка положат спать на стульях в столовой!

— Телесфор, это с каких же пор больным нет доступа в столовую? — спросила она. — Не хватало еще, чтобы нам подали их посуду!

В газете «*La Presse*», которую регулярно покупал Ханс Цале, Эрмин прочла однажды, что туберкулез — настоящий бич бедных кварталов Квебека. Уже несколько десятков лет болезнь опустошала поселения рабочих и фермеров, не говоря уже о семьях городских бедняков, живущих в антисанитарных условиях. Больше всего больных было в Монреале. По данным статистики, в регионе озера Сен-Жан случаев заболевания было намного меньше. Лора рассказывала дочери, что одна из ее старших сестер, там, в Бельгии, умерла от легочной чахотки в возрасте четырнадцати лет.

«Господи милосердный! — подумала она. — Что, если мой маленький Мукки заразится туберкулезом? Это будет моя вина! Как я могла поступить так неразумно!»

В сани сел четвертый пассажир. Это была высокая худая женщина, производившая впечатление существа слабого. Из-под серого шерстяного платка выбивались светло-каштановые волосы. На лице с правильными чертами читалась печаль, но печаль светлая, улыбчивая. Взгляд ее карих глаз остановился на Эрмин.

— Нужно возблагодарить Господа за то, что подобные заведения существуют, мадам, — заявила она строгим голосом, обращаясь к женщине по имени Вельдиния. — И относиться с сочувствием к его обитателям. Совсем невесело проводить много месяцев, а то и лет вдали от семьи и друзей. Увы, я знаю, как это бывает! В детстве у меня было легочное заболевание, меня увезли от родителей и поместили в санаторий. Это было во Франции, я родом из Шаранты. Я никогда этого не забуду. Мне, маленькой девочке, казалось, что меня все бросили. И я думала, что никогда не выйду из этого ужасного заведения. Я боялась, что умру, — персонал не слишком стеснялся в выражениях в присутствии детей. Пять лет назад у меня был рецидив. На этот раз я жила в Лак-Эдуаре. Знали бы вы, сколько душераздирающих сцен мне довелось увидеть! Отцам семейств приходилось покидать дома, супруг и детей, чтобы оказаться взаперти, без всякой надежды на выздоровление. Медицина перед туберкулезом бессильна. От него нет лекарств, но прохладный свежий воздух, отдых и правильная диета иногда заставляют болезнь на время отступить.

Эрмин услышала не все, а только основное: мешал постоянный шум. Правильная речь женщины, совершенно лишенная местного акцента, свидетельствовала о неплохом образовании.

— Почему вы направляетесь в Квебек, мадам? — вежливо спросила

Эрмин. — Моя мать приехала из Бельгии, ей тогда было двадцать.

— Элементарное стечение обстоятельств, мадемуазель. Двоюродная сестра, которую я люблю, как родную, переехала в Шамбор. О, это интересная история, надо бы мне ее вам рассказать! Если быть краткой, то она написала мне в письме, что мне в Канаде непременно понравится. И оказалась права. Я стала штатным корреспондентом газеты «*La Presse*» в Квебеке. А я вас знаю! Новогодние праздники я провела у кузины и слышала, как вы пели в церкви, накануне Рождества. Это было великолепно! У вас исключительно красивый голос.

Столь лестное замечание заставило Вельдинию и Телесфора присмотреться к Эрмин повнимательнее. Та смутилась.

— Благодарю вас, мадам...

— Называйте меня Бадетта, — с улыбкой поправила женщина. — Да-да, Бадетта — друг всех малышей, бедняков и стариков тоже! Я люблю слушать людей, люблю, когда они поверяют мне свои воспоминания и смешные случаи из своего прошлого. Знали бы вы почему... Я буду рада продолжить этот разговор в тепле. На таком ветру не поболтаешь!

Собаки с трудом тянули тяжело груженные сани. Наконец они выехали на открытое место. На снегу виднелись отпечатки множества ног и колес. Грузовик на гусеничном ходу как раз поворачивал обратно к поселку. На фоне морозной ночи вырисовывалось большое здание с пристройкой и многочисленными окнами, большинство из которых были освещены.

Туберкулезный санаторий построили в 1904 году на некотором расстоянии от поселка, на берегу озера. Эрмин стала оглядываться по сторонам, ей не терпелось найти Шарлотту и Мукки. Она почти бегом ворвалась в холл. Там ее любезным жестом поприветствовала монахиня, вид у которой был озабоченный: наплыв путешественников нарушил привычный порядок.

— Простите, сестра, а где пассажиры поезда? — спросила Эрмин. — Я ищу девочку с грудным младенцем!

— Идите в столовую, прямо по коридору, мадам.

— Спасибо!

Эрмин не видела и не слышала ничего вокруг, даже не почувствовала приятного тепла, не заметила яркого света электрических ламп. Столовая походила на растревоженный пчелиный улей. Напрасно вторая монахиня призывала путешественников к порядку — несколько десятков человек были заняты тем, что устраивали свой багаж вдоль стен, расталкивая скамьи и стулья.

— Эрмин!

Шарлотта пыталась пробиться к ней, прижимая к себе Мукки. Эрмин опустилась на колени и обняла обоих. Мальчик надрылся сердитым криком и был весь красный.

— Думаю, он сильно проголодался, — пояснила девочка. — Одна дама хотела дать ему сладкой водички, но я отказалась. Не знаю, хорошо ли это для Мукки.

— О дорогая! Я так беспокоилась, когда мы оторвались друг от друга! Но теперь все в порядке, я с вами. Я покормлю его!

Среди пассажиров поезда было довольно много мужчин и мальчиков-подростков. Многие взрослые, обрадовавшись, что оказались в тепле с перспективой горячего ужина, достали курево. Монахиня по очереди подходила к каждому курильщику и запрещала зажигать сигареты, а если это было уже сделано, приказывала погасить немедленно.

— Подумайте о наших больных! — повторяла она с возмущением. — Нам придется кормить здесь всех, по крайней мере, самых крепких. Курить в столовой строжайшим образом запрещено!

Эрмин, прижимая исходящего криком сына к груди, подошла к двойной двери со стеклом. Испытывая настоящую потребность где-нибудь уединиться и спокойно покормить ребенка, она вошла в помещение кухни, по всей видимости, пустое. Шарлотта последовала за старшей подругой. На огромной печи стояли не менее огромные кастрюли, распространяя аппетитный аромат тихо кипящего супа.

— Жаль, если я кому-нибудь помешаю, но делать нечего, — шепотом сказала Эрмин, усаживаясь на табурет.

Проголодавшаяся и усталая, Шарлотта рассматривала развешенную на гвоздях кухонную посуду из белой жести. Она очень испугалась, оказавшись одна в толпе чужих людей. Прерывистое дыхание девочки было тому доказательством.

— Моя дорогая крошка, мне так жаль! — сказала молодая женщина, прикладывая сына к груди. — Из-за меня ты натерпелась такого страха! Я очень корю себя за это. Моя вина, что все так получилось!

— Нет, это я виновата! — заявила Шарлотта. — Это я умоляла тебя поехать в Квебек. Я без конца говорила об этой поездке. Если бы не я, ты бы осталась в Валь-Жальбере, в тепле и покое.

— Вовсе нет, Лолотта! Не говори глупостей. Скажи, ну кто мог предвидеть, что случится авария? Посмотри лучше на Мукки — ему нет дела до нашего спора, он думает о том, как бы поскорее насытиться!

За спинами у них послышалось тихое покашливание. Потом звучный голос произнес:

— Мне жаль, мадам, но вы должны вернуться в столовую. Входить в кухню нельзя.

Ясно различимый акцент и строгие интонации показались молодой женщине на удивление знакомыми. Она подняла голову и взгляделась в морщинистое лицо третьей монахини. Поверх длинного серого платья на той был розовый полотняный передник.

— Сестра Викторианна!

— Эрмин! Ты ли это? — воскликнула пожилая дама, подходя ближе. — Господи, я и не мечтала, что увижу тебя! Да еще с таким славным карапузом на руках!

Эрмин встала, не помня себя от радости. Воспоминания о годах, прожитых рядом с сестрой-хозяйкой монастырской школы в Валь-Жальбере, теснились у нее в голове.

— Сестра Викторианна! Можно, я вас поцелую? — спросила она, давая волю своей радости. — Я так счастлива видеть вас!

— Ну, один раз можно, моя крошка! Конечно, иди, я тебя обниму!

— Мы попрощались с вами в декабре 1929-го, три года назад, — сказала молодая женщина. — Я думала, вы в Шикутими...

— Я предпочла приехать работать сюда, хочу быть полезной. Мне шестьдесят четыре, но я все еще в состоянии чистить овощи и месить тесто для хлеба. А ты, я смотрю, вышла замуж! И кто эта юная мадемуазель? Я уже где-то видела ее очаровательную мордашку!

— Это Шарлотта Лапуант, — быстро ответила Эрмин. — Ее взяла на воспитание моя мать. Ах да, когда вы уезжали, я еще не встретила с мамой. Нам о многом надо поговорить, сестра Викторианна!

— Предполагаю, ты была в этом поезде, — отрезала пожилая монахиня. — На ночь я устрою вас в своей комнате, потому что мы старые знакомые. А пока мне придется потрудиться: сегодня нужно подать добрую сотню тарелок.

— Я могу вам помочь, сестра, — тотчас же предложила девочка.

— Не откажись! Придется подавать еду в три приема, а обычно хватает одного. Боже, у меня же нет столько посуды! А ведь ее нужно сразу мыть, чтобы никто не заразился!

Эрмин со счастливым видом слушала монахиню. Она наконец поверила, что перед ней не фантом из прошлого, а живой, реальный друг. Молодая женщина узнавала каждый жест монахини, каждую гримаску, пусть та и утратила толику своей энергии. Освободив уголок стола, Эрмин перепеленала сына.

— Как ты назвала этого ангелочка? — спросила сестра Викторианна с

улыбкой. — Какой он у тебя пухленький и подвижный!

— Он носит имя своего деда, Жослина. Отца я никогда не увижу, но мне удалось украсить цветами его могилу на берегу реки Перибонки.

— А папа этого очаровательного малыша — кто-то из жителей Валь-Жальбера?

— Нет! Его отца зовут Клеман Дельбо. Сейчас он работает на большой лесопилке, обслуживающей бумажную фабрику в Ривербенде.

Шарлотта тем временем расставляла на подносах фарфоровые суповые тарелки. Девочка заметила, что Эрмин не стала называть индейские имена своих мужа и сына. Это показалось ей странным. Спустя мгновение молодая женщина пояснила радостным тоном:

— Сестра Викторианна была сестрой-хозяйкой в монастырской школе. Я многим ей обязана. Она научила меня готовить, шить, вышивать. Я так плакала в тот день, когда мы расстались! И представьте себе, сестра, в день вашего отъезда я познакомилась с Шарлоттой. Она пришла на праздник, который организовали в честь вашего отъезда. Вас в то время было четверо. Мать-настоятельница порекомендовала мне спеть «Прощальную песню», и я, с согласия господина мэра, вместо «Не говори “прощай”, мой брат, не говори “прощай!”» спела «Не говори “прощай”, сестра!».

— И мне хотелось плакать, — вспомнила монахиня. — Господь Бог щедр, Эрмин, раз он позволил мне еще раз тебя увидеть. Ты совсем не изменилась. У тебя все такие же красивые голубые глаза и белокурые волосы. Но ты стала красить губы, плутовка! И что ты делала одна в поезде? Куда ты ехала?

Молодая женщина предпочла сказать правду. Рядом с сестрой Викторианной она словно вернулась в детство, почувствовала себя девочкой-подростком, для которой соврать означало согрешить.

— Я хотела пройти прослушивание в театре Капитолий в Квебеке по совету одного импресарио, который слышал меня в церкви в Шамборе. Он специалист в своем деле.

— Вот оно что! — отозвалась монахиня. — Но ведь теперь у тебя есть семья. Или ты, несмотря на это, все равно хочешь петь на сцене?

— Я и сама пока не знаю, — сказала Эрмин. — Мне нужно уложить Мукки, а его коляска осталась возле поезда.

— Мукки? — изумленно повторила сестра Викторианна. — В молодости мне довелось лечить индейцев. Это их имя, оно означает «ребенок». Какая муха тебя укусила, что ты так назвала дитя?

— Мой муж — добрый католик, но его мать — индианка монтанье. Я не хочу полностью отказываться от их языка.

Кто-то вошел в кухню, положив конец разговору, к несказанной радости Эрмин. Это был доброжелательный мальчик, сын человека, чьи сани привезли Эрмин к санаторию. Перед собой он толкал коляску, рядом шла хрупкая Бадетта.

— Вот вы где, мадам! Не скоро я вас нашел! Я привез вашу коляску. Она была полна снега, но я его вытряхнул. Теперь она чистая!

— Спасибо огромное! — воскликнула молодая женщина. — Это очень любезно с вашей стороны. Мне пришлось бы без нее плохо!

До этого мальчик видел Эрмин только в темноте. Теперь же он глядел на нее во все глаза и думал, какая же она красивая.

— Теперь я спокойна, зная, что у вас все в порядке, — добавила Бадетта. — Я заволновалась, когда потеряла вас из виду. Сестра, я немного помогла вам с размещением пассажиров поезда. Столы мы разделили проходом — ваши больные смогут поужинать в обществе всех тех, кому повезло найти здесь пристанище. Доктор счел, что это вполне безопасно, да и обитателям санатория будет веселее.

Эрмин быстрым взглядом окинула кухню. Увидев кирпичи, предназначенные для обогрева постелей, она взяла один и сунула в печь. Постельные принадлежности Мукки показались ей слишком влажными.

«Я уложу его спать укутанным в одеяло, — подумала она. — Если я подниму откидной верх коляски, он сможет отдохнуть. А когда придет время, я его укачаю».

Она приберегла для себя столько упреков, что могла бы много часов заниматься только своим сыном. Шарлотта, уже освоившаяся в просторной кухне, с удовольствием готовила ложки и тарелки — считала их и пересчитывала.

— Сестра Викторианна очень хорошая, — шепотом сказала девочка Эрмин.

— Да, но с характером. Какое совпадение! Я и подумать не могла, что с нами случится такое. Но, моя крошка, надо стойко переносить неприятности. Здесь тепло, и мы будем спать под крышей и с полными желудками.

— Нам повезло, — согласилась девочка.

Бадетта тем временем разговаривала с монахиней. Она не преминула заметить, что хорошо знает это медицинское учреждение, потому что сама в нем когда-то жила.

— Мне нравилось в Лак-Эдуаре, сестра. А потом я обосновалась в Квебеке и стала независимой журналисткой. Зарботков мне вполне хватает, и все же лучшие мои воспоминания связаны с этим санаторием.

Воздух здесь такой чистый, а от вида на озеро просто дух захватывает! Пансионеры были в основном представителями среднего класса. Что-нибудь изменилось?

— Мне нет дела до социального положения больного, мадам, — отчеканила монахиня. — Для меня и остального персонала все они — несчастные люди, о которых нужно заботиться и временами обращаться как с малыми детьми. Некоторых мучат сильные боли. В прошлом месяце один пациент умер после долгой агонии. Здесь живут даже дети, увы!

— На это озеро приезжали знаменитые семейства, — сказала Бадетта. — Рузвельты, Рокфеллеры^[20]... Мужчины здесь охотились. Но сегодня с нами юная дама, которая однажды тоже может стать знаменитой!

Эрмин покраснела. И поспешила покачать головой в надежде, что журналистка поймет ее и сменит тему разговора.

— Вы говорите, конечно, об этой молодой мамочке, — пробурчала сестра Викторианна. — Я буду день и ночь молить Господа, чтобы Он указал ей верный путь и чтобы она стала хорошей супругой, набожной хозяйкой дома, но никак не звездой на сцене.

Подростку, до этого с горящими глазами прислушивавшемуся к их разговору, монахиня сделала знак удалиться. Мальчик стушевался и исчез. Из столовой донесся гомон.

— Я не хотела сказать ничего плохого, — мягко выговорила Бадетта. — Среди пассажиров есть аккордеонист. Если мадам согласится спеть для больных, это будет очень хороший поступок. У них есть радио, но это совсем не одно и то же. По моему мнению, передачи идут с ужасным звуком.

Монахиня сделала вид, что занята супом. Озадаченная, Эрмин предложила ей свою помощь:

— Сестра Викторианна, мой сын уснул. Я бы тоже хотела вам помочь.

— Можешь отнести стаканы и графины с водой. Обычно мне помогает женщина из поселка, но господин интендант поручил ей сегодня другую работу, на верхнем этаже. Не думаю, что этот шум и суэта пойдут на пользу нашим пансионерам. Распорядок дня и гигиенические нормы у нас очень жесткие. Ужин следует подать в половине седьмого, то бишь через десять минут. Все ложатся спать в девять вечера и свет гасят практически сразу.

— Разумеется, — сказала молодая женщина. — Дорогая сестра, я могу оставить сына под вашим присмотром? В кухне меньше шума.

— И меньше риска заразиться, — добавила Бадетта. — Я тоже могу сделать что-нибудь полезное.

— Я так и думала! — отозвалась монахиня. — Если ты собираешься

петь, Эрмин, подожди, пока подадим десерт. И нужно еще спросить позволения у доктора.

Каждая из женщин взяла в руки по тяжелому подносу. Гордая оттого, что может помочь, Шарлотта проворно сновала из кухни в столовую и обратно. Глазам Эрмин, когда она вернулась в просторное помещение столовой, предстало странное зрелище: зал, казалось, готовился к неравной битве. С одной стороны сидели два десятка пациентов санатория, с другой — масса пассажиров поезда, из которой выделялись шляпки, картузы и разноцветные шиньоны. Багаж расставили вдоль стен, но речь шла только о чемоданах, более крупные вещи остались в поезде. Стоял гул голосов — тихий, глухой, неясный.

«Где все эти люди устроятся на ночь? — спросила себя Эрмин. — Как странно быть здесь, далеко от Валь-Жальбера! Сестра Викторианна за то, чтобы поддерживать традицию. Я сразу почувствовала, что моя идея с поездкой в Квебек ей не понравилась».

— Все в порядке? — тихонько спросила у нее Шарлотта, которая шла рядом. — Ты показалась мне такой грустной...

— Я всего лишь обеспокоена, дорогая... Знаешь, этот санаторий, здешняя мебель, запахи напомнили мне монастырскую школу в те времена, когда ее посещало множество учеников. Мне показалось, будто я вернулась в прошлое, когда мне было столько, сколько тебе сейчас. Забавно...

Девочка улыбнулась и кивнула. Эрмин, Бадетта и еще одна монахиня разлили по тарелкам суп и раздали большие ломти хлеба. Когда все принялись за еду, в зале установилась тишина.

«Мне страшно смотреть на больных, — подумала молодая женщина, усаживаясь перед тарелкой супа в кухне. — Слово кто-то запретил нам к ним приближаться, хотя думаю, они довольны, что увидели столько людей».

Сестра Викторианна с обеспокоенным видом поглядывала на настенные часы.

— Ну что, Эрмин, ты будешь петь этим вечером? Приходится признать, что это редчайшая возможность для наших пансионеров — послушать живое пение, разумеется, если ты остановишь свой выбор на религиозных гимнах. И ничего кроме гимнов!

— Не беспокойтесь, я бы предпочла не петь вообще. Никто меня тут не знает. Будет лучше, если я пойду наверх и лягу. Эти волнения меня вымотали.

— А я думаю, что все уже знают, — вздохнула пожилая монахиня. — Эта дама, Бадетта, успела многим рассказать о тебе, да и невоспитанный

мальчишка, который глаз от тебя не мог оторвать, постарался.

Так совпало или кто-то сделал это нарочно, но из столовой донеслась веселая музыка. Это был аккордеон. Вбежала Шарлотта.

— Мимин, идем! — позвала она. — Доктор санатория дал свое позволение, потому что мадам Бадетта сказала, что у тебя золотой голос. Ты можешь петь. За столиком для больных я видела маленького мальчика. Он очень бледный.

— А, Жорель, самый младший наш пансионер, — уточнила сестра Викторианна и перекрестилась. — Мать сможет навестить его не раньше, чем в мае. Он плачет по ночам.

Эрмин убедилась в том, что Мукки мирно посапывает. Было восемь вечера.

— Хорошо, иду! — объявила она. — Я спою для Жореля и для вас, сестра.

Бывшая сестра-хозяйка монастырской школы ободряюще улыбнулась. Она с умилением вспомнила маленькую девочку, которая, встав на табурет на переменке, пела «У чистого ручья» своим одноклассникам.

— Поторопись! Они будут очень рады, — заверила она молодую женщину.

Появление Эрмин в столовой вызвало волну комментариев и вздохов нетерпения. В ореоле своих солнечно-белокурых волос она направилась к разделяющему столы проходу. Подошел доктор и пожал ей руку. Он счел нужным объявить:

— Нам выпала редкая удача, как мне сказали, принимать у себя настоящую артистку, мадам Эрмин...

— Эрмин Дельбо! — добавила оробевшая молодая женщина.

— Мадам Эрмин Дельбо, которая согласилась спеть для нас всех сегодня вечером.

По телу одного из пансионеров, стоило ему услышать это имя, пробежала дрожь. Он был высок и очень худ. Плечи его покрывал плед из шотландки. На седой макушке наметилась лысина. Изможденное лицо было тщательно выбрито. В журнале санатория он числился под именем Эльзеар Ноле, но на самом деле звался Жослином Шарденом...

Глава 5

Нить времени

Туберкулезный санаторий на озере Эдуар, в тот же вечер

Жослин Шарден выбрал имя Эльзеар Ноле не случайно: так звали его покойного деда, фермера, проживавшего недалеко от городка Труа-Ривьер. Это заимствование показалось ему оправданным, поскольку речь шла о члене его семьи. Однако в данный момент то, что он живет под чужим именем, было последней из его забот. Он растерянно глядел на красивую молодую белокурую даму, которая одним своим присутствием осветила столовую санатория. Он рассмотрел ее до мельчайших подробностей. На ней была белая шерстяная кофточка с голубым, под цвет юбки, воротничком.

«Эрмин Дельбо! Эрмин Дельбо! — повторял мужчина про себя. — Если это совпадение, то судьба решила помучить меня. Дельбо... Так звали золотоискателя, который приютил нас с Лорой. Анри Дельбо человек порядочный и честный, бесспорно. Он не взял ни су из моих сбережений, а ведь я предоставил ему право поступить с ними по своему разумению. Я ему весьма благодарен. Эти деньги мне оченьгодились. Эрмин, эту девушку зовут Эрмин, а не Мари-Эрмин...»

Решив наконец, что провидение в очередной раз решило сыграть с ним жестокую шутку, он надел на лысеющую макушку коричневую фетровую шапочку, которую снял перед ужином.

— Дамы и господа, я спою вам гимн нашей страны, думаю, это всем нам придаст сил! — объявила Эрмин.

Тебе эту песнь, Канада, поем —
Славы венец на челе твоем!
Рука твоя меч умеет держать
И крест умеет нести!

Стоило зазвучать мощному, идеально чистому голосу молодой женщины, как разговоры и возгласы нетерпения смолкли. Эрмин закончила

песню в глубочайшей тишине. Мгновение — и на нее обрушился шквал аплодисментов.

Жослин закрыл глаза. В уголках его губ залегли складки. Он думал о том, что врачи считают излишне сильные эмоции вредными для больных туберкулезом, а значит, сейчас все пациенты были под угрозой.

«Господи, ты, который сохранил мне жизнь! Я никогда не слышал ничего красивее! Что, если это мое дитя? Нет, это невозможно! Любой, посмотрев на эту певицу, скажет, что она принадлежит к высшему обществу, хорошо образованна и богата. Такие вещи чувствуются сразу. Моя малышка Мари-Эрмин, наверное, постриглась в монахини где-нибудь в Шикутими. Я умру, не узнав, как сложилась ее судьба, не увидев ее!»

Он задохнулся, прижал руку ко рту. С ним случился сильнейший приступ кашля. Лоб покрылся потом. С трудом ему удалось перевести дыхание.

«И ждать осталось недолго, — сказал он себе. — Я не увижу ни весны, ни лета. Мне с каждым днем становится все хуже...»

Эрмин бросала взгляды на собравшихся, но почему-то ощущала робость. Чтобы приободриться, она поглядывала на Шарлотту. Девочка сидела на краешке скамьи и лучезарно ей улыбалась. Решая в уме, какую песню спеть, молодая женщина наконец решилась открыто посмотреть на пансионеров санатория, ей хотелось увидеть Жорея. Сердце ее сжалось от боли, когда она заметила маленького бледного мальчика, очень худого. Закутанный в халат, с повязанным вокруг шеи теплым платком, хотя в зале было очень тепло, он был живым воплощением несчастного детства. Не найдя в себе сил объявить следующую музыкальную композицию, Эрмин торопливо запела арию из «Мадам Баттерфляй», над которой очень много работала, готовясь к прослушиванию.

Слушатели были поражены ее вокальным мастерством. Многие ожидали увидеть так называемую «популярную певицу» с репертуаром, собранным из песен знаменитой Ла Болдюк или народных баллад, а вместо этого перед ними предстала настоящая оперная дива. Среди пассажиров поезда нашлось несколько любителей оперы, поэтому ария Чио-Чио-сан привела их в восторг. На этот раз аплодисменты сопровождались звучными криками «Браво!».

— Благодарю вас! Благодарю! — отвечала порозовевшая от волнения Эрмин.

Сестра Викторианна отворила дверь между кухней и столовой, да так и застыла на пороге с тряпкой в руке и приоткрытым в изумлении ртом.

«Дорогой мой соловей! Я и не знала, что ты стала настоящей

певицей!» — подумала она.

Понимая, насколько разная публика собралась в столовой, Эрмин запела «У чистого ручья». Она была уверена, что всем будет приятно услышать эту песню. Жослин сложил свои узловатые руки в молитвенном жесте. Он был вне себя от восторга, неслыханный талант очаровательной незнакомки покорила его. И вдруг молодая певица подошла к Жорелю, чье маленькое радостное личико неотвратимо влекло ее к себе. Мальчик был на седьмом небе от счастья. Он смотрел на Эрмин так, словно она была ангелом, спустившимся с небес, чтобы помочь ему забыть о своих печалях и о болезни.

Жослину представилась уникальная возможность получше рассмотреть Эрмин. Ее красота породила в нем глубочайшую ностальгию. Много лет он, как мог, старался забыть образ своей супруги, но память снова и снова с молниеносной быстротой возвращала ему портрет Лоры.

«Как они похожи! — сказал он себе. — Эти светлые глаза, густые волосы, нос и манера двигаться, наклонять голову... Господи, если бы только это была моя дочь! Это не может быть совпадением! Имя, сходство с Лорой...»

Эта мысль была поистине мучительной. Он надеялся поймать взгляд молодой женщины. Увы! Она повернулась на каблучках и возвратилась на прежнее место, по центру прохода между рядами столов. Обрадованный директор заведения схватил ее за руку. Он сделал знак, что хочет говорить, однако ему пришлось подождать: аплодисменты не умолкали.

— Сегодня вечером нам удивительно повезло! — заговорил наконец директор. — Пока мадам Эрмин Дельбо радовала нас своим исключительным по красоте пением, мне сообщили интереснейшие сведения. Редчайшая удача — перед нами выступает состоявшаяся артистка. Я узнал, что мадам Эрмин Дельбо пела в церкви Сен-Жан-де-Бребеф в Робервале и в Шамборе. Да-да, с нами сегодня «соловей из Валь-Жальбера» — исполнительница, чей певческий путь начался в монастырской школе этого поселка и которая с четырнадцати лет выступала в «Château Roberval».

Все эти подробности директор узнал от сестры Викторинны. Повинуясь соблазну рассказать всем о своем давнем знакомстве с Эрмин, пожилая монахиня перемолвилась парой слов с доктором санатория, а он быстро передал услышанное директору. Ответом на речь директора были уважительные возгласы. Бадетта, улыбаясь сквозь слезы радости, крикнула: «Спойте еще арию!» — и публика единодушно ее поддержала. Журналистка даже встала с места, чтобы придать больше веса своей

просьбе. Эрмин с улыбкой кивнула:

— Я спою вам «Арию с колокольчиками» из «Лакме»!

Мужчина, стоявший в проеме двери, ведущей в коридор, достал из кармана фотографический аппарат — современную, малогабаритную модель. Он тоже был репортером «*La Presse*» и возвращался из Лак-Бушетт, где писал статью о пустыни Святого Антония. Он был очень доволен тем, что нашел еще один сюжет, который мог быть интересен читательской аудитории. Пока молодая женщина исполняла одну из труднейших арий репертуара лирических сопрано, которым по силам было взять «до» верхней октавы, он сделал несколько снимков.

Никто не обратил внимания на странное поведение Эльзеара Ноле, спрятавшего лицо в ладонях. По впалым щекам его струились слезы. Он и страдал, и радовался.

«На этот раз сомнений быть не может! Валь-Жальбер, монастырская школа... Эти слова преследуют меня последние два десятка лет! Это мое дитя, моя крошка Мари-Эрмин! Судьба привела ее ко мне! Господи, благодарю тебя! Какая радость — смотреть на нее! Она такая красивая, такая ласковая! И этот голос, этот небесный дар! Она заслужила его, несчастное дитя! Но она никогда не узнает, кто я. Зачем волновать ее? Я снова причиню ей боль!»

Несмотря на решение остаться для дочери чужим, Жослин не мог найти ответы на все свои вопросы. Ошеломленный открытием, он терялся в догадках.

«Если это Мари-Эрмин, то почему она носит фамилию Дельбо? Что она знает о своем прошлом? Моя дорогая Лора умерла. Значит, наше дитя ничего не знает о грустных обстоятельствах, которые вынудили нас ее оставить. Наверняка она росла, проклиная своих родителей, отдавших ее на воспитание монахиням Валь-Жальбера».

Он едва ли слышал финальные ноты «Арии с колокольчиками». Между настоящим днем и далеким утром зимы 1916 года протянулась невидимая нить, вибрация которой причиняла ему тягчайшие муки.

«Я стал причиной смерти Лоры! — говорил он себе. — Не будь я таким трусом, я бы нажал на спусковой крючок ружья и ей не пришлось бы погибнуть так страшно. Когда я вернулся назад, к хижине, единственное, что мне оставалось — это плакать на ее могиле. И снова мне не хватило мужества себя убить!»

Это ужасное недоразумение лишило Жослина сил, источило его разум. В течение многих лет он пребывал в уверенности, что его супруга покоится в земле пустынного Севера, недалеко от крошечной хижины из досок,

местонахождение которой указал им Анри Дельбо, золотоискатель, отец Тошана.

В то время как его дочь виртуозно исполняла по просьбе монахинь «*Ave Maria*» Гуно, Жослин Шарден мыслями пребывал в прошлом, видя себя покидающим их с Лорой полуразрушившееся убежище.

«С Лорой случилось страшное, она сошла с ума. Она не помнила, кто я, отказывалась говорить со мной, принимать пищу. Господи, я день за днем обречен был наблюдать, как ее бедное тело терзают голод и холод, и ничего не мог с этим сделать. Из сострадания я хотел положить конец мучениям, как это делают с больными животными. И не смог! Я убежал! Вокруг хижины бродили волки, и мне пришлось выстрелить в воздух. Я оставил у хижины сани — красивые сани, купленные за неразумно высокую цену перед рождением Эрмин. Это был мой последний подарок Дельбо. На Севере от такого подарка, как сани, не отказываются! Я хотел умереть. Что же могло произойти потом? Без сомнения, Анри Дельбо вернулся с запасами пищи и нашел Лору мертвой, возможно, обглоданной волками. Когда я пришел, саней не было. Этот славный человек их взял, сочтя нас обоих умершими. Он достойно похоронил останки моей жены. И даже установил крест на ее могиле. благородный поступок, я этого никогда не забуду... Сам же я сгорал от стыда. Я не могу рассказать все это дочке. Я не хочу увидеть презрение, ненависть в ее глазах. Выплакав все слезы, что у меня еще оставались, на могиле Лоры, я ушел, скрываясь от всех и вся, умирая от голода. И мне удалось вернуться к озеру Сен-Жан, откуда я намеревался переправиться в Соединенные Штаты».

Лора была бы поражена, узнай она о том, что случилось с ее супругом, которого она считала умершим и похороненным. Отогнав выстрелом волков, Жослин надел снегоступы и углубился в лес. Он продвигался вперед наобум, как одержимый. В те времена он был крепким и выносливым. Мужчина хотел покончить жизнь самоубийством, но не смог. После изнурительного перехода он укрылся в ветхой, всеми забытой лесной хижине. Ничто не могло побороть инстинкт самосохранения. В хижине было достаточно дров, и он развел хороший огонь. Анри Дельбо научил его нескольким приемам, и теперь Жослин знал, как находить пищу на Крайнем Севере: например, срывать почки бузины, которые очень питательны, варить себе напиток из сосновых ветвей. Теперь Жослин все вспомнил и применил на практике. На второй день ему удалось поймать в силос зайца, и он зажарил его на углях. Благодаря пище к нему понемногу вернулись силы, однако кошмарные видения и укоры неумолимой совести все так же будоражили его ум, стоило ему смежить веки. Терзаемый

раскаянием, больной от стыда, он отправился в обратный путь. Смерть Лоры стала навязчивой идеей. И ему придется похоронить ее, свою обожаемую супругу, красавицу Лору... Вернувшись, он понял, что самое страшное свершилось. По крайней мере, он так подумал, поскольку не имел возможности узнать правду: Анри Дельбо спас молодую женщину и увез ее к себе на санях.

Ни одно из трех действующих лиц этой трагедии так никогда и не задалось вопросом, кто же покоится в могиле под крестом в тех диких землях, на берегу реки Перибонки.

Анри Дельбо мог бы поклясться, что похоронил Жослина Шардена, поскольку мертвый мужчина был одет в похожую одежду. Волки полакомились его плотью, да и выстрел в лицо сделал его неузнаваемым. Возле трупа было только ружье, которое Дельбо забрал с собой. Оно до сих пор хранилось в хижине Талы, матери Тошана.

Что до Лоры, то она пообещала себе будущим летом совершить паломничество к могиле, которую Эрмин, юная супруга Тошана, украсила полевыми цветами.

Снова загремели аплодисменты. Директор и врач сквозь шум объявили, что пансионерам пора укладываться спать.

— Вам нехорошо, мсье Эльзеар? — спросила главная медсестра санатория. — Вы плачете? В этом нет ничего постыдного! «*Ave Maria*» — это так прекрасно...

Жослин вернулся к реальности. С той зимы прошло семнадцать лет, и теперь он страдал безжалостной болезнью — туберкулезом. Это страшное заболевание называли также *чахоткой*: больные теряли силы, пребывали в подавленном состоянии духа и чахли на глазах. В этом санатории, как и в других профильных заведениях, прогрессирование болезни, что в большинстве случаев заканчивалась смертью, пытались сдержать с помощью обильной пищи с преобладанием мясных и молочных блюд и благотворного воздействия прохладного чистого воздуха. Однако справиться с недугом медицина была не в состоянии^[21]. И все же у пансионеров санатория была хоть какая-то надежда, основанная на заботливом и тщательном уходе, который они тут получали.

Эрмин еще раз поблагодарила своих слушателей ласковой улыбкой и направилась прямиком к маленькому Жорелю. Мальчик смотрел на нее с безграничным восхищением.

— Тебе понравилось? — спросила она.

— Да, мадам, очень понравилось. Мне не было грустно, когда вы пели. А вдруг ваш голос поможет мне выздороветь!

— Это наилучшая из похвал, которую я когда-либо слышала, малыш! — ответила взволнованная до глубины души молодая женщина.

Эрмин смотрела в блестящие глаза Жореля и не замечала, как жадно взирает на нее сидящий рядом с мальчиком мужчина. Жослин затаил дыхание, потрясенный тем, что дочь находится так близко. Она казалась ему сказочным существом, таким прекрасным, что он, поддавшись порыву, протянул руку и погладил ее по волосам.

— Мсье Эльзеар, не пугайте нашу дорогую гостью! — сделала ему замечание медсестра. Жослин опустил руку.

Эрмин от неожиданности отступила на шаг назад и посмотрела на незнакомца, сделавшего такой неуместный жест. Мужчина был еще не стар, ему едва исполнилось пятьдесят. На нем болтался клетчатый халат, шею обвивал шелковый платок. Бледное лицо его казалось очень худым. Отсутствие усов и бороды, редкое для мужчины того времени, подчеркивало его болезненный вид.

— Прошу простить меня, мадам, — тихо сказал Жослин. — Я не хотел вас обидеть.

— Ничего, — ответила Эрмин, смущенная смирением в его голосе.

В его карих глазах она прочла глубокую тоску и что-то вроде паники. Похоже, он переживал сильные душевные муки. И очевидность этого пугала... К счастью, подбежала Шарлотта:

— Эрмин, малыш сильно плачет! Думаю, он проголодался. Я пробовала его укачать, но он сосет пальчик!

— Иду! — ответила молодая женщина. — Хотя, скорее всего, у него колики, потому что кушал он совсем недавно.

— У вас есть ребенок? — спросил Жорель.

— Да, маленький сын! — воскликнула Шарлотта. Она хотела порадовать мальчика, которого ей было так жалко. — Мы зовем его Мукки, но настоящее его имя Жослин.

Медсестра помогла Эльзеару Ноле встать со стула. Состояние пациента ее всерьез беспокоило, он дрожал всем телом.

— Идемте, мсье Эльзеар, вам нужно поскорее лечь в постель и отдохнуть, — энергично заявила женщина. — Простите его, мадам! Нашим пациентам нечасто выпадает такая удача, как сегодня вечером: посетители к нам заглядывают редко, что уж говорить об артистах...

Жослин Шарден не сводил с Эрмин растерянного взгляда. Если сейчас он вернется в свою комнату, то больше никогда ее не увидит — свою дочь, плоть от его плоти. И он изо всех сил упирался, сводя на нет усилия медсестры.

«И она уже мама, у меня есть внук! — думал мужчина. — Если она окрестила своего сына Жослином, может, она и не испытывает ненависти к собственному отцу. Несколько слов — и она узнала бы, кто я. Но я не смогу ни обнять ее, ни расцеловать ее милое лицо. Я не хочу причинить ей вред, передать болезнь, от которой сам скоро умру! Она не должна знать... Хотя, быть может, она и сжалилась бы надо мной...»

Голова у Жослина закружилась, и он пошатнулся. Одна из монахинь поспешила на помощь медсестре: удержать высокого пациента, который, несмотря на худобу, был довольно крепок, оказалось делом непростым. Эрмин, подарив Жорелю еще одну дружескую улыбку, скрылась в кухне. Сестру Викторянну она застала в весьма плохом расположении духа.

— Я чуть не оглохла от криков твоего сына! А мне еще надо собрать гору посуды, перемыть ее, продезинфицировать. Работа няньки не по мне! Хорошее дело — распевать песенки, но когда ты — мать семейства, надо иметь больше сознательности!

— Простите меня, сестра! Я вам помогу, — сказала молодая женщина, хотя при других обстоятельствах подобные жалобы вызвали бы у нее улыбку.

Однако и ей пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить Мукки. Как только мальчик уснул, она бросилась на помощь сестре-хозяйке, которая уже пристроила к делу Шарлотту и Бадетту. Журналистка согласилась с радостью, она словно хотела показать, что знакома с порядками в этом заведении. Ее готовность помочь была весьма трогательна.

— Надевай-ка фартук, — приказала сестра Викторянна Эрмин. — Ты и так уже запачкала свою красивую юбку. Надо сказать, ты слишком хорошо одета для супруги дровосека. Как твоему мужу удалось купить тебе меховую шубку?

— Я все вам объясню, — отвечала молодая женщина. — Но позже.

Стоявший в кухне шум не располагал к разговорам. Свистел чайник. Срочно призванная на кухню уборщица перемывала сложенные в цинковые тазы суповые миски и столовые приборы, перед тем как ополоснуть их жавелевой водой.

— К завтраку столовая должна быть безукоризненно чистой, — повторяла пожилая монахиня, переходя от одного шкафчика к другому. — Санаторий переполнен, и мне придется встать на рассвете, чтобы добиться хотя бы видимости порядка. А еще мне надо приготовить постели для тебя и девочки!

— Мне хватит и постеленного на полу матраса, — заверила ее

Эрмин. — Я не хочу добавлять вам работы!

Молодая женщина перетирала посуду. В просторной кухне пахло влажным бельем и слегка — овощным супом и теплым молоком. Бадетта, сновавшая взад и вперед между столами, наконец объявила, что совершенно выбилась из сил.

— Сестра, Эрмин! Я иду спать. Только что пришли сказать, что поезд отправится дальше в шесть утра, поэтому нужно быть готовыми с рассветом. Я очень рада, что мне довелось провести вечер в вашем обществе в этом учреждении, о котором у меня сохранилось столько воспоминаний, поверьте, очень рада! До завтра!

— Спасибо, Бадетта! И до завтра! — вздохнула молодая женщина, которая тоже очень устала.

— Позвольте поцеловать вас в знак благодарности за ваше чудесное пение, — ласково попросила Бадетта.

Эрмин с радостью согласилась. Эта женщина была намного старше ее, но иногда вела себя простодушно, как ребенок. Эрмин ощущала к ней искреннюю симпатию и доверие. В Бадетте она угадала милосердную душу и человеколюбие, расцветавшие при первой же возможности. Звонкие поцелуи порадовали ее, потому что на душе у Эрмин было грустно. Мысли ее наполнились эмоциями и впечатлениями. Она вспомнила лица кое-как устроившихся в столовой пассажиров поезда, улыбку маленького Жореля, чей бледный лоб окружали каштановые кудряшки. Потом — сломанные сосны, лежащие поперек железнодорожных путей, и свое прибытие в санаторий.

— Эрмин, я хочу спать, — пожаловалась Шарлотта.

— Идем со мной, — сказала сестра Викторианна. — Я тебя уложу.

В кухню вошла медсестра, чтобы приготовить себе настой ромашки. Это была приятного облика полная женщина с коротко остриженными волосами.

— Вот вечерок выдался! — призвала она в свидетели Бадетту. — Столько беготни, весь вечер на ногах! Мне с трудом удалось уgomонить бедного мсье Эльзеара. Я никогда не видела его таким беспокояным.

Монахиня отправилась наверх, уводя за руку Шарлотту. Эрмин решила задать вопрос:

— Это из-за меня? Скажите правду, мадам, может, мне не нужно было петь? Поверьте, мне стало не по себе, когда этот мсье ко мне прикоснулся.

— О, надо относиться к нашим пациентам с пониманием, особенно к мужчинам! Они чувствуют себя одинокими, лишенными внимания и ласки. Они гуляют на свежем воздухе, читают книги и журналы в библиотеке, но

все равно сильно скучают. Тем более что большинство знают, что проведут здесь еще очень много месяцев. Эльзеар Ноле — человек замкнутый и сдержанный. Наверное, вы напомнили ему кого-то из родственниц. Когда вы заканчивали петь «*Ave Maria*», он плакал.

Заинтригованная, Бадетта замерла на месте. На лице у нее появилась шаловливая усмешка.

— Вы настоящая артистка, Эрмин, — сказала она. — Сегодня вечером в поезде был еще один журналист. Он расспрашивал о вас директора санатория. Я сама хотела сделать это...

— Правда? — удивилась Эрмин.

— Да, — ответила Бадетта. — Я его понимаю. Наша встреча побуждает меня написать рассказ, главной героиней которого станете вы. Я живу одна. Вечерами беру перо и пишу маленькие рассказы о людях, с которыми сталкиваюсь в жизни. Это занятие — всего лишь приятное времяпрепровождение, и все же оно позволяет мне нести бремя былых горестей и неприятностей.

— Я бы с удовольствием их почитала, — отозвалась Эрмин. — В школьные годы я прочла множество романов. О, простите, мой сын снова плачет! Мне пора его кормить. Доброй ночи, Бадетта!

Вошла сестра Викторианна и ворчливым тоном заявила, что всем пора спать. Эрмин с чувством огромного облегчения последовала за ней. Единственное, что огорчало ее — рано утром им придется продолжить путь в Квебек. Она улеглась на раскладную кровать, не раздеваясь, только сняв ботинки, и приложила сына к груди. Комнату заливал розоватый свет ночника. Мебель была скромной, современной. Рядом, на матрасе, разложенном на полу, уже спала Шарлотта.

— В монастырской школе комнаты были уютнее, сестра, — заметила молодая женщина. — Я же просила не ставить для меня кровать, мне бы хватило места рядом с Шарлоттой.

Монахиня только отмахнулась. Она легла и погасила лампу.

— Эрмин, мне не терпелось поговорить с тобой наедине. Ты все еще хочешь попасть в Квебек? Я признаю, у тебя прекрасный голос и ты достигла замечательных успехов в пении, и все-таки я считаю, что ты поступаешь необдуманно. Почему твой муж позволил тебе ехать одной? А твоя мать? Насколько я поняла, вы нашли друг друга. Ей следовало бы поехать с тобой.

— Сестра, простите меня! Я вам солгала. Я решила пройти прослушивание, не сказав об этом семье. Это было глупо и безответственно, я согласна. Но не волнуйтесь, завтра я вернусь домой, в

Валь-Жальбер.

— Спасибо, Господи! — вздохнула сестра Викторианна. — Я очень рада, моя крошка, что ты послушалась моего совета. А теперь, когда у меня стало легче на душе, расскажи, как ты нашла свою мать.

Эрмин в нескольких фразах изложила грустную историю Лоры: рассказала об амнезии, о том, как Лора повторно вышла замуж за богатого промышленника и как они встретились в отеле «Château Roberval». Она поведала, как выяснилось, что дама в черном, которая слушала ее пение, сидя за столиком в глубине ресторана, — ее мать, но не стала упоминать о постыдной попытке Жозефа Маруа шантажировать Лору, богатую вдову.

— А потом мама переехала в Валь-Жальбер, чтобы быть рядом со мной. Она купила дом сюринтенданта Лапуанта. Элегантная одежда, которая сейчас на мне — это ее подарки. Иногда я ношу мамины платья, у нас один размер. У моей матери доброе сердце. Шарлотта ослепла бы, если бы мать не оплатила ее операцию.

Потом Эрмин рассказала монахине о Тошане и о рождении Мукки в хижине на берегу Перибонки.

— У меня есть все для счастья, сестра Викторианна, и поверьте, я жалею о своей выходке!

— Странно, на тебя это не похоже — лгать, таиться. А что стало с твоим отцом?

— Он умер в 1916-м в тех краях, где живет мать Тошана. Я была у него на могиле. Знаете, сестра, я очень рада, что повидалась с вами, что вы работаете в этом санатории. Сердце кровью обливается, когда я думаю о Жореле, таком маленьком и таком больном! Для меня было огромным счастьем петь для этого несчастного ребенка и для остальных пансионеров.

— Я каждый день молюсь об их исцелении, — сказала монахиня. — Туберкулез — ужасная болезнь. Несмотря на принимаемые меры по обеспечению гигиены, недуг распространяется и поныне. Здесь, в санатории Лак-Эдуара, проживает в среднем двадцать пансионеров из обеспеченных семей. Но большинство больных туберкулезом — бедняки, и учреждений, где их могли бы лечить бесплатно или за умеренную плату, очень мало. Домашняя прислуга, фермеры, рабочие часто скрывают, что больны, и заражают окружающих. Нужно было бы открыть санаторий и в Робервале, места там прекрасные. Воздух свежий, рядом озеро. Я знаю, что сестры-августинки, которые работают в центральной больнице Сен-Мишель в Робервале, много лет вынашивают подобные планы^[22]. И это будет санаторий для бедняков! Если у меня к тому времени останутся силы, я бы с удовольствием пошла туда работать. Там мне было бы лучше.

— Вы даже не думаете об отдыхе, дорогая сестра Викторианна?

— Я отдохну в раю, моя крошка! — ответила монахиня. — А теперь пора спать. Значит, завтра возвращаешься домой?

— Да, обещаю.

Восстанавливающий силы сон пришел к молодой женщине тотчас же. Но в пять утра сестра Викторианна встала, потому что кто-то постучал в дверь ее комнаты. Это была Бадетта, тепло одетая, взбудораженная.

— Я пришла сказать Эрмин, что локомотив починили, а пути освободили. Поезд уже стоит здесь, на вокзале Лак-Эдуара. Пассажиров просят занять свои места в вагонах.

— Она не поедет дальше, мадам! — объявила монахиня с ноткой гордости в голосе.

— Вы в этом уверены? — переспросила Бадетта. — Как жаль! Я так радовалась, думая, что мы доедем до Квебека вместе!

Эрмин села на кровати. Окинув комнату сонным взглядом, она сказала тихо:

— Да, я остаюсь в санатории. Утром я сяду на поезд, который отвезет меня обратно в Шамбор. Спасибо, что пришли предупредить меня. До свидания, Бадетта! Мне было очень приятно с вами познакомиться!

Удивленная, журналистка попрощалась. Было очевидно, что она расстроилась, более того, в глазах у нее стояли слезы.

— Когда будете в Квебеке, прошу, навестите меня! Вот визитная карточка с моим адресом. Я угощу вас чаем и покажу мои рассказы.

— Спасибо огромное, Бадетта! Обещаю, я приду к вам в гости, и для меня это будет большим удовольствием.

— Хочу, чтобы вы знали, — добавила журналистка, — я вас не забуду. Вас и ваш голос, ваш великолепный голос, который еще долго будет звучать в моей душе. Что ж, до свидания!

Сестра Викторианна попрощалась с Бадеттой коротким раздраженным кивком. Эрмин легла снова, украдкой бросив взгляд на кусочек картона, где жирным шрифтом было напечатано: «Журналистка». Сестра-хозяйка поспешила закрыть дверь. Эрмин погладила Мукки по щеке и заснула. Через час она вновь проснулась. Сердце ее билось так, что в груди болело, — настолько сильные эмоции она испытала, увидев странный сон.

«Я не хочу! Не хочу видеть такие сны!» — подумала Эрмин. Глаза молодой женщины были полны слез. Она прижала сына к груди.

Комната была пуста. Должно быть, сестра Викторианна и Шарлотта спустились в кухню. Молодая женщина перевела дыхание, как если бы ей действительно пришлось бежать по снегу ночью, испуганной волчьим

воем.

«Я пыталась догнать сани, запряженные огромными псами, которые сердито рычали. Кто-то увозил от меня Мукки, однако тот был старше, таким, как маленький Жорель. Он звал меня на помощь, но я не могла догнать похитителя!»

Эрмин показалось, что она вспомнила лицо мужчины, укравшего у нее сына. Оно было бледным, кожа да кости.

— Я знаю, человек из сна похож на этого больного, Эльзеара Ноле! — вполголоса сказала она себе. — Ничего удивительного, что он мне приснился: несчастный и впрямь напоминает привидение.

Немного расстроенная, она накормила и перепеленала Мукки, потом устроила его поудобнее в коляске. Мысль, что сегодня же вечером она будет в Валь-Жальбере, успокоила молодую женщину, и она отправилась на поиски монахини и девочки. На первом этаже санатория стояла полная тишина. От горожан-захватчиков не осталось и следа. Столы в столовой были расположены в образцовом порядке. Шарлотта, напевая себе под нос, расставляла тарелки.

— А вот и ты, Эрмин! Сестра Викторианна хотела, чтобы я дала тебе поспать.

— А я хотела бы ей помочь, — ответила молодая женщина. — Шарлотта, ты не расстроилась? Я знаю, как тебе хочется побывать в Квебеке!

— Ты сказала: «В следующий раз!», — ответила девочка с улыбкой. — Значит, так и будет!

— Непременно! — заверила ее Эрмин, хотя сама сомневалась в том, что это когда-нибудь случится. Имея на руках второго малыша, она уже не сможет позволить себе такой прихоти.

«Сестра Викторианна помогла мне вернуться на правильный путь. Прежде всего, я — мама. Сейчас я уже не понимаю, почему решила пройти это прослушивание. Какая же я дурочка! Мне не следовало даже думать об этом!»

Пожилая монахиня встретила ее улыбкой.

— На столе горячий кофе и молоко. Садись и позавтракай хорошенько.

— Я хочу помогать вам, сестра, и сегодня утром тоже! — возразила молодая женщина.

— Не нужно, моя крошка. Вчера вечером, когда посетителей в столовой прибавилось, помощь была необходима. Сегодня все идет по заведенному порядку.

— Мне будет приятно думать, что я делаю доброе дело. Когда мы

жили в монастырской школе, вы всегда находили для меня полезное занятие.

— Вот упрямица, — проворчала монахиня. — Не знаю, понравится ли господину директору, если он увидит тебя за работой. Здесь достаточно рабочих рук. Хотя, если ты настаиваешь, будешь объясняться с ним сама, когда он застанет тебя с поварешкой в руках!

С этими словами сестра Викторианна протянула Эрмин фартук, который та уже надевала накануне. И добавила:

— Можешь нарезать хлеб и намазать его маслом. Потом отнесешь блюда с бутербродами в столовую и расставишь на столах. Пансионеры скоро спустятся.

— Спасибо, сестра! — сказала Эрмин. — Если бы мне пришлось сидеть без дела до самого поезда, я бы умерла со скуки. Думаю, директор не обидится, увидев, что я при деле!

И молодая женщина взялась за приготовление бутербродов. Работа спорилась в ее руках. В кухне витали чудесные ароматы теплой сдобы и кипяченого молока. Ободряюще гудел огонь в печи.

— Честно сказать, мне по душе видеть тебя за простой домашней работой, моя крошка, — с озабоченным видом заявила пожилая монахиня. — Господи, ваше счастье, что ни в твоей семье, ни в семье Маруа никто не заболел туберкулезом! В прошлом месяце мы отправили домой женщину сорока лет, чтобы она смогла отдать Богу душу в окружении восьмерых детей и супруга, работника железной дороги. Он часто навещал ее и потратил все свои сбережения, чтобы жена могла жить в этом санатории.

— Из больных, которых я видела вчера вечером, ни у кого нет шанса выздороветь? — спросила Эрмин.

— Маленький Жорель сплевывает кровь. Родители приедут навестить его в будущее воскресенье, но они будут расстроены: мальчику становится все хуже.

Шарлотта стояла рядом и слушала, личико у нее было расстроенное. Пожилая монахиня развела руками:

— Я многое узнала, работая среди чахоточных, Эрмин. Женщина, о которой я только что вспомнила, перенесла очень болезненную процедуру — коллапсотерапию. Она заключается в том, что легкие подвергаются хирургическому вмешательству, чтобы поврежденные участки зарубцовывались здоровыми тканями. Приехав в Лак-Эдуар, она испытывала страшные боли. Думаю, это ускорило ее конец. Я же слежу за тем, чтобы пища была правильной: говядина с кровью, много молочного.

Представь себе, господина Ноле лечили весьма странным способом, прежде чем он попал к нам: его укладывали в конюшне между кобылой и ее жеребенком, завернутым в одеяло, которым прежде обтирали животное, чтобы ткань пропахла молоком. Те, кто пользовал его подобным образом, где-то слышали, что это эффективное средство против туберкулеза^[23].

Эрмин удрученно покачала головой, продолжая при этом намазывать маслом большие ломти хлеба.

— Сестра, можно, я подам пансионерам завтрак? — спросила она. — Мне будет приятно снова увидеть маленького Жореля.

— Даже если я скажу «нет», ты станешь спорить и в конце концов добьешься своего! Личико-то у тебя ангельское, но характер — железный. Если ты это сделаешь, моя помощница сможет пока проветрить комнаты пансионеров.

Молодая женщина тихо поблагодарила монахиню. Она была искренне рада, что имеет возможность хоть чем-то помочь этим людям. Эрмин выглянула в столовую: другая монахиня присматривала за пансионерами, понемногу заполнявшими столовую. Рядом кто-то зашелся ужасным кашлем. Это была светловолосая женщина лет тридцати.

«Вчера вечером я уделила внимание только Жорелю, — упрекнула себя Эрмин. — Нужно было найти доброе слово для каждого пансионера!»

На ней сегодня были серые брюки из джерси, удобные и теплые, и синяя кофточка под горло. Волосы Эрмин собрала в пучок на затылке. Так, в белом фартуке, она обходила помещение, держа в одной руке кувшин с обжигающе горячим молоком, а в другой — блюдо с бутербродами.

Увидев ее, Жорель затрепетал от радости. Он поприветствовал ее звонким: «Доброе утро, мадам певица!» — и добавил:

— Никогда раньше не видел женщину в брюках!

— Раньше женщины брюк не носили, а теперь носят. И это очень удобно, — ответила Эрмин с улыбкой.

— Вы теперь будете здесь работать? — спросил мальчик.

— Нет. В полдень я сяду на поезд. Я просто помогаю сестре Викторianne, мы с ней давно дружим. Надеюсь, сегодня утром ты хорошо покушаешь? Я слышала, у тебя плохой аппетит.

Эрмин вернулась в кухню за джемом и кофе. Проходя по столовой, она почувствовала на себе чей-то взгляд. Эльзеар Ноле, который, как и вчера, сидел рядом с Жорелем, растерянно глядел на нее.

«Этот человек и правда странный!» — озадаченно подумала молодая женщина.

Жослин провел ужасную ночь, терзаясь телом и душой. Он пребывал в

уверенности, что его дочь уехала на рассвете, вместе с остальными путешественниками. Мужчина пролил немало слез, потом представил себя выздоровевшим. Он подумал, что тогда смог бы поговорить с дочерью, рассказать ей о своей полной печалей жизни. И вдруг Жослин снова видит ее, в фартуке! У нее румяные щеки и полные сострадания голубые глаза... Как только Эрмин вернулась из кухни, он призвал на помощь всю свою смелость:

— Мадам, я хочу еще раз извиниться за мой вчерашний жест, — сказал он низким глубоким голосом. — У меня дочь вашего возраста.

— Вы не обидели меня, мсье, — отозвалась Эрмин.

Удостоверившись, что у каждого пансионера есть все необходимое, она повернулась, чтобы идти в кухню.

— И все же я снова прошу прощения, — начал он. — Нас, больных туберкулезом, считают заразными и относятся соответственно. А ведь у нас тоже есть чувства! Мне пришлось объявить о своей болезни и заполнить документы, чтобы меня внесли в регистр больных^[24]. Когда проходишь через эту процедуру, создается впечатление, что объявляешь на весь мир: «Я скоро умру!»

— Думаю, это очень тяжело, мсье, — ответила Эрмин. Она не знала, что еще сказать.

Близость этого человека заставляла ее чувствовать себя неловко. Тоненький голосок помог ей выйти из затруднительного положения.

— Вы знакомы с сестрой Викторианной? — спросил маленький Жорель.

— Я выросла в монастырской школе в Валь-Жальбере, поселке, расположенном недалеко от озера Сен-Жан. Меня воспитали монахини, и у сестры Викторианны, которая была у нас сестрой-хозяйкой, я многому научилась.

— Значит, вы сирота? — удивился мальчик.

Жослин ожидал услышать положительный ответ. Он прикрыл глаза. Мужчина испытывал такое волнение, что даже не замечал, что дрожит всем телом.

— Не совсем так, но я не могу рассказать тебе эту историю, мне нужно покормить моего малыша.

«Не совсем так»? Эти слова озадачили Жослина. Он чуть было не перевернул свою чашку с молоком. Разочарованный, Жорель положил на тарелку бутерброд, который собрался было есть. Чтобы его не расстраивать, Эрмин решила уделить мальчику еще несколько минут.

— Мои родители отдали меня сестрам, потому что не могли оставить у

себя. Я часто грустила, думая об этом, но Господь, чтобы утешить меня, даровал мне способность к пению.

Теперь у Жослина, хотел он того или нет, не осталось никаких сомнений. Уши его покраснели, на лысеющем лбу выступил холодный пот. Оглушенный душевной болью, он словно со стороны услышал собственные слова:

— Наверное, вы ненавидите и презираете ваших родителей за то, что они вас бросили?

— Нет, мсье! Я их простила, у них не было выбора.

— А откуда вы знаете? — спросил Жорель.

— Какой же ты все-таки любопытный! — пошутила Эрмин. — Лучше займись-ка завтраком. Я узнала это от матери, которую, к своему счастью, нашла. А теперь доедай бутерброд!

На этот раз она стремительно удалилась, чтобы подать завтрак трем оставшимся пансионерам. Она не могла видеть, как по телу Жослина пробежала дрожь и он побледнел так, что страшно было смотреть. Каждое ее слово разило его в сердце, как нож.

«Что она говорит? — с удивлением думал Жослин. — Лора жива? Невозможно, я видел ее могилу! Но ведь я не сумасшедший! Она говорила о своей матери, а ее мать — Лора, моя Лора!»

К нему торопливым шагом приблизилась медсестра. Она всегда присутствовала при трапезах.

— Мсье Эльзеар, вам нехорошо? — спросила она.

— Оставьте меня, — пробормотал он сквозь зубы. — Оставьте меня в покое!

Яростный гнев обуял его. Судьба, дьявольски жестокая, похоже, решила вволю поиздеваться над ним. Долгие годы он оплакивал супругу, виня себя в ее кончине. К этому горю добавлялась боль из-за того, что он ничего не знал о судьбе своего ребенка, Мари-Эрмин. Если он не пытался разузнать, что с ней стало, то лишь потому, что испытывал огромное, невыносимое чувство вины, сделавшее его одиноким, сварливым, почти бесчувственным. Жослин никогда не приближался к Валь-Жальберу и озеру Сен-Жан, подозревая, что его дочь по-прежнему живет в монастырской школе. Да и как мог он посмотреть в глаза девочке, если стал причиной смерти ее матери? Теперь все то, в чем он был уверен, разлетелось в пух и прах. Мужчина подумал, что судьба жестоко одурачила его.

— Я вижу, что вам нехорошо, мсье Эльзеар! — не сдавалась медсестра. — Я попрошу доктора вас осмотреть.

— Нет, не нужно идти к доктору! — взмолился тот, приходя в себя. — У меня по утрам всегда плохое настроение, вы ведь об этом знаете!

Жослин снова и снова повторял себе, что нужно отвлечься, дать себе время на размышления. Он даже не смел о чем-нибудь спросить Эрмин. За эти тяжкие годы он приобрел привычку прятать свои истинные чувства, научился жить под чужим именем и теперь понемногу поддавался панике.

«В любом случае, я обречен, я болен и дни мои сочтены. И все-таки я увидел мою дорогую девочку, мой прекрасный белый цветок! — утешал он себя. — Если Лора и вправду выжила, значит, еще одна печаль долой. Одним грехом меньше...»

Эрмин вернулась в кухню. Сестра Викторианна приготовила для нее большую чашку кофе с молоком. Шарлотта устроилась тут же, за столом, и за обе щеки уплетала десерт.

— Сестра Викторианна угостила меня сладкими булочками! — сообщила Эрмин девочка. — Я с тобой поделюсь! Держи!

— Я не голодна, дорогая, — со вздохом отозвалась молодая женщина. — Я стыжусь своей слабости.

— Это какой же? — спросила пожилая монахиня.

— В обществе ваших пансионеров мне неловко. Я не осмеливаюсь смотреть им в лицо, а поговорить смогла только с маленьким Жорелем, и то потому, что он ребенок. Но остальные, как этот Эльзеар Ноле... Перед ними я робею. Я сравниваю себя с этими людьми и понимаю, какая я сильная, ведь я здорова. Боюсь, на моем лице и в глазах они читают жалость. Я веду себя, как трусиха!

— Ну-ну! Если бы вы поработали здесь, мадам, это скоро бы прошло! — сказала помощница сестры Викторианны, женщина в белом халате. — Поначалу мне тоже было неловко, а потом уверенность ко мне вернулась. Да, они больны туберкулезом, но по сути такие же, как мы с вами. Им нравится рассказывать о своих семьях, рассуждать о погоде.

— Я понимаю, — сказала Эрмин. — Но они, в отличие от нас, обречены.

— Никто не знает, когда пробьет его час, — объявила сестра Викторианна, вольно цитируя Священное Писание. — И здоровый человек может умереть внезапно, из-за несчастного случая или по другой причине.

— Как сестра Магдалина, мой ангел-хранитель, которая умерла от испанки, — невесело улыбнувшись, сказала молодая женщина. — Мне тогда было четыре года, но я никогда ее не забуду. Я до сих пор храню ее фотографию.

— Я помню ее, — просто сказала бывшая сестра-хозяйка

монастырской школы.

Расстроенная сама не зная почему, Эрмин решила выпить кофе с молоком. Единственное, чего ей сейчас хотелось, — это оказаться в Валь-Жальбере, в компании Мирей, в красивом доме Лоры. Шарлотта спросила, можно ли ей немного погулять по санаторию с Мукки.

— Он часто плачет, и, если я покатаю его в коляске, он скорее заснет, — предположила девочка. — Я пойду в большой коридор.

— Иди, если хочешь, — ответила Эрмин. — Но благоразумно ли это с нашей стороны, сестра?

Иными словами, Эрмин спрашивала, не опасно ли это для обоих детей.

— Им ничего не грозит, — отрезала сестра Викторианна. — Мы строго следуем инструкциям докторов и господина директора. Во всех помещениях санатория ежедневно проводится влажная уборка и дезинфекция. К тому же сразу после завтрака пансионеры поднимаются к себе в комнаты, чтобы полежать немного. У нас строго соблюдается правило: после каждого приема пищи полагается отдохнуть. Так что бери коляску и иди, Шарлотта!

Девочка поспешно вышла из кухни. Она обожала катать коляску, тем более такую нарядную — с отделанными кружевами простынками и нежно-голубым одеяльцем, цвет которого подчеркивал смуглую кожу малыша, чьи черные волосенки выглядывали из-под белого хлопчатобумажного чепчика. Коридор показался ей бесконечно длинным. Шарлотта дошла до противоположного конца и вернулась, а Мукки уже крепко спал. Из столовой как раз выходили больные. Они поднимались по центральной лестнице и расходились по своим комнатам на втором этаже. Девочка не слишком удивилась, когда несколько минут спустя один из пансионеров вернулся. Это был Жослин. Он опирался на трость и снова надел свою фетровую шапочку.

— Простите, мсье, мне можно пройти? — спросила Шарлотта, когда он преградил ей путь.

При виде этого высокого мужчины, несмотря на худобу казавшегося довольно крепким, девочка оробела. Однако он ласково ей улыбнулся и наклонился над коляской, чтобы увидеть ребенка. Шарлотта заметила, что рот он при этом прикрыл чистым носовым платком, сложенным вчетверо.

— Я уже видел тебя в столовой, — сказал он негромко. — Ты сестра молодой дамы, которая так хорошо поет?

— Нет, мсье! Меня взяла на воспитание ее мать, мадам Лора. Если бы не она, я бы сейчас была слепой. Мадам Лора заплатила за мою операцию. А Эрмин я знаю очень давно и люблю, как старшую сестру.

— Вот как? Тебе очень повезло, — сказал Жослин.

Он решил не упускать этот, возможно, единственный шанс посмотреть на своего внука. Увидев смуглое личико, обрамленное черными волосами, мужчина удивился.

— Малыш совсем не похож на свою мать! — воскликнул он. — У нее светлая кожа и золотистые волосы!

Шарлотте и в голову не пришло, что ей, наверное, не стоит разговаривать так долго с незнакомым человеком. Наоборот, она с радостью пояснила:

— В Мукки есть индейская кровь, поэтому он такой смуглый, мсье. В Валь-Жальбере все говорят, что он очень похож на своего папу, Тошана.

Жослин, пораженный услышанным, оперся о стену. Все перемешалось у него в голове.

— Эта молодая дама, Эрмин, замужем за индейцем? — спросил он. — Такие браки — редкость в наших краях!

— Клеман Тошан Дельбо — метис и католик.

— Теперь я понимаю.

По правде говоря, он не понимал ничего. Судьба решила спутать карты. Сердце Жослина билось так часто, что, казалось, еще секунда — и грудь просто разорвется. Его настиг столь сильный приступ кашля, что испуганная Шарлотта, толкая перед собой коляску, поспешила обратно в кухню. Пребывая в уверенности, что Эрмин не одобрила бы ее болтовни с незнакомцем, девочка решила об этом не рассказывать.

— Мукки спит, как ангел, — объявила она.

— Спасибо, Шарлотта! — отозвалась молодая женщина, как раз снимавшая фартук. — Часа через полтора пойдем на вокзал. Только идти придется пешком.

Эрмин старалась скрыть ото всех недавшую ее тревогу. Она искренне обрадовалась встрече с сестрой Викторианной, и все же атмосфера санатория удручала ее. Эрмин без конца возвращалась мыслями к маленькому Жорелю, на лице которого читалось совсем не детское отчаяние, и к Эльзеару Ноле, которого, судя по всему, болезнь заставляла чувствовать себя чуть ли не отверженным. Для грусти была и еще одна причина: последние двадцать минут она ощущала сильную боль внизу живота.

«Скорей бы прошло! — взмолилась про себя Эрмин. — Боли быть не должно, это плохой знак».

Она никому не хотела говорить о своем недомогании. Еще около часа Эрмин беседовала с пожилой монахиней и ее помощницей, потом

поднялась за своими вещами. Боль не отступала. Наконец пришло время прощания.

— Я вам напишу, — пообещала она сестре Викторианне. — Я так рада, что мы увиделись!

— Да и мне теперь спокойнее, когда я знаю, что у тебя есть мать, супруг и прекрасный малыш. Не забывай мои советы, милая моя Мари-Эрмин!

— Я их не забуду, — пообещала молодая женщина.

Интендант санатория предложил проводить Эрмин с Шарлоттой на вокзал, чтобы им не пришлось самим нести тяжелые чемоданы. Эрмин поцеловала сестру Викторианну. У обеих слезы навернулись на глаза. За окнами в перламутровом свете зимнего солнца серебрился снег. Шарлотта с наслаждением вдохнула свежий морозный воздух. Она была рада, что они возвращаются домой. Приключений ей хватило с головой, и она уже успела соскучиться по своей уютной комнате, игрушкам и школьным товарищам.

Никто не заметил стоящего у окна Эльзеара Ноле. Он смотрел, как уходит его одетая в великолепную шубку дочь, толкая перед собой коляску, в которой спал его внук.

«Как могло случиться, что она вышла замуж за сына Анри Дельбо? — недоумевал он. — Память у меня хорошая, значит, я ничего не путаю. Сына Дельбо звали Клеман. Голова идет кругом! Я должен знать, что случилось на самом деле! И Лора... Каким чудом она осталась жива и откуда у нее деньги?»

Непонимание и неверие оказались сильнее волнения. Нет, он просто не может умереть, не узнав правды! Сжав кулаки и стиснув зубы, мужчина смотрел на удаляющуюся грациозную фигурку своей дочери, что становилась все более расплывчатой из-за наполнивших его глаза горьких слез. Внезапно все утонуло во мраке. Он потерял сознание и упал на пол.

Эрмин испытала чувство облегчения, оказавшись наконец в вагоне поезда. Она и не догадывалась, что видела собственного отца, говорила с ним. Молодая женщина очень замерзла и с беспокойством думала о том, как им с Шарлоттой добраться из Шамбора в Валь-Жальбер сегодня вечером.

«Будет совсем темно! Нужно было зайти на почту и отправить телеграмму маме. Они с Хансом приехали бы за мной на вокзал. Хотя тогда бы мне пришлось рассказать им о своей неудачной поездке... Боже, как же мне больно...»

Молчание Эрмин и тревожное выражение на ее лице обеспокоили

маленькую Шарлотту.

— Что с тобой, Мимин?

— Ничего, дорогая! Просто мне очень хочется поскорее оказаться дома, в тепле.

Она погладила девочку по щеке и снова погрузилась в свои мысли, то и дело прислушиваясь к терзавшей ее боли. Прошло два долгих часа, и настала пора кормить Мукки. Сын только-только выпустил изо рта сосок, как по бедрам Эрмин потекла теплая жидкость, пропитывая белье и брюки из джерси. Страхи молодой женщины подтвердились. Сама не своя от ужаса и отчаяния, она замерла, боясь шевельнуться. Никогда раньше она не испытывала такого ощущения непоправимой потери.

«О нет! Только не это! Господи, только не это! У меня выкидыш! Это не задержка месячных, я уверена! Меня тошнило. Еще сегодня утром у меня желудок переворачивался от любого сильного запаха!»

К ужасному разочарованию добавлялось чувство неловкости. Как остановить этот поток крови, да еще в таких условиях? Эрмин порадовалась, насколько это было возможно в такой ситуации, что надела достаточно длинную шубу, которая скрывала ее беду от чужих глаз.

«Слава богу, что я ничего не сказала Тошану! Он не узнает. А если бы узнал, то имел бы полное право меня возненавидеть и даже презирать. Но почему это случилось со мной, почему? Может, в поездах часто случаются выкидыши? Ведь вагоны раскачиваются так сильно...»

В глубине души молодая женщина знала, что точной причины того, что произошло, нет. И все же чувствовала себя виноватой.

«Если бы я осталась в Валь-Жальбере, то не потеряла бы ребенка!»

Эта мысль стала последней каплей: Эрмин разразилась рыданиями. Шарлотта вскочила с сиденья и бросилась обнимать старшую подругу.

— Почему ты плачешь? Скажи! С тобой что-то не так, я же вижу!

В иных обстоятельствах Эрмин ничего не стала бы говорить девочке, ведь та была еще слишком мала, чтобы знать подобные вещи. Но сейчас она пребывала в состоянии паники и не знала, где искать помощи.

— Я потеряла ребенка. С утра у меня сильно болел живот. Но я думала, что это скоро пройдет. Увы, случилось самое плохое. Дорогая, ты присмотришь за Мукки? Мне нужно выйти в туалет. И, прошу тебя, принеси мой чемодан, мне придется переодеться.

Глаза девочки округлились от страха. В свои годы она мало что знала о секретах женского тела, но часто видела, как Мирей стирает испачканные кровью тряпочки, предварительно вымочив их в тазу с водой. На ее вопрос домохозяйка ответила, что каждый месяц все женщины, которые не

носят ребенка, теряют немного крови.

— Конечно, Мимин! — выдохнула малышка с таким выражением, будто случилось что-то ужасное.

Молодая женщина встала и мелкими шажками направилась в конец вагона, стараясь держаться прямо, хотя боль была так сильна, что хотелось согнуться пополам. Когда она, бледная как полотно, вернулась, пришла очередь Шарлотты расплакаться. Эрмин свернула штаны, чтобы скрыть пятна крови, но девочка успела увидеть испачканную ткань, и это ее испугало. Молодая женщина попыталась ее успокоить:

— Бедная моя девочка, обратно мы возвращаемся совсем невесело! Мне очень жаль, что так вышло, Шарлотта. Но не бойся! Все в порядке.

— Я не боюсь, — едва слышно ответила девочка. — Просто тебе, наверное, так грустно, что мне грустно тоже.

— Да, мне грустно, но изменить уже ничего нельзя.

Придя к такому печальному выводу, молодая женщина надолго замолчала, верная своему решению не подавать виду, что ей плохо. Эрмин было очень холодно, она ощущала себя ранимой, грязной. Она подложила кусок детской пеленки, чтобы не измазать одежду еще сильнее, но скоро почувствовала, что кровь снова пропитывает ее нижнее белье, чулки и юбку. Еще дважды ей приходилось выходить в туалет. Путь из Лак-Эдуара в Шамбор оказался настоящим мучением.

* * *

Мирей не сразу опомнилась от удивления, увидев их на пороге в десятом часу вечера. Эрмин с трудом держалась на ногах. Она была очень бледна, только кончик носа покраснел от слез. Шарлотта чувствовала себя немногим лучше: дорога и волнение совершенно измотали девочку.

— Я-то думала, вы в Квебеке! — воскликнула домоправительница. — Входите скорее, на улице такой мороз!

— Я все тебе расскажу, — тихо пообещала молодая женщина. — Мне бы только поскорее лечь! Счастье, что мы встретили на перроне мэра Шамбора. Он привез нас в Валь-Жальбер на своей машине.

— Да, я слышала гул мотора. Я была сама не своя от тревоги, одна в пустом доме. И как раз собиралась запереть все двери на ночь. Но что с тобой стряслось, девочка моя?

— Мирей, у меня случился выкидыш, — призналась молодая женщина. Они с экономкой как раз стояли в коридоре второго этажа, перед

дверью в ее спальню. Эрмин с трудом сдерживала вновь подступившие к глазам слезы. — Я была на втором месяце беременности, и вот по собственной вине потеряла ребенка. Я хотела порадовать Тошана и только потом рассказать о том, что ездила в Квебек. А теперь не хочу, чтобы кто-нибудь об этом узнал.

Домоправительница с обычной для нее сноровкой взялась за дело. Эрмин позволила ей ухаживать за собой, как за больным ребенком. Оказавшись в постели, — чисто вымытая, в свежем белье, с грелкой у ног, под приятно пахнущим одеялом, — она вздохнула с облегчением.

— Боже милосердный! — в свою очередь вздохнула Мирей. — Бедная моя крошка, как же ты намучилась! Только этого нам и не хватало. Завтра позвоню доктору в Роберваль, пусть приедет.

— Не надо, прошу тебя! Не надо звать доктора! Никто не должен знать. Ни мама, ни Тошан. Мирей, умоляю!

— Хорошо. Посмотрим. Но если у тебя поднимется температура, доктор приедет.

— Но только если поднимется температура, — пробормотала молодая женщина, борясь со сном.

Мирей занялась другими делами. Уложив Мукки рядом с матерью, она вернулась к проголодавшейся Шарлотте.

— Эрмин лучше? — спросила девочка.

— Сейчас да. Но я с нее глаз не спущу! И придет же в голову — ехать в такую даль, когда ждешь ребенка!

Это заявление домоправительницы усилило в девочке чувство вины. Это ведь она уговорила Эрмин ехать в Квебек, но все пошло не так...

— Я буду тебе помогать, Мирей, — сказала она грустным тихим голоском. — Я не хочу, чтобы Эрмин болела. Она ведь не умрет, правда?

— Конечно нет, не беспокойся. Такое случается. Мы, женщины, очень сильные, моя крошка, иначе земля давно бы обезлюдела!

Весь следующий день славная Мирей исполняла роль медсестры. Она бы и на руках стала ходить, если бы понадобилось. С утра до вечера она готовила разные вкусности и относила на подносе наверх, и Шарлотта с огромным рвением ей во всем помогала. Между домами поселка носился резкий ветер, а Эрмин в это время лежала, свернувшись в клубок, в своей мягкой и уютной постели.

— У тебя будет еще много детей, — не уставала повторять Мирей. — Не терзайся так, не каждый раз удастся сохранить беременность. Ты не первая и не последняя, кто теряет свой плод. Отдыхай и набирайся сил.

Эрмин была ей очень благодарна. К ней постепенно возвращался покой. Боль утихла, она была в теплом доме, и ощущение тотальной безопасности давало умиротворение. Она, словно больное животное, думала только о том, чтобы поправиться и больше не подвергать себя опасности.

В пятницу утром молодая женщина встала с постели. Казалось невероятным, что столько событий уместились в каких-то четыре дня.

«В понедельник мы уехали, и в тот же вечер я заснула в Лак-Эдуаре. Во вторник у меня разболелся живот. Завтра, в субботу, приедет мама. Я так по ней соскучилась! Я крепко ее расцелую и обниму. И Тошан тоже приедет... Мирей поклялась, что сохранит все в секрете. Она даже сходила к Онезиму и взяла с него слово, что он никому не расскажет, что я уезжала в Квебек. Конечно, нехорошо их обманывать, но мне так стыдно, меня так мучит совесть!»

Все встало на свои места. Мороз внезапно ослабел, и пошел сильный снег. В санатории Лак-Эдуара смена погоды никого не обрадовала: что же будет с этим бедным Эльзеаром Ноле, покинувшим заведение посреди ночи? Его хватились на рассвете, и оказалось, что он забрал с собой все свои вещи. Жители деревни по следам определили, что мсье Эльзеар вместо того, чтобы отправиться на вокзал, ушел в лес.

Монахини молились за него, вкладывая в молитву всю свою душу. Но не Эльзеар, а Жослин Шарден решил бежать от болезни, вступить в бой со своей жестокой судьбой, бросить вызов прошлому, — и все это невзирая на то, что будущего у него, вероятнее всего, не было.

Снедаемый внутренним пламенем, мужчина не ощущал ни холода, ни снега. На снегоступах он шел к озеру Сен-Жан, к Валь-Жальберу.

Глава 6

Молчание соловья

Валь-Жальбер, суббота, 25 февраля 1933 года

Эрмин устроилась на диване в гостиной. Неделя, принеся ей столько боли и хлопот, подходила к концу. Как и было оговорено, Лора с Хансом должны были приехать к обеду. Мирей суежилась в кухне, занимаясь приготовлением роскошной трапезы.

— Тебе удобно? — спросила у молодой женщины Шарлотта. — Может, тебе что-нибудь принести? Книгу или лечебный настой?

Минуту назад девочка укутала Эрмин в шерстяное одеяло, потому что та мерзла, хотя в комнате было очень тепло.

— Спасибо, не надо. Я немного переживаю, потому что мама скоро приедет. Мне стыдно за то, что я скрою от нее правду — и про поездку в поезде, и про остальное...

Она не осмелилась произнести слово «выкидыш», болью отозвавшееся в ее сердце.

— И вам с Мирей из-за меня придется лгать, — добавила молодая женщина. — Мне очень стыдно, Шарлотта! А вечером приедет Тошан... Только сейчас я поняла, как глупо было с моей стороны вот так взять и уехать.

— Прости меня, Мимин, это я виновата!

— Не говори так больше! — оборвала ее Эрмин. — Я взрослая и должна была обо всем подумать, а не затевать сгоряча такую авантюру!

Однако Шарлотта по-прежнему считала себя виноватой в несчастьях, выпавших на долю старшей подруги. Она невесело улыбнулась, села у маленького столика и снова взялась за вышивание.

«Я все время мерзну, — подумала Эрмин. — На улице светит солнце, но мороз очень сильный. Счастье, что Арман заготовил много дров и отопление работает на полную мощность».

Короткое пребывание в санатории Лак-Эдуара заставило ее о многом задуматься, быть может, даже повзрослеть.

«Я больше никогда не должна жаловаться на жизнь. Маленький Жорель, конечно, знает, что обречен, но у него хватает сил, чтобы

улыбаться. Родители навещают его редко. Я знаю, как это тяжело для ребенка...»

Бесконечно тяжелые часы, которые она провела в постели, позволили ей подвести итог своей недолгой жизни.

«Да, я была сиротой, и все же в монастырской школе я имела некое подобие семьи. Потом Бетти заменила мне мать. Моя дорогая Бетти! От нее я тоже скрыла правду. Я ничего ей не сказала вчера вечером...»

Элизабет Маруа пришла к вечернему чаю без предупреждения, что было ей совершенно несвойственно.

— Я не могла навестить тебя раньше, Мимин, потому что моя крошка Мари температурила и сильно кашляла, — пояснила Эрмин ее соседка и добрая подруга. — Стоит такой холод, что я целую неделю не выходила на улицу. Арман сказал, что в доме очень тихо. Он подумал было, что ты куда-то уехала.

— Я тоже была нездорова, Бетти. Шарлотта в понедельник и вторник не пошла в школу, помогала Мирей и присматривала за Мукки.

Этих объяснений хватило, чтобы успокоить Элизабет, еще не оправившуюся от волнений, связанных с болезнью такой долгожданной дочери, которая до сих пор кашляла.

«Мне бы следовало проявлять больше внимания к Бетти и Мари, — подумала Эрмин. — Раньше я была в курсе всех дел семьи Маруа, но теперь у меня появились свои заботы...»

В общем, у Эрмин нашлась масса поводов для того, чтобы быть недовольной собой и своими поступками. Услышав звук мотора, она вздрогнула. Через несколько минут в комнату вошла Лора. Щеки ее порозовели от холода.

— Мамочка, какая ты красивая! — вместо приветствия воскликнула Эрмин. — Ты изменила прическу?

— Да, у меня новая стрижка и завивка. И цвет чуть светлее прежнего, — отозвалась ее мать.

Шелковистые, окрашенные в платиновый блонд волосы женщины были завиты в мелкие кудряшки и красиво обрамляли лицо. Макияж Лоры тоже был намного ярче обычного. Она сняла шубку из чернобурки и покрутилась перед дочерью, чтобы показать ей серое бархатное платье, сшитое по моде того времени: оно открывало ноги, но не подчеркивало талию. Ханс с озадаченным видом следил за движениями Лоры, потом внимательно посмотрел на Эрмин.

— Ты нездорова? — спросил он. — В это время дня тебя нечасто увидишь лежащей на диване...

— Я решила прилечь, ожидая вас, — ответила Эрмин. — И мне, правда, немного нездоровится. Но ничего страшного, просто усталость.

— И неудивительно, — коротко заметила Лора. — Морозы бьют все рекорды. Этой ночью в Робервале было минус тридцать.

Эрмин, которая все еще дрожала от озноба, попыталась встать. Она отметила про себя, что мать даже не поцеловала ее.

— Теперь я понимаю, почему никак не могу согреться, хотя Арман как следует растопил печи во всех комнатах.

— Холод — не помеха для некоторых заядлых путешественников, — сказала Лора, присаживаясь на краешек дивана. — Не так ли, дорогая?

Молодая женщина онемела от удивления. Мать не могла сказать это случайно. Лора открыла свою сумочку и вынула сложенную вдвое газету.

— Ты думала, что мы с Хансом ни о чем не узнаем, верно? — с досадой спросила она. — Эрмин, объясни же мне, что все это означает? Когда я увидела эту статью, мне показалось, что я брежу. Увы, «*La Presse*» попала ко мне в руки не в день публикации, а позже, иначе я приехала бы раньше. Мне принесли ее только вчера вечером, и я целую ночь не спала. Я прочту тебе, и ты поймешь, что меня так шокировало.

Ошеломленная, Эрмин молча смотрела, как Лора торопливо разворачивает выпуск ежедневной газеты. Через мгновение зазвучал ее ледяной, звонкий голос:

— *«Благословим же жестокость зимних морозов, которые в ночь с понедельника на вторник привели в санаторий поселка Лак-Эдуар молодую и красивую певицу. Нет никаких сомнений в том, что пациенты этого лечебного учреждения никогда не слышали столь восхитительного пения. Уроженка Валь-Жальбера, рабочего поселка, ныне почти опустевшего, талантливая Эрмин Дельбо привела публику в восторг исполнением сложнейших арий из репертуара лирического сопрано. Слушатели благодарили ее бурными аплодисментами. Надеемся, что наша соотечественница скоро заявит о себе как...»* Дальше читать нет смысла. Эрмин, как ты там очутилась? Я понятия не имела, что в понедельник вечером ты можешь оказаться почти в Квебеке! Ты совсем не думаешь обо мне!

— Мама, я не знала, что обо мне напишут в газете! — воскликнула расстроенная молодая женщина. — Мне очень жаль, что так вышло.

— Но куда ты направлялась? — спросил Ханс. — В статье говорилось, что на железной дороге произошла поломка, деревья упали на пути. И ты брала с собой сына, как я понимаю? Подумать только — солгать матери!

— Я не лгала, — попыталась оправдаться Эрмин. — Я просто ничего

не сказала. Я замужняя женщина и могу уезжать, никого не предупредив. Это касается и вас с мамой. Я хотела вам все рассказать сегодня.

Лора с удрученным видом качала головой, но по-прежнему не отрывала взгляда от газеты.

— Мама, пожалуйста, не сердись на меня, — попросила Эрмин. — Я решила пройти прослушивание в Капитолии. Думала сделать вам сюрприз. Поэтому поехала с Шарлоттой и Мукки. Поездка на поезде — обычное дело, люди ездят поездами и зимой, и летом! Просто так вышло, что в тот день началась метель и на рельсы упали деревья. Поэтому нас устроили на ночь в санатории Лак-Эдуара. Там меня попросили спеть для пациентов, только и всего. Не думала, что из этого можно сделать целую статью. Не понимаю...

Эрмин запуталась в объяснениях. Она чувствовала себя маленькой девочкой, которая нашла и теперь вынуждена оправдываться.

— «...Только и всего!» — повторила Лора. — Ради чужих людей ты делаешь то, в чем отказываешь мне много недель подряд! Признай, что это выглядит как наказание, и жестокое!

Присутствовавшая при этой сцене Шарлотта предпочла убежать в кухню. Ханс же заявил, что должен отнести все вещи в спальню.

— Все вещи? Но почему? — спросила Эрмин.

— Потому, что я буду жить здесь, в моем доме. И больше не оставлю тебя одну, — заявила категоричным тоном Лора. — А Тошан знает об этой сумасшедшей затее? Если он позволил тебе сейчас, в самые сильные холода, отправиться в Квебек, я найду что ему сказать.

— Я и ему ничего не сказала, мама. Прощу тебя, не сердись! Знаешь, кого я встретила в санатории? Сестру Викторианну! Я так обрадовалась! В монастырской школе она была сестрой-хозяйкой, но ко мне относилась, как к дочери.

— Час от часу не легче! — в сердцах выкрикнула Лора. — На этом свете у меня нет никого, кроме тебя, а ты готова любить всех, кто пытался заменить тебе мать, но не свою настоящую маму! Я была бы счастлива поехать в Квебек, быть с тобой рядом в такой момент! Мы бы остановились в лучшем отеле, поужинали вдвоем или втроем, потому что взяли бы с собой и Шарлотту. И ты лишила меня такой радости!

Эрмин села рядом с матерью. Она была тронута ее словами.

— Прости меня, мама. Как бы то ни было, до Квебека я так и не доехала. Наутро после аварии я решила вернуться домой. Тебе это может показаться глупым, но мне хотелось поехать одной. С прослушиванием то же самое: я бы предпочла, чтобы в зале в этот момент не было ни тебя, ни

Ханса. Вы так верите в меня, и мне не хотелось бы вас разочаровать. Я хотела услышать, что скажет специалист о моем голосе, о моей технике, но не разговаривать об этом дни напролет перед прослушиванием. Я была неправа и в полной мере за это наказана.

— Наказана? И в чем же заключается наказание? — сухо спросила Лора, не переставая сердиться.

Молодая женщина отвернулась. Ей не хотелось упоминать о выкидыше, хотя это, несомненно, смягчило бы мать.

— Скажем так: в санатории я увидела больного туберкулезом ребенка, которому жить осталось несколько месяцев. В сравнении с несчастьем, выпавшим на долю этого мальчика и остальных пансионеров, я поняла, как мелки мои страхи и невзгоды. Спев им пару песен, я хоть немного их порадовала.

— А я? — спросила Лора. — Я не имею права на частичку этой радости? Или мне надо заболеть туберкулезом, чтобы слушать, как поет родная дочь? Я знаю, что виновата перед тобой, Эрмин, и все же я думала, что ты меня любишь. А теперь я в этом сомневаюсь. С тех пор как ты поселилась в этом доме, между нами ширится пропасть!

— Мапочка, прошу, не говори так!

— Я скажу все, что хочу сказать! Мы нашли друг друга слишком поздно. Ты почти сразу же вышла замуж за Тошана. Когда же я стану супругой Ханса, у нас и вовсе не останется ничего общего.

Лора замолчала и разрыдалась. Эрмин крепко обняла мать.

— Мапочка, зачем ты так говоришь? Моя родная, ты ошибаешься, я люблю тебя и не хочу огорчать.

Лора пребывала в состоянии крайнего возбуждения, и это начало беспокоить Эрмин.

— В том, что случилось, нет ничего страшного, — начала она. — Послушай, мы поедem в Квебек вместе, ближайшим летом или в следующем году. Теперь, когда моя эскапада больше не секрет, я с удовольствием расскажу тебе, как я организовала наш с Шарлоттой отъезд. Ты будешь смеяться: меня все пугало — и вокзал в Шамборе, и поезд...

Лора неловким движением вытерла заплаканные глаза. Она дрожала. Эрмин подняла упавшую на пол газету. Из чистейшего любопытства она решила просмотреть статью. Та была проиллюстрирована двумя фотографиями, сделанными без ведома молодой женщины. Критическим взглядом Эрмин окинула саму себя, снятую в профиль, потом поискала среди слушателей знакомые лица.

«Бадетта говорила, что в числе пассажиров поезда был журналист. Но

я и подумать не могла, что он работает для «*La Presse*», — сказала она себе. — И уж давно не предполагала, что он напишет статью. В этом мне снова-таки не повезло!»

Эрмин подумала о Тошане. Ведь эта статья могла и ему попасться на глаза...

— Что ж, мне придется во всем признаться мужу.

— Вот как? — чуть насмешливо поинтересовалась Лора. — Только потому, что так сложились обстоятельства? Эрмин, откуда это у тебя — врать, скрытничать? Твоя открытость и искренность всегда меня восхищали. Что с тобой случилось?

— Мне неприятно это слышать, мама, — со вздохом отозвалась молодая женщина. — Но не всегда легко быть искренней. Если хочешь знать правду, вот она: да, я мучаюсь, потому что приходится выбирать между ролью жены и матери и сказочной карьерой, которую ты так часто мне обрисовывала. Я не испытываю желаний стать известной и богатой, мне просто нравится петь. Более того: пение для меня — это страсть, потребность. Там, в санатории, я познакомилась с больным мальчиком, его зовут Жорель. От него я услышала самую лучшую на свете похвалу: он сказал, что мой голос, быть может, поспособствует его выздоровлению. Если так, я буду бороться, мама! Сегодня же вечером я объясню Тошану, что не могу отказаться от пения, и попрошу, чтобы он разрешил мне петь хотя бы в больницах, приютах для сирот, в санаториях... Чтобы дар, которым наградил меня Господь, послужил благому делу!

Теперь пришла очередь Эрмин плакать. Она говорила так громко, что из кухни примчалась Шарлотта, а за девочкой по пятам — Мирей с Мукки на руках. Встревоженный, Ханс тоже быстро спускался вниз по лестнице.

— Сестра Викторианна — и та посоветовала мне не думать о карьере, — запальчиво проговорила Эрмин, захлебываясь слезами. — Я сделаю, как *она* хочет, я буду поступать так, как *вам* хочется, но я хочу петь!

Она встала сама не своя от огорчения и прижала руки к груди. Это был не первый случай, когда ее тело так неистово реагировало на внутренний конфликт. Лора, у которой словно пелена спала с очей, испуганно вскрикнула:

— Дорогая, успокойся, прошу тебя!

Но было уже слишком поздно. Эрмин вспомнила, как ехала в поезде в испачканной кровью одежде. Она потеряла ребенка, крохотное обещание ребенка, и осознание этого причиняло ей ужасную боль. Все ее прекрасные мечты были теперь запятнаны этой кровью.

— Никогда не выйду я на сцену в костюме героини! Не стану ни Чио-Чио-сан, ни Маргаритой из «Фауста». Если бы вы только знали, как мне хотелось бы поехать по Европе, восхищая слушателей! Но мне не следует думать об этом, нельзя даже думать!

Эрмин сорвалась на крик.

— Крошка моя, успокойся! — стала мягко уговаривать ее домоправительница. — Ты уже навела страху на Шарлотту и своего малыша. Мадам, возьмите у меня Мукки!

Мирей взяла Эрмин за запястья и увела за собой. В кухне она обтерла ей лицо смоченным в холодной воде полотенцем.

— Бедная моя, не надо так расстраиваться. Вы с мамой словно не из наших краев — прямо-таки два комка нервов. О правилах приличия-то надо помнить. Посмотри на меня, Эрмин!

— Я смотрю, — ответила молодая женщина, широко распахивая свои лазурно-голубые глаза.

— Тебе всего восемнадцать. И не пристало тебе тратить свои молодые годы на бесполезные жалобы! Вместо того чтобы рвать себе душу и сердце, радуйся, что у тебя есть Тошан и ребенок. Ты еще легко отделалась, ты знаешь, о чем я говорю. Я не раз слышала, что женщины, даже такие молодые, как ты, умирали, теряя плод раньше срока. Господь пощадил тебя, уже за это надо быть благодарной!

Эти слова, произнесенные тихим, но наставительным тоном, помогли молодой женщине прийти в себя. Мирей налила в стакан немного бренди.

— Выпей, тебе станет легче.

— Нет, мне нельзя спиртного.

В кухню вошла Лора. Взяв из рук домоправительницы стакан, она залпом выпила содержимое.

— Где Мукки? — спросила Эрмин. — Я хочу взять его на руки.

— С ним Шарлотта, — коротко ответила ей мать. — Раз кризис миновал, самое время пообедать. Я едва держусь на ногах. Всю ночь я не спала и не помню, когда в последний раз ела. Поговорим на полный желудок, это будет разумнее.

Несмотря на семейную драму, спустя тридцать минут Лора, Эрмин, Шарлотта и Ханс уже сидели за столом. Мирей подала на первое вкуснейший суп из конских бобов, пахнувший и бобами, и луком, и салом, и морковкой с капустой. Она готовила такой раз в неделю и досыта кормила им Армана, который очень его любил. Среднему сыну семейства Маруа приходилось много трудиться, чтобы отопление в доме мадам Лоры работало без перебоев. Мирей не забыла упомянуть, что такой суп очень

популярен в регионе озера Сен-Жан, в надежде, что кто-нибудь спросит у нее, какие блюда готовят в Тадуссаке, ее родном поселке. Однако никому из сидящих за столом это не пришло в голову, тем более в такой день, как сегодня.

После супа домоправительница подала вареное мясо ягненка с гарниром из брюквы и картофеля. В такие холода она старалась готовить наваристые, сытные кушанья.

Как и следовало ожидать, разговор снова зашел об эскападе Эрмин. Перед десертом Ханс заметил:

— Лора, дорогая, если задуматься, твоя дочь не сделала ничего плохого. У нее есть право ехать, куда она считает нужным, никого не поставив в известность, тем более меня, ведь я ей пока даже не отчим.

— Эмоции захлестнули меня, — согласилась Лора. — Но я не была рядом с дочкой, когда она росла. Я потеряла годовалую малышку, а обрела девушку. И все же продолжаю считать ее ребенком и обращаюсь с ней соответственно — как с обожаемой маленькой девочкой.

Молодая женщина ответила на слова матери ласковой понимающей улыбкой. Она ощущала усталость: нервное напряжение сказалось на ее самочувствии.

— Расскажи нам, что именно ты пела в санатории, — попросил Ханс. — Перед прослушиванием ты наверняка много репетировала?

— Да, каждое утро, — ответила Эрмин. — Я спела арию из «Лакме», потом из «Мадам Баттерфляй», а потом несколько песен из моего старого репертуара: «*Ave Maria*» Гуно и «У чистого ручья».

— Как бы я хотела услышать тебя, дорогая! — грустно сказала Лора. — Прощу, спой нам что-нибудь. Это всех нас помирит.

Эрмин очень хотелось порадовать мать, но при одной только мысли о том, чтобы спеть арию из какой-нибудь оперы, у нее комок встал в горле. Она отрицательно покачала головой.

— Я слишком устала, мама, — сказала она. — Завтра я спою для тебя, обещаю. Но не сегодня. И Мукки спит, я не хочу его будить.

— Хорошо, я не стану настаивать, — сказала Лора, встала и направилась в гостиную. Вид у нее был разочарованный.

Молодая женщина последовала за матерью. Она нашла ее стоящей с газетой в руке.

— Я не понимаю тебя, Эрмин, — призналась Лора. — Только что ты кричала, что жить не можешь без пения, и вот в очередной раз отказываешься спеть для меня.

— Мама, все совсем не просто! Я не прибор, который можно

включить, нажав на рычажок. У меня болит живот, я очень устала. Мне нехорошо. Ты же знаешь, что такое...

— Ну конечно, ты права! — пробормотала Лора, рассматривая фотографии в газете. — Тебе плохо, а я, глупая, терзаю тебя. Прости меня! Какая ты хорошенькая на этой фотографии, где тебя сняли анфас! Со своим сияющим лицом и белокурыми волосами ты похожа на ангела!

— Маленький мальчик у меня за спиной — это Жорель, — сказала Эрмин. — Я не знала, что туберкулезом болеют в таком раннем возрасте.

Лора вздохнула. Она внимательно рассмотрела лицо ребенка, потом ее взгляд пробежал по увековеченным фотокамерой лицам трех других пансионеров. Внезапно она затаила дыхание, настолько сильным, опустошающим было изумление. Рядом с Жорелем сидел мужчина, поразительно похожий на ее первого мужа, Жослина. Правда, он был очень худ и начал лысеть. Подбородок его и щеки были тщательно выбриты. Суровое выражение глаз, очень темных, лоб, нос, очертания рта — все было таким же, как у Жослина Шардена.

— Мама, у меня случился выкидыш, — призналась Эрмин. — Я не хотела тебе говорить, но теперь чувствую, что было бы неправильно скрывать это от тебя. Мирей заботилась обо мне, утешала меня, но она при всем желании не смогла бы заменить мне мать! Я так в тебе нуждалась!

Услышав это признание, Лора издала удивленное восклицание. Отбросив газету, она протянула руки к дочери.

— Моя бедная крошка, ты уверена, что была беременна? — спросила она. — Господи, а я осыпала тебя упреками и жалобами! Иди ко мне, дорогая!

Наконец Эрмин смогла прижаться к материнской груди, выплакаться у матери на плече. Закрыв глаза, она вдыхала окутывающие Лору нежные ароматы лаванды и рисовой пудры.

— Мамочка, я тебя люблю! Прости меня! Я и Тошану расскажу правду, но я так боюсь его потерять!

— Не стоит так переживать, он не настолько упрям и непреклонен, — не без удивления заметила Лора. — Природа повелевает, мы подчиняемся. Ты ни в чем не виновата.

— Нет, наоборот, это моя вина. Я уверена, если бы не наша глупая поездка, я бы сохранила ребенка. Во вторник утром, сразу после пробуждения, у меня появились эти боли.

— Ты упала и ударилась животом?

— Нет. Но к санаторию нас везли на собачьей упряжке. Сани часто подпрыгивали на ухабах.

По телу Лоры прошла дрожь: для нее запряженные собаками сани навсегда стали символом самых драматических моментов ее жизни. На таких санях она проехала многие сотни километров. Нахлынули воспоминания, причем ей казалось, что все это случилось буквально вчера: Жослин направляет собак во враждебную заснеженную бесконечность, а она сидит в санях, закутавшись в меха. Лицо мужа напомнило ей лицо мужчины, которого она только что видела на снимке. Лора с испугом посмотрела на газету, лежавшую на ковре.

— Может, это всего лишь задержка месячных, — сказала она, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно спокойнее.

— Меня временами тошнило, некоторые запахи казались отвратительными. И я так радовалась при мысли, что скоро осчастливлю Тошана! Он рассердится на меня за то, что я уехала, ничего ему не сказав, без его согласия.

— Все уладится, Эрмин. Ничего не бойся!

Лоре не терпелось снова взглянуть на фотографию, поэтому она подобрала с пола экземпляр «*La Presse*». Женщина пальцем указала на незнакомца, который был так похож на Жослина.

— Этот мсье тоже болен туберкулезом? — спросила она, пытаясь скрыть волнение. — Как он исхудал!

— Странный человек, — сказала Эрмин. — Его зовут Эльзеар Ноле.

— Эльзеар? — повторила ее мать голосом, в котором слышалось немалое удивление. — Старинное имя! Наверное, этому мсье много лет.

— Я не знаю, сколько ему лет, мамочка. Но мне показалось, что характер у него тяжелый. Однако ему приходится мириться со своим положением туберкулезного больного, которого в обществе все избегают, как в свое время избегали чумных.

Лора не знала семейной истории Шарденов. Ее союз с Жослином, признанный его родными нечестивым, не повлек за собой встреч и разговоров, в которых кто-то мог обсуждать своих предков. И все же она вспомнила, что однажды вечером ее первый муж упомянул какого-то Эльзеара. Похоже, речь шла о ком-то из родственников.

«Этот мсье может приходиться Шарденам родственником, — предположила Лора. — Этим объясняется внешнее сходство».

Убаюканная материнскими ласками, Эрмин продолжала рассказывать:

— Знаешь, в санатории мне стало не по себе. И этот мсье, Эльзеар Ноле, повел себя странно. Когда я говорила с маленьким Жорелем, он погладил меня по волосам, и выражение лица у него при этом было... В общем, я почти испугалась. Он выглядел как сумасшедший. Но тут же

начал извиняться и объяснил, что у него есть дочь, моя одногодка. Сестра Викторианна рассказывала, как страдают туберкулезные больные от разлуки со своими семьями. Они отрезаны от общества, и навещают их очень редко.

Лора кивнула, стараясь скрыть волнение. Сердце ее билось сильнее обычного, но в каком-то замедленном ритме. Она начала дрожать. Это было нелогично, невероятно, однако в ее душе зазвенел тревожный звоночек.

«Почему этот пансионер, так похожий на Жослина, погладил Эрмин по волосам? Почему он сказал, что у него есть дочь ее возраста? — задавалась она вопросами. — Наверное, я схожу с ума! Это всего лишь совпадение, стечение обстоятельств. А может, этому мсье, взволнованному красотой Эрмин и ее чудесным пением, просто захотелось к ней прикоснуться... И в том, что у него дочка одних с Эрмин лет, нет ничего удивительного. Мужчин, у которых есть восемнадцатилетние дочери, сотни. Нет, я не собираюсь скатываться в безумие! Жослин мертв и похоронен руками Анри Дельбо. Пусть даже никто, кроме последнего, и не видел его мертвого тела!»

— Мама, ты так побледнела! — удивленно заметила Эрмин.

— Я очень расстроилась, дитя мое. Ты столько всего пережила! Если бы я знала, я бы приехала тотчас же. Меня огорчает, что ты не прислала за мной кого-нибудь. Арман был бы рад съездить в Роберваль. В доме нужен телефон, особенно зимой! Теперь, когда Валь-Жальбер опустел, мы здесь совсем отрезаны от мира!

В комнату заглянула Мирей. У нее был свой повод для беспокойства.

— Мадам, мне подать пирог и кофе в гостиную? Мсье Ханс и Шарлотта до сих пор сидят за столом. Я не знаю, как быть.

Лора с Эрмин решили вернуться в столовую, к величайшему облегчению девочки, опасавшейся новой ссоры. До самого конца трапезы сидящие за столом делали вид, что пребывают в хорошем настроении, но мысли у каждого были не самые радостные. Ханс размышлял о том, насколько сильное чувство испытывает к нему его будущая супруга. Их связь удовлетворяла и его мужские притязания, и потребность во взаимной нежности и ласке; но все же Лора была женщиной особенной, настроение у нее быстро менялось. Временами она бывала капризной, требовательной, а потом вдруг отдавалась во власть неясных страхов, становясь отстраненной или ранимой, как ребенок. Однако своего будущего без нее он не видел и с нетерпением ждал момента, когда сможет надеть ей на палец обручальное кольцо.

Шарлотта сжалась в комочек, пребывая в уверенности, что взрослые

рано или поздно догадаются, что это она во всем виновата: и в том, что они с Эрмин на поезде отправились в Квебек, и что у той случился выкидыш. Спеша хоть как-то искупить свою вину, девочка поочередно предлагала помочь убрать со стола, убаюкать Мукки, вымыть посуду. Она старалась улыбаться, но на сердце у нее было тяжело.

Что до Эрмин, то с каждым часом страха ее только крепили. Скоро должен приехать Тошан, и это был первый раз, когда она ждала его без привычного нетерпения.

«Нужно ли говорить ему правду? — спрашивала себя молодая женщина. — Если он не видел ту газету, зачем рисковать? Нет, все-таки я глупая! Он мой муж, и я не стану его предавать!»

Эрмин поморщилась от сильной боли внизу живота. Отказавшись от своей порции яблочного пирога — искушения, покрытого взбитыми сливками и политого кленовым сиропом, — она объявила, что поднимется к себе в спальню отдохнуть.

— Мама, Шарлотта, как только Мукки проснется, пожалуйста, принесите его ко мне. Я его покормлю.

Ханс зажег сигарету, а Лора встала, чтобы обнять дочь.

— Отдохни хорошенько, дорогая, — ласково сказала она.

Когда дочь ушла, Лора вернулась в гостиную и стала снова рассматривать фото в газете, на этот раз вооружившись лупой. Дрожа от волнения, смотрела она на худое лицо Эльзеара Ноле. Сходство с Жослином, бесспорно, было, но карикатурного свойства.

«Возможно, этот господин все-таки родственник Шарденов — дядя или племянник. Мои родители любили повторять, что я — вылитый портрет моей тети Паулы. Мне не из-за чего так волноваться!»

С крыльца донесся лай собак и мужские голоса. Лора узнала низкий тембр своего зятя и более высокий голос Симона Маруа.

— Симон? Как он тут оказался? — пробормотала она.

Молодые люди задержались у порога. В каждый свой приезд Тошан неизменно первым делом распрягал собак и отводил их в специально для них предназначенный сарай, потом убирал сани под навес. Лора подошла к одному из окон. Да, рядом с молодым метисом, бесспорно, стоял Симон. Эрмин спустилась со второго этажа. Лицо у нее было озабоченное.

— Мама, с Тошаном приехал Симон. Но почему? В прошлом месяце сын Бетти вернулся в Монреаль. Выходит, у меня не будет возможности поговорить с мужем. Когда они вместе, то думают только об игре в карты или просто болтают за стаканчиком карibu.

— Случай поговорить обязательно представится, — тихо отозвалась

мать.

Дверь распахнулась. Клеман Тошан Дельбо быстро разулся и бросил недобрый взгляд на жену. Испуганная, она замерла в нерешительности.

— А где Симон? — спросила Лора. — Мне же не приснилось, что Симон Маруа был с вами?

— Вам не приснилось, мадам! — ответил Тошан. — Мой приятель пошел поздороваться с матерью. А потом, по моему приглашению, придет к нам ужинать.

Молодой человек пребывал далеко не в радужном настроении, это чувствовалось сразу. Он указал Эрмин на лестницу.

— Поднимемся! — приказал он. — Нам нужно поговорить наедине!

Еле живая от страха, молодая женщина повиновалась. Тошан знает! Иначе он бы не говорил с ней так холодно...

— Не могли бы вы объяснить мне, что Симон делает в Валь-Жальбере? — спросила Лора.

— Позже, — отрезал зять.

Молодая чета оказалась в своей спальне. Без лишних слов Тошан вынул из кармана куртки сложенный вчетверо газетный лист и протянул его жене.

— Мне это очень не понравилось! — заявил он. — Это из вчерашней «*La Presse*». Товарищи по работе всю надо мной потешались. Они сложили газетный лист самолетиком и запустили мне прямо в лицо, там, на лесопилке. «Что, индеец, твоя блондинка сбежала от тебя в Лак-Эдуар? И там дает концерты для туберкулезных!» Как ты думаешь, как я себя чувствовал? Я сказал, что такого просто не может быть, что ты — примерная супруга и занимаешься воспитанием нашего полугодовалого сына. И тут я увидел фотографии!

— Твои товарищи по работе — идиоты, — сказала Эрмин. — И не кричи так, тебя услышат внизу.

— А мне наплевать! — сухо отозвался Тошан. — Когда снова решишь собрать чемодан и отправиться к черту на кулички, пошли мне, по крайней мере, телеграмму, чтобы я не стал всеобщим посмешищем!

— Это единственное, о чем ты беспокоишься? — удивилась молодая женщина. Гнев возобладал над ее страхами и стыдом. — Что подумают о тебе те, с кем ты работаешь... Это правда: я уехала, никому ничего не сказав, даже матери. Я имею на это право!

— Нет, не имеешь! — воскликнул он. — Не встречу я Симона на вокзале в Шамборе, приехав сюда, я бы с порога отхлестал тебя по щекам. Симон — славный парень, он меня успокоил. Он заботится о тебе, как

старший брат о младшей сестренке.

— Отхлестать по щекам? Меня? — поразилась Эрмин. — Ты собирался меня ударить? Но я ведь не сделала ничего плохого!

— А чем ты это докажешь? Ну, говори! Примерная супруга и мать, которая одна, без мужа гуляет в сотнях миль от дома и позволяет себя фотографировать в облегающем свитерке! Посмотри на снимок! Ты выставила груди, как поганая актрисулька!

Эрмин приготовилась услышать несправедливые упреки. Чего она не ждала, так это сцены ревности. Пребывая в полной растерянности, молодая женщина разрыдалась.

— В столовой санатория было очень жарко, мне пришлось снять накидку, — всхлипывая, пояснила она. — Тошан, я кормлю ребенка, поэтому груди у меня стали больше, чем раньше.

— Это правда, но все, что от тебя требуется, — хоть немного прикрыть их одеждой, — ответил тот, не переставая ходить взад-вперед по комнате. — Я думал, ты дома, с нашим сыном. Что на тебя нашло?

— Я решила пройти прослушивание в Квебеке, но, пока мы ехали в поезде, началась метель и локомотив остановился. Пассажиров поезда приютили на ночь в санатории для туберкулезных больных. Я хотела сегодня обо всем тебе рассказать. Во вторник я вернулась домой.

Тошан стал сворачивать себе сигарету. Эрмин ему помешала: она не выносила запаха табака в стенах дома. Он со злостью спрятал курево в карман.

— Прошу тебя, не сердись, — добавила молодая женщина. — Я поступила плохо, признаю. В воскресенье, когда ты уехал, я попросила у тебя прощения, так мне не хотелось тебя обманывать. Но ты должен выслушать меня, Тошан! Пение для меня — необходимость. А еще я хотела доказать самой себе, что смогу поехать в Квебек на поезде с Шарлоттой и Мукки. Все обращаются со мной, как с ребенком, — ты, мама, Ханс!

— Я хочу, чтобы ты пела, — с раздражением отозвался он. — Только не в больших городах, не на сцене театра. У моей матери, для моих двоюродных сестер — пой, пожалуйста! Я всегда в такие минуты гордился тобой.

Тошан вспомнил летний вечер на берегу Перибонки. Несколько родственников пришли их навестить. Эрмин исполнила оперные арии и дополнила их народными песнями, чем привела всех в изумление и восторг.

Эрмин вытерла глаза, смахнув слезы кончиками пальцев. Ей было очень горько: она ждала от мужа понимания и ласки, но ничего этого не

было и в помине. Тошан стоял посреди комнаты с каменным лицом. На мгновение она даже задумалась, а правильным ли было их решение связать свои судьбы, хотя ее супруг, в определенном смысле, ничем не отличался от остальных представителей мужского населения региона. В этих краях мужчина женился на понравившейся ему девушке, надеясь, что она станет рачительной хозяйкой, прекрасной поварихой и преданной матерью для его детей.

— Возможно, мы выбрали не тот *невидимый путь*, — пробормотала Эрмин. — Когда я влюбилась в тебя, Тошан, ты казался мне совсем не похожим на моего опекуна, ты был намного добрее. В те времена Бетти подчинялась Жозефу беспрекословно. Ты сумел поставить Жо на место! Помнишь, там, возле сахароварни? Ты показался мне похожим на тех поборников справедливости, которые сражаются за равенство для всех людей на этой земле. А теперь ты изменился, так изменился!

— Красивые слова! — зло отозвался Тошан. — Ты что, думаешь, я развлекаюсь на лесопилке в Ривербенде? От тебя требуется немного: играть свою роль, в то время как я играю свою. Я работаю, а ты воспитываешь нашего сына.

Молодая женщина усмехнулась. Она была разочарована. Именно это она повторяла себе снова и снова, пытаясь себя убедить. Но те же слова из уст Тошана ее только огорчали.

— Мукки прекрасно себя чувствует, — сказала она. — Он хорошо кушает и спокойно спит. И поездка его ничуть не утомила. В поезде, Тошан, были и другие женщины с детьми, и они тоже путешествовали без мужей.

— Эрмин, если бы ты предупредила меня, я бы никогда не стал запрещать тебе ехать, — сказал он. — Но ты не сказала, и я разозлился. Твоя идея поехать в Квебек сама по себе идиотская. Ты никогда не бывала в больших городах. Там с тобой могло случиться что угодно!

Это был диалог двух глухих — каждый оставался при своих убеждениях и своих обидах. В дверь постучали. Тошан сердито крикнул: «Входите!» В комнату вошли Лора с Шарлоттой. Девочка прижимала к себе Мукки.

— Он плакал, — пояснила она.

— Тошан, прошу вас, не огорчайте Эрмин, — сказала Лора. — Я отчасти виновата в этом ее необдуманном поступке и во многом другом.

Молодой мужчина сердито воззрился на тещу. Однако Лору это не смутило, и она продолжала:

— Вы не хотели жить за мой счет, поэтому поспешили найти себе

работу. Много недель подряд Эрмин скучала по вас, а я в это время осаждала ее с разговорами о том, какую она могла бы сделать карьеру, чем и подвигла на эту поездку. Она решила ехать тайком, и вот результат — мы все очень расстроены. Прошу вас, забудьте на время о гордости, Тошан, примите мое гостеприимство. По меньшей мере, можете считать, что таким образом я плачу за радушие, с которым ко мне и Жослину семнадцать лет назад отнеслись ваши родители. Я перед вами в долгу.

Эти слова матери взволновали Эрмин: Лора старалась не вспоминать о том периоде своей жизни. Тошан тоже выглядел растерянным, но уступать не стал.

— Я буду работать в Ривербенде, пока не закончится контракт, — буркнул он. — В июне мы — я и моя жена с сыном — уедем. Я очень жалею о том, что привез Эрмин к вам. Валь-Жальбер — проклятое место.

С губ Эрмин сорвалось грустное восклицание. Тошан вышел, хлопнув дверью.

— Дорогая, мне очень жаль, — вздохнула Лора. — Я хотела тебе помочь, но у меня ничего не вышло.

Мукки расплакался. Молодая женщина, в слезах, взяла его на руки и легла на кровать.

— Прошу, оставьте меня одну! Оставьте меня! — простонала она.

Шарлотта поспешно вышла. Лора на мгновение заколебалась, но потом последовала за девочкой.

* * *

Симон явился с наступлением темноты. Мирей встретила его прохладно.

— Сегодня не стоило приходить, мой мальчик. Мсье Клеман Тошан метал громы и молнии, а теперь Эрмин места себе не находит, потому что ее муж пропал.

Старший сын четы Маруа только усмехнулся.

— Он уехал на санях?

— Нет. В это время, он, кстати, обычно кормит своих собак.

Вниз торопливым шагом спустилась Эрмин. Вечер выдался морозным, поэтому она оделась очень тепло: шерстяная шапка, шарф, шуба, рукавицы и теплые сапоги с шипованной подошвой. Эрмин вышла на крыльцо и закрыла за собой дверь.

Симон догнал ее.

— Куда ты собралась? — спросил он.

— Я больше не могу ждать, — ответила ему молодая женщина. — Хочу найти Тошана. На небе появилась луна, и видно как днем. Пойду искать его по следам. Мама была против, но я настояла на своем.

— Мимин, снега намело по колено, и мороз крепчает, — сказал он. — Ты не сможешь найти его по следам. Самое худшее — Тошан ушел в Шамбор или слоняется по поселку. Оставайся дома, я сам пойду его искать.

— Прошу тебя, Симон, возьми меня с собой, я не могу больше сидеть на месте, — взмолилась Эрмин.

— Тогда пойдем вместе. Я не могу отпустить тебя одну, это небезопасно. Вокруг — ни души!

— А если я возьму с собой Дюка? Это вожак упряжки, он меня знает, и, я уверена, он сможет найти след своего хозяина, — предложила молодая женщина.

Закутанная в свои одежды, она выглядела так по-детски, что Симон растрогался. Он приобнял ее и похлопал по спине.

— А помнишь, как в детстве, зимой, по ночам на холмах выли волки? Был случай, когда нам удалось их увидеть. Ты тогда испугалась.

— Вовсе нет, — попыталась отшутиться Эрмин. — Гораздо больше я испугалась твоего отца, который запретил нам выходить на улицу.

Из предосторожности молодая женщина привязала веревку к ошейнику Дюка. Большой и сильный пес понюхал морозный воздух и бросился бежать. Эрмин с трудом поспевала за ним.

— Посмотри-ка! — через несколько минут сказал Симон. — Пес ведет нас напрямиком к целлюлозной фабрике. Твой муж не ушел далеко.

Дрожа от холода, они шли по улице, на которой некогда, словно солдаты по стойке «смирно!», стояли деревянные дома, где проживали многие десятки семей рабочих фабрики. Эрмин вспомнила времена, когда в теплое время года по воскресеньям из этих домов выходили люди и направлялись в церковь. Женщины в коричневых юбках и красивых вышитых блузках, с соломенными шляпками на тщательно уложенных в прически волосах. Мужчины тоже старались принарядиться: надевали галстуки и темные праздничные костюмы, в которых выглядели куда лучше, чем в спецовках или рабочих комбинезонах.

«А у крыльца и вдоль фасада дома у всех росли цветы! — с ностальгией подумала Эрмин. — В огородах красовались тыквы под синевато-зелеными крупными листьями, салат, картофель. Господи, почему сейчас все по-другому? Куда делись коровы, свиньи, овцы, козы? И дети, так любившие бегать по улицам Сен-Жозеф и Трамбле?»

— Странно видеть это запустение, правда? — сказал Симон, которому тоже стало немного грустно.

В его памяти эти улицы остались залитыми солнцем, счастливыми, густонаселенными, какими они были в дни расцвета рабочего поселка.

— Нам надо смириться с неизбежным, Мимин, — со вздохом добавил он. — Все жители Валь-Жальбера разъехались, остались только Маруа, хозяева своего участка и своего дома, да семья Шарден-Дельбо — мадам Лора и ее дочь, соловей из Валь-Жальбера!

— Не называй меня больше так, Симон! Прощу тебя! Соловей больше не станет петь. Он будет молчать, как положено послушной домашней птице. И все это — ради того, чтобы остаться рядом с любимым. Смотри, вот прекрасный дом бригадира, значит, мы уже на улице Сент-Анн.

На фоне перламутрового пейзажа просторные постройки завода казались совсем черными. Луна освещала призрачным светом присыпанные снегом крыши с торчащими на них красными кирпичными трубами.

— А помнишь, Мимин, как этот шалопай Арман втайне от всех приходил сюда собирать разные железки? — с улыбкой спросил Симон. — Свои сокровища он прятал под кроватью, в старых картонных коробках.

Молодая женщина с грустью посмотрела на платформу, с которой раньше загружали вагоны: от фабричных складов в Роберваль вела отдельная железнодорожная ветка. В те времена, особенно в Первую мировую, целлюлозу отправляли в Шикутими, в Соединенные Штаты и даже в Европу.

— Куда девался Дюк? — спросила Эрмин.

— Он там, на площадке. Мы нашли твоего мужа! Смотри, он гладит своего пса. Иди, вам самое время помириться. Я холостяк, Мимин, но, если бы у меня была жена и она выкинула мне такой фортель, как ты — Тошану, я бы тоже разозлился. Попроси у него прощения и знай, что ты и так уже должна поставить свечку за мое здоровье. Я утихомиривал его, как мог. Он был в ярости.

Эрмин увидела на противоположной стороне открытой площадки темный силуэт, различила в сумраке красный огонек сигареты.

— Хорошо, я пойду к нему, — сказала она. — Спасибо, Симон, из тебя получился хороший старший брат!

Он с улыбкой ущипнул ее за подбородок, чтобы скрыть волнение. Да и кто бы мог устоять перед обаянием Эрмин, особенно когда во взгляде ее голубых глаз было столько нежности?

— Иди! — пробормотал он. — И постарайтесь не замерзнуть

насмерть.

Она еще мгновение стояла в нерешительности. Прогулка помогла согреться, но теперь молодая женщина снова стала мерзнуть. Она пошла вперед, думая о том, как Тошану удалось столько часов провести на улице. С каждым шагом, приближавшим ее к любимому, рос и ее страх быть отвергнутой. Но он помахал ей рукой.

— Тошан? — позвала она.

Эрмин протянула ему руку, и ее пальцы под шерстяной рукавицей нашли пальцы мужа. Однако он не обнял ее, хотя она на это надеялась всем сердцем. Только слабо пожал ее пальцы.

— Идем, — сказал он спокойно.

Она хотела что-то сказать, но Тошан прижал палец к губам, призывая к молчанию. Разговор начал он сам:

— Сегодня полнолуние. Луна медленно плывет по небу. Идем, река поет только для нас двоих.

В горле у молодой женщины встал комок. Она снова боролась со слезами, на этот раз — со слезами нежности. В голосе Тошана не было гнева, он говорил так, как в первые дни их любви. Она последовала за ним, очарованная покоем, которым был исполнен белоснежный пейзаж. Внезапно тишину разрушил хрустальный рокот водопада, как если бы до этой секунды Эрмин его не замечала, или бурные его воды, вынужденные бесконечно бороться с леденящим холодом, неожиданно пришли в движение.

— Послушай! — восторженно сказал молодой метис. — Послушай, как Уиатшуан напевает свою победную песню. Идем.

Тошан увлек ее к склону. Дюк бежал впереди, вынюхивая что-то на земле. Пес, лапы которого были снабжены мощными когтями, легко передвигался по сугробам, покрытым коркой льда. Эрмин дважды поскальзывалась, но муж поддерживал ее, не давая упасть.

— Я сильно разозлился, — начал он. — Ты была права, когда сказала, что на нынешней работе я изменился. Парни, с которыми я работаю, слишком много пьют и не слишком хорошо отзываются о женщинах. Над многими вещами они попросту насмеются. Мне пришлось подстраиваться, поступая, как они, чтобы стать среди них своим. Если бы мать, Тала, увидела меня в иные моменты, она бы стала меня презирать. Прошу, прости меня.

— Я тоже хочу попросить у тебя прощения, — сказала Эрмин.

— Знаешь, — нежно сказал он и наконец обнял ее, — это благодаря реке я понял, что не прав; она унесла прочь мой гнев.

Глазам прижавшейся к мужу Эрмин предстало зрелище нереальной красоты, величественная феерия: лунный свет проливался серебром на огромный водопад, чьи стремительные воды неслись вопреки жестокой хватке мороза — поток отливающих всеми цветами радуги кристаллов, в которых застыл небесный свет, льющийся из не менее великолепного стеклянного ларца. Суровая зима, словно терпеливый мастер, сумела собрать мельчайшие капельки воды, чтобы украсить ими кусты, спящие ветви, камни. К созданию этого шедевра люди не были причастны, он родился благодаря капризу природы много веков назад и будет возрождаться вновь и вновь, пока Уиатшуан течет к озеру Сен-Жан, похожая на юную девушку, которая торопится на свидание с возлюбленным.

— Ничего красивее я в своей жизни не знала, — восторженно сказала молодая женщина.

Тошан посмотрел на нее. Ему показалось, будто он на время потерял способность видеть и теперь она вдруг вернулась к нему — мужчина снова с восхищением смотрел на очаровательное лицо своей юной супруги. Он нежно расцеловал ее в холодные щеки, коснулся губами кончика красивого носа, тоже замерзшего. Он утонул в голубом сиянии ее глаз, окруженных ресницами, на которых застыли крошечные кристаллики инея.

— Эрмин, я забыл, как ты мне дорога, — нежным голосом сказал он. — Я больше не достоин тебя! Я повел себя так грубо, так нехорошо...

Каждое слово чудодейственным бальзамом проливалось на незримые раны в душе молодой женщины.

— Я долго смотрел на водопад, слушал, как он рокочет и жалуется, а потом вдруг понял, что он поет, радуясь, что сумел остаться свободным, не дав заключить себя в ледяные оковы. И душа моя очистилась. Я понял, что Господь щедро одарил меня, доверив мне тебя, потому что ты самая красивая женщина в этой стране, и самая добрая. А еще ты — певчая птичка, и мне стыдно за то, что я хотел посадить тебя в клетку. Разве обрезают крылья соловью?

— Тошан, Тошан, прошу тебя, не говори так, я тоже была неправа! — взмолилась молодая женщина. — Я перестала доверять тебе, я поступила вопреки здравому смыслу, проявив неуважение к тебе. Я думала, ты больше меня не любишь, а может, никогда и не любил.

Он крепко прижал ее к себе. Какое-то время они стояли так, слившись в одно целое, любуясь необычайным спектаклем, который разыгрывала перед ними морозная ночь. Пребывая в лоне этого спящего мира, этого сильнейшего холода, они черпали силы и надежду в перламутровом

буйстве водопада. Ежедневные заботы, привычки, знаменательные даты, свойственные всем ошибки — грустная участь каждого человеческого существа — все это растворялось, разлеталось в осколки от соприкосновения с божественным великолепием водопада Уиатшуан, облаченного в наряд из снега и лунного света.

«Спасибо, Господи, спасибо! — повторяла Эрмин в глубине своего женского сердца. — Теперь я знаю, где мой путь, где мое счастье... Рядом с Тошаном, вдали от городов, в магическом круге лесов и быстротекущих вод...»

Они не могли разомкнуть объятия, словно околдованные. Белая сова покинула свое убежище на сосне и бесшумно пролетела у них над головами. И тут Тошан словно очнулся от сна.

— Эрмин, дорогая, нам пора возвращаться. Но я не мог попросить у тебя прощения в другом месте, только здесь. А теперь все хорошо, и наши горести позади.

— Да, это правда, я чувствую себя так, словно родилась заново. И мне уже не страшно.

По-прежнему прижимаясь друг к другу, они пошли к поселку. Молодая женщина ощущала тепло, передающееся ей от тела супруга, и это было удивительно.

— Тошан, я ждала ребенка, — сказала она, и голос ее не дрогнул. — Я хотела сказать тебе в эту субботу, но я потеряла его. Наверняка из-за этой глупой поездки. Я могла бы соврать тебе, но не буду. Мне было очень плохо, Мирей за мной ухаживала. Мама заверила меня, что с женщинами такое случается часто. Но я хочу еще ребенка, и как можно скорее. Твоего ребенка, которого я буду любить так же сильно, как Мукки. Наши дети будут расти там, где ты захочешь. Я благодарна тебе за то, что ты привез меня в Валь-Жальбер — повидать мать и друзей, но я была счастлива и там, в хижине, где ты вырос.

Однако ее супруг заволновался не на шутку.

— Одна из моих двоюродных сестер умерла от выкидыша, — сказал он. — И при этом она была дома! Эрмин, что, если бы я вернулся домой сегодня утром и застал тебя умирающей? Страшно даже подумать об этом!

Тошан остановился возле одного из фабричных складов. Он взял лицо жены в ладони.

— Не сожалей об этом ребенке, мне следовало бы быть рядом с тобой. И не плачь. У нас еще будут дети, и их смех в глубине леса будет звучать, как наилучшая музыка!

— Любовь моя, наконец-то ты снова со мной, — пробормотала

Эрмин. — Мой Тошан-поэт, мой благородный Тошан, который умеет прощать и очаровывать меня! О, как я счастлива!

Наконец их губы слились в долгом страстном поцелуе. Дюк, следовавший за ними по пятам, как тень, залаял. В ночи слышались крики. Мужские голоса по очереди повторяли их имена. Приблизились Симон и Арман.

— А вот и наши влюбленные! — воскликнул старший из братьев Маруа. — Мадам Лора волнуется. А еще в доме умирает от голода младенец, который своим криком не дает спать всему региону Лак-Сен-Жан! На дворе минус тридцать, неужели вы не почувствовали?

— Нисколько! — ответила Эрмин, сияющая, несмотря на смущение.

Четверо молодых людей пошли по бесконечно длинной улице Сен-Жорж. Опустевший поселок тонул в лунном свете, и за серыми окнами домов не горел свет. И все же они пребывали в прекрасном расположении духа и, как дети, держались за руки.

«Все-таки жизнь прекрасна! — думала Эрмин. — Моя река сотворила чудо: она вернула мне Тошана, того, кого мое сердце избрало, когда мне было всего четырнадцать. И ради этого чуда я готова на любые жертвы. Прощай, карьера, прощайте, театральные сцены и костюмы! Я больше не стану петь. Ну, разве только колыбельные своим детям...»

Она первой поднялась на крыльцо. В доме матери ворчали печи, из окон струился золотистый свет. Лора, заплаканная, истерзанная тревогой, открыла дверь. У нее за спиной стояла Шарлотта, прижимая к груди испускающий пронзительные крики сверток.

— Мукки, бедный мой сыночек! — воскликнула молодая мать, принимая у девочки ребенка.

Мирей пришла сказать, что приготовила теплое вино с корицей и испекла оладьи. Обрадованная тем, что все волнения дня позади, она увела Симона, Армана и Тошана с собой в кухню.

— Выпьем понемножку, как говорят французы — без церемоний, — предложила она. — У меня ноги словно из ваты, боюсь, не дойду до гостиной!

Эрмин устроилась поудобнее и приложила сына к груди. Из кухни до нее доносились смех и мужские голоса, и это окончательно ее успокоило. Лора, сидевшая рядом с дочерью, наконец дала выход своим эмоциям:

— Полагаю, вы с Тошаном помирились? — очень тихо спросила она.

— Да, мамочка, спасибо водопаду! Он такой красивый, просто волшебный! Свет полной луны, чего бы ни коснулся, все превращает в хрусталь! Тошан попросил у меня прощения, хотя это мне нужно было

извиняться.

На лице молодой женщины отражалось такое счастье, что слова были не нужны. Эрмин вся преобразилась. Лора погладила ее по волосам, ослепленная небесной красотой дочери.

— В июне, мамочка, мы вернемся к Тале, я и Тошан. Я обязана это сделать.

— Но вы ведь дождетесь моей свадьбы? — спросила ее мать. — Я уже выбрала день. Ханс начал было сомневаться в моих чувствах. Я больше не хочу тратить время на раздумья.

— Конечно, в такой день мы будем с тобой.

Лора повернула голову и посмотрела на столик, где лежала, все еще тая в себе угрозу, свернутая пополам газета. Запечатлены ли на бумаге черты человека, просто похожего на Жослина Шардена, или ее первый супруг все-таки вернулся с того света?

«Я должна это проверить! — сказала себе Лора. — На будущей неделе я на поезде поеду в Лак-Эдуар, в санаторий. Если я этого не сделаю, то сойду с ума от подозрений и сомнений».

Спустя час в доме воцарилась тишина. Мирей, чья совесть старательной домоправительницы была чиста, спокойно отдыхала в своей комнате. Шарлотта спала, обняв куклу, и ей снилось, что она гуляет по улицам. Квебека в теплый солнечный день. Ханс на цыпочках прошел в комнату Лоры. Та, в шелковой ночной сорочке, полураздетая, с трепетом ожидала щелчка дверной ручки своей спальни. Желание и наслаждение — наилучший эликсир, который помогает прогнать тени прошлого.

Эрмин засыпала, устроившись на плече Тошана. Они насладились ласками и поцелуями, однако не пошли дальше, ведь молодая женщина еще не совсем поправилась. Потом бесконечно говорили приглушенными голосами о том, о чем говорят все молодые супружеские пары, стоя на пороге долгой совместной жизни.

В сарае, свернувшись в клубки и закрыв от сквозняка носы хвостами, спали собаки. И только Дюк был настороже. Навострив уши, он слушал. От своих предков-волков он получил в наследство сильнейший инстинкт — неусыпную бдительность. Серый пес ощущал присутствие чужака. Заслышав отголоски тяжелых шагов по снегу, он зарычал, и шерсть у него на загривке встала дыбом.

Однако шум шагов скоро стих, и вновь — ни звука. Жослин Шарден продолжил свой путь.

Глава 7

Среди теней

Валь-Жальбер, в ту же ночь

Неслышными шагами обойдя кругом дом, где жили Лора и Эрмин, Жослин спустился по улице Сен-Жорж. Ошибки быть не могло: его жена и дочь спали в доме с красным почтовым ящиком, подписанным «Лора Шарден».

«Значит, это правда, — подумал он. — Дождись я рассвета, я мог бы постучать в дверь. Не знаю, кто ее открыл бы. Возможно, моя дочь или моя жена. Я бы поговорил с ними, рассказал, кто я, и на этом мои терзания закончились бы. Но нет, не так быстро!»

Мужчина оказался перед монастырской школой. Сердце, и так стучавшее в ускоренном ритме, бешено заколотилось в груди. Какое-то время он стоял и смотрел на здание, которое надеялся никогда больше не видеть. В памяти запечатлелась каждая деталь этой элегантной и надежной постройки. Ему показалось даже, что он вернулся в прошлое.

Осмотревшись, Жослин выделил взглядом сосну, под которой прятался в январе 1916 года.

«Господь свидетель, я смотрел на это красивое здание больше часа, прежде чем решил оставить мою крошку-дочь», — подумал он, задыхаясь от волнения.

Взгляд его задержался на колокольне, возвышавшейся над треугольной формы фронтоном, под которым располагался балкон второго этажа, в свою очередь служивший навесом над широким крыльцом. Ему показалось, что древесина — единственный, за исключением, пожалуй, витражного стекла материал, использованный при возведении монастырской школы, — обветшала за долгие годы службы.

«Как мог я оставить мою Мари-Эрмин? Что я за отец, раз осмелился лишить ребенка матери?»

Он уступил непреодолимому желанию подойти поближе к ступеням крыльца, покрытым наледью. Ему чудилось, что к груди он все еще прижимает свое закутанное в меха дитя.

«Я повел себя как трус, — думал он, разглядывая место, на котором

оставил Эрмин. — Мне нужно было сдать себя полиции, оставив жену и дочь в больнице. Может, я провел бы несколько дней в тюрьме, но меня быстро выпустили бы, и я воссоединился бы с семьей. Господи, вся жизнь поломана, и из-за чего!»

Сжав кулаки, Жослин выругался. В начале года ему исполнилось пятьдесят, и он проклинал судьбу, по воле которой стал туберкулезным больным, иными словами — человеком, обреченным на смерть.

«Все, все пошло прахом! Лучшие годы жизни исковерканы по глупости и трусости. Я бежал, как заяц. Господи, если бы я знал, если бы только знал, что этот мерзавец остался жив! Но нет, из-за моей трусости пострадал не только я, но и моя семья. Лора жила, как затравленный зверь, а я в довершение всего оставил на произвол судьбы свою маленькую дочь!»

Десять лет назад Жослин не поверил своим глазам, когда увидел на улице в Труа-Ривьер человека, которого, он мог бы в этом поклясться, случайно убил много лет назад. Он бросил своего соперника лежать на мостовой с раскроенным черепом и без признаков жизни, но тот выжил, отделавшись недельным пребыванием в больнице и четырьмя швами. Мужчина сам рассказал об этом Шардену, потому что тоже узнал его. Оба они постарели. Сама того не желая, Лора стала причиной их стычки, но теперь они удивлялись, что много лет назад так жестоко сцепились из-за женщины.

«Хорошо, что Лора узнает — я не убийца! — волнуясь, думал Жослин. — Но хочет ли она меня видеть? Если она осталась жива, почему не пыталась меня разыскать?»

Он не знал, что его родственники позаботились о том, чтобы замести следы. Его престарелая мать, набожная сверх всякой меры и при этом не знающая, что такое прощение, сожгла даже письма от Эрмин, когда та, будучи подростком, попыталась познакомиться с семьей отца.

Все эти сомнения, недосказанности, надежно хранимые секреты породили одно дитя — неведение.

Жослин — тень среди других ночных теней — решил идти в Шамбор. В последние годы ему довелось пройти столько миль, что расстояние его не пугало.

Присев на крыльцо пустого дома, в котором некогда жили Аннетт и Амеде Дюпре, ближайшие соседи Маруа, он надел снегоступы. Семейство Дюпре покинуло поселок после окончательного закрытия целлюлозной фабрики.

— Я вернусь при свете дня, — пообещал он себе вполголоса. — По крайней мере, я должен явиться в пристойном виде.

Он пошел прочь широкими шагами, опираясь на трость с железным наконечником, вонзавшимся в наст. Вновь обретя свободу (санаторий казался Жослину тюрьмой, пусть и роскошной), он перестал ощущать холод и усталость — настоящее чудо, если принять во внимание состояние его здоровья.

Решение уйти из санатория, которое персонал счел шагом необдуманном и весьма опасным, Шарден принял быстро. Он спрятал все имеющиеся в наличии деньги во внутренний карман меховой куртки и запасся продуктами. Раз в месяц его навещала сестра и всегда привозила рассыпчатое имбирное печенье, кексы и сушеные фрукты. Он почти не прикасался к угощению и теперь радовался, что ему есть чем наполнить походную сумку. Покинув санаторий ночью, он пошел не на вокзал, а в лес, и это была вовсе не случайность. Жослин решил, что, если попытается сесть на поезд в Лак-Эдуаре, его могут найти и вернуть обратно. Под покровом ночи он вышел к железной дороге и зашагал вдоль рельсов к Лак-Бушетт. Здесь идти было гораздо легче — железнодорожные пути всегда расчищали от снега.

«Если даже мне суждено умереть от этой дряни, терзающей мои легкие, я умру на природе, под сосной, а не в четырех стенах, — говорил он себе. — Сколько бы мне ни осталось, я хочу прожить это время свободным! Буду есть, что заблагорассудится, и пить бренди, если мне захочется!»

У этого охотника-следопыта, волей обстоятельств снова обретшего силы, не осталось ничего общего с молодым бухгалтером, воспитанным в строгости четой ревностных католиков. Однако Жослин всегда носил при себе серебряную зажигалку, унаследованную от дяди. Разжечь огонь, даже зимой и на ветру, не составляло для него труда. У сестры Викторианны он утащил кастрюлю с крышкой, дорожную флягу и немного кофе. По правде говоря, эта отчаянная экспедиция слегка рассеяла терзавшую его давящую тоску.

«В санатории я потерял восемь месяцев, восемь! Нужно признать, что хуже мне за это время не стало. И лечение мне давали самое лучшее. А потом — очередная выходка проклятой моей судьбы: я увидел свою дочь! Мою маленькую Мари-Эрмин, которая поет, как небесный ангел!»

Жослин не только утащил у сестры Викторианны несколько вещиц, но и получил от нее ценнейшие сведения: Эрмин с матерью проживали все в том же Валь-Жальбере, возле монастырской школы. Кое-что он почерпнул из рассказа Шарлотты, которую пытался расспросить в коридоре санатория, но не был уверен, что все понял правильно. Девочка сказала, что живет в доме Лоры, но не уточнила, где именно.

— Сестра, — сказал он после полуденной трапезы, осмелившись наконец приоткрыть дверь в кухню, — молодая дама, та, что так хорошо поет, она все еще живет в Валь-Жальбере, вы не знаете? Один мой кузен работал там десять лет назад. Я бывал в том поселке.

Пожилая монахиня, как раз возившаяся с грязными тарелками, рассказала все, что знала. Ей не хотелось огорчать больного, который этим утром потерял сознание в своей комнате, как раз после отъезда Эрмин.

— Да, мсье Эльзеар, она живет в Валь-Жальбере. Ее мать купила один из самых красивых домов, рядом с монастырской школой, в которой эта, как вы сказали, «молодая дама» выросла. Вам стоило поговорить с ней, когда она подавала кофе.

— Я не слишком разговорчив, вы это прекрасно знаете, — ответил он.

Жослин постарался сохранить нейтральное выражение лица, хотя его переполняла радость. Одно лишь осознание того, что Лора жива, давало ему столь необходимые силы. Он решил уйти, немедленно. В тот момент все казалось простым. Он постучит в дверь дома своей жены, представится... Десятки, сотни раз он воображал себе момент их встречи, пока шагал по лесу на снегоступах, которые привез с собой в санаторий на случай, если их выведут на зимнюю прогулку.

Тихим голосом он говорил с той, кого так любил, без конца представляя себе, как они встретятся:

— Дорогая моя Лора, ты, наверное, очень удивлена! Но это правда я, Жослин! Даже если ты ненавидишь меня, если вычеркнула меня из своего сердца, поговори со мной, это не займет много времени. Я хочу узнать, как ты выжила и кто похоронен на том месте, возле ветхой лачуги, где я чуть было не убил тебя. Лора, я увидел нашу дочь в санатории Лак-Эдуар, услышал, как она поет. Ты должна простить меня, я не хочу умирать без твоего прощения!

Конечно же, Лора удивится и заплачет. Жослин, который сам считал ее мертвой вот уже семнадцать лет, не мог себе представить, насколько абсурдна сложившаяся ситуация: Лора давно «похоронила» его самого. Знай он об этом, многое осознал бы в чехарде событий их с Лорой жизнью друг без друга. Он бы понял, почему Анри Дельбо не взял денег из банка в Труа-Ривьер. Золотоискатель счел для себя неприемлемым брать деньги у того, кого, как он считал, своими руками похоронил.

А пока Жослин упивался этими мечтами, этими монологами, звучащими в морозной тишине ночи. Первую стоянку он устроил в полуразрушенной хижине. Развел огонь в старой металлической посудине и снова стал вслух разговаривать с женой:

— Лора, нам так много нужно сказать друг другу. Кто бы подумал, что Господь пошлет мне еще год жизни, чтобы я мог повидаться с нашей дочерью. Какой шок я пережил, когда понял, что эта красивая певица с белокурыми волосами — моя дочь! Как же она на тебя похожа! И уже сама — мать... Возможно, тебе не следовало позволять ей выходить замуж за этого парня, Клемана Дельбо. И как они, интересно, встретились?

Отвечала ему своим уханьем только сидящая на ближайшей березе сова. Проведя вторую ночь в хижине лесоруба, Жослин пришел на вокзал в Лак-Бушетт и купил билет на поезд до станции Шамбор-Жонксьон. В Шамборе он решил дать себе передышку, остановившись в недорогом отеле. Подбородок покрылся седой щетиной, но он решил не бриться.

«Для туберкулезника Эльзеара Ноле нормально иметь бледное лицо, — сказал он себе, разглядывая собственное отражение в зеркале туалетной комнаты. — Немного физической нагрузки, свежий воздух, стаканчик джина — и вид у меня будет куда лучше. Никто не должен знать, что я уехал из санатория. Я никому не стану об этом рассказывать. Господи, сжался надо мной, я хочу выздороветь, я должен! Лора жива, и моя дочь заслуживает того, чтобы иметь отца!»

Плотная шерстяная шапочка прикрывала его лысеющую макушку. Однако мужчина ощущал себя по-новому, он словно помолодел. После полудня в субботу он отправился в Валь-Жальбер. Но все случилось не так, как он ожидал. Чем ближе Жослин подходил к поселку, тем меньше оставалось смелости. Сцены встречи, которые он проигрывал в своем воображении, теперь казались смешными. Временами он останавливался и поворачивал обратно. Но потом стыдился собственной трусости, когда-то перечеркнувшей всю его жизнь, и опять шел к Валь-Жальберу. Однако сомнения быстро брали верх, и мужчина останавливался снова.

«Я попросту напугаю их обеих! Мари-Эрмин скажет матери, что я — больной туберкулезом, Эльзеар Ноле, пациент санатория в Лак-Эдуаре. К тому же я сильно изменился, и Лора меня не узнает. Но я найду, что сказать, смогу ее убедить, даже если она обрушит на меня сотню упреков. Однако на дочь такая сцена вряд ли произведет хорошее впечатление. Поэтому мне нужно вернуться в Шамбор и написать им письмо. Они приедут, и мы пообедаем где-нибудь втроем. Пусть это обойдется мне дорого, у меня еще есть деньги!»

Жослин какое-то время бродил вокруг поселка, но так и не решился войти в него. Он устроился на отдых, зарывшись в старое сено в сарае мельницы Уэлле^[25], ныне заброшенной. Мужчина уснул и проснулся только с наступлением темноты, порядком промерзнув. Так долго

оставаться вне помещения ему удалось только потому, что он много двигался и был тепло одет.

«Еще чуть-чуть, и я замерзну до смерти», — решил Шарден.

Побродив в окрестностях Валь-Жальбера еще какое-то время, он наконец подошел к большому дому, из труб которого шел дым. Мужчина нашел его благодаря указаниям сестры Викторианны, отметившей, что красивая молодая дама живет возле монастырской школы. Словно грабитель, выбирающий место, где можно пожить, он обошел дом кругом. В сарае заворчала собака.

«Если на мое несчастье этот пес залает, он поднимет на ноги весь дом!» — сказал себе Жослин и отошел подальше.

Теперь он уходил из поселка, утомленный невыносимыми сомнениями.

— Позже, — повторял он вполголоса. — Не сейчас. Я не готов, и мне страшно. Господи, мне страшно встретиться с Лорой!

Дорога до Шамбора показалась ему бесконечной. Радостное нетерпение, в котором он черпал свои силы, угасло. Неделю он провел в номере отеля. Потом, почувствовав себя лучше, решил отправиться в Роберваль и остановиться в рекомендованном ему недорогом пансионе.

Валь-Жальбер, воскресенье, 5 марта 1933 года

Эрмин была счастлива, абсолютно счастлива. В обществе матери и Шарлотты она провела прекрасную неделю. Ханс уехал в Роберваль, а Тошан собирался на лесопилку в Ривербенд, но только после того, как подарил ей тысячу ласк и сказал тысячу нежных слов, которые убедили ее в силе их взаимного чувства.

Успокоенная тем, что в доме снова воцарился мир, Мирей принялась готовить кушанья одно другого вкуснее, правда, ей пришлось брать продукты из запасов; благо в осенние месяцы она заготовила много домашней консервации и засолила достаточно мяса. В погребе оставалось немало чуть привядших яблок и банок с консервированными сливами, однако домоправительница уже с нетерпением ждала лета с его обилием свежих овощей и фруктов.

Арман Маруа, парень сильный и ловкий, очень серьезно относился к своим обязанностям. Пятнадцатилетний юноша неусыпно следил за правильным функционированием отопительной системы в доме и всегда вовремя пополнял запас дров.

— Мой милый Мукки, папа вышел к своим собакам. Увы, он снова от нас уедет, — тихо пробормотала молодая женщина, укачивая сына в своих объятиях.

Сквозь занавески из небеленого льна в комнату проникали еще позимнему блеклые лучи солнца, придавая гостиной более радостный вид. Навощенная мебель сверкала чистотой. Фарфоровые и бронзовые статуэтки, расставленные здесь и там, ловили мельчайшие отблески света. Все в комнате навевало мысли о покое и гармонии. Лора несколько часов после полудня провела за вязанием и теперь отдыхала в своей спальне на втором этаже.

— Мой сыночек, мое сокровище, — ворковала Эрмин, — ты самый милый мальчик на земле, самый красивый...

Она наслаждалась безмятежностью момента, примирением с мужем и жизнью в целом. Река Уиатшуан и вправду совершила чудо.

«Ночь в полнолуние, ссора, взаимное прощение — и вот мы с Тошаном снова влюблены друг в друга, как в первый день, — подумала Эрмин с нежной улыбкой на устах. — Это прекрасно — любить и быть любимой, все делить с возлюбленным...»

Происшедшая с Тошаном перемена не могла не поразить Лору. Накануне зять был с ней на удивление обходителен. За ужином он даже рассказывал о своем детстве. Метис надел белую рубашку, в которой выглядел весьма привлекательно. Волосы он тщательно собрал и заплел в косу, спадавшую на спину. О ночи, последовавшей за этим семейным застольем, Эрмин было что вспомнить. Она наконец смогла отдаться супругу — страстная, сгорающая от нетерпения, жаждущая наслаждения, от которого у обоих мутился разум и которое уносило их в мир безграничной чувственности, изысканной интимности.

В комнату с книгой в руке вошла Шарлотта.

На девочке было синее бархатное платье, а волнистые каштановые волосы она собрала в два «конских хвостика». Шарлотта присела на диван. Как и молодая женщина, девочка радовалась, что взрослые перестали ссориться и Тошан с Эрмин снова влюблены друг в друга. Подобно всем детям, Шарлотта легко забывала о плохом, в том числе и об испачканных кровью полосках материи, которые Мирей полоскала в чане, не жалея воды. Позабыла она и о слезах, пролитых вечером в тишине своей спальни.

— Какая ты хорошенькая, Лолотта! — воскликнула Эрмин.

— Пожалуйста, не зови меня Лолоттой, — со вздохом попросила девочка. — Теперь меня так зовет Арман, и мне это совсем не нравится. Знаешь, что он сказал в кухне пять минут назад?

— И что же?

— Он присвистнул и сказал: «Скоро у Лоло вырастут большие сиси!» Мирей ущипнула его за нос и отругала. Она говорит, это очень грубо.

— Арман — безмозглый озорник, — заметила молодая женщина. — Не обращай на него внимания, он нарочно тебя задевает. Какую книгу ты читаешь?

— «Оливер Твист» Чарльза Диккенса. Я ее почти закончила. Этот роман дал мне Ханс. Это история сироты, но он нашел своих родных, почти так же, как ты.

Мукки уснул. Эрмин уложила его в украшенную белоснежными кружевами ивовую корзину с мягким матрасиком, служившую переносной кроватью. В холле послышались приглушенные шаги. Тошан вошел в комнату, приблизился к дивану и склонился над колыбелью сына.

— Ты видела, Эрмин, малыш сосет большой пальчик! — восторженно заметил он.

— Да, временами, — отозвалась жена тихим голосом. — Меня огорчает, что из-за своей работы ты не видишь, как он растет. В четверг он в первый раз залепетал. Уверяю тебя, можно было подумать, что он пытается что-то мне сказать. Ты уже надел упряжь на собак? Мирей собрала для тебя корзинку с едой. Уверена, там найдется и большой кусок пирога, который она подала сегодня к обеду.

На губах Тошана появилась таинственная улыбка. Он обнял супругу за талию и увлек к окну.

— Я просто дал собакам еды, — сказал он.

— Но ведь обычно в это время ты собираешься в дорогу, — удивилась молодая женщина. — Я свернула твои вещи, можешь их взять.

— Эрмин, сегодня вечером я остаюсь дома, — сказал муж, с обожанием глядя на нее. — И завтра, и послезавтра. Я больше от тебя не уеду.

Молодая женщина была озадачена. Потом забеспокоилась.

— Ты попросил у бригадира отпуск?

— На моем месте теперь будет работать Симон. Он не хочет возвращаться в Монреаль. Помнишь день, когда я на собаках пересекал озеро Сен-Жан? Так вот, тогда Симон признался, что скучает по родным местам и семье. И попросил меня найти ему работу в окрестностях Альмы или Шамбора. В прошлую субботу он приехал со мной с намерением остаться. Бетти знает о его планах, Жозеф — нет. Всю неделю я думал, как поступить. Знаешь, Симон стал мне хорошим другом. Работы для него не было, и я поговорил с владельцем лесопилки. Мы договорились, что, если я

откажусь от места, он возьмет Симона.

— И ты правда хочешь жить здесь, с мамой, Шарлоттой и Мирей? — спросила изумленная Эрмин. Она не осмеливалась поверить своим ушам. — Ты согласен «сидеть на шее» у моей матери, как ты говорил?

— Я хочу быть рядом с моей женой и сыном, — сказал Тошан. — Той лунной ночью благодаря водопаду моя глупая гордость разлетелась на куски. То, что я вел себя так надменно, вызываясь, не делает мне чести. Слова твоей матери долго звучали у меня в ушах. Лора считает, что она передо мной в долгу. Я готов с этим согласиться, даже если она ошибается. Но я не буду сидеть без дела. Я придумал, чем себя занять, моя дорогая Эрмин. Я буду ходить на охоту, и у Мирей появится возможность подать к столу дичь. Еще я стану помогать Арману. Я нашел много сухих деревьев, которые нужно срубить. Из них выйдут отличные дрова на зиму.

Эрмин слушала, наслаждаясь ласковыми интонациями в голосе мужа, нежностью в его взгляде. Обняв его руками за шею, она встала на цыпочки, чтобы поцеловать. Тошан шепнул ей на ушко:

— И я смогу сделать тебе ребенка, если возьмусь за дело со всей серьезностью!

— Чш-ш-ш! — Эрмин кивком указала на Шарлотту. — Тошан, сегодня я чувствовала себя счастливой, но теперь я просто на седьмом небе! О, ты будешь тут, со мной! Каждый вечер я буду засыпать в твоих объятиях, а утром — завтракать вместе с тобой. Мне просто не верится!

— Но именно так все и будет, — с улыбкой заверил ее супруг. — Станем кататься, как сыры в масле!

К Тошану внезапно вернулась серьезность, и он добавил:

— Мне стало стыдно, когда ты рассказала о том, что потеряла ребенка, и о том, как тебе было больно. Но это не все: я понимаю, что ты жертвуешь собой ради Мукки и меня. Возможно, ты была бы счастливее, если бы жила в городе, например в Квебеке, и выступала на сцене. Я хочу доказать тебе, что умею признавать свои ошибки.

Вместо ответа Эрмин прижалась к нему. Она охотно отдала бы свой чудесный голос, полученный в дар при рождении, если бы остаток ее жизни походил на этот прекрасный день, когда Тошан предоставил ей самое лучшее доказательство своей любви. Лора, спускаясь по лестнице, увидела их через приоткрытую дверь. Решив, что они прощаются, она тихонько прошла в кухню.

— Мадам, я услышала кое-что интересное, — не скрывая радостного волнения, шепнула ей Мирей. — Мсье Тошан... Прошу прощения, мсье Клеман больше не работает на лесопилке. До июня он будет жить с нами...

Лора какое-то время не могла прийти в себя от удивления. Потом с удовлетворением кивнула.

— Это и его дом, Мирей, — твердым голосом сказала она. — Мой зять — член нашей семьи, я полагаю. И это прекрасная новость.

Лора отложила ненадолго свою поездку в Лак-Эдуар, чтобы насладиться атмосферой мира и покоя, царящей в доме, и полюбоваться дочерью, пребывавшей в прекрасном расположении духа. Если Тошан останется в Валь-Жальбере, она без зазрения совести сможет на несколько дней уехать из дома.

«Ханс вернется во вторник утром, — подумала Лора. — Он отвезет меня на станцию Шамбор-Жонксьон. Если станет расспрашивать, придумаю какой-нибудь предлог. Никто не сможет помешать мне посетить санаторий и поговорить с Эльзеаром Ноле».

Время изменило не только Жослина Шардена, но и Лору. Судьба не раз обращалась с ней жестоко. Однако трудности только закаляли характер Лоры, и ее потребность в независимости со временем стала для Ханса Цале предметом беспокойства. Чтобы не тревожить любимую напрасно, он не стал спрашивать о цели ее поездки. Лора оценила его такт и, немного слукавив, рассказала, куда и зачем едет.

— Я решила познакомиться с сестрой Викторианной, монахиней, которая растила Эрмин. Хочу узнать побольше о детстве моей дочки. Лак-Эдуар находится не так уж далеко, но добраться туда можно только на поезде. Я очень скоро вернусь.

— Но ведь я мог бы отправиться с тобой! — предложил он.

— Нет. Мне хочется поехать одной.

Обиженный в лучших чувствах, тот удержался от замечания. В который раз у Ханса Цале возникло ощущение, что возлюбленная сознательно от него отдаляется. Однако он все-таки поцеловал ее в лоб, не став делиться своими сомнениями.

В поезде Лора погрузилась в раздумья. Глядя на сменяющиеся за окнами вагона пейзажи, она вспоминала лучшие моменты своей жизни. Слезы навернулись на глаза, когда она словно бы со стороны увидела себя, молодую эмигрантку, покинувшую родную Бельгию. В памяти сохранились и грустные обстоятельства, заставившие ее торговать собой, — нелепая смерть старшего брата, Реми, работавшего на металлургическом заводе Сен-Мориса, в Труа-Ривьер. Лишившись его поддержки (а ведь именно брат предложил ей перебраться в Канаду), Лора узнала, что такое нужда и голод, стыд и бесчестье.

«Но Жослин любил меня и спас, — подумала она растроганно. — Он взял меня в жены, хотя из-за этого семья порвала с ним. Шарден, застывшие в своем целомудрии, не знали ни жалости, ни милосердия... Для них я была пропащей душой, чуть ли не дьяволицей. Но Господь дал мне свидетельство того, что прощает мои ошибки, — у меня родилась Эрмин. Снежный соловей, как ее называют жители Валь-Жальбера».

Некоторые воспоминания заставляли ее закрывать глаза — самые интимные моменты, принадлежавшие только им с Жослином и никому больше. Ночи любви на июльской траве, страстные поцелуи, сплетение жаждающих наслаждения тел...

«Он не может быть жив!» — думала Лора, терзаемая волнением, которое порождали в ней эти слишком отчетливые видения. Стон не раз готов был сорваться с ее губ, но она вовремя сдерживалась, помня о соседях по купе.

«Нет, этот человек с фотографии в газете не может быть Жослином. Просто они похожи, или это кто-то из его родственников. Когда память ко мне вернулась, я пыталась найти своего мужа. Если бы он был жив, то, конечно же, забрал бы свои деньги из банка».

Лоре и в голову не могло прийти, что Жослин сделал это, но позже, когда она уже была богатой вдовой, жившей в «Château Roberval», — дамой в черном, которая так заинтриговала Эрмин.

Лора вспомнила и их безумное бегство после рождения дочери.

«Мы несли на себе бремя этого преступления, мы были изгнанниками, которым негде приклонить голову. Я спала в санях, этих прекрасных санях, которыми до сих пор пользуется Тошан, и укрывала мое дитя от холода и метели. Господи, какое это было счастье, когда нам удавалось переночевать в хижине лесоруба и развести огонь! Но уже тогда я начала бояться молчания моего мужа — да, этих приступов черной меланхолии Жослина я страшилась больше волков, преследовавших нас...»

Часы размышлений совершенно измотали ее. На перрон в Лак-Эдуаре Лора вышла с неохотой: собственный поступок уже казался ей идиотским. Пребывая почти в сомнамбулическом состоянии, она сняла номер в отеле и переделась к ужину. На следующее утро, ощущая умиротворение после долгого ночного сна, женщина вошла в санаторий и заявила, что желает видеть директора.

— Мсье, позвольте представиться: Лора Шарден. Я — мать юной певицы, которую вы столь любезно приютили в прошлом месяце. Я говорю об Эрмин Дельбо.

Лора шла прямо к цели. Она заявила, что желает навестить пациента,

мсье Эльзеара Ноле, и познакомиться с сестрой Викторианной, некогда жившей в монастырской школе в Валь-Жальбере. Манеры и очаровательная улыбка богатой дамы сделали свое дело: директор счел, что просто обязан удовлетворить ее просьбу.

— Мадам, сочту за честь быть вам полезным. Я приглашу сестру Викторианну в мой кабинет, где вы сможете побеседовать. Предоставляю его в ваше полное распоряжение. Однако вы вряд ли повидаетесь с мсье Ноле. Он нас покинул.

— Покинул! — ослабевшим голосом повторила Лора. — Что вы хотите этим сказать?

Она подумала о внезапной кончине, хотя все зависело от смысла, вложенного собеседником в эти слова. И все же сердце ее забилося быстрее. Почему человек, с которым она хочет встретиться, вдруг исчез?

— Выслушайте меня, мадам Шарден. Эльзеар Ноле уехал по своей воле, не соизволив никого предупредить. Я был очень огорчен. Люди, больные туберкулезом, не имеют права утаивать свой статус, но всегда могут получить место в санатории, расположенном неподалеку от их места жительства. Многие скрывают свою болезнь, чтобы не разлучаться с семьей и продолжать работать. Так распространяется этот ужасный недуг, чума наших дней, особенно среди бедняков, которые не слишком следят за гигиеной и часто недоедают. Адский круг... Хотя надо сказать, что мсье Ноле не принадлежит к этой категории больных: наше заведение — для пациентов с приличным доходом, можно сказать, состоятельных. Потому я полагаю, что это был его сознательный выбор, и молюсь, чтобы он не заразил тех, с кем решил повидаться — жену, детей.

— Когда уехал мсье Ноле? — спросила Лора, борясь с ужасным предчувствием.

— Через сутки после отъезда вашей очаровательной дочери. Состояние здоровья Эльзеара Ноле постоянно ухудшалось. Он стал нервным, раздражительным, хотя с самого начала не был легким пациентом. Но простите мое любопытство: если вы хотели его навестить, значит, вы — член его семьи?

— Очень далекая родственница, — сказала Лора. — Я знала, что он живет в этом санатории, но без конца откладывала поездку. Не беспокойтесь, возможно, он даже забыл меня.

Во рту у Лоры пересохло. Она предпочла замолчать. Ей совсем не хотелось пускаться в путаные объяснения. Эльзеар Ноле ускользнул от нее. Она не сможет рассмотреть это изможденное лицо, чтобы убедиться в его сходстве с Жослином. Мучительные сомнения вновь проснулись в душе.

— Вы так бледны, мадам! — воскликнул директор.

— Не стоит беспокоиться. Я устала и немного разочарована, — со вздохом отозвалась Лора.

Через несколько минут пожилая монахиня коротко кивнула Лоре в знак приветствия. Одета в длинное черное платье, с белым платком, обрамляющим румяное лицо, сестра Викторианна с недоверием смотрела на посетительницу.

— Сестра, я счастлива познакомиться с вами! — с искренней радостью сказала Лора.

Директор оставил их наедине. Сестра Викторианна села на стул.

— У меня нет времени на разговоры, мадам Шарден, — заявила она. — Нужно готовить обед.

Слова ее прозвучали сухо, в них не было и тени дружелюбия. Лора почувствовала это и умолкла. Монахиня, желавшая поскорее закончить разговор, нахмурилась. В молодости ей пришлось тяжело работать. Дочь траппера, она была старшей в семье с девятью детьми, и решила принять постриг. Монашество она предпочла роли матери и супруги. Девушка знала, что некрасива, и все же отказала единственному мужчине, который предложил ей руку и сердце. Один вид Лоры, такой элегантной, изысканной и все еще очень красивой, вызывал у нее раздражение.

— Вы сердитесь на меня из-за Эрмин, не так ли? — спросила Лора. — Я знаю, она очень страдала оттого, что была найденышем. Но вы ведь знаете, при каких обстоятельствах мы ее оставили? Полагаю, она все вам объяснила, когда ночевала здесь, в санатории. Я каждый день сожалею о том, что не видела дочь в первые годы ее жизни. Я пытаюсь искупить свою вину, сестра. И хочу поблагодарить вас за то, что вы заботились о моей девочке все это время.

— Это мой долг перед Господом, мадам Шарден! Эрмин была ребенком послушным, милым, способным к учению. Передайте ей от меня привет. Я не осуждаю вас. В этой грустной истории больше виноват ваш покойный супруг. Я денно и нощно молюсь за ту, кто была нашей воспитанницей и лучиком света, чтобы она смогла следовать по избранному пути — пути матери и порядочной женщины.

Лора опустила глаза. Эрмин рассказала ей о том, что монахиня неодобрительно отозвалась о высказанном ею желании стать оперной певицей.

— Знайте, сестра, что моя дочь отныне всю себя посвящает мужу и ребенку, — тихо сказала женщина. Холодная вежливость пожилой монахини все больше огорчала ее.

Сестра Викторианна встала, кивнула Лоре и вышла. Той оставалось только вернуться домой. Слова «покойный супруг» эхом отдавались в ее душе. Конечно, Жослин умер, превратившись в скелет, душа его отлетела, черные глаза навеки погасли.

«Какая же я глупая — ехать в такую даль, чтобы посмотреть на незнакомого человека! — упрекнула себя Лора. — Эльзеар Ноле болен туберкулезом, он просто раздражительный тип, возможно, немного не в себе. Эрмин сказала, что он погладил ее по волосам, и теперь я понимаю, почему. Этому господину недостает внимания, и он решил попытать удачи в городе. Если бы это был Жослин, то, услышав имя певицы, — ведь директор ее представил, — он бы попытался с ней поговорить, стал бы ее расспрашивать. Господи, как могла я подумать, что он не умер? И если этот сварливый мсье — один из Шарденов, мне точно не о чем сожалеть. Они все ограниченные и жестокосердные».

В тот же вечер Лора вернулась в Шамбор. Предупрежденный телеграммой, Ханс ожидал ее на перроне. Вокруг суетились десятки пассажиров с вещами и тележками, зачастую собранными из подручных средств.

— Ханс! Как я рада тебя видеть! — воскликнула Лора, бросаясь к нему в объятия. — Я очень хочу поскорее стать твоей женой, я люблю тебя, слышишь? Ты здесь, ты жив, ласковый мой, такой терпеливый!

Пианист не верил своим ушам. В первый раз Лора так недвусмысленно сказала ему о своей любви. Ночь они провели в отеле, где сняли два номера. Одна из комнат оказалась лишней, однако они сочли нужным соблюсти приличия. Уверившись в чувствах возлюбленной, Ханс показал себя пылким, изобретательным, неутомимым любовником.

«Прощай, Жослин, — подумала на рассвете Лора. — Прощай! Если мы и увидимся снова, то на небесах!»

И она поцеловала спящего Ханса в лоб.

Роберваль, суббота, 11 марта 1933 года

Жослину в Робервале нравилось. Он не уставал любоваться озером Сен-Жан, все еще заключенным в оковы изо льда и снега. Стояла сухая морозная погода, днем ярко светило солнце. Пообедав в пансионе, мужчина шел гулять в порт. Давно он не чувствовал себя так хорошо.

«До Валь-Жальбера рукой подать, — думал Шарден. — Стоит мне решиться, и через несколько часов я буду у дома Лоры. Но зачем

торопиться? Мне случалось переживать худшие времена. Я уехал из санатория, я знаю, где живут мои жена и дочь. Я скоро поеду к ним или напишу им письмо».

Несколько десятков черновиков письма сторели в печи, отапливавшей его комнату в пансионе. Но Жослин ждал, уверенный в том, что в конце концов достигнет цели. Кроме того, ему хотелось встретить кого-нибудь, кто мог бы рассказать ему о Лоре. Он знал, что она разбогатела, но понятия не имел, как ей это удалось. Много раз он проходил мимо «Château Roberval», роскошного отеля, в котором некогда пела Эрмин. Об этом упомянул директор, представляя ее пациентам санатория. Войти он не осмелился.

В этот день для прогулки он выбрал улицу Сент-Анн. В одном из домов у окна сидела пожилая седовласая женщина. Она, должно быть, шила или вышивала, однако на лице ее была написана скука, близкая к отчаянию. Они обменялись взглядами. Вид женщины вызвал у Жослина жалость, и он, всегда такой сдержанный, улыбнулся ей, хотя с детства предпочитал как можно меньше общаться со стариками, помня язвительный нрав своей бабушки по материнской линии — единственной, которую он знал.

Мелани Дунэ радостно улыбнулась ему в ответ и поспешила открыть входную дверь.

— Вы заблудились, мсье? — спросила она. Лицо ее сияло. — Вы не из Роберваля, я вас прежде никогда не видела!

— Я в Робервале проездом, — ответил он смущенно. — Не беспокойтесь обо мне, мадам. Вот уже несколько недель я живу в пансионе на улице Марку, недалеко отсюда.

— Приятно поболтать с хорошим человеком! Моя невестка с января работает в Центральной больнице Сен-Мишель, и я теперь подолгу остаюсь дома одна. А мой сын работает на лесопилке в Ривербенде лет двадцать, не меньше.

Жослин кивнул в ответ. Будучи человеком воспитанным, он не решался уйти, когда пожилая дама так ясно давала понять, что хочет с ним поговорить.

— Сейчас в экономике кризис, и вашим детям еще повезло, что они получают зарплату, — отозвался он. — Но вам дома сидеть не слишком весело, я понимаю.

— В Валь-Жальбере мне было веселее, мсье! Вы слышали об этом месте? Рабочий поселок, в котором теперь почти никого не осталось. Там прошли лучшие годы моей жизни. Мой муж работал на местной

целлюлозной фабрике. В доме на улице Сен-Жорж увидели свет четверо моих детей.

В серых глазах Мелани Дунэ блеснули слезы. Жослин же насторожился, словно охотник, заметивший добычу. Такой случай нельзя было упустить.

— Я бывал в Валь-Жальбере, мадам, в те времена, когда работала фабрика. Во всех газетах писали, что это образцовый поселок, построенный по американской модели.

— Мсье, позвольте угостить вас кофе, — предложила Мелани Дунэ, окинув Жослина внимательным взглядом.

Хорошо одетый, с приятными манерами, он производил впечатление порядочного человека.

Они оба радовались этой встрече, но причины для положительных эмоций у них отличались. Пожилая дама была не прочь поболтать, а Жослин рассчитывал узнать немало интересного. Сомнений быть не могло, старушка знакома с его дочерью.

Мелани поставила на стол чашки и блюдо с печеньем. В душе она ликовала. Жослин молчал, пребывая в уверенности, что хозяйка сама начнет беседу. Так и случилось.

— Да, в Валь-Жальбере все было новым, современным, — продолжала пожилая дама. — По распоряжению мсье Дюбуку, президента целлюлозной компании, на главной улице с шоссейной дорогой высадили красивые деревья. Там были даже деревянные тротуары, а возле отеля — лестница. По ней поднимались в квартал, расположенный чуть выше. В доме, где жили мы с мужем, был даже туалет. Наши дети ходили в монастырскую школу, в которой преподавали монахини конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей из Шикутими. Деток обучали истории, арифметике, а еще прививали мораль и уважение к людям — ценности, которые теперь не очень популярны.

Жослин потягивал кофе и грыз печенье. Он слушал хозяйку дома с таким вниманием, что та решила рассказать гостю еще что-нибудь. С сыном и невесткой ей редко доводилось поболтать вдоволь.

— Говорят, что монастырская школа работает в Валь-Жальбере до сих пор, и преподает в ней мадемуазель Лемэ, особа весьма набожная. Много там всего случилось, плохого и хорошего. В 1916 году монахиням пришлось взять на свое попечение ребенка, маленькую девочку, которую оставили на пороге, как ненужный сверток. Каменное сердце нужно иметь, чтобы бросить на произвол судьбы годовалую малышку!

Эти слова произвели на Жослина огромное впечатление, но не

смыслом своим — он понял, что пожилая дама вплотную подошла к интересовавшей его теме. Мужчина решил поддержать разговор.

— И что стало с этим ребенком? Девочка, наверное, постриглась в монахини, ведь семьи у нее не было, — сказал он нейтральным тоном.

— Вовсе нет! Я могла бы часами рассказывать вам об Эрмин, нашем дорогом соловье! Она, знаете ли, приносила мне лечебные настойки, которые готовили для меня сестры, и ходила за покупками в магазин. Я тогда уже овдовела и из-за больной ноги не выходила из дома в снежные месяцы, боялась упасть. Эрмин была такой услужливой и милой! Я просила спеть песню, и она, ангелочек, устраивалась у печки и пела. Ах, мсье, какой золотой у нее голосок! Чистый, ясный! Я всегда плакала, и она очень огорчалась. Теперь она выросла и стала красивой молодой дамой. Два месяца назад она приходила ко мне в гости показать своего сына.

Если бы Мелани не была так увлечена своим рассказом, она бы заметила, как напрягся ее собеседник.

— Она поет с каждым годом все лучше, ей надо стать певицей, как Ла Болдюк. Кюре Валь-Жальбера, отец Бордеро, высоко ценил ее талант. Она была совсем маленькой, когда в первый раз спела в церкви «*Ave Maria*».

— И родители не приехали за ней? — спросил Жослин. Он был очень бледен.

Шарден решил разыграть свою последнюю карту, но не стал упоминать Лору, чтобы не вызвать у старушки подозрений.

— Она нашла свою мать! В округе все это знают! Эрмин по контракту пела в большом отеле, «*Château Roberval*». Ее опекун, жадный Жозеф Маруа, заставлял ее самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. В зале ресторана девочка увидела даму в черном, вдову богатого промышленника из Монреалья. В общем, однажды вечером Эрмин узнала, что это ее мать. По-моему, несчастная дама больше десяти лет назад потеряла память.

Мелани говорила так быстро, что в горле у нее пересохло.

— Какое совпадение! — воскликнул ее собеседник, но в голосе проскользнули фальшивые нотки.

— Я всегда думала, что это не случайность. Лора Шарден богата, и она повсюду искала свою дочку. Бетти, жена Жозефа Маруа, рассказывала мне, как эта вдова приехала в Валь-Жальбер и потребовала, чтобы ей отдали дочь. Это была целая история! В поселке говорили, что опекун никак не хотел выпускать из рук свою курочку, несущую золотые яйца.

— А отец девочки? — с трудом вымолвил Жослин.

— Бедняга умер и похоронен где-то на севере, на берегу Перибонки, так говорила Лора Шарден. Когда Эрмин вышла замуж за Клемана Дельбо,

метиса, парня очень красивого, тут уж ничего не скажешь, она украсила цветами могилу отца. Ее муж вместе с матерью, овдовевшей крещеной индианкой, живет в тех местах.

Жослин на мгновение закрыл глаза. Он вспомнил супругу Анри Дельбо — подозрительную, враждебно настроенную женщину с длинными черными косами и гибким телом, в платье из оленьей кожи. Золотоискатель звал ее Роландой.

«Мог ли я тогда подумать, что моя дочь выйдет замуж за мальчика, который кормил моих собак в тот вечер, когда Анри нас приютил! — в растерянности подумал мужчина. — Господи, неужели все решено на небесах заранее?»

Тяжелее всего было узнать, что Лора с Эрмин считают его умершим. Он с удовольствием прослушал бы рассказ Мелани Дунэ еще раз, чтобы ничего не забыть.

— Вы говорите, что мать этой юной дамы потеряла память? Не хотелось бы, чтобы такое случилось со мной, — негромко сказал он.

— Доктора называют это амнезией, — сказала старушка. — Когда Лора Шарден познакомилась с богатым промышленником, который был намного старше ее, она не помнила ни своего прошлого, ни даже того, что у нее был ребенок. Я, мсье, наверное, не смогла бы жить, забудь я моего любимого супруга. Память очень много значит для человека. Все, что я вам рассказала, я собрала по крупицам из множества разговоров. Люди охотно болтают, особенно зимой или когда очень скучно. Стоит мне на мессе повстречать кого-то из Валь-Жальбера, не важно, живет там человек или уже нет, я всегда спрашиваю, какие новости. А Эрмин я очень люблю. Она всегда была девочкой веселой и предупредительной. Но всем было понятно, что расти без родителей для нее — большое горе. Бетти Маруа иногда заходит ко мне по воскресеньям, и мы говорим о нашем соловье.

— Удивительную историю вы мне рассказали! — признал взволнованный Жослин. — А известно ли, как умер отец этой девушки?

Мелани подалась вперед, словно собираясь доверить ему страшную тайну:

— Он выстрелил себе в лицо. И волки растерзали его мертвое тело. Бетти говорила, что человек, который его похоронил, какой-то золотоискатель, установил крест на его могиле. Тот покончил с собой, так его мучила совесть.

Пожилая дама умолкла. Перекрестившись, она посмотрела на своего гостя.

— Пейте кофе, мсье! И возьмите еще печенья!

— Благодарю вас, теперь я до самого ужина буду сыт.

Жослин встал, надел куртку и шапку. Внезапно он стал ловить ртом воздух, ощутив его острую нехватку. И причина крылась не в том, что в доме было жарко натоплено.

«Я — мертвец, — подумал он. — Лора считает меня умершим. Эрмин принесла цветы на мою могилу. Какой ужас! Теперь-то я просто обязан им написать. Если я постучу в дверь их дома, они решат, что явилось привидение!»

— Съездите снова в Валь-Жальбер, мсье, — предложила Мелани. — Если вам повезет, вы познакомитесь с молодой дамой, которая так хорошо поет. Как ваше имя?

— Эль... зеар, Эльзеар Ноле, — запинаясь, пробормотал он и пожал ей руку.

— Мелани Дунэ, — не без кокетства представилась пожилая дама. — Мне очень приятно было с вами поговорить.

Шарден поторопился откланяться: ему не терпелось вдохнуть свежий морозный воздух и привести в порядок мысли.

«Кто похоронен на том месте? — не переставал удивляться он. — Сколько слез я пролил на этой могиле, представляя под снегом и камнями красивое тело моей Лоры. Я должен это знать! Возможно, Клеман Дельбо сумеет ответить на мои вопросы. Его родители до сих пор живут там».

Торопливой нервной походкой он вернулся в робервальский порт. Омраченный сомнениями взгляд потерялся среди белых просторов озера. По другую сторону водоема находился город Перибонка, а от него вдоль одноименной реки шла дорога, разветвлявшаяся на несколько троп. Жослин, который привык к одиночеству и упивался вновь обретенной свободой, задумал отправиться в эту белоснежную пустыню — северные земли, казавшиеся ему лучшим укрытием в те времена, когда он считал себя убийцей и скрывался от полиции. В смятении он не обратил внимания на слова старушки о том, что мать Тошана ныне вдова, и не знал, что золотоискатель Анри Дельбо погиб, утонув в реке пять лет назад.

— Нет, я не стану так рисковать, — сквозь зубы проговорил он. — До хижин Дельбо многие мили пути. Если начнутся снегопады, я быстро выбьюсь из сил. Терпение! Сомнения прочь! Завтра я поеду в Валь-Жальбер, к Лоре. Если Клеман Дельбо там, он сможет рассказать мне все не хуже отца. Хотя нет, в то время он был еще слишком мал. Если ему что-то известно, он давно рассказал бы Лоре.

По отношению к зятю Жослин был настроен весьма враждебно, как если бы Клеман Дельбо украл у него Эрмин. Лишенный возможности

видеть дочь в детском и подростковом возрасте, он сохранил о ней два воспоминания: улыбчивая малышка, которую он оставил на крыльце монастырской школы, и красивая молодая женщина, какой он увидел ее в санатории. Вдобавок ко всему в глубине его истерзанной испытаниями души все еще гнездились предрассудки строгой и очень набожной семьи Шарденов. Разумеется, Клеман с матерью были христианами, но, несмотря на это, в их жилах текла кровь монтанье.

«Метис! Я надеялся, что мое единственное дитя сделает лучший выбор!» — думал он.

Однако скоро его мысли обрели другое направление. Он не станет больше откладывать встречу с законной супругой. И мужчина снова пообещал себе, что завтра постучит в дверь дома Лоры.

Приняв решение, Жослин наконец вернулся в пансион.

Валь-Жальбер, на следующий день, воскресенье, 12 марта 1933 года

Лора пригласила Элизабет Маруа с детьми на кофе с десертом. Солнечные дни, предшествовавшие этому воскресенью, заронили в сердца жителей поселка надежду на раннюю весну. По крайней мере, Эрмин с матерью хотелось так думать. Однако домоправительница, которая как раз была занята приготовлением слоеных пирожных с кремом, предсказывала обратное.

— Что бы вы там ни говорили, зима еще не сказала своего последнего слова. Деревья не обманешь, да и лесное зверье тоже.

— Но в кленах уже началось движение сока, — возразила Элизабет. — Вчера Жо возил всех нас на сахароварню, мы подставляли под стволы сосуды для сока. В будущую субботу мы поедем туда снова, на этот раз уже варить сироп. Помнишь, Мимин, как ты ездила с нами? Эдмон тогда был совсем маленький!

— Конечно, помню, — отвечала молодая женщина. — Жозеф запрягал в повозку двух тягловых лошадей, которых ему одалживал мсье Потвен. И повозку они с соседом Амеде смастерили особую, на двух полозьях.

— Это были хорошие времена! Поселок тогда еще был полон народу! — вздохнула Бетти Маруа и поцеловала маленькую Мари в лобик.

Она обожала свою младшую дочку — этот дар небес, награду за то, что женщина воспитала трех мальчишек и искренне оплакивала каждую неудачную беременность. Сейчас она снова подумала о том, что, если бы фабрика до сих пор работала, Симону не пришлось бы ездить в Ривербенд.

— Сказать правду, я рада, что он снова дома. Жо тоже, но он этого не показывает.

Лора сдержала вздох. Поведение старшего из сыновей Маруа ее несколько разочаровало. Не предупредив ее, он отказался от места, на которое она устроила его в Монреале. По словам Симона, предприятие, ранее принадлежавшее покойному Фрэнку Шарлебуа, стало приносить меньше прибыли. Это обеспокоило Лору, и она решила, что непременно съездит на завод после своей свадьбы.

Как это часто бывало, для приема гостей Лора выбрала гостиную. Это была ее любимая комната, оба окна выходили на небольшую посадку, игравшую роль парка. Красивые занавеси цвета слоновой кости были раздвинуты; сквозь безукоризненно чистые окна лился теплый оранжевый свет заходящего солнца.

Сидя за инкрустированным мозаикой столом, Ханс беседовал с Тошаном и Симоном. После десерта они решили втроем сыграть в карты. Эрмин не сводила глаз с молодого супруга. Она не могла нарадоваться тому, что проводит с ним дни напролет.

«Как ты красив, любовь моя, — думала она. — И я — твоя жена! Мне не терпится прижаться губами к твоим губам, прильнуть к твоему телу. Твоя кожа так нежна — настоящий атлас...»

— Ты меня совсем не слушаешь, Мимин, — укорила молодую женщину Бетти. — Ты обещала показать мне первый зуб Мукки.

— Как только он проснется, — согласилась Эрмин. — Вчера, во время кормления, он укусил меня, и сильно. Мирей права, я стану через день давать ему немного бульона. У него прекрасный аппетит.

За окнами начали сгущаться синие сумерки. Лора включила лампы с абажурами из вощенной бумаги. Шарлотта и Эдмон, ее верный товарищ, играли в шашки возле большой чугунной печи. В распоряжение детей отдали одноногий столик. Арман в гости к мадам Лоре не пришел: отец оставил его себе в помощники, им предстояло почистить хлев. Таким образом Жозеф отыгрался на втором сыне за то, что тот в будние дни работал в доме Лоры Шарден.

— Мама, я думаю, ты что-то хотела нам всем объявить, — с таинственной улыбкой сказала Эрмин. — Уже почти ночь, а ты еще ничего не сказала.

— Дорогая, ты слишком торопишься, — ответила Лора игривым тоном. — Вы еще не съели десерт. Мирей обидится, если на тарелке останется хоть кусочек пирожного!

— Если так, я возьму еще одно! — с энтузиазмом отозвалась Бетти.

— Мамочка, прошу тебя! — взмолилась Эрмин.

Лора встала. Она была очень хороша в своем новом бежевом платье. Жемчужное ожерелье подчеркивало ее красивую грудь. С модной прической из коротких кудряшек она выглядела моложе своих лет. И фигура у нее все еще оставалась очень стройной.

— Что ж, моя дочь все делает по-своему, и у меня нет выбора. С удовольствием сообщаю вам дату нашего с Хансом бракосочетания. Оно состоится 12 июня в церкви Шамбора. Эрмин, Шарлотта и вы, моя дорогая Бетти, будете подружками невесты. Я уже выбрала для вас платья, разумеется, за мой счет. Если Эдмон согласится нам помочь, для него сошьют синий велюровый костюм. Он поднесет нам кольца на подушечке того же цвета. И еще одна прекрасная новость: моя дочь споет нам по такому случаю. Мы еще не выбрали песню, но, как оказалось, выбирать — весьма увлекательное занятие.

За объявлением последовал шквал поздравлений. Сияя от радости, со слезами на глазах Лора протянула руки навстречу Хансу, который тоже разволновался. Пара крепко обнялась под укоризненными взглядами Мирей и Бетти. Целомудренные уроженки Квебека, края сурового, они не одобряли подобных проявлений чувств на публике, особенно в присутствии детей. Что до Эрмин, то она подмигнула Тошану, и тот ответил ей тем же.

Никто не увидел перекошенное лицо, прильнувшее к оконному стеклу. Жослин, надвинув фетровую шапочку почти на самые брови, следил за собравшимися в гостиной, а временами даже ловил обрывки разговоров. С тоской смотрел он на красивую незнакомку в бархатном платье, с выбеленными локонами, сильно накрашенную. Эта дама отдаленно напоминала Лору, его юную супругу с волосами светло-каштанового цвета и округлыми формами. Но манеры ее и жесты были другими. Во всем ее облике угадывалась утонченность, свойственная людям из высших кругов общества.

«Это не она, это не может быть она!» — думал мужчина.

Он постарался рассмотреть Ханса Цале, обнимавшего Лору за талию. Этот бледный долговязый очкарик показался ему слабым и трусливым.

«Я слышал, как Мари-Эрмин зовет эту женщину мамой. Значит, это все-таки Лора! Господи, я бы не узнал ее! Что ж, от Мелани Дунэ я знаю, что она побывала замужем за богатым промышленником. Посещала лучшие дома...»

Позабывтая было боль вернулась, острая до тошноты. Ревность отравляла кровь своим ядом.

«Речь идет о свадьбе, в этом я уверен. Этот тип выглядит довольно молодо. Но этому не бывать, ведь я жив, жив! Она моя жена!»

У Жослина не хватало сил, чтобы уйти, оторвать взгляд от ярко освещенной комнаты. Он по-иному взглянул на жизнь Лоры, которая поселилась в хорошем доме с роскошной обстановкой. Невысокая полная дама с седыми волосами, в белоснежном фартуке, должно быть, прислуга. Бетти и ее дети интересовали его меньше всего. До них ему не было дела.

Гнев схлынул, осталась нерешительность.

«Я не могу сейчас постучать, — сказал он себе. — Это будет эффект разорвавшейся бомбы. Конец празднику! К тому же я не хочу рассказывать свою историю перед всеми этими людьми...»

Робость сменилась отчаянием. Он вспомнил о своей болезни. Мужчина не первой молодости, к тому же больной туберкулезом... Лоре такой не нужен, а дочери — еще меньше. Слишком много лет прошло...

«Мне нечего им предложить! Господи, а ведь я так оплакивал мою Лору, которую бросил, хотя дал обет в день нашей свадьбы заботиться о ней и любить ее! Господи, дай мне сил принести себя в жертву! Пусть я не получу ответов на мои вопросы, пусть умру, не поцеловав Мари-Эрмин! Я дорого плачу за свои ошибки, за свою трусость».

Эти мрачные размышления стали для него мукой. Словно охваченный безумием, он осмотрелся по сторонам. Смеркалось, вокруг было на удивление тихо. Собаки, запертые в сарае с другой стороны дома, даже не соизволили залаять, обнаружив его присутствие. Жослина вдруг показалось, что он невидим, приговорен раствориться в сумерках. Быть тенью среди множества других вечерних теней...

«Ты была права, вычеркнув меня из своей жизни, Лора! — с ужасом подумал он. — Я чуть было не убил тебя выстрелом из ружья, там, на берегу Перибонки. И тебя, мое прекрасное дитя с ангельским голосом, я оставил тебя. Если я постучу в вашу дверь, вы осыпете меня упреками, вы меня возненавидите. Прощайте же!»

И Жослин Шарден снова пошел прочь. Его высокая фигура в коричневой одежде затерялась среди деревьев. Он спотыкался и чувствовал себя так, словно с него живьем содрали кожу. Здоровье, которое, как ему показалось, в последнее время улучшилось, теперь сыграло с ним злую шутку. Пусть туберкулез разъедает его легкие! Жослину не хотелось ни дышать, ни жить. Он шел наугад, и плечи его вздрагивали от беззвучных рыданий. Через дорогу перебежал заяц и вихрем пронесся мимо сарая. Собаки заворчали, потом залаяли.

Тошан прислушался.

— Наверное, волки бродят возле поселка, — сказал он Эрмин. — Чем меньше остается жителей, тем более дерзкими становятся звери. В конце зимы, они, бедняги, обычно сильно голодают.

Тошан вышел на крыльцо. У последней ступени снег тихо падал на пару снегоступов, по всей видимости, очень старых.

— Кто здесь? — крикнул метис.

Вокруг было пусто. Никто не отозвался. Удивленный, Тошан подождал еще немного. Жослин снял снегоступы, когда собирался постучать в дверь Лоры, а потом, огорчившись, позабыл о них и ушел в одних ботинках.

— Ничего не понимаю, — сказал Тошан, вернувшись в гостиную. — У крыльца я нашел пару старых снегоступов. Кто-то ходил вокруг дома. Схожу посмотрю, все ли в порядке.

Лора кивнула. На лице ее было написано беспокойство. Она невольно посмотрела в темноту за окном.

— Мирей, прошу тебя, задерни поскорее шторы! Этот человек, возможно, наблюдает за нами. Мне это не нравится.

— Мама, это, наверное, Арман. Он взял снегоступы у Жозефа, а свои, должно быть, сломал. Тошан найдет его возле дровяного сарая.

— Арман не собирался вечером заходить к вам, — возразила ей Бетти. — Будет лучше, если я вернусь домой.

Симон предложил матери проводить ее, намереваясь потом вернуться и сыграть с Тошаном и Хансом в карты.

— Поужинаешь с нами, — решила Эрмин.

Через несколько минут появился Тошан. Вид у него был озабоченный. Его индейская кровь и инстинкты охотника говорили, что за этим случаем кроется что-то серьезное.

— Я нашел следы, которые ведут от порога к окну гостиной, — сказал он. — Снег почти засыпал их, но я уверен, что прав.

— Мне это совсем не нравится, — дрожащим голосом сказала Лора.

— Не бойтесь, — успокоил ее зять. — Возле дома уже никого нет, иначе собаки подняли бы лай.

Лора придвинулась к Хансу. Ее страхи воскресли. Она представила призрак Жослина — бескровное изможденное лицо, прижавшееся к оконному стеклу. «Какая же я глупая, — попыталась себя успокоить женщина. — Завтра все наверняка разъяснится».

Однако прошло много дней, а загадка пары снегоступов таковой и осталась. Мирей спрятала их в дровяной сарай.

* * *

В конце апреля Эрмин уверилась в том, что снова беременна. Птицы весело щебетали на ветках, покрытых пушистыми почками. Снег, влажный и тяжелый, таял очень медленно, а подпитанный талой водой Уиатшуан ревел в своем русле.

— Ребенок родится к Рождеству, — сказала она Тошану. — Маленький Иисус, которого мы будем любить и лелеять!

Он, радостный, поцеловал ее в лоб. Молодая чета никогда еще не была так счастлива.

Глава 8

Секреты Талы

На берегу реки Перибонки, пятница, 5 мая 1933 года

Спрятавшись за стволом огромной сосны, Жослин Шарден смотрел на хижину Талы. Два месяца прошло с тех пор, как он покинул Валь-Жальбер, отказавшись от попыток поговорить с Лорой. Вернувшись тогда в пансион в Робервале, он без сил рухнул на постель. Мужчина был до предела измотан отчаянием и усталостью: идти без снегоступов оказалось тяжелейшим испытанием на выносливость. Целую неделю он почти не выходил из своего номера и не открывал ставен.

«Лучше бы мне умереть, — думал Шарден. — Я снова все потерял!»

И все-таки голод заставлял его время от времени покидать свое убежище. Мужчина завтракал, обедал и ужинал в общей столовой, в компании других пансионеров. Он не мог решить, возвращаться ему в санаторий или нет. Жослин подумывал вернуться, но не в надежде излечиться или хотя бы получить должный уход, а просто в силу привычки. Ведь он был хорошо знаком и с персоналом, и с пациентами.

«Нет, мне это обойдется слишком дорого!» — урезонивал он себя.

Множество раз Жослин представлял себе Лору в объятиях высокого блондина, чье лицо уродовали круглые очки. С той, которая была его супругой, нынешнюю Лору связывало лишь имя и клятвы, данные друг другу чуть меньше двадцати лет назад. Эта Лора показалась ему распушенной, чрезмерно накрашенной, смешной в своем модном платье. Почти незнакомка, которая вызывала чуть ли не отторжение. Он же мечтал найти Лору прежнюю — красивую девушку в длинном платье из ситца в цветочек.

«Какой же я глупец! Прошло много лет. Мы с ней познакомились до войны. Тогда женщины не показывали свои икры и носили прически из длинных волос. Мне те времена нравились больше».

Невеселым размышлениям Жослин предавался с утра до вечера. В середине марта он возобновил прогулки по порту. Стояла сухая холодная погода, поэтому озеро не спешило сбрасывать свой белый панцирь.

— На санях переехать через озеро легко, — говорил себе мужчина. —

Оказавшись в Перибонке, я найду тропу, ведущую на север.

Шарден не мог отказаться от идеи посетить супругов Дельбо. Как он ни старался, было невозможно смириться с мыслью, что они теперь — свекр и свекровь его дочери.

«Готов поспорить, они больше не увидят Эрмин и ее мужа, — думал он. — В Валь-Жальбере те спят на шелке и едят на серебре — в лес они ни за что не вернутся. А если и вернутся, то я к тому времени буду уже мертв!»

И все же он то и дело откладывал свой отъезд. Бесцельно бродя по улицам Роберваля, он мечтал встретить Лору, однако переходил на другую сторону дороги, если видел женщину, хотя бы отдаленно на нее похожую. Зато Шардену случилось увидеть Ханса Цале. Одетый в коричневое пальто из добротного драпа и фетровую шляпу, пианист как раз входил в бакалейный магазин. Жослин застыл, охваченный жесточайшей ревностью, совсем как в годы своей юности.

«И этот молокосос будет спать с моей женой! Если только уже не спит! Черт подери! Грош мне цена, если я позволяю всему этому происходить!»

Ответ был всегда один и тот же: он — стареющий мужчина, больной туберкулезом. И, вспоминая об этом, Шарден в очередной раз отказывался от мысли предстать перед Лорой и Эрмин.

В начале апреля Жослин познакомился с неким Иоахимом Ганьоном, владельцем крепких саней и упряжки из восьми собак. Жизнерадостный и нелюбопытный, Иоахим согласился за небольшую плату отвезти его к хижине четы Дельбо. В пути они много разговаривали, в основном о порте. Проведя несколько дней в гостинице в Перибонке, Жослин наконец оказался у цели.

«Я и забыл, как хорошо весной! Тем более что в этом году она ранняя...»

Он уже достаточно долго рассматривал светлый деревянный домик, в котором жила Тала. Деревья вокруг оделись в наряд из свежей, нежно-зеленой листвы. Возрождающаяся к новой жизни земля источала тяжелый, одуряющий запах перегноя. Благодаря майскому солнцу тут и там среди травы показали свои головки цветы: крокусы, фиалки, нарциссы. Высокие деревья — сосны, березы — казалось, приветствовали небо и благодарили его за то, что оно наконец стало прозрачным, ярко-голубым.

У Жослина появилось странное чувство: он словно бы ощущал движение сока в сердце древесных стволов, осязал, как растет трава у него под ногами. Да и сам он внешне изменился. Никто бы не узнал в нем Эльзеара Ноле, бледного, гладковыбритого, худого. Черная с серебристыми

нитями борода подчеркнула мужественные черты его лица, скулы на котором стали выделяться меньше. Теперь мужчина реже кашлял и чувствовал себя окрепшим.

«Все эти чудеса сотворил свежий воздух озера Сен-Жан, — говорил он себе. — А еще — свобода и несколько стаканчиков джина!»

Губы его изогнулись в иронической ухмылке. Жослин как раз вышел из-за сосны и направился к хижине, когда дверь открылась и на улицу выскочил беспородный бело-черный пес. Тотчас же шерсть на спине у него встала дыбом, и он залаял. В золотистом свете утра появилась Тала. Мать Тошана подняла руки ладонями вверх, словно желая собрать солнечное тепло. Жослин вздрогнул, ошеломленный. Она была совсем такая же, как раньше — маленькая, стройная, с заплетенными в две косы черными волосами. Лицо цвета поджаренного хлеба по-прежнему поражало своей таинственной красотой. На ней было не платье из оленьей шкуры, украшенное бахромой и бусинами, а простая белая рубашка длиной до щиколоток.

— Кто здесь? — позвала она. — Покажитесь!

«Дельбо, наверное, на реке, — в растерянности подумал Шарден. — Хотя какая мне разница?»

Нерешительными шагами он вышел на опушку. Пес заворчал, но Тала жестом приказала ему замолчать.

— Добрый день, мадам! — крикнул он, неловко поднимая руку в знак приветствия.

Каждый шаг давался ему с огромным трудом. Индианка не сводила с него обеспокоенного и подозрительного взгляда. Жослин и хотел бы опустить глаза, но не мог. Наконец он остановился в метре от нее.

— Вы Роланда Дельбо? — спросил он для того, чтобы хоть что-то сказать.

— Жослин Шарден, — пробормотала Тала. — Я так и думала, что однажды вы вернетесь.

— Черт побери! — гроыхнул он. — Вы меня узнали! А между тем ходят слухи, что ваш супруг похоронил меня семнадцать лет назад!

— Сегодня я единственный человек, кто знает, что вы не умерли, — сказала она.

Эти слова повергли Жослина в глубочайшее удивление. Он так и остался стоять с раскрытым ртом.

— Мне нужно поговорить с вашим мужем, мадам.

— Я вдова. Анри, тот умер по-настоящему, — тихо добавила женщина. — Пять лет назад. Он был на льду, когда река вскрылась и унесла

его. Нам с сыном пришлось долго идти, пока мы нашли в низовьях реки его тело. Я сама похоронила мужа на берегу Перибонки.

Жослин стойко выдержал удар. Однако ноги у него подкосились. Неподалеку в землю был врыт грубо сколоченный стол, рядом с которым стояла сосновая чурка, служившая табуретом. Он сел, все еще не в силах поверить своим ушам.

— Примите мои соболезнования, мадам, — сказал он. — Я не знал.

— Хотите кофе? — предложила Тала.

— Спасибо, не откажусь.

Жослин вдруг испытал необъяснимый страх, ужасное смущение. Одно дело — приехать, чтобы поговорить с Анри Дельбо, как мужчина с женщиной, и совсем другое — столкнуться с его женой. К этому он оказался совершенно не готов. Однако складывалось впечатление, что эта индианка знает ответы на все вопросы. И это только усиливало его волнение.

Тала скрылась в доме и вернулась не сразу. На этот раз на ней было черное платье с широкой длинной юбкой. В руках индианка держала поднос. Она села напротив гостя.

— Я подумала, что вы, наверное, проголодались, — любезно сказала женщина. — Для моего народа гостеприимство — не пустое слово.

Он едва удостоил взглядом золотистые лепешки и горшочек с медом. Железная кружка дымилась рядом с графином с водой.

— Я не отниму у вас много времени, — сиплым от волнения голосом сказал Жослин. — Мне надо понять, что там произошло!

И он кивком указал на север. Тала кивнула в знак понимания. По губам ее скользнула тень лукавой улыбки.

— Теперь мы родственники, — сказала она. — Наши дети поженились. В прошлом году Тошан и Эрмин жили здесь. Ваша дочь — добрая и любящая девушка. Красивая певчая птичка! А ваш внук, Мукки, приходится внуком и мне.

Жослин бросил на нее смущенный взгляд. Он был вынужден признать очевидное: между ним и этой индианкой существовала родственная связь, пусть это и не вызывало у него восторга. Не испытывая по отношению к индейцам монтанье ни неприязни, ни презрения, в этих обстоятельствах он все же почувствовал себя так же, как и большинство жителей страны, окажись они на его месте. Даже крещеных индейцев обыватели считали дикарями — за их нравы и манеру одеваться.

— Это правда, — бесцветным голосом ответил он.

— Значит, вы уже знаете, что они женаты, — вздохнула Тала. — Я

думала, что может быть и по-другому. Откуда вы узнали?

— Случайно.

Он не доверял ей и решил говорить как можно меньше. И без конца потирал ладони, сжимая и разжимая пальцы. Хозяйка дома заметила, что он волнуется.

— Я могу предложить вам и виски. Вы словно сидите на горячих углях!

— Да, виски — это было бы неплохо, — вздохнул Жослин. — Я рассчитывал поговорить с Анри Дельбо, но он унес все свои секреты в могилу.

— У Анри не было секретов, — отозвалась Тала. — Секреты, похороненные в этой земле, — они все здесь, в моем сердце.

Тала прикоснулась к своей груди. Жослин, у которого пересохло во рту, кивнул. Она встала и пошла за бутылкой с алкогольным напитком. Ее кошачья грация привела его в замешательство. Он спросил себя, сколько ей может быть лет. Эта женщина излучала глубочайшую безмятежность, словно и не жила одна в чаще леса все это время.

— Полагаю, вы уже виделись со своей женой, Лорой, — сказала она и налила ему виски в стакан, который он осушил одним глотком.

— Нет, — отрезал Жослин. — Я, как вор, бродил вокруг ее дома в Валь-Жальбере. Она снова собирается замуж, и я решил ее не расстраивать. В прошлом она и так из-за меня натерпелась. И пришел я только затем, чтобы узнать, кто лежит в той могиле, в шести милях отсюда. Ведь возле креста, который поставил ваш муж, я оплакивал свою Лору. Я никак не могу найти ответ на этот вопрос. Я думал, что моя супруга умерла и это ее могила. Понимаете? И вот в марте этого года из уст болтливой старушки, жительницы Роберваля, я узнаю, что это не так. Лора считает, что там похоронен я, и моя дочь тоже. Мари-Эрмин приносила цветы на эту могилу, правда? Это я тоже знаю.

— Мне очень жаль, но это все из-за меня, — сказала Тала, сохраняя безмятежное выражение лица. — Я скрыла истину, хотя ненавижу ложь. И если я расскажу вам все, Жослин, я отдам себя в вашу власть. Вы сможете донести на меня полиции, которая относится к моим соплеменникам намного строже, чем к белым.

— Что за глупости вы говорите! — сердито сказал он.

— Это не глупости, это история о крови и слезах. Даже Тошан ее не знает. Анри и не подозревал, что все это когда-то случилось у него под носом.

— «Тошан, Тошан» — повторяете вы! Мне вспоминается, что в те

далекие времена вашего мальчика звали Клеман.

— Именем Клеман его назвал Анри при католическом крещении. Моего сына зовут Тошан, что означает «большая радость, удовлетворение». Я была счастлива иметь ребенка, маленького мальчика. И всегда им очень гордилась. Не стоит говорить со мной таким сухим тоном. Я, быть может, и виновата перед вами, но у меня не было выбора.

Виски помогло Жослину расслабиться. В присутствии Талы он чувствовал себя не в своей тарелке, причем ее красота, медного оттенка кожа и черные волосы волновали его не меньше, чем ее загадочные речи. Он схватил бутылку.

— Одного стакана хватит! — воскликнула индианка. — Если вы опьянеете, то не сможете меня слушать!

— Раз так, рассказывайте! А потом я уйду.

— Куда же? — спросила она.

— Исповедоваться в ближайшую церковь. Я собираюсь позволить моей супруге выйти замуж за другого. У нее будет два мужа. Это ведь грех, верно?

Тала сжала свои пухлые розовые губы. Жослин скрестил руки на груди и откинулся назад. То ли подсознательно, то ли на основании всего, что он сказал раньше, но индианка догадалась, что Шарден ее презирает.

— Когда вы с Лорой попали к нам в дом, у Анри были большие неприятности, — начала она напряженным голосом. — Один человек постоянно оспаривал права на концессию, которую моему мужу удалось увести у него из-под носа. Этот мужчина с черной душой тоже был золотоискателем. Однажды, когда он в очередной раз пришел к нам с угрозами, Анри ударил его и выкинул за дверь. Тот поклялся, что убьет моего мужа. Однако вскоре этот человек решил отыграться на мне. Это было осенью, когда листья кленов становятся красными и лес словно обагрывается кровью.

Жослин никогда бы не стал проводить подобные параллели. Смущаясь все больше, он откашлялся.

— Однажды вечером Анри ушел к низовью реки и взял с собой Тошана. Они должны были вернуться после захода солнца. Песок приходится перемывать часами, чтобы найти несколько граммов золота... Я была дома одна и складывала дрова в поленницу. Снова явился тот человек. Он вошел в хижину, загородив собой дверь. Я не успела поднять с земли топорик. Он сказал, что мне придется заплатить вместо мужа за отнятый у него участок. Все случилось очень быстро, я не решилась отбиваться, боясь, что он меня убьет. Он изнасиловал меня.

Гнетущее молчание последовало за этим признанием. Жослин огляделся по сторонам, не в силах больше выносить взгляда черноглазой Талы. И вдруг ему стало стыдно. Перед ним сидела женщина, и она тоже была Божьим творением, заслуживающим уважения и заботы. Если рассказанное ею — правда, на ее долю выпало ужасное испытание, осквернившее ее честь и ее тело. Он вспомнил Лору. Когда они познакомились, ей приходилось торговать собой по принуждению грязного типа, избивавшего девушку при первой же попытке взбунтоваться. С его стороны потребовались деликатность и множество успокаивающих слов, чтобы помочь ей забыть, как она натерпелась от мужчин, часть из которых полагала, что за несколько купюр им позволено все.

— А потом он смеялся, застегивая свой ремень, — продолжала Тала. — Перед уходом он сказал мне: «Я вернусь зимой, и в твоих интересах быть со мной поласковее, если хочешь спасти шкуру мужа. Дельбо получит пулю в голову, если ты ему расскажешь. Когда бы я ни пришел, ты будешь делать все, что я захочу». Это был плохой человек. С этого дня я думала только об одном — как защитить мужа и сына. Анри я ничего не сказала, спрятала слезы стыда и ненависти. Тошану было всего семь лет, и ему был нужен отец.

— Вы убили этого типа? — спросил Жослин. — Одна?

— Можно сказать и так, — со вздохом отвечала Тала. — Я доверилась брату, Маикану^[26]. Мы придумали, как наказать этого человека и отомстить за меня. И ваш приезд той зимой 1916 года чуть было нам не помешал. Поэтому я злилась и мучалась. Тот человек пообещал вернуться, и я хотела его смерти.

— Я помню, вы нам были совсем не рады, — заметил Жослин. — Что до меня, то мне хватало своих забот.

— Одно ваше присутствие могло разрушить наш с Маиканом план, несмотря на то что он был человеком честным, смелым и хитрым. Не стану объяснять в деталях, но ловушка, которую мы расставили для плохого человека, сработала. Мой брат нашел того, кого я до сих пор называю своим врагом, и сказал, что я жду его в заброшенной хижине, где вы с Лорой в то время скрывались. Нам пришлось пойти на это, потому что зимой Анри больше времени проводил дома. Как же легко управлять мужчиной, идущим на поводу у своей похоти! Эта свинья решила, что я отдамся ему по собственной воле, соглашусь на эту отвратительную сделку. Маикан предложил проводить его, тот не отказался, и когда они уже были недалеко от места, мой брат всадил пулю ему в голову.

— Черт побери! Но почему именно возле хижины? Вы же знали, что

мы там! Мы могли стать свидетелями убийства! — Новая мысль пронеслась в голове у Жослина, вызвав в нем глухое раздражение. — А может, вы хотели обвинить в убийстве меня, если полиция обо всем узнает? Хотя в таком заброшенном месте, зимой, вы почти ничем не рисковали. Вы сказали уже слишком много, продолжайте и не лгите! Почему вы выбрали это место?

— Я подчинилась приказу брата. Маикан заверил меня, что это единственное место, в котором я могу назначить этому человеку свидание так, чтобы он ничего не заподозрил. Я не могла предвидеть, что два дня спустя Анри отправится туда, чтобы привезти вам провизию. Я пыталась его отговорить, но он ничего не хотел слышать. Я же, честно говоря, думала, что вы с женой уже умерли от голода и холода.

— Очень мило с вашей стороны! — возмутился Жослин. — Ваша история не совсем похожа на правду. Я, к примеру, не слышал выстрела. Может, из-за ветра, который громыхал жестью на крыше. К тому же в округе бродила волчья стая. Звери так проголодались, что загрызли моих собак. Сам я, признаюсь, был уже наполовину помешанным от горя и страха за Лору, которую покидал разум. Предположим, ваш брат убил того человека и скрылся. Но Анри! Почему он решил, что труп — это я?

— Волки растерзали мертвое тело, — со злостью отрезала Тала. — Тот человек был вашего роста и одет почти так же — все местные охотники-следопыты так одеваются. Когда муж нашел его, у моего врага не было лица. Анри не стал смотреть на него дважды. Он беспокоился о Лоре, думая, что труп — это вы, а она, должно быть, разделила вашу участь. Но она была жива — исхудавшая, помешавшаяся, но живая! Он поспешил привезти ее к нам, потому что очень за нее волновался. Сразу по приезде муж шепнул мне на ухо, что вы пустили себе пулю в лицо, но он похоронил ваше тело, несмотря на глубокий снег. Я не стала возражать, но знала, что это не ваш труп. Маикан зашел ко мне и все мне рассказал. Я была на седьмом небе от счастья. Никогда больше тот человек не причинит мне горя, никогда больше не станет угрожать Анри. Наконец-то я могла дышать полной грудью.

Несмотря на внешнее спокойствие, Тала вся дрожала. Она налила себе кофе и обвела взглядом высаженные вокруг хижины деревья. Но Жослин смотрел только на нее.

— Это было рискованно, — сказал он. — Я мог вернуться к вам, чтобы узнать, где Лора. Если бы это случилось, Анри быстро понял бы, что вы его обманываете.

— Я была уверена, что этого не случится. Человек, который пытается

убить свою жену, потому что она сошла с ума, не станет ее разыскивать, если ему так и не удалось завершить начатое, — сказала Тала. — Лора сказала Анри, что вы приставили дуло своего ружья прямо к ее лбу. Хотя ваша супруга и потеряла рассудок, она вас боялась, очень боялась.

— Вы заблуждаетесь! Больной от стыда, я наконец нашел дорогу к этой жуткой развалюхе, где мы умирали от голода, холода и тоски, — воскликнул Жослин с горячностью. — Но Лора исчезла. Когда же я увидел могилу с крестом, то решил, что и так все понятно: Анри нашел мою бедную жену мертвой и достойно ее похоронил. Господи, как же я плакал, как себя проклинал! Но я трусом родился, трусом и умру. Я не покончил с собой. Я убежал.

— Со слов Эрмин я поняла, что Лора до встречи с Тошаном не знала, что с вами приключилось. А они познакомились в тот день, когда ваша дочь и мой сын решили бежать из Валь-Жальбера, чтобы пожениться в пустыни Святого Антония. С этого дня она считала вас умершим. Я, когда познакомилась с вашей дочерью, рассказала ей ту самую историю, в которую верил Анри. Словом, я продолжала лгать, защищая моего брата Маикана. Он не заслуживал тюрьмы. Но теперь нечего бояться: его душа ушла к душам предков.

Тала встала и направилась в пристройку. Оттуда она вышла с ружьем в руке и с сумкой из оленьей кожи через плечо. Оба предмета она протянула Жослину. Выходило, что у женщины было оружие и она в любой момент могла его убить. Но вместо этого индианка открыла ему правду, доказав, что полностью ему доверяет.

— Мы поговорим еще вечером, у огня. Вы должны сходить на охоту. Я буду рада свежнему мясу. Обычно его приносит мой сын. Подстрелите нам куропатку или хорошего зайца. А я приготовлю. В сумку я положила патроны.

— Мне идти на охоту? — удивленно воскликнул Шарден. — Но я плохо стреляю! И кто сказал вам, что я не всажу себе пулю в лоб?

— Вам совсем не хочется умирать, — возразила на это Тала. — Сейчас весна, в ветвях деревьев течет сок, согревается солнцем земля. И к вам, Жослин, вернутся силы.

Он покраснел как рак. Красивая индианка усмехнулась, потом повернулась к нему спиной и скрылась в хижине.

«Какая странная женщина! — с досадой подумал Жослин. — Я никогда не умел охотиться!»

Но все же пошел прочь. Сумка для дичи болталась у него на плече, в руке он сжимал ружье. Собака последовала за ним.

Оживающая природа стала союзником Талы: побродив какое-то время по лесу, Жослин увидел стаю куропаток. Собака принялась и замерла в охотничьей стойке.

«Я буду настоящим идиотом, если упущу такую легкую добычу, — подумал он. — Индианка права: я не хочу умирать. Я даже проголодался!»

Он прицелился, стараясь держать ружье ровно. Последовал выстрел, за ним второй. Стая, громко хлопая крыльями, взлетела. Но две птицы остались лежать на земле.

— По крайней мере, я хоть что-то принесу, — вслух сказал себе Жослин.

Собака притащила одну куропатку, потом другую. Должно быть, это занятие было для нее привычным.

— Хороший пес, славный пес, — погладил ее по голове мужчина.

Однако прошлое не отпускало. Жослин вспомнил утро, когда он купил Бали, ездового пса с примесью крови маламута, который оказался хорошим охранником и прекрасным жожаком упряжки. Снова на него нахлынуло ощущение, что он лишился части своей жизни. Выругавшись, Жослин пошел обратно.

Тала ждала его, сидя на улице, возле костра. Медленно темнело, янтарные солнечные отблески танцевали в зеленой листве.

— Я убил двух куропаток! — объявил он. — И помогу вам их ощипать.

— Это не мужская работа, — с улыбкой отозвалась индианка. — Я сама управлюсь. Я приготовила вам комнату. Там вы найдете лохань с теплой водой. Тошан расширил наш дом. Вы будете спать в правой комнате. Эрмин она очень нравилась. Она родила своего сына на той кровати, где вы сегодня будете спать.

— Спасибо, — тихо сказал Жослин. — Это только на одну ночь. Я не стану вам мешать. Завтра я уйду.

Индианка промолчала. Она ножом вычищала из тушки внутренности. Собака получила их в награду за свой труд.

«Сердце этого человека измучено угрызениями совести, — подумала Тала. — Тень смерти омрачает его душу. Нужно, чтобы он вернулся на путь доброты».

Жослин очень удивился бы, сумей он прочесть мысли хозяйки дома. Он стоял посреди комнаты, удивленный ее чистотой и красотой убранства. Ножки крепкой кровати, вытесанные из сосны, наводили на мысли о близости леса. Яркие цвета одеяла оживляли полумрак. Выложенная галькой печка свидетельствовала о терпении мастера, ведь ему пришлось

долго искать этот материал на берегу Перибонки, реки с песчаными берегами, из-за которых она получила свое индейское название. Две стены из светлых досок были занавешены полотнищами ткани с геометрическим рисунком.

«Моя дочь жила в этой комнате, — сказал он себе. — Здесь она мучилась от боли, кричала, когда ее юное хрупкое тело трудилось, рождая на свет моего внука».

Ему пришлось сесть, столь тяжелой оказалась реальность, с которой Лора уже столкнулась.

«Моя крошка, моя дорогая девочка! Я упустил много лет твоей драгоценной жизни! Но эти несколько месяцев, которые ты провела с нами, своими родителями, были озарены твоим присутствием».

Закрыв глаза, Жослин черпал из памяти воспоминания об очаровательном младенце с белокурыми кудрями и ярко-голубыми глазами.

«Ты очень рано стала нам улыбаться, думаю, тебе было не больше месяца. О эта ангельская улыбка! Я пообещал себе, что буду заботиться о тебе до конца своих дней. Ты лепетала или пронзительно вскрикивала, и всегда была радостной. Пожалуй, уже в то время у тебя, такой крошки, был громкий голосок. Господи, дай мне время познакомиться с моим ребенком! Сделай так, чтобы я смог обнять ее, услышать от нее слова прощения. Если она успеет рассказать мне о своем детстве, если мы поговорим, как добрые друзья, как отец и дочь, я смогу умереть с миром. Если подумать, Лора меня мало волнует, в отличие от Мари-Эрмин...»

Жослин так глубоко ушел в свои тягостные мысли, что удивился, почувствовав, как по щекам катятся слезы. В тот день, когда на свет должна была появиться его дочь, в Труа-Ривьер, он много часов провел в кухне их с Лорой жилища. Он не услышал ни единого крика, только приглушенный шепот и восклицания. Но это длилось и длилось... Наконец послышался писк новорожденного — звук, который ни с чем невозможно спутать. Роды прошли хорошо.

«Она была такая хорошенькая, наша Мари-Эрмин! Розовая, с белым пушком на голове. Вечером она смотрела на нас, своих отца с матерью, и я сказал Лоре, что у нее очень красивые глазки. Мы оба были очарованы чудом жизни — муж и жена, мы держались за руки и плакали от счастья».

Жослин помотал головой, словно желая освободиться от слишком ярких воспоминаний. Он торопливо снял ботинки и разделся. Потом помылся, стоя в лохани, воспользовавшись кусочком чистой ткани и мылом, лежавшими тут же. Собственная нагота стесняла его. У мужчины появилось странное ощущение, будто он заново открыл для себя свое тело.

Невзирая на худобу, оно было крепким и мускулистым. Когда пришло время одеваться, он заметил в изножье кровати чистые вещи.

«Хм, эти дикари заботятся о том, чтобы гость был чистым, — подумал он. И тут же устыдился: — Мне не в чем упрекнуть эту женщину. Хотя нет: если бы не ее ложь, возможно, я бы давно воссоединился с Лорой. Я не мог искать ее, потому что считал умершей».

Снова перед ним предстала навязчивая реальность: их с Лорой разлучило абсурдное недоразумение. Но теперь все было кончено.

«Я обречен на смерть, она вскоре снова выйдет замуж. Так угодно Господу. По крайней мере, тогда она по-настоящему овдовеет. Значит, нужно как можно лучше использовать то время, что мне осталось!»

Тала сидела и смотрела, как он подходит к костру. Лес и заросли кустарника позади хижины утонули в синих сумерках. Высокие оранжевые языки пламени окружали очаг, сложенный из гальки, светящейся аурой.

— Ужин готов? — спросил Жослин, так и не избавившись от чувства неловкости.

Куропатки жарились на стальном вертеле. На угли Тала поставила сосуд с водой и растительным маслом и время от времени ложкой зачерпывала из него жидкость и поливала дичь. От мяса исходил изумительный аромат.

— В горячую золу я закопала несколько картофелин, — сказала она. — Сегодня вечером у нас будет хорошая еда. Благодаря вам, Жослин.

— А когда с вами нет мужчины, который ходит на охоту, как быть? — спросил он. — Готов спорить, вы сами прекрасно управляетесь с ружьем. Собака тоже отлично знает свои обязанности, она принесла добычу, даже не попытавшись ее съесть.

— Этого пса обучил Тошан. Мой сын всегда получает от животных, что хочет.

«И от девушек тоже! — подумалось Жослину. — Хотел бы я знать, как ему удалось жениться на Мари-Эрмин!»

Тала лукаво посмотрела на него и указала на ящик, заменявший стул.

— Садитесь. Нам еще о многом надо поговорить.

— И о чем же это?

— Вы перестанете наконец ворчать и лаять, как побитый пес? — возмутилась она. — Что вам так не по нраву? Противно делить еду с индианкой? Постарайтесь не думать об этом. Сегодня тепло, и небо ночью будет красивым. Молодая луна, много звезд... Вы все еще сердитесь?

— Нет! Вот только я отвлек от женской болтовни. Что вы хотите рассказать?

— Я ненавидела вашу супругу, — призналась Тала. — Хотя, пожалуй, это слишком сильно сказано, потому что она внушала мне жалость. Правда в том, что я ревновала. Я призналась в этом Эрмин. Но наша певчая птичка только засмеялась.

У Жослина сжались кулаки. Ему было неприятно слышать, как ласково Тала говорит о его дочери. Сам он все эти годы был лишен возможности жить рядом со своим ребенком изо дня в день...

— Я ревновала, — повторила хозяйка дома с улыбкой на устах. — Лора была такой белокожей, такой нежной и стройной! На ней было красивое ожерелье и два кольца — обручальное и еще одно, очень красивое. В тот зимний вечер, когда Анри приютил вас, я бесновалась оттого, что под крышей нашего дома оказалась такая красивая молодая женщина. Но она плакала, у нее был жар. Я ухаживала за ней.

— У вас есть вино? — спросил он. — Если вы и дальше будете вспоминать прошлое, мне потребуется вино или виски.

— Я сама готовлю пиво. Бочонок вы найдете в кладовой, за дровяным сараем.

Но он не шевельнулся — не нашел в себе сил оторваться от огня и от Талы. Тогда она протянула ему бутылку со спиртным, которую до этого прятала в складках юбки.

— Держите, но не пейте слишком много, — посоветовала она. — Я боюсь мужчин, которые слишком много пьют.

— А что случилось потом? — спросил Жослин так, словно не слышал ее последних слов. — Когда Анри привез Лору к вам?

— Она сильно переменялась. Это был совсем другой человек, и она смотрела на нас глазами испуганного ребенка. Успокоившись, она радовалась всему: чашке кофе, лепешке. Ее присутствие меня раздражало, я ревновала все сильнее, потому что Анри много времени проводил в заботах о ней. С приходом лета он решил отвезти ее в больницу, в Монреаль. Как я боялась этой долгой поездки, в которую они отправлялись вдвоем! К тому времени Лора поправилась и посвежела. Накануне их отъезда я умоляла мужа не бросать меня ради нее. Он посмеялся надо мной и назвал меня дурой. С собой Анри взял ту записку, в которой вы даете ему право распоряжаться вашими деньгами в банке. Я представляла худшее: мой муж останется жить с Лорой, он бросит нас с Тошаном. Но этого не случилось. Он вернулся. И объявил, что наш сын поедет учиться читать и писать в католический пансион в Вовер. Мой единственный ребенок уезжал, чтобы провести многие месяцы вдали от дома! Я выплакала все глаза.

— Ваш муж поступил правильно. Образование — важная вещь, —

заметил Жослин. — И религиозное воспитание — тоже.

Он смягчился. Тала начала резать мясо, потом выкатила из золы потрескавшиеся коричневые картофелины. От запаха пищи у мужчины потекли слюнки. Из леса донеслось тьяканье лисицы. Ей ответила уханьем сова.

— Почему бы вам не перебраться в город? — спросил он.

— Мне там было бы скучно, — ответила Тала. — Одиночество меня не пугает, и лесных зверей я тоже не боюсь. Ко мне часто приходят в гости мои сестры, двоюродные и родные, и у меня есть Тошан.

Тала опустила голову и стала накладывать еду в тарелки. Маленького роста, грациозная и хрупкая, она казалась Жослину очень молодой. Он скользнул взглядом по ее черным косам, по тонкому профилю.

— А чем занималась Мари-Эрмин целыми днями, когда жила с вами? — спросил он.

— Почему вы так ее называете?

— Это имя мы дали ей при крещении, — отозвался Жослин. — Я заметил, что все остальные зовут ее просто Эрмин. Хотя какая разница!

— Завтра я покажу вам письма, которые она мне написала, — пообещала Тала. — Эрмин шила приданое для своего первенца. Гуляла на берегу реки. Мои родственники слышали, как она поет, в один из вечеров, похожих на этот. Это было прекрасно! Ваша дочь — девушка добрая и ласковая. Она заслуживает счастья. И заслуживает того, чтобы узнать своего отца. А теперь ешьте, мясо быстро остывает.

У Жослина от голода подвело живот, и он не стал возражать. Никогда еда не казалась ему такой вкусной. Под небесным сводом вместо крыши, в окружении ночных звуков — шепота ветра в листве, потрескивания огня — он ощутил умиротворение.

— Честно говоря, если вы не против, я мог бы остаться здесь на пару дней. Вы ведь найдете для меня работу?

Индианка кивнула и улыбнулась.

Прошла неделя, а Жослин все еще жил в хижине на берегу реки.

На берегу реки Перибонки, воскресенье, 14 мая 1933 года

Жослин вышел из хижины и потянулся. Яркое светило солнце. За десять дней деревья успели полностью одеться в летнюю листву ярко-зеленого цвета. Вся опушка покрылась нежно-розовыми цветами. Сидя на табурете, Тала плела корзинку из ивовых прутьев. Она вставала раньше,

чем ее гость, и успевала переделать сотню мелких дел по хозяйству. Собака ходила за ней по пятам или лежала у ее ног, как в это утро.

— Я провожу с вами вот уже второе воскресенье и не вижу, чтобы вы ходили на мессу, — притворно упрекнул мужчина хозяйку дома.

— Я не стану идти много миль, чтобы спасти свою душу, — ответила она. — Кофе готов, я сейчас испеку лепешки.

Еще мгновение — и Жослин бы улыбнулся, так ему было хорошо. Физический труд, чистый весенний воздух, простая, но вкусная пища Талы вернули ему силы. Он редко кашлял и перестал испытывать приливы жара, которые так мучили его в санатории.

— Хотите, я схожу на охоту? — доброжелательно спросил Шарден. — Или на рыбалку?

— Пара рыбин спасет жизнь паре куропаток, — пошутила Тала. — Я никогда не ела столько птичьего мяса!

Мужчина неожиданно для себя засмеялся. Как ни пытался он подстрелить молодую косулю или зайца, всегда возвращался с охоты только с куропатками.

— Значит, сегодня у нас будет рыба, — решил он, наливая себе кофе.

Замешательство и стеснение первых часов их встречи было позабыто. Жослин сел напротив индианки и стал смотреть, как она переплетает желто-зеленые прутья.

— Что ж, мне пора уезжать, — сказал он. — Я так и не сходил на исповедь.

— И куда вы поедете? — рассеянно спросила Тала.

— Думаю вернуться в Труа-Ривьер, к родителям. Они очень старые. Возможно, кто-то из них умер в мое отсутствие. Моя сестра, старая дева, заботилась о них.

Жослин почему-то не стал говорить Тале о своей болезни. Он строго следил за гигиеной, ел из одной и той же тарелки, пил из одной и той же чашки и мыл руки десять раз в день.

— Ваши родители живы, — вздохнула она. — Как я помню, они очень обидели Эрмин. Она написала им, когда нашла свою мать. Лора рассказала, откуда вы родом. Шардены из Труа-Ривьер ответили вашей дочери, что не желают ее знать. Это очень злые люди. Хотя я уверена, что они ходят в церковь каждое воскресенье!

Озадаченный, Жослин потер подбородок. Он ни на секунду не усомнился в правдивости слов Талы. Живя рядом с ней, он приобрел уверенность в том, что она всегда искренна.

— Эрмин писала моим родителям! — удивился он. — Это случилось

примерно три года назад, верно? Представьте себе, я все записываю в специальную книжечку, чтобы не забыть. Лора поселилась в Валь-Жальбере три года назад. И в это самое время я как раз жил в Труа-Ривьер!

Он умолк, не желая признаваться, что в указанное время жил в санатории родного города, поскольку уже тогда был болен туберкулезом.

— Они мне не сказали, — с горечью констатировал он. — Увидь я это письмо, многое сложилось бы по-другому. Но теперь поздно.

Жослин встал. На нем была рубашка в клетку и полотняные штаны. Не надев шляпы, он взял рыбацкое снаряжение и направился к реке. У него болело сердце.

«Ну почему Тала рассказала мне эту историю о письме именно сегодня? У меня было такое хорошее настроение! Знать бы, что мать не стала плевать ядом в ответном послании! Эрмин не должна знать правду о Лоре».

Пока он нервными шагами мерил берег Перибонки, потерявшись в воспоминаниях и мрачных мыслях, прошло много часов. Наконец он лег на песок и подставил лицо солнцу. Приятное тепло действовало усыпляюще. Ему снились сны, оставившие чувственное эхо в каждой клеточке его тела.

Было уже темно, когда Жослин вернулся в хижину. Тала помешивала кушанье в чугунной кастрюле, стоявшей прямо на углях.

— Я не принес рыбы, — сказал он. — Не мог думать ни о чем, кроме этой истории с письмами.

— Жаль, — отозвалась она. — Я приготовила рагу из солонины.

Они поели молча, устроившись у костра. Жослин выпил пива, которое пришлось ему не по вкусу. Часто он поглядывал на Талу, на ее медного оттенка кожу, казавшуюся ему гладкой и шелковистой. Он заметил, что на ней в этот вечер была розовая хлопчатобумажная туника с глубоким вырезом на груди. Надень такую добропорядочная мать семейства или девушка на выданье, это шокировало бы его, но индианка была вольна в своем выборе и своих поступках, это он понял.

«Я должен уйти, — подумал мужчина. — Эта женщина волнует мне кровь. Черт! Какие сны мне снились сегодня днем...»

Как если бы она читала его мысли, Тала посмотрела на него. В ее черных глазах Жослин прочел мучительное желание.

— В моей постели давно не было мужчины, — призналась она, не стыдясь. — Я прекрасно знаю, что вы не останетесь здесь до конца своих дней. Но этой ночью, только этой ночью, я буду вас ждать. Мне еще нет сорока, кровь с новой силой течет в моих жилах, и у меня единственное желание — придти к вам с каждым закатом солнца.

От неожиданности он чуть не уронил свой стакан. Бесстыдство Талы его обескуражило.

— Мне странно это слышать, — сказал он. — Простите, но я не приду к вам, и вам запрещаю приходить ко мне. Мне не хочется после смерти гореть в аду. Я женат, и быть с вами означало бы предать свою жену перед Богом.

— За семнадцать лет вы не спали ни с одной женщиной? — мягко спросила она.

— Конечно, спал! — сказал Жослин с раздражением. — Я считал себя вдовцом и потому не хранил целомудрие.

— В жизни Лоры уже есть мужчина, она собирается замуж. А может, уже спит со своим женихом. И зачем вам хранить верность женщине, которую вы отдаете другому? Я вас не понимаю. Что вам мешает занять свое место рядом с ней?

Она приблизилась, и движения ее были исполнены чувственности. Он хотел было встать, но, словно околдованный, не смог шевельнуться.

— Вы очень красивы, Тала! — признал он. — Но я не могу. Мы с вами добрые друзья. Оставьте меня с миром!

— Об этом никто не узнает, — пообещала она. — Вы даже не заметили кольца из белой гальки, которое я выложила вокруг хижины. Что случится в этом круге, ничего не значит. Оно сотрется из нашей памяти. Вам нужна радость, нужна нежность, Жослин. Вы уже сейчас не похожи на того человека, который пришел ко мне — молчаливого, раздражительного, презирающего всех и вся. Я исцелю вашу душу, насытив ваше тело.

Ловкие руки Талы опустили ему на бедра. Он вздрогнул, ощутив острое желание уступить.

«Уложить ее на землю, коснуться губами ее шеи, ее розовых губ! — подумал он. — И ни о чем не думать, отдаться удовольствию!»

И все же он оттолкнул ее, хоть и очень деликатно.

— Я не могу. Это грустно, но правда. Я все еще испытываю к Лоре какие-то чувства, но я много лет не прикасался к ней, и, вы правы, она собирается замуж за другого. Но дело не в этом. Я болен туберкулезом. Эта болезнь передается от мужа жене и от любовника любовнице, это я точно знаю. Минуту назад я сказал вам, что имел связи с женщинами. Это преувеличение, но я много месяцев жил с одной вдовой. Она была больна. Я понял это слишком поздно, когда уже заразился от нее. И вот мои дни сочтены. Теперь вы понимаете, почему я отказался от Лоры, от мечты обнять свою дочь? Господь покарал меня за мои грехи, за мою трусость, за мои заблуждения. Я прожил восемь месяцев в санатории в Лак-Эдуаре, где

сам себе казался стариком. А перед этим жил в таком же заведении, но в Труа-Ривьер. Я сыт по горло этими санаториями.

Тала обняла его руками за талию и прижалась щекой к его груди. Он понял, что пропал — так нежны были ее движения, объятия.

— Я смогу вылечить тебя, Жослин, — мягко сказала она. — Медицина белых беспомощна перед этой болезнью, но силы кормилицы-земли огромны. А может, ты уже здоров? Идем, прошу тебя! Я дам тебе сил, смелости. Покинув меня, ты отправишься к своей жене и дочери.

Этот неожиданный переход на «ты» разрушил последнюю преграду: Жослин почувствовал себя «дома». В эти несколько дней Тала дала ему то, что можно было бы назвать комфортом супружеской жизни. Только ночь их разлучала.

— Если ты придешь в мою постель, — проговорил он изменившимся голосом, низким и теплым, — я никуда не уйду. Ты прекрасно знаешь, что так быть не может. Твой сын, а теперь и мой зять, скоро приедет навестить тебя. И Эрмин, конечно, будет с ним. Они спросят, кто я. Послушай, я должен тебе кое-что сказать.

И он рассказал ей о своей встрече с дочерью, которая из-за поломки на железной дороге провела ночь в санатории Лак-Эдуара. Жослин красноречиво описал момент, когда перед пациентами появилась красивая белокурая певица, рассказал, как обнаружилась их родственная связь.

— В тот день я чуть не умер, — сказал он.

Намерения Талы не изменились. Она все так же обнимала его. Жослин погладил ее по волосам.

— Эрмин говорила со мной, думая, что перед ней некий Эльзеар Ноле. Так звали моего деда. И снова я показал себя трусом, настоящим трусом! Я ведь мог открыться и все ей объяснить! Но не осмелился.

— Это был неподходящий момент, — заметила индианка. — Ты был не готов. Тебе понадобится много слов и улыбок, когда ты предстанешь перед женой и дочкой. Будь благоразумным, пообещай мне, что помешаешь Лоре выйти замуж. Если она не захочет жить с тобой или если ты поймешь, что больше ее не любишь, вы можете развестись.

— Развестись? — поразился он. — Нет, это невозможно. Я католик. Союз, освященный Богом, не разорвет ни одна официальная бумажка. Хотя какая разница, Лора все равно скоро овдовеет.

Выпрямляясь, Тала приложила палец к его губам. Жослину захотелось поцеловать этот пальчик и всю руку. У него не осталось сил для сопротивления. Желание захлестнуло его.

— Идем, — тихо сказала она. — Наши тела жаждут друг друга. Я

поняла это на следующий день после твоего прихода. И я прочла по твоим глазам, что я тоже тебе нравлюсь.

Он последовал за ней, послушный, как юноша, который торопится приобщиться к миру любовных утех. Тала зажгла свечу. Нежный желтый огонек осветил комнату. Жослин хотел было увлечь индианку к постели, но она покачала головой в знак отказа. С улыбкой она принялась его раздевать.

— Делай, как я, — сказала она. — Сними с меня одежду!

Все сильнее увлекаясь этой игрой, он неловко раздел ее и увидел округлые плечи, маленькую, как у подростка, грудь, слегка выпуклый живот. Тала была миниатюрной, похожей на бронзовую статуэтку, вдруг обретшую способность грациозно двигаться. Она стала искусно ласкать его тело кончиками пальцев.

— Ты сводишь меня с ума, — задыхаясь, проговорил он.

Она прижалась к нему, приложила теплые губы к его торсу, в том месте, где билось сердце. На этот раз Жослин подхватил ее и уложил на постель. Он имел связи с женщинами, но всегда это происходило «целомудренно», в полной темноте. Любовницы ложились в постель в длинных ночных рубашках, которые ему приходилось приподнимать, чтобы получить свою долю удовольствия.

Тала, жаждущая, радостная и почти бесстыжая в своем желании, разбудила в нем забытые ощущения. Видеть ее обнаженную, исследовать ее тело руками — пламя страсти разгоралось все жарче в этом мужчине, привыкшем к длительным периодам воздержания.

— Подожди еще немного, — попросила она, когда он попытался войти в нее. — Подожди.

Она встала на колени и расплела свои черные косы. Водопад волнистых волос заструился по ее плечам и груди.

— А теперь иди ко мне, — шепотом позвала она.

Овладевая обжигающим лоном Талы, Жослин подумал, что никогда не испытывал такого наслаждения. Он изумлялся, стонал, кричал. Более сдержанная, она дала понять, насколько велика ее радость, по-женски, — слезами и нежными улыбками.

Не обменявшись ни единым поцелуем, — оба избегали этого из предосторожности, — они завибрировали в унисон, как любовники, давно знающие друг друга.

Утром Тала спала в маленькой комнате, которую сама же обставила и украсила. Началась другая жизнь. Днем они не позволяли себе малейшего проявления нежности, остерегались выказывать друг другу свое желание. Но как только ночные тени завоевывали близлежащий лес, мужчина и

женщина торопились в постель. Случалось, что они даже не зажигали свет, желая побыстрее уединиться в большой новой комнате.

Жослин не задумывался о том, какие последствия может иметь эта связь. Он с аппетитом ел, много ходил пешком, колол дрова, дышал свежим речным воздухом. У него больше не было возраста, не было ни прошлого, ни будущего. Только сегодняшней день, со своими ежедневными ритуалами, имел значение.

Красивая индианка часто наблюдала за ним, и в глазах ее читалась смешанная с грустью гордость. Ее любовник поправился, привык ходить выпрямившись и хорошо загорел на солнце. Когда он смеялся, она таяла от радости. И все же она знала, что этот мужчина ей не принадлежит и никогда не будет принадлежать, и готовилась его потерять.

* * *

Май быстро закончился. Этим утром Тала подала Жослину кофе, одетая в черное сатиновое платье с белым воротничком. В нем она была похожа на юную пансионерку.

— Ты должен уехать сегодня, — сказала она спокойно. — Мне приснилось, что сын выходит на опушку и с ним его пес Дюк. Но Эрмин не было. Это означает, что Тошан уже близко. Возможно, еще до обеда я увижу его. Посмотри!

Индианка на глазах у изумленного Жослина вынула из кармана фартука конверт.

— Один траппер принес мне это письмо за несколько дней до твоего прихода, — призналась она. — Можно сказать, что он самый близкий мой сосед, поскольку живет в хижине в трех милях севернее. В письме речь идет о свадьбе. Свадьба Лоры и Ханса Цале назначена на 12 июня. У тебя есть время вернуться в Валь-Жальбер. Из Перибонки ты на корабле доберешься до Роберваля.

— Почему ты утаила от меня это письмо? — спросил он. — Ты знала дату бракосочетания, но говоришь об этом только сейчас! И если это так, то зачем твоему сыну приезжать к тебе на днях?

— Эрмин и ее мать хотят, чтобы я была гостьей на свадьбе. Тут все написано, прочти сам. Тошан приедет за мной. Он не должен видеть тебя здесь. Прошу тебя, уезжай немедленно. Этой ночью, пока ты спал, я собрала камни магического круга. Наша связь разорвана. Но ты выздоровел, я чувствую это сердцем, и я это вижу. Ты больше не кашляешь, к тебе

вернулись силы. Поступи как честный и смелый мужчина. Вернись к своей семье.

— А ты? — спросил Жослин. — Ты снова год за годом будешь жить одна? Я был здесь счастлив, я охотно остался бы с тобой.

— Нет. Я хотела исцелить тебя, сделать так, чтобы ты снова стал себя уважать. Я не боюсь одиночества. И я знаю, что Тошан хочет жить здесь, в глубине леса. Рано или поздно они вернутся: мой сын, Эрмин и Мукки.

Сказав так, Тала убежала в дом. Она собрала вещи Жослина и скрыла все следы его пребывания в хижине. Он наблюдал за ней.

— А если я откажусь уходить? — спросил он.

— Ты с ума сошел? Тошан тебя узнает. Мой сын никогда не забывает лица людей, с которыми встречается на жизненном пути. Или ты хочешь, чтобы твоя дочь узнала, что мы три недели жили как муж и жена? Пусть все вернется на свои места, Жослин. Мое место здесь, на берегу реки, а твое — возле Лоры и Эрмин.

Озадаченный, он потер подбородок.

— Тала, послушай! — решил он наконец. — Ты говоришь, что твой сын придет сегодня, чтобы забрать тебя в Валь-Жальбер, на свадьбу. И сама прогоняешь меня, чтобы я помешал этой свадьбе. Что ты скажешь Тошану? Или совершь, что видела вещей сон о том, что свадьба не состоится?

— Может, и так, — ответила она. — Он, в отличие от тебя, мне поверит. Для нашего народа сны имеют большое значение.

И она подала ему кожаный мешок. Жослин поправил ремень на плече. Его мужская гордость подверглась суровому испытанию. Ему было бы приятнее, если бы Тала плакала или умоляла его остаться. Неужели он настолько плохой любовник?

— Иди! — приказала она. — С тобой я была очень счастлива. Воспоминания об этом счастье украсят мою зиму. Прошу тебя, Жослин, уходи скорее и не иди по тропинке. Укороти себе путь через лес. Вот увидишь, чем дальше ты будешь уходить от меня, тем сильнее окрепнет в тебе желание пробудить в дочери любовь к тебе, ее отцу, вернуть себе Лору. Ты перед Богом взял эту женщину в жены.

Красивая индианка вытолкнула его на улицу и закрыла дверь у него перед носом. Жослин едва удержался, чтобы не выругаться. Он надел шапку и быстрым шагом пошел прочь, напрямиком на следующую страницу своей судьбы.

Валь-Жальбер, суббота, 3 июня 1933 года

Опершись локтями о подоконник, Эрмин смотрела в окно гостиной. Сегодня она в первый раз надела голубое муслиновое платье, цвет которого повторял цвет ее глаз — деталь, продуманная Лорой. Ее мать одевалась кокетливо и элегантно и часто тратила большие деньги на отрезки качественной ткани.

«Как хорошо на улице! — думала молодая женщина, любуясь растущими вокруг дома деревьями, листва которых поражала количеством оттенков зеленого. — Жаль, что Тошан уехал! Но он прав, Тала не приедет на церемонию бракосочетания, если он сам ее не привезет. И я ее понимаю. Она не смогла бы проехать такой долгий путь одна, да и жить в поселке, хоть и опустевшем, не привыкла. В этом комфорте, которым окружила себя мама, она может чувствовать себя неловко».

Эрмин немного опасалась приезда свекрови. Особое беспокойство она испытывала, представляя, как пройдет их встреча с Лорой. Вот уже неделю привычное течение жизни нарушали приготовления к торжеству. Мирей не знала, за что хвататься в первую очередь.

— Мимин, Мукки проснулся, — позвала молодую женщину Шарлотта. — Покормить его кашкой?

— Если тебе нетрудно. Когда я кормлю его, он все выплевывает. Наверное, мстит мне за то, что я все реже даю ему грудь.

Девочка внимательным взглядом окинула фигуру старшей подруги. Под легкой, слегка прозрачной тканью платья угадывался увеличившийся живот. На этот раз все домочадцы знали, что Эрмин снова беременна.

— Мирей хотела с тобой поговорить, — добавила Шарлотта. — Пойдем со мной в кухню. Скажи, ты не устала?

— Нет, уверяю тебя. Не надо обо мне так волноваться. Я уверена, на этот раз с ребенком все будет хорошо. Я не собираюсь никуда ехать на поезде и много отдыхаю. Он появится на свет не раньше Рождества, я тебе уже говорила.

Они вместе пересекли просторную гостиную, уставленную вазами с букетами живых цветов, фарфоровыми и бронзовыми статуэтками, зеркалами в позолоченных рамах. Лора и Ханс несколько раз ездили в Шикутими за новой мебелью и безделушками, чтобы украсить дом к праздничному застолью, которое последует за брачной церемонией.

— Эрмин, мне нужен твой совет! — воскликнула Мирей при виде вошедших. — Господи Иисусе, сколько хлопот с этим праздником! Мадам желает, чтобы я приготовила все, от основных блюд до десерта. А ведь у нее есть средства, чтобы нанять лучших поваров. Колбасник из Роберваля — настоящий мастер своего дела, но нет, мне придется и колбасу делать

самой! Сколько будет гостей? Кто мне скажет?

Молодая женщина поцеловала своего сына, сидевшего на красивом стульчике из орехового дерева. Шарлотта повязала ему на грудь слюнявчик.

— Держи, моя крошка! Кашка как раз остыла, — сказала домоправительница. — Я добавила в нее меду. Так что, Эрмин, ты знаешь, сколько человек соберется за столом?

— Все Маруа, это точно, — ответила та. — Жозеф, Бетти, Симон, Арман, Эдмон — это уже пять. Мари слишком мала, ее можно не считать. Со стороны Ханса — его мать и старшая сестра с мужем, они по этому случаю приедут из Тюка. Итого восемь... Еще — Тошан, Тала и я! Значит, всего одиннадцать.

— Лора пригласила мэра Валь-Жальбера и мадемуазель Лемэ, мою учительницу, — звонким голосом сообщила Шарлотта. — И кюре из Шамбора, если он согласится приехать.

— Ты знаешь больше, чем я! — заметила Эрмин. — Но о Мелани Дунэ ты забыла. Это была моя идея. Мелани будет так рада еще раз побывать в Валь-Жальбере! К тому же я знаю, что в молодости она мечтала попасть в прекрасный дом сюринтенданта Лапуанта. Когда я приносила ей лекарства от монахинь, она любила со мной поболтать. Этот дом ей очень нравился.

— Ох, грехи мои тяжкие, — проворчала Мирей. — Как я все успею? Так сколько нужно ставить приборов?

— Остановимся на пятнадцати, потому что мама вполне может пригласить еще гостей, — вздохнула Эрмин. — Она хочет, чтобы этот день стал незабываемым. Сегодня вечером она привезет свой подвенечный наряд. И только я одна его увижу. Похоже, у этой портнихи из Шамбора золотые руки. Она скопировала модель французского кутюрье Пуаре, из тюля цвета слоновой кости.

— Когда ты выходила замуж за Тошана, тебе не шили такого платья, — отозвалась Мирей. — Моя крошка, у вас была церемония «на скорую руку», и ты явилась в пустынь Святого Антония в простой зимней одежде.

— Я ни о чем не жалею, — заверила домоправительницу Эрмин. — Я с ума сходила от счастья. Мы с любимым ехали в санях, нас окружала прекрасная дикая природа. И это были сани моего отца.

В голосе ее неожиданно прозвучали грустные нотки. Эрмин часто думала о Жослине Шардене, своем отце, который остался для нее незнакомцем, человеку, чье имя в этом доме никто не осмеливался произнести.

«Мама привыкла называть моего сына Мукки. Однажды вечером она сказала, что это очень красивое имя, к тому же звучит весело. Неужели она

и вправду забыла свою первую любовь? Если бы Тошан умер, смогла бы я через семнадцать лет после его кончины выйти замуж? Да, смогла бы. Я была почти помолвлена с Хансом, ведь я считала, что тот, кого я любила, погиб. Но в то время мы с Тошаном не были настоящей парой...»

Эрмин пришла к выводу, что интимные отношения между мужем и женой играют огромную роль в любовной алхимии. И теперь не сомневалась, что ее мать и Ханс друг для друга уже больше, чем жених и невеста.

«Бетти покраснела бы, узнай она об этом, — подумала Эрмин. — Странно, но меня это не смущает, ведь они скоро поженятся. Это так хорошо — любить и быть любимым! Разве можно упрекать людей в том, что они поддались своим чувствам?»

Улыбаясь, она провела кончиками пальцев по животу. Всей душой она желала как можно скорее зачать второго ребенка, и ее мольбы были услышаны. Этот подарок небес заставил ее забыть о неудачной беременности.

— Эрмин, кажется, Лора вернулась, — сказала Шарлотта. — Я слышала шум машины Ханса.

— Пойду помогу им, — сказала молодая женщина. — У них наверняка много покупок.

— Нет, я пойду! Тебе нельзя поднимать тяжелое! — возразила девочка и вприпрыжку выбежала в коридор.

— Бедная крошка! — заметила невесело Мирей. — Она так заботится о тебе! До сих пор считает себя виноватой в том, что случилось с тобой в Лак-Эдуаре.

Эрмин кивнула. Она попыталась дать Мукки ложку каши, но мальчик, смешливый и сильный для своих восьми с половиной месяцев, поймал ложку и вывернул ее содержимое на слюнявчик. В кухню вошла Лора.

— Дорогая! Мирей! Посмотрите на меня! Мне нельзя его показывать, потому что это часть свадебного наряда, но я не смогла устоять перед искушением: он великолепен! Я заказала его во французском модном бутике. И его прислали из Парижа, представляете? Из Парижа в Валь-Жальбер!

Лора показала им крошечный, невероятно изящный берет, густо расшитый сияющими жемчужинами.

— Изумительный, правда?

— Мама, ты будешь божественно прекрасной, — с воодушевлением заявила Эрмин. — Это любимое выражение Ханса, когда он говорит о тебе.

— Именно так — божественно прекрасна! И дом будет мне под стать

— лилии, белые розы, шелковые гирлянды повсюду! Я купила фонарики, мы повесим их над крыльцом. И свечи, несколько десятков.

— Как бы вас не хватил удар, мадам, — заметила Мирей. — До свадьбы десять дней, а вы уже так волнуетесь!

— Не будь брюзгой, Мирей, — сказала на это Лора. — Завтра — первая примерка. Эрмин, если пойдешь гулять с Мукки, зайди к Бетти. Портниха придет после полудня. Ханс, Ханс!

Пианист вошел в кухню. На нем был элегантный льняной костюм-тройка бежевого цвета. За Цале по пятам шла Шарлотта с маленькой коробочкой в руке.

— Посмотрите, мсье Ханс сменил очки! — объявила девочка.

— А еще я очень устал, — уточнил тот. — Пойду наверх отдохну. Лора, дорогая, с таким ритмом жизни я не доживу до двенадцатого июня.

— Доживешь! У тебя нет выбора! — пошутила Лора.

Эрмин посмотрела на мать. Виду Лоры был цветущий. Платиновые локоны танцевали вокруг грациозной шеи, красивое лицо сияло воодушевлением. «Возможно, даже слишком», — подумалось молодой женщине. Почему-то у нее снова появилось стойкое подозрение, и не самое приятное, что Лора старается забыться в этом водовороте приготовлений и покупок. Как если бы это был для нее прекрасный способ не думать о самом браке...

«Но я ведь спрашивала у нее вчера и позавчера, когда мы оставались наедине, любит ли она Ханса по-настоящему. Мама засмеялась и сказала, что, конечно, любит», — думала Эрмин.

Однако времени на грустные размышления не осталось: раздался стук в дверь.

— О! Это наверняка привезли мои гардении в горшках, которые я заказала в Шамборе! — объявила Лора. — Не беспокойся, я открою!

Из любопытства Эрмин последовала за матерью. Гардении в горшках! Еще одно дорогостоящее чудачество Лоры. При виде этих цветов у всех Маруа и даже у мэра с учительницей глаза на лоб полезут...

— Я не слышала шума мотора, — заметила Лора, выходя в холл.

У Эрмин сжалось сердце. Это было необъяснимо, но в тот момент она испытала жуткий страх. Лора посмотрела на дочь с изумлением.

— Дорогая, ты побледнела!

— Ничего, мамочка. Открывай!

На пороге стоял высокий мужчина. Одет он был в серый костюм и белоснежную рубашку, на голове — кожаная шляпа. Глядя на его бледное лицо, ему никак невозможно было дать меньше пятидесяти, но темная с

проседью борода и усы, подчеркивавшие и без того выразительные губы, очень ему шли. В карих глазах читались волнение и страх. Он молча сжимал в руках папку для бумаг.

«Кто это? — спросила себя Эрмин. — Я уже видела его, но где?»

Лора, словно окаменев, замерла на пороге. На посетителя она смотрела с глубочайшим изумлением. Каким чудом черты Жослина Шардена обрели физическую форму? И если этот человек заговорит, то будет ли его голос похож на глубокий низкий голос ее покойного супруга?

— Мсье, что вам нужно? — неуверенным тоном спросила Лора.

— Мама, что с тобой? — забеспокоилась Эрмин. — Кто это?

— Я твой отец, — ответил незнакомец. — Я — Жослин Шарден.

Глава 9

Боль встречи

Эрмин внимательно смотрела на мужчину, который назвал себя ее отцом. Она прекрасно слышала его слова. Только что тихим низким голосом он произнес: «Я — Жослин Шарден». Это было до такой степени невероятно, что молодая женщина обернулась к матери, словно ожидая немедленного опровержения. Они обе знали, что Жослин похоронен на берегу Перибонки, в десяти километрах от хижины Талы, матери Тошана.

Но Лора словно окаменела. В правой руке она все еще держала расшитый жемчугом беретик. Немая от удивления, она никак не могла прийти в себя. Случилось то, чего она подспудно ждала последние несколько месяцев: ее первый муж, живой и невредимый, явился в Валь-Жальбер. На дворе был ясный день, а не глубокая ночь, и посетитель ни капли не походил на привидение. Она ощущала его прерывистое дыхание, снова открывала для себя его черты, форму бровей и губ. Он устремил на нее взгляд золотисто-карих глаз, в котором читался лихорадочный призыв. Это правда был Жослин, вне всяких сомнений.

— Вы не мой отец, — вдруг заявила Эрмин. — Мама, я уже встречалась с этим человеком. Его зовут Эльзеар Ноле, он был пансионером санатория в Лак-Эдуаре. Я тебе о нем рассказывала. Что привело вас к нам, мсье?

Жослин бессильно развел руками. Со вчерашнего дня он буквально умирал от волнения и едва заставил себя постучать в дверь их дома вместо того, чтобы еще раз уйти ни с чем. Ему понадобилось собрать всю свою решительность, чтобы остаться на крыльце, над которым каменные колонны поддерживали значительных размеров навес.

— Я позаимствовал имя у своего деда, Эльзеара Ноле, но на самом деле я Жослин Шарден. Лора, ты ведь мне веришь? Знаю, мы не виделись семнадцать лет, но ты меня узнаешь?

Лора все так же не сводила с него глаз с расширившимися зрачками, смотрела, затаив дыхание. Значит, она не ошиблась! Эльзеар Ноле, больной туберкулезом, который сбежал из санатория в Лак-Эдуаре, действительно ее муж, Жослин. Мысли, одна безумнее другой, вертелись в голове, сопровождаемые ощущением нереальности происходящего. Она подумала о своей предстоящей свадьбе с Хансом, отдыхавшем в комнате на втором

этаже. Ужасная ловушка захлопнулась за ней. И в первую минуту осознание этого подавило порыв радости. Она ощущала себя и преступницей, и жертвой.

— Но ты ведь умер, — наконец пробормотала Лора. — Ты пустил себе пулю в лоб, и волки до половины обглодали твоё тело... Что произошло?

Она умолкла и сделала шаг назад. Взор её помутился. На лбу Лоры выступили капельки пота, губы пересохли. Она смотрела и не верила собственным глазам. Вдруг ей показалось, что она проваливается в небытие. Побледнев как полотно, она оперлась о стену.

— Мама! — вскричала Эрмин, поддерживая её. — Мамочка!

— Лора, не бойся, — сказал Жослин. — Посмотри на меня, я не сделаю тебе ничего плохого.

Шарден попытался представить её без избытка косметики, с причёской из намного более длинных волос, к тому же не таких светлых, и в менее дорогом платье. И тогда он узнал сияющие глаза своей жены, её слегка замедленную манеру речи. Находясь всего в нескольких шагах от Лоры, он рассматривал на её красивом лице мельчайшие следы, оставленные временем, — несколько морщин, складочки в уголках губ... Однако увиденное внушало ему уверенность.

— Жослин, — позвала вдруг Лора, словно приходя в себя после обморока, — ты здесь? Это ты, правда, ты?

На глазах у пораженной Эрмин её мать бросилась посетителю на шею и прижалась к нему. Жослину показалось, что он слышит неровное биение её сердца. Он обнял рыдающую Лору.

— Ты должен объяснить мне, — умоляла она. — Я должна знать! Господи!

Она много раз повторила «Господи!», не переставая плакать и вздыхать. Вздошная, все ещё скептически настроенная, Эрмин сдерживала слезы.

«Мой отец! Эльзеар Ноле на самом деле — мой отец! — думала она и не могла смириться. — Но ведь там, в Лак-Эдуаре, он знал, что я его дочь. И ничего мне не сказал... Почему? Я представляла его не таким...»

— Мы будем стоять на улице до вечера? — спросил Жослин. — Нам нужно о многом поговорить, всем вместе.

— Да, ты прав, будет лучше, если мы войдем в дом, — согласилась совершенно растерявшаяся Лора. — Нам будет удобно в маленьком кабинете. Эрмин, дорогая, принеси туда графин с водой, у меня во рту пересохло. Столько эмоций! Я сама не своя от волнения! И попроси, чтобы нас не беспокоили. Но ничего не объясняй.

Практические детали — это всегда успокаивало Лору. Она провела Жослина в маленькую комнату, совсем недавно заново обставленную. Не осмеливаясь поднять на него глаза, она сказала:

— Я хочу провести сюда телефон. Мне нужно заниматься делами: в Монреале у меня два завода. Рентабельность неуклонно падает, но это понятно, в стране кризис. Я решила, что буду работать по два часа каждое утро. Еще я заказала полки и шкаф с двенадцатью ящиками. Здесь не так удобно, как в гостиной, но зато нас никто не потревожит.

Взволнованный присутствием своей супруги, он кивнул, стесняясь себя самого. Несколько минут назад она бросилась к нему в объятия. Он навсегда сохранит в памяти этот момент.

«Еще три месяца назад я считал Лору умершей! — подумал он. — И вот я снова почувствовал запах ее волос, ощутил, как ее округлые груди прижались к моей груди. Она не стала колебаться, она обняла меня, а я боялся, что она поведет себя отстраненно, враждебно... И ведь она знает, что я болен, потому что наша дочь видела меня в санатории. Может, она до сих пор меня любит?»

— Садись, Жослин. Вот в это кресло. Господи Иисусе, ты передо мной, живой! В глубине души я знала, что мы еще встретимся!

Она так дрожала, что слова выговаривались с трудом. Ситуация казалась Лоре невероятной, нелепой. И все же это был не сон.

— Нужно, чтобы ты все мне объяснил! — повторяла она.

В это время Эрмин неслышными шагами направлялась к кухне. Она пыталась думать, понять, но напрасно. Приходилось смириться с очевидностью: Лора узнала Жослина, этот человек — ее отец, и сомнений в этом нет. Но она не испытывала ни радости, ни облегчения.

«Сначала он выдавал себя за другого, что не очень-то честно. Потом, если он не умер, то почему не пытался нас искать, маму и меня?» — спрашивала она себя.

Мирей, занятая взбиванием сливок, рассеянно глянула в ее сторону.

— Ну что, эти знаменитые гардении приехали? Если посыльный еще в доме, предложи ему стакан лимонада.

— Нет, это не гардении, — ответила молодая женщина. — К маме пришел посетитель.

— И кто же это? — поинтересовалась Мирей.

Вместо ответа Эрмин налила в графин воды и взяла три стакана.

— Шарлотта, сможешь присмотреть за Мукки часик? — спросила она. — Поступай как хочешь. Можешь покатавать его в коляске или уложить спать. Мне нужно вернуться к маме.

— Конечно, Мимин, — пообещала девочка.

— Скажешь ты мне, наконец, кто пришел? И что случилось? — забеспокоилась Мирей. — Ты белая как простыня, Эрмин! Уж не привидение ли тебе повстречалось в коридоре?

— Не совсем, — попыталась пошутить Эрмин, но в тоне ее слышалась ирония.

Ей не терпелось вновь оказаться лицом к лицу со своим отцом — из элементарного любопытства. Слишком много лет прошло, для нее это был всего лишь незнакомец, да еще и лжец в придачу.

«Когда я была маленькой, я его ждала, я мечтала его увидеть! Я молилась об этом, он мне снился. Узнав, что он умер, я его простила, но и это оказалось ложью. Ему не было дела до нас с мамой».

— Дорогая, входи скорее и садись! — воскликнула при виде дочери взволнованная Лора. — Жослин только что сказал ужасную вещь! До твоего визита в санаторий он считал меня умершей. Это трагическое недоразумение. И всё из-за рассказа Анри Дельбо. Некоторые моменты он истолковал неправильно. Ты поймешь. Так вот, твой отец, скажем так, хотел меня убить, чтобы помешать мне умереть от голода, но не смог выстрелить. Он убежал из хижины. Побродив по лесу несколько дней, он вернулся и, обнаружив могилу, решил, что Анри похоронил в ней меня. Удрученный, он ушел. А потом уехал искать работу в Соединенные Штаты, верно, Жослин?

— Да, именно так все и было, — подтвердил тот.

— Только представь себе, Эрмин! — снова заговорила Дора. — Твой отец узнал, что я жива, из твоего разговора с маленьким Жорелем. Но уже накануне он понял, что ты — его дочь. Удивительное совпадение! Если бы ты не решила отправиться в Квебек, если бы не случилось аварии, мы бы не встретились сегодня! Мне тоже надо кое в чем тебе признаться. Когда в газете я увидела фотографию и ты показала мне Эльзеара Ноле, я была поражена тем, как похож этот человек на твоего отца. Я поехала в Лак-Эдуар, в санаторий, встретила с сестрой Викторианной. Но Эльзеара Ноле там не было! Директор сказал, что этот пациент ушел, никого не предупредив. Я убедила себя, что произошло совпадение, хотя это показалось мне странным.

Эрмин смотрела на мать. Лора была очень взволнована, более того, пребывала в состоянии экзальтации, отчего казалась сама на себя не похожей. Это еще больше возмутило молодую женщину.

— Ты могла бы сказать мне, мама! — воскликнула она. — Если у тебя были сомнения в том, что первый твой муж умер, зачем выходить замуж за

бедного Ханса? А вы, мсье, зачем разыграли передо мной комедию?

Эрмин охватил приступ гнева. Под тяжелым взглядом ее голубых глаз, полным невысказанных упреков, Шарден потерял самообладание.

— Я не играл комедию! — попытался он возразить. — Я был поражен, просто не осмелился поговорить с тобой. Я оставил тебя малышкой и вдруг увидел перед собой красивую молодую женщину, которая пела, как ангел, да еще у нее самой был ребенок. Я почувствовал себя презреннейшим из презренных, и вдобавок старым и больным. Можешь ли ты понять мой стыд и мою боль? Объявить, что я — твой отец, перед всеми, кто был в той столовой? Об этом не могло быть и речи. Ты имеешь право меня ненавидеть, презирать. Господи, все это так непросто! Но я хочу, чтобы ты знала, Эрмин, и ты тоже, Лора, что я пришел не для того, чтобы огорчать вас. Вы научились жить без меня, и давно. Вот только я не мог допустить, чтобы моя законная жена повторно вышла замуж, еще не став вдовой.

— И это единственная причина твоего прихода? — удивилась Лора. Лицо ее окаменело. — Ты не хотел поскорее увидеть меня, познакомиться с дочерью? Жослин, нам так много надо сказать друг другу! Ты должен знать обо мне всю правду. Много лет у меня была амнезия. В Монреале я вышла замуж за человека гораздо старше меня, Фрэнка Шарлебуа. Когда он умер, я унаследовала его состояние. Судьба жестока — незадолго до этого ко мне вернулась память. Это было три года назад. Используя свои деньги, я перевернула небо и землю, чтобы разыскать вас — тебя и наше обожаемое дитя. Сведения об Эрмин я нашла без труда благодаря монахиням из Шикутими, но ты! Ты словно исчез с лица земли! Ты не забрал свой вклад из банка в Труа-Ривьер, никто тебя не видел. В полиции на тебя досье не нашлось. Что до твоих родственников, то они даже не сообразовали ответить на мои письма!

— Зато ответили на мои! — вмешалась Эрмин. — Я написала своим бабушке и дедушке в надежде, что они захотят со мной познакомиться, но они наотрез отказались. Они отвернулись от меня, хотя я ни в чем перед ними не провинилась. И мне было очень больно...

— От себя добавлю, Жослин, что твоя сестра, недолго думая, в письме рассказала Эрмин о моем ужасном прошлом. Так что теперь она знает все, и обо мне, и о тебе. Из-за этого письма чуть не случилась трагедия...

Лора опустила голову. Позже она расскажет своему вновь обретенному супругу о событиях, последовавших за получением письма от семьи Шарден.

«Эрмин решила умереть, сбросившись вниз с вершины водопада, но упала я, а не она. И Ханс спас мне жизнь. Бедный Ханс! Что будет с ним,

когда он узнает?»

Жослин был удивлен услышанным. И искренне взволнован.

— Мне очень жаль! — воскликнул он. — Моя мать поступила дурно, из-за ее жестокосердия и ограниченности мы потеряли столько времени! Но больше всех страдала ты, Эрмин! Доченька, прости! Выслушай меня. И ты тоже, Лора, а потом поступайте как знаете. Я хочу все объяснить и сознаю всю тяжесть моих ошибок. Потом мы вместе решим, что делать. Если ты и вправду хочешь выйти замуж, Лора, нужно будет развестись. Ты же, Эрмин, сможешь презирать меня.

И Жослин стал рассказывать, Бессознательно надеясь смягчить сердце дочери, он начал с вечера, когда оставил ее на пороге монастырской школы.

— Это был самый тяжелый момент в моей жизни, — сказал он со слезами на глазах. — Ты была укутана в теплые меха и выглядела хорошенькой, несмотря на жар, изнурявший твоё тело. Я все время целовал тебя, любовался тобой. Ты была моим самым дорогим сокровищем, и я любил тебя всей душой! Как ты лепетала! Я укачивал тебя, ласкал, давал тысячу обещаний, которые в будущем не выполнил, — вернуться и забрать тебя, если смогу, писать тебе письма. Сердце мое разрывалось от тоски. Лора была больна, ты тоже. Я надеялся, что монахини тебя спасут. Ты должна мне верить, Эрмин, я отдал тебя на попечение монахинь только потому, что твердо верил: это наилучшее решение. И, возможно, единственный способ спасти тебе жизнь. Но я ошибался с самого начала. Мне не нужно было бежать из Труа-Ривьер, увлекая твою мать и тебя за собой в безлюдные дикие места. Моя бедная Лора, ты никогда не жаловалась, хотя тебе пришлось мерзнуть ночами, выносить метели и голод, и, что еще хуже — припадки гнева бродячего пса, которым я тогда был.

Слушая отца, Эрмин рассматривала его лицо. У Жослина был низкий звучный голос, сейчас вибрировавший от волнения. Враждебность, в которой молодая женщина закрылась, как в панцире, понемногу таяла по мере того, как мужчина вел свой трогательный рассказ. С каждой минутой это лицо становилось ей роднее, в то время как его золотисто-карие глаза старались поймать ее взгляд и прочесть в нем прощение.

— Я дорого заплатил за мои ошибки, — продолжал он. — Самая большая из них, Лора, это то, что я считал себя убийцей. Я не мог дождаться, когда наконец скажу тебе это. Я не убил того человека, Банистера Дежардена. Десять лет назад я случайно встретил его на улице в Труа-Ривьер. Я был там проездом и на следующий день собирался уехать. Тогда он отделался несколькими швами на голове. Мы оставили его на

мостовой, да, но он был не мертв, а всего лишь потерял сознание. Помнишь, как я запаниковал? Я словно с ума сошел, представляя себя в тюрьме до конца моих дней, в то время как вы с Эрмин окажетесь без моей поддержки! Как я сожалел о своей трусости! Мне следовало пойти в полицию, объяснить, что произошло, и ничего страшного бы не случилось. Наша жизнь пошла прахом из-за этого случая, из-за моего страха, что меня признают преступником. А ведь мы могли бы жить счастливо, в мире и покое. И вместе воспитывать нашу дочь. Ужас! Столько прекрасных лет потеряно безвозвратно!

Жослин неловко утер слезы, струящиеся по щекам. Лора тоже плакала. Для нее это оказалось слишком.

— Ты был невиновен? — сказала она. — Господи, это не просто ужас, это катастрофа! Она разлучила нас, а наше единственное дитя выросло, не зная своих родителей!

Эрмин растроганно смотрела на них. Она осознала масштаб их семейной трагедии.

«Мои родители! — думала молодая женщина. — Впервые я говорю эти слова, когда они оба рядом со мной...»

И она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Я думаю, вам не помешает подкрепиться, — более доброжелательным тоном сказала Эрмин. — Пойду принесу джина и печенья.

— Спасибо, дорогая, — отозвалась Лора слабым голосом. — Я совсем без сил.

Молодая женщина вошла в кухню. Неутомимая Мирей как раз чистила картошку.

— От меня что-то скрывают? С каких это пор мадам принимает в кабинете, а не в гостиной?

Она говорила шутливым тоном, но в нем слышались нотки волнения:

— Если это судебный исполнитель или нотариус, лучше, если вы мне скажете! Мадам разорилась? Меня увольняют?

— У тебя нет повода волноваться, Мирей, — ответила Эрмин. — Ты скоро узнаешь, кто пришел. Это очень близкий родственник.

— Близкий родственник, — пробормотала та себе под нос. — Рассказывай какие хочешь глупости, моя девочка, но я-то не дуручка! Происходит что-то нехорошее, вот что я думаю!

Эрмин решила, что Мирей, верная своей привычке, должно быть, подслушивала у двери.

— Ну ладно, — уступила молодая женщина. — Только не говори

ничего Шарлотте и Хансу. Мой отец жив! Жослин Шарден жив! Похоже, он узнал, что мама собирается замуж, и решил приехать.

— Господи Иисусе! — воскликнула домоправительница. — Но, глядя на тебя, я бы не сказала, что ты рада!

— Года два назад я украсила цветами его могилу. Я молилась за него, а он в это время жил где-то... Мирей, мне нужен кофе, джин и что-нибудь перекусить.

— Не нравятся мне твои мысли! Эрмин, у тебя теперь есть мать и отец — чем не повод для улыбок?

— Слишком поздно, — отрезала молодая женщина. — Лучше бы он приехал, когда я жила без родителей в монастырской школе. В канун Рождества я часами смотрела на улицу Сен-Жорж и верила, что вот-вот появится упряжка, которой будет править он, мой отец. Но она так никогда и не появилась. Я зла на него, Мирей, это сильнее меня. Но если бы даже я и хотела обрадоваться, это невозможно — он болен туберкулезом.

В нескольких фразах она рассказала домоправительнице, как познакомилась с неким Эльзеаром Ноле, который, по мнению докторов, был обречен на скорую смерть. Этот человек оказался Жослином Шарденом.

— Он не мог за это время выздороветь, — добавила она. — Думаю, он пришел, чтобы попрощаться. И я не хочу привязываться к нему, если скоро мне предстоит его потерять. Но маме снова придется страдать из-за него!

— Он — твой отец, и ты обязана его уважать, — отрезала Мирей.

— Но для меня он чужой! — возразила Эрмин и расплакалась.

Домоправительница встала, вытирая руки о фартук. В порыве искреннего сочувствия она притянула Эрмин к себе.

— Моя крошка, ты совсем извелась. Я вижу, как тебе плохо. Но надо быть сильной, волнения только начинаются, помани мое слово! Свадьбы не будет, мсье Ханс упадет с небес на землю. А тебе нужно беречь себя. Думай о хорошем: скоро приедет Тошан, на Рождество у тебя родится чудесный малыш...

— Тошан! — повторила Эрмин. — Но ведь он привезет Талу! Мы пригласили мою свекровь на свадьбу! Это же катастрофа!

И молодая женщина еще крепче прижалась к Мирей. Доброе отношение и неизменная искренность той действовали на нее успокаивающе.

В кабинете Жослин, пользуясь отсутствием дочери, затронул деликатный момент их с Лорой отдельного существования:

— Я не хочу ничего скрывать от тебя, Лора, ты моя жена перед Богом.

Я считал себя вдовцом и имел связи с другими женщинами. Их было немного. Но об одной, ее звали Алин — мир ее душе! — я должен упомянуть. Это была хозяйка пансиона, в котором я жил, когда работал на лесопилке, недалеко от Ла-Тюка. Она была вдовой и сдавала комнаты, чтобы хоть как-то заработать. Мы скрывали наши отношения: ни я, ни она не хотели вступать в брак. Алин часто кашляла. Она была больна туберкулезом, и от нее я заразился. Ты уже знаешь, что я болен, иначе не жил бы в санатории.

— Я не могу ни в чем тебя упрекнуть, Жослин. Я сама, когда у меня была амнезия, вышла замуж за Фрэнка Шарлебуа. И сейчас тоже готовилась к свадьбе.

— Ты любишь этого человека? — спросил он едва слышно.

Лора не знала, что ответить. Ей не хотелось причинять боль Жослину, и в то же время она пыталась разобраться, что именно чувствует к Хансу.

— Он стал для меня нежным, приятным и терпеливым спутником, — призналась она. — Когда Эрмин уехала, я чувствовала себя очень одинокой, мне нужно было общество. По правде говоря, она не уехала, а убежала, ты ведь не знаешь всей этой истории. Жозеф Маруа, который в то время был законным опекуном Эрмин, запретил ей выходить замуж за Тошана, вернее, за Клемана Дельбо.

— Что ж, я его понимаю, — сказал Жослин. — Признаюсь, узнав о замужестве дочери, я удивился. Но почему ты согласилась на этот неравный союз? Эрмин получила образование, она могла бы стать учительницей. И это кроме того, что у нее талант к пению! Наша дочь заслуживала лучшего!

— Жослин, я запрещаю тебе говорить так! Ты осуждаешь своего зятя, хотя почти не знаком с ним! Ты можешь сказать, что он перебивается с работы на работу, что он метис, и я соглашусь. Но человек он достойный.

Лора знала, что несколько месяцев назад ни за что не сказала бы такого. Сейчас же, стремясь быть справедливой, она сочла своей обязанностью защищать Тошана.

— Как бы то ни было, теперь он член нашей семьи, и я не советую тебе критиковать его в присутствии Эрмин, она непременно покажет свои коготки!

— Я не стану его критиковать. Она и так смотрит на меня как на постороннего, — с горечью отозвался он.

В эту же секунду молодая женщина постучала в дверь. Лора сразу заметила, что дочь плакала.

— Дорогая, иди ко мне! Что вкусенького ты нам приготовила?

— Это не я, а Мирей, — сухо ответила Эрмин.

— Жослин, теперь, когда наша дочь здесь, я хочу, чтобы ты сказал, кто похоронен на твоём месте, там, на севере. Ты думал, что это я, я же была уверена, что ты. Кто же тот несчастный или несчастная, что покоится в той могиле?

— Хм! Я понятия об этом не имею, — тихо ответил он. — Те края оказались не такими уж пустынными. Возможно, там свел счеты с врагом кто-то из золотоискателей. Анри решил, что это я пустил себе пулю в лоб, потому что нашел труп недалеко от хижины. Тело невозможно было опознать: у него не было лица, да и волки съели почти половину.

Это была ложь, однако он покорился желанию Талы оставить в тайне личность умершего. Заинтригованная, Эрмин спросила:

— Откуда вы это знаете? Кто вам сказал?

Пойманный врасплох, Жослин развел руками.

— Уезжая из санатория, я задавался сотней вопросов, — сказал он, вставая. — В Робервале я остановился в одном пансионе и случайно встретился в городе с некой Мелани Дунэ, которая когда-то жила в Валь-Жальбере. Она мне все это и рассказала. Люди любят делиться слухами... Поставь себя на мое место, Эрмин. Я хотел знать. Я увидел тебя и узнал, что моя жена жива. Моя Лора, которую я так долго оплакивал! Я чувствую, что ты не доверяешь мне, думаешь только о том, чтобы я поскорее ушел, но я здесь, чтобы все тайное стало явным. Можешь ли ты представить, каким кошмаром стала для меня жизнь? Я чуть было не убил женщину, которую обожал, чтобы не видеть, как она умирает, не видеть, что она потеряла разум! Сколько раз я порывался убить себя, когда узнал, что любовь всей моей жизни лежит под грудой камней и грубо сколоченным из досок крестом, не получив святого причастия!

Жослин был на голову выше Эрмин. Он слегка наклонился, во взгляде его читалось страстное желание оправдаться.

— И знаешь ли ты, почему я не повесился на первом же дереве? Скажи, ты это знаешь?

— Нет, — выдохнула молодая женщина, находящаяся под впечатлением этого порыва.

— Из-за тебя, моей дочери! Я еще надеялся, что однажды встречу тебя и расскажу трагическую историю твоих родителей. Эта мечта была единственным, что осталось у меня в жизни. Я старался держаться подальше от Роберваля, Шикутими и уж тем более от Валь-Жальбера, и слишком стыдился себя, чтобы пытаться что-то узнать о тебе. Я верил, что монахини позаботятся о тебе. Как горячо я молился! В глубине сердца я

был уверен, что ты, по крайней мере, жива и получаешь образование. Сегодня я наконец тебя вижу, могу к тебе прикоснуться, просто протянув руку, но я понял, что ты меня ненавидишь. Господи, как же здесь душно!

Эрмин заметила, что лоб отца покрыт мельчайшими капельками пота. Лора широко распахнула защищенное москитной сеткой окно, до тех пор лишь слегка приоткрытое.

— Жослин, успокойся! — взмолилась Лора растроганно. — Нам было бы удобнее в гостиной, но я решила, что будет лучше, если никто не станет нам мешать.

Она вынула из кармана носовой платок, смочила его водой и вытерла мужу лоб и виски. Это был жест, показавший сострадание и нежность, как если бы не прошло много лет, как если бы они всегда были вместе здесь, в этом доме. Жослин снова сел в кресло. Он дышал с трудом.

— Мне жаль, что вы так думаете, — быстро сказала Эрмин. — Я не испытываю к вам ненависти, но вы приехали без предупреждения, даже не сочли нужным нам написать. Если бы мы получили письмо, то эта встреча не стала бы для нас с мамой таким шоком. Мы бы к ней приготовились. Откуда у вас наш адрес?

— Мне дала его сестра Викторианна, там, в санатории, — ответил Жослин. — Она понятия не имеет, кто я на самом деле. Я же, как только узнал, где вы живете, сразу отправился в путь. Ничто не могло помешать мне, я был одержим мечтой увидеться с вами.

— Господи, ты уже приходил в Валь-Жальбер! — вскричала Лора. — Значит, снегоступы у крыльца — твои? Признайся, прошу тебя! И ты стоял там, под окнами, когда я объявила день нашего с Хансом бракосочетания!

— Так и было, — согласился он. — Я стоял на улице, в холодной темноте, и смотрел на радостную компанию, собравшуюся в твоей гостиной. Яркий свет, красивые шторы и мебель; все эти незнакомые люди! И ты, Лора, так сильно изменилась... Просто дама из модного журнала в крепких объятиях другого мужчины! Эрмин и Тошан переговаривались на ушко. Господи, мне показалось, что теперь-то я точно умираю, что я всего лишь привидение, проклятая душа, человек, который не имеет права на радости жизни. Не будет больше для Жослина Шардена ни светлых комнат, ни смеха, ни ласки! Ничего не будет! Я сказал себе, что попросту не имею права разбивать ваше счастье, что должен исчезнуть. И я убежал, в очередной раз убежал. Вся моя жизнь — бесконечное бегство...

— Но ведь это было в марте! — вмешалась Эрмин. — Почему вы до сих пор не предприняли ничего, чтобы помешать маме выйти замуж?

— Я знал, что обречен. Лора считала себя вдовой, это я понял со слов

Мелани Дунэ. Я же готовился к смерти, поэтому мог предоставить свободу женщине, которую так любил.

— Которую так любил? — повторила задетая за живое Лора. — Скажи лучше сразу, что больше меня не любишь! И почему ты говоришь в прошедшем времени? Ты больше не обречен, ты не умрешь?

— Похоже, что так, — ответил Жослин. — Я консультировался с доктором в Шикутими. У меня ремиссия.

— И каким же чудом? — спросила взвинченная до предела Лора.

Он только загадочно улыбнулся в ответ. Тала взяла с него обещание, что он никогда никому не расскажет об их короткой связи и ее роли в исцелении. Индианка не разбиралась в медицине, но считала, что человеческий дух временами оказывается сильнее тела. По ее словам, воля к жизни и радость бытия вполне заменяют прописанные докторами лекарства.

— Так решил Господь! — сказал он. — Возможно, это знак, которым он уберег меня от совершения очередной ошибки. Я исповедовался в церкви Сен-Жан-де-Бребеф в Робервале. И священник взял с меня обещание объявить о себе до твоей свадьбы. В противном случае по моей вине ты впала бы в смертный грех. Двоемужество у католиков не приветствуется.

В словах Жослина прозвучала легкая ирония. Это не слишком понравилось Лоре, которая знала его в те времена, когда он был очень набожен и больше всего боялся Божьего гнева, как на земле, так и в загробной жизни. Она хотела задать ему вопрос, когда в маленький кабинет без стука вошел Ханс. На лице его читалось любопытство.

— Вот уже час, как я слышу гул голосов! — воскликнул он. — А Шарлотта поет двадцатую колыбельную. В таких условиях невозможно уснуть! Мсье? Разрешите представиться: Ханс Цале, будущий супруг хозяйки дома.

Эрмин затаила дыхание. До этой секунды она пребывала в раздумьях, испытывая противоречивые чувства, вынуждавшие ее молчать. Неожиданное появление пианиста вывело ее из этого состояния. Она успела подумать, что отец обладает особым магнетизмом: с тех пор как он вошел в дом и заговорил своим низким звучным голосом, молодая женщина была словно околдована.

— Мсье, с кем имею честь? — добавил Ханс.

— Жослин Шарден, супруг Лоры в настоящее время и навсегда!

Смысл этих слов не сразу дошел до ошеломленного Ханса. Он внимательнее присмотрелся к человеку, который произнес их весьма

энергичным тоном.

— Но это полнейшая бессмыслица! — возмутился он. — Лора, дорогая, не позволяй этому типу обмануть себя! Ты всегда говорила, что твой первый муж умер, и хотела поехать к его могиле этим летом. Перед нами самозванец!

— Я могу доказать правдивость своих слов, — заявил Жослин. — В этой папке — мой паспорт, свидетельство о браке и свидетельство о рождении нашей дочери Эрмин. Я вас понимаю, мое присутствие вам не по нраву. Но раз я жив, то обязан помешать вашему бракосочетанию.

Ханс побелел как полотно. Лора, понимая, каково это слышать, потянулась к нему. Глаза Ханса за стеклами очков расширились, и он отшатнулся.

— Мне очень жаль! — вздохнула Лора. — Но это правда, Жослин Шарден — мой первый муж. Я его узнала. Это долгая история, очень запутанная.

— Хотел бы я ее услышать, эту историю! — сердито отозвался пианист. — Мне казалось, что я тоже имею к этому отношение! Ты должна была меня позвать. И вы, мсье Шарден, вы решили появиться в последний момент, чтобы разрушить наше с Лорой счастье? Я не знаю, каким чудом вы остались живы, но решение напрашивается простое — развод! Правда, Лора? Ты ведь попросишь развод? Венчания в церкви не будет, но я без него обойдусь, тем более что мы уже...

Намек был прозрачным. Жослин получил подтверждение своих опасений: его жена и Ханс не стали дожидаться благословения священника, чтобы лечь в одну постель. Эрмин, которая об этом тоже догадывалась, была шокирована, но скорее отсутствием деликатности со стороны Ханса. Он поставил Лору в весьма неловкое положение.

— Замолчи, Ханс! — воскликнула последняя. — Я и так сама не своя от волнения! Никто не виноват в том, что случилось. Но теперь ясно, что мы не сможем пожениться.

Цале смотрел на Жослина со все возрастающей ненавистью. Эрмин и Лора никогда не видели его таким, ведь Ханс всегда был покладистым и терпеливым.

— Мсье Шарден, — начал он, тыча в Жослина указательным пальцем, — предупреждаю, так легко я не сдамся! Я люблю Лору и не уступлю вам свое место. Вы слишком торопитесь! Приезжаете, чтобы разрушить все наши планы! Лора, скажи ему, чтобы катился к черту!

— Ханс, не надо так, — дрожащим голосом попросила Эрмин. — Ты потерял голову. Подумай о маме. Посмотри, она плачет!

И это была правда. Лора рыдала, в смятении заламывая руки. Жослин сделал шаг вперед и посмотрел сопернику в глаза.

— Если моя супруга попросит, чтобы я ушел, я уйду! — заявил он. — Но я не собираюсь исполнять приказы каждого желторотика!

— Останься, Жослин! — воскликнула Лора. — Нам нужно найти общий язык, объясниться!

— Теперь я понял! — выкрикнул Ханс. — Ты собираешься снова жить с человеком, который стал для тебя чужим? Ты разочаровываешь меня, Лора. Прости, но не твой ли первый муж пытался убить тебя в жалкой лачуге на берегу Перибонки? Однажды вечером ты рассказала мне об этом. Эти прекрасные вечера, когда мы вместе сидели возле камина, для тебя больше ничего не значат? Ты предпочитаешь остаться с этим убийцей? С тем, кто заставил тебя бросить дочь, которой не было и года? Bravo! Я терпел твои нервные срывы со слезами, твои таинственные горести, твои капризы, а теперь ты вышвыриваешь меня!

— Нет, Ханс, нет! — возразила Лора. — Я и не думала прогнать тебя!

— Этому парню нужны только твои деньги, — вмешался в разговор Жослин. — Он тебя не любит.

— Я не разрешаю вам судить о моих чувствах, — ответил Ханс, не помня себя от гнева.

Эрмин подошла к матери, которая рыдала, уязвленная словами пианиста. Отголоски ссоры привлекли Мирей. Дверь кабинета осталась приоткрытой, и домоправительница наблюдала за происходящим из коридора, не решаясь войти.

— А вы, Шарден, вы любите свою жену? — агрессивным тоном спросил Ханс. — Если да, то почему вы не искали с ней встречи все эти годы? Да вам должно быть стыдно даже подойти к ней!

До этого момента Жослин сдерживался, чтобы не спровоцировать скандал. Однако видеть так близко разгневанное лицо Ханса Цале, слышать его презрительные слова — это оказалось выше его сил. Еще одной ошибкой было представить его в постели Лоры: ревность проснулась в нем и затмила все остальные чувства.

— Закройте рот, мерзавец! — крикнул он, угрожающе поднимая руку. — Или я...

— Ну же, ударьте меня! — отозвался Ханс. — Давайте выйдем! Вы слышите, Шарден, если хотите драться, я к вашим услугам!

Пианист сделал шаг назад, натолкнувшись на Мирей. Он принял боевую стойку, держа сжатые кулаки перед грудью, как боксер. С удивительной скоростью он открыл входную дверь и поманил Жослина с

крыльца. Последний бросился за соперником, не вняв мольбам Лоры.

Ханс спустился по ступенькам и крепко уперся ногами в землю.

— Я вас жду! — выкрикивал он. — Я не откажусь от той, кого люблю! Я вижу, что вы считаете меня ничтожеством, эдаким фатом! Но я вас не боюсь, можете мне поверить!

Вне себя от злости, Жослин в два прыжка преодолел разделявшее их расстояние и толкнул соперника обеими руками. По правде говоря, ему не хотелось устраивать спектакль перед Лорой и Эрмин. Цале схватил его за воротник рубашки и ударил, вложив в это движение весь свой гнев.

— За кого меня здесь принимают? Сначала дочь отшвыривает меня, как грязный носовой платок, потом мать! А что будет дальше?

Жослин не понял сказанного, но, будучи от природы вспыльчивым, не хотел сейчас ни о чем размышлять. Подбородок ныл от полученного удара. Он отстранился, чтобы эффективнее направить ответный.

— Нет! Прекратите! — взмолилась Эрмин, подбежав к ним. — Не деритесь! Папа, прошу тебя! Не делай ему больно!

Это «папа» согрело сердце Жослина, словно луч солнца. Руки его опустились сами собой. Он всегда вздрагивал, слыша это слово. Но никогда оно не было адресовано ему. Куда бы он ни отправился, где бы ни жил, эти два слога всегда ранили его, слышал ли он их из детских уст в общественном парке, на улице или на пороге магазина. Но это был не сон: Эрмин назвала его папой, сказала ему «ты»...

Молодая женщина тоже удивилась собственным словам. Это был настоящий крик души. Затаив дыхание, она прислушивалась к нежности, заполнявшей все ее существо. Когда-то ей так хотелось произнести это детское слово... С легкой улыбкой на устах она повторила:

— Папа, прошу тебя. И тебя тоже, Ханс. Не деритесь, не надо.

Жослин посмотрел на дочь. Она дрожала от волнения. Внезапно молодая женщина скривилась от боли и согнулась пополам.

— Господи, дорогая, что с тобой? — крикнула Лора, которая держалась чуть поодаль. — Быстрее, помогите мне, ее нужно усадить! Она ждет ребенка!

Огорченный, пианист так и остался стоять, опустив руки. Он не получил ни одного удара и тем не менее чувствовал, что проиграл поединок.

Мирей воспользовалась паузой, чтобы вмешаться:

— Не бойтесь, мадам! Ей просто надо прилечь!

Жослин обнял Эрмин за талию и деликатно помог подняться на крыльцо.

— Сюда, мсье! — указывала ему путь домоправительница. — В холл, потом через витражную дверь, теперь налево. Вы без труда найдете диван.

— Прости, малышка, но я не знал, что ты в положении, — извиняющимся тоном сказал на ушко дочери Жослин.

Лора убежала вслед за ними, даже не взглянув на Ханса. Она помогла Жослину устроить Эрмин поудобнее и нежно погладила дочь по лбу и волосам.

— Моя дорогая крошка! Твои родители приносят тебе только горе и проблемы, — сказала она.

— Мне вдруг стало очень больно, — призналась молодая женщина. — Мама, мне страшно! Я не хочу потерять ребенка! Может, я как Бетти, которой с трудом удавалось сохранять беременности?

— И все же у Бетти четверо прекрасных деток, — сказала Мирей, которая принесла какой-то флакон.

Она капнула пахучую жидкость на кусочек сахара и подала его Эрмин.

— Это мелиссовая вода, тебе станет легче. И в будущем нельзя так волноваться, — добавила домоправительница. — Счастье, что Шарлотта увезла Мукки на прогулку, вы бы напугали девочку. Эти мсье могли бы объясниться где-нибудь в другом месте, не перед домом!

— Мирей, не вмешивайся не в свое дело! — отрезала Лора. — И оставь нас одних! Нам не нужна твоя критика!

— Хорошо, мадам. Простите, мадам.

Жослин был поражен. Он растерянно смотрел, как уходит домоправительница.

«Лора сильно переменилась! — подумал он, внезапно испытав подспудный страх. — Она прекрасно играет роль богатой дамы. Когда мы были вместе, она ни с кем не заговорила бы в подобном тоне. А теперь так легко отдает распоряжения! Эта женщина, будучи старше, кланяется и исполняет!»

Это нравилось ему так же мало, как и богатое убранство комнаты, которую он окинул неодобрительным взглядом. Но тут Эрмин кашлянула, и все его мысли переключились на дочь.

— Тебе лучше? — обеспокоенно спросил он.

— Да, боль почти прекратилась, стоило только прилечь, — ответила она.

— Полежи еще немного, — посоветовала Лора.

Молодая женщина внимательно посмотрела на отца. Жослин ощутил неловкость и попытался улыбнуться.

— Я землю готов перевернуть, когда ты называешь меня «папа», —

попытался он пошутить. — Если бы я знал о твоём состоянии, я бы не стал устраивать драку.

Эрмин подумала, что ей приятно слышать эти слова. Что-то подсказывало ей, что он не привык к семейным отношениям, к той доверительности, которая рождается из ежедневного общения. Жослин был одиночкой с тяжелым характером, и его попытки смягчить свою несколько грубоватую природу очень трогали.

Лора услышала шум на втором этаже. Он доносился из комнаты, которую во время своего пребывания в Валь-Жальбере занимал Ханс.

— Господи, он собирается уехать! Я должна с ним поговорить! — воскликнула она. — Жослин, позаботься о нашей дочери!

И она убежала, не дав ему времени ответить. Разрываясь между прошлым и настоящим, Лора не знала, что ждет ее в будущем. Не знала, как поступить.

И правда, пианист торопливо собирал свой чемодан.

— Ханс, прошу, выслушай меня! — взмолилась женщина. — Только что в кабинете ты сказал мне неприятные вещи, но я тебя прощаю, ты был взволнован. И для волнения была причина, я должна это признать. Жослин пришел к нам в дом, когда ты спал, и я не собиралась закрыть дверь у него перед носом. Я запаниковала и даже не подумала, что нужно тебя разбудить. Ничего еще не решено, нам надо все обсудить!

— Я не останусь в этом доме ни одной лишней минуты! — сказал он. — Без меня вам будет спокойнее беседовать. Лора, я не слепой и не глупец! Этот человек — твой муж, и у него есть на тебя права. Мне же остается только уйти. Знала бы ты, как на него смотрела! Так, словно готова последовать за ним на край света!

— Разве это моя вина? — возразила она. — Я узнала его сразу же, как если бы мы не расставались на многие годы. Думаю, это из-за моей амнезии. Несколько секунд — и мне показалось, что мы снова близкие люди. Может, тот отрезок времени, о котором у меня не осталось воспоминаний, не считается? Жослин жив, и это, конечно, все меняет. Но я все еще испытываю чувства к тебе, Ханс! Ты мне очень дорог, я не хочу, чтобы ты был несчастен!

Ханс смял шелковый шейный платок и швырнул его на пол. Лора увидела, что он сдерживает слезы.

— Спасибо тебе за это «все еще испытываю чувства к тебе!» — сухо проговорил он. — Завтра их станет меньше, послезавтра — не останется вовсе. А я жестоко страдаю, потому что я тебя уже потерял. Даже если бы ты страстно меня любила, хотя об этом речь никогда и не шла, ты все равно

выбрала бы Жослина, потому что он твой муж, отец твоей дочери. Снова ты отдаешься на волю providения, подчиняешься обстоятельствам!

— Ханс, куда ты пойдешь? — грустно спросила Лора. — Тебе нужны деньги?

— Я возвращаюсь в Роберваль, в мою квартиру. Она наполовину пуста, потому что я перевез сюда два чемодана и мои книги, но я доверяю тебе — ты мне их пришлешь. Что касается денег, то я и так стоил тебе немало.

Последние слова Лора восприняла как оскорбление. Униженная, она отступила на шаг.

— То, что ты только что сказал, омерзительно! — возмутилась она. — Скоро ты скажешь, что я оплачивала твои услуги. Как ты можешь?

— Я чувствую себя отвратительно, — сказал он. — Ты и твоя дочь... У вас камень вместо сердца, вот что я понял. Эрмин была рада опереться на меня, когда ей нужна была поддержка. И предпочла мне Тошана, стоило ему появиться после этой предполагаемой трагической гибели. Похоже, это у вас наследственное! Думаешь, я мало страдал? Я любил ее! Потом я решил, что нашел утешение в твоём обществе. Мы стали очень близки, и нам было трудно обходиться друг без друга. Будущий брак много для нас значил. Мы строили такие планы! И вот почти накануне свадьбы появляется твой первый муж, с тем чтобы занять свое законное место. Если бы ты оставила мне хоть малейший шанс! Но нет, ты этого не сделала! Я не считаюсь, я не настолько красив и мужественен!

Несмотря на свой гнев и разочарование, Лора никак не могла решиться выйти из комнаты. Она испытывала к Хансу глубочайшее сочувствие.

— Ты заблуждаешься, Ханс. Ты не прав, уверяю тебя, — со вздохом сказала она. — С тобой я была очень счастлива, мне было хорошо. Но я снова смиряюсь с судьбой. Если Жослин остался жив, если нашел меня, это знак. Мы должны закончить наши дни вместе и дать Эрмин то, чего у нее никогда не было, — семью. Мне очень жаль, поверь.

— Не говори ничего больше, Лора, я хочу уйти! Мне нужно предупредить сестру и мать, что свадьба отменяется. Они так обрадовались! Больше всего они боялись, что я умру холостяком. И оказались правы.

— Ты еще встретишь достойную молодую женщину, которая сумеет тебя полюбить! Ханс, прошу, верь в это, и умоляю, не вздумай делать глупости!

Пианист смерил Лору холодным взглядом и, усмехнувшись, взял свой чемодан.

— Ты думаешь, я могу убить себя из-за такой, как ты? Музыка утешит меня, она станет моей единственной возлюбленной. Прощай, Лора!

Он вышел, хлопнув дверью. Она же села на край кровати и разрыдалась.

До Эрмин и Жослина, остававшихся в гостиной, доносились отголоски разговора. Они оба молчали, стесняясь друг друга. По коридору прошел Ханс, не удостоив их словами прощания. Это заставило отца и дочь наконец заговорить.

— Я знал, что для Цале это будет нелегко, — сказал Жослин. — Мне он совершенно несимпатичен, и все же я ему сочувствую.

— Я тоже, — призналась Эрмин. — Ему снова не повезло. А ведь он очень внимательный и обходительный! Когда я пела в «Château Roberval», три года назад, Ханс аккомпанировал мне на фортепиано. Потом давал мне уроки пения. И он сказал правду: несколько недель мы с ним были помолвлены. Я была уверена, что Тошан, которого я любила всей душой, погиб при пожаре. Я так огорчилась, что серьезно заболела. Ханс вернул мне надежду. Он показал себя таким предупредительным и милым... Мне тоже его жаль. Должно быть, ужасно пережить такое. Но я никогда не думала, что он способен вести себя так вызывающе...

Сидевший рядом отец, не отрываясь, смотрел на нее. В день долгожданной встречи судьба Ханса волновала его меньше всего.

— Какая ты красивая, крошка! — восторженно заметил мужчина. — Я часто пытался представить, какой ты будешь, когда вырастешь. Я видел тебя похожей на Лору в молодости — с каштановыми волосами и светлыми глазами, но Господь одарил тебя щедрее: у тебя прекрасные белокурые локоны и глаза такие же ясно-голубые, как летнее небо.

— Спасибо, мне приятно, что вы находите меня симпатичной, — отозвалась молодая женщина.

— О нет! Только не обращай ко мне так, словно я чужой! — взмолился Жослин.

Эрмин с улыбкой кивнула. Взгляд ее задержался на лице отца. Он показался ей более привлекательным, чем в то время, когда жил под именем Эльзеара Ноле.

— Вы можете снять шляпу... Я хотела сказать, ты можешь снять шляпу, мы ведь в доме, — сказала она.

— Может, все же не надо? Мужчины тоже иногда бывают склонны к кокетству... У меня приличные залысины, и я думал, что, увидев их, Лора будет разочарована. Если ты заметила, я придерживал одной рукой шляпу, когда толкнул этого беднягу Цале!

Это признание поразило Эрмин. Она вдруг осознала, через какое испытание проходят сейчас ее родители. Они встретились после очень долгой разлуки. Им предстояло рассказать друг другу о своей жизни, смириться с тем, что вновь обретенный супруг — уже не тот, что прежде.

— Уверена, мама не обратит на это внимания, — сказала она. — Она, конечно, собиралась за Ханса замуж, но с тех пор, что мы с ней вместе, она много рассказывала мне о тебе, папа. Я знаю, она искала тебя везде, когда к ней вернулась память. И перед тем, как принять решение повторно вступить в брак, мама долго колебалась, ей казалось, что она тебя предаст.

— Спасибо, моя дорогая девочка, — сказал растроганный до глубины души Жослин. — Этими словами ты исцеляешь мои раны.

Эрмин инстинктивно взяла отца за руку. Он сжал ее пальчики — изящные и чуть холодные.

— У меня была мечта: держа тебя за руку, гулять по улицам Труа-Ривьер, — охрипшим голосом сказал он. — До этого трагического недоразумения, заставившего нас с Лорой скрываться, я был честным человеком и радовался супруге и ребенку, которого она мне подарила. Ты могла бы вырасти в этом городе. У меня были грандиозные планы! Я часто смотрел на тебя, спящую в колыбели, и обещал себе, что, когда ты подрастешь, мы будем вместе кататься на коньках, мечтал о том, как отведу тебя в школу. Еще я надеялся, что у тебя будут братья и сестры. Но все это так и не сбылось. Эрмин, прости меня! Я не сумел сыграть роль отца, который должен защищать свое дитя, беречь его...

— Папа, — перебила она его со слезами благодарности на глазах, — я тебя прощаю. Я показала себя жестокой и злопамятной, но это потому, что в детстве я много страдала. Многие годы я ждала вас с мамой. Жизнь непредсказуема... Когда я жила в семье Маруа, наших теперешних соседей, мне часто снился один и тот же сон: высокий мужчина в черной одежде, с бородой, правит собачьей упряжкой. И я просыпалась с уверенностью, что это был ты, мой отец.

Жослин любовался ею, ослепленный красотой ее лица и волос. Если бы спросили его мнения, он сказал бы, что Эрмин — воплощение ангельской красоты, не лишнее при этом чувственного шарма.

— Но кое-что хорошее я в жизни все-таки сделал, — заключил он. — Тебя, моя дорогая крошка! Если бы только можно было вернуться назад, все начать с нуля! Но нет, мне есть за что благодарить Провидение. Я уже получил великолепный подарок — наше знакомство, эти минуты, которые мы провели вместе. Знаешь, Эрмин, когда я жил в санатории, то все время думал о самоубийстве. Если все равно скоро умирать, то какая разница,

днем позже или раньше? Я говорил себе, что болезнь забирает мои последние силы, что я никогда тебя больше не увижу. Это было невыносимо. И я подолгу молился. Господи, я за всю свою жизнь столько не молился! Я умолял небо послать мне исцеление или сотворить чудо, чтобы ты пришла ко мне. И Господь внял моим мольбам: доктора говорят, что у меня ремиссия, а ты теперь рядом со мной!

Эрмин какое-то время размышляла над услышанным, потом сказала:

— Я тоже в детстве молилась о том, чтобы увидеться с родителями. Наверное, я была слишком нетерпелива, поэтому скоро отчаялась. И вот сегодня моя мать и мой отец собрались под одной крышей. О, как бы я хотела, чтобы мы остались вместе!

И молодая женщина склонила голову на плечо Жослина. Они оба тихо плакали. Лора увидела их через дверной проем. Неожиданная картина вырвала из ее сердца острую иглу, которой стала эта полная треволнений встреча. Пока она оплакивала уход Ханса и его жестокость, ее мужу и дочери удалось исцелить кровоточащую рану многих лет забвения и разлуки.

Эрмин увидела ее сквозь ажурную занавеску.

— Мапочка, иди сюда! Прошу тебя!

Лора подошла. Она тоже жаждала утешения, нуждалась в нежности, только их нежности — Эрмин и Жослина.

— Подвиньтесь, и я присяду, — попросила она.

Жослин усадил ее слева от себя и поспешил обнять, очень ласково. Теперь одной рукой мужчина обнимал свою жену, а другой — свое дитя. Всей душой он мысленно благодарил красивую индианку, Талу, волчицу, которой был обязан этим благословенным моментом. Лора прижалась щекой к его плечу, Эрмин последовала примеру матери. Они утратили ощущение времени и пространства.

И вдруг, словно по мановению волшебной палочки, вернулись с небес на землю: Мирей вышла из кухни и проследовала по коридору. Она увидела, как к дому подходит Шарлотта. Девочка вернулась с прогулки и без помощи взрослого не смогла бы занести на крыльцо детскую коляску. Мукки пронзительно кричал, требуя свою овсяную кашу. В сарае залаяли собаки Тошана — должно быть, это юный Арман Маруа, который кормил их и выгуливал, подошел к собственноручно возведенной постройке, где теперь ютились животные.

— Папа, я хочу познакомить тебя с моим сыном — Жослином Мукки Дельбо!

— И показать твои сани! — с улыбкой добавила Лора. — Они здесь,

под навесом. Прекрасные сани из темного дерева, которые ты купил для меня и которые обошлись тебе в круглую сумму. Помню, ты говорил: «Королевские сани для моей принцессы Лоры!» Тошан хорошо за ними ухаживает. Они совершенно целые. Спинку по-прежнему украшает узор из сосновых шишек и дубовых листьев и наши инициалы — «Л» и «Ж»!

Жослин не верил своим ушам. Он вскочил было с места, чтобы выбежать в коридор, но тут в гостиную вошла Шарлотта с ребенком на руках.

— Здравствуйте, мсье! — сказала она вежливо, всматриваясь в лицо незнакомца.

Вдруг она испуганно взглянула на Эрмин и добавила:

— Здравствуйте, мсье Эльзеар!

Молодая женщина подошла и взяла сына на руки, не забыв погладить девочку по щеке.

— Не беспокойся, дорогая! Ты, я вижу, узнала пациента санатория, но на самом деле это мой отец, муж мамы, Жослин Шарден.

— Ах! — сорвался возглас с губ изумленной девочки. — Здравствуйте, мсье Шарден!

Мирей нервно теребила свой фартук. Быстро, но уважительно она сказала:

— Мадам, прикажете подавать полдник? Я испекла оладьи. С вишнями и сметаной, которую привез молочник из Шамбора, это будет очень вкусно!

— Прекрасно, Мирей! Накрывай на стол, — согласилась Лора. — Прости, что нагрубила тебе, но я была так взволнована...

— Все забыто, — отозвалась домоправительница. — Я понимаю, вы были не в себе из-за всех этих хлопот!

Жослин спрятал улыбку. Мирей ему определенно нравилась. Равно как и Лора с Эрмин, он не знал, что готовит ему завтрашний день и где он будет спать сегодня ночью. Ситуация оставалась сложной. Однако ничто не мешало ему насладиться июньским солнцем, лепетом маленького Мукки и улыбками двух женщин, которых он обнимал.

— Ты голоден, Жослин? — ласково спросила Лора.

— Я изголодался по счастью! — ответил он. — Я так давно его не испытывал!

И супруга пообещала, что он еще познает его вкус, послав ему ясный взгляд, в котором снова читалось пылкое чувство.

Глава 10

Жослин Шарден

Валь-Жальбер, вечер того же дня

Мирей и Шарлотта были в кухне одни. Красноватые отблески огня танцевали на выставленных в ряд медных кастрюлях. Сквозь открытое окно в комнату проникал посвежевший с приходом вечера воздух. Девочка сидела в задумчивости над тарелкой супа.

— Почему я ем здесь и так рано? — спросила она полусшепотом.

Домоправительница в это время поджаривала на сковороде ломтики сала.

— Так решила мадам, мое дело подчиняться, — ворчливым тоном ответила она. — Здесь не я командую! Весь дом вверх дном, и всё из-за возвращения мсье Жослина. Скоро он станет здесь хозяином, я это сразу поняла, вид у него властный!

— Правда, странно — считаться умершим много лет, а потом воскреснуть, — сказала Шарлотта.

— Помолчи лучше! — буркнула Мирей. — Они на улице, гуляют. Доедай скорее и иди спать. Мадам, мсье Жослину и Эрмин нужно поговорить в спокойной обстановке. Они еще не скоро наговорятся, помани мое слово! Когда я думаю об этом бедном мсье Хансе, у меня сердце кровью обливается. Он был сам не свой от ярости.

Мирей замолчала, хотя на языке вертелась еще добрая дюжина замечаний. Ей не хватало собеседника, способного поддержать разговор, ведь Шарлотта была еще слишком маленькой, чтобы слышать некоторые вещи.

— А как же свадьба? — спросила девочка.

— Какая свадьба, глупышка? Ее не будет. Мне-то жаловаться нечего — не придется готовить банкет...

У Шарлотты на глаза навернулись слезы. Ей очень нравилось красивое платье, которое на днях привозила на примерку портниха из Шамбора. Девочку одолевали мрачные мысли. Что, если мсье Жослин не захочет, чтобы она жила в доме Лоры, и отдаст ее обратно Бетти? Все начнется сначала: Жозеф Маруа заставит ее пасти корову, большую и страшную, и

станет все время жаловаться, что она ест его хлеб. Конечно, с ней будет Эдмон, ее верный товарищ, но за Мукки она больше ухаживать не сможет.

— Да что с тобой такое? — спросила Мирей. — Почему сидишь надувшись?

— Я не хочу есть. Пойду-ка спать, — ответила девочка.

— Иди, лучше покушаешь утром.

Домоправительница горестно вздохнула. Шарлотта встала, прошла по коридору и бесшумно поднялась по лестнице. Проходя мимо комнаты Эрмин, она услышала тихую колыбельную. Девочка остро нуждалась в утешении, поэтому просунула голову в полуоткрытую дверь.

— Заходи, Лолотта, — нежно позвала молодая женщина, баюкая сына.

— Мимин, ты не на улице?

— Я поднялась десять минут назад, Мукки заснул. У тебя невеселое лицо...

Эрмин приобняла свою маленькую подопечную. Девочка закрыла глаза, она почти успокоилась. Пусть Эрмин называет ее Лолотта, лишь бы подольше оставаться с ней рядом...

— Я не понравилась твоему отцу? — спросила она тихо. — Теперь, когда он вернулся, мне всегда придется ужинать в кухне?

— Как такое пришло тебе в голову? Он тебя совсем не знает, и ситуация очень непростая. Им с мамой нужно объяснить, на это может уйти много часов, а то и дней. Сегодня вечером мы втроем поужинаем в столовой. Тебе с нами было бы неловко.

— Мимин, я не хочу возвращаться к Бетти, — осмелилась признаться Шарлотта. — Она добрая, но Жозеф...

— О нет! Неужели ты подумала, что мы прогоним тебя? — воскликнула раздосадованная Эрмин. — Никогда этого не будет. Дорогая! Ты — моя маленькая сестричка, и я хочу, чтобы ты как можно дольше оставалась со мной!

Вместо ответа девочка бросилась ей на шею. Растрогавшись, Эрмин поцеловала ее в лоб.

— Знаешь, как поступим, Лолотта? Иди к себе в комнату, надень ночную рубашку, возьми куклу и книжку, возвращайся и ложись на мою кровать. Получится, что и Мукки не будет один, и мы с тобой завтра проснемся вместе.

Личико Шарлотты озарилось радостью. Совершенно успокоенная, она убежала к себе в комнату.

«Так легко осчастливить ребенка, чтобы он снова улыбался, — подумала молодая женщина. — Немного нежности, доброе слово, и к нему

возвращается надежда! Но взрослым этого мало...»

Она никак не могла до конца поверить, что ее отец здесь. После полдника, во время которого они, по ее мнению, говорили мало, в основном обмениваясь банальностями, Лора показала Жослину их старые сани.

«Маме было не по себе! — вспоминала Эрмин. — Она слишком много смеялась, говорила невпопад. Уверена, она беспокоится о Хансе, или, быть может, думает, что должна подробно рассказать мужу о своей жизни без него...»

Участь пианиста не была ей безразлична. За три года Ханс стал для молодой женщины дорогим другом, почти членом семьи. Эрмин достаточно настрадалась в жизни, чтобы понять, как ему должно быть больно. Сияющая Шарлотта вернулась, отвлекая ее от невеселых размышлений.

— Солнышко, быстрее ложись в постель! — сказала Эрмин с улыбкой. — Я постараюсь прийти пораньше.

— Может, я еще не засну, когда ты придешь, — предположила девочка. — Я так тебя люблю, Мимин! Ты рада, что твой папа нашелся?

— Да, рада, — ответила молодая женщина. — Что ж, Мукки крепко спит, и мне пора в столовую.

Эрмин с порога комнаты послала Шарлотте воздушный поцелуй и вышла. Ей предстояло провести вечер в обществе своих родителей. Эрмин до сих пор верилось в это с трудом и почему-то не получалось по-настоящему этому радоваться.

Лора, которая как раз усадила Жослина за большой стол в столовой, пребывала в похожем расположении духа, но по другим причинам, более интимного свойства. Она была счастлива, что ее первый муж вернулся, и все же это возвращение обещало столько перемен в жизни, что она даже не пыталась скрыть свой страх. И, как следствие, вела себя неестественно, была наигранно весела.

— Надеюсь, дом тебе нравится, — говорила она в тот момент, когда к ним присоединилась Эрмин. — В поселке мало жителей, но я научилась наслаждаться нашей изоляцией. К тому же Шамбор и Роберваль не так уж далеко. А, вот и ты, дорогая, мы тебя ждем!

— Мукки никак не хотел засыпать, — пояснила молодая женщина. — Я очень проголодалась.

Жослин по очереди смотрел то на жену, то на дочь. Для него ситуация тоже была из ряда вон выходящей. Снова и снова он любовался завораживающей грацией своей дочери. Она распустила узел на затылке, и теперь ее светлые волосы гибкими волнами струились по миниатюрным

плечам. В цветастом хлопчатобумажном платье Эрмин являла собой воплощение весны во всем ее сияющем великолепии. Лора, одетая более изысканно и умело подкрашенная, тоже казалась ему очень красивой. Неожиданно для себя он подумал о Тале. Воспоминания о короткой связи с индианкой его смущали, и в то же время ему было лестно думать, что он еще на многое способен как мужчина. Благодаря их тайным объятиям он подписал новый пакт с жизнью и надеждой.

— У вас получилось поговорить? — спросила молодая женщина осторожно.

— Да, — ответила ее мать. — Я водила Жослина к монастырской школе, но дальше мы не пошли, чтобы случайно не встретить Жозефа или Бетти. Мне придется им объяснить, что происходит, но позже. Завтра, я думаю.

— Твоя мать рассказала мне, почему вы взяли к себе Шарлотту, — добавил Жослин. — Это очень добрый поступок.

Он опустил голову и несколько секунд играл своей вилкой. В столовую вошла Мирей с супом. Поставив его на стол, домоправительница отвесила неловкий поклон и удалилась.

— Честно говоря, странно видеть, что вокруг меня вертится прислуга, — сказал Шарден.

— Но ведь в санатории пациентам тоже все подают готовым, — заметила Эрмин. — И это, похоже, тебя не раздражало.

— Это не одно и то же, — отрезал он.

— Я знаю Мирей много лет, — сказала Лора. — Она очень добрая и внимательная. Я не смогу обойтись без нее. Кстати, она уроженка Тадуссака.

Жослин промолчал. Он пытался представить себя в этом доме, в Валь-Жальбере, рядом с женой, дочкой, Шарлоттой и домоправительницей. Лора, обиженная его молчанием, снова вспомнила о Хансе. Было очень трудно, даже невозможно вычеркнуть любовника из жизни за несколько часов.

«Еще вчера мы были вдвоем здесь, в этой комнате. Я говорила о праздничном банкете, который последует за церемонией бракосочетания. Как мы смеялись! И эта его милая привычка без конца брать мою руку в свою и целовать пальцы... Часто он играл на фортепиано, очень тихо, и всегда — мои любимые вещи. Господи, что с ним творилось сегодня! Он всегда был само спокойствие и выдержка...»

— Тошан и Тала скоро приедут, — сказала Эрмин, которая испытывала и радость, и смущение. — Они тоже удивятся, узнав, что папа вернулся.

— Прекрасный повод собраться всем вместе! — воскликнула Лора. — Мы объясним им, что произошло. Дорогая, я давно мечтаю познакомиться с матерью твоего мужа. Надеюсь, ей у нас будет комфортно...

Жослин кивнул. Он один знал точно, что Тала не приедет. Она обещала ему. «Когда сын соберется везти меня в Валь-Жальбер, я скажу, что не могу ехать с ним, — сказала индианка теплым, слегка хриловатым голосом. — Он не станет принуждать меня. Об этом можешь не беспокоиться».

Эрмин с нетерпением ждала Тошана. Молодая женщина не знала, как видят ее родители свое ближайшее будущее, но сама она хотела как можно больше времени проводить с любимым супругом.

— Завтра мне нужно отменить церемонию, приглашения и все остальное. Если хочешь, Жослин, мы можем очень скоро начать совместную жизнь.

Это было сказано доброжелательным тоном, однако в нем чувствовался потаенный страх. И мужчина понял, в чем дело.

— Нам некуда спешить, — отрезал он. — И если это случится, то не здесь. Этот дом мне не принадлежит, и я всегда буду чувствовать себя здесь посторонним. Нужно продать его и купить жилье в Робервале. Это замечательно — жить на берегу озера Сен-Жан.

— Никто не купит этот дом, Жослин! — возразила Лора. — В Валь-Жальбере осталось порядка пятидесяти жителей, их дома расположены вдоль региональной дороги. Этот квартал давно опустел, и только Маруа являются собственниками своего дома на улице Сен-Жорж. Я намерена оставить этот дом Эрмин.

— Если так, составь на ее имя дарственную, зачем ждать? Я не собираюсь доживать свои дни на деньги Фрэнка Шарлебуа.

Вошла Мирей с дымящимся блюдом, и дискуссия затихла.

— Фрикасе из курятины с брюквой, мадам! Брюкву принесли с огорода Жозефа Маруа, она очень хороша!

Лора рассеянно кивнула. Она и не думала, что деньги, а также имущество, которые она унаследовала от второго супруга, могут стать проблемой. Эрмин решила, что с нее хватит и будет лучше, если она пораньше ляжет спать. Но трапеза была не закончена, и молодая женщина попыталась разрядить обстановку.

— Вы обязательно придумаете, как быть, — сказала она ласково. — Но тет-а-тет. Меня это совсем не касается. Может, расскажете мне о своем медовом месяце или о том, как жили незадолго до моего рождения? Только что, в гостиной, папа рассказывал мне о своих планах, когда я была младенцем. Это было очень трогательно. Ты никогда не рассказывала мне

подробно об этом времени, мама!

— Скажем так: я не решалась, дорогая. Это глупо, знаю! Но теперь, когда ты сама мать, я не буду смущаться. Только не сегодня вечером, хорошо? В другой раз...

— Я могу познакомить тебя со своей семьей, Шарденами, — предложил Жослин. — Моего отца звали Констан. На прошлой неделе я узнал, что он умер.

Молодая женщина сделала гримаску.

— Я знаю. Первое письмо, которое я получила, было подписано «Констан Шарден». Второе написала твоя сестра Мари.

— Бедная моя Мари! Она осталась старой девой и теперь преданно ухаживает за больной ревматизмом матерью, которой семьдесят пять лет. Мари каждый месяц приезжала ко мне в санаторий. Мне понадобилось захворать, чтобы она простила все мои так называемые прегрешения, особенно брак с Лорой.

Эрмин подавила вздох. Никогда ей не забыть, что написала в своем письме Мари Шарден, а последние строки она знала наизусть:

«Я признаю, что вы не виноваты в грехах ваших родителей, поэтому буду за вас молиться. Вы носите наше имя — это оскорбление, которое заставляет меня бесконечно страдать, но ваша мать и так обесчестила его навсегда. Да будет милостив к вам Господь».

— Я рада, что мы встретились, папа, — сказала молодая женщина тепло, — но не думаю, что твои мать и сестра когда-нибудь захотят со мной познакомиться.

— Все в жизни меняется, — возразила Лора. — И доказательство тому то, что ты, Жослин, со мной. И дочь хочет услышать наши воспоминания. О чем же мы ей расскажем?

— Я бы рассказал, что в день ее крестин, в феврале 1915 года, была метель, — сказал Жослин. — Настоящая снежная буря! Знай, моя маленькая Эрмин, что я нес тебя в церковь под своей накидкой из толстого драпа. И был очень горд. А твоя мать выглядела изумительно: я подарил ей шапочку из белого меха. Думаю, в тот день я чувствовал себя самым счастливым мужчиной на свете.

— А потом мы пошли обедать в гостиницу с рестораном, — подхватила Лора. — Ты была таким спокойным ребенком, дорогая! Ты спала у меня на руках, такая красивая в своем платье с кружевами. Я благодарил Бога за то, что он послал мне столько счастья!

И супружеская чета обменялась взглядами, полными бесконечной грусти. В этот момент оба они горько сожалели о том, что им пришлось расстаться. Жослин, похоже, угадал мысли своей жены, поскольку сказал едва слышно:

— Мы могли бы быть так же счастливы, без всех этих лет разлуки! Господи, я все потерял из-за своей трусости!

— Не говори так, Жослин! — сказала Лора с возмущением. — Как ты мог забыть, что я и только я виновата в том, что случилось? Ты хотел спасти меня от моей презренной участи, ты женился на мне. Неудивительно, что ты решил, будто убил этого человека, моего мучителя. Но подумай сам, если бы ты не полюбил меня и не стал от него защищать, ничего бы не случилось. По сути, твои родители и сестра были правы, из-за меня ты погубил свою жизнь. И как теперь быть с прошлым, которое нас разделяет? Ты не хочешь жить здесь, ты злишься на меня из-за того, что я богата, элегантно одета и так не похожа на ту Лору, которую ты некогда обожал. И у тебя есть на это право! Самое ужасное то, что я никогда не смогу снова стать молодой женщиной, которая зависела от тебя во всем. Я никогда не стану той Лорой, которую ты любил!

Щеки Эрмин пылали. Она допустила ошибку, попросив родителей рассказать что-нибудь об их общем прошлом. Жослин оторопело смотрел на Лору.

— Я ничего подобного и не требую! Господи, Лора, нужно ли рвать друг другу сердце, вспоминая о прошлых ошибках? Я тоже изменился. Многие годы я колесил по Канаде и Штатам, пребывая в уверенности, что убил двух человек. На моей совести была смерть Банистера Дежардена и твоя, что переживалось куда тяжелее. Я пил карibu, пока не падал пьяным под стол, иногда ввязывался в драку. Я стал жестоким, раздражительным, подозрительным — в некотором роде парией. Об остальном я говорить не хочу, по крайней мере, в присутствии дочери.

Приход Мирей снова заставил его замолчать. Домоправительница принесла десерт. Лора к своей тарелке так и не притронулась.

— Может, еще не пора, мадам? — вежливо поинтересовалась экономка.

— Нет, я не голодна, можешь убирать посуду.

Мирей поставила перед каждым огнеупорную чашку с яблочным компотом, накрытым «крышечкой» из запеченных в духовке взбитых белков.

— Шарлотта обожает этот десерт, — заметила Эрмин. — Я отнесу ей свой, уверена, она еще не спит. В общем, я иду спать. Не сердитесь на

меня, я очень устала.

И она поспешно встала из-за стола. Ей не терпелось оставить родителей одних. Они были удивлены. Ни Лора, ни Жослин понятия не имели, что Эрмин, глядя на них, испытывала необъяснимое смятение.

«Они оба страдают и не скоро смогут помириться навсегда, — сказала она себе, быстрыми шагами поднимаясь по лестнице. — Лучше оставить их наедине. А я побуду с моей Лолоттой и моим маленьким Мукки. Я не могу помочь родителям и не в силах слушать, как они высказывают друг другу претензии. О Тошан, возвращайся скорее, прошу тебя!»

Когда молодая женщина вышла, Лора обхватила голову руками и закрыла глаза.

— Что с тобой? — спросил Жослин, касаясь ее плеча.

— Я сержусь на себя, из-за меня Эрмин ушла. Я так и не научилась общаться с ней. Ты ничего не знаешь о нашей с ней совместной жизни. Все эти три года я совершаю ошибку за ошибкой. Бедная моя девочка, как ей не повезло иметь такую мать, как я!

— И такого отца, как я, — добавил он. — Лора, давай немного пройдемся. Ночной воздух пойдет нам на пользу. Мне нужно сказать тебе что-то очень важное.

Лора накинула на плечи шаль и последовала за ним. Стоило им выйти на крыльцо, как с молодого клена взлетела сова. Услышав хлопанье ее крыльев, Лора вздрогнула. Жослину захотелось обнять ее, но он не осмелился.

— Встает луна, — серьезно сказал он. — Я даже не думал, что мне еще раз доведется прожить летнюю ночь рядом с тобой. Думать, что ты мертва и рассыпалась прахом — таков был мой крест. Но ты рядом, и я благодарю за это Бога.

Некоторое время они бродили среди берез со светлыми стволами, окружавших дом, который своими размерами и изысканностью архитектуры намного превосходил дома, построенные для рабочих. Жослин смотрел на жилище сюринтенданта Лапуанта, как на врага. Он заметил и каменные колонны, и красивые окна второго этажа, защищенные карнизом, и величественные пропорции постройки в целом. Ничего удивительного в том, что Лора решила роскошно обустроить этот дом изнутри, украсив его множеством изящных вещей...

— Почему ты купила этот дом? — спросил он. — Один из тех, что стоят в самом начале улицы Сен-Жорж, мог бы тебя устроить. Этот наверняка стоил очень дорого.

— Я с ума сходила от счастья, что нашла свою дочь, — ответила она

серьезным тоном. — Я хотела дать ей самое лучшее. Эрмин так радовалась, когда я решила поселиться в Валь-Жальбере! Она здесь выросла, Жослин. В детстве она играла на соседних лугах с детьми Маруа и многими другими. И ее настоящим домом была монастырская школа. Монахини заботились о ней, старательно всему ее учили. Церковь давно снесли, но наша восьмилетняя дочь пела там «*Ave Maria*» для всех жителей поселка. Мне об этом рассказывали, и, похоже, люди были в восторге. Кроме того, на первых порах у меня были недоразумения с Жозефом Маруа, который являлся законным опекуном Эрмин. Он не соглашался на ее отъезд. Поэтому я поторопилась купить дом здесь. Из Монреала привезла мебель, посуду, фортепиано. Мне хотелось наверстать потерянное время, засыпать дочь подарками. Но это ей не нравилось. Больше всего она нуждалась в любви и нежности...

— А ты надеялась ослепить ее блеском своих денег! Хотя, готов поспорить, она успела привыкнуть к роскоши. Как и ты.

— Ты часто будешь упрекать меня в том, что я богата, богаче тебя? — спросила Лора. — Разве моя вина, что Фрэнк Шарлебуа решил жениться на мне, чтобы у меня была крыша над головой, в те времена, когда я вообще ничего не помнила о своей прежней жизни? Вы с Эрмин тогда для меня не существовали. Я могла бы кончить свои дни в больнице для душевнобольных. Поэтому я считаю, что мне очень повезло. Фрэнк привил мне хорошие манеры, я общалась с образованными людьми и жила в куда большей роскоши, чем сейчас. Кстати, было не очень предусмотрительно говорить за столом, что ты не желаешь жить в этом доме. Ты видел результат: Эрмин не захотела остаться на десерт!

Лора направилась к скамейке, установленной по ее распоряжению в том месте, которое она называла «мой парк». Женщина плакала от отчаяния. Подошел Жослин. Он заставил жену подняться, сжав сильными руками ее талию.

— Я слишком груб, я знаю, — признал он. — Ты со мной, и это главное. Но ты же меня помнишь, верно? Я гордец. Жить за твой счет я бы посчитал унижительным. Лора, прости меня. Я все еще люблю тебя, всегда любил. И из-за этого говорю и делаю глупости.

Он попытался ее поцеловать. Но губы его нашли только пустоту. Она отшатнулась.

— Прости, Жослин, но разумно ли это? — спросила она. — А если ты не полностью здоров? Вернувшись из санатория, я навела справки о твоей болезни. Это очень страшно! Ты ведь понимаешь меня?

Он тоже отступил назад, сам не свой от гнева. Реакция Лоры вернула

его в кошмар, в котором он жил последние пять лет.

— Чем дальше, тем лучше! Обращайся со мной как с чумным! Не стесняйся, я к этому привык! Господи, Лора, я не сумасшедший. И считаю, что больше ни для кого не представляю опасности. Ты прикрылась моей болезнью, чтобы не говорить мне правду. Ты меня больше не любишь! Я не настолько глуп, как кажется! Прошлой ночью ты спала с Хансом, его ты хочешь себе в постель, а не меня!

Выражения Жослина были грубы. С искаженным от ярости лицом, со сверкающими глазами он раскрыл перед Лорой всю силу своей мужской ревности. Она же, расстроенная, продолжала плакать.

— Даже если так и было, я не делала ничего плохого, потому что считала тебя умершим, — сказала она. — Я часто по-доброму вспоминала о тебе, в этом я могу поклясться. И я все еще тебя люблю. Но к остальному я не готова, не так скоро. И ты не должен ставить мне это в упрек. У тебя самого было немало любовниц!

Стоило Жослину вспомнить о Тале, как он успокоился. У него, в отличие от Лоры, не было оправдания, поскольку он наслаждался смуглым гибким телом индианки совсем недавно, зная, что его супруга жива и благополучна.

— Я был не прав, поторопил события, — сказал он, чтобы сменить тему. — Но, по словам докторов, я выздоровел. В больнице они делали рентгенографию. Я бы не приехал, если бы у меня оставались малейшие сомнения.

Лора вздохнула, выражая покорность судьбе, и подставила ему губы.

— Нет, не надо себя заставлять! — воскликнул он. — Я не хочу заявлять на тебя свои права вот так, «с порога»! Я подожду, пока ты будешь готова, не бойся. У нас с тобой непростая история... И я просил всего лишь один поцелуй, не больше.

Она согласилась, слабо улыбнувшись сквозь слезы.

— Спасибо, что даешь мне время. Сегодня я испытывала похожие чувства к тебе. Я верила, я убеждала себя, что мы сразу станем супружеской парой. Но...

— Но что? — спросил Жослин уже мягче.

— Только не сердись, умоляю! Это из-за Ханса. Я очень к нему привязана. Сегодня он повел себя жестко, даже жестоко, но на самом деле он очень хороший и терпеливый. Горе меняет людей... Мне хотелось бы поговорить с ним, утешить. Мы ведь были помолвлены! Пока у меня будет в сердце эта заноза, я не смогу отдать тебе душу и телом.

Жослин утратил терпение, несмотря на мольбы Лоры.

— Если твоя единственная забота — утешить жениха, нам лучше развестись! — отрезал он. — Я уйду. В любом случае я не собирался оставаться на ночь в Валь-Жальбере. В Робервале за мной осталась комната в отеле. Проводи меня, чтобы я смог забрать свои вещи. Будем вести себя как цивилизованные люди.

Она осталась стоять на месте, растерянная, подавленная. Сейчас или никогда ей нужно было броситься к мужу на шею, поклясться, что она все еще его любит, даже если и отказывается разделить с ним постель. Лора считала недопустимой даже мысль о том, чтобы лечь сегодня вечером с ним вместе. Ее тело еще помнило Ханса...

— Что ж, уходи! — воскликнула она. — Эрмин расстроится, когда не увидит тебя за завтраком.

Он только развел руками.

— И где же ты собиралась меня уложить? В комнате Цале? Что до нашей дочери, то она уже не ребенок. И я думаю, она даже более прозорлива, чем ты.

— За дровяным сараем есть маленький деревянный домик, очень чистый, там стоит раскладная кровать. Арману Маруа уже случалось там ночевать. Это подросток, который у нас работает. Тебе не придется возвращаться в Роберваль так поздно, тем более пешком. Остайся переночевать здесь, прошу тебя!

— Нет, я уйду. Я прошел многие мили без всякого транспорта. И путь в Роберваль меня не пугает.

— Но ты вернешься? Нам нужно научиться снова жить вместе. Я — твоя жена...

Жослин не ответил. Лора последовала за ним на крыльцо, а когда они вошли в дом, пошла перед ним по коридору.

— Моя папка с документами и шляпа! — буркнул он.

Она открыла дверь маленького кабинета. В комнате было темно. Он вошел, стараясь не смотреть на нее. Легкий щелчок заставил его вздрогнуть.

— Зачем ты закрыла дверь на замок? — удивился он.

Лора подошла к нему и обняла изо всех сил. Она внезапно ощутила потребность в том, чтобы прикоснуться к нему, получить от него хоть немного нежности.

— Если ты уйдешь расстроенный, я места себе не буду находить, — пробормотала женщина, прижимаясь щекой к его груди так, что теперь ей было слышно ускоренное биение его сердца.

— Ты играешь с огнем! — предупредил он, обнимая ее в свою

очередь. — Теперь мне совсем не хочется уходить.

— Тогда давай все начнем с нуля! С момента нашей первой встречи прошло чуть больше двадцати лет, но мы такие же неуклюжие и робкие, как тогда... Я здесь, с тобой. Мне было холодно, но ты согреваешь меня, Жосс...

Это интимное прозвище Лора часто шептала в моменты их любовных баталий. Для Шардена оно прозвучало как благословение. Они долго стояли, обнявшись. Жослин тихонько целовал шелковистые волосы супруги, побежденный ее доверительным самоотречением. Она дышала неровно и казалась такой миниатюрной и ласковой в его руках...

— Ты все такая же, — сказал он наконец. — Ты выиграла. Я лягу спать в домике, о котором ты говорила. Я сам найду дорогу.

Лора улыбнулась. Она была ему благодарна. Приподнявшись на цыпочки, женщина целомудренно поцеловала супруга в лоб.

— Спасибо, Жосс, и до завтра. Ни за что на свете я бы не позволила тебе сегодня уйти.

Через час Жослин уже лежал на кровати в сбитой из досок пристройке. Сон долго не шел к нему. День принес много эмоций. Он старался не думать о Лоре, об Эрмин и их будущем втроем, отдавшись во власть лучших в своей жизни воспоминаний. Череда образов убаюкала его. Красивая молодая женщина в летнем платье бежит ему навстречу, и волосы ее выются по ветру... Это Лора. Стройная, изящно сложенная наядя появляется из вод маленького озера и смеется... Это тоже Лора, тем летом, когда она ждала Эрмин. Она не обнажена, но тонкая сорочка, облепившая груди, талию и бедра, только подчеркивает ее красоту.

Он вспомнил их брачную церемонию. У Лоры не было родных; его же родители, Шардены, отказались присутствовать. Жослин попросил своего коллегу-бухгалтера засвидетельствовать их брак, в то время как невеста этого коллеги стала свидетельницей со стороны Лоры.

«Как она была красива, взволнованна, почти не верила в происходящее! Ее маленькая рука дрожала, когда я надевал ей на палец обручальное кольцо. Господи, как я ее любил! И вот она рядом, она жива! Несколько минут назад я ощущал запах ее духов, любовался изгибом ее бедер...»

И он сжал кулаки, решив во что бы то ни стало вновь завоевать Лору.

В доме Эрмин услышала, как мать прошла по коридору второго этажа. Шарлотта и Мукки уже спали. Она встала и босиком прокралась в комнату

Лоры.

— Мама, почему ты плачешь? Папа уехал?

— Дорогая, как я рада, что ты пришла! Мне так нужно было успокоиться, поговорить с тобой! Я не смогу глаз сомкнуть этой ночью, я чувствую!

Они присели на широкую кровать, застеленную роскошным покрывалом с рисунком роз и ирисов.

— Твой отец лег в домике, который построили для Армана Маруа, — сказала Лора. — Он хотел вернуться в Роберваль, а ведь уже за полночь. Я его отговорила. Господи, так странно снова видеть его, слышать его голос! Я никак не могу поверить, что это не сон!

— Я чувствую то же самое, — призналась Эрмин. — Но я успела к нему привыкнуть, словно всю жизнь его знала.

— Вот только ты его дочь, а нежена, — со вздохом отозвалась ее мать. — Мое положение более деликатное. Я думала, что люблю Ханса, мы полным ходом готовились к свадьбе, и вдруг Жослин постучал в нашу дверь! Это фантастика! У меня ведь не было выбора. Не так ли? Я должна была принять в свою жизнь моего супруга, твоего отца.

Голос Лоры сорвался. Она все еще дрожала, потерявшись в сомнениях и страхах. Эрмин, которая ей искренне сочувствовала, обняла мать.

— Мама, ты предпочла бы жить с Хансом? Ты можешь сказать мне правду. Сегодня я больше узнала о ваших отношениях.

Тем самым она намекнула на слова пианиста, из которых следовало, что между ними уже была интимная близость. Лора смутилась.

— Я сама не знаю, что чувствую, дорогая, — ответила она, беспомощно разводя руками. — Я разволновалась, увидев твоего отца живым, но и к Хансу я очень привязана. Мы только что гуляли, и твой отец попытался меня поцеловать. Я испугалась, не смогла. Он обиделся. Я объяснила, что боюсь заразиться, ведь может быть, что он не совсем выздоровел. Это была правда, но не вся. Мои опасения послужили мне щитом, однако на самом деле я просто боялась этого поцелуя. Боялась, что не смогу ответить, что ничего не почувствую к мужчине, которого когда-то очень любила. Эрмин, некоторые вещи меня беспокоят, и мне нужен твой совет. Ты видела своего отца в санатории. Признай, он сильно изменился за три месяца! Когда я смотрела на фотографию Эльзеара Ноле, я видела Жослина, но Жослина больного, постаревшего. Каким чудом твой отец смог предстать перед нами загорелым, окрепшим, полным сил? Тут есть какая-то тайна.

Напрасно Эрмин пыталась придумать объяснение этому феномену.

— Выздоровление было стремительным, и внешне он тоже изменился к лучшему, — предположила она. — Похоже, в санатории папа умирал со скуки. После встречи со мной он ушел оттуда, потому что узнал, что ты жива. Это могло стать переломным моментом. И вполне вероятно, что жизнь вне лечебницы пошла ему на пользу.

— Возможно, — согласилась Лора. — Как жаль, что у него появились залысины... Теперь его лоб кажется огромным... А я так любила запускать пальцы в его волосы!

— Ты и сейчас сможешь, только выбирай места у шеи или поближе кушам, — шутливо предложила Эрмин. — Но ему об этом не говори. Он сказал мне, что специально не снимал шляпу, чтобы ты не заметила, как он лысеет!

Растроганная, Лора едва заметно улыбнулась. Она мечтательным взглядом обвела свою роскошную комнату, оформленную в британском стиле. Стены в бежево-серых тонах, обитые ситцем в цветочек стулья, фарфоровые статуэтки...

— Ты представляешь твоего отца в этой комнате?

Молодая женщина в нерешительности пожалала плечами. Разумеется, Хансу Цале с его изысканными манерами и артистическими наклонностями такая обстановка была по душе. Но Жослину Шардену...

— Мама, вам обоим нужно проявить терпение. По сути, торопиться некуда. Мало-помалу вы станете ближе друг другу, уйдет неловкость. Ты просишь совета, вот он: во-первых, тебе следует уведомить всех, кого ты пригласила на свадьбу. Во-вторых, рассказать Маруа, мэру и всем нашим знакомым, что твой первый супруг вернулся. И как можно скорее навести Ханса и помирись с ним. Он добрый и благородный человек, он не сможет поставить тебе в упрек принятое решение. Вам нужно расстаться друзьями, но не врагами. Вот посмотришь, все будет в порядке.

— Господи, как ты рассудительна! — заметила ее мать. — Жослин сказал сегодня правду, ты прозорливее меня. Я так и поступлю, дорогая!

Эрмин нежно пожалала руки матери.

— Я буду очень довольна, мамочка, если однажды вы с папой снова будете счастливы вместе. У Мукки будут дедушка и бабушка, и у ребенка, которого я ношу, тоже. Прошу, постарайтесь найти общий язык к Рождеству, чтобы мы смогли в радости отпраздновать рождение Христа и моего второго ребенка.

— Обещаю, так и будет! — со вздохом отозвалась Лора.

Лора сосчитала на пальцах, как ребенок: вот уже одиннадцать дней Жослин живет в Валь-Жальбере и спит в садовом домике.

— И день, на который была назначена моя с Хансом свадьба, к счастью, прошел. Это такое облегчение! — сказала она себе вполголоса. — Остается только забыть об этом.

Лора сидела одна в гостиной, наполненной опьяняющим ароматом первых роз, собственноручно срезанных ею на рассвете. Тепличные цветы, за которые были заплачены огромные деньги, она подарила церкви в Шамборе. Лилии и гардении в горшочках теперь украшали алтарь, радуя глаз прихожан.

«Одиннадцать дней! — подумала она и сама удивилась. — А Жослин все еще ведет себя как медведь, запертый в клетке: вежливый за столом и ворчливый, когда ему нечем заняться. И он ни разу не прикоснулся ко мне, ни разу! И ни разу больше не попытался поцеловать. Это тоже моя ошибка. Если я пытаюсь приблизиться к нему, он уходит. Готова спорить, он уже может нарисовать план поселка, ведь бродит по нему с утра до вечера!»

Из-за мрачного настроения Жослина привычное течение жизни в доме Лоры нарушилось. Мирей относилась к нему с недоверием, Шарлотта — старательно избегала. Девочка была уверена, что этот человек скрывает какой-то секрет. Иначе зачем бы он стал называться чужим именем? Что до Эрмин, то она довольствовалась разговорами с отцом. Они часто вдвоем сидели на крыльце под навесом. Эти беседы обычно не длились долго, и единственной их темой был Валь-Жальбер. Молодая женщина рассказывала Жослину, который исходил заброшенный поселок вдоль и поперек, о том недалеком времени, когда его улицы населяли более восьми сотен человек. Она рассказала своему отцу массу забавных историй. Но гулять с ним не ходила из опасения потерять своего еще не рожденного малыша. Зато Арман Маруа всюду сопровождал Жослина: предоставленный самому себе, подросток наслаждался ролью гида.

В этот день он повел Шардена к водопаду Малинь, что располагался выше основного водопада, так любимого Эрмин. Там бурная река Уиатшуан, окруженная хвойным лесом, разбухшая от талых вод, падала вниз с высоты сорока метров. Мирей приготовила им корзинку с едой, чтобы они могли перекусить на месте.

— Лора! — позвала Шарлотта. Девочка только что вернулась из школы. — Посмотри, что я нашла возле дома в траве!

— Подойди поближе! — нетерпеливо отозвалась хозяйка дома. — Покажи, что ты нашла!

Это был расшитый жемчугом берет. Вчера шел дождь, и теперь вид у него был жалкий — он испачкался в земле.

— Мой свадебный убор! — выдохнула Лора. — Брось его в печку!

— Ты грустишь, что свадьбу отменили? — с любопытством спросила Шарлотта. — Ты часто плачешь тайком! Я слышу тебя из своей комнаты.

Лора возвела очи к небу. Она пребывала в плохом настроении. Со стороны Жослина она не получала никаких знаков внимания. Он вел себя нейтрально, как гость. Исключение для него составляли лишь дочь и внук. Мукки он улыбался и с удовольствием с ним играл.

— Это дела взрослых, — отрезала женщина. — Я просто разнервничалась. А почему ты дома? Ты не должна быть в школе?

— Уроки закончились, уже половина пятого! А можешь отдать берет мне? Я не хочу его жечь, он слишком красивый!

— Хорошо, оставь его себе, если хочешь, — вздохнула Лора. — Но сперва постирай. И беги скорее полдничать. Эрмин отдыхает, поэтому не шуми, когда поднимешься на второй этаж.

Девочка убежала, любуясь великолепной вещицей, которая теперь принадлежала ей. Она не помнила себя от радости. Лора же снова погрузилась в свои не слишком веселые размышления:

«Когда Жослин постучал в дверь, я держала этот берет в руке. Когда же, интересно, я его уронила? Да какая разница! Если бы это была единственная бесполезная трата. Столько денег на ветер...»

Эти одиннадцать дней дались Лоре нелегко. Она сделала все, как советовала Эрмин. Приглашенные к обеду Жозеф, Бетти и мэр поселка, онемев от удивления, слушали драматичную историю Жослина, который присоединился к ним в конце трапезы.

«Это было настоящее испытание, — вспомнила Лора. — Очень неприятная ситуация! Зато мы соблюли все приличия. И теперь все знают, что я больше не помолвлена с Хансом и живу с законным супругом».

«Я желаю вам создать порядочную, набожную и сострадательную семью!» — сказал в заключение вечера господин мэр.

Лора подошла к широко открытому окну и оперлась локтями о подоконник. Деревья и цветы ликовали, полные новых живительных соков. Воздух был напитан изысканными запахами — горячей земли, диких цветов и текущих вод.

— Сейчас Ханс уже далеко, — грустно сказала женщина вслух.

С согласия Жослина Лора посетила злосчастного пианиста. Он как раз собирал чемоданы. Встреча прошла лучше, чем она ожидала. Ханс пришел в себя и даже извинился за свой, как он выразился, «приступ безумия».

— Я принимаю волю судьбы, которая поймала нас обоих в ловушку, Лора, — сказал он. — Но я уезжаю. Я нашел работу в Квебеке. Разумеется, связанную с музыкой. Я буду играть в оркестре.

Он настоял на том, чтобы вернуть ей автомобиль, купленный на ее деньги. По его словам, он был ему больше не нужен. На прощание Ханс поцеловал ее затылок в кружевную перчатку руку.

«Галантный мужчина», — с ноткой ностальгии подумала Лора.

Отныне автомобиль стоял перед домом Маруа. Лора на время отдала его Симону, который был на седьмом небе от счастья и иногда «работал» для нее шофером.

— Все в порядке, ну, или почти все... — вздохнула она.

Залаляли собаки. Было ясно, что они чему-то очень рады. Низкий мужской голос приказал им замолчать. Лора узнала этот чувственный мужественный тембр.

— Господи, это Тошан! Эрмин будет вне себя от счастья!

Молодая женщина, услышав радостный лай, уже спускалась по лестнице. На ней было простое белое льняное платье. Она выбежала на крыльцо.

— Тошан, наконец-то ты приехал!

Он с улыбкой раскинул руки. Обнявшись, они свернули за угол дома: поцелуи, которыми они торопились обменяться, не были предназначены для посторонних глаз. Лора, вышедшая в коридор, чтобы поздороваться с зятем, повернулась на каблучках и отправилась в кухню предупредить домоправительницу.

— Поставь на стол еще один прибор, Мирей.

— Я догадалась, мадам. Мы ждали мсье Клемана, он ведь сообщил о своем скором приезде телеграммой. И он, наверное, расскажет, почему его мать не приняла ваше приглашение.

Для Эрмин и Лоры это был вопрос без ответа. Десятого июня, то бишь за два дня до предполагаемой церемонии, от Тошана пришла телеграмма, содержание которой привело их в недоумение:

«Сожалею Невозможно вернуться вовремя к свадьбе Мать не придет Буду очень скоро Клеман Тошан Дельбо».

— Странное совпадение, — прокомментировал случившееся Жослин, но в голосе его прозвучало беспокойство.

С того дня они ожидали возвращения Тошана. Теперь Эрмин была совершенно счастлива. Прижавшись к своему любимому в тени дровяного сарая, она трепетала от его ласковых прикосновений.

— Я так по тебе скучала, — призналась она. — И мне столько надо тебе рассказать!

— Терпение, моя маленькая женушка-ракушка, мне сейчас не хочется говорить, а хочется целовать тебя еще и еще. Какой у тебя большой и круглый живот! Это будет второй сын, крепкий и сильный.

— Нет, это будет девочка! Скажи, ты правда находишь, что я располнела?

Он заставил ее замолчать, прижавшись губами к ее губам. В сарае Дюк заскулил и стал скрести лапой загородку.

— Иду, Дюк! Тише! — крикнул Тошан.

Эрмин сделала гримаску и заслонила собой сарай с собаками. Она не хотела отпускать мужа. К счастью, у нее было чем привлечь его внимание.

— У меня для тебя невероятная новость, — шепнула она мужу на ухо. — Мой отец Жослин жив! И он здесь, в Валь-Жальбере!

— Твой отец? — переспросил Тошан оторопело.

— Да, он пришел к нам третьего июня. Разумеется, свадьбу мамы и Ханса отменили. Я расскажу тебе эту историю, она длинная и запутанная. Если бы вы с матерью приехали вовремя, ты бы уже все знал!

— Это упрек, как я понимаю? — спросил Тошан.

— Нет, конечно! Просто мы удивились, мама и я, что вы оба не приедете к назначенной дате.

— Ты нашла отца, а я потерял мать, — отозвался Тошан. — Не пугайся, Тала не умерла. Просто она исчезла, оставив мне записку. Из-за этого я и задержался. Я всюду ее искал — у дяди, у двоюродных сестер. Но никто не знает, где она.

Это несколько театральное заявление возымело свой эффект: Эрмин обеспокоилась судьбой свекрови.

— Ты, должно быть, с ума сходил от тревоги! Бедный мой Тошан! Что же было в записке?

Тошан достал из кармана клочок бумаги и протянул жене. Она прочла вслух негромким голосом:

«Сын, мне нужно на время уехать. Не беспокойся обо мне, мое сердце легкое, как перышко. Я вернусь в свое время. Возвращайся к своей молодой

жене. Она нуждается в тебе. Тала».

— И это все? — спросила она.

— Да, ничего больше. Хижина была закрыта, ключ спрятан в обычном месте. Мать забрала с собой собаку. Полагаю, у нее были основания так поступить. И все же это странно, ведь она годами отказывалась покинуть берега реки. «Перибонка — моя подруга, моя сестра!» — так она говорила. И, признаюсь тебе, я ничего не понимаю. А теперь расскажи мне об отце! Какого он склада человек?

Эрмин все еще обдумывала услышанное, поэтому ответила не сразу:

— Мне не очень просто с ним... Но мама говорит, в былые времена он был веселее, не такой суровый. Я счастлива, когда вижу, как он качает Мукки на руках. Думаю, со временем нам будет комфортнее в обществе друг друга. Ведь это мой отец, о котором я так долго мечтала! Мы показали ему сани. Видел бы ты, как он гладил деревянные поручни, гравировку на спинке! Снова и снова... Я чуть не расплакалась.

Тошан высвободился из ее объятий, чтобы выпустить собак. Но Эрмин поймала его за руку, не дав открыть загородку.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Прогуляю их немного, пусть разомнут лапы! Ты обещала, что Арман каждый вечер будет с ними гулять.

— Это делает папа, — отозвалась молодая женщина. — Он за ними ухаживает. Думаю, он так же, как и ты, любит животных. И хочу тебе напомнить, что у тебя есть сын! Твой Мукки, наверное, уже проснулся. Я иду в дом, чтобы его покормить.

Тошан расхохотался.

— Если так, я иду с тобой! Обожаю смотреть, как ты даешь грудь моему ребенку.

В черных глазах мужа она прочла желание. Эрмин затрепетала от предвкушения. Она была уверена, что, когда сын насытится, Тошан покроет ее грудь поцелуями. Часто дыша, она поспешила подняться в свою комнату. Никто их не беспокоил. Шарлотта стирала в эмалированном тазике расшитый жемчугом берет, не жалея воды из крана. Мирей месила тесто под невеселым взглядом Лоры, которая укрылась в кухне, чтобы не мешать молодой чете.

— Счастье, что у нас так мало соседей, мадам, — начала разговор домоправительница. — Ваш зять частенько ведет себя как дикарь. Красивый, но все-таки дикарь. Каждый раз, вернувшись, он запирается с Эрмин до самого ужина. Боже милосердный! Да если бы моя сестра вела

себя так, когда ее муж возвращался из леса, родители устроили бы такой скандал! Это просто неприлично!

— Твои понятия о приличиях устарели, Мирей. По крайней мере, своим поведением Тошан доказывает, что любит мою дочь. Не все мужчины так поступают. И потом, они ведь очень молоды!

— Благодарение Господу, у меня нет ни мужа, ни детей, — ворчливо отозвалась Мирей. — От них одни неприятности.

— Господь здесь ни при чем, — сказала Лора, которую этот разговор немного развеселил. — Ты же сама клялась мне, что отклонила несколько предложений руки и сердца! Тебе просто не хотелось заводить семью, а это не преступление.

— Ваш кофе готов, мадам, — с лукавой улыбкой сообщила Мирей. — Вы не рассердились? Я просто сказала, что думаю о поведении мсье Тошана.

— Пока мы с тобой одни, меня ничто не обижает. Тебе понятно, Мирей? С тех пор как мы переехали в Валь-Жальбер, ты изменилась. В Монреале ты не была такой разговорчивой. И, наверное, ты рада, что можно употреблять местные словечки, которые мсье Шарлебуа терпеть не мог.

— Теперь мне надо думать о том, чтобы не разгневать мсье Жослина, — заметила домоправительница. — Если он станет здесь хозяином.

Лора пожала плечами и встала.

— Конечно, он и есть хозяин, Мирей, поскольку он мой муж. Я выпью кофе в гостиной. И пожалуйста, не включай так громко свой граммофон. Я слышу твою музыку у себя в комнате.

Экономка пообещала ее не беспокоить. Она довольно рано удалялась в свою комнату, возле помещения для стирки, и слушала пластинки знаменитой Ла Болдюк на подержанном граммофоне, который недавно купила на сэкономленные деньги. Некоторые песни Мирей знала уже наизусть и напевала себе под нос, как только представлялся случай. Вот и теперь, стоило хозяйке выйти, как она вполголоса запела песенку «Дикарь с севера»^[27].

Дикарь с севера стреляет в своих коров,
На нем ботинки, которые давят и жмут.

А на берегу реки, том-ди-ла-дам, ди-ла-дам,
Маленькие дикари лежат на земле,

А остальные сидят на спине у своей матери.

Ты любил меня меньше, чем я тебя,
и сейчас ты меня покидаешь,
Ты меня уже не любишь, и я тебя не люблю.
Мы с тобой квиты.

Лора остановилась в коридоре и посмотрела на себя в зеркало, висевшее между двумя дверями. Она явственно слышала слова песни. Ей пришло в голову, что со стороны домоправительницы это вполне может быть насмешкой.

«Она потешается над Тошаном или намекает на то, какую странную пару составляем мы с Жослином?» — подумала она с раздражением.

Лора склонялась к тому, что объектом насмешки все же являлся ее зять. И это ее вполне устраивало.

«Надеюсь, ужин пройдет благополучно, — подумала она. — Ведь мы — цивилизованные люди, даже Тошан, несмотря на все намеки Мирей!»

Эрмин о подобных вещах вообще не думала. Занавеси из зеленого льна защищали комнату от полуденного солнца, наполняя ее приятным светом, похожим на тот, что проникает сквозь заросли кустарника. Молодая женщина обнаженной лежала на кровати, отдавшись ласкам своего обожаемого супруга.

— Наш сын — спокойный маленький мужчина, — шепнул ей на ухо Тошан. — Он быстро уснул, чтобы не мешать родителям. Какая ты красивая, нежная, вся кругленькая и загорелая! Ракушка, с каждым днем все более прекрасная!

— Чш! — шепотом попросила она. — Ты заставляешь меня краснеть! Что, если кто-то слушает под дверью?

— Я говорю очень тихо. И вообще, то, что происходит в этой комнате, никого не касается, — пошутил он, приближая губы к одной из ее грудей. — Мы празднуем мое возвращение!

— Тошан, мне так хотелось, чтобы ты был со мной, днем и ночью! И особенно ночью...

Он раздел ее без единого слова, но решительность его жестов и выражение его лица убедили Эрмин в том, что протестовать бесполезно. Она все еще была очень стыдлива. Он знал это и боролся с этим, по его мнению, недостатком.

— Я люблю, когда на тебе нет ни нитки, — повторял он. — Когда ты обнажена, я могу тобой любоваться. Видеть тебя всю...

Она закрыла глаза, потому что его теплые губы переместились вниз, к животу, а потом еще ниже, туда, где сходились бедра. Она отдалась удовольствию, которое ей доставлял этот самый интимный и самый дерзкий из поцелуев, заставлявший все ее тело вибрировать. Утонув в наслаждении, молодая женщина укусила себя за руку, чтобы не застонать.

— Любовь к тебе дала мне крылья, — сказал Тошан, выпрямляясь. — Я страстно желал свою супругу, всю беленькую и розовую! И пообещал себе, что раздену тебя и буду наслаждаться твоей красотой. И сделаю тебя счастливой...

Эрмин прижалась к нему, не помня себя от радости. С расширенными зрачками, она смотрела на него, как в первый раз, там, в круге лиственниц. То была их первая брачная ночь, и ей никогда прежде не доводилось видеть обнаженного мужчину. Тошан стоял голым у огня — великолепное бронзовое изваяние с развитой мускулатурой и распущенными по плечам черными волосами.

— Ты тоже очень красивый! И я так тебя люблю!

— Сядь на меня сверху! Я хочу тебя видеть...

— Твои фантазии не совсем подходят для дневного времени, — растерялась она. — Я не осмелюсь!

Но он сумел ее убедить, мягко направляя и подбадривая страстными поцелуями. Она быстро втянулась в игру и достигла высшей точки любовного наслаждения, испустив тихий удивленный возглас.

— О Тошан, — сказала она, вернувшись к реальности, — что, если бы Мукки проснулся? Наш сын растет, он все понимает и уже научился садиться в кроватке. Мама говорит, что он очень рано начнет ходить. Еще до года!

Высвободившись из объятий супруга, молодая женщина надела нижнее белье и свое белое платье. Улыбающаяся, с растрепанными волосами, она вернулась в кровать.

— Сегодня вечером ты познакомишься с папой. Я даже не успела тебе рассказать, что случилось, когда он днем постучал в нашу дверь. Видел бы ты, в какую ярость пришел Ханс, всегда такой спокойный!

Тошан выслушал подробный рассказ о встрече Лоры и Жослина. Закончила Эрмин несколькими фразами о том, как прошли последние одиннадцать дней.

— Мама терзается, потому что отец делает вид, что она ему совершенно безразлична, хотя я уверена, что он все так же влюблен в нее.

А у меня теперь есть оба родителя, и это самое важное.

— Моей матери могло присниться, что свадьбы не будет, — вздохнул Тошан. — Она, наверное, увидела, что что-то нехорошее случится в тот день, иначе она бы не ушла. А жаль, было бы забавно посмотреть, как они с Лорой найдут общий язык!

— Может, она смогла бы нам сказать, кто похоронен в той могиле, если не папа. Это так и осталось тайной. Но нет, какая я глупая! Тала тоже считала, что это могила моего отца.

— Это неинтересно! — отрезал Тошан. — Давняя, забытая всеми история. Так что, кого ты мне подаришь, мальчика или девочку? Вот что меня интересует!

Радуюсь его словам, Эрмин проказливо погладила свой живот. Если бы Мукки в это мгновение не проснулся, они снова начали бы целоваться. Эрмин взяла сына из колыбели и протянула Тошану.

Молодая чета долго играла с ребенком, умиляясь его лепету и похожему на звук колокольчика смеху. Однако около семи вечера Шарлотта постучала в дверь.

— Пора к столу! Мсье Жослин и Лора вас уже ждут! — звонким голоском сообщила она.

Собирались они в суматохе. Эрмин открыла занавеси и широко распахнула окно, чтобы проветрить комнату, потом занялась своей прической. Еще ей нужно было сменить одежду Мукки.

Тошан тоже постарался принарядиться. Он оставил волосы распущенными и надел куртку из оленьей кожи, украшенную бахромой, — подарок Талы к его двадцатилетию. Таким он предстал перед своим тестем. Жослин Шарден перед ужином решил, что постарается быть с зятем полюбезнее, однако встретил его презрительным взглядом. Он был возмущен внешним видом Тошана. Несколько секунд — и мужчины поняли, что их ждет в будущем. Они никогда не найдут общего языка. Ни один, ни другой не смогли бы объяснить почему, но оба были в этом совершенно уверены.

— Добрый вечер, мсье, — холодно поздоровался Тошан.

— Добрый вечер, Клеман, — ответил на приветствие Жослин. — Предупреждаю, я буду называть вас католическим именем.

Лицо молодого метиса окаменело. Он воспринял эти слова как объявление войны, и войны многолетней.

Глава 11

Ради любви

Валь-Жальбер, в тот же вечер

Над столом повисло неловкое молчание. Каждое появление Мирей, своими невинными замечаниями разряжавшей атмосферу, радовало сотрапезников. Стоило домоправительнице поставить на стол новое блюдо, как Лора натянуто принималась превозносить ее кулинарный талант, а Эрмин с наигранной радостью ей вторила.

Жослин раскрывал рот только для того, чтобы положить в него очередной кусок. Упорно глядя в свою тарелку, он боролся с волной гнева, которая взметнулась в нем при одном только виде Тошана и смела все его добрые намерения. Клеман Дельбо тоже не проронил ни слова.

«Я хотя бы попытался достойно выглядеть — надел белую рубашку, галстук, — а он нарядился индейцем, — думал Жослин. — Я встречал монтанье, они одеваются, как все нормальные люди. А этот парень колет мне глаза тем, что он метис!»

Сидевшая напротив Тошана Шарлотта чувствовала, что взрослые напряжены. Она не понимала причины и утешала себя мыслями о великолепном берете. Ее сокровище сохло на теплом летнем воздухе.

Никто не предпринимал попытки начать беседу. Глядя на мрачное выражение лица своего супруга, Лора сердилась на Тошана. Она пришла к тому же выводу, что и Жослин: их зять нарочно не стал собирать волосы и надел кожаную куртку.

«Мирей, наверное, на седьмом небе от счастья, — сердито подумала Лора. — Завтра она снова споет мне “Дикаря с севера”!»

Удивленная плохим настроением своего молодого мужа и в равной мере расстроенная подчеркнутой холодностью отца, Эрмин изо всех сил сдерживалась, чтобы не показать своего разочарования. Увидев, что дочь вот-вот заплачет, Лора потеряла терпение.

— Какой приятный вечер! — воскликнула она. — Давайте, по крайней мере, поговорим о дожде или о хорошей погоде! Остальные темы у нас табу, верно? Не будем вспоминать о несостоявшейся свадьбе и об ужасном недоразумении, заставившем нас с Жослином столько страдать. Известно

ли вам, Тошан, — потому что я всегда буду называть вас так, уважая ваш выбор, — что мой супруг, здесь присутствующий, считал меня умершей и похороненной в десяти километрах от вашего дома, в то время как я сама хотела посетить его могилу этим летом... Такую историю трудно назвать банальной! Люди, услышав ее, были поражены.

— Эрмин мне все рассказала, — буркнул ее зять.

— И что вы об этом думаете? — спросила Лора. — Вы ведь выросли на берегу Перибонки. Кто-то из ваших соседей должен был внезапно исчезнуть в то время, когда появилась эта могила. Если бы только ваша мать согласилась приехать ко мне в гости, не важно, на свадьбу или просто так! Я была бы очень рада с ней познакомиться, принять в своем доме. И вместе мы могли бы найти ответы на все вопросы.

Жослин чуть не подавился куском мяса. Он закашлялся и отпил глоток вина.

— Я не виделся с матерью, — сказал Тошан. — Тала путешествует, и это само по себе странно. Но она — свободная женщина и вправе идти, куда хочет. Возможно, она решила совершить паломничество, кто знает?

— Но куда? — удивилась Эрмин. — Неужели Тала пешком отправилась в пустынь Святого Антония?

— Может, и так, — со вздохом ответил ее муж.

— Но зачем? — поинтересовалась Лора. — Хотя это доказывает, что Тала все так же исповедует христианство. Я помню ее. Ваш отец называл супругу Роланда. Очень красивая женщина с черными как смоль косами и запоминающимся лицом. Вы похожи на нее, Тошан.

Каждое слово усиливало замешательство Жослина. Он украдкой посмотрел на юношу, желая убедиться, что тот действительно похож на мать.

«Правда, он очень красивый парень, — пришлось ему признать. — И наверняка без труда влюбил в себя Эрмин. Но индеец не сделает ее счастливой. Надолго он тут не задержится, уж я постараюсь».

Хоть он старался этого не показывать, к дочери Жослин испытывал очень сильные чувства. Она казалась ему достойной любви, как никто другой, преданной и ранимой. Подобно многим отцам, он невольно идеализировал свое дитя. Часто он повторял себе, что не заслужил такой замечательной во всех отношениях дочери.

Лора не знала, что Жослин написал своей сестре Мари длинное письмо, в котором описал нынешнюю ситуацию и на все лады расхвалил достоинства Эрмин.

«...Хотя за время пребывания в Валь-Жальбере я еще ни разу не слышал, как она поет, я никогда не забуду небывалого волнения, охватившего меня, когда мое собственное дитя исполнило оперную арию там, в санатории. Моя дочь и твоя племянница, Мари! Она так хороша, у нее великолепные белокурые волосы! Но это не все ее достоинства: Эрмин — умная, образованная, и такой голос, как у нее, нечасто услышишь. Если Господь так щедро одарил девочку, значит, Он полагает ее достойной Его милостей...»

Этим фрагментом он закончил свое письмо, в котором не забыл упомянуть и о своем внуке, предусмотрительно назвав его Жослином. Однако трусость снова взяла в нем верх, и он скрыл от сестры тот факт, что Клеман Дельбо — метис. Этот Тошан, которого он находил все более дерзким...

В комнату опять вошла Мирей с тяжелым блюдом в руках.

— Десерт! — объявила она. — Блинчики с черничным джемом! Мсье Жослин, мсье Клеман, желаете выпить джина в конце трапезы?

Тошан не ответил. Он резко встал и бросил салфетку на стул.

— Пойду подышу воздухом! — сказал он.

И пружинистым шагом удалился. Хлопнула входная дверь. Эрмин хотела было последовать за ним, но не решилась. Глаза Шарлотты наполнились слезами.

Жослин постарался скрыть свою радость. Ему не хотелось расстраивать дочь.

— Я что-то не так сказала? — спросила домоправительница. — Если так, прошу меня простить, мадам!

— Ты прекрасно знаешь, что именно ты не так сказала, — отозвалась Лора раздраженным тоном. — Какая муха тебя укусила? Ты давно перестала называть Тошана «Клеман»! Прощу не забавляться больше подобным образом! Это понятно? И ты тоже хорош, Жослин! Господи, если бы твоя мать была индианкой, разве ты стыдился бы своих корней? Анри Дельбо, бескомпромиссный глава семьи, заставил Талу крестить сына и назвал его Клеманом. Но он умер, и Тошан уже достаточно взрослый, чтобы иметь право называться тем именем, которое ему нравится. Невежливо заострять внимание на таких деталях!

— Я с тобой полностью согласна, мама, — дрожащим голосом сказала Эрмин. — А я так ждала этого семейного ужина! Все, кого я люблю, соберутся за одним столом... И вот результат!

— Я не сказал и не сделал ничего плохого по отношению к зятю, —

делано возмущился Жослин. — Я хотел поговорить с ним о вечере, когда мы впервые встретились. Тогда он был диковатым семилетним мальчишкой, Мой старый Бали завил хвостом, когда парень к нему подошел. Это у нас общее — собаки нас любят.

— Если так, папа, почему же ты не завел разговор об этом сразу? — с упреком спросила Эрмин. — Ты не сказал ему ни слова, только поздоровался, когда он подошел пожать тебе руку. Ну, и заявил, что будешь называть его Клеманом. Он обиделся, я это почувствовала.

— Откуда я мог знать, что такая безделица его обидит, — возразил Жослин. — Он же не ребенок! Я воспитывался фанатичными католиками, моя крошка. В семье Шарденов серьезно относятся к церковным таинствам, особенно к таинству крещения. И вообще, зачем твой муж так оделся? Я был шокирован!

— Папа, как ты не понимаешь! Для него это все равно что твой выходной костюм! Эту куртку для Тошана сшила и украсила Тала.

Молодая женщина замолчала, едва сдерживая слезы. Она тоже была не вполне искренна, потому что догадалась: надевая индейскую куртку, Тошан хотел пощекотать нервы своих родственников со стороны жены.

— Простите, но я пойду за ним, — сказала она. — Шарлотта, если Мукки проснется, усади его на высокий стульчик и дай вечернюю кашу. У меня уже не так много молока.

Девочка воспользовалась моментом, чтобы убежать в гостиную и присматривать там за ребенком. Лора осталась наедине с Жослином.

— Будет лучше, если ты примешь Тошана таким, какой он есть, и смиришься с тем, что он член нашей семьи. Эрмин любит его всем сердцем. Пусть хотя бы они будут счастливы! Спокойной ночи.

Расстроенная, женщина в свою очередь покинула столовую. Она испытывала огромное разочарование. Если до этого Лора и представляла себе будущее рядом с вновь обретенным супругом, то сегодня вечером она попрощалась с иллюзиями. И испытала острое сожаление о том утраченном счастье, которое ожидало ее с Хансом.

«Я все потеряла, — говорила она себе, поднимаясь по лестнице. — Я пожертвовала мужчиной, который по-настоящему любил меня, и пустила в дом этого чужака, Жослина Шардена. Ему нет дела до моих горестей и моих надежд. Он довольствуется тем, что машет мне рукой в знак приветствия по утрам, и этим наше общение ограничивается. И все же он по-прежнему мне нравится! Бетти, познакомившись с ним, сказала, что он красивый, сильный и веселый. Он — веселый! Похоже, свои улыбки мой муж приберегает для других — для Эрмин, Мукки и моих соседок!»

Лора легла на кровать и плакала, пока хватало слез.

Эрмин в это время разыскивала Тошана. Его не оказалось ни в загородке для собак, ни в парке. Ее охватил страх, близкий к панике.

«Но он точно не уехал, — думала она с беспокойством. — Нет, я бы услышала, как он прошел наверх за вещами. Господи, какой сложной временами бывает жизнь! А я, дурочка, думала, что мой отец и муж станут лучшими в мире друзьями!»

Молодая женщина вышла на улицу Сен-Жорж. Поселок накрыли сумерки, разбросав по крышам и фасадам, с которых давно облезла краска, сиреневые тени. Она прошла мимо крыльца дома семейства Маруа и погладила кончиками пальцев капот автомобиля, который мать на время отдала Симону. И тут из-за дома послышались голоса. Эрмин уловила запах американских сигарет.

Молодая женщина побежала к хлеву, где обретались корова Эжени и большой рыжий конь по имени Шинук. Тошан и Симон сидели на ящиках посреди двора и курили.

— Вот ты где! — воскликнула Эрмин. — Я уже весь поселок обежала, а тебя нигде нет! Добрый вечер, Симон.

Старший из сыновей Маруа встал со своего импровизированного сиденья и по-братски чмокнул ее в щеку.

— Не будь мегерой, Мимин, такой красивой девушке, как ты, это не к лицу! — сказал он. — Мы с моим другом Тошаном говорили о твоём отце. Мсье Шардену надо бы почаще бывать в кино. В Монреале я видел несколько вестернов. В фильме «Караван на запад»^[28], хоть он и не самый новый, все индейцы одеты как твой муж. Думаю и я перенять эту моду, когда найду себе добрую и уступчивую подружку, похожую на тебя...

Хорошее настроение и игривые улыбки Симона сделали свое дело: Эрмин рассмеялась и бросилась в объятия мужа.

— Импресарио, который приезжал в Валь-Жальбер, сказал, что тебе, Тошан, надо сниматься в кино. Мы бы разбогатели, если бы ты стал актером!

— А твой отец считал бы меня порождением дьявола, — иронично отозвался ее муж. — Нет уж, мне не по душе это шутовство!

— Не сердись, мы просто шутим, — сказал Симон. — Последний вестерн, который я видел еще до того, как уйти с работы, — «Большая тропа»^[29]. Там играет Джон Уэйн^[30], он точно настоящий колосс!

— Ты один дома, Симон? — спросила Эрмин.

— Да. Родители уехали к родственникам в Шамбор и взяли с собой Эдмона, Армана и маленькую Мари. Поехали в коляске. Мне пришлось запрягать Шинука. Мама предпочитает ехать «на воздухе», как она выражается. Автомобиль она не любит. Зато теперь я плюю в потолок.

Молодые люди еще несколько минут весело болтали. Потом Эрмин заглянула в хлев, к Эжени. Корова приветствовала ее громким дружелюбным мычанием. Жозеф хорошо за ней ухаживал. Раз в два года она телилась и постоянно обеспечивала семью молоком. Теленка Жозеф продавал.

— Твои родители живут так же, как раньше, — заметила молодая женщина. — Свинка на откорм, куры и славная Эжени... Мне это напоминает о прежних добрых временах!

Тошан помрачнел. Он встал и обнял жену за талию.

— Пора возвращаться, — сказал он. — До встречи, Симон!

Обнявшись, они неспешно пошли к дому. Перед монастырской школой Тошан замедлил шаг.

— Здесь твой отец тебя оставил, — сказал он. — Из-за него ты стала несчастной. Я этого ему никогда не прощу.

— Но не тебе на него сердиться! — со вздохом отвечала его жена. — Я простила его, ведь он хотел меня спасти.

— Мне он не нравится, — не сдавался Тошан. — Эрмин, что, если ты поедешь со мной? Я должен вернуться в дом матери, на зиму ей нужны дрова. Ты надышишься лесом, будешь купаться в реке. Мукки, быть может, сделает свои первые шаги на поляне, где когда-то учился ходить я сам!

— Ты снова хочешь соблюсти закон круга? — спросила она озабоченным тоном.

— Этот закон придуман не людьми, но звездами и матерью-землей моих предков.

— В феврале я потеряла ребенка, потому что поехала на поезде в Квебек. Я не могу путешествовать, Тошан! — возразила Эрмин напряженным голосом. — Мне нужно больше отдыхать.

— Там и отдохнешь. Тала вернется до наступления осени и будет рада увидеть Мукки. В любом случае, я на лето в Валь-Жальбере не останусь.

— Это из-за моего отца?

— Нет. С ним мы, в конце концов, поладим, — сказал ее муж, но без особой уверенности. Ему не хотелось ее расстраивать. — Я был бы рад, если бы ты согласилась. Через озеро Сен-Жан мы бы переплыли на корабле. Ты же мечтала об этом!

Эрмин прижалась к мужу. Его кожаная куртка источала знакомый

запах, который возвращал ее в мир Тошана, напоминал о пребывании в доме Талы. Вспомнилась выложенная галькой печь в комнате, яркие отрезки ткани на стенах, великолепие медлительной реки и ее песчаные берега.

— Переплыть через озеро на корабле было бы замечательно и недолго, но потом? — спросила она. — В первый раз была зима, шел снег, мы ехали на санях. И то мне показалось, что от порта на Перибонке до дома твоей матери довольно большое расстояние.

— В это время года я найду хорошую тропинку. И на чем доехать, при желании.

— Нет, я не хочу залазить в грузовик, который подпрыгивает на каждом камушке! А о возвращении ты подумал? Если мы отправимся назад осенью, я буду на шестом месяце беременности или даже больше. Дорога для меня станет очень утомительной. Умоляю, не проси меня об этом!

Он кивнул, раздосадованный.

— Если так, то я уеду в воскресенье.

— О нет, не так скоро! Остайся хотя бы до июля, умоляю! На одну или две недели!

Она с умоляющим видом посмотрела на него. Он поцеловал ее в лоб и в дрожащие губы.

— Хорошо, раньше июля я не уеду.

— Спасибо, Тошан! В следующем году, обещаю, я поеду с тобой. Но сейчас мы должны прежде всего думать о ребенке, которого я ношу.

Вместо ответа муж снова поцеловал ее в губы. Наконец они дошли до большого дома, чьи многочисленные окна ярко светились на фоне синих сумерек. Лора и Жослин сидели в гостиной за чашечкой настоя из кленовых листьев.

— Вот так чудеса! — лукаво заметила Эрмин. — Мама, неужели тебе удалось соблазнить папу комфортом?

— Мы много об этом говорили, и твой отец согласился сделать над собой усилие. Он пытается привыкнуть к моему образу жизни. Мы прошли по всему дому, заглянули во все комнаты второго этажа. Моя спальня, оказывается, похожа на конфетную коробку: слишком много цветастых тканей и пастельных тонов. Что до коридора и моей гостиной, то, по словам твоего отца, они напоминают ему музей.

Тошан стоял поодаль, ему хотелось побыстрее подняться к себе. Эрмин улыбнулась родителям и взяла мужа за руку.

— Доброй ночи, — ласково сказала она.

— Шарлотта накормила Мукки кашей и уложила его, — добавила Лора. — Доброй ночи, дети мои!

Произнеся эти привычные слова, она закрыла глаза. Все могло бы быть намного проще! Они с Жослином никогда бы не расставались и теперь наслаждались бы своей близостью, Тошан был бы не метисом, а коротко остриженным учителем, который ходил бы по струнке перед родителями своей супруги... Это показалось женщине настолько комичным, что она невесело усмехнулась.

— Господи, Жослин, какая странная у нас семья, — сказала она негромко. — Если так будет продолжаться, все развалится окончательно.

Лора на мгновение закрыла глаза, потом посмотрела на него немного потерянно.

— Я так нуждаюсь в покое и гармонии! — призналась она. — Но в любом случае спасибо, что уделил мне время.

Жослин кивнул с растерянным видом. Он попрощался и поспешил вернуться в свой летний домик. Там у него была бензиновая лампа и удобная раскладная кровать. На грубо сколоченной этажерке он расставил мелочи, которые нашел на улицах и в заброшенных помещениях целлюлозной фабрики. Устроившись на кровати, он обычно прочитывал несколько страниц романа, который дала ему Эрмин. Как и Лора, Жослин чувствовал себя очень одиноким. Стоило ему погасить свет, как темнота комнаты наполнялась картинками из прошлого, возвращая его к мыслям о заблуждениях и ошибках.

«Будет лучше уехать!» — думал он каждый вечер. Но утром снова решал остаться.

Валь-Жальбер, пятница, 16 июня 1933 года

Эрмин в сопровождении Шарлотты гуляла по улице Сен-Жорж. После долгих снежных месяцев для них огромным удовольствием было просто идти пешком под солнцем, в легких летних платьях. Они заглянули к Бетти, но та, занятая стиркой, довольствовалась тем, что спросила, как поживает Лора. Маруа поначалу были ошарашены их с Жослином историей, но скоро стали вести себя с ним весьма любезно. Жозеф проникся к соседу симпатией и уже приглашал его на кофе.

— Цветам все равно, что в поселке никого не осталось, — сказала молодая женщина, оглядывая заброшенный и все же цветущий палисадник.

— Да, они очень красивые, — согласилась девочка. — Но ты мне так и не ответила. Где Тошан? Я уже два раза спрашивала!

— Я немного рассеянная, прости меня! Думаю, он ушел в Роберваль,

как вчера. Я не знаю зачем.

— Не грусти, Мимин.

Шарлотта сжала руку старшей подруги. Общество этой ласковой девочки, всегда готовой помочь, стало для Эрмин необходимостью.

— Дорогая, я немного расстроена. Тошан хочет, чтобы я провела остаток лета в доме его матери, но мне пришлось отказаться, я не хочу рисковать.

— Из-за второго ребенка?

— Да, — вздохнула молодая женщина. — А ведь ради любви я должна последовать за мужем. Ему совсем не нравится в Валь-Жальбере.

Девочка кивнула с серьезным видом, но в душе ликовала: ей не придется жить несколько мрачных месяцев без Эрмин, с Лорой и Жослином!

Они собирались уже повернуть назад, когда их почти бегом догнал Тошан. Он едва переводил дыхание, но светился от радости.

— Эрмин, мы уезжаем завтра! Ты будешь в полной безопасности: я встретил старого приятеля, который довезет нас в лодке туда, откуда до хижины останется не больше полумили ходу. Я мог бы подумать об этом раньше! В прошлом индейцы монтанье поднимались по Перибонке на каноэ. И до сих пор поднимаются! У Пьера солидная лодка. Идти пешком тебе почти не придется. Если понадобится, я понесу тебя на спине последние триста футов!

Юноша сиял от радости. Он схватил Шарлотту за талию и закружил над землей.

— Перестань! Ты сошел с ума! — закричала девочка, хохоча.

— И эта юная дама отправится с нами, — добавил он. — Ты не сможешь обойтись в дороге без своей помощницы!

Эрмин согласилась без разговоров. Предстоящее приключение радовало ее. Она всегда мечтала переплыть озеро Сен-Жан на лодке.

— Это правда, я еду с вами? — переспросила девочка.

— Ну конечно! Тошан прав, с тобой мне ничего не страшно. Ты мой маленький ангел-хранитель!

Шарлотта закусил губы, чтобы не расплакаться от счастья. Когда Тошан поставил ее на землю, она бросилась на шею Эрмин и прижалась к ней.

— Я слишком счастлива!

— Слишком счастливыми не бывают, Лолотта, — пошутила молодая женщина. — А теперь домой! Нужно собрать вещи и сообщить новость маме. Если даже она рассердится, мы все равно уедем!

Тошан быстро покатил коляску. Мукки проснулся и звонко вскрикивал от удовольствия. Эрмин старалась, как могла, поспеть за мужем. Шарлотта тащила ее за руку. Такой радостная компания предстала глазам Лоры. Та сидела у крыльца в плетеном кресле, которое купила для таких вот погожих дней.

— Да что с вами такое? — воскликнула женщина. — Или за вами гонится медведь? Но тогда ваши лица не сияли бы так!

Молодые люди изложили ей свой план тоном, не допускающим возражений.

— Мне кажется, это сумасшествие, но я вижу, что вы все равно не передумаете, — сказала Лора. — Но вам придется вернуться с началом осени. Я рассчитываю на вас, Тошан. В последние месяцы беременности Эрмин нельзя напрягаться.

— Я даю вам слово! — пообещал зять, удивленный такой быстрой капитуляцией. Обычно теща так легко не сдавалась.

На лице женщины молодой человек прочел огромную усталость. Лора была ему симпатична, и, подумав, он решил, что это Жослин заставляет ее страдать — по сути, так и было.

Эрмин услышала голос отца. Он, как обычно, находился возле сарая для собак.

— Пойду расскажу папе, — сказала она.

Жослин увидел ее издалека и, до этого мгновения мрачный, поспешил «надеть» широкую улыбку. Эрмин снова подумала, что он все еще очень привлекателен как мужчина — высокий, широкоплечий...

— Ты радостнее весны! — сказал он. — Уже вернулась с прогулки?

— Да! И пришла тебе сказать, что завтра мы с Тошаном и Шарлоттой уезжаем. До конца сентября мы будем жить на берегу Перибонки. Моему мужу нужно заполнить дровяной склад матери, он делает это каждое лето. А Тала будет счастлива увидеть Мукки.

— Господи, Эрмин, это невозможно! Ты не поедешь в такую даль, да еще в твоём положении! Мне совсем не по душе роскошь, которой окружает себя Лора, но там тебе придется обходиться без всего. Да и мне будет тоскливо без тебя и моего внука... Я запрещаю тебе ехать!

— Папа, мы уже взрослые, мой муж и я, и ты ничего не можешь мне запретить, — сказала она. — Поверь, поездка пройдет хорошо. Мы сядем на лодку друга Тошана и переплывем через озеро, а потом поднимемся вверх по реке. У лодки есть мотор! Обратный путь до порта Перибонки мы проплывем на каноэ Анри Дельбо, его только надо немного подлатать.

— Табарнак!^[31] — выругался Жослин. — Опять эти его дикарские

замашки! Моя бедная крошка, я никогда не думал, что ты будешь так жить!

Слишком счастливая, чтобы обидеться, Эрмин бросилась отцу на шею. Он искренне беспокоился о ней, и это приятно было осознавать. Ему пришлось обнять ее, потому что она прижалась к нему всем телом.

— Папочка, ты зря волнуешься, моя жизнь прекрасна! Я — богатая наследница, у меня есть замечательный сын и муж, которого я люблю. И мои родители наконец вместе!

Жослин уловил в ее тоне иронию.

— Вместе, вместе, — пробормотал он. — Рано говорить об этом...

Однако он погладил ее по спине — неловко, испытывая огромное стеснение. У Шарденов было принято обниматься только в праздник Нового года, первого января. И он пришел к выводу, что Лора и их дочь другой природы — менее стыдливы и более порывисты.

— Я буду ждать тебя, — пообещал он, несмело касаясь рукой ее шелковистых волос. — Но только не возвращайся домой в индейском платье!

— Почему бы и нет? — отшутилась Эрмин. — А ты позаботься о маме, прошу, постарайся!

Он робко кивнул.

Лора поднялась к себе. Она кружила по комнате, сердясь на себя за то, что так легко согласилась отпустить дочь.

«Правду говорят, что дети неблагодарны! — думала она в бессильном гневе. — И Эрмин, и Шарлотта! Они без сожаления оставляют меня в обществе старого брюзги и домоправительницы, еще более чудной, чем я сама!»

Сев перед зеркалом, она стала смотреть на свое отражение. И чем дольше смотрела, тем сильнее становилось впечатление, что перед ней — незнакомка. Прическа перестала ей нравиться, и макияж тоже. Прямого покроя платье длиной до середины икры, сшитое по парижской моде, скрывало ее формы.

«Если бы только нам с Жослином было по двадцать лет! Я могла бы радоваться, оказавшись с ним наедине!» — подумала она, и ее сердце сжалось.

Внезапно ей в голову пришла идея. Грусть моментально испарилась, и Лоре стало казаться, что она не доживет до завтрашнего дня. Но несколько часов прошли стремительно. Она помогла Эрмин и Шарлотте выбрать одежду и собрать чемоданы. Пришло время для разговора на прощанье.

— Мапочка, мне жаль тебя оставлять, — призналась Эрмин. — Но

Тошану так хочется, чтобы я поехала с ним!

— А если у тебя снова случится выкидыш? — с беспокойством спросила у нее мать, готовая уже отказаться от своего плана. — Помнишь, в тот день, когда Ханс и твой отец подрались, тебе стало больно?

— Эта боль вскоре прошла. Все будет хорошо, я уверена в этом. Вот увидишь, этот ребенок родится в должное время и будет прекрасно себя чувствовать.

Говоря это, молодая женщина погладила свой живот.

— Я бы пошла на большее ради любви, мама. Я люблю Тошана всем сердцем.

— Если так, поезжай, дорогая! Обо мне не беспокойся, я остаюсь не одна. Если твой отец и дальше будет меня игнорировать, я стану приглашать Бетти на кофе. Симон может отвезти меня в Роберваль.

«Ради любви! — мысленно повторила Лора. — Это был крик души моей дочери, и теперь я лучше ее понимаю. Все, что я сделаю в будущем, будет сделано ради любви!»

— Пойду поговорю с Мирей, — промолвила она вслух. — Я хочу, чтобы вы взяли с собой достаточно еды и для завтрака, и для обеда!

Экономка, как обычно, была в длинном белом фартуке и напевала себе под нос. Она замолчала, увидев, как хозяйка входит в кухню.

— Мирей, дорогая моя, — начала Лора, — у меня к тебе секретное дело! Пообещай, что никому не расскажешь об этом ни сегодня вечером, ни завтра утром! И вообще никогда!

— Хорошо, мадам! — ответила впечатленная таким началом домоправительница.

— Ты уже работала в доме мсье Шарлебуа, когда он взял меня в жены. И я знаю тебя много лет...

— Да, мадам, — сказала бедная Мирей. Она была в панике: неужели ее собираются уволить?

— И за все это время ты ни разу не брала выходной, ни разу! Даже по воскресеньям ты не отходишь от печки. Так вот, ты поедешь на каникулы! Не дрожи так, разве это не хорошая новость? Я уверена, твои родственники в Тадуссаке будут счастливы с тобой повидаться!

Домоправительница бросила полный ужаса взгляд на свои красивые медные кастрюли и стеклянные бокалы, выстроенные по ранжиру на трех больших, выкрашенных желтой краской полках. Эта просторная кухня, в которой царил безукоризненный порядок, была ее царством.

— Но, мадам, куда вы желаете, чтобы я поехала? В Тадуссаке у меня остался только старший брат, и он не женат. Поэтому у меня нет ни

племянника, ни племянницы.

— Мирей, твой брат, конечно же, встретит тебя с распростертыми объятиями! Если нужно, я оплачу поездку. Билеты на поезд до Шикутими, оттуда отправишься в Тадуссак на одном из кораблей компании Ришелье. Это будет мой тебе подарок, договорились?

Лицо Мирей стало пурпурно-красным. Она присела на стул, теребя в руке полотенце. Женщина уже давно не представляла себе жизни вне дома Лоры.

— Вы — моя семья, вы все, — пробормотала она. — Я так привязалась к Эрмин, к маленькому Мукки, к Шарлотте!

— Мирей, не бойся, я же не прогоняю тебя, — со вздохом сказала Лора. — Я просто даю тебе заслуженный отпуск. Возвращайся в середине июля!

— А можно мне поехать к моей двоюродной сестре Суффрени, которая живет в Ла-Тюк? Мы переписываемся, и мне было бы намного удобнее у нее, чем у брата!

— Ну конечно! Я просто прошу тебя поехать в отпуск, немного развлечься, отдохнуть. Ты можешь сама выбрать, к кому в гости ехать.

— Господи Иисусе! Отпуск! Хорошо, мадам! Когда мне нужно уехать?

— Завтра! Я договорюсь с Симоном, он отвезет тебя на станцию Шамбор-Жонксон и посадит в поезд. Но никому ни слова об этом! И приготовь еды в дорогу для Тошана и Эрмин, и побольше!

Лора собралась уходить.

— А как вы тут без меня, мадам? — с тоской спросила домоправительница.

— Я не всегда была богатой, Мирей, ты это прекрасно знаешь! В Бельгии с тринадцати лет я занималась домашним хозяйством. Замешивала тесто и разводила огонь в печи, а перед этим собирала хворост. И каждый день кормила свинью. Мои родители были очень бедными, поэтому я старалась, как могла, им помочь.

Мирей кивнула. Прежде Лора никогда не рассказывала ей о своей жизни до переезда в Канаду.

— Я понимаю, мадам, — сказала она. — Но, честно говоря, я буду очень рада вернуться в эту кухню!

Суббота, 17 июня 1933 года

Эрмин смотрела на озеро Сен-Жан, очарованная его бескрайними

просторами. Его воды, наконец освободившиеся из ледяного плена, сверкали на солнце. Свежий ветер носился над поверхностью, вздымая мелкие волны с шапками белой пены.

— Мы и правда поплывем на корабле? — с восторгом спросила Шарлотта, любуясь озером.

— Конечно! Пьер скоро прибудет, его лодка стоит на якоре где-то поблизости, — сказал Тошан. — Жаль, что Симон не смог остаться и проводить нас. Похоже, он зачем-то понадобился твоей матери, вернее, не Симон, а автомобиль. Начну-ка я переносить наши вещи к причалу!

Он кивнул на три чемодана и детскую коляску. На мгновение Мукки сел в коляске — на его смуглом личике играла улыбка. Он с восторгом глядел на озеро.

— Посмотри на Мукки! — воскликнула молодая женщина. — Похоже, он радуется поездке!

— А ты? — спросил у нее муж. — Ты рада, что едешь в такую даль?

— Конечно, рада, тем более что ты рядом!

— А вот и Пьер! — сказал Тошан и пошел навстречу невысокому коренастому молодому мужчине, из-под картуза которого выбивались светлые волосы.

Эрмин вздрогнула. Она узнала Пьера Тибо. Тот дружески помахал ей рукой.

— Рад снова тебя увидеть, Эрмин! — сказал он. — Ты стала еще прекраснее, если это возможно для такой красавицы, как ты!

Тошан от удивления потерял дар речи и подозрительно посмотрел на жену.

— Не подумай плохого, приятель, — сказал ему Пьер. — Я давно понял, что красивая и милая девушка, о которой ты мне все уши прожужжал, это соловей из Валь-Жальбера. Я ничего тебе не сказал, чтобы тебя разыграть. И у меня получилось! В последний раз я видел Эрмин совсем девчонкой, в монастырской школе. Я старше тебя на сколько лет? На семь?

— Примерно так, — ответила она в замешательстве.

Пьер подарил ей первый в жизни поцелуй. Это было через год после окончательного закрытия целлюлозной фабрики. Парень уезжал из поселка вместе с отцом, братьями и сестрами. Эпидемия испанки 1918 года забрала у него мать Селин, которую все уважали, и старшую сестру Жанну.

«Он сказал мне, что я очень хорошенькая, и поцеловал, — вспомнила Эрмин. — Мне тогда было почти четырнадцать лет. Господи, сколько я думала о нем! И уже решила, что влюблена, а потом увидела на катке

Тошана и забыла о Пьере...».

— Пора! — объявил их капитан. — Поговорим в лодке. Этот симпатичный карапуз — ваш сын?

Эрмин взяла Мукки на руки.

— Ему девять месяцев, — уточнила она, все еще ощущая неловкость.

— А у меня двое, — отозвался Пьер. — И работаю я на лесопилке в Ривербенде. Недавно меня назначили старшим бригадиром, а моя жена унаследовала после смерти дяди его дом и участок. Я смог купить эту лодку и отремонтировать ее. Теперь по воскресеньям катаю на озере туристов. Но с вас я денег не возьму. Между друзьями счетов быть не должно!

— Не говори глупостей, — отрезал Тошан. — Конечно, мы тебе заплатим! Купишь подарки своим дочкам.

Превозмогая робость, Эрмин спросила Пьера о его семье. Он с широкой улыбкой гордо сообщил, что старшей его дочери, Арабелле, почти четыре, а второй, Сидонии, — два с половиной.

— Они у меня хорошенькие, как куклы! — добавил он. — И скоро родится третий малыш.

— Мы тоже ждем ребенка, — сказала она.

— Если так, надеюсь, озеро будет вести себя хорошо, чтобы тебя не бросало из стороны в сторону! — пошутил Пьер.

Несмотря на огромную симпатию, которую Тошан испытывал к Пьеру, в нем разыгралась ревность. Он редко видел Эрмин в обществе других мужчин и тем более старых приятелей из Валь-Жальбера. Все его раздражало: то, что они говорили друг другу «ты», и то, с каким восхищением Пьер Тибо смотрел на молодую женщину, и то, что Эрмин вела себя немного неестественно.

И все же неприятное чувство исчезло, стоило им подняться на борт небольшого судна. Шарлотта так торопилась, что споткнулась о трос и упала на палубу. Но тут же вскочила и улыбнулась.

Лодка, еще пришвартованная, равномерно покачивалась у них под ногами. Пьера с Тошаном это не беспокоило, они привыкли плавать. Эрмин же поторопилась присесть, прижимая к груди Мукки.

— Будь рядышком, Лолотта, — шепнула она боязливо. — Господи, нам придется переплыть через всю эту воду! Озеро Сен-Жан похоже на море!

— Посмотри, какого оно сегодня красивого цвета, — сказал Пьер. — Было стального, а стало — темно-серого. А вчера утром было голубое, как небо. Цвет зависит от его настроения.

— Надеюсь, сегодня у него хорошее настроение! — решила

пошутить молодая женщина.

— Не волнуйся, Эрмин, оно знает, с кем имеет дело! — с лукавым видом отозвался Пьер Тибо.

Наконец они отплыли от набережной. Гул мотора показался оглушающим, особенно в сравнении с пением ветра и плеском воды внизу. Чайки несколько минут летели за ними следом, но потом белые птицы повернули обратно к порту. Дома в Робервале, их крыши и печные трубы стремительно уменьшались.

— Это *cute*^[32], вам не кажется?! — крикнул капитан. — По-моему, поздняя весна у нас — самое лучшее время!

Тошан с рассеянным видом кивнул; Эрмин же не уставала любоваться пейзажем, который отсюда представлялся ей еще более великолепным и бескрайним. Горная цепь и плато казались зеленой оправой для сапфира чистой воды — озера.

«Спасибо, Господи, — про себя сказала Эрмин. — Спасибо за то, что дал мне жизнь и эту страну, и за то, что, стоит мне открыть глаза, я могу без усталости любоваться ее красотой!»

Она с наслаждением вдыхала свежий воздух, богатый новыми ароматами. Глядя на бесконечную лазурь воды и танец волн, Эрмин захотелось петь, чтобы выразить охватившую ее бурную радость. Похоже, Пьер читал ее мысли.

— Ты все еще выступаешь теперь, когда стала матерью? — спросил он в то же мгновение.

— Нет, — отрезал Тошан. — Моей жене нет необходимости петь. У нее слишком много забот с ребенком.

— Я отказалась от карьеры, — добавила Эрмин с нотками горечи в голосе.

Категоричный ответ мужа уязвил ее. Тот не дал ей возможности выразить свою мысль.

— Вот как? Жаль, — сказал Пьер. — Когда я узнал, что ты вышла замуж, это было первым, о чем я подумал. А я, признаться, был уверен, что скоро увижу твое имя на афишах по всему региону! А может, и дальше! Мой отец до сих пор вспоминает твой голос. Божий дар, по-другому не скажешь!

Шарлотта тихонько погладила старшую подругу по руке. Девочка интуитивно почувствовала, что это болезненная тема для Эрмин.

— Для меня голос — это своего рода инструмент. Если я его не развиваю, он становится менее выразительным. Тем более скоро у меня будет уже двое детей...

— Жаль, очень жаль, — повторил Пьер. Услышав это, Тошан поморщился. — Ты бы могла спеть для нас «*Ave Maria*» здесь, посреди озера!

— Нет, только не на таком ветре, — ответила молодая женщина, хотя идея показалась ей забавной. — Пригласи меня на крестины своего третьего ребенка, и я спою вам подходящий случаю церковный гимн.

— Обязательно! Только не вздумай потом отказываться! Повезло тебе, друг Тошан! Ты посадил в клетку соловья из Валь-Жальбера!

— Моя жена не сидит в клетке, — отозвался последний. — Наоборот, мне приходится во всем ей уступать, потому что, когда выходит не по ее, она на меня дуется!

— Обманщик! — воскликнула Эрмин.

Она была слишком счастлива, чтобы снова расстраиваться из-за своего голоса и отказа от певческой карьеры. Единственное, что имело значение — это их с Тошаном любовь. Мукки задремал у нее на груди. Шарлотта внимательно смотрела на поверхность воды, словно ожидая, что оттуда вот-вот появится сказочное чудовище.

«В лесу мы проведем чудесное лето, — подумала Эрмин. — По утрам будем ходить к реке, и моя Лолотта станет играть на берегу... А вечером мы будем все вместе сидеть у огня...»

Они продолжали плыть к порту на Перибонке. Пьер задумался, Тошан подошел и присел рядом с супругой.

— Может, он тоже хотел на тебе жениться, мой друг Пьер? — шепнул он ей на ухо. — Это не совсем честно с его стороны. С тех пор как я начал работать в Ривербенде, я говорил о тебе, но он так и не сказал, что вы знакомы.

— Наверное, хотел получше тебя разыграть, когда представится случай, — так же тихо отозвалась Эрмин. — Я была еще девочкой, когда Пьер со своей семьей уехал из поселка. У него не могло быть таких мыслей!

Она предпочла соврать. Это была ее маленькая тайна, и первый поцелуй, подаренный ей зимним вечером на улице Валь-Жальбера, уже ничего для нее не значил.

Валь-Жальбер, в тот же день

— Они уехали... Господи, они все уехали, — повторяла Лора тихим голосом, стоя посреди гостиной.

Второй раз за день она стояла и смотрела вслед автомобилю, который вел Симон. Сначала он отвез Эрмин, Тошана, Мукки и Шарлотту в Роберваль. Потом пришел черед Мирей. Было пролито несколько слезинок волнения, дано немало рекомендаций. И если Жослин с недовольной миной присутствовал при отъезде дочери, то об отпуске домоправительницы он понятия не имел.

«И слава богу, — подумала Лора. — Мне повезло, что Жозефу в голову пришла идея пригласить Жослина прогуляться. Они отправились на сахароварню вместе с Эдмоном и Арманом. Быстрее, быстрее, мне нужно спешить!»

Она вышла из дома и почти бегом направилась к жилищу семейства Маруа. Элизабет открыла дверь и при виде соседки удивленно улыбнулась.

— Готова поспорить, вы расстроились и хотите немного поболтать, чтобы успокоиться, — сказала Лоре ее приятельница. — Надеюсь, что поездка не очень утомит нашу Мимин!

— Будем надеяться! — сказала Лора. Каждый раз, входя в дом к Бетти, она вспоминала себя три года назад: в черной одежде, с черной же вуалью на волосах она приехала к Маруа и представилась матерью девочки, опекуном которой был Жозеф. Ее вмешательство в размеренную жизнь семейства посеяло панику.

«Мне кажется, это было и давно, и недавно, — подумала она. — Но с тех пор столько всего произошло!»

— Хотите чаю? — предложила Бетти.

— Нет, спасибо. Я хочу попросить вас об услуге. И, умоляю, не подумайте, что я сошла с ума!

— О какой услуге вы говорите?

— Не осталось ли у вас случайно платья, которое вы носили лет двадцать назад? После войны мы наряжались в длинные юбки и приталенные блузки. В общем, я хочу такой вот вышедший из моды наряд. Но ничего подобного у меня в шкафу нет.

Элизабет не стала задавать лишних вопросов. Просьба Лоры отвлекла ее от обычных забот — готовки, стирки и глажки, не говоря уже о штопке и вязании.

— Идемте! Поищем то, что вам нужно, в гардеробе, где я храню вещи, которые больше не носим. Девушкой я была такой же стройной, как вы, поэтому моя одежда должна вам подойти.

Они обменялись заговорщицкими взглядами. Через несколько минут в распоряжении Лоры оказались бежевая хлопчатобумажная юбка длиной до лодыжек, в тонкую серую полоску, и вышитая атласная кофточка.

— Спасибо, дорогая моя Бетти, я верну вам все выстиранным и выглаженным! У меня новая мания — хочу одеться по давней моде. Я после вам все расскажу!

— Вы же не уйдете, не выпив со мной чаю? Чашка сладкого чая — и вам станет легче!

Четверть часа женщины болтали, в частности, о решении Эрмин «следовать за Тошаном хоть на край света».

— Она делает это ради любви, — со вздохом сказала Лора. — А ведь я тоже собиралась в те края этим летом! Но неизвестно, кто покоится в той могиле, потому что мой супруг жив. Однако в следующем году я обязательно поеду. Мне будет приятно увидеть эту знаменитую реку Перибонку в теплое время года. Тем более что действие моего любимого романа «Мария Шапделен»^[33] развивается в тех местах.

— Так нужно было поехать с ними, — сказала Бетти.

— Нет, я бы им только мешала. Прошу, Бетти, пришлите мне на следующей неделе Армана. Сейчас ему заняться особенно нечем, но я решила переставить кое-какую мебель. Шарлотта, когда вернется, очень удивится: я собираюсь отдать ей свою спальню, а сама переберусь в ее комнатку. А теперь мне пора. Спасибо, Бетти!

И Лора ушла, торопясь примерить полученные от соседки вещи.

— Прекрасно! — восхитилась она, разглядывая свое отражение в большом зеркале платяного шкафа. — Так я одевалась, когда мы с Жослином познакомились!

Юбка и блузка подчеркивали девичью грацию ее тела. Свои короткие кудри платинового цвета она зачесала назад и накрыла цветастым атласным платком, завязав его сзади у шеи. Собственное лицо без грамма косметики показалось ей более нежным. Счастливая тем, что метаморфоза оказалась столь удачной, Лора прошла по всем комнатам дома.

— Теперь мне осталось только приготовить еду.

Она ощутила странное удовлетворение, прикасаясь к овощам и фруктам. И ее сердце начинало биться быстрее, когда она думала о Жослине, о том, что было между ними в прошлом.

«Он удивится, увидев меня в таком наряде! Во время нашего первого свидания я была одета похоже, а голову покрывала красная косынка в белый горошек. Вот только волосы были длинные, и он их гладил...»

Лора решила накрыть к ужину на улице, возле летнего домика. Она сама принесла из столовой маленький столик и два стула. Потом поспешила вернуться в кухню, где подходило тесто для пирога с мясом.

С приближением назначенного часа она нервничала все сильнее,

забывая о своем внешнем виде, о своем извечном кокетстве.

«Все, хватит жалеть себя, — подумала женщина, стоя у печи. — Об утрате Ханса я печалюсь куда меньше, чем горевала об утрате Жослина, когда память ко мне вернулась! Конечно, он изменился, постарел, но с тех пор, как он здесь, со мной рядом, я часто поступаю вопреки здравому смыслу. Я не переживу, если он уйдет! Я хочу, чтобы он всегда был со мной, ведь он мой муж, мой любимый мужчина!»

На улице было очень жарко. Лоб у Лоры покрылся капельками пота, щеки разругались. Она хотела было подойти к мойке и умыться холодной водой, когда услышала:

— Что вы здесь делаете, мадемуазель?

Это был Жослин. По голосу стало ясно, что он заинтригован и слегка рассержен. Она обернулась.

— Лора! Но...

— Ужин почти готов, — объявила она. — В доме, кроме нас, никого. Мирей взяла отпуск. И я решила поиграть в хозяйку, как раньше!

Это «как раньше» проделало долгий путь, пока не дошло до сознания Жослина, не отрываясь смотревшего на жену. Она была так похожа на прежнюю Лору — тонкая талия, округлые груди под легкой тканью блузки... И самое прекрасное — это ее лицо со светлой кожей, нежно-розовыми губами без намека на красную помаду, и светлые глаза...

— Лора, зачем все это? — спросил он. — Зачем так стараться? Я этого не заслуживаю.

— Ради любви, — тихо ответила она. — Ради любви к тебе, Жослин.

Он распахнул объятия. Лора поспешила укрыться в них, ведь ей так этого не хватало! Она почувствовала себя слабой и хрупкой, но в то же время защищенной.

— Дорогая, я ждал этого много дней, но не хотел принуждать тебя силой, — выдохнул он, целуя ее в ямочку у шеи.

Она теснее прижалась к нему, прислушиваясь к своим ощущениям. Руки Жослина прошли по ее бедрам, поднялись к талии, потом коснулись спины. Казалось, он снова учится нежности и деликатности. Опыт любовника говорил ему, что сейчас время легких поцелуев в нежную шейку, ласковых прикосновений. В юности Лора узнала, что такое насилие со стороны мужчин, которые полагали, что за деньги им дозволено все. Поэтому всегда нуждалась в терпении и ласке: желание зарождалось в ней медленно. Разумеется, прошедшие годы могли исцелить эти психологические травмы, однако она вряд ли обрадовалась бы, если бы он решил взять ее штурмом.

«Возможно, Ханс Цале со своими изысканными манерами, совсем не похожий на мужлана, лучше подходил ей как любовник?» — подумал Жослин.

Однако тут же решил, что заставит супругу забыть и о пианисте, и обо всех остальных мужчинах на свете. Но она отстранилась — румяная, с участвующимся дыханием.

— Давай поужинаем, Жосс! Мне пришлось потрудиться сегодня, в этом ты прав. Оцени мое кулинарное искусство.

Жослин помог ей накрыть на стол. Мясной пирог оказался вкуснейшим, по его словам, намного лучше, чем у Мирей. Они выпили вина, потом по паре глотков джина. С наступлением сумерек в соседних кустах закричали птицы. Эти странные звуки, звонкие и резкие, звучали не умолкая.

— Лора, послушай! Это козодои! Ты помнишь?

— Ну конечно! Мы слушали их однажды вечером, возле Тадуссака, когда я сказала тебе, что беременна. Козодои кричали до рассвета и надоели мне, но мы были так счастливы, что я пообещала себе никогда не забывать эту ночь и эти крики.

Он взял ее за руку. В темных глазах его читалось желание. Глухой жар пульсировал внизу живота. Лора встала и обошла стол. Без лишних слов она наклонилась и поцеловала мужа. Этот поцелуй был страстным, бесконечным. Она еле стояла на ногах. Жослин едва удержался, чтобы не раздеть ее и не уложить на траву. Очень медленно он встал и обнял ее.

— Ты все такая же красивая, — сказал он, увлекая ее к летнему домику. — Идем, сжался надо мной!

— Я никогда не жалела тебя, — возразила Лора. — И сейчас не стану. Это ты пожалел бедную эмигрантку, когда мне было столько же лет, сколько нашей дочери сейчас. Жослин, я никогда не переставала ждать тебя и надеяться. Ты должен мне верить!

— И я тебе верю, потому что чувствую то же самое, моя милая Лора!

Она закрыла глаза, чтобы скрыть слезы счастья. Так он назвал ее в ночь их свадьбы.

В летнем домике сумерки казались снисходительными и многообещающими. Они улеглись на раскладной кровати, вынужденные тесно прижиматься друг к другу. Еще долго они целовались. Потом Жослин расстегнул блузку и увидел ее небольшие груди с темными сосками. Вид нежной, молочно-белой кожи жены усилил его возбуждение. Он снял с нее все до нитки, радуясь тому, что она все такая же — с тонкой талией, плоским животом, стройными ногами. Она не осмеливалась смотреть на

него, смущенная и стыдящаяся себя, как юная девственница.

В прошлом ласки его не были такими смелыми и искусными. Тала научила его любовным играм, запрещенным церковью. Жослин на мгновение задумался об этом, в то время как Лора, забывшись в наслаждении, тоже освободилась от некоторых предрассудков. Их опыт и страстное желание воссоздать семью довершили дело. Достигнув пика удовольствия, оба они приглушенно вскрикнули.

Некоторое время спустя, еще не верящие в происшедшее, усталые, они лежали, так тесно обнявшись, что желание проснулось снова.

Она радовалась, видя его таким сильным, мускулистым, мужественным. Он же был глубоко взволнован тем всепоглощающим доверием, с которым она отдалась ему.

— Простим друг другу все и будем жить счастливо вместе, — просто сказал он.

— Мне теперь ничего не страшно, — отозвалась она.

И, улыбаясь, приподнялась на локте.

— Или нет! Я боюсь, что свалюсь с этой раскладной кровати! Завтра или даже раньше я покажу тебе мою новую комнату, нашу комнату, которую я обустроила для тебя. Раньше в ней обитала Шарлотта. Там не живут воспоминания, и обстановка тебе понравится.

— Мне на все наплевать, если ты в моей кровати, — сказал он.

Лора легла на него и заставила замолчать, прижавшись губами к его губам. Яд прошлого иссяк. Будущее открывалось перед ними и, быть может, таило в себе угрозу, но они были готовы встретить его рука об руку.

Глава 12

От реки к реке

Хижина Талы, середина сентября 1933 года

Эрмин следила глазами за полетом казарок в сером небе, прямо над опушкой. Дикая птица размеренно взмахивала крыльями. Стая летела клином, напоминая латинскую букву «V», — словно послание тем, кто оставался на земле. Шарлотта, прижимая к груди Мукки, стояла рядом.

В прохладном воздухе пахло разгорающимся костром. Молодая женщина посмотрела на хижину. Из печной трубы поднимался густой белый дым.

— Тала права, зима в этом году будет ранней, — заметила она. — Со вчерашнего дня над нами летят казарки. Летят туда, где климат мягче...

— Мне нравится, как они кричат, — с задумчивым видом сказала девочка. — Мимин, ты хорошо себя чувствуешь? Ты вся дрожишь!

— Не беспокойся, просто я слишком легко оделась, а на улице стало холоднее. Давай вернемся в дом!

За лето они ни разу не расстались. Тошан усердно работал, заготавливая дрова, и если откладывал в сторону свой топор, то только для того, чтобы пойти на охоту или рыбалку. Почти каждый день, даже на следующее утро после их приезда, он уходил в соседний лес рубить мертвые деревья или собирать валежник. Тошан починил крышу над дровяным сараем и расширил дом, добавив еще одну комнату из красивых досок с насыщенным смолистым ароматом.

— Это комната для наших детей, — ответил он Эрмин, когда та спросила, нужно ли им еще одно жилое помещение. — Надеюсь, мы всегда будем проводить лето здесь, на природе.

Молодая женщина предпочла не противоречить супругу. Тошан был так ласков к ней, так добр и предупредителен, что ей хотелось как можно дольше сохранить это ощущение полнейшего счастья.

Они играли в первопроходцев до возвращения Талы, то есть до середины июля. В отсутствие хозяйки дома вместо порядка у них царил радостная недисциплинированность. Эрмин часто отдыхала на грубо сколоченной кровати на веранде, наблюдая за кулинарными опытами

своего супруга или Шарлотты. Они ели рыбу, выловленную на рассвете в реке, или мясо куропатки, зажаренное на углях. Но главным блюдом оставались тонкие лепешки, политые кленовым сиропом или медом.

«Мы словно в раю живем, — подумала Эрмин, входя в хижину. — По вечерам подолгу беседуем у костра, под звездами. Шарлотта часто говорит, что в кустах блестят глаза диких зверей, и, смеясь, прижимается ко мне... Наш Мукки — просто примерный ребенок: ночью спит, не просыпаясь, по десять часов. У него уже шесть зубов! Настоящий маленький мужчина, правда, передвигается пока на четырех...»

Тала сидела у выложенного галькой очага. Она согревала руки, и выражение лица у нее было скорбное.

— Скоро вы вернетесь в Валь-Жальбер, — сказала она, обернувшись к Эрмин, и грустно улыбнулась. — Как и казарки, вы будете далеко от меня.

Складывалось впечатление, что индианка пребывает во власти непроницаемой тоски с тех пор, как возвратилась домой. Тошан много раз заговаривал об этом с женой.

— Мать сама не своя, — сказал он Эрмин накануне вечером. — В первые дни, когда она вернулась и увидела, что мы здесь, она казалась довольной, но голос и движения ее изменились. Когда я задал ей вопрос, она ответила загадкой и даже не сказала, куда совершила паломничество и почему.

И только Мукки удавалось вернуть на лицо Талы улыбку. Она много времени проводила с внуком и часто ходила с ним на прогулку, неся мальчика на спине в широком платке, завязанном вокруг плеч.

Вот и сейчас женщина посадила малыша к себе на колени и стала показывать, как танцуют языки пламени в очаге.

— Увы, нам придется уехать, — ответила Эрмин, присаживаясь с ней рядом. — Мои родители наверняка уже по мне соскучились. И мама, я это точно знаю, пригласит акушерку, чтобы та меня осмотрела, как только я переступлю порог.

Тала кивнула. Бросив взгляд на округлившийся живот невестки, она сказала:

— Мукки не был таким крупным. Ты выносила своего первого ребенка в этом доме, он родился в соседней комнате. И я очень этому обрадовалась. Твой следующий малыш родится под крышей дома твоей матери Лоры. Это справедливо. Ничего не бойся, все будет хорошо.

Молодая женщина не знала, что еще сказать, чтобы приободрить Талу. Она снова и снова предлагала ей поехать с ними в Валь-Жальбер.

— Пожалуйста, едем с нами! Тошан очень волнуется, как вы тут

будете жить долгие зимние месяцы, совсем одна. Моя мать очень хочет с вами познакомиться. В доме есть для вас прекрасная комната. Рождество мы отметим всей семьей. И вы с первых дней будете рядом со вторым внуком или внучкой...

— Я не праздную рождение Иисуса Христа, хотя Анри читал мне Евангелия перед моим крещением. Как могу, я исполняю заветы вашего Бога, проповедавшего милосердие и любовь, но это не всегда легко. Не сердись на меня, Эрмин, но я не поеду в твой поселок. Мне больше по душе моя хижина.

Шарлотта очень привязалась к матери Тошана. Она помогала индианке по хозяйству и с искренним интересом слушала ее рассказы о детстве.

— Вам непременно нужно поехать с нами, Тала, — упрашивала хозяйку дома девочка. — Если вы не поедете, я так сильно буду по вам скучать...

Услышав этот крик души, Тала улыбнулась и погладила Шарлотту по черным кудрям.

— Я не могу уехать из этих мест. Обо мне не беспокойтесь.

Отряхнув ботинки о каменный порог, вошел Тошан.

— Идет сильный дождь, — объявил он. — Марк только что прошел по тропе, так что мы получили почту!

Марком звали траппера, жившего по соседству. Раз в три дня он ездил верхом в Перибонку и выполнял функции почтальона для соседей.

— Мне пришло письмо от мамы! — воскликнула Эрмин. — Шарлотта, она наверняка получила наши, те, которые мы написали в середине августа!

В один из вечеров, когда они вчетвером собирались у очага, молодая женщина весьма эмоционально рассказала о том, как незадолго до свадьбы Лоры с Хансом в дверь их дома постучал Жослин Шарден, ее отец. Тала сумела сохранить беспристрастное выражение лица.

— Мне было страшно даже подумать о долгой дороге, — призналась Эрмин свекрови, — но это был единственный выход, потому что так у моих родителей появлялся шанс научиться снова жить вместе. Они нуждались в уединении.

Каждое ее слово ранило Талу. После этого разговора молодой метис снова стал осаждать мать расспросами.

— Какая печаль мучит тебя? Уходишь неизвестно куда и возвращаешься через шесть недель! Мать, прошу, скажи! В последний раз я видел тебя такой после смерти отца!

— Я обожглась в огне, к которому не должна была приближаться,

сын, — только и ответила Тала. — Я подумала, что быстро исцелюсь, но рана слишком глубока и мучит меня не переставая.

С тех пор Тошан и Эрмин тщетно пытались понять, что за огонь мог оставить такой ожог.

— О, послушайте этот пассаж! — воскликнула молодая женщина. — Это в самом конце письма: «В доме у нас небольшие перестановки. Эрмин, дорогая, передай Шарлотте, что я отдаю ей мою комнату, которая так ей нравится, вместе со всем, что в ней есть. Мы с Жослином перебрались в ее бывшую спальню, она вполне устраивает моего супруга, чей характер становится мягче с каждым днем. Леса вокруг Валь-Жальбера уже надевают свой осенний наряд, и мы часто подолгу там гуляем. Передайте мои наилучшие пожелания Тале и скажите, что после стольких лет я буду счастлива ее увидеть. Она всегда желанный гость в нашем доме!

Господи, я жду не дождусь, когда же вы наконец приедете! Надеюсь, первым снегом мы будем любоваться уже все вместе. И последняя новость: Симон Маруа нашел девушку по душе и 31 декабря собирается нас всех с ней познакомить...» Она целует нас и просит передать привет вам, Тала, — закончила Эрмин.

Тошан, который сидел к жене спиной, скорчил гримасу. Он куда охотнее остался бы зимовать в хижине, хотя тогда ему пришлось бы много охотиться на крупную дичь и удвоить запас дров. Перспектива несколько месяцев выносить нападки Жослина ему совершенно не улыбалась.

«Но выбора у меня нет. Эрмин хочет, чтобы это дитя родилось непременно в доме Лоры. И это благоразумно, не отрицаю».

Ни он, ни Эрмин не заметили, как изменилась в лице Тала, как задрожали ее руки. Не увидели они и того, что золотисто-карие глаза Шарлотты наполнились горькими слезами. У девочки была своя тайна: ей очень нравился Симон, несмотря на разделяющую их разницу в девять лет. Простейший подсчет — и девочка решила, что все ее мечты осуществимы. Немного терпения, и Симон станет ее супругом. И вот появление этой неизвестно откуда взявшейся «девушки в его вкусе» перечеркнуло все планы Шарлотты.

— Эрмин, Тошан, оставьте меня с Талой, — чуть не плача, попросила она. — Я не хочу возвращаться в Валь-Жальбер.

Поскольку оба супруга посмотрели на нее с изумлением, девочка добавила:

— Мне понравится жить зимой в лесу! Я буду шить, подбрасывать поленья в очаг. Вы ведь хотите, чтобы я осталась, Тала?

— Это абсурд, — отрезала Эрмин, не дав свекрови времени высказать свое мнение. — Лолотта, да что с тобой такое? Разве ты забыла, что Мукки на Рождество будет особенно нужна его любимая нянюшка? Забыла почему? В конце декабря у меня родится еще один малыш!

Будущая мать уже не раз плакала от огорчения. Она прекрасно перенесла первую беременность: Мукки она носила легче, не чувствовала себя такой отяжелевшей, не так быстро уставала.

— Решено, мы уезжаем послезавтра, — сказала молодая женщина, сдерживая вновь подступившие слезы. — И ты, Шарлотта, едешь с нами! А пока пойду полежу.

Тошан встал и сказал почти торжественно:

— Послушайся ту, которая с давних пор оберегает тебя, дитя, — посоветовал он Шарлотте. — Здесь тебе скоро станет скучно. И я точно знаю, что на Рождество Лора устроит чудесный праздник!

Тошан увидел, что мать опустила голову, словно бы склоняясь под тяжелой ношей, и вышла в маленькую комнату, в которой устроилась с недавних пор.

— Шарлотта, присмотри за Жослином, пока я не вернусь, — тихо попросил он.

Но последовал молодой метис не за Эрмин, а за Талой. Войдя в комнату, он увидел ее стоящей у окна, которое выходило в лес.

— Мама, умоляю, поговори со мной! Только не лги и не говори загадками. Будет слишком поздно, когда я уеду. Ты несчастна, я ведь не слепой! Это из-за мужчины? Ты можешь мне признаться, я не стану тебя упрекать. Ты вправе снова выйти замуж, и если бы это произошло, у меня бы, честно говоря, камень с души свалился.

Внезапно выдержка изменила Тале, и она разрыдалась.

— Мой любимый сын, я сама обрекла себя на страдания. Да, я люблю мужчину, но я его потеряла. Не нужно было убирать круг из белой гальки, который удерживал его рядом со мной. Если бы не это, он остался бы здесь навсегда. Но я собралась с силами и сделала то, что должна была. Так нужно.

Тошан понял, что подозрения его оказались верны. Речь шла о несбывшейся любви.

— Кто он, мать? — настойчиво спросил он. — Найди и верни его!

— Нет, сын. Никогда. Пламя, опалившее меня, — это он, и, как я уже сказала, это пламя предназначено не мне.

С бесконечной нежностью сын вытер слезы, струившиеся по щекам матери.

— В последний раз ты плакала на похоронах отца! А стоит ли этот человек твоей любви?

— Я забуду его, — пообещала Тала. — Северный ветер и зимние снега меня исцелят. Я снова обрету мир. Только пообещай, что не расскажешь о причине моей грусти Эрмин. И вам нужно поскорее уезжать, пока река не вышла из берегов из-за этих сильных дождей. Твоя жена нуждается в покое и заботе, и ее родители тоже. Я не хочу, чтобы она обо мне беспокоилась. Сестра с племянницами скоро придут навестить меня, и я не буду одна.

— Мама, а кто этот человек? Как он мог отказаться от тебя? Когда ты уходила, ты была с ним?

Тала отмела это предположение движением головы. И заставила себя солгать:

— Ты его не знаешь, но он из нашего народа, монтанье, как и я. Ходила я не к нему, а к шаману^[34], мне понадобилась его помощь. И, по правде говоря, это тебя не касается, Тошан. А теперь иди к своей молодой супруге, твоей певчей птичке! Хотя ты давно так ее не зовешь. И она больше не поет...

— Я отвечу твоими же словами: «Это тебя не касается!» — сердито отозвался молодой метис.

Он вышел, хлопнув дверью. За вечерней трапезой в этот день никто не разговаривал, все сидели с мрачными лицами, думая о своих печалях и разочарованиях. Тала упрекала себя в том, что открылась сыну, а тот сердился на нее за намек насчет Эрмин. Шарлотта дулась в открытую. Почти достигшая подросткового возраста девочка слишком остро переживала свою первую безответную любовь. Что до Эрмин, то она мучилась от тупой боли в спине. Много неудобств доставлял ей и большой живот. Молодой женщине хотелось как можно скорее оказаться в Валь-Жальбере, рядом с родителями и Мирей. Ей недоставало заботы домоправительницы, у которой всегда находилось веселое словцо, способное ее утешить.

Следующий день не принес с собой никаких перемен. Тала не выходила из своей комнаты. Тошан большую часть дня чинил каное отца и мастерил над ним некое подобие полотняного тента на случай, если пойдет дождь.

Эрмин и Шарлотта собирали свои вещи.

— Но ведь мы могли бы остаться хотя бы до октября! — сказала девочка, которая как раз меняла штанишки Мукки.

Лежа на кровати голой попкой кверху, мальчик активно дрыгал ножками.

— Снегопады могут начаться задолго до октября! И потом, разве ты забыла, что тебе пора возвращаться в школу?

Молодая женщина склонилась над сыном.

— Позавчера моему маленькому херувиму исполнился годик, а мы даже не отметили как следует такое событие! Когда приедем домой, я попрошу Мирей испечь торт!

Тала о дне рождения внука не забыла. Она подарила ему пару искусно сшитых мокасин из красной кожи, отделанных белыми и черными бусинами.

— Какая тонкая работа! — восхитилась молодая мать, любуясь подарком. Мокасины были такими крошечными, что помещались у нее на одной ладони. — Я надену их на Мукки сегодня вечером, может, это поднимет всем настроение. Это наш последний совместный ужин, и мне бы хотелось, чтобы вечер был приятным. Кстати, Шарлотта, откуда эта идея остаться на зиму с Талой? Это страшная глупость, дорогая!

— Мне ее жалко! И она мне очень нравится! А еще я не хочу в школу. И Арман все время меня дразнит. Симон добр ко мне, Эдмон тоже, но Армана я терпеть не могу!

— В общем, все твои причины — обычные детские глупости, — подвела итог Эрмин. — Ты нужна мне, Шарлотта, ведь ты моя маленькая сестричка!

— Прости, Мимин!

Они обнялись. Все разногласия были забыты. Кто-то постучал в дверь, если можно было назвать дверью изделие из грубо сколоченных, плохо обработанных досок. Вошла Тала. На ней были куртка и шапка.

— Я пришла попрощаться, — пояснила она. — Я иду к матери, Одине^[35]. Я давно не была у нее в гостях, она обрадуется. Ты помнишь Одину, Эрмин?

— Конечно! Как могу я забыть женщину, которая помогла мне произвести на свет Мукки! Но почему тебе нужно уходить именно сейчас? Через три часа уже стемнеет!

— Я успею дойти до ее дома. И темноты я не боюсь. Да и собака пойдет со мной.

— А что об этом думает Тошан? — не сдавалась молодая женщина.

— Он думает, что я вольна идти, куда хочу, и тогда, когда хочу. За меня не волнуйся. Моя сестра Аранк живет с Одиной, разговоры помогут мне забыть об усталости.

— А может, о твоём горе?

— У меня нет повода горевать, — с улыбкой сказала Тала. —

Сожаления, угрызения совести, заботы — да, но не горе. Будь счастлива, маленькая Канти, рядом с твоими родителями, которые снова вместе.

Индианка погладила невестку по щеке. Эрмин захотелось плакать. Канти, «Та, которая поет» — так назвал ее один из двоюродных братьев мужа, которого звали Шоган, «Черная птица», когда услышал, как она исполняла оперную арию.

— Теперь не стоит звать меня Канти, — грустно сказала она.

— Не забывай о силе круга, дочка, — добавила Тала. — Никто и ничто не помешает тебе петь. Это написано в книге твоей жизни. Я очень люблю тебя, в этом не сомневайся. Благодаря тебе я научилась читать. Поэтому, пожалуйста, напиши мне письмо, когда ребенок появится на свет.

Тала поцеловала Шарлотту в лоб, после чего коснулась груди Эрмин в том месте, где билось сердце.

— Мы снова увидимся будущим летом, — сказала она ласково, а потом ушла, закрыв за собой дверь.

Тошан об уходе матери не сказал ничего. Похоже, он даже испытал чувство облегчения. Поэтому последний ужин прошел веселее, чем все ожидали. Они поели и легли пораньше, чтобы с первыми лучами солнца отправиться в путь.

Однако на рассвете произошло событие, на первый взгляд совершенно безобидное. Шарлотта отправилась к реке со своим чемоданчиком в одной руке, другой толкая коляску с Мукки. Эрмин в это время в который раз перетряхивала свои вещи, но так и не могла разыскать потерю.

— Любимая, что ты ищешь? — спросил у молодой женщины Тошан, закрывая ставни. — Если мы хотим успеть на условленное место, где нас будет ждать Пьер, нужно поторопиться.

— Я хотела надеть на Мукки его мокасинчики, но один не могу найти. Он как сквозь землю провалился! Нужно бы посмотреть под кроватью и под комодом, но я не могу нагнуться, как раньше! И встать на четвереньки тоже не могу!

Супруг с улыбкой обеими руками погладил ее большой живот.

— Моя женушка превратилась в мячик! — пошутил он. — Не расстраивайся, он просто не мог никуда деться, этот мокасин!

Успокоившись, Эрмин вышла в соседнюю комнату. Тошану же пришлось в буквальном смысле слова лечь, чтобы исследовать пространство между кроватью и полом. Он сразу же увидел потерявшийся мокасин, но рядом с ним лежал еще и сложенный вчетверо носовой платок. Тошан достал обе вещи.

— Он такой пыльный, — сказал мужчина вполголоса, встряхивая

батистовый платок в красно-зеленую клетку, все еще хранящий следы глажки.

Тошан увидел и вышитые красным инициалы: заглавные буквы Ж и Ш. Его ум заработал с быстротой молнии. Единственным человеком с такими инициалами в кругу его знакомых был...

— Жослин Шарден! Но как здесь очутился его платок?

Смутный страх охватил Тошана, однако уже в следующую секунду он вздохнул с облегчением.

«Эрмин могла взять этот платок с собой по ошибке. Он попал к ней из бельевого шкафа Лоры. Но... Почему на нем тогда столько пыли? Может, он упал под кровать в первые дни после нашего приезда? Другого объяснения быть не может!»

И он вышел из комнаты, радуясь, что сейчас вернет жене ее пропажу. Молодая женщина с нетерпением ждала его у входной двери.

— О, ты все-таки его нашел! — радостно воскликнула она и схватила маленький башмачок.

— Он был под кроватью, но у тебя не получилось бы его достать. Этот платок ты тоже туда уронила, — добавил он, показывая развернутый квадрат материи, тут же затрепетавший на ветру.

Эрмин, которая уже спускалась по ступенькам веранды, улыбнулась.

— Не хочу тебя расстраивать, но это не мой платок! Он же мужской, и тебе это известно. Я впервые его вижу!

Снова став серьезной, она добавила ласковым голосом:

— Наверное, это платок твоего отца.

Удивленный, Тошан чуть было не ответил: «Скорее уж твоего!» — но, сам не зная почему, сдержался. В очередной раз им руководила инстинктивная осторожность. Молодой метис поспешил засунуть платок в карман штанов. Эрмин не увидела вышитых на нем инициалов.

— Ты права, — отозвался он, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно более спокойно. — Идем!

Кусочки бледно-голубого неба проглядывали между причудливыми арабесками белоснежных облаков. Перибонка медленно катила свои воды. Усевшись на песок возле каноэ, Шарлотта напевала колыбельную устроившемуся у нее на коленях Мукки.

Эрмин с наслаждением вдохнула свежий утренний воздух. Невзирая на радостное ожидание встречи с Валь-Жальбером, ее родным поселком, она оставляла в хижине Талы и окрестностях частичку себя.

«Мы были так счастливы здесь! И в следующем году вернемся, так нужно! Надеюсь, Тала уже не будет такой грустной», — подумала она и

ощутила укол беспокойства.

Тошан помог ей забраться в лодку, которую столкнул на воду. У молодой женщины сжалось сердце. Каноэ золотоискателя оказалось куда менее устойчивым, чем моторка Пьера Тибо. Но Шарлотта, которая уже успела устроиться в лодке, взяла ее за руку.

— Я расскажу о своих каникулах в сочинении, — сказала девочка. — Представляешь, какой будет восторг, когда мои одноклассники узнают, что я видела черного медведя!

— Благодаря моей матери, — сказал Тошан. — Она так хорошо знает лес, что может сказать, по каким тропам ходят звери и где их можно найти.

Все трое переглянулись. Вчерашний поспешный уход Талы показался им странным.

— В путь! — воскликнул молодой метис. — Течение само, без наших усилий, принесет лодку к набережной Перибонки!

Долгое время он молчал, уйдя в собственные мысли, стараясь держать каноэ подальше от берегов реки. В этой местности Перибонка была широкой и неспешно змеилась меж высоких, поросших лесом холмов. Шарлотта пела мальчику песенки, и Эрмин с удовольствием внимала повторяющимся по десятку раз строчкам, самым что ни на есть простым словам. Ребенок, которого она носила под сердцем, много и активно двигался. Она тихонько помассировала живот через легкую льняную ткань платья. Но неторопливые, беспорядочные движения внутри ее тела от этого только усилились. Они уже граничили с болью.

«Господи, наверное, я рожу великана!» — мелькнула испугавшая Эрмин мысль. Она не знала, радоваться этому или огорчаться.

Тошан не отрываясь смотрел на искрящуюся под солнцем гладь Перибонки. Огромная рыба вдруг выскочила из воды и обрушилась обратно, подняв фонтан серебристых брызг. Из головы метиса не шел этот треклятый носовой платок.

«Как он мог оказаться под кроватью в большой комнате? Как я ни пытаюсь, не могу найти объяснение! Если бы мы с отцом не расширили хижину, добавляя перегородки, я бы подумал, что этот кусок материи лежит там уже семнадцать лет, с того дня, когда Лора с Жослином в первый раз вошли в дом моих родителей. Но тогда бы платок был в жалком состоянии, а он довольно чистый... Я даже почувствовал запах мыла... А может, он и правда остался в доме с тех пор, просто мать решила взять платок себе, зная, что никогда не сможет вернуть его владельцу. Нет, какой же я глупец, что ломаю над этим голову! И все же... «Ж» и «Ш»! У кого из наших соседей могут быть такие инициалы?»

Но никого не находилось. Неприятное чувство, которое вызывала в нем вся эта история, только усилилось.

— Что с тобой, Тошан? — спросила у него сидящая на носу каноэ Эрмин, в то время как ее супруг находился у кормы. — За все это время ты рта не раскрыл!

Молодая женщина опасалась, что мужа не радует перспектива возвращения в Валь-Жальбер.

— Все в порядке, — ответил тот, сияясь улыбнуться. — Я думаю о нашем будущем.

— Господи, подходящее ли сейчас время для таких мыслей? — воскликнула она. — А я просто хочу, чтобы поскорее пришли рождественские праздники! Скоро из-за ребенка я не смогу нормально ходить. А мне совсем не нравится чувствовать себя чуть ли не инвалидом!

Конечно, это было слишком сильно сказано. Тошан зачерпнул ладонью воды и плеснул ею в жену. Та вскрикнула. Шарлотта с хохотом спряталась за спину молодой женщины.

«К черту этот платок! — подумал Тошан. — Следующим летом спрошу о нем мать».

Однако, стоило им причалить на набережной в поселке Перибонка, как мысли его приняли новое направление. Тошану пришло в голову, что Жослин мог совсем недавно посетить его родные места. Если это было правдой, то именно его тесть и никто другой разбил Тале сердце. Тошан решил ничего не рассказывать жене, пока у него не будет веских доказательств. И все же по отношению к человеку, чье общество ему придется терпеть бесконечные зимние месяцы, в душе его зародилось чувство, очень похожее на ненависть.

Валь-Жальбер, четверг, 12 октября 1933 года

— Создается впечатление, что лето не хочет от нас уходить, — сказала дочери Лора. — Посмотри, какая вокруг красота! Умей я рисовать, я бы непременно запечатлела на холсте все эти оттенки листвы — золотисто-коричневый, красноватый, переходящий в охру желтый! И эти последние розы! Такие хрупкие, с таким сладким ароматом! Обожаю осень!

— Мама! Честное слово, ты просто поэтесса! — заметила Эрмин. — А я со дня нашего приезда ни разу не ходила гулять. Может, мне не стоит слушать совета акушерки? Она настаивала, чтобы я побольше лежала, но мне так скучно!

— У тебя могут начаться преждевременные роды, — отрезала Лора. — Ты должна быть благоразумной. Никаких прогулок! Все это время я за тебя боялась. Это же надо — отправиться в такую даль, будучи беременной!

— Мама, ты мне уже сто раз это говорила, — с укором отозвалась расстроенная Эрмин.

Обратный путь через озеро Сен-Жан оказался менее приятным. Дул сильный ветер, и лодка Пьера сильно раскачивалась. Однако это, по мнению Эрмин, никак не могло повлиять на выводы, к которым пришла приехавшая из Роберваля акушерка.

— Родовые пути уже начинают открываться, — шепнула она на ухо Лоре. — Вашей дочери следует поменьше вставать с постели, иначе ребенок может родиться до срока, и тогда ему не выжить. И хочу заметить, он очень большой. Бояться особенно нечего, и все же не спускайте с нее глаз!

Лора передала слова акушерки Тошану. Новость усугубила его и без того угрюмое настроение. После лета, проведенного вместе с Лорой, Жослин стал относиться к зятю более доброжелательно, и все же молодой метис старался встречаться с ним как можно реже. Однако это было нелегко, поскольку жили они в одном доме.

«Я не могу искать работу, я нужен Эрмин, — подумал он. — Поэтому мне придется уходить рано утром и возвращаться после ужина».

Его молодая супруга придерживалась того же мнения. Она ощущала напряжение, возникавшее в помещении, где одновременно оказывались Жослин и Тошан, и с трудом переносила его. Более того, в доме, где раньше жили одни лишь женщины, присутствие двух индивидуумов мужского пола ощущалось довольно остро: они ходили, громко топая, с грохотом спускались или поднимались по лестнице, хлопали дверями, причем каждый в свое время и в своей манере.

Вечером, как только Мирей начинала убирать со стола, Эрмин поднималась к себе в спальню. Там, сидя в окружении груды подушек, она наслаждалась обществом супруга. Они играли в карты или в шашки, а то и просто болтали.

В этот понедельник Эрмин решила попросить мать об услуге. За летние месяцы Лора сильно изменилась. Чтобы угодить Жослину, она перестала краситься и решила отпустить волосы. Ее одежда стала менее изысканной, а драгоценности, подаренные в свое время промышленником Фрэнком Шарлебуа, теперь лежали в своих футлярах. А Лора лучилась счастьем. Она была влюблена и не пыталась этого скрыть. Тошан не мог не заметить, что его тесть и теща живут в очевидном согласии.

Многозначительные взгляды, нежные прикосновения — трогательные, не напоказ... Сомнения все чаще одолевали его. Какая причина и какие обстоятельства могли привести Жослина к Тале? Даже если он и жил у его матери какое-то время, Тала могла влюбиться в Шардена, но не показать ему этого. Что до него самого, то Тошан считал себя до конца своих дней связанным с Эрмин. Верность была для него обязательной спутницей сильного чувства. Исходя из его собственной логики, если тесть искренне любил Лору, он просто не мог бы вступить в связь с другой женщиной.

«И все-таки мать сказала, что ее обожгло пламя. Сравнение достаточно красноречивое», — думал он.

Лора, естественно, понятия не имела о том, какие мысли бродят в голове у зятя. Она старалась развеселить Эрмин и много времени проводила с маленьким Мукки. Мальчик начал ходить и нуждался в постоянном присмотре. Шарлотта днем была на занятиях, поэтому Лоре приходилось нелегко.

Двери монастырской школы окончательно закрылись для учеников. Мирская учительница теперь обучала детишек в одном из домов поселка^[36]. То, что дети продолжали ходить в школу, не могло не радовать последних жителей Валь-Жальбера, и все же они ожидали новых бед. Некоторые с беспокойством поглядывали в сторону почтового отделения, опасаясь, что оно тоже закроется^[37].

— Пусть творят, что хотят, бюрократы! — бушевал Жозеф Маруа. — Из своего дома я никуда не уеду! Я купил его на деньги, заработанные потом и кровью!

Для корыстного бывшего рабочего заброшенные огороды соседей стали поистине золотым дном. Конечно же, тыквы, овощи и фрукты измельчали, и урожаи были не те, что раньше, однако Элизабет умела извлечь пользу из собранных мужем «трофеев». Она варила варенья и консервировала плоды, пока корова Эжени, жуя траву, спокойно бродила между пустыми домами.

В такой необычной обстановке каждое семейство жило практически натуральным хозяйством. Возле красивого дома Лоры имелись насаждения молодых деревьев, розарий и небольшой пустырь. Вот его-то Жослин и решил превратить в огород. Ему пришло в голову, что можно выращивать все для кухни, не тратя на овощи ни гроша. Этот новый огород добавился к прежнему, за которым ухаживал Арман Маруа, и у супругов появилось еще одно совместное занятие: все лето Лора, надев широкополую соломенную шляпу, по вечерам поливала всходы, а Жослин полон сорные травы или

вскапывал грядки.

Если бы не найденный Тошаном платок с инициалами, осень началась бы как нельзя лучше.

— Мама, если ты не против и если Мирей это не слишком затруднит, я бы хотела, чтобы ужин мне приносили в комнату, — сказала Эрмин, откладывая книгу. — Тошан составит мне компанию.

В последовавшей за ее словами тишине до странности громко тикали бронзовые настенные часы.

— Я ни в чем не могу тебе отказать, — ответила Лора, успевшая взвесить все «за» и «против». — Но твой отец расстроится. Он любит видеть тебя за столом.

— Мне жаль, — грустно сказала молодая женщина. — Но я не могу больше смотреть, как они дуются друг на друга, мой муж и мой отец. Уверяю тебя, у меня пропадает аппетит. И я не могу понять, в чем причина. Папа так ласков со мной, когда мы наедине, но стоит появиться Тошану, как он меняется до неузнаваемости.

Лора со вздохом кивнула и присела на кровать рядом с дочерью.

— Хорошо, я предупрежу Мирей. Она будет ворчать. С тех пор как она вернулась из отпуска, где всласть наговорилась со своей кузиной из Латука, я ее не узнаю. Она без конца восхищается песнями Ла Болдюк. Скоро мы сможем похвастаться домоправительницей-революционеркой! Но Господь свидетель, я плачу ей хорошее жалованье. Она не принадлежит к классу рабочих или прочих бедняков, которые живут в нижних кварталах Квебека и Монреаля.

— Мирей — настоящий клад, — отрезала Эрмин. — И такая веселая и забавная! Придется нам терпеть ее причуды. И, мама, раз уж ты заговорила о Болдюк, я бы с удовольствием слушала записи оперных арий. Это было бы для меня хоть каким-то развлечением.

— Как тебе угодно! Но большинство записей принадлежали Хансу. Я вернула их больше десятка, когда ездила к нему в Роберваль. Слава богу, что у нас есть электрофон! Стоил он немало, поэтому, надеюсь, еще работает!

Из какой-то комнаты второго этажа донесся глухой звук удара, за которым последовал пронзительный сердитый крик: Мукки снова выпал из своей кровати.

— Только не это! — вскричала Лора. — Наш мальчик ни секунды не сидит смирно!

И она убежала. Эрмин чуть не заплакала от досады. Необходимость

постоянно лежать угнетала ее. Лора быстро вернулась с малышом на руках.

— У бедняжки шишка на лобике, — сказала она. — Мирей помажет ее мазью с арникой.

Молодая женщина лежала и смотрела, как ее мать уходит, унося внука. Несмотря на всеобщую заботу, ей казалось обидным, что ее лишили даже роли матери.

А за домом в эти самые минуты разыгрывалась драма. Жослин только что накормил собак Тошана остатками еды со стола. Оба мужчины любили животных, но это не стало поводом для сближения. Наоборот, они и здесь находили о чем поспорить. Это был как раз такой случай.

Тошан вернулся из Роберваля, куда ходил за американскими сигаретами. Длинные прогулки помогали ему развеяться. На обратном пути он решил выгулять Дюка на лугу за мельницей Уэлле. Увидев, как Жослин кормит псов мясом посреди дня, молодой метис не смог сдержаться.

— Я не просил вас закармливать моих собак! — сердито крикнул он. — Они и так за лето разжирили!

— Если вы этим недовольны, мой мальчик, то не закрывайте их на целое лето в загородке, — возразил на это Жослин. — В ваше отсутствие я гулял с ними каждый вечер. И делал это не ради того, чтобы оказать вам услугу, а ради них. Собакам не по душе сутками сидеть в сарае!

— Если они станут разгуливать по поселку, это никому не понравится, — буркнул в ответ Тошан. — У меня не было выбора. До этого года летом мои собаки бегали по лесу, там, у моей матери.

Казалось, тень красивой индианки проскользнула между ними. Смущенный воспоминаниями о Тале, Жослин повернулся к зятю спиной. Тот же не смог больше сдерживаться, так его снедало желание узнать правду.

— Минутку, мсье! — вскричал молодой метис. — Я нашел кое-что из ваших вещей!

Заинтригованный, Жослин обернулся. Тошан протянул ему не слишком аккуратно сложенный носовой платок.

— Это ваше?

— Да, — ответил Жослин без особого удивления. — Сестра Мари подарила мне шесть таких платков с моими инициалами, когда я поселился в санатории в Лак-Эдуаре. Где вы его нашли?

Мужчина с безразличным видом повертел платок в пальцах. И все же под взглядом зятя он смутился.

— Представьте себе, я нашел его за много миль отсюда, в доме моей

матери, под кроватью в комнате, где обычно живем мы с Эрмин!

— Это невозможно, — пробормотал Жослин. — Я никогда там не был... Хотя нет, семнадцать лет назад мне приходилось там бывать, и вам это прекрасно известно.

Тошан не сводил с него глаз. Тесть врал — интонации выдавали его с головой. Да и выглядел Жослин как затравленный зверь.

— Я вам не верю! — сурово сказал метис.

— Да что такое пришло вам в голову? — возмутился Жослин. — Признайтесь, вам просто нравится приписывать мне бог знает какие гадости! Как мог я забыть платок в доме вашей матери? Наверное, Эрмин по ошибке взяла его с собой, когда вы уезжали. А вы раздули из этого целую историю! Ведь это всего лишь носовой платок!

Если бы Тала не поведала ему о своем разбитом сердце, Тошан, возможно, удовлетворился бы подобным объяснением.

— Вы могли отправиться к дому моих родителей, чтобы узнать, кто похоронен на вашем месте, — предположил он.

— Это последняя из моих забот, — зло отозвался Жослин.

— Я найду доказательства, — пообещал взбешенный Тошан, наставляя на тестя обвиняющий перст. — Если бы Эрмин не была вашей дочкой и если бы вы не были вдвое меня старше, я бы заставил вас признаться, уж поверьте! А теперь послушайте меня, Шарден! Сейчас я не хочу устраивать скандал, но, когда я узнаю, что на самом деле произошло, — а я это точно узнаю, — вы мне за все заплатите, и дорогой ценой! Тала страдает, моя любимая мать! Она сама не своя! И если это по вашей вине, я вас на котлеты разделаю!

Не помня себя от гнева, Тошан отступил на шаг. Потом открыл загородку и взял Дюка за ошейник.

— Передайте Эрмин, что я вернусь к ужину, — бросил он, уходя.

Жослин, который до этого стоял насупившись, вздохнул с облегчением.

— И всё из-за какого-то платка! — сердито воскликнул он. — Дьявол умеет строить каверзы...

С равным успехом он мог бы помянуть и Господа Бога, который решил наказать грешника, изменившего своей супруге. Однако он был так счастлив в своей нынешней жизни с Лорой, что приписал это недоразумение проискам нечистого. Не зная что думать, Жослин укрылся в летнем домике. Его снедало беспокойство.

«Если правда раскроется, мне останется только повеситься на первом же дереве, — подумал он. — Эрмин меня возненавидит, а Лора больше не

захочет обо мне слышать!»

Он снова и снова мысленно прокручивал свой последний разговор с Тошаном, недоумевая, как зятю удалось угадать правду.

«Тала не сдержала обещание, а ведь она сама хотела, чтобы о нашей связи никто не узнал, — сказал он себе. — Странно, она совсем не казалась грустной, когда я уходил. Значит, она притворялась, не такая уж она и сильная! Выходит, я и вправду мог разбить ей сердце... Хотя не надо преувеличивать...»

Жослин сам удивился, осознав, что больше не питает никаких чувств к красивой индианке. Поцелуи законной супруги, ее нежная молочно-белая кожа, их возрожденная любовь прогнали из его души воспоминания о Тале. Инсинуации Тошана могли безвозвратно погубить его супружескую жизнь и отношения с Эрмин. Он решил догнать зятя. Зачем — он не знал. Но это было сильнее его.

Небо покрылось тяжелыми серыми тучами. Жестокие порывы ветра поднимали с земли опавшие листья. В одной рубашке и шерстяном жилете, с непокрытой головой, Жослин побежал по тропинке, которую выбрал Тошан. Он быстро осознал, что на улице похолодало, но не стал возвращаться. Лай Дюка привел его напрямик к мельнице Уэлле, одной из старейших построек Валь-Жальбера, расположенной на некотором удалении от поселка.

Тошану очень нравилось это спокойное место, где слышалось постоянное пение реки. Именно здесь, под сенью листвы, они с Эрмин в первый раз поцеловались.

Увидев зятя, который в этот момент энергичным жестом бросил своему псу палку, Жослин замер как вкопанный.

Волна ненависти захлестнула его. Слишком много лет он был жертвой жестокого рока. Честный, набожный и порядочный во всех отношениях бухгалтер, однажды он счел себя убийцей, а еще раньше всем пожертвовал ради Лоры. На мгновение мужчина представил, как наносит зятю, ставшему угрозой его вновь обретенному счастью, смертельный удар. Сжав кулаки, сцепив зубы, он представил себе безмолвное сражение.

«Будет намного спокойнее без этого ирландско-индейского выродка! Если он исчезнет, мне ни с кем не придется делить мою дочь!»

Тут же устранившись гнусности собственных мыслей, Жослин сильнее сжал зубы, чтобы не застонать. Ему уже случалось пугаться своих порывов. Тошан все так же играл с Дюком. Хозяин с собакой были далеко, но Жослин мог спокойно наблюдать за ними. Движения зятя были сильными и пластичными, удовольствие от того, что оказался один на лугу

— очевидным.

«Лучше бы мне вернуться домой, — попытался урезонить себя Жослин. — Эрмин любит этого парня, и он отец моего внука...»

Мужчина дрожал от холода, сам того не замечая. В окрестностях озера Сен-Жан сильно похолодало. И вдруг пошел снег — сплоченная армия крупных снежинок просыпалась с низкого неба.

— Табарнак! — выругался Жослин.

Он быстрым шагом двинулся вперед, в равной мере желая согреться и добраться до Тошана. Дважды он позвал зятя по имени, но тот уже направлялся к реке Уэлле, что дала название и мельнице. Мгновение — и молодой метис исчез в зарослях кустарника с листвой цвета ржавчины вслед за своим псом.

— Куда они подевались? — вслух подумал Жослин.

Снег уже покрыл отяжелевший от влаги луг. Жослин, у которого зубы стучали от холода, сорвался на бег. Рубашка и жилет промокли насквозь, ноги замерзли. И все же, ведомый сознанием того, что разговор неотвратим, он направился к реке, чьи темные воды бежали быстрее обычного.

— Тошан! — снова позвал Жослин. — Нам нужно поговорить с глазу на глаз! Где вы?

Жослин развел руками ветви ивы. Одна ветка вырвалась и, хлестнув его по лицу, на миг лишила способности видеть. Он отмахнулся, взбешенный. Все говорило о том, что судьба готовится нанести ему еще один удар.

«А ведь обычно в этот час мы с Лорой пьем теплое молоко в уютном доме! Что я здесь делаю?» — подумал он, делая шаг вперед.

Рыхлая земля расползлась под весом его тела. Он покачнулся, попытался ухватиться за ствол дерева, но промахнулся и упал вперед. Ледяная вода приняла его в свои объятия. Все произошло так быстро, что у него перехватило дыхание. Жослин попытался встать. Он бесновался, кричал, барахтался в грязной воде. В это время года река была неглубокой. Ему почти удалось подняться, когда вдруг он покачнулся, как пьяный, и снова упал на спину. Эти несколько мгновений показались ему вечностью. Мужчина пытался дышать, встать на ноги, но одежда уже напиталась водой, он промерз до костей, и тело плохо слушалось его. «Оказывается, мне суждено утонуть», — подумалось ему. Сознание начало понемногу меркнуть.

В тот миг, когда он в последний раз с немым удивлением посмотрел на небо — темно-серое покрывало из туч, с которого сыпались мириады

хлопьев снега, послышались странные звуки — крики, ворчание зверя. Только он не знал, откуда они взялись.

— Вперед, Дюк! — кричал кто-то. — Скорее! Хватай его за воротник! Вперед!

Тошан медленно продвигался к нему по пояс в воде, борясь с течением. Он подбадривал своего пса, который, повинаясь инстинкту, бросился на выручку Жослину. Дюк крепко схватил зубами край жилета и развернул тело, получив при этом довольно сильный удар.

— Молодец, Дюк! А теперь отпускай, я сам!

Молодой метис согнулся пополам, схватил Жослина за руку и, тяжело ухнув, взвалил себе на плечи. Выбраться из речушки оказалось не таким уж легким делом. Много минут он провел в этом ледящем непроницаемом мире снежной круговерти.

«Не хватало, чтобы он умер после этого невольного купания», — задыхаясь, подумал Тошан и выбрался наконец на берег.

Коматозное состояние Жослина не на шутку его тревожило. Он снял свою непромокаемую куртку с шерстяной подкладкой и закутал в нее торс несчастного. Но как он его ни тряс, как ни растирал щеки, тесть не приходил в сознание.

— Нужно как можно скорее перенести его в дом! — воскликнул Тошан. — Иначе он умрет! Шарден, ответьте же мне!

Однако Жослин не подавал признаков жизни, если не считать слабого дыхания, такого прерывистого, что Тошан едва его слышал.

* * *

Лора широко открытыми от удивления глазами смотрела в окно гостиной. Два часа назад она любовалась красками осени, и вот пейзаж исчез за снежной завесой безукоризненно белого цвета. Мирей принесла поднос с чайным прибором.

— Как вам погода, мадам? — ворчливо спросила домоправительница. — На дворе настоящая зима!

— Не может быть, — отозвалась с дивана Эрмин. — Это, скорее всего, ненадолго. Я уверена, тепло вернется. На деревьях еще много листьев...

— В любом случае нужно поскорее разжечь печи! — сказала ее мать. — Я вся продрогла! И у Мукки ледяные пальчики! Где Арман? Недавно он жаловался на недостаток работы. Теперь он мне срочно нужен, чтобы обогреть дом. Мирей, попроси Шарлотту сбежать позвать его.

— Да, мадам.

Эрмин тоже дрожала от холода. Лора с озабоченным видом присела у изголовья дивана.

— Ума не приложу, где твой отец, — сказала она. — Он не надел ни куртки, ни шейного платка, ни шапки! Господи, что за страна! Временами меня охватывает ужас, когда я думаю о том, сколько холодных месяцев нам предстоит пережить!

Молодая женщина уже готова была возразить, когда в гостиную ворвался Арман Маруа в облепленных снегом ботинках, с перекошенным от ужаса лицом.

— Мадам Лора! Случилось несчастье! Мсье Жослин упал в ручей Уэлле! Ваш зять притащил его оттуда на спине. Быстрее! Я побегу позову отца!

— Нет, не может быть! — крикнула Лора, вскакивая на ноги. — Как такое возможно? Что ему там делать?

Она пробежала по коридору и выскочила на крыльцо. Тошан шел, спотыкаясь, согнувшись под тяжестью тела Жослина. К дому бегом приближался Жозеф Маруа.

— Подсобить? — на ходу крикнул он Тошану.

— Господи милосердный! — воскликнула обезумевшая от ужаса Лора. — Несите его в нашу спальню и позвоните доктору!

Она сжала руку мужа, но услышала только сдавленный, едва слышный стон.

— Жосс, умоляю, не покидай нас! — закричала она.

Жозеф и Арман сняли с плеч падающего от усталости Тошана его ношу. С трудом переведя дух, тот пояснил:

— Я испугался, потому что он никак не приходил в себя. И все же он кашляет и пробормотал сквозь зубы несколько слов. Нужно вытереть его насухо, а потом растереть чем-нибудь все тело.

Лора едва слушала его, сама не своя от страха и тревоги. Она вздохнула свободнее, увидев мужа лежащим на кровати. Мирей последовала за хозяйкой в супружескую спальню.

— Сварю-ка я бульон и приготовлю снадобье по своему рецепту, мадам, да погорячее! Карибу, смешанный с кленовым сиропом — от такого лекарства и мертвый встанет!

— Хорошо, только поторопись, Мирей! — взмолилась Лора.

Жозеф отправил сына в коридор, а сам стал раздевать Жослина, бледность и бессознательное состояние которого вселяли тревогу.

— Однако ваш супруг — крепко скроенный и тяжелый малый! —

сказал он Лоре. — Одной бы вам не справиться!

— Вы правы, — согласилась та. — Огромное вам спасибо!

Присутствие соседа стесняло ее. Он это понял, и, раздев Жослина, приподнял в знак приветствия свой картуз, направляясь к двери.

— Кто бы мог подумать, что еще до вечера нас засыплет снегом, — сердито проговорил он, остановившись на пороге. — Утром вовсю светило солнце!

— Еще раз огромное спасибо, — сказала Лора, доставая из шкафа шерстяное одеяло. — Прошу, проверьте, вызвали ли доктора.

Оставшись наконец одна, Лора взялась за дело. С отчаянным упорством она стала растирать тело супруга полотенцем с ног до головы.

— Жосс, скажи хоть слово! — умоляла женщина. — Посмотри на меня! Нам было так хорошо! Ну зачем ты вышел из дома в такую погоду? Дорогой, ты ведь недавно выздоровел! Господи, прошу, оставь его со мной!

Она рыдала, не переставая старательно растирать тело Жослина. Веки последнего были полуприкрытыми, взгляд — отсутствующим. Повинуясь необъяснимому порыву, Лора вдруг легла на него сверху, прижалась лицом к его шее. Ей пришло в голову, что единственный способ спасти мужа — это согреть его своим собственным теплом.

— Что с тобой случилось, Жосс? Что?

Внезапно он кашлянул и застонал. Лора вскочила на ноги и пристально посмотрела на супруга.

— Где я? — пробормотал он. — А, это наша комната...

— Да, дорогой! — отозвалась Лора, испытав огромное облегчение. — Жослин, как ты меня напугал! Я не хочу снова тебя потерять, ни за что на свете! Я больше не смогу жить без тебя! Ты меня слышишь? Я слишком сильно тебя люблю!

Вернулась Мирей. Лора взяла у нее из рук поднос и знаком попросила удалиться.

— Можно сказать остальным, что мсье пришел в себя? — спросила домоправительница, стоя у двери. — Ваша дочь в тревоге.

В это мгновение Эрмин вошла в комнату. Событие показалось ей достаточным поводом нарушить предписания акушерки.

— Папа, как ты себя чувствуешь? — с беспокойством спросила она. — Господи, как же ты нас напугал! Бедный мой папочка!

— Крошка, как я рад тебя видеть, — ласково отозвался Жослин.

Вся нежность, накопленная Эрмин за долгие годы, вырвалась на свободу. При виде дрожащего, мертвенно-бледного отца ее сердце переполнило дочерняя любовь.

Лора и не подумала упрекать мужа в беспечности. Она плакала от души, растроганная тем, с каким беспокойством и нежностью Эрмин склонилась над отцом. Жослин протянул к ней руку, и молодая женщина тут же схватила ее и поцеловала.

— Папа, не покидай нас, прошу! Я только начала тебя узнавать! Останься со мной!

— Конечно, моя крошка! Я еще крепкий, — охрипшим голосом успокоил ее Жослин. — Не знаю, что на меня нашло. Я бежал, пошел снег, потом я оказался в воде, захлебнулся...

— Тошан сказал, что ты упал в реку. Это просто мальчишество! — сказала Эрмин с теплотой и сочувствием.

— Дорогая, об этом поговорим позже, — довольно резко сказала ее мать. — А сейчас пусть твой отец выпьет снадобье Мирей!

Женщины устроились по обе стороны изголовья кровати. За окнами была уже полная темнота. Напиток из карibu и кленового сиропа, очень горячий, окончательно привел Жослина в чувство. Лора бережно помогла ему надеть пижамную куртку и шерстяной жилет.

— Мне придется поставить огромную свечу за здоровье твоего мужа, — проговорил мужчина, глядя на Эрмин. — Он вытащил меня из этого треклятого ручья! Собаке тоже пришлось потрудиться... Славный Дюк...

И он на мгновение закрыл глаза, вспомнив о своих достойных презрения страхах.

«Я хотел убить зятя, а он спас мне жизнь! Я всего лишь старая развалина с больным рассудком! Со мной что-то случилось, иначе я бы выбрался на берег без посторонней помощи, да и на ногах бы удержался! Наверное, я потерял сознание...»

— Я хочу поговорить с Тошаном, — выдохнул он. — Наедине. Лора, прошу тебя, попроси его подняться. А ты, моя дорогая крошка, иди приляг. И не беспокойся обо мне: в сочельник, когда родится твое дитя, я все еще буду здесь!

Мирей постучала в дверь. С ней был доктор из Роберваля. Эрмин неохотно покинула изголовье отца.

По истечении получаса Лора проводила доктора. Слой снега достиг уже двадцати сантиметров. Собравшиеся в гостиной домочадцы и соседи — Жозеф, Бетти с прикорнувшей у нее на груди Мари, Шарлотта, Эдмон и Арман — с тревогой ожидали диагноза. Тошан, которому тоже пришлось переодеться, сидел рядом с Эрмин.

— Мама, говори! — попросила молодая женщина.

— О, доктор излил на меня поток ученых слов, от которых я вас избавлю, — сказала Лора. — Если быть краткой, твой отец сильно переохладился, и это могло закончиться для него трагически. У реки он потерял сознание, что само по себе серьезно. Но скажите, Тошан, что вы делали на берегу ручья? Погода начала меняться, нужно было вернуться!

— Я гулял с Дюком на лугу возле мельницы Уэлле, — пояснил молодой метис. — Бросал ему палку, Дюк ее приносил. Я думал, Жослин дома. А потом я решил пройтись по берегу. И вдруг услышал звук, с которым дерево падает в воду. Но это оказался ваш муж. Он не мог встать. Похоже, он был без сознания. И тогда я побежал ему на выручку.

Все переглядывались, удивленные, Молчание нарушил Жозеф:

— Нечасто услышишь, что кто-то упал в ручей. Счастье, что это не случилось с вашим супругом весной, когда течение быстрое и глубина в два раза больше.

— Господи, это правда! — признала Лора. — И пока Жослин чувствует себя не лучшим образом. Доктор, который заедет еще раз завтра вечером, сказал, что ему нужно полежать в постели. Лишь бы только он не получил воспаление легких...

— Боже милосердный! — воскликнула Мирей.

Никто из Маруа не знал, что их сосед болел туберкулезом и сейчас находился в состоянии ремиссии. Лора сделала все, чтобы это осталось в секрете, и провела обстоятельную беседу с Шарлоттой, которая в силу возраста могла его выдать.

— Тошан, мой муж хочет с вами поговорить, — более мягким тоном сказала Лора. — Он очень просит вас подняться. А от себя хочу поблагодарить вас за то, что вы его спасли. Я никогда этого не забуду!

Тошан вежливо улыбнулся в ответ. Он не испытывал ни малейшего желания снова оказаться лицом к лицу с тестем, но перечить не решился.

Жослин сидел на кровати. Щеки его были красными, глаза слезились.

— А, это вы, мой мальчик! Подойдите, пожалуйста, ближе! Я хочу сказать вам спасибо. Я мог бы выбраться и сам из этого проклятого ручья, но у меня помутилось в голове. Если бы не вы, там бы я и остался...

— Знаю, — буркнул Тошан. — Лора нам объяснила. Вообще, я спас бы любого, кто оказался в беде. И любой поступил бы так на моем месте. Я, конечно, метис, но у меня есть моральные принципы и я ценю жизнь, свою и других людей.

— Присядьте, прошу вас, — тихо попросил Жослин. — У меня кружится голова, когда вы стоите. Что бы вы там ни думали, я не сомневался, что вы человек достойный, иначе моя дочь не любила бы вас

так сильно. Наши отношения начались не лучшим образом, и по моей вине. Это оказалось не так легко — вновь обрести единственную дочь, которая уже замужем и сама имеет ребенка. Я смотрел на вас как на соперника, который может украсть у меня любовь моей девочки, предназначенную мне!

В его голосе слышалась ирония. Он снова закашлялся. Тошан наконец заставил себя сесть в кресло.

— И пару часов назад я снова повел себя как кретин, как полный дурень, так сказала бы Мирей. Я имею в виду платок, мой мальчик. Под вашим обвиняющим взглядом я струсил и соврал. И в ручье оказался только потому, что попытался вас догнать и поговорить!

— Так вы были у моей матери? — с места в карьер сорвался Тошан.

— Да! И причину вы угадали: мне нужно было узнать, кто там похоронен. Вы должны понять, что творилось тогда у меня в голове. Не пытаюсь вас разжалобить, но поставьте себя на мое место. Большой туберкулезом, я вдруг узнаю, что моя супруга не умерла на берегу Перибонки, и благодаря чему? Моя собственная дочь по чистой случайности оказывается в моем же санатории! В довершение всего Лора снова собирается замуж. Я чувствовал себя обломком корабля, готовым разбиться о первый же камень! Я был раздавлен. Но жажда жизни сильнее нас... Я принял решение позволить Цале жениться на моей жене, а самому исчезнуть, умерев где-нибудь в подворотне. Но прежде я решил побывать у ваших родителей, поскольку не знал, что Анри утонул. Ваша мать приняла меня в своем доме, и мы прониклись друг к другу симпатией. Тала — сильная и мудрая женщина. Я рассказал ей о своих горестях, и она постаралась наставить меня на правильный путь: мне следовало помешать повторному браку Лоры, познакомиться с дочерью и побороться с болезнью. Я работал на свежем воздухе, охотился и рыбачил. По вечерам я пил лечебные настои, которые шли мне на пользу. Тала вылечила меня, я в этом уверен, желая, чтобы я вернулся к Лоре и Эрмин в полном здравии. Вот и весь мой рассказ! Если я и уронил платок в комнате, где спал, то это ничего не значит, по крайней мере не то, о чем вы могли подумать.

Жослин замолчал, он едва переводил дыхание. Дальше в своей исповеди он зайти не решился, храня данное Тале обещание.

— Теперь вы знаете правду, — добавил он. — Что ваша мать могла влюбиться в такого старого ворчуна, как я, — маловероятно. Но если это все-таки случилось, то тут нет моей вины.

Опасаясь подвоха или лжи, Тошан не отводил глаз от лица тестя, пока тот рассказывал.

— Если дело обстоит так, как вы говорите... — пробормотал он. — Моя мать очень одинока, ей наверняка было приятно ваше общество... Но еще я знаю, что она очень гордая. И даже если вы ей понравились, она бы этого не показала.

— Ну, по крайней мере, я ничего такого не заметил, — сказал Жослин, выдерживая взгляд черных глаз своего зятя.

— И все-таки жить в доме вдовы столько дней — неприлично, — заметил тот. — У нас нет близких соседей, но мне бы не хотелось, чтобы о моей матери пошли нехорошие слухи.

— Она сразу дала мне понять, что мы — родственники, потому что у нас общий внук! Тошан, давайте помиримся! Слышите, я называю вас Тошан, а не Клеман! Поверьте, мне жаль, если из-за меня горюет такая хорошая женщина, как Тала. Я больше не стану к вам придирааться. Эрмин страдает из-за нашей вражды, и нужно ее пощадить, особенно сейчас, когда она ждет ребенка. Но пусть этот разговор останется между нами. Ни Лоре, ни моей дочери я ничего не говорил. Так хотела ваша мать.

Жослин протянул руку. Тошан задумался на мгновение, но потом ответил на этот дружеский жест.

— Спасибо, теперь мне многое ясно. Но о матери я все равно беспокоюсь. Сердечные раны иногда мучат сильнее, чем раны на теле. Выздоровливайте скорее!

— Подождите минуту! — попросил Жослин. — Тала не знает, кто лежит в той могиле, у заброшенной хижины. Это для всех нас остается тайной.

— Не будем больше об этом, — сказал Тошан с порога. — Пусть останется в прошлом!

Он испытал чувство облегчения, но избавиться от подозрений полностью не получалось. Рассказ Жослина прозвучал складно: он узнал мать в ее решении вылечить гостя, убедить его вернуться к жене и дочери. На душе у молодого метиса стало легче. И он пообещал себе впредь быть с тестем полюбезнее. Он подумал, что Эрмин очень обрадуется, и это укрепило его в принятом решении.

Глава 13

В преддверии Рождества

Валь-Жальбер, середина декабря 1933 года

Сильная простуда на неделю уложила Жослина в постель. Лора с радостью ухаживала за супругом — вязала, сидя у его изголовья, сама приносила ему подносы с едой. Она рано укладывалась спать, чтобы подольше полежать рядом с ним в мягком свете ночника.

Муж рассказал ей, как все произошло. Она выслушала, перемежая нравоучения поцелуями.

— Что за удовольствие вам, мужчинам, все время друг с другом ссориться? Как петухи в курятнике, право слово! И в твоём возрасте не стоило бежать за молодым атлетом, тем более по берегу реки...

Он не обиделся, поскольку пребывал в благодушном настроении. Ситуация обернулась ему на пользу. Тошан перестал подозревать его во всех грехах, Лора была сама нежность. Теплая постель, обильные здоровые трапезы... Словом, Жослин быстро поправлялся.

* * *

Два месяца прошли незаметно, и ничто не нарушало царившей в доме очевидной гармонии. Была середина декабря, и Валь-Жальбер укрылся толстым слоем снега. Сильные холода еще не пришли. В доме Лоры каждый был занят своими делами. Шарлотта в снегоступах ходила в школу. Тошан, который обожал зиму, запрягал своих собак и охотно отправлялся в Роберваль или в Шамбор, чтобы удовлетворить ненасытную потребность своей тещи в покупках: Лора тратила без счета, готовясь к празднику.

— Рождество 1933 года должно быть великолепным, самым запоминающимся! — повторяла она, составляя список приобретений, а случалось это не реже двух раз в неделю.

Жослин больше не вмешивался в ее дела. Он с наслаждением смотрел, как она порхает по дому, смеется или кружится по комнате с маленьким Мукки на руках. Лора казалась ему самой очаровательной женщиной в

мире — веселой, остроумной, ласковой и в то же время властной. Жизнь рядом с той, кого еще недавно он считал для себя безвозвратно потерянной, для Жослина была настоящим чудом. И ему так не хотелось ее расстраивать, что постепенно его характер стал меняться в лучшую сторону, причем незаметно для него самого.

Эрмин, как обычно, сидела в гряде подушек на диване в гостиной. Дни напролет она шила из ситца и шерстяной ткани детские распашонки. Приближался срок, и она с нетерпением прислушивалась к сигналам своего тела. Акушерка несколько раз приезжала, чтобы ее осмотреть. Она качала головой и поджимала губы, словно не решаясь высказать свои мысли вслух. Во время последнего визита она посоветовала Лоре отправить Эрмин рожать в больницу Святого Мишеля, в Роберваль.

— Мадам Шарден, это было бы благоразумнее. Я думаю, ребенок очень большой. И опасаясь, что он может пойти попкой.

— Посмотрим, пока об этом думать рано, — ответила Лора. — Я полностью полагаюсь на вас. Но, поскольку у нас есть автомобиль, если понадобится, мы поедem в больницу.

Эрмин и слышать не желала о больнице. Ей хотелось, чтобы дитя появилось на свет в доме ее матери. Один только Тошан знал, как она боится предстоящего испытания.

— Мне было так больно, когда я рожала Мукки! — призналась она ему однажды вечером в уединении их общей спальни. — Когда все начнется, нужно увести Шарлотту и нашего сына к Бетти. Если я стану кричать, они могут испугаться.

Муж утешал ее, как мог. Говорить о своей любви у него получалось лучше, чем находить слова, подходящие для этого случая.

— Ты храбрая, у тебя все получится, — повторял он с нежностью.

— И ты тоже не оставайся в доме! Помнишь, у Талы я выставила тебя за дверь. С твоей бабушкой Одиной и тетей Аранк мне было так спокойно. Увы, в этот раз они не придут поддержать меня и напоить своим волшебным снадобьем...

— Никакого волшебства, просто растения, которые снимают боль. Не тревожься, перед тем как уйти, мать передала мне сверток с этими травами. А если Мирей заставит тебя напиться карибу, то ребенок появится на свет так, что ты и не почувствуешь!

Они рассмеялись, невзирая на недавнюю обоим тревогу — ребенок должен был родиться меньше чем через две недели.

Жослин тоже волновался за дочь. Он еще не полностью поправился,

поэтому больше не гулял по поселку, а почти все свое время проводил с Эрмин. Они играли в карты и шашки или слушали записи опер.

Вскоре после полудня 16 декабря они обсуждали исключительный талант Карузо^[38], прослушав знаменитую арию из «Паяцев» — «*Vestí la guibbia*». Итальянский тенор, умерший лет десять назад, очаровал весь мир своим мастерским исполнением и голосом исключительного тембра и силы.

Эрмин была счастлива поговорить с отцом о своей страсти, которую так старательно подавляла. Но, даже оставив надежды стать оперной певицей, она продолжала интересоваться всем, что касалось этой области искусства.

— Прочти эту статью, папа, — сказала молодая женщина, доставая из сумочки какой-то листок. В ридикюле она держала вещи, которые хотела всегда иметь под рукой. — Я вырезала ее из одного журнала и часто перечитываю. Ее напечатали три года назад. Она об Эмме Лаженесс^[39], нашей соотечественнице. Я знаю текст практически наизусть. Она родилась в Шамбли, это недалеко от Монреала, и была удивительно талантливой. Прочти, пожалуйста! Эмма воспитывалась в монастыре Сакре-Кёр в Монреале, а потом училась пению в Париже и Милане. Когда ей было двадцать, то есть почти как мне сейчас, она дебютировала на сцене Ковент-Гардена в Лондоне и очаровала публику. Уверю тебя, она была настоящим кумиром!

Жослин надел очки и прочел статью вслух.

— Она даже стала близкой подругой королевы Виктории. Немецкий император Вильгельм I дал ей звание первой певицы своего императорского дома. Еще тут написано, что она отошла от дел в шестьдесят, но до этого много лет обучала искусству вокала молодых исполнителей. Подумать только, ты могла бы встретиться с этой дамой! Она умерла в 1930 году. Твоя мать об этом просто не подумала. У тебя редчайший голос, дорогая. Я не имел счастья слышать Эмму Лаженесс, но тебя я слышал и уверен, что ты в силах добиться такой же славы. Лора со своими деньгами могла бы отправить тебя учиться даже в Европу, если бы понадобилось.

У Эрмин появилось ощущение, что на сердце лег камень. Она уже пожалела, что с таким увлечением говорила о знаменитой канадской певице.

— Папа, три или четыре года назад Жозеф Маруа все еще был моим официальным опекуном, и только потом мама нашла меня. Это было

непростое время...

— Жаль, — сказал на это ее отец. — И это опять-таки наше упущение, мое и твоей матери. Мы отвратительные родители!

Жослин вернул вырезку Эрмин и взял руку дочери в свою.

— Спой мне что-нибудь, — предложил он. — Лора у Бетти, Шарлотта кормит Мукки кашей, Тошан и Арман ушли в лес за красивой елкой, которую дети будут наряжать после ужина.

Она отрицательно помотала головой, и вдруг по щекам ее потекли слезы.

— Нет, папа, я не хочу петь.

— Думаю, наоборот, очень хочешь, — возразил он. — Почему ты плачешь?

— Сегодня я какая-то раздражительная... И мой голос теперь немногого стоит, я совсем над ним не работаю.

— Но ведь тебе нравится петь? — не сдавался Жослин. — Что ты чувствуешь, когда поешь?

Эрмин на мгновение закрыла глаза, потом снова открыла. Жослин, как зачарованный, смотрел на нее. Дочь казалась ему восхитительно красивой — с нежным румянцем на щеках, яркими полными губами... И это лицо в форме идеального овала, этот маленький аккуратный нос... Отец утонул в ее голубых глазах. Это была плоть от его плоти, его собственное дитя. Господь сделал ей великолепный подарок — золотой голос, и этот бесценный дар теперь был предан забвению.

— Я ощущаю огромное счастье, и мне кажется, будто я взлетаю высоко в небо, переносусь в иной мир, в мир красоты... Мне приходится прилагать усилия, но я этого почти не замечаю. Как тебе это объяснить?

Жослин сильнее сжал тонкую руку дочери. Глядя на нее с восхищением, он промолвил:

— Прошу тебя, одну только песню, какую захочешь! Для твоего старого отца, который любит тебя всем сердцем.

— Но только одну! — согласилась она едва слышно. — Самую легкую, «У чистого ручья».

— Хорошо. Она мне, кстати, очень нравится.

К лесному ручейку сегодня я ходил;
Ручей был так хорош — в нем искупался я!
Я так давно тебя люблю...
И не забуду никогда!

Эрмин начала потихоньку, с низкого тона, словно робея. Но понемногу, вместе с получаемым от пения удовольствием, к ней пришла уверенность в своих силах, и она стала брать все более высокие ноты. Голос не предал ее: он поднимался, вибрировал — восхитительный, возвышенно-прекрасный. Жослин затаил дыхание от восторга. Когда песня закончилась, он улыбался, и не думая просить большего. Но молодая женщина сразу же перешла к «Арии с колокольчиками» из «Лакме», которую в последний раз исполняла в санатории.

В кухне Мирей навострила уши. В восхищении она отложила нож, которым очищала брюкву. Шарлотта затаила дыхание. И даже маленький Мукки замер, подняв ручонку и раскрыв ротик. Ясные, кристально чистые рулады лились из гостиной и наполняли собой весь дом. Впервые за много месяцев соловей из Валь-Жальбера запел.

Домоправительница на цыпочках вышла в коридор. Шарлотта вынула мальчика из высокого стульчика и, взяв за руку, повела вслед за Мирей. Не показываясь на глаза певице, они с наслаждением слушали этот импровизированный концерт.

У Жослина слезы навернулись на глаза. Едва дочь закончила арию, он попросил ее спеть католический рождественский гимн.

— Папа, дай мне передохнуть, — с улыбкой ответила ему дочь. — Я давно не упражнялась. Но какое это все-таки удовольствие!

Она негромко запела «*Gloria in excelsis*»^[40], и вдруг Мукки вырвался из рук Шарлотты и пошел к матери. Личико у малыша было счастливое. Прижав свое дитя к груди, молодая женщина запела громче. Но почти сразу же умолкла: ребенок, которого она носила под сердцем, резко шевельнулся. Жослин, увидев на лице дочери недоуменное выражение, встревожился.

— Что с тобой, Эрмин?

— Прости, папа, но ребенку, похоже, мой голос не по душе!

Она передала Мукки своему отцу и с задумчивым видом замерла, прислушиваясь к собственным ощущениям. Мирей и Шарлотта с радостными улыбками на лицах вошли в комнату.

— Это было великолепно, Мимин! — воскликнула девочка. — Споешь нам что-нибудь на Рождество?

— Но у нас уже Рождество, — поправила ее домоправительница. — Свой подарок мы только что получили!

— Пожалуйста, не надо об этом, — взмолилась молодая женщина, смущенная их воодушевлением. — Я всего лишь спела пару песен для отца. А вы, негодницы, подслушивали под дверью!

Сияющая улыбка говорила о том, что она шутит. Жослин встал и

подбросил полено в большую чугунную печь.

— Принести вам чаю? — спросила Мирей. — И когда вернется мадам Лора?

— Я бы предпочел чаю и печенью теплое молоко и хлеб с маслом, и ты это прекрасно знаешь! — пошутил хозяин дома.

— Разумеется, знаю, мсье. Решила вас немного подразнить, — отозвалась домоправительница.

Она собралась уходить, когда Эрмин позвала ее:

— Мирей, можешь подойти на минутку? Шарлотта, дорогая, дай Мукки игрушки, пусть посидит немного на ковре.

Под настороженным взглядом Жослина молодая женщина сказала домоправительнице на ушко:

— У меня отошли воды. И я очень стесняюсь, что в комнате отец. Не могу же я ему сказать... И мама задерживается!

— Хочешь, я сама скажу отцу? Но все это странно, пора еще не пришла...

— Какая теперь разница? — все так же шепотом спросила молодая женщина. — Скоро начнутся потуги. Господи, как мне страшно!

Жослин услышал последние слова дочери и встревожился. Мирей не дала ему времени задать вопрос — она быстро подошла к нему и прошептала:

— Нужно отвести Шарлотту и Мукки к мадам Маруа. И поскорее возвращайтесь вместе с мадам Лорой. Ребенок родится сегодня вечером или ночью!

Эрмин густо покраснела. Она чувствовала себя пленницей дивана и красного шерстяного одеяла, защищавшего ее от сквозняков. Ощущение мокрого теплого пятна под собой заставило ее вспомнить о насквозь пропитанных кровью чулках и подоле юбки там, в поезде, в феврале этого года.

— Господи Иисусе! Уже вечером! — воскликнул Жослин.

Однако он постарался сохранить выдержку и последовал совету Мирей.

— Шарлотта, иди наверх и возьми свою ночную рубашку, тапочки и чистые постельные принадлежности. Захвати комплект белья и пижамку для Мукки. Вы будете спать у Бетти.

— У Эрмин будет малыш! — обрадовалась девочка.

Она трогательно улыбнулась будущей матери и послушно побежала наверх. Эрмин послала ей вслед воздушный поцелуй. Она не осмеливалась шевелиться, тем более — вставать. Замешательство ее только усилилось,

когда несколько минут спустя вернулись Тошан с Арманом. Молодая женщина услышала, как они разговаривают в коридоре. Ее супруг вошел в гостиную первым с пушистой елкой в руках. Дерево было такое высокое, что его верхушка касалась потолка. По комнате распространился чудесный аромат леса — стойкий, пьянящий.

— Эрмин, мы принесли рождественскую елку! Долго выбирали, потому что Лоре хотелось обязательно пушистую и очень зеленую!

В гостиную, сжимая в руке вязаную шапочку с помпоном, вошел Арман Маруа. Он подмигнул Эрмин. Они выросли вместе, поэтому общались, как брат и сестра.

— Все в порядке? — спросил Тошан. — Эрмин, ты выглядишь обеспокоенной.

— Я скоро рожу, — сказала она, презрев всякую стыдливость.

Жослин, не ожидавший столь прямого ответа, откашлялся, чтобы скрыть замешательство. Мирей, у которой были очень строгие понятия относительно того, что прилично, а что — нет, остолбенела от удивления. По ее мнению, женщины не должны говорить о таких вещах в присутствии мужчин. Но главное заинтересованное лицо, то есть Тошан, плевать хотел на все условности. Он поставил елку в угол, сбив мимоходом вазу с сухими листьями клена, очень красивыми.

— Любимая, ничего не бойся! Я с тобой! Тебе больно?

— Пока нет, но я чувствую, что время пришло, — сказала молодая женщина. — Мы договаривались, что акушерка приедет завтра. Съезди за ней, прошу тебя!

— Уже иду! Сани на ходу, вчера утром я как раз смазал жиром полозья. Я привезу акушерку. Мирей, поставьте греться воду. В кухне, в банке — сбор трав, которые дала мне мать. Настой из них облегчает боль.

Эрмин расплакалась. Тошан показался ей слишком красивым, слишком далеким. Он излучал спокойствие, на лице медного оттенка не отражалось никаких избыточных эмоций. И только его жесты и интонации выдавали волнение.

«Он вернулся из леса, — подумала она. — У него влажные ресницы, на шапочке снег... Он высокий, стройный, мускулистый, сильный, и у него черные как смоль волосы. А я чувствую себя раздутой как шар, слабой и уязвимой!»

— Будь храброй, моя милая женушка! Жослин, пожалуйста, проводите ее в спальню!

— Да, конечно! — отозвался тотчас же отец Эрмин, который с нетерпением ожидал возвращения своей жены, поскольку нуждался в ее

поддержке.

В доме воцарилось оживление. Шарлотта спустилась по лестнице в куртке с капюшоном и в ботинках на меху. Мукки она тоже тепло одела.

— Мне нужен фонарь, — сказала девочка. — До самой монастырской школы уличные фонари не горят!

— Я пойду с тобой, трусиха! — насмешливо утешил ее Арман. — Сегодня вечером волкам тебя не видать!

Мирей сновала по дому. Она задернула занавеси и собрала игрушки Мукки. Эрмин легла на диван. Она была очень бледна. Что-то в ее теле было не так. Ни в животе, ни в области поясницы она не ощущала боли, только странную тяжесть между бедрами.

— Выйди, папа, — попросила она. — Шарлотта, идите с Мукки к Бетти, прошу тебя! Где Тошан?

— Уже уехал, — сообщила домоправительница. — Держись молодцом, Эрмин! Мадам скоро придет.

Жослин укрылся в маленьком кабинете. Он потирал подбородок и влажной рукой то и дело проводил по начавшему лысеть лбу. В конце концов он отправился в кладовку и выпил стакан вина.

— Да что же со мной такое? — вполголоса спрашивала себя Эрмин. — Я зря столько лежала, было бы лучше, если бы я ходила. Это ускорило бы роды. Я уже могу пойти переодеться...

Она направилась к лестнице, невзирая на испуганные протесты домоправительницы.

— Теперь нет никакого риска, Мирей, — уговаривала ее молодая женщина. — Мне не хочется, чтобы это длилось много часов!

— Делай как знаешь, крошка, но позвони, если понадобится помощь!

Уже стоя в своей туалетной комнате, полураздетая, Эрмин почувствовала легкий спазм. Ощущение было размытым, непонятным. Помывшись и приведя себя в должный вид, она надела очень длинную ночную рубашку и вздохнула с облегчением. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, молодая женщина стала ходить по комнате.

Через десять минут в спальню с испуганным видом вбежала Лора. Она сразу же бросилась обнимать дочь.

— Дорогая, ложись в постель, умоляю!

— Нет, мамочка! Лучше я буду на ногах, еще немного похожу. Ребенок чувствует себя хорошо, он только что шевелился. Но потуги почему-то не приходят. Прощу, проверь, приготовила ли Мирей настой из трав Талы. Его нужно пить помногу, так было, когда я рожала Мукки.

— Хорошо, проверю и вернусь. Если почувствуешь себя нехорошо,

сразу же ложись!

Эрмин пообещала и продолжила ходить. Она ощутила второй приступ боли, но какой-то глухой и слабой. Ее живот напрягся, не причиняя ей никаких страданий. Она утратила чувство времени. Молодая женщина забыла и о настое, и о Лоре с Жослином. Прижав руки к животу под грудью, она стала тихонько напевать свои любимые оперные арии. В мыслях Эрмин слышала божественно прекрасную музыку, исполняемую невидимым оркестром. Убаюканная этим внутренним концертом, она улыбалась как зачарованная.

В это время на первом этаже Лора, потеряв всякое терпение, но не переходя на крик, осыпала яростными упреками домоправительницу: Мирей перевернула кувшин с настоем, и его пришлось делать заново. Жослин занялся растопкой печи, которая вдруг начала коптить. Вода никак не хотела закипать.

— Надо собраться с силами в такой момент, Мирей! — подхватил он. — Эрмин там, наверху, совсем одна. Я не слышу никакого шума. Господи, надеюсь, Тошан найдет эту акушерку! Она ведь могла уйти в другой дом! Все, я поднимаюсь!

— Нет, — остановила его Лора. — Эрмин все еще ходит по комнате. Я говорила с мадам Маргаритой, акушеркой, и она сказала, что ребенок очень большой и роды могут затянуться надолго. Давай оставим нашу девочку в покое! Мужчина в такой ситуации точно не помощник!

— Но могу же я, по меньшей мере, спросить, как она себя чувствует, не входя в комнату? — не сдавался Жослин, который искренне тревожился за дочь. — Что, если она потеряла сознание?

— Я слышу, как она ходит, — попыталась успокоить его Лора. — Разожги посильнее печь, чтобы вода закипела!

— Прошу вас, идите в гостиную! — взмолилась домоправительница. — Я не привыкла, чтобы в кухне было столько народу!

И все трое снова стали переговариваться вполголоса, что красноречиво говорило об их беспокойстве.

Эрмин продолжала ходить по комнате. Каждый раз, проходя мимо платяного шкафа, она ловила в зеркале свое отражение и удивлялась. Она была в длинной рубашке и с шалью на плечах, живот казался огромным. Время от времени молодая женщина раздвигала шторы и смотрела в окно.

«Лишь бы только Тошан нашел акушерку! — думала она. — С Мукки я страдала гораздо больше! А может, потуги не приходят, потому что до

срока еще несколько дней?»

Она сделала глубокий вдох и остановилась. Нижнюю часть ее тела, казалось, сжали тисками. В ней что-то происходило.

— Да что же это такое? — спросила она себя вполголоса. — Господи, не может быть!

Она застонала от глухой боли, в то время как ясное ощущение тяжести заставило ее направиться к кровати. По ногам снова текла жидкость. Она постаралась наклониться и исследовала себя кончиками пальцев.

— Ребенок выходит! И мне не было больно, — пробормотала она с удивлением.

Эрмин легла, укрылась одеялом и подняла подол рубашки. Выгнувшись от боли, она ощутила первые потуги. Охваченная паникой, она позвала изо всех сил:

— Мама! Мамочка! Быстрее!

Лора бросилась вверх по лестнице.

* * *

Все семейство Маруа собралось за столом. Арман шепотом объяснил матери, что происходит. Элизабет, добрая и сочувствующая, приветливо встретила Шарлотту и Мукки.

— Ты, как и раньше, ляжешь в комнате Эдмона, — сказала она девочке, которую больше года назад приняла в своем доме. — Мукки я возьму в свою спальню, он может начать проситься к маме.

Сегодня, как обычно по субботам, Симон приехал в родительский дом на ужин и должен был остаться ночевать. Глядя на него, Шарлотта думать забыла об Эрмин, хотя старший из братьев Маруа разговаривал со своим отцом, не обращая на нее внимания. Вместе с Бетти накрывая на стол, девочка то и дело украдкой поглядывала на него с восхищением.

— Похоже, наша Эрмин теперь будет рожать каждый год по ребенку, — сказал бывший рабочий, наливая себе карibu. — Думаю, если ей придется воспитывать восьмерых ребятишек, мы вряд ли когда-нибудь услышим, как она поет!

— При чем здесь дети, пап, — сказал на это Симон. — Я думаю, она еще сможет стать певицей. Вот только это не понравилось бы моему другу Тошану.

— Твоему другу! — криво усмехнулся Жозеф. — Ты не слишком разборчив! Мне этот парень всегда казался подозрительным. Он даже здесь

ходит в дикарских одежках! Каждый раз, когда я его вижу, он несется на своих санях во весь опор, как сумасшедший! И собаки его смотрят на тебя так, словно хотят перегрызть горло.

— Хватит тебе, Жо! — со вздохом сказала Бетти. — Нельзя судить о людях по одежде. Главное, чтобы наша Мимин была с ним счастлива, а так оно и есть. И я за нее рада. Ее родители снова вместе, денег у них на все хватает, и скоро у нее появится еще один малыш...

— Попал! — воскликнул Эдмон, который, сидя у печки, играл в бабки.

Мальчик, невысокий и хрупкий для своих девяти лет, сопровождал удачные ходы торжествующими возгласами. Отец и Арман, листавший иллюстрированный журнал, уже не раз просили его вести себя тише. Но Эдмон не обращал на них внимания.

— Эдмон, скоро я пойду укладывать твою сестричку и Мукки, — сказала ему мать. — Поэтому перестань кричать, иначе я рассержусь!

Элизабет в последнее время слегка пополнела, и все же сохранила привлекательность и выглядела очень молодо. Свои светло-каштановые вьющиеся волосы она обрезала чуть выше плеч, чем очень огорчила супруга. Она полагала, что нельзя пренебрегать требованиями моды, даже если в поселке не осталось почти никого, кто мог бы оценить ее старания. Рождение дочери стало для нее по-настоящему счастливым событием, и теперь она очень редко хмурилась. Когда она смотрела на Мари, хорошенькую полуторагодовалую куколку, ее переполняла гордость. Вот и сейчас она в очередной раз восхитилась добротой своей младшенькой, которая протянула свою игрушку Мукки.

— А вот еще один избалованный донельзя! — выдал свое мнение Жозеф. — Господи, никогда раньше не видал такого смуглого ребенка! И ведь первое его имя Жослин, если я не ошибаюсь? Мукки — это имя мне ни о чем не говорит. И я повторяю, что лучше бы наш Симон женился на Эрмин, когда я этого хотел!

— Жо, не говори глупости, — отмахнулась его жена. — Наконец-то вся семья собралась вместе, нам так хорошо, но ты всегда найдешь повод для недовольства, о чем бы ни шла речь!

— Мы с Мимин выросли как брат и сестра, — сказал Симон. — И не любили друг друга так, как любят, чтобы пожениться.

Шарлотта с замиранием сердца слушала своего героя. Она стояла, прислонившись к наличнику двери, которая отделяла кухню от гостиной, и смотрела на Эдмона, своего товарища по играм. Сегодня вечером ей пришло в голову, что она, в отличие от него, уже не ребенок. Она влюблена в Симона, а влюбляются, как известно, не девочки, а девушки...

— И снова попал! — опять выкрикнул мальчик.

— Этого парня ничем не проймешь! — воскликнул Жозеф. — Вот подожди, позову-ка я Дядюшку Семь Часов!

Мальчик замер. И с тревогой посмотрел на отца.

— Я его уже не боюсь, я вырос, — сказал он без особой уверенности в голосе.

— Не боишься? А почему посмотрел на окно? — спросил у младшего брата Арман.

Эдмон показал брату язык и выстроил свои бабки. А потом тихонько подкрался к Шарлотте.

— Он бродит по дому! Смотри по сторонам, Эд! — насмешливо посоветовал ему Симон. — Я в твоём возрасте тоже его боялся. И это притом, что ты намного послушнее меня, родители не устают об этом говорить! Стоило папе вспомнить о Дядюшке Семь Часов, как я бежал к себе в комнату и ложился спать!

— Но я не могу лечь спать, мы ведь ещё не ужинали! — возразил Эдмон.

Бетти, которую забавлял этот разговор, ласково улыбнулась старшему сыну. Она была рада видеть его в семейном кругу, сидящим за столом под лампой. Когда он жил в Монреале, она очень по нему скучала.

— Если говорить о Дядюшке Семь Часов, то я знаю девочку, которой его бояться нечего, — сказала она. — Мари такая лапочка, что я уверена: она не станет проказничать и всегда будет слушаться родителей.

Ее супруг недоверчиво хмыкнул. Своих сыновей он воспитывал твердой рукой.

Ни Жозеф, ни Бетти не смогли бы объяснить, почему всех детишек в Квебеке бросало в дрожь, стоило кому-нибудь вспомнить о Дядюшке Семь Часов. В детстве они сами боялись этого таинственного персонажа, похожего на Черного Пьера, знаменитого помощника Святого Николая. Бытовало мнение, что выражение «Дядюшка Семь Часов» породила история некоего англичанина-костоправа^[41], который по вечерам стучал в двери домов и предлагал без обезболивания поправить хозяевам спину. Он ходил по улицам и кричал: «Bone setter!» Вероятнее всего, родители, пригласившие его в дом, так вопили, что в детских умах поселялись тревога и страх^[42].

Но никто не торопился стучать в дверь дома семейства Маруа. С улицы донесся громкий лай. На собаках в поселке ездил только Тошан. Симон вскочил со стула и посмотрел в окно.

— Тошан привез акушерку! — воскликнул он.

Он проследил глазами за упряжкой. Молодой метис, стоя на полозьях и обхватив ладонями поручни, торопил своих животных, хотя они были почти у цели.

Шарлотта заплакала. Ей вдруг стало страшно за Эрмин, которая, по ее представлениям, сейчас терпела страшные муки и была, возможно, в полушаге от смерти. Девочка наслушалась рассказов о тяжелых родах, и ей было грустно, что в такой ответственный момент ее удалили из дома. Симон отошел от окна и приблизился к ней. Он с сочувствием взъерошил ей волосы и погладил по щеке.

— Не плачь, Шарлотта, завтра Эрмин станет лучше, а ты будешь качать еще одного малыша, — ласково сказал он.

Девочка растерянно посмотрела на него. Она моментально утешилась. Глядя на ее серьезное личико, Симон подмигнул ей, не зная, как еще выразить свою симпатию.

— Я сама не своя от тревоги, — пожаловалась Бетти. — Нам, женщинам, доводится столько страдать!

— Не думаю, что, услышав это, Шарлотта успокоится! — отрезал Жозеф. — Разливай лучше суп, я проголодался.

Они стали есть, и все же каждый из сидевших за столом по-своему беспокоился об Эрмин.

* * *

Лора вбежала в комнату. Эрмин задыхалась. Она полулежала на спине, опершись на локти и широко расставив ноги.

— Мама, ребенок! — воскликнула она.

В ту же секунду снова пришла потуга, и она сморщилась от усилия. С губ Эрмин сорвался крик, ответом на который стал едва слышный писк. Меж бедер молодой женщины лежал младенец.

— Господи! Он родился, — пробормотала Лора, подходя ближе. — Дорогая, что мне делать?

— Пуговина, нужно перерезать пуповину, — сказала Эрмин. — Но сначала ее нужно перевязать.

Дитя испустило более громкий крик, и, услышав его, на второй этаж поспешили подняться Мирей и Жослин. Как громом пораженные, они замерли под дверью в коридоре. Потом домоправительница постучала и спросила, как дела у роженицы.

— Только что родилась красивая маленькая девочка, — смеясь и плача, ответила Лора.

— Девочка! Какое счастье! — обрадовалась молодая мать. — Тошан будет так рад!

Бледная как полотно, Лора открыла ящик комода, в котором Эрмин держала принадлежности для шитья, и стала перебирать его содержимое. Потом перевязала пуповину атласной лентой, но никак не могла решиться ее перерезать. Ее дочь все это время дышала так тяжело, как если бы потуги продолжались.

— Ножницы! Где ножницы? — растерянно спросила Лора. — Дорогая, что, если я сделаю что-нибудь не так? И куда подевался твой муж? Он уже должен быть здесь с мадам Маргаритой!

— Они только что приехали, — крикнул из коридора Жослин.

На лестнице загрохотали шаги. Эрмин сразу же встрепенулась.

— Мама, не разрешай Тошану входить, прошу тебя! Не хочу, чтобы он видел меня в таком состоянии!

Испытывая огромное облегчение оттого, что можно передать дочь в руки квалифицированной акушерки, Лора шепотом сказала, что сделает все, как хочет Эрмин. Открылась дверь, впуская в комнату женщину с дорожной сумкой в руке. Маргарите Бабен было пятьдесят два года. Три года назад она переехала в Роберваль из Монреалья, где имела обширную клиентуру. Она была маленького роста и крепкого сложения, с короткими волнистыми волосами. Своей спокойной улыбкой и проницательным взглядом эта женщина внушала пациенткам доверие.

— Что тут у нас? — спросила Маргарита, похлопав Эрмин по бедру. — Она не слишком большая, эта новорожденная!

Женщина заново перевязала пуповину, обрезала ее и взяла на руки ребенка, чье липкое маленькое тельце тем не менее было хорошо сложенным и крепким. Уверенными движениями она завернула девочку в пеленку.

— Нужно воды, чтобы ее обмыть, — пробормотала Лора. — Мы не думали, что ребенок родится так быстро. Но внизу есть теплая вода. И ванночка, разумеется, тоже.

— С этим можно не торопиться, — сказала Маргарита. — Моя юная мадам, скажите, вам все еще больно?

— Да, и боль сильнее, чем пять минут назад, — призналась Эрмин.

— Так я и думала, — заметила акушерка. — Я не осмелилась сказать об этом вслух, когда осматривала вас, но теперь я уверена: роды еще не закончились и будет второй.

— Кто второй? — удивилась Лора.

— Второй ребенок! Ваша дочь ожидала двойню!

Это заявление обескуражило Эрмин. Она снова легла, голова у нее вдруг пошла кругом. Маргарита с серьезным видом осмотрела и ощупала ее живот.

— А теперь ребенок идет попкой! — сказала она. — Что ж, моя крошка, будете тужиться только по моей команде. Стенки матки расслабились, и вы не почувствовали схваток?

— Вы правы! Мне почти не было больно, — сказала молодая женщина. — И это показалось мне странным, я испугалась... Но все равно дышала и ходила...

— Умница! А теперь соберись с силами!

Лора, сама не своя от тревоги, отошла. У нее в голове все перепуталось. Когда акушерка сказала «идет попкой», она сразу же вспомнила рассказы о затяжных родах и ужасных страданиях роженицы, обычно заканчивавшихся смертью матери или малыша. Лора закрыла глаза, однако ее быстро призвали к порядку.

— Мадам Шарден, заберите малышку с кровати, она мне мешает! — отрывисто скомандовала Маргарита.

— Пойду покажу ее отцу и дедушке! Ты не против, Мимин, дорогая?

— Да, иди, мама.

— В таком случае хорошенько ее укутайте, — добавила акушерка. — А мужчин попросите получше протопить дом или, по крайней мере, эту комнату. Младенцам понадобится тепло, они родились раньше срока.

Жослин, Тошан и Мирей не сдвинулись с места — так и стояли, выстроившись вдоль стены в коридоре. Лора со слезами на глазах протянула новорожденную ее отцу.

— Это девочка, Тошан, красивая, как розовый бутон... Посмотрите на нее! Просто глаз не отвести!

Молодой метис склонился над крошечной куколкой, которая хлопала глазками и сосала пальчик. На круглой головке ее были белокурые волосики.

— О! — только и смог выдохнуть он. — Как себя чувствует Эрмин?

— Как роженица, которой предстоит еще раз хорошенько поработать, — ответила Лора. — Скоро родится второй малыш.

— Что? — оторопел Жослин. — Двойня? И второй будет мальчик? Или снова девочка?

— Мы это скоро узнаем, но нужно молиться, чтобы все прошло гладко. Боже, как мне страшно! — проговорила она. — Жосс, наша дорогая

крошка... Если вдруг...

— Лора, не говори глупости! — с тревогой в голосе отозвался ее супруг. — Иди ко мне!

И он обнял ее, не сводя восхищенных глаз с новорожденной. Там, в своей комнате, Эрмин не кричала. Слышался только шепот Маргариты, отдававшей распоряжения. И вдруг акушерка повысила голос, и они услышали ее слова:

— Тужьтесь, толкайте! Нет, не так, мягче! Вышли ножки, но одна ручка зажата! Задержите дыхание, не тужьтесь! Так, хорошо! Я освободила ручку! Теперь можно!

И тут раздался гневный крик, похожий на мяуканье разъяренного кота: ребенок появился на свет.

— Bravo! — воскликнула Маргарита. — Теперь можете отдохнуть. А эта малышка у нас с характером!

Лора вздохнула с облегчением. Мирей, которая до этой минуты молилась, сложив ладони перед грудью, дружески потрепала Тошана по плечу.

— Две дочки, мсье! Два зайца одним выстрелом!

— Это просто чудо! — восторженно подхватил Жослин. — Такое событие надо отметить!

Ему хотелось плакать. В порыве благорасположения он протянул зятю руку:

— Поздравляю, мой мальчик!

— Спасибо, но не знаю, что сказать. У меня ноги ватные.

Эрмин в это время пребывала в блаженном мире покоя, куда переносит нас чувство выполненного долга, успешно преодоленного испытания. Акушерка отмыла ее и помассировала ей живот, но прежде, конечно, проделала все необходимые манипуляции со второй новорожденной, которая оказалась крупнее и упитаннее сестрички.

— Вы заслужили хороший ужин и стакан вина. Это вернет вам силы!

В дверь постучали. Этот звук вывел молодую мать из состояния, близкого к дреме.

— Пожалуйста, попросите моего мужа подождать, — тихо сказала Эрмин.

Акушерка давно привыкла к тому, что ее пациентки не хотят показывать супругу физиологическую сторону родов, а потому сделала все так, как нужно. Почти целый час с первого этажа на второй носили теплую воду, чистое постельное белье, тарелки с супом. Мирей занялась приготовлением торта, а Лора сетовала без конца, что в доме нет

шампанского — вина «для торжественных случаев».

Эрмин наблюдала за всей этой суетой словно бы со стороны. Она засыпала на пару минут и снова просыпалась, однако даже эти обрывки сна позволили ей отдохнуть. И все же каждый раз, когда она открывала глаза, ее охватывало изумление.

«Две дочки! У меня две дочки! Двойняшки! Две красивые и, похоже, здоровые девочки!»

Ее разум и сердце колебались между радостью и страхом. Невероятно, два ребенка сразу! Это означало, что и забот у нее теперь будет вдвое больше.

«Это судьба! Мне не быть певицей, — подумала Эрмин. — Не о чем теперь мечтать, я не стану ни новой Болдюк, ни Эммой Лаженесс!»

Ей было так стыдно даже думать об этом, что щеки ее стали пунцовыми.

«Как могла я желать себе такой бессмысленной жизни? Выходить на сцену, краситься, очаровывать публику! Господи, прости меня! Ты осыпаешь меня своими милостями, а я еще жалуюсь!»

Минуту спустя Маргарита Бабен впустила в комнату Тошана. Молодая женщина поспешила скрыть слезы замешательства. Он же стоял и смотрел на нее, не осмеливаясь приблизиться.

— Какая ты красивая! — проговорил он с восхищением. — И наши крошки! Настоящие куколочки, совсем как их мама!

Она кивнула с робкой улыбкой. Ее белокурые волосы, заботливо расчесанные Лорой, струились по плечам. Ярко-розовые губы и большие голубые глаза блестели от едва сдерживаемого волнения. Мужу она показалась прекрасной, как мадонна, каких принято изображать в церкви.

Он присел на край кровати, с восторгом глядя на двух младенцев, лежавших по обе стороны от матери.

— Нужно дать им имена! Вернее, придумать еще одно имя, если ты не передумала.

— Ту, что родилась первой, мадемуазель, сосущую пальчик, мы назовем Лоранс. Ты помнишь?

— Конечно! Мы обсуждали это три дня назад. Лоранс! А ее сестричка?

Супруг смотрел на Эрмин с такой любовью, что последние сомнения с легкостью оставили ее. Она в свою очередь залюбовалась второй дочкой.

— Я так боялась, чтобы с ней не случилось беды, — пояснила она. — Она повернулась попкой, но потом вышли ножки, а ручка застряла. Мадам Маргарите удалось ее освободить. Знал бы ты, как я молила Святую Деву

спасти мою невинную крошку! Я хочу назвать ее Мари! Ты согласен?

— Мари! Очень красивое имя! — одобрительно отозвался Тошан. — Но дочку Бетти тоже зовут Мари. Тебя это не смущает?

— Что ты, наоборот! — заверила мужа Эрмин. — Лоранс и Мари, Мари и Лоранс! Тошан, это невероятно! Это чудо! Мы ждали одного малыша, а теперь их у нас двое, с Мукки — трое! То-то я удивлялась, что у меня такой большой живот! И теперь я понимаю, почему движения плода казались мне такими странными. Наши дочери очень похожи внешне, но характеры, скорее всего, у них будут разные. И доказательством тому то, что Мари, появляясь на свет, кричала от ярости, а Лоранс — нет.

— Обе они будут белокуроыми, как ты. Как бы мне хотелось обрадовать мать! Но в это время года не найдется никого, кто мог бы отнести ей письмо. И все же я ей напишу. Если повезет, она узнает хорошую новость еще до начала весны.

Тошан взял руку жены в свою, поднес ее к губам и поцеловал маленькие пальчики, нежные и теплые.

— У нас будет славная семья, — мечтательно сказал он. — Нужно родить еще одного мальчика, иначе у Мукки не будет младшего брата, которого он сможет учить жить в лесу. Я пристрою новые комнаты к хижине. Знаешь, о чем я думал, пока ехал к мадам Маргарите? Нужно будет привести в порядок снаряжение моего отца. Если я найду золото, мне не придется искать временную работу.

— Ты слишком торопишься, Тошан, — мягко упрекнула мужа Эрмин. — У нас уже есть наши девочки и Мукки, и я пока не готова ни родить четвертого ребенка, ни переехать жить в лес.

Он кивнул с растерянным видом, но себе пообещал настоять на том, что считает для себя важным. Эрмин его супруга, а значит, ей не обязательно по несколько месяцев жить в доме Лоры. Их дом — на берегу реки Перибонки, на участке его отца, Анри Дельбо. Он был твердо намерен воспитывать своих детей на природе, пока не придет пора отдавать их в школу.

— Ты права, — согласился он. — У нас еще есть время. Я говорил о будущем, но не о дне сегодняшнем. А теперь тебе, моя женушка-ракушка, нужно больше отдыхать и хорошо кушать. Нелегко будет накормить сразу двух младенцев!

Эрмин еще не задумывалась над этим. Она слишком устала.

— Тошан, попроси моих родителей прийти, а потом я посплю.

Он на несколько мгновений прижал голову к ее груди, а потом поцеловал в губы. Она погладила его по щеке.

— Если хочешь, сегодня я лягу спать в летнем домике, чтобы вам с девочками было больше места. Там есть переносная печка, так что я не умру от холода. Ничего мне не страшно, так я счастлив! И это благодаря тебе, любимая!

Молодая женщина с улыбкой кивнула. Своих отца и мать она встретила, пребывая все в том же состоянии усталости.

— Моя хорошая, мы ненадолго, — сказала ей Лора. — Мирей приготовила мадам Маргарите гостевую комнату, она остается у нас на ночь. Это меня успокаивает, она может за тобой присмотреть. Твои девочки такие хорошенькие! Правда, Жослин?

— Я места себе не нахожу от радости, — признался тот. — Такой сюрприз! Эрмин, моя крошка, сегодня вечером ты сделала нам прекрасный подарок! Надеюсь, я увижу, как они будут расти и станут такими же красавицами и умницами, как их мама! Ты уже придумала им имена?

— Мари и Лоранс! — ответила молодая женщина. — Завтра я вышью их инициалы на детском белье. Понадобится вторая колыбель и еще один комплект пеленок и одежды... Завтра я...

И молодая мать погрузилась в глубокий сон. Растроганные, родители на цыпочках вышли из комнаты. Уже в коридоре Лора сказала шепотом:

— Я найму няню и подыщу хорошую кормилицу. Эрмин не сможет кормить двух детей одновременно. И работы прибавится: стирка, купание, пеленание! Что ты об этом думаешь?

— Нашей дочери есть кому помочь: Мирей, Шарлотта, ты... — осторожно сказал он.

— Но ни у одной из нас нет молока, — возразила Лора.

— Лора, решать должна Эрмин, — примиряющим тоном сказал Жослин. — Мы будем заботиться о ней, как можем, и все будет хорошо, поверь мне. Я рад, что у малышей такие красивые имена.

Она кивнула и прижалась к нему.

— Как хорошо, что в этот вечер ты с нами, что ты увидел своих внучек, как только они родились! Я не думала, что доживу до такого счастья. Жосс, никогда не покидай меня, обещаешь?

— У меня и в мыслях этого нет, — заверил он ее. — Мы потеряли семнадцать лет, но теперь ничто нас не разлучит!

Мирей, которая тоже радовалась от всего сердца, подала им теплое вино с корицей и торт. Супружеская чета устроилась в гостиной, у большой печи из черного чугуна. Им очень понравились имена новорожденных: Мари и Лоранс. Радостные, они коротали время за приятным разговором.

Спустя время экономка уведомила хозяев дома, что Тошан вышел на

улицу, несмотря на сильный мороз и непрекращающийся снегопад.

— Наш молодой отец решил поделиться радостью с семейством Маруа! — уточнила она.

Клеману Тошану Дельбо никогда раньше не доводилось испытывать подобного ощущения: на него одновременно обрушились радость, гордость и чистейшее счастье. Проходя мимо монастырской школы, он подбросил вверх свою шапочку и ловко поймал ее. Молодой мужчина даже не надел снегоступы, ведь до дома соседей было недалеко. По колено в снегу, он то и дело оборачивался, чтобы посмотреть на освещенные окна большого дома, где спали его супруга и дочери. Несколько шагов — и он уже на улице Сен-Жорж. Обрамленная двумя рядами домов с навечно угасшими окнами, она поднималась прямым к заводу и кварталу, расположенному на плато.

Тошан подставил лицо ледяному ветру и бесконечно сыплющемуся с небес мягкому снегу. Ему хотелось закричать, чтобы дать выход переполнявшей его пьянящей радости.

«У меня самая лучшая в мире жена! Самая ласковая, самая покладистая, — думал он. — И она выбрала меня, Тошана, метиса с примесью крови индейцев монтанье! Я взял в жены настоящее сокровище, всё из золота и перламутра!»

Только значительное событие могло заставить его постучать в двери дома Маруа. Симон открыл дверь, вид у него был встревоженный.

— Симон! Пожми мне руку, я стал отцом! — громко сказал Тошан. — И притом отцом двойняшек!

— Входи скорее! — предложил его друг. — Что такое ты рассказываешь? У вас двойня?

Жозеф и Элизабет выбежали в прихожую. Шарлотта тоже еще не ложилась. Она бросилась обнимать Тошана.

— С Мимин все хорошо? Скажи, она же не умерла?

— Нет конечно! У нас две маленькие белокурые девочки! Куколки, принцессы!

— У Эрмин двойняшки! — вскричала Бетти. — Слава Иисусу!

Она заплакала от радости. Шарлотта не верила своим ушам.

— Это же надо! — вставил свое слово Жозеф. — Поздравляю, сосед! Мы должны это отметить! Арман, доставай бутылку карibu и печенье!

Все прошлые обиды были забыты. Рабочий с удивлением рассматривал Тошана с головы до ног, но с улыбкой, и глаза его были влажными от волнения. Вот так, в коричневых велюровых штанах и куртке на меху тот казался ему самым обычным парнем. Если не брать в расчет

длинных, иссиня-черных волос, тот, кого он, Жозеф, привык называть дикарем и грязнокровкой, ничем не отличался от обычного жителя этих мест — высокий, хорошо сложенный и очень даже симпатичный.

— Двойняшки! — с восторгом сказал старший Маруа. — Наша Эрмин одним выстрелом убила двух зайцев! И Жослин, который теперь трижды дедушка, тоже должен был прийти и выпить с нами по маленькой!

— Успокойся, Жо! — одернула мужа Бетти. — Из-за тебя я расстраиваюсь! Не слишком ли много ты пьешь?

— Я не пьян, я очень рад, — пытался протестовать ее супруг. — Валь-Жальбер похож на тонущий корабль, и все крысы, кроме нас, Шарденов и Дельбо, уже спаслись! А теперь в моем поселке будут жить еще две девочки! Да, моя Бетти, я хочу это отметить!

Тошан улыбался, растроганный, взволнованный. Арман и Симон дружески хлопали его по плечу, Шарлотта висла на руке. Девочке хотелось все узнать поскорее, поэтому она засыпала его вопросами. Имена новорожденных ее восхитили.

— Ту, что родилась первой, Эрмин назвала Лоранс, а вторую — Мари, — сказал молодой метис.

— Как мило! — воскликнула Бетти. — Теперь у нас в поселке две Мари!

Это был час всеобщего ликования, час братства. Тошан, слегка опьянев, отложил свои планы на будущее. Придет день, когда он увезет свою маленькую семью далеко от заброшенного поселка, но этим вечером он не имел ничего против, чтобы побыть одним из жителей Валь-Жальбера.

Разбуженный гомоном, по лестнице спустился Эдмон. Взъерошенный, в пижамке, он спросил сонным голосом:

— Что, у нас уже Рождество?

— Нет, пострел! — отозвался Жозеф. — Наша Мимин родила двух девочек. И мы все это отмечаем!

Но со временем волнение улеглось и разговор угас. Было поздно. В установившейся тишине раздался волчий вой, мелодичный и в то же время печальный. Тошан подумал о своей матери, Тале — Тале-волчице, Тале-одиночке. Моментально протрезвев, он попрощался с хозяевами дома и ушел в зимнюю ночь.

Глава 14

Колядки

Воскресенье, 17 декабря 1933 года

Снег шел целую ночь. Открыв входную дверь, Элизабет Маруа замерла, любуясь пейзажем. В любой другой день эта картина — поселок, накрытый пушистой белоснежной шубой, лежащей на крышах пустых домов улицы Сен-Жорж, — могла бы навеять ей грусть. Но сегодня у Элизабет был прекрасный повод для радости: она думала о том, что ее воспитанница родила двух девочек, и все еще не могла в это поверить. Такое событие казалось ей Божьим чудом, благословением для всего Валь-Жальбера.

Симон и Арман решили порадовать приятным известием мэра, старожилы муниципалитета Эзеба и еще несколько семей, по-прежнему проживавших в домах у региональной дороги.

— Эй, Бетти, ты что, решила нас с Мари заморозить? — крикнул ей Жозеф. — Ну, родила твоя Мимин двойняшек, но мир-то от этого не перевернулся! Готов поспорить, ты ей завидуешь!

— Вовсе нет, я просто очень за нее рада, — возразила его супруга, закрывая дверь. — Ближе к вечеру схожу ее проведать. Мне не терпится увидеть ее сокровища!

— Сокровища! Не будем преувеличивать, — пробурчал бывший рабочий. — Голос Эрмин — вот настоящее сокровище! А теперь она станет, как все наши женщины, рожать в год по ребенку. И ей будет не до песен!

— Все наши женщины, но только не я, — с тоской в голосе отозвалась Элизабет. — За двадцать с лишним лет я родила тебе всего четверых!

— Не жалею об этом, Бетти! Я никогда не держал на тебя зла; если так вышло — это не твоя вина. Зато мы смогли купить дом и участок. У нас и так все хорошо.

Элизабет подошла к мужу. Мари, сидящая на высоком детском стульчике, заулыбалась и протянула ручонки к маме. Жозеф как раз кормил ее с ложечки кашей.

— Что ни говори, девочки — это Божий дар, — признался он. —

Видишь, Бетти, с нашей Мари я тебе помогаю! Эдмон, помню, вечно залезал руками в тарелку или выплевывал молоко. Слушайся родителей, Мари! Сегодня твой папа принесет из лесу елочку, и мы все вместе украсим ее к Рождеству и новогодним праздникам.

Элизабет положила руку мужу на плечо. Их супружеские отношения всегда оставались прочными, что бы ни случилось.

— Я счастлива с тобой, — очень ласково сказала она.

Он посмотрел на нее с бесконечной признательностью.

— Тебе временами приходилось несладко с моей вспыльчивостью, скупостью и любовью к карибу! Но теперь все будет по-настоящему хорошо! Я тебе это обещаю, Бетти!

Растроганная этими словами, она одарила его лучезарной улыбкой.

— Знаешь, что пришло мне в голову? — добавил Жозеф. — Пускай в поселке почти нет людей, все равно грех забывать о традициях. Нам всем нравятся всякие новшества, особенно Лоре, но мне приятно будет поколядовать с сыновьями 31 декабря. Возможно, Жослин с Тошаном захотят к нам присоединиться. Наденем снегоступы, и, кто знает, может, доберемся даже до домов окрестных фермеров!

— Ты шутишь или... серьезно, Жо? — удивилась Элизабет. — Раньше колядники собирали еду для самых бедных жителей поселка!

— Ну да! Этот бедный Эзоб, как ни старался, не смог выкупить свой дом. Сердце разрывается, когда о нем подумаю — одежда износилась, досыта не наедается...

— Странно, я думала, внучка заботится о нем.

— Иветта? У нее зимой снега не допросишься! Старик умрет, она и не заметит! Теперь, когда она охомутала этого простака Онезима Лапуанта, она и думать забыла о родных. Ее отец уехал из поселка — для нас это плохо. У меня есть повозка и лошадь, и временами появляется повод заглянуть к тележнику.

Внезапное проявление любви к ближнему со стороны Жозефа обескуражило Бетти, однако она была женщиной доброй, поэтому только обрадовалась. И день показался ей от этого еще более прекрасным.

— Когда я буду у Мимин, — а я пойду минут на пятнадцать, не больше, чтобы ее не утомлять, — то поговорю с Жослином и Тошаном, — предложила Элизабет.

— Лучше попроси их зайти ко мне на пару слов, — ответил на это Жозеф. — И поздравь Мимин и от меня тоже. Особенно с выбором имен, добрых христианских имен!

И Жозеф улыбнулся в бороду, подчеркнув тем самым иронию, которую

он вложил в свое замечание. Элизабет, в прекрасном настроении, принялась хлопотать по хозяйству. Ближе к двум пополудни она оделась потеплее и приготовилась немного побороться с холодом и снегом ради того, чтобы увидеть наконец Мари и Лоранс Дельбо. С собой она взяла только Эдмона.

— Осторожнее, мама! В такой снегопад уже через час дорожку заметет, — предупредил ее Симон, не выпуская изо рта сигарету.

— Я приду за тобой, — заявил Арман, средний из братьев.

— Я не настолько глупа, чтобы заблудиться между своим домом и домом Лоры, — возразила их мать. — Я же не слепая и путь не собираюсь. Какая разница, заметет дорожку или нет...

Элизабет сияла от счастья. Она была рада, что все ее дети рядом, у нее преданный супруг, хороший дом, в котором тепло и соблазнительно пахнет оладьями.

— До встречи, мои дорогие колядники! — негромко сказала она и улыбнулась: в спальне второго этажа спала маленькая Мари, и мать боялась ее разбудить.

— Колядники? — повторил удивленный Арман.

— Отец вам объяснит, — сказала Бетти и вышла из дома.

Эдмон шел впереди. Потоки снежинок буквально обрушивались на них с неба. Мальчик прыгал, по колено проваливаясь в снег, хотя Симон с Тошаном только сегодня утром расчистили тропинку: молодые и сильные, они скучали по физической нагрузке, а потому прорыли между домами Маруа и Шарденов настоящую траншею.

Элизабет с сожалением посмотрела на фасад монастырской школы. Здание с крыльцом, двойными дверями, балконами и колокольней она находила очень красивым.

«Все мои сыновья ходили сюда на занятия, — подумалось ей. — Сестры были прекрасными учительницами, обучали ребят арифметике и истории, а также прививали моральные принципы, учили уважать ближнего, быть вежливыми. Часто мне представлялось, что эти святые женщины — ангелы в черных платьях и белых платках! Помнится, однажды вечером они нашли меня в почти бессознательном состоянии...»

Элизабет вдруг захотелось плакать. В то далекое время она была очень молода и, хотя ей едва исполнилось девятнадцать, у нее уже был Симон, беспокойный и крикливый малыш.

«Я ждала ребенка, по крайней мере, была в этом уверена, но мне так хотелось увидеть крошечную девочку, которую сестра Мария Магдалина нашла на крыльце монастырской школы, на этом вот крыльце... Какой

выдался вечер! Что-то случилось с электричеством, а за пару минут до поломки на фабрике прогудел сигнал тревоги. Я тогда так испугалась! И как сумасшедшая бросилась в ночь, чтобы узнать, жив ли Жозеф. Я не шла, а бежала, несколько раз умудрилась упасть, и у меня случился выкидыш. Если бы сестры не нашли меня и не обогрели, я бы замерзла до смерти. И в тот вечер я впервые увидела этого ребенка, нашу Мимин!»

У нее вырвался тяжелый вздох. Эдмон обогнал мать и теперь, взобравшись на крыльцо дома Лоры, стряхивал с ботинок снег.

— Мама, скорее! — крикнул он. — Я увидел в окно, как Шарлотта наряжает елку! Это несправедливо! У них уже есть елка, а у нас — нет!

— Воспитанные люди не подглядывают в окна, Эдмон! — отчитала женщина сына, но шаг ускорила.

Залаяли собаки Тошана — верный знак, что в доме скоро будут гости. Лора поторопилась открыть и впустить соседку.

— Бетти, дорогая, входите скорее! Если бы вы не пришли, я бы послала за вами Жослина! От девочек просто глаз не отвести — личики розовые, тельца пухленькие! Настоящие куколки! Мы все любимся ими!

В холле появилась Мирей. Она помогла Бетти снять пальто, отряхнула на пороге снег с ее шарфа и шапочки. Эдмона она попросила надеть гостевые тапочки, и мальчик напрямик направился в гостиную, к Шарлотте.

В жарко натопленном доме пахло свежей выпечкой и кофе. Лора, волосы которой были повязаны белым платком, взяла Элизабет за руку и провела на второй этаж.

— Пока Эрмин в своей спальне, но скоро мы спустим ее в гостиную. Это самая лучшая комната в доме, и там она не будет чувствовать себя одинокой. О Бетти, как бы мне хотелось, чтобы вы отпраздновали Рождество с нами!

— О нет, Жозеф ни за что не согласится! Но вот вечером 31 декабря я могла бы составить вам компанию. Кстати, Лора, у меня есть поручение от мужа к вашему супругу и зятю.

Так, переговариваясь вполголоса, они поднялись на второй этаж. В комнату к Эрмин приятельницы вошли веселые, с улыбками на лицах. Молодая женщина лежала в постели, ее белокурые волосы были заплетены в две косы. Розовая атласная сорочка с вышитыми цветочными мотивами как нельзя лучше подчеркивала нежный цвет ее лица.

— Никогда бы не подумала, что вчера ты родила двух деток! — восхитилась Бетти, подойдя поближе. — Ты такая хорошенькая! И не выглядишь усталой!

— Спасибо, Бетти! В этот раз мне не было больно, — призналась Эрмин. — Ну, почти не было, если сравнивать с первыми родами. Мадам Маргарита сказала, что такое иногда случается у женщин, которые носят двойняшек: живот так напряжен, что потуги почти не ощущаются. Мари родилась всего через пятнадцать минут после Лоранс, родовые пути были открыты. Все случилось само собой.

Элизабет кивнула, но то, как открыто молодая мать говорит о таинстве деторождения, привело ее в смущение. Однако она позабыла о своем замешательстве, стоило ей заглянуть в колыбель, где спали новорожденные, в одинаковых чепчиках из белого ситца. Девочки лежали рядышком, и были видны их крохотные ручки.

— Господи, как же они похожи! — с восхищением выдохнула женщина. — Их будет нелегко отличить друг от друга, Мимин!

— О нет! Им нет еще и суток, а я прекрасно их различаю! Мари иногда сосет пальчик. Я повязала ей на запястье розовую ленточку. Лоранс почти не плачет, она очень спокойная. Они обе — настоящие ангелочки, мои красавицы!

И она улыбнулась, испытывая гордость. Ее вчерашние страхи улетучились, однако чувство стыда осталось. На протяжении многих месяцев Эрмин упрекала себя за то, что думала, будто двое детей — это слишком большая обуза, и что о карьере певицы теперь можно забыть навсегда. Теперь она стыдилась этих мыслей, что только усиливало ее любовь к новорожденным дочуркам, как если бы незначительное проявление эгоизма могло сделать ее плохой матерью.

— Наверное, накормить двоих непросто? — спросила Бетти.

— Эрмин и слышать не хочет о кормилице, — пожаловалась соседке Лора. — Она подорвет себе здоровье! Полчаса назад дочка побледнела как полотно у меня на глазах, потому что кормила обеих малышей одновременно! Мирей пообещала, что у нее не будет недостатка в мясе, молочном и пирожках, но было бы проще нанять кормилицу.

— Я против таких методов, мама! — возразила Эрмин. — Молоко матери — самое лучшее для ребенка, которому она дала жизнь. И я полагаю, что это грустно и унижительно для женщины — кормить чужого малыша за деньги. Если понадобится, мы купим бутылочки и заменитель материнского молока. Его продают в виде порошка, который нужно разводить кипятком. Производитель — какая-то швейцарская компания. Это молоко спасло жизни многим грудничкам, я читала об этом в твоём французском журнале.

— Боже правый, и ты будешь кормить этим своих ангелочков? —

поразила Элизабет. — Симон уговаривал меня попробовать сгущенное молоко из банки, но я отказалась наотрез!

— Нужно идти в ногу со временем, — заметила Лора. — Консервы — очень практичная вещь.

Эрмин встала, чтобы поближе подойти к Бетти. Акушерка советовала ей немного подвигаться, поскольку роды прошли прекрасно, без каких бы то ни было осложнений.

— Это странно, — сказала она тихо, — я ощущаю себя стройной и легкой... И я так счастлива!

Она с нежностью прижалась к Элизабет. Прошли годы, но они были по-прежнему очень привязаны друг к другу. Вот так, почти щека к щеке, они стояли и любовались милыми личиками спящих младенцев. Лора ощутила укол ревности.

— Ты тоже немножко их бабушка, Бетти! — сказала Эрмин. — Очаровательная бабушка, у которой собственной дочурке всего год и пять месяцев!

Лора поджала губы. Она намеревалась выйти из комнаты, как вдруг Лоранс вскрикнула. Эрмин тотчас же взяла дочку на руки.

— Посмотрите на нее! — с восторгом сказала молодая женщина. — Она открывает глазки, и ротик у нее изящный, как крохотный цветок! Моя дорогая крошка, моя маленькая принцесса!

Но тут пришел черед Мари испустить куда более громкий крик. Лора подошла и взяла ребенка на руки раньше, чем это успела сделать Элизабет.

— Мне кажется, у Мари личико не такое круглое, как у Лоранс, и пушок у нее на голове темнее, особенно тут, на лобике! И волосы растут так, как у Жослина!

— Нет, мама, как у Тошана! — поправила ее Эрмин. — Если тебя послушать, мои дочки похожи только на вас с папой, а от нас, своих родителей, они не взяли ничего! Они, конечно, белокожие и светловолосые, но и в их жилах течет кровь индейцев монтанье! Я хочу их сфотографировать и послать фотографии Тале.

— Конечно, дорогая. Не сердись, пожалуйста, — отозвалась ее мать.

На этот раз Лора все-таки вышла. Эмоции захлестывали Эрмин, и Лора не понимала, что тому причиной. Отрадное зрелище ожидало ее в гостиной: Тошан с Жослином дружно, как старые приятели, развешивали над окнами гирлянды из золотистой бумаги. На елке, верхушка которой касалась потолка, сияли разноцветные стеклянные шарики. Из электрофона лился рождественский гимн. Звук у дорогого аппарата был куда лучше, чем у граммофона Мирей, и последняя как раз задержалась у чугунной печки,

чтобы послушать «*Adeste Fideles*».

— Моя славная Мирей, похоже, ужин не будет готов вовремя, — сказала ей Лора. — И, если ты не забыла, сегодня мы составляем меню рождественской трапезы.

— Да, мадам! Отправляюсь в кухню!

Жослин уловил в голосе супруги нотки недовольства. Он спустился с табурета, подошел к Лоре и приобнял ее за талию.

— Что случилось, моя любимая Лора? Мы впервые за многие годы будем отмечать Рождество вместе, с нашей дочкой и внуками. Ты осознаешь, как нам повезло? В прошлом году в это время я был в санатории в Лак-Эдуаре и хотел только одного — как можно быстрее умереть. Господь в своей бесконечной доброте собрал нас всех в этом доме! Каждый день, который я провожу с тобой и Эрмин, делает меня лучше. И сейчас для полного счастья мне не хватает только твоей прекрасной улыбки!

Она посмотрела на него, не зная, чего больше хочется — смеяться или плакать.

— Дело в нашей дочери, — шепнула она мужу на ухо. — С Бетти Эрмин — сама ласка, а меня все время отталкивает и одергивает. Но я ведь не сделала ничего плохого с того момента, как малышки появились на свет.

У Тошана был прекрасный слух. Но в так называемые «женские» дела он предпочитал не вмешиваться. Однако стоило Лоре сказать, что Жозеф Маруа просил Жослина с Тошаном зайти к нему, чтобы поговорить о каком-то колядовании, как он проявил больше любопытства.

— Дорогой зять, подойдите ко мне, пожалуйста, — сказала она тоном, в котором все еще угадывалось раздражение. — Жо и Симон хотят с вами поговорить. Сходите к ним, а я закончу украшать гостиную.

Жослин стал одеваться, объясняя Тошану, о чем идет речь.

— Это милый христианский обычай! В Труа-Ривьер на Новый год мы всегда ходили от дома к дому, и люди от чистого сердца давали нам овощи, куски сала, горшочки со сливками, брюкву, молоко... Бедняков было много, хватает их и в наши дни. Помню, как ребенком я вместе со сверстниками бегал впереди колядующих. Мы стучали палками, оповещая хозяев дома о том, что к ним идут за жертвоприношениями!

— Папа говорит, что я тоже пойду! — воскликнул маленький Эдмон, крутившийся рядом. — И друга Урбана с собой возьму!

— А я? — спросила Шарлотта. — Мне можно с вами?

— Посмотрим, — отрезал Жослин. — Колядуют обычно вечером 31 декабря, на улице может быть очень холодно.

Тошан слушал с интересом, хотя и не без улыбки. Его детство прошло в обществе отца-ирландца и матери-индианки, в глубине леса. Чаще всего ссоры между родителями случались в праздничные дни: Тала отказывалась исполнять католические обряды, а Анри Дельбо насмехался над верованиями супруги, почитавшей природу и силы кормилицы-земли.

— В этот день мой дед Эльзеар благословлял членов семьи, собравшихся вместе. Все ссоры забывались, потому что в новый год следовало вступать в мире и согласии. И мы все желали друг другу жить в любви и счастье до конца наших дней!

И он замолчал, взволнованный своими воспоминаниями. Лора подошла и поправила кончиками пальцев воротник его пальто. Она боялась за мужа, опасалась ветра, снега, холода... Их любовь сумела возродиться, одной искорки хватило, чтобы снова вспыхнуло яркое пламя.

— Будь осмотрительным, Жосс! — сказала она. — Поскорей возвращайся ко мне, мой колядник! И вы, Тошан, не задерживайтесь у Симона. Сейчас вы очень нужны Эрмин.

Тот пообещал, на мгновение смежив веки. Лора какое-то время смотрела им вслед. Снег сыпал с неба — обильный, неутомимый. Очень скоро два почти одинаковых мужских силуэта заслонил сумасшедший танец снежинок.

«Спасибо тебе, Господи! — подумала Лора. — Откуда во мне столько плохого, чтобы ревновать дочь к добрейшей Бетти, упрекать Мирей, которая столько для нас делает? Жослин прав, жизнь очень добра к нам!»

Из гостиной до нее донесся припев гимна «Тихая ночь»^[43] и аппетитный запах горячего шоколада.

«Я очень счастлива! И у нас теперь еще две прекрасные внучки. Какая глупость с моей стороны обижаться на каждую мелочь!»

Лора ощутила бесконечную признательность провидению. У нее даже слезы навернулись на глаза. Она решила вернуться в комнату дочери и излить на нее всю любовь, которая переполняла ее материнское сердце.

Валь-Жальбер, воскресенье, 24 декабря 1933 года

Тошан присел на край дивана, на котором отдыхала его молодая супруга. Эрмин только что покормила своих девочек и чувствовала себя очень усталой.

— Мари и Лоранс сегодня вечером исполнится девять дней, — сказала она. — Как быстро идет время! Но я беспокоюсь: они почти не набрали

вес!

— Если бы твоя мать не купила весы, ты бы об этом не узнала, — отозвался Тошан. — Они прекрасно себя чувствуют и редко плачут, я это заметил. Не волнуйся, они наберут вес, но не сразу, а постепенно!

— Может, у меня не хватает молока? — тихо предположила Эрмин.

Он тыльной стороной ладони погладил ее по щеке, уверенный, что нет абсолютно никаких оснований для беспокойства.

— Моя дорогая женушка-ракушка, любимая, перестань изводить себя ненужными вопросами! Ты сделала мне такой прекрасный подарок! Посмотри, как красиво в комнате!

Эрмин повернула голову и какое-то время любовалась гостиной. Стены и печная труба были украшены еловыми ветвями, перевитыми красными и золотыми лентами. Рождественское дерево сияло крохотными разноцветными лампочками электрической гирлянды. Под елкой Шарлотта поставила колыбель и фигурки трех волхвов, Марии и Иосифа, быка и ослика. Лора купила их по каталогу во французском магазине, имевшем филиал в Квебеке. Девочка не переставала удивляться тому, какой долгий путь проделали эти фигурки, прежде чем оказаться в их доме в Валь-Жальбере.

Над окнами, которые к Рождеству занавесили красными бархатными портьерами, красовались букеты остролиста. Жослин нашел кустик в лесу возле каньона реки Уиатшуан.

— У нас и правда очень красиво, — согласилась Эрмин. — Тошан, я хочу есть, пожалуйста, попроси у Мирей бульона! И пару бутербродов!

— Но ты ведь только что завтракала, — удивился он.

— И опять проголодалась!

Ее супруг встал и пошел в кухню. Оставшись одна, Эрмин вынула из кармана своего домашнего платья синий конверт и поспешно вытряхнула из него почтовую открытку. Картинка была обычная, обрамленная серебристым орнаментом: на фоне заснеженного леса по опушке шел величественный олень. В шестой раз со вчерашнего дня она перечитала строчки на обороте открытки:

«Дорогая Эрмин!

Желаю Вам веселых праздников в кругу семьи. Ваша мать сообщила мне, что у вас родилась двойня. Думаю, материнство не заставит замолчать соловья из Валь-Жальбера. К этому хочу добавить, что директор Капитолия в Квебеке очень хочет вас услышать. На оперной сцене нам не хватает феи с золотым голосом, которая смогла бы

очаровать публику, в последние годы лишенную возможности погрузиться в мир грез и магии. Вы найдете мой номер телефона на визитной карточке, которую я вкладываю в этот конверт. С наилучшими пожеланиями,

Октав Дюплесси».

От желания плакать зачесался кончик носа, и слезы потекли словно сами собой. Со вздохом молодая женщина поспешила спрятать послание. Эти несколько фраз разбередили рану, которая, без сомнения, никогда не исцелится.

Через несколько минут в комнату вошла Шарлотта с подносом.

— Мимин, Тошан попросил отнести тебе еду. Он идет гулять с собаками.

— Спасибо, дорогая! Ты можешь оказать мне еще одну услугу? Знаю, сегодня воскресенье, но мне нужно, чтобы ты бросила в почтовый ящик это письмо. Я уже наклеила марку. Оно уйдет по назначению во вторник.

— Но мне ведь надо лечь спать! — воскликнула Шарлотта. — Ты забыла? В этом году мы отмечаем Рождество на старинный лад, так сказала Лора. Мы все встанем за час до полуночи и будем петь и танцевать. Мирей приготовила кучу всяких вкусностей! И она тоже пойдет спать пораньше.

— Это не займет много времени, — не сдавалась Эрмин. — Надень снегоступы и сбегай на почту!

— Хорошо! Но только если Лора увидит, что я выхожу из дома, она меня отругает.

— Никто не должен тебя увидеть, — сказала молодая женщина. — Это секрет, еще один секрет! Я написала Октаву Дюплесси, тому импресарию, который приезжал в поселок прошлой зимой. Если Тошан найдет мое письмо, он станет спрашивать, но я не знаю, что ему говорить. Поторопись, а я скажу, что ты пошла поиграть с Эдмоном.

Шарлотта заглянула в расстроенное лицо старшей подруги. Сама того не желая, она слышала обрывки разговоров взрослых и знала, что Лора, Жослин, Тошан и Мирей полагают, будто нервы у Эрмин не совсем в порядке, и все это из-за недавних родов.

— Ты не рада, что у тебя две хорошенькие дочки, Мимин? — спросила она. — Или тебе не хочется праздновать Рождество, как в старину?

— Откуда такие вопросы, Лолотта? — вопросом на вопрос ответила Эрмин. — Я очень рада! Но не хочу, чтобы господин Дюплесси мне писал. К счастью, Арман отдал его письмо мне в руки!

Девочка взяла белый конверт, который протягивала ей Эрмин. Честно

говоря, она была не против прогуляться. Потом ей наверняка будет легче заснуть. Она сомневалась, что удастся задремать в три часа дня, и поэтому рассчитывала тайком почитать приключенческий роман.

— Я скоро! — пообещала она.

Эрмин снова улеглась на диван и положила голову на большую атласную подушку. Мари и Лоранс спали рядом, каждая в отдельной колыбели. Элизабет Маруа одолжила Мимин свою плетеную колыбель, которая по очереди служила ее четверем детям.

«Сегодня Рождество, а я чувствую себя совсем измотанной, — с грустью подумала молодая женщина. — Столько беспокойства было после рождения девочек, столько посещений! И мама, которой нипочем расстояния и снегопады, с ее желанием купить еще детской одежды, еще пеленок и белья! И так стирки стало намного больше...»

Она закрыла глаза и вспомнила, как навещала ее дорогая Бетти в прошлое воскресенье. Она принесла платье, в котором крестили ее собственную дочку Мари, — настоящую сказку из белоснежных кружев, с тончайшей вышивкой. Платьице было идеально чистое и накрахмаленное. Лора нахмурилась, но Эрмин сумела настоять на своем: Мари Дельбо будут крестить в этом чудесном наряде, сшитом руками Бетти, а на Лоранс наденут новое платье.

«Маме следовало бы меньше тратить, — подумала она. — Папа старается не корить ее, но она и вправду покупает слишком много всего! Что, если завод в Монреале закроется? Хотя и это ее не остановит: мама говорит, что в таком случае она за большие деньги продаст особняк в столице, и этого нам хватит, чтобы безбедно жить многие годы. Это не понравилось Тошану, я уверена, хоть он не подал виду...»

Эрмин хотелось быть более уравновешенной, но в последнее время она слишком эмоционально реагировала на самые незначительные события, то плача, то впадая в гнев. Все члены семьи много возились с новорожденными, что было молодой матери большим подспорьем, однако даже это ее расстраивало: Эрмин считала, что уделяет своим малышам слишком мало времени. Мукки, который, должно быть, ощутил недостаток материнского внимания, стал капризничать. Он просыпался ночами и громко плакал. В общем, Эрмин и так была измотана, а открытка с пожеланиями от импресарио огорчила ее еще больше. И она написала предельно короткое ответное послание с тем, чтобы впредь он ее не беспокоил.

— Как себя чувствует моя женушка? — спросил низкий, вибрирующий от нежности голос.

— Тошан? — отозвалась она, вздрогнув от неожиданности.

Муж склонился над ней и улыбался, как всегда спокойный и привлекательный.

— Я думала, ты гуляешь с собаками.

— Твой отец пошел вместо меня, ему полезно прогуляться, — ответил с улыбкой Тошан. — Зато Лора нервничает: подгорел мясной пирог с гусятиной и брюквой. Мирей в отчаянии! На бедняжку больно смотреть! И в довершение всего я, сам того не желая, поспорил твоих родителей.

Последние слова мужа заинтересовали Эрмин, и она привстала на диване. Теплые ладони Тошана у нее на плечах дарили ощущение ласки и безопасности.

— Расскажи! — попросила она шепотом.

— Я имел неосторожность спросить, почему подарки раздадут после полуночи, ведь мы собираемся праздновать на старинный лад, а на днях твой отец рассказывал, что подарки вручали в первый день нового года. Жослин тут же заявил, что я прав и подарки следует открывать первого января. Твоя мать обиделась и даже расплакалась!

— И как же мы поступим? — спросила Эрмин.

— Посмотрим, что случится после полуночи. А ты пока выпей свой бульон, он почти остыл.

Обнявшись, они продолжали болтать. Скоро, после дневной сиесты, должен был проснуться Мукки, и они наслаждались каждым мгновением, проведенным наедине.

В кухне Мирей и Лора суетились вокруг бочонка. Домоправительница уверяла хозяйку, что подаст к столу настоящий карибу, а не подделку, которую пьет обычно Жозеф Маруа.

— Но что делать Жозефу Маруа в нашем доме? — раздраженно спросила Лора. — Мне нет дела до его карибу! Вот мое мнение, Мирей: твой напиток свалит наших мужчин с ног!

— Вовсе нет, мадам! Я пользуюсь настоящим рецептом! Смешиваю белое и красное вино, черничную настойку и чистый виски и все это охлаждаю. А мсье Маруа берет красное вино и добавляет в него дешевый бренди, потому что он скряга!

— Может, он и скряга, но именно ему пришла в голову идея организовать колядование для этого бедного мсье Эзеба, — возразила Лора. — А что у нас со слоеным паштетом? Он, похоже, так и останется сырым, огонь в печи горит слишком слабо.

— Что вы, мадам, я положила в печь достаточно дров! Уже четыре часа мой паштет тихонько себе запекается. В мои юные годы, в Тадуссаке,

никто не делал этот паштет лучше меня! А в те времена праздники длились с двадцать четвертого декабря по шестое января! Посмотрите, какой он у меня красавец!

И домоправительница, вся раскрасневшаяся от возмущения, открыла печь. Она ревниво следила за приготовлением своего кулинарного шедевра — паштета, состоявшего из многих слоев мяса и жареного лука. Понемногу зайчатины, индюшатины, курятины, свинины, мяса дикой утки и куропатки, и все это приправлено ароматными травами и завернуто в толстый слой теста...

Лора осмотрела большой чугунный котелок, потом взяла прихватку и приподняла крышку. Ее взору предстал золотистый купол пирога, который сквозь прорезанные в тесте крохотные отверстия распространял ужасно аппетитный, богатый нюансами аромат.

— Может, я и сожгла один пирог, но мое фондю с краснокочанной капустой просто великолепно, мадам, — заявила Мирей. — И мои паштеты тоже выйдут превкусными! В лавке, где мсье Жослин обычно покупает мясо, прекрасная свинина! И вообще, не знаю, как вы съедите все, что я приготовила! За столом вас будет всего пятеро, и у маленькой Шарлотты плохой аппетит... И кексов слишком много — я испекла целых четыре!

— Перестань жаловаться, моя дорогая Мирей! — воскликнула Лора. — Ты ужинаешь с нами, я уже сто раз тебе это говорила. Ты — член семьи, перестань жеманничать! И ничего не пропадет, если мы поставим остатки в прохладную кладовку в подвале. Зато на праздник, первого января, у тебя будет меньше работы!

С этими словами Лора вышла из кухни. Она услышала, что на втором этаже проснулся и залепетал Мукки. Когда родились двойняшки, она почти все свое внимание сосредоточила на мальчике. И он с каждым днем все сильнее привязывался к своей очаровательной бабушке, которая души в нем не чаяла.

Стоило хозяйке подняться по лестнице, как Мирей аккуратно прикрыла дверь. Она выпила немного своего карibu и, довольная, прищелкнула языком. Уперев руки в бока, она запела себе под нос одну из самых популярных песен Ла Болдюк — «Первое января». *«Первого января мы протягиваем друг другу руки, мы обнимаем друг друга, и нужно этим пользоваться, потому что это происходит только один раз в году...»*

В это самое время Жослин, надев на ноги снегоступы, поскольку глубина снега достигала восьмидесяти сантиметров, шел по лугу за мельницей Уэлле. Это место ему очень нравилось, несмотря на связанные с

ним неприятные воспоминания. Собаки Тошана, которые наизусть знали маршрут прогулки, весело носились вокруг него, по временам припадая животом к земле, возились и лаяли. Из четырех собак Дюк был самым быстрым и ловким. Этот серый пес с раскосыми, золотистого цвета глазами напоминал Жослину его верного Бали, погибшего от волчьих зубов.

Он улыбнулся при мысли о подарке, который они с женой купили зятю еще неделю назад. Лора сразу же согласилась с его предложением. Они приобрели щенка породы хаски, маленького самца с черной шерсткой. Белая маска на морде подчеркивала его лазурные глаза. Они с Лорой решили, что прежде, чем получить свой подарок, зятю придется отгадать загадку, которую сочинила теща.

«У него глаза голубые, как у нашей Эрмин, но ходит он на четырех лапах. Кто это может быть? — повторил про себя Жослин и усмехнулся. — Моя Лора — тонкая штучка, но Тошан быстро догадается!»

Он уже собирался свистом позвать собак, когда от мельницы, темная масса которой высилась на расстоянии какого-нибудь десятка метров, донеслись крики. Голосок был тоненький, детский.

— Нет! Нет! Я не хочу! — кричал кто-то.

Дюк замер, наострив уши. Шерсть у него на загривке поднялась дыбом. Через мгновение он бросился вперед. Жослину было нелегко за ним угнаться, но он старался, как мог. Вскоре он увидел два силуэта и узнал красный анорак Шарлотты. Его совсем недавно купила для девочки Лора, поэтому ошибки быть не могло. Рядом с малышкой стоял высокий мужчина в коричневой куртке.

— Шарлотта! Что происходит? — крикнул Жослин.

Пес уже подбежал к девочке и теперь скалил зубы на ее спутника. Жослин никогда раньше не встречал Жюля Лапуанта, но по словам испуганной Шарлотты понял, кто перед ним.

— Нет, папа, я с тобой не пойду! Отпусти меня!

— Вы слышали, что говорит вам ребенок, мсье? — повышая голос, спросил Жослин. Он знал, что в свое время этот человек повел себя с родной дочкой недостойно. — Отпустите ее!

— А вы кто такой? — крикнул ему Лапуант. — И заберите собаку, или я ей шею сломаю!

Шарлотта была просто счастлива видеть Жослина. Она бросилась к нему с выражением ужаса на лице.

— Мой отец говорит, что я должна отмечать Рождество с семьей, — выпалила девочка, повисая у него на руке. — Но я не хочу, я ведь теперь живу у вас, у мадам Лоры!

И она разрыдалась, сгорбившись, задыхаясь от слез и страха.

— Мсье, оставьте девочку в покое, — начал Жослин. — Может, это и ваш ребенок, но, как я слышал, вы не имеете права к ней приближаться.

— Суд мне этого не запрещал, — с трудом подбирая слова, хриплым голосом проговорил Жюль Лапуант. — Табарнак, я только хотел забрать девочку домой. Онезим с Иветтой пригласили меня на ужин. Я увидел Шарлотту возле почты и забрал с собой.

— И куда вы ее вели? Ведь дом вашего сына в другой стороне, — холодно возразил Жослин. — В любом случае вам следовало предупредить мою супругу, Лору Шарден. Драться в рождественский вечер мы не станем, и если Шарлотта захочет, она придет к вам в гости завтра, со мной или моим зятем.

На Жюля Лапуанта было больно смотреть. Лицо у него опухло, сосуды на носу и щеках полопались. Губы прятались в желтых с проседью усах. От него несло алкоголем. После смерти супруги, угасшей после долгой болезни, он совершенно опустил плечи. Однако его намерения по отношению к Шарлотте оставались двусмысленными, и Жослин это почувствовал. Дюк, без сомнения, тоже, потому что он продолжал рычать, показывая свои крепкие белые зубы.

— Отстаньте от меня! — крикнул Лапуант. — Вы ходите такие гордые, но на деле ничем не лучше меня! Ваша дочка, Эрмин, дорого мне заплатит за то, что украла у меня Шарлотту! Она будет иметь дело со мной, я вам обещаю...

— Только троньте мою дочь, и я вас в порошок сотру! — пригрозил Жослин. — Вам должно быть стыдно за то, что вы так напугали девочку!

И он повернул обратно, прижимая к себе свою подопечную. Жюль Лапуант хотел было последовать за ними с кулаками наготове, но споткнулся и упал в снег. Шарлотта вырвалась из рук Жослина и побежала вперед. Она двигалась с трудом, снегоступы ей мешали. Жослин догнал ее и подал ей руку. Собаки трусили за ними следом.

— Что случилось с моим отцом? — спросила девочка, плача. — Нужно сказать Онезиму, чтобы пришел и забрал его, иначе он умрет от холода.

— Не беспокойся, я обо всем позабочусь!

— И я так и не отправила письмо Эрмин! — пожаловалась девочка.

— Ну, сегодня воскресенье, я отправлю его во вторник, ведь завтра праздничный день.

Шарлотта, все еще дрожащая от страха, вынула из кармана помятый, промокший от снега конверт. Жослин прочел имя адресата, потом спрятал

письмо в карман своей куртки.

— Смотри, мы уже почти пришли, — сказал он. — Помоги мне завести собак в сарай, а потом вместе пойдем в дом. Мирей нальет тебе теплого молока.

— Вы очень добрый, мсье Жослин! — отозвалась девочка. — Я пойду спать, а вечером все будет так, как обещала мадам Лора? Меня разбудят в полночь и будет ужин и подарки под елкой?

— Ну конечно! — пообещал он ворчливым голосом, в котором, однако, слышались ласковые нотки. — Скажи, а кто это такой — Октав Дюплесси? Никогда о нем не слышал.

Это была правда. Лора никогда не затрагивала эту тему, а Эрмин, даже если говорила о своих мечтах и о страсти к пению, ни разу не упомянула имени импресарио.

— Это господин из Квебека, — сказала Шарлотта. — Когда мы с Мимин сели на поезд, мы ехали к нему на встречу, чтобы Мимин прошла прослушивание. Он даже приезжал сюда, в Валь-Жальбер, потому что у Мимин исключительный талант, так он сказал.

— В этом я с ним согласен, — признал он. — И этот господин руководит театром?

— Не знаю, — вздохнула девочка. Она едва держалась на ногах от пережитого волнения.

Шарлотта глаз не сводила с красивого дома Лоры. Из трубы на крыше валил дым, весело мерцал свет в окнах, особенно в окне гостиной, за которым виднелась украшенная елка. Жослин правильно истолковал написанное на детском личике отчаяние. Ему стало очень жалко девочку. Должно быть, ей показалось, будто ее похитили из рая и поволокли в ад, и все это в тот день, который обещал стать самым радостным в году.

— Это письмо — секрет, мсье Жослин, — добавила она, ни на секунду не отпуская его руки.

— Я сохраню секрет, Эрмин на тебя не рассердится, — твердо сказал он. — Шарлотта, давай договоримся: ты будешь звать меня по имени и говорить мне «ты». В первые дни я был с тобой не слишком добр, но это потому, что я — старый ворчун, на самом же деле я тебя очень люблю. Беги в дом!

Жослин проводил девочку в кухню. Там он рассказал о происшествии Мирей, которая тут же прониклась к бедной Шарлотте горячим сочувствием.

— Моя Лолотта, мой бедный цыпленочек! — запричитала она. — Господь не оставил тебя, он послал мсье Жослина тебе на выручку! Сейчас

уложу тебя в кровать и сама приду разбудить вечером! И не думай ни о чем плохом! В новогодние праздники дети — главные в доме!

Домоправительница окружила девочку лаской и добрыми словами. Она напоила ее теплым молоком и отрезала кусок пирога с патокой и взбитыми сливками. Что до Жослина, то он заперся в маленьком кабинете. Конверт расклеился от влаги. Искушение было слишком сильным. Он прочел написанное Эрмин короткое письмо:

«Мсье, спасибо за добрые пожелания, но прошу Вас впредь мне не писать и не искать со мной встречи. Я честно сказала Вам, что отказываюсь от мысли сделать карьеру на оперной сцене и не стану приезжать на прослушивание. Я — мать троих детей и хочу, чтобы вы поняли: работать над голосом и совершать долгие переезды для меня невыносимо. Прошу вас, поймите меня и примите мое решение!»

Далее следовали строки с пожеланиями и вежливым прощанием. Жослин сложил листок и задумался. Он смог многое прочесть, что называется, между строк.

— «Прошу вас, поймите меня!» — тихо повторил он вслух.

Это был крик души, который он истолковал на свой лад. Жослин решил, что Эрмин умоляет не Дюплесси, но тех, кто живет с ней рядом. Это была просьба о помощи.

«Моя крошка жертвует своей страстью к пению, своим талантом, и это дорого ей стоит! Она думает, что сделала правильный выбор, но этот выбор лишает ее здоровья!»

Мужчина скатал письмо в шарик и спрятал его в карман брюк. Закрыв глаза, он вспомнил тот вечер в санатории Лак-Эдуара. Вспомнил, как Эрмин исполняла «*Ave Maria*» Гуно. Никогда не забыть ему небесной чистоты ее голоса, легкости, с которой его дочь брала самые высокие, хрустальные ноты, отчего у слушателя мороз идет по коже и душа наполняется беспричинной грустью, как если бы она вдруг вспомнила о потерянном рае... Эрмин обладала редчайшим даром, и грешно было зарывать его в землю.

«Трое малышей не станут помехой, — сказал он себе. — Она никогда не будет счастливой, если не сможет петь! Господи, сделай так, чтобы я хоть в этом сумел поддержать ее! Пока я жив, я буду помогать своей дочке получить то, что обещано ей судьбой. Это мой способ возместить ей ту любовь, которой она лишилась в детстве, когда меня не было рядом...»

Приняв решение, Жослин отправился на поиски дочери. Но на диване

в гостиной он ее не нашел. В комнате Лора играла с Мукки. Она с глубочайшей благодарностью посмотрела на мужа.

— Я знаю, что ты сделал для Шарлотты, Жосс. Спасибо! Если бы не ты, случилось бы что-то ужасное. Этот Лапуант — гнусный тип! Эрмин еще ничего не знает. Она поднялась к себе, и Тошан с ней, с Лоранс на одной руке и Мари — на другой. Мы тоже пойдем спать?

— Чуть позже, я никак не могу успокоиться после разговора с этим пьяницей, — ответил он. — Господи, а ведь я мог бы кончить свои дни так же! Мне нужно выйти ненадолго, Лора. Я обещал Шарлотте предупредить Онезима. Если он не заберет отца в дом, тот умрет еще до ночи. Видела бы ты это! Лапуант упал в снег, до того он пьян, можешь мне поверить!

Лора расстроено кивнула. И постаралась поскорее прогнать из мыслей образ Жюля Лапуанта, до такой степени он не вязался с атмосферой покоя и уюта, царившей в доме. У них никогда еще не было такой нарядной елки. Мирей накроет на стол, стоящий возле мерцающего деревца, и они все вместе отдадут должное отменной трапезе. Лора встряхнула волосами, словно желая прогнать все, что не вписывалось в эту гармоничную картинку.

— Будь осторожен, — попросила она. — И поскорее возвращайся, Жосс. Я так счастлива, что ты рядом! Это как сбывшаяся мечта. В эти праздничные дни мы собрались все вместе. Это такое чудо...

Они были в комнате одни. Пылкий поцелуй подтвердил узы, более крепкие, чем те, которые соединяли их раньше.

* * *

Тошан смотрел на спящую Эрмин. Ворот ее ночной рубашки был открыт, позволяя видеть полную молока грудь. Одной рукой молодая мать обнимала Лоранс, которая так и заснула с соском во рту. Восторг переполнял его. Он мог бы описать свою обожаемую супругу самыми поэтическими на свете словами, но ограничился тем, что просто любовался ею, в очередной раз поражаясь ее красоте. Он погладил белокурую прядь и поцеловал ее в округлое плечо. Между ними спала маленькая Мари, которая тоже была сыта и довольна.

«Две девочки сразу! — подумал он. — Сразу два солнышка в нашей жизни! Мои сокровища, три мои принцессы!»

В этот рождественский вечер он решил не думать о том, что больше всего его беспокоило. Он понимал, что Эрмин не захочет много лет подряд

жить в хижине Талы и ему придется довольно часто возить ее в Валь-Жальбер. Тем более что Лора и Жослин имели право видаться со своими внуками. Все это он решил отложить на потом. Эти праздничные дни стали еще лучше с появлением на свет его дочек, и ничто не испортит ему настроения!

Незаметно пришло время вставать. Он коснулся рукой раскрытого ворота сорочки Эрмин, желая насладиться ощущением ее теплой и гладкой кожи. И тут он заметил, что по щекам молодой женщины текут слезы. Тотчас же на лице появилась гримаска скорби, и она горестно вздохнула. Он решил, что супруга видит кошмарный сон, и погладил ее по лбу.

— Где я? — спросила она, не открывая глаз. — Мне аплодировали, правда? Им понравилось...

— Эрмин! — позвал он, встряхивая ее за плечи. — О чем ты говоришь?

Она вздрогнула, открыла глаза и с удивлением воззрилась на него. К ней вернулось ощущение действительности.

— Тошан! Мои крошки! Мне приснился сон!

Он посмотрел в ее еще затуманенные грезами глаза.

— И что же тебе приснилось? — спросил он озабоченным тоном.

— Не помню, — соврала она.

— Нет, помнишь, — отрезал ее муж. — Тебе хлопали, потому что ты пела, и, скорее всего, на сцене, верно? Эрмин, ты же пообещала мне не думать больше об этих глупостях!

— Что же я могу поделать, если пою во сне? — попыталась оправдаться она. — Кто говорил, что это очень важно — то, что посылает нам наш разум во сне? Ты, Тошан, и Тала тоже! Не сердись, во сне я видела себя в детстве, поющей в поселковой церкви, той, которую разрушили.

Молодая женщина ободряюще улыбнулась супругу и потянулась. Потом взглянула на настенные часы.

— Мне пора одеваться! Мама попросила нас спуститься до полуночи. Тошан, ты тоже переоденься, пожалуйста!

Она встала, стараясь выглядеть веселой и беззаботной. И все же картинки из сна, заставившего ее плакать, поразительно четкие, стояли у нее перед глазами.

«Я была в костюме японки — в красном кимоно с желтыми и зелеными цветами, пела арию из «Мадам Баттерфляй». Я ощущала капельки пота под слоем грима, который нанесли, чтобы мое лицо выглядело очень бледным. Публика аплодировала мне стоя. Все было как наяву!» — подумала она, умываясь.

— Снег до сих пор идет? — спросила она весело.

— Да, до сих пор идет, — отозвался Тошан. — Твои родители отказались от идеи ехать на мессу в Шамбор. Они отправятся туда завтра ближе к полудню. Я пообещал отвезти их на санях.

Он ощущал смутное недовольство. Ему вспомнились слова матери. Тала спросила, почему он больше не зовет жену своей певчей птичкой. И почему Эрмин больше не поет... Он сжал кулаки, но в сердце его проникла необъяснимая тревога. Тошан был человеком честным и справедливым, однако это не мешало ему принадлежать к числу мужчин, видящих в супруге хранительницу домашнего очага и преданную мать своих детей, которой не пристало интересоваться ничем другим.

«Мы женаты, у нас семья, — сказал он себе. — Эрмин будет петь для нас по вечерам, там, на берегу Перибонки. Мы с детьми станем ее слушателями! А потом, позже, посмотрим... Там у нее не будет времени думать об этом...»

Он надел белую рубашку в тонкую серую полоску и коричневый бархатный костюм. Нервным жестом собрал волосы под затылком. Мимо прошла Эрмин в розовой комбинации. Она улыбнулась ему. Он стоял и смотрел, как она укладывает локоны в пучок, потом надевает нитку жемчуга. Платье шло ей невероятно — из невесомого голубого муслина с пояском из белой кожи, подчеркивавшим талию. Рукава доходили до локтя, корсаж застегивался на пуговицы.

— У тебя такой элегантный наряд, — сказал он наконец. — Можно подумать, мы в Квебеке и собираемся на званый вечер.

— Я хочу порадовать родителей, — призналась Эрмин. — Портниха выбрала для меня этот фасон, чтобы я в любой момент могла без хлопот покормить моих малышей. Это первый раз, когда мы отмечаем новогодние праздники все вместе. Мама так к ним готовилась!

Тошан обнял ее и вдохнул аромат ее духов. Он воспользовался моментом, чтобы сказать ей на ушко несколько слов любви, которые заставили молодую женщину покраснеть. Но тут в дверь постучала Шарлотта.

— Пора! Я уже готова! — звонко крикнула девочка.

— Входи, дорогая, — ласково позвала ее Эрмин. — Возьми Лоранс, а я возьму Мари.

Часы показывали половину двенадцатого. На первом этаже звучала знакомая музыка: хор исполнял «Ангелы в нашем краю». Лора купила новую пластинку с рождественскими гимнами.

— Скорее, я умираю от голода! — воскликнула Эрмин. Она просто

сияла.

Видя ее такой, Тошан успокоился. Ему было невдомек, что стало поводом для ее радости: к Эрмин вернулась надежда, поскольку — она в это свято верила — недавний сон был пророческим. Нужно только иметь терпение, и однажды все случится наяву. Решив для себя, что сегодня вечером она от всего будет получать только удовольствие, молодая женщина поцеловала Шарлотту и похвалила ее платье и черные кудряшки, уложенные в прическу и скрепленные гребнями.

— Ты просто прелесть, моя Лолотта!

Жослин и Лора встретили их радостными улыбками. Они стояли рядом с елкой, смотреть на которую без восторга было невозможно. Деревце украшали золотые и серебряные гирлянды, а стеклянные шарики отражали малейший отблеск света. Из кухни доносились такие соблазнительные запахи, что голова шла кругом.

На покрытом белоснежной скатертью столе красовался лучший сервиз Лоры. Зажженные пурпурные свечи освещали все это великолепие мягким колеблющимся светом. К черному платью с кружевным воротником Мирей надела золотые сережки, которые были ей очень к лицу. Домоправительница отказалась снять фартук, поскольку, хоть она собиралась ужинать вместе со всеми, ей предстояло исполнять свои обычные обязанности.

— Стаканчик карибу, дорогой зять! — предложил Жослин. — Мирей сама его приготовила. Господи Иисусе, до чего же хорош!

— Спасибо!

Они чокнулись. Прежняя вражда была забыта. Шарлотте налили лимонада. Она прыгала с ноги на ногу от нетерпения, поглядывая на разложенные под елкой пакеты. Их было много, и обертки были очень красивые — розовые, ярко-зеленые, красные. Малышка без конца любовалась всеми этими праздничными чудесами, и все же воспоминание об отце то и дело возвращалось, отравляя ей радость. Она снова и снова видела, как Жюль Лапуант тяжело падает лицом в снег... Мирей догадалась, что заботит девочку. Она подошла и тихо шепнула ей на ухо:

— Мсье Жослин сделал все, как надо: Онезим уложил отца в теплом доме. И пообещал, что никто не причинит тебе вреда, моя крошка. Ни сегодня вечером, ни в любой другой день.

Успокоившись, Шарлотта стала играть с Мукки. Мальчик все время пытался потрогать игрушки на елке. Иголки кололи его в лоб, и он то и дело громко вскрикивал. Лора нарядила внука в костюм из красного бархата и рубашку с жабо. Довольно большой для своих года и трех

месяцев, мальчик был очень хорошенький, с черными волосенками и смуглой кожей. Они все вместе сели за стол под аккомпанемент традиционных песнопений, прославлявших рождение Иисуса. Порционный паштет, поданный на ломтях теплого хлеба, был просто великолепен. Слоеный паштет в тесте оказался настоящим шедевром. Сотрапезники не скупились на похвалы, и Мирей торжествовала.

— Никогда не ел ничего вкуснее, — заявил Жослин.

— Думаю, такой паштет подают в самых лучших ресторанах! — похвалила Лора.

Эрмин наслаждалась вкусной едой. С большим удовольствием она надкусила золотистую корочку, под которой скрывались слои мяса, жирные и пахнущие поджаренным луком. Тошан, выпив три стакана карибу, расслабился и широко улыбался.

После десерта — пирога с патокой под шапкой из взбитых сливок — Лора хлопнула в ладоши.

— Пора открывать подарки!

— Ура! — воскликнула Шарлотта.

Мари и Лоранс, убаюканные радостным гулом голосов и музыкой, спокойно спали. Жослин встал. Растроганный, он обвел взглядом сидящих за столом членов своей семьи и гостиную, больше похожую на дворец феи. И все же, когда он решился начать заготовленную заранее речь, к горлу подкатил комок.

— Кгм! — откашлялся он. — Я не привык произносить речи, поэтому скажу, как могу. Несколько месяцев назад я был как тот странствующий канадец из песни, который, прильнув к оконному стеклу чужого дома, мечтал оказаться в тепле. Я же мечтал снова увидеть свою жену и дочку. И Господь даровал мне эту милость. У Шарденов, моих родителей, в рождественскую ночь никто не веселился. Это был вечер молитвы, а сегодня мне хочется смеяться и танцевать. Мы с Лорой придумали игру, вернее, загадку для каждого из вас. Прежде чем развернуть подарок, придется ее отгадать! Кто первый?

Тошан поднял руку с видом примерного школьника на уроке.

— Хорошо, мой мальчик! Кто ходит на четырех ногах, но глаза у него такие же голубые, как у нашей Эрмин?

Мирей взвизгнула от смеха. Она выпила чуть больше карибу, чем следовало.

— Никто! — ответил молодой метис. — А если я не отгадаю, подарка мне не видать?

— Подумайте лучше, Тошан! — не сдавалась Лора.

— Четыре ноги и голубые глаза... — пробормотал он. — Ну нет! Не может быть! Собака? Хаски?

Жослин вышел в коридор. Все услышали, как он сходил в кабинет и быстро вернулся. К груди он прижимал корзинку с ручкой, повязанной голубой ленточкой. Тошан встал и заглянул в нее. Там оказался великолепный трехмесячный щенок с голубыми, как небо, глазами.

— Породистый! — уточнил его тесть.

— Я никогда бы не потратил столько! Спасибо! Тысячу раз спасибо вам всем! — сказал взволнованный Тошан.

Эрмин едва сдержалась, чтобы не заплакать, когда увидела, что в черных глазах мужа блеснули слезы. Он взял щенка на руки и стал его рассматривать. Лора поспешила перейти к следующей загадке, хотя волнение и радость зятя очень ее растрогали.

— Кто вечно жалуется на свои непослушные черные кудряшки? — спросила она с лукавым видом.

— Я! — воскликнула Шарлотта.

Получив несессер с принадлежностями для волос, девочка просияла от радости. Когда же она открыла красный кожаный чемоданчик и увидела черепаховые гребни и щетки всех размеров и форм, то оторопела от удивления и восторга. Не загадывая загадок, Эрмин указала ей на второй сверток. В нем оказалась иллюстрированная книга Жюль Верна «Путешествие к центру земли».

Не спуская с рук собаку, Тошан развернул подарок для Мукки. Это была деревянная лошадка-качалка, которую он сделал своими руками. Седло он устроил так, чтобы ребенок не мог из него выпасть. Минута — и подуставший малыш уже сидел на своем кленовом скакуне, а Мирей раскачивала его ногой.

Эрмин получила духи известной марки, которые Лора заказала из Парижа. Тошан подарил ей часы с браслетом. Прежде чем вручить свой презент, Жослин все же загадал загадку.

— Что нужно соловью? — спросил он и сам ответил: — Не клетка и не зерна килограммы, а только ноты да гаммы! Это тебе, дорогая!

Раскрыв оберточную бумагу, молодая женщина увидела сборник партитур самых знаменитых опер мира. Лора опасалась слез, но Эрмин с радостью поблагодарила за подарок:

— Спасибо, папа! Я выучу слова, жаль только, что не умею читать музыку!

Мирей стала счастливой обладательницей нескольких пластинок и коробки дорогого шоколада. Шарлотта терпеливо ждала, когда наконец

развернут последний сверток. Потом она встала у елки и сказала:

— У меня нет для вас других подарков, кроме салфеток, на которых я вышила ваши инициалы...

— И этого вполне достаточно, — перебила ее Лора.

— ...Но я сочинила для всех вас стихотворение, — продолжала девочка так, как если бы не слышала слов Лоры. — И хочу вам его прочитать.

Эрмин подбодрила ее ласковой улыбкой. Мирей успела рассказать, что произошло на лугу у мельницы. И молодая женщина не раз уже упрекнула себя в том, что, не отправь она Шарлотту с поручением, ничего плохого не случилось бы. К счастью, Жослин выручил девочку из беды. Никто в доме не заговаривал об этом происшествии, чтобы сохранить благостное рождественское настроение.

— Я начинаю, — сказала Шарлотта. — Только не смейтесь! Иногда вышло в рифму, иногда — нет.

Все молчали. Девочка начала читать. Щенок залаял, и Тошан прикрикнул на него.

В этот прекрасный праздничный вечер
У меня единственное желание:
Сказать вам спасибо!
Вам, друзья мои!
Вы взяли меня под свое крыло,
Когда мне было так страшно.
И я всегда буду вам верна,
Я отдаю вам мое сердце!

Жослин, мой ангел-хранитель;
Тошан, который научил меня жить в хижине;
Лора, исцелившая меня от ночи!
Мирей, которая балует нас вкусной едой!
Эрмин, рядом с тобой я иду
И мечтаю только о том,
Чтобы мы никогда не расставались!

Шарлотта умолкла, опустив голову. Она была живым олицетворением невинности и доброты. Раздались крики «Браво!» и аплодисменты. Лора тихо плакала, так ее растрогали простые и вместе с тем проникновенные

слова. «Исцелившая меня от ночи», — повторяла она едва слышно. Женщина подумала, что сделала в жизни по крайней мере одно доброе дело — заплатила за операцию, вернувшую девочке зрение. Эрмин встала и обняла свою маленькую названую сестричку. Жослин, тоже взволнованный до глубины души, смахнул слезу. Что до Мирей, то она громко шмыгала носом, хотя ее роль в семейной идиллии сводилась к кухонным хлопотам.

— А теперь давайте танцевать! — воскликнул Жослин. — Лора, поставь пластинку «Венские вальсы»!

— Но у меня есть еще один, последний, подарок для тебя, — сказала та дрожащим голосом. — Надеюсь, он понравится тебе не меньше, чем шелковый галстук и фотографический аппарат. Мне немного страшно... Послушай, Жослин... Господь снова соединил нас, и, наверное, он простил наши прегрешения, потому что сделал нам самый ценный в мире подарок. Отгадай, что это?

Озадаченный, Жослин потер подбородок. Эрмин с Тошаном обменялись заинтригованными взглядами. Лора, от природы белокожая, порозовела от смущения.

— Боже правый! — воскликнул вдруг ее муж. — Ты говоришь о двойняшках, о нашей дочери Эрмин? Тогда я не понимаю...

— Мы получим этот подарок скоро, но не сейчас, — сказала Лора, дрожа от волнения. — И я не единственная женщина, которая в сорок лет получает такой дар!

— Лора, о чем ты пытаешься мне сказать? — пробормотал Жослин.

Она бросилась к нему в объятия, в то время как его тело сотрясала крупная дрожь, будто у него был жар. Эрмин догадывалась, что имеет в виду мать. Сердце ее забилось быстрее.

— Мамочка, скажи скорее! — попросила она. — Скажи!

— Может, нужно было выбрать другое время, но сегодня рождественская ночь, ночь чудес, — сказала Лора. — Это немного смешно... Я уже сама не понимаю, смешно или чудесно...

Ошеломленная, Мирей перекрестилась. Тошан онемел от удивления. Шарлотта подбежала к Эрмин.

— У тебя будет маленький братик или сестричка! Идем танцевать!

— Так значит, это правда! Я перестану быть единственным ребенком в семье, — проговорила молодая женщина, не пытаясь скрыть недоверие.

Никогда ей в голову не приходило, что Лора может забеременеть.

«Какая же я глупая, — упрекнула себя она. — Мама еще молода, у нас всего двадцать лет разницы. Господи, кто бы мог подумать!»

Жослин смотрел на жену с выражением глубочайшего уважения и

бесконечной любви.

— Ты подаришь мне ребенка! Лора, любимая! — восхитился он. — Боже всемогущий, я снова буду отцом!

Он был глубоко взволнован и не пытался вытирать слезы, текущие у него по лицу. Мирей налила всем джина. Домоправительница, которая тоже разволновалась, вспомнила маленького Жоржа, сына своей хозяйки и Фрэнка Шарлебуа, которому была суждена недолгая жизнь.

«Нужно много молиться, чтобы эта беременность закончилась благополучно», — подумалось ей.

Шарлотта поставила другую пластинку. Гостиную наполнили звуки композиции «На прекрасном голубом Дунае» Штрауса. Это был один из самых известных в мире вальсов. Жослин обнял Лору за талию, и они танцевали между столом и елкой, глаза в глаза. Пришло время для Эрмин кормить своих малышей, и она устроилась с ними на диване. Молодую мать переполняло ощущение глубочайшего счастья. Мукки спал тут же, укрытый покрывалом. Тошан улыбался, играя со своим щенком.

Чуть позже, разрезав кекс на шесть частей, Мирей усадила Шарлотту к себе на колени.

— Что ж, моя куколка, в рождественскую ночь все дети слушают сказку о летающей лодке!

— Я не знаю такой сказки, — зевая, сказала девочка.

— А я знаю, — сказал Жослин. — И в детстве мне всегда бывало страшно, когда я слушал ее.

Лора сжала руку мужа. Пока они вальсировали, она сообщила ему, что ребенок родится в июне, спустя год после их воссоединения. И это показалось ей добрым предзнаменованием.

Мирей убедилась, что все внимательно ее слушают, и торжественно-серьезным тоном стала рассказывать:

— Давным-давно, когда ни Валь-Жальбера, ни железных дорог с автомобилями еще и в помине не было, молодые лесорубы из наших краев ходили искать работу далеко от дома. Накануне Рождества им очень хотелось оказаться у родного очага, сесть за стол с родителями, сестрами, братьями и, конечно, возлюбленными! И вот дьявол предложил им сделку: он отнесет их домой при условии, что ни один из лесорубов не произнесет ругательного слова. Тот, кто нарушит обещание, прямиком отправится в ад. Ну-ка, скажите, знаете вы такого канадца, который не любит крепкое словцо? Вот и наши парни засомневались. И все-таки желание повидать семью оказалось сильнее. Они пообещали не ругаться. Тогда дьявол посадил их в свою летающую лодку, которая повезла их в родную деревню,

как раз к полуночной мессе. Страшно было им лететь по воздуху в полной темноте! Одни кричали от страха, другие охали и жаловались. На земле добрые люди, как раз идущие в церковь, слышали эти стоны и крики с неба и поспешно осеняли себя крестным знаменем. Летящая лодка между тем продолжала свой путь, и горе тем, кто не смог сдержаться и выругался: никто их потом не видел. Ну, слышал кто-нибудь в рождественскую ночь крики ужаса, доносящиеся с неба? Я, когда была маленькая, слышала, и у меня кровь стыла в жилах. Но я знала, что нужно быстро перекреститься и прочитать молитву.

Шарлотта дрожала всем телом. Она положила голову на плечо Мирей, которая была весьма довольна произведенным эффектом.

— Я всегда буду вежливой, — пообещала девочка.

— Тебе давно пора в постель, — сказала ей Лора.

За окном кружил пушистый снег. Валь-Жальбер почти утонул в нем, будто исчезнув с лица земли. Было тихо и спокойно. Рождественская ночь подходила к концу.

Глава 15

Праздник

Валь-Жальбер, понедельник, 1 января 1934 года

Первый день 1934 года начался для Эрмин плохо. Она в своей спальне, она только что покормила двойняшек и чувствовала себя совершенно измученной. По щекам молодой женщины струились слезы отчаяния. Все получалось не так, как ей хотелось бы. На правом соске появились трещинки, причинявшие ей сильную боль. Мазь, которую посоветовала акушерка, не помогала. Каждое кормление стало мукой. Мари успевала взять свое, но Лоранс совсем не набирала вес. По нескольку раз за ночь они плакали от голода, всегда одновременно, и молодая женщина пыталась их накормить, чтобы малышки не разбудили весь дом.

Из-за этого произошли перемены. Мукки уже три дня ночевал в комнате у Шарлотты. Накануне вечером Тошан решил перебраться спать в летний домик под предлогом, что Эрмин будет удобнее, если вся кровать окажется в ее распоряжении.

— А сейчас папа с Тошаном идут на колядки с Жо, Симоном, Арманом и Эдмоном, — вполголоса сказала она себе. — И берут с собой Шарлотту и Мукки. Им будет весело, а обо мне никто и не подумал!

И она заплакала навзрыд, ощущая себя потерянной и одинокой.

«Мне придется согласиться с предложением родителей и нанять кормилицу. Но где ее взять? Я бы предпочла кормить девочек готовыми смесями!»

Однако Тошан и Жослин воспротивились этой идее. Лора, слушая дочь, тоже делала гримаску, поскольку сомневалась в качестве молока, произведенного промышленным путем.

«Но не умирать же моим малышам с голоду!» — с возмущением подумала молодая мать.

Эрмин встала, чтобы привести себя в порядок и одеться. Движения ее были вялыми. Снаружи послышались крики. Она поспешила к окну и раздвинула шторы. Возле крыльца стояла веселая компания тепло одетых людей. Мужская часть семейства Маруа присоединилась к своим товарищам по колядованию. Эдмон размахивал двумя короткими палками и

время от времени стучал ими, радуясь получаемому звуку. На всех были нарядные шапочки, шейные платки и рукавицы, и, конечно, меховые куртки и ботинки, потому что холод стоял полярный. Перед Рождеством и после каждый день шел снег, но со вчерашнего утра небо начало проясняться. Однако мороз оставался сильным. Жозеф перенес колядование, которое по традиции происходило тридцать первого декабря, на один день, чтобы порадоваться солнышку.

Молодая женщина заметила, как Симон потрепал Тошана по плечу. У каждого из молодых людей в руке была корзинка, куда они планировали складывать провизию для старого Эзеба. На Армане были новые снегоступы. Шарлотта звонила в маленький медный колокольчик, украшенный красной лентой.

— В путь! — воскликнул Жозеф. — Сначала пойдем к Потвенам. Они наверняка дадут нам сливочного масла или сливок!

Речь шла о семье фермеров, проживавших между Валь-Жальбером и Шамбором. Дорога была неблизкой и трудной, но энтузиазма колядующим было не занимать и в своих силах они не сомневались. Эрмин с таким вниманием наблюдала за ними, что не услышала, как открылась дверь в ее комнату. Кто-то положил руку ей на плечо.

— Моя дорогая крошка, ты снова плакала! — с сочувствием заметила домоправительница. — Я принесла тебе липовый настой, подслащенный кленовым сиропом.

— Спасибо, Мирей, это очень мило с твоей стороны. Я сейчас спущусь. Я не расстроена, просто устала и измучилась. Если бы ты знала, как мне больно кормить!

— Я решила не иметь детей, так наслушалась рассказов матери о трудных родах и хлопотах, которые мы, ее дети, ей доставляли, — призналась Мирей. — Мадам Лора — смелая женщина, и ты тоже.

— Все женщины смелые, если так, — возразила Эрмин. — Позавчера ко мне приходила Бетти, она тоже хотела бы еще одного ребенка. И у нее никогда не было трещин на сосках. А я от этого нервничаю и в то же время стыжусь, потому что мне кажется, будто я плохая мать.

— Не говори глупостей! Первые месяцы — самые трудные, особенно с двумя малышами. А потом ты будешь только радоваться!

Мирей ласково улыбалась. Когда она была рядом, Эрмин становилось легче. Домоправительница — с серебристыми, стриженными каре волосами, округлыми формами и кукольным лицом, верная своей привычке говорить то, что думает, умела быть незаменимой. Она легонько похлопала Эрмин по спине и лукаво ей подмигнула.

— Ты будешь чувствовать себя лучше в гостинной, мой цыпленок, — сказала она. — И когда наши колядники вернутся, ты по традиции угостишь их на пороге стаканчиком карибу. А они расскажут о своих подвигах. Потерпи чуть-чуть, за едой немного развеешься. Я принесу тебе все самое вкусное, по-другому быть не может. Знала бы ты, сколько я всего приготовила к первому января и сколько фунтов теста вымесила для пирогов! Как в той песне Ла Болдюк. И я танцевала, можешь мне поверить!

— Ты никогда не влюблялась? — спросила Эрмин, немного утешившись. — Ты ни о чем не жалеешь?

— Нет! — твердо заявила Мирей. — Я тебе уже говорила, я могла бы выйти замуж десять раз, женихов у меня хватало. Но я дорожила своей свободой! Ты скажешь на это, что быть прислугой — это значит отказаться от настоящей свободы. Но это мой выбор. Я откладываю деньги и когда-нибудь поеду в прекрасное путешествие! Ну вот, опять я за свое — все болтаю, болтаю, а ведь мне давно пора жарить оладьи!

— Что ж, иди, я скоро к тебе присоединюсь, — пообещала молодая женщина.

Снова оставшись одна, Эрмин подумала о матери, которая должна была родить в июне. В беременность Лоры верилось с трудом. Прошла неделя, но дочь до сих пор относилась к этому факту со страхом и изумлением.

«Маме следовало бы сразу нам сказать, как только у нее появились подозрения, — подумала она. — Перенесет ли она роды? Господи, у меня будет брат или сестра на девятнадцать лет моложе меня! Лишь бы все прошло благополучно... Папа так счастлив, на него невозможно смотреть без волнения. Они оба радуются, словно молодожены!»

Эрмин постаралась прогнать грустные мысли. Она решила быть оптимисткой и с доверием смотреть в будущее. Молодая женщина внимательно изучила свое отражение в зеркале. Сегодня на ней было бежевое шерстяное платье, отделанное по вороту и манжетам красными фестонами. Она расчесала волосы и уложила их в узел на затылке.

— Мне просто нужно быть терпеливее, — вполголоса сказала себе Эрмин. — Начинается новый год, и я должна быть оптимисткой!

Мари и Лоранс спокойно спали. Молодая женщина на цыпочках вышла в коридор. Из комнаты Лоры доносился шум, поэтому она постучала и вошла. Ее мать перебирала вещи в большом чемодане.

— А, это ты, дорогая! Как ты себя чувствуешь? На улице такой мороз, что я даже не стала провожать наших колядующих на порог! Но на обратном пути, когда придет время отнести старому Эзебу все, что

наколядовали, они должны зайти. Я перебираю вещи моего покойного супруга, Фрэнка. Хочу найти для этого бедняги хороший теплый костюм.

— Ты перевезла вещи Фрэнка Шарлебуа сюда, в Валь-Жальбер? — удивилась Эрмин.

— Это получилось случайно! Грузчики забрали этот чемодан, не спросив меня. А я так и не собралась отправить его обратно в Монреаль. Посмотри, какой халат! Что скажешь? Говорят, Эзоб мерзнет, потому что у него мало дров. Да и то, что есть, ему дает Жозеф. Наш сосед кажется грубым мужланом, но и у него есть сердце...

Эрмин кивнула без особой уверенности. Она смотрела на изящную фигурку матери и пыталась представить ее на последних месяцах беременности.

— Я отдам пеленки двойняшек для твоего ребенка, — сказала она, чуть ли не робея. — У тебя будет все, что нужно. А мне придется шить за двоих, потому что я никак не ожидала двойню!

Лора обернулась к дочери. Она улыбалась.

— Спасибо, Эрмин. Я сама долго не могла поверить, что это правда.

— Но ты точно уверена? — спросила молодая женщина. — Тебя тошнило, ты плохо себя чувствовала?

— Я совершенно уверена, дорогая! Этим нечего хвалиться, но меня временами тошнит, особенно когда я чувствую запах кипящего масла. Если Мирей готовит оладьи или блинчики, я убегаю на второй этаж.

О других, более интимных переменах в своем теле Лора предпочла умолчать. Эрмин тоже не стала жаловаться матери на боль, которую испытывала при каждом кормлении. Они заговорили о щедрой трапезе, которая ждала колядующих по возвращении домой. Скоро должны были прийти Бетти с дочкой.

— Еще один праздник! — сказала Лора. — Господи, как я счастлива!

Она встала и поцеловала дочь в лоб.

* * *

Ветер был ледяным. Веселая компания обошла все окрестные фермы и теперь подняла невообразимый гам перед засыпанным снегом крыльцом Онезима и Иветты Лапуант. Эдмон стучал своими палками, но уже не так бодро, как в начале экспедиции. У мальчика устали руки. Жослин и Жозеф, выпившие уже по четыре стакана карибу — угощение хозяек фермерских домов, кричали во все горло.

— Мы пришли к вам колядовать, как в добрые старые времена! Открывайте, открывайте, добрые люди! Это колядующие из поселка! Мы собираем еду для Эзеба, самого старого валь-жальберца!

Иветта, чей сварливый характер был всем известен, отодвинула занавеску сомнительной чистоты. У нее в доме уже жил свекор, Жюль, чему она отнюдь не радовалась.

— Какой шум подняли, бездельники! — сердито сказала она. — Зачем они все это устроили? Слава богу, мой дед не умирает от голода. Пусть идут себе дальше!

Онезим, которого шум за окном скорее забавлял, тяжело встал со стула, прошел в летнюю кухню и заглянул в шкаф, где хранились продукты. Эту комнату зимой не отапливали, поэтому провизия здесь отлично сохранялась.

— Можем дать ему кусок сала, Иветта, у нас не убудет! У меня есть работа, и мы с тобой не нищенствуем. Я даже предлагал тебе взять беднягу Эзеба к нам.

— Только этого не хватало, — пробурчала его жена. — Твой сын и так кричит с утра до вечера.

У супружеской четы уже был младший полугодовалый сын, Ламбер. Онезим обожал малыша, и, если бы не был целыми днями занят на работе, с удовольствием проводил бы с ним все свое время. В праздничные дни он баюкал его и носил на руках с утра до вечера. Сейчас младенец спал в своей колыбели у печки.

— Иветта, не будь злокой! Отдай этот кусок сала колядникам и вынеси им по стаканчику, — сказал Онезим, переступая с ноги на ногу. — Это обязанность хозяйки дома. Сегодня праздник, первый день нового года, и у меня есть для тебя подарок.

Молодая женщина накинула на плечи шаль, надела каучуковые сабо. Иветта, которую в Валь-Жальбере называли «горячая дочка тележника», давно перестала ярко красить лицо и носить сильно декольтированные платья, однако в душе оставалась такой же кокеткой, как раньше. Она вышла, покачивая бедрами. Колядующие встретили ее одобрительным гулом, который сразу заставил ее забыть о холоде.

— Держите, вот сало для деда, но ни карibu, ни джина у меня нет. Все из-за этого Лапуанта! Жюль и бутылку с одеколоном опустошит, лишь бы выпиться! — объявила она.

Симон, очаровательно улыбнувшись, взял сало и поклонился хозяйке дома. Польщенная, она тоненько засмеялась.

Шарлотта держалась в стороне. Она боялась, что может появиться ее

отец. Тошан успокоил ее, дружески подмигнув. Мукки сидел у него на плечах, и состояние мальчика уже начинало его беспокоить. Молодой метис торопился вернуться домой. Несмотря на солнечную погоду, мороз усиливался с каждым часом.

— В дорогу! — крикнул он своим товарищам. — Иначе мой сын превратится в ледышку, хотя он и не неженка!

Арман поддержал его. Ему пришлось тащить две тяжелые корзины. Иветта вернулась в дом. Колядующие продолжили свой путь. Они зашли к служителю почты, потом к мэру. Последний очень обрадовался, узнав, что милая сердцу любого квебекца старинная традиция все еще жива, и попросил жену быть пощеднее. Она принесла пакет кофе, мешочек сахара и пол-литра кленового сиропа.

И здесь взрослых мужчин угостили стаканчиком карибу. Теперь оставалось только заглянуть к самому Эзебу.

— Но мы же хотели еще зайти к нам, — сказала маленькая Шарлотта. — Лора собиралась дать ему одежду!

— Я схожу один, — предложил Тошан. — И оставлю дома Мукки, он засыпает на ходу.

Через четверть часа Эрмин открыла дверь своему мужу. Она ласково улыбалась.

— Я принес тебе нашего сына, — сказал он. — Эзебу хватит той еды, что мы собрали, до февраля! А ты, дорогая, просто чудо как хороша!

Он пошатнулся, пытаясь поцеловать ее в губы. Она вскрикнула.

— Но ты пьян! — сказала она с возмущением. — Тошан, тебе надо выпить кофе! И больше ни капли спиртного!

— Я тут ни при чем, — пробормотал он. — Это колядки!

Молодая женщина взяла у него из рук сына, до того закутанного, что виден был только кончик носа и лукавые глаза. Прибежала Лора с чемоданом в руке.

— Это Эзебу! — провозгласила она. — Зимой надо одеваться потеплее, это так же важно, как и хорошо кушать.

Тошан с улыбкой кивнул и нетвердой походкой удалился. Эрмин покачала головой.

— Да, чувствую, за столом будет весело, — тихо сказала ее мать.

И Лора не ошиблась: вскоре после полудня ее дом наполнился голосами, громким пением и смехом. Мирей поставила стол возле елки, как и на Рождество. Элизабет Маруа помогала ей накрывать к обеду с проворством опытной хозяйки.

— Десять приборов — это еще не самое страшное! — заметила домоправительница. — Когда мадам давала званые обеды в Монреале, во времена мсье Фрэнка, мне приходилось готовить на пятнадцать, а то и на двадцать персон!

Всюду царил праздничная атмосфера. Под навесом крыльца сверкали гирлянды, красовались еловые ветки и букеты остролиста. Электрофон работал без передышки. Симон менял пластинки, чередуя песни Ла Болдюк, особенно ее знаменитую «Праздник первого января», с произведениями классического репертуара, вальсами и французскими песнями Берт Сильва^[44] — «Мастер по фаянсу» и «Закрой свои прекрасные глаза».

Мирей подала четыре горячих пирога с золотистой корочкой и начинкой из свинины, картофеля и лука. Жослин, который все еще был слегка навеселе после выпитого за утро карибу, открыл бутылки с пивом и красным вином. Гостиная служила одновременно и детским садом: дочка Бетти Мари спала на диване, а двойняшки — в своих колыбельках. Эрмин отметила про себя, что малышам, похоже, нравится шум: они вели себя спокойнее здесь, чем в спальне на втором этаже.

Мукки немного поспал перед обедом и теперь качался на своей лошадке, а Шарлотта с Эдмоном присматривали за ним.

— Оставьте место для моего рагу! — предупредила гостей Мирей. — Это шедевр из индюшки с пряными травами, брюквой, говядиной и, конечно же, свиным шпиком!

Все собравшиеся сильно проголодались. Маруа, которые пришли в гости к соседям всем семейством, выглядели очень довольными. Их отношения с Шарденами складывались прекрасно, особенно после возвращения Жослина. Присутствие хозяина привнесло в дом порядок, по крайней мере, так считал Жозеф.

Лора, которую мутило от запахов горячего жира, ела мало, как птичка, однако ощущение полноты жизни не покидало ее. После стольких горестей и испытаний исполнилась ее заветная мечта — иметь настоящую семью. Взгляд ее светлых глаз остановился на Эрмин, что-то шептавшей на ухо Тошану; потом она посмотрела на Жослина, своего вновь обретенного мужа, который вернул в ее жизнь любовь, заботу, нежность и подарил неожиданную перспективу снова стать матерью. Шарлотту Лора тоже очень любила и охотно бы удочерила, если бы это было возможно.

— Видели бы вы лицо старого Эзеба! — вдруг сказал Симон, когда пришло время десерта. — Он дрожал от радости, разглядывая корзины со всеми этими вкусностями! Масло от Потвенов, горшок сливок, мешочки с

горохом и фасолью...

— А одежда ему понравилась? — спросила Лора. — Я случайно видела его на улице перед Рождеством: его штаны протерлись до дыр!

— Он плакал от радости, — сказал Жозеф. — Особенно когда увидел шерстяной халат в шотландскую клетку. Сказал, что и спать будет в нем.

— А я подумал, что Иветта, его внучка, даже дверь нам не откроет, — добавил с улыбкой Арман. — Она бросила нам кусок сала с таким лицом, будто для собак.

— Но она все-таки дала его, — отрезал Симон. — Может, когда и сварит для Эзеба горячего супа...

Разговоры не умолкали. Говорили о холодах, обещавших в январе быть особенно суровыми, и о достоинствах мирской учительницы, которая жила в одной из комнат бывшего пансиона возле универсального магазина. Эрмин с удовольствием слушала и удивлялась, отчего так плакала утром. Тошан брал ее за руку, как только выдавался удобный момент, и малышки выглядели вполне сытыми после последнего кормления. Супруг положил ей на тарелку кусок кекса.

— Спасибо, — ласково сказала она. — Знаешь, я бы с удовольствием пошла с вами колядовать!

— Это дело для мужчин, которым и бочку выпить нипочем! — возразил он весело, но брови нахмурил.

Эрмин подумала, что ее муж очень привлекателен. Ей захотелось тут же сказать ему, как она его обожает, но момент явно был неподходящим. Мирей, только что вошедшая в комнату с блюдом, на котором красовался вкуснейший торт с сахаром-сырцом и сметанным кремом, вдруг застыла как вкопанная. Жозеф взял блюдо у нее из рук.

— В дверь стучат, — сказала домоправительница. — Ума не приложу, кто может прийти в такой день!

— Моя сестра Мари вполне могла приехать, — сказал Жослин. — Я отправил ей из Роберваля телеграмму: сообщил, что скоро стану отцом и сейчас самое время познакомиться с Лорой и Эрмин. Ответа я пока не получил. Сегодня — идеальный день, я как раз хотел благословить всю мою семью, потому что теперь я самый старший.

— Иди открой, Мирей! — приказала взволнованная Лора.

Однако ей совсем не хотелось увидеть на пороге Мари Шарден.

— Да, мадам. И впустить его в дом? Кто бы это ни был?

— Ну конечно!

Сквозь звуки музыки и громкий говор Эдмона, которому хотелось потанцевать с Шарлоттой, Тошан услышал лай собак. Молодой метис узнал

глухой голос Дюка, похожий на волчий, и звонкое тьяканье щенка хаски, которого он назвал Кьют. Это было одно из любимейших восклицаний Симона — «Cute!». Поскольку в переводе с английского «cute» означало «милый, хорошенький», Тошан решил, что это вполне подходящее имя для такого симпатичного пса.

— Дюк не ворчит, — сказал он Эрмин. — Я сказал бы даже, что он радуется. Он знает того, кто пришел!

У него не осталось времени для дальнейших предположений: вошла Мирей в сопровождении двух женщин. Обычно домоправительница с порога предлагала гостям снять пальто и головные уборы, но в этом случае было иначе. Собравшиеся, оторопев от изумления, смотрели на вошедших в гостиную женщин в длинных меховых куртках и шапках, покрывавших их черные волосы.

Тале, а одной из вошедших была именно она, сразу же захотелось повернуться и уйти. Роскошь помещения, море света, блестящие украшения и ароматы обильной пищи ошеломили ее. Она не ожидала увидеть столько незнакомых людей. Мужчины были в выходных костюмах, рубашках и галстуках, женщины — в элегантных платьях и украшениях. Глаза Талы затуманились.

— Мать! — воскликнул Тошан. — Как ты тут оказалась?

Он вскочил из-за стола, в то время как Жослин уткнулся носом в тарелку. Он бросил на Талу всего один короткий взгляд, но этого оказалось достаточно, чтобы ощутить неловкость. В своей одежде охотника-следопыта его любовница показалась ему убогой, не похожей на красивую смуглую женщину с дерзким нравом, вернувшую ему вкус к жизни.

— Тала! — поспешила Лора навстречу гостям. — Я так рада вас видеть! Но как вам удалось совершить такое путешествие в эти ужасные морозы и в сильный снегопад? Проходите, садитесь с нами за стол!

У хозяйки дома о жене золотоискателя с Перибонки остались самые смутные воспоминания. И все же перед ней была женщина, когда-то принявшая ее под своим кровом, и вдобавок мать ее зятя. Ее появление стало полнейшей неожиданностью, и Лора растерялась, однако продолжала говорить самым радушным тоном:

— Эрмин предлагала вам провести с нами зиму, и я полностью ее поддерживала. Это не жизнь для одинокой женщины — оказаться на полгода запертой в доме посреди леса! Я очень рада, что вы приехали!

Индианка внимательно смотрела на Лору. Она тоже с трудом ее узнала, сбита с толку короткими высветленными волосами и платьем, сшитым по последней моде.

— Я не хотела беспокоить вас в этот праздничный день, — сказала она тихо под пристальным взглядом Тошана. — Я была в Перибонке, когда один человек из Роберваля принес мне письмо от Эрмин, в котором она писала, что стала мамой двойняшек. Это было для меня огромной радостью. Упряжек сейчас на озере Сен-Жан много, лед крепкий, поэтому я легко перебралась на другую сторону.

Эрмин подошла к свекрови и обняла ее.

— Для этого нужно иметь немалое мужество, — сказала она. — Спасибо, Тала, что приехали. Я очень тронута.

И она вопросительно посмотрела на спутницу свекрови, которая показалась ей очень молодой.

— Эрмин, я решила привезти к тебе мою племянницу, ее зовут Мадлен. Она крещена и очень набожна. Ее муж умер в ноябре, и она совсем недавно отдала свою дочку, которой два с половиной года, на воспитание сестрам конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, в Шикутими. У Мадлен много молока, и она хочет стать кормилицей для одной из твоих девочек. Это смягчит ее тоску и обеспечит пропитанием на несколько месяцев.

Эти слова вызвали у всех глубочайшее изумление. Маруа обменялись многозначительными озадаченными взглядами. Жослин потерял дар речи.

— А я говорила, что в начале года случаются чудеса! — объявила Мирей, которая не отходила от гостей в надежде снять с них наконец верхнюю одежду. — Нашей Эрмин трудно кормить двух малышей, и тут небо посылает нам вас, Мадлен!

Девушка в ответ невесело улыбнулась. Сидя за столом, члены семейства Маруа рассматривали индианок. Бетти отметила, что у обеих волосы заплетены в косы и перевиты лентами, а на ногах — сапоги из лосиной кожи. Симон подумал, что Мадлен довольно симпатичная, только разве что низковата и слишком кругленькая. Шарлотта бесшумно соскользнула со стула и подошла к гостям, так и оставшимся стоять на пороге гостиной.

— Поздравляю вас с праздником, Тала! — звонко сказала она. — Желаю вам счастья до конца ваших дней! И вам тоже, Мадлен!

Это было традиционное пожелание, в это самое мгновение звучавшее во многих местах: на уединенных фермах, в городских и деревенских домах.

— Спасибо, дитя мое, — ответила Тала, с интересом поглядывая на две колыбели, стоящие у большой чугунной печи.

— Идите скорее сюда и взгляните на малышей, — позвала ее

Эрмин. — У Мари каштановые волосики, по крайней мере над лобиком, а Лоранс сосет пальчик, и она у нас блондинка.

С серьезным, задумчивым видом Тала склонилась над младенцами. Долго смотрела на обеих по очереди. Тошан налил себе стакан вина. В голове у него теснились мрачные мысли. Мать и вправду проделала такой долгий путь, чтобы посмотреть на новорожденных внушек, или просто хотела увидаться с мужчиной, в которого была влюблена? Молодой метис старался не смотреть на Жослина.

«Похоже, моему тестю не по себе, — подумал он. — Что ж, когда мама узнает, что Лора ждет ребенка, она одумается!»

Однако в эту минуту Тала сосредоточилась на малышках. Она сняла рукавицы и погладила Лоранс по лобикку.

— Тебя на языке монтанье будут звать Нади, — сказала она громко. — Это язык твоих предков по отцовской линии. Нади означает «послушная».

Потом она с улыбкой прикоснулась к щечке Мари.

— А ты, ты будешь Нютта, что означает «мое сердце».

Лора и Эрмин и не думали протестовать. Это было похоже на церемонию крещения на индейский манер. Тала со вздохом расстегнула давившую на плечи тяжелую куртку. Жослин посмотрел на нее. Она похудела, лицо стало угловатым.

— А теперь вам нужно хорошенько поесть, — предложила Лора. — Мы уже принялись за десерт, но Мирей может подогреть пирог со свиной, их осталось целых три!

— Спасибо вам за теплый прием, — отозвалась Тала.

С гордо поднятой головой она направилась к столу, что для нее было то же самое, что идти навстречу Жослину Шардену. На ней было просторное одеяние с разноцветным геометрическим узором, которое южноамериканские индейцы называют пончо. Бетти, опытная швея, пообещала себе, что смастерит такое же для своей дочки. Пончо она нашла вещь весьма практичной и оригинальной.

— Садитесь между Тошаном и мной, Тала, — предложила Эрмин. — А вы, Мадлен, — рядом с Шарлоттой. Симон, принеси скорее два стула!

Жозеф помрачнел. Прошло немало времени, прежде чем он привык к Тошану, но у этого парня, по крайней мере, отец был ирландцем. А эти две индианки с непроницаемыми лицами и медного оттенка кожей его раздражали. Он, который так радовался перспективе провести день в обществе своего друга Жослина, теперь поторопился покончить с десертом и вышел с трубкой на крыльцо.

— Какая приятная неожиданность! — воскликнула Лора, почувствовав

перемены в настроении своих гостей. — Я рада, что вы приехали, Тала! Вы узнаете моего мужа, Жослина? Как и мы все, он постарел на восемнадцать лет, но все же это он!

Эрмин вздохнула: желая быть любезной, Лора явно перестаралась.

— Конечно, я его узнаю, — ответила гостя тоном, который привлек внимание всех присутствующих.

Тошан поторопился положить матери на тарелку кусок торта и спросить у Мадлен, что она хочет съесть и что выпить. Жослин решил посмотреть в черные глаза Талы. Она бросала ему вызов, он это понял в одно мгновение.

«Но чего она хочет? — снедаемый беспокойством, задался он вопросом. — Зачем приехала сюда, если мы решили забыть о нашей связи? Господи, ведь она сама подтолкнула меня к тому, чтобы снова завоевать Лору! Какая муха ее укусила?»

Трапеза продолжилась в полном молчании. Мирей, несмотря на протесты гостей, подогрела рагу и предложила им теплых оладий и чая. Тала отказалась от угощения, попробовав лишь торт.

— Эрмин, ты согласна взять к себе Мадлен? — спросила она наконец. — Я привезла ее с собой, потому что она была несчастна. В будущем она хочет постричься в монахини, но сестры посоветовали ей хорошенько все обдумать. Я знаю, что рядом с тобой ей будет спокойно и у нее всегда будет вкусная пища. Ее муж погиб на лесопилке. Он был лесорубом. Дерево упало, убив его на месте.

— Боже милосердный, какое несчастье! — воскликнула Элизабет. — Сколько же вам лет, Мадлен?

— Двадцать, — тихо ответила молодая индианка.

Тала охотно рассказала бы истинную историю своей племянницы. Мадлен, индейское имя которой было Соканон^[45], совсем не хотела связывать себя брачными узами. Но родители заставили ее выйти замуж, хотя сама девушка мечтала посвятить свою жизнь Богу. Неожиданная смерть мужа избавила ее от тягостной участи. То, что она оставила свою маленькую дочь на попечение монахинь в Шикутими, было первым шагом к затворнической и набожной жизни, к которой стремилась ее душа.

— Конечно, согласна! — радостно отозвалась Эрмин. — Мне нужна помощь — мои малышки почти не набрали вес!

— Спасибо, Канти, — тихо сказала Мадлен.

— Канти! — повторила молодая женщина.

— Я сестра Шогана, который слушал, как ты поешь на берегу Перибонки, — пояснила та. — И он до сих пор называет тебя так. Он

говорит, что никогда не забудет твоего прекрасного голоса, поднимавшегося к звездам.

Взволнованная Эрмин не смогла совладать с эмоциями: крупные слезы потекли по ее щекам. Она вытирала их тыльной стороной руки, злясь на себя за излишнюю эмоциональность. Это индейское имя открыло старую рану. Она встала, оттолкнула стул, подняла голову и сделала глубокий вдох.

— Спасибо, Мадлен, — сказала она с улыбкой. — Ты тоже имеешь право меня услышать!

И голос соловья полился почти в ту же секунду — прозрачный, хрустальный. Не задумываясь, Эрмин запела «Арию с колокольчиками» из «Лакме», которую обожала. Она не работала над голосом много месяцев, но без труда взяла самые высокие ноты — так она была счастлива тем, что поет.

Сидящие за столом затаили дыхание. Лора сжала в пальцах салфетку, губы ее приоткрылись. Она была на вершине блаженства.

«Моя дорогая доченька, наконец ты поешь! — думала она. — Господи, благодарю тебя! Какая красота, какое чудо!»

Бетти и Жозеф были вне себя от восторга. Они даже позабыли о подозрительности, которую вызывали у них индианки. Тала торжествующе улыбалась, а Мадлен тихо плакала, сложив руки на груди. Жослин нашел отраду в созерцании своей дочери. Эрмин была прекрасна: сияющие радостью голубые глаза, влажные розовые губы, нежный цвет лица... Ему казалось, будто он возносится к небесам, свободный от всех своих прегрешений.

Стоило молодой женщине замолчать, как раздались крики «Браво!». Симон и Арман аплодировали как сумасшедшие. Восхищенная Шарлотта не отставала от них. Она подбрасывала на коленях Мукки, который вскрикивал от удовольствия.

— Дорогая Канти, могу я услышать «*Ave Maria*»? — попросила Мадлен. — Мой брат Шоган не обманывал: у тебя голос прекрасный, как у ангела.

Эрмин ответила улыбкой, губы ее дрожали. Она запела с новым пылом, полузакрыв глаза. Мирей замерла возле елки, как околдованная. Однако громкий плач положил конец концерту: проснулись Мари и Лоранс.

— Прошу прощения, — сказала молодая мать. — Обычно они ведут себя хорошо, но сейчас, наверное, проголодались. Пойду покормлю их в своей спальне. Мадлен, идите со мной! Начнем, не откладывая!

Тала уже успела встать и взять на руки одну из девочек.

— Я пойду с вами, — твердо заявила она.

Они все вместе направились к лестнице. Эрмин несла на руках Мари. Когда их шаги затихли на втором этаже, Жозеф тоже встал из-за стола.

— Выйду на крыльцо с трубочкой, чтобы никому не мешать. А потом, скорее всего, пойду домой. У вас гости...

Элизабет поняла намек супруга: уйти им придется всей семьей. Лора огорчилась.

— Мы ведь договорились провести весь день вместе! — попыталась возразить она. — Я хотела оставить вас ужинать!

— Я и так выпил слишком много и после колядования еле на ногах держусь, — соврал Жозеф. — Симон, Арман, поступайте как знаете, но будет лучше, если вы пойдете с нами. А ты, Эдмон, можешь поиграть еще часок-другой с Шарлоттой.

Мальчик вздохнул с облегчением. Жослин мял в руке хлебную крошку. Он побледнел, лицо напряглось. Тошан, сидевший напротив, отметил эти перемены с чувством неясной тревоги.

— Это был прекрасный праздник, — заметил Симон. — Нам повезло услышать соловья из Валь-Жальбера, который больше не поет. И за это надо благодарить кормилицу, хорошенькую Мадлен.

— Чтобы я такого больше не слышал! — сердито прикрикнул на старшего сына Жозеф. — Где твои хорошие манеры? Или ты оглох — девушка собирается в монахини! Не хватало, чтобы ты начал за ней приударять!

— Совсем не это тебя злит, папа, — сухо заметил юноша.

— Ну уж нет! — вмешалась Бетти. — Вы не станете ссориться сегодня! Это не лучший способ начать новый год! И потом, отец прав. Почему ты не привел к нам знакомиться свою невесту, как обещал? Мы ее когда-нибудь увидим или нет?

— Эту — нет, я порвал с ней, — отрезал Симон.

«И слава Богу!» — подумала Шарлотта, которая все еще тайно обожала Симона.

Тошан и ухом не повел, словно разговор совершенно его не занимал. Перед глазами у него стояла поющая Эрмин — преобразившаяся, вибрирующая от переполнявшего ее волнения. Он успел забыть, как она талантлива и какой редкой красоты у нее голос. Думая о жене, он гнал от себя мысли о матери. Но Тала была здесь, под одной с ним крышей. И такое положение дел казалось ему невыносимым.

— Эй, Тошан! — позвал его Симон. — Давай вместе выгуляем твоих собак. Я хочу посмотреть на Кьюта! Он подрос с Рождества?

Предложение друга попало в точку: Тошан схватился за него, чтобы

ускользнуть из дома, не забыв прежде бросить обвиняющий взгляд в сторону своего тестя. У Жослина не хватило сил улыбнуться.

— Мирей, приготовь гостевую комнату для Талы, — сказала Лора. — Постели обе кровати, двуспальную и односпальную.

— Хорошо, мадам.

Странно, но в доме почему-то обосновалась грусть. Лора испытывала неловкость при мысли, что ей придется принять здесь двух незнакомых женщин. Она была гостеприимной хозяйкой, однако очень дорожила тихой жизнью в узком кругу близких. Приезд Талы и Мадлен бросил тень на их семейный очаг, это было очевидно. Отстраненность и упорное молчание Жослина огорчали ее. Она пришла к выводу, что и он тоже чувствует себя не в своей тарелке.

— Супруга Анри Дельбо совсем не постарела, — сказала она.

— Ах да, вы же уже встречались с ней много лет назад! — подхватила Бетти. — Создается впечатление, что она женщина строгая и холодная. Но одежда у нее веселых тонов...

— Даже не думай одеваться по индейской моде, — проворчал Жозеф, уже надевая свое пальто. — До встречи, друзья мои! Всего вам самого доброго!

Жослину захотелось последовать за соседом, только бы уйти из дома. Он боялся Талы. Она могла рассказать Лоре об их связи, разбив тем самым с таким трудом восстановленное супружество. Но в этот миг жена взяла его за руку, словно прося о поддержке. Он наклонился и поцеловал маленькие пальчики, сжимавшие его ладонь.

Жозеф и Бетти ушли домой с Арманом и маленькой Мари. Шарлотта с Эдмоном, сидя на ковре, играли в шашки. Мукки пытался похитить у них то одну, то другую шашку и заливисто смеялся, когда ему это удавалось. Лора грелась у печки. Жослин, который так и остался сидеть за столом, казалось, с головой ушел в свои мысли.

Эрмин стремительно спустилась на первый этаж. Она сияла от радости. Тала шла следом за ней, и вид у нее был довольный.

— Мама, папа, Лоранс хорошо поела и теперь спит, как ангелочек. Я без хлопот покормила Мари. Мадлен решила прилечь. Она сказала, что я могу не переживать, она присмотрит за девочками. А моя дорогая Тала дала мне несколько ценных советов по поводу кормления грудью.

И молодая женщина схватила кусок торта и отправила его в рот. Она редко говорила открыто о таких интимных подробностях. Жослин, не в силах побороть растущее смущение, встал.

— Я рад за тебя, — сказал он. — Благодарю вас, мадам, за то, что привезли нам хорошую кормилицу, и за ваши драгоценные советы!

Это «мадам» очень не понравилось красавице индианке, но она не подала виду. Тала уже успела пожалеть о том, что поддалась порыву, который привел ее в Валь-Жальбер. То, что совершенно случайно она получила письмо Эрмин намного раньше, чем обе они ожидали, было чистой правдой, но в этом Тала усмотрела возможность снова увидеть Жослина Шардена. Влюбленная женщина ожидала, что он обрадуется этой встрече, но было очевидно, что Жослин напуган и ничего, кроме стыда, не испытывает.

— Тала, прошу вас, выпейте со мной чашку горячего чая, — предложила Эрмин. — Он вам понравится. Я так рада! Тошан беспокоился о вас.

Она усадила свекровь за стол и налила ей ароматного напитка. Это была другая Эрмин, не та, которую знали ее родители — более жизнерадостная, прямолинейная.

«Да, моя дочь наверняка чувствует себя комфортно в компании Талы там, в лесу, — сказала себе Лора. — Пожалуй, индейцы меньше думают о приличиях, чем мы...»

Жослин замер у окна, повернувшись спиной к гостье. Однако он не упустил ни слова из разговора.

— Тала, вам нравится мамин дом? Он такой, каким я его вам описывала. И я не обманывала, в нем много места. Завтра или сегодня вечером Тошан покажет вам своего щенка хаски, подарок моего отца. У него глаза такие же голубые, как у меня!

— Все так, как ты рассказывала, Канти, — ласково сказала Тала. — Даже твой поселок. Нам с Мадлен очень повезло: в робервальском порту один человек взялся довести нас сюда на своем грузовике. Я видела монастырскую школу и все эти пустые дома. Это место, в котором чувствуется покой. И водопад громко поет, несмотря на морозы!

Эрмин кивнула. Ей всегда было приятно, когда хвалили Валь-Жальбер. Ей хотелось убедить свекровь, что поселок — действительно прекрасное место, поэтому она сказала с чувством:

— Здесь даже случаются маленькие чудеса, без сомнения, благодаря Уиатшуан, моей речке. Представьте, Тала, моя мать ждет ребенка! Он родится в июне.

Жослин вздрогнул. Зачем Эрмин понадобилось рассказывать об этом Тале? Удивленная словами дочери, Лора сочла, что теперь должна принять участие в разговоре.

— Дорогая, эту новость гостье я могла бы сообщить сама! Твоя прямота поставила нас с отцом в неловкое положение, но что сделано, то сделано.

Тала уставилась на дно своей чашки. В душе ее поселился ледяной холод. Ей показалось, будто она наяву видит страстные объятия этой красивой женщины и того, кто совсем недавно был ее любовником.

«Случилось так, как я задумала, — сказала она себе, чтобы отвлечься от болезненных размышлений. — Они снова вместе и любят друг друга. Зачем я распалила огонь, который теперь снедает меня? Огонь, похожий на лед? Мне не нужно было приезжать! Как могла я думать, что он скучает по мне так же, как я по нему?»

— Тала, вам нехорошо? Может, вам не понравился чай? — спросила Эрмин.

— Думаю, ваша комната уже готова, — добавила Лора. — Если вы желаете отдохнуть...

Индианка встала. Мрачным взглядом она обвела горящую огоньками электрической гирлянды елку, пианино, спину Жослина Шардена.

— Я хочу поговорить с сыном, — сказала она слабым голосом. — У вас в доме очень жарко. Выйду на улицу.

Эрмин поторопилась подать свекрови меховую куртку. Тала молча оделась.

— Если согласитесь подождать немного, я пойду с вами, — сказала ей невестка. — Только оденусь и обуюсь. Я покажу вам сарай, где живут собаки.

— Я и без твоей помощи смогу найти сарай собак, — возразила Тала, которой наконец удалось улыбнуться. — Оставайся с матерью и отцом, Эрмин. Я очень рада за них и за тебя.

Молодая женщина закрыла за Талой дверь, ощущая смутную тревогу. Она не могла даже заподозрить правду, потому решила, что свекровь при виде счастья ее родителей огорчилась, острее ощутив свое одиночество. И пожалела ее всей душой.

Тошан стоял, опершись локтями о загородку. Симон уже ушел. Молодой метис курил и смотрел, как играет, покусывая Дюка за хвост, щенка хаски. Тут он услышал свое имя и, обернувшись, увидел мать. Она выглядела как старая больная женщина: шла сгорбившись, опираясь рукой о стену дома.

— Мама! — позвал сын, бросаясь к ней. — Мама, что с тобой?

Она часто дышала, глаза блестели. Он хотел поддержать ее, но женщина жестом остановила его.

— Мой сын, сделай для меня то, о чем попрошу. Я хочу вернуться домой. Запряги собак и приготовь сани.

— В такой холод? Но это глупо! — возразил он. — И потом, ты только что приехала! Я не хочу оставлять Эрмин одну с тремя детьми.

— Твоя жена в лоне своей семьи. Мой сын, если ты откажешься, я пойду пешком. Я не могу оставаться здесь, в этом доме.

— Если так, нужно было дожидаться лета! Мы хотели приехать к тебе все вместе, с девочками, — сказал Тошан. — Если я правильно понял, ты хотела повидаться с моим тестем. И не делай удивленное лицо! Да, я знаю все благодаря носовому платку, который нашел у тебя в хижине, под большой кроватью. На этом платке были его инициалы. Я подозревал худшее, но, поскольку доказательств не было, довольствовался тем, что держался с Шарденом холодно. Потом мы объяснились как мужчина с женщиной. Я узнал, что таинственным незнакомцем, разбившим тебе сердце, был именно он. Но на деле оказалось, что он сделал это ненарочно, он не мог знать заранее, что ты влюбишься в него. Мама, ты должна взять себя в руки. Жослин любит Лору и никогда не полюбит тебя!

Тала, услышав первые его слова, очень испугалась, но теперь ощутила облегчение. Жослин позаботился скрыть правду.

— Да, это он, — сказала она. — Ты никогда не должен был это узнать. Но теперь ты знаешь, и так даже лучше. Я всего лишь глупая женщина.

Тала с трудом сдерживала рыдания, чем окончательно разжалобила своего сына — такой искренней и измученной она выглядела. Он похлопал мать по плечу. Она задрожала и указала рукой на собак:

— Мой сын, прошу тебя, сжался! Я никогда больше ни о чем не попрошу тебя, Тошан, если ты отвезешь меня домой. Я сегодня, как затравленный зверь, хочу оказаться в своем логове, в своем укрытии. Там мое сердце не будет биться как сумасшедшее, там боль уйдет...

Молодой человек воздел руки к небу. Он не мог отказать матери.

— Хорошо, я тебя отвезу. Но Эрмин очень огорчится, да и ее родители будут недоумевать, что произошло. И что делать с Кьютом, моим щенком? Он не сможет идти с нами. Ты знаешь, как я воспитываю своих собак: я не оставляю их с чужими, иначе у них появятся дурные привычки.

— Я буду держать его на руках, мой сын. Прошу тебя, сделай так, чтобы никто не узнал, что мы уезжаем. Ничего не говори. Или скажи, что повезешь меня прогуляться. И поторопись, скоро стемнеет.

— Ну и что? — сердито отозвался он. — Когда это темнота мешала мне править санями? Жди меня здесь! Я сейчас вернусь. Нужно взять одеяла, мясо для собак, керосин. Мама, ты заставляешь меня врать жене, и

мне это очень не нравится!

— Скорее, мой сын! — взмолилась Тала. — Скорее. Или я уйду сама, уйду прямо сейчас.

На этот раз Тошан по-настоящему испугался. И предпочел подчиниться, потому что Тала вполне могла поступить, как сказала. Он решил отвезти ее и сразу вернуться, что обещало стать нелегким испытанием. Потом он сможет сказать Эрмин и ее родителям, что подчинился капризу матери...

«Ничего не поделаешь, они сочтут ее чудачкой, индианкой, у которой не все дома», — сказал он себе.

С каждой минутой он сердился все больше. Вдобавок у него появилось плохое предчувствие. И все же спустя полчаса сани Жослина Шардена уже неслись к Робервалю. Тошану повезло: Эрмин он нашел в гостинной, родителей не было, только Шарлотта с Эдмоном. Маленький Мукки спал на диване.

— Мама и папа ушли к себе, — сказала ему молодая женщина.

— Моя мать хочет посмотреть поселок — возьму сани, — ответил он. — Не беспокойся, если мы немного задержимся. Дюку нужно хорошенько размяться, другим собакам тоже.

Эрмин очень удивилась, но попросила его быть осторожнее и снова погрузилась в чтение французского журнала. Тошан поцеловал ее в лоб, потом коснулся губами щеки сына.

— До встречи! — сказал он с бесконечной нежностью.

Он не подозревал, что этот поспешный отъезд будет стоить ему многих сожалений.

Собаки бежали, помахивая хвостами. Их теплое дыхание вырывалось облачками пара, что тотчас же рассеивался на холоде. Полозья саней скрипели на толстом обледеневшем слое снега. Залитый голубоватым светом пейзаж казался застывшим, призрачным. Несмотря на плохое настроение, Тошан испытывал наслаждение, которое, должно быть, сопровождает любого отчаянного охотника-следопыта, отправившегося на поиски приключений в сердце белоснежной зимней пустыни. В его жилах текла кровь монтанье, сообщавшая ему исключительную выносливость; душой и телом он принадлежал этой суровой неприветливой земле. И страх был ему неведом.

Прижимаясь спиной к резной спинке саней, закутанная в одеяла, Тала подставляла ветру свое искаженное страданием лицо. Горе ее было так велико, что ей хотелось лечь под дерево и ждать смерти. Уснувшая природа в оковах холода была олицетворением ее сердечных мук. Она знала, что

заставила сына пойти на неоправданный риск, что эта поездка чревата многими опасностями. Но в глубине души ей не было до этого дела. В своем бегстве индианка увлекала Тошана за собой, и, возможно, это была в какой-то мере ее месть.

Когда они въехали в Роберваль, уверенность Тошана в правильности своих действий снова поколебалась. Еще можно было вернуться... Мысли об Эрмин, такой золотоволосой, светлокожей, с нежным румянцем в свете прикроватной лампы, стали навязчивыми.

«Хорошо, что я просунул записку под дверь нашей комнаты. Мадлен найдет ее. Моя женушка-ракушка не будет ждать меня сегодня вечером, обмирая от волнения».

— А что, если лед на озере еще недостаточно крепкий? — сухо спросил он у матери. — Ты говоришь, что переправа безопасна, но я в этом сомневаюсь!

— Твои сани пройдут легко, мой сын, — успокоила его мать. — Я вешу совсем немного.

Тошан зажег сигарету. Его одолевало тягостное ощущение, будто он пересек некую границу и теперь никогда не сможет вернуться назад.

«Господи, защити нас», — взмолился он про себя.

Будучи крещеным и воспитанным монахами, он все же относился к религиозным обрядам с прохладцей. Его верования были сходны с верованиями Талы, которая поклонялась высшему духу, давшему жизнь всему существу на земле, а саму землю почитала как животворящую силу.

— Вперед, Дюк! — крикнул он. — Вперед! Живее!

Он решил пересечь озеро Сен-Жан как можно быстрее, но плохое предчувствие не оставляло его в покое. Тала закрыла глаза. Прижавшись к ее груди, маленький хаски согревал ее. Свистел ветер, становилось все холоднее.

«Жослин, я проклинаю день, когда снова увидела тебя, — думала красавица индианка. — И презираю тебя, потому что ты показал себя трусом и себялюбцем. Ты даже не улыбнулся мне, не сказал ни одного ласкового слова, а ведь я спасла тебе жизнь!»

Они были на полпути к набережной Перибонки, когда на северо-восточный регион обрушилась снежная буря. На этот раз Тошан перекрестился — жест, которому он научился, будучи ребенком, и к которому прибегал очень неохотно.

— Мама, мы умрем! — крикнул он, вне себя от гнева.

Громкий вой ветра заглушил его голос. Тала не услышала.

Валь-Жальбер, в тот же вечер

Эрмин посмотрела на часы-браслет, подаренные Тошаном на Рождество. За окном была темная ночь. Ее супруг и Тала должны были уже вернуться. Молодая женщина подумала, уж не снится ли ей все это — в гостиной царил полнейшая тишина и покой. Мукки все так же спал с ней рядом, Шарлотта с Эдмоном исчезли.

— А где мои малышки? — вдруг всполошилась она. — Им пора есть! Ах да, с ними же Мадлен, там, в спальне...

Она прислушалась. Ни один звук не нарушал тишины. Даже в кухне ни разу не звякнула крышка кастрюли.

«Кое-кто перебрал карibu и джина», — подумала Эрмин с иронией.

Ее груди были полны молока, но она не осмеливалась подняться к себе, оставив сына одного на диване. Если мальчик проснется и отправится исследовать комнату, он может обжечься о горячую печку или получить удар током из розетки. Заботливая мать, она ни на минуту не забывала, какие опасности грозят в доме непоседливому малышу пятнадцати месяцев от роду.

Молодая женщина подумала, что Мирей позволила себе отдохнуть немного перед ужином, поэтому решила побыть в гостиной, чтобы никого не беспокоить.

«В такой холод не самая лучшая мысль — кататься по поселку на санях, — подумала она. — Со вчерашнего дня мы с Тошаном почти не были вместе...»

Мысли ее переключились на свекровь. «Тале неудобно у нас, это очевидно. И все же это очень любезно с ее стороны — приехать посмотреть на Мари и Лоранс. Нютта и Нади! Думаю, никто не будет называть малышей их индейскими именами, папе это не понравится. Он тоже выглядел смущенным, даже расстроенным!»

Она каждую минуту надеялась услышать лай собак, но даже не думала о том, чтобы выйти из дома к сараю. Несмотря на двойные шторы и на то, что в доме было жарко натоплено, Эрмин мерзла.

— Канти! Канти! — позвали ее ласково со второго этажа. — Иди сюда!

Это была Мадлен. Кормилица перестала говорить ей «вы», ведь через Тошана их связывали родственные узы. Эрмин решила оставить спящего сына в гостиной. Молодая индианка тотчас же взяла ее за руку.

— Твои дочери проголодались, но я с ними поговорила и они не стали

плакать. Которую из них мне кормить?

— Мы можем меняться каждый раз?

— Ты права, так они обе будут ощущать твой запах. Ты хорошая мать, Канти!

— Прошу тебя, Мадлен, не называй меня так! Здесь, среди родных, я Эрмин. Имя Канти мне очень нравится, но я не хочу создавать проблем.

— Жаль, имя «Та, которая поет» очень тебе подходит. Когда я слушала тебя, моя печаль исчезла и мне захотелось поскорее уйти к сестрам насовсем. Твой голос приближает меня к Богу!

Эрмин была тронута ее похвалой.

— Спасибо, Мадлен, очень мило с твоей стороны! Я сейчас вернусь, мой сын спит в гостиной.

Она спустилась по лестнице, но ее ожидал приятный сюрприз: возле крепко спящего Мукки сидела Шарлотта.

— Дорогая, оставляю его на твое попечение, — ласково сказала молодая женщина.

— Хорошо! — весело отозвалась девочка.

И снова Эрмин удивилась: Тошану и Тале давно пора было вернуться. Она опять поднялась к себе в спальню, наступив по пути на листок бумаги — записку мужа. Эрмин посмотрела на своих маленьких дочек. Они лежали посреди кровати и смотрели на нее широко открытыми глазами красивого серо-голубого цвета.

— Какие они тихие! — воскликнула она.

В присутствии молодой кормилицы она не особенно заботилась о приличиях: минута, и обе девочки уже сосали молоко. Мадлен прослезилась.

— Я скучаю по своей дочке, — призналась она. — Надеюсь, она не плачет, ей весело...

— Ты знаешь, что сестры конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей воспитали меня? — спросила Эрмин. — Эти святые женщины заботятся о самых маленьких, они любят своих подопечных и хлопочут об их благополучии. Но я тебя понимаю! Я никогда не смогла бы расстаться с Мукки. И с девочками. Мне не хочется, чтобы эта жертва стоила тебе здоровья. Ты еще можешь изменить решение. Если не хочешь оставаться здесь, скажи прямо!

— Я поручила своего ребенка Господу нашему Иисусу и пресвятой Деве Марии, — ответила молодая индианка. — Я увижусь с ней этим летом. Мое материнское сердце страдает, но в душе моей мир.

Эрмин не решилась ничего добавить. Прошло несколько минут, и дом

снова стал оживать. Она услышала, как родители прошли по коридору и спустились на первый этаж, как Мукки радостно вскрикнул. В кухне слышался веселый перезвон. Молодая женщина тоже хотела бы обрадоваться, но для этого ей не хватало еще одного звука, который мог донестись со стороны сарая для собак или от крыльца.

— Странно, что прогулка Тошана и Талы так затянулась, — сказала она Мадлен. — Ветер становится все сильнее. Они совсем замерзнут!

— Наш народ живет на этих землях столетиями, — возразила кормилица. — Мы не боимся ни холода, ни метели. Они скоро вернуться.

Закончив кормить малышей, они поменяли им пеленки. В комнату заглянула Шарлотта. Она тоже прошла по клочку бумаги, не заметив его.

— Лора просила передать вам, что ужин подадут в столовой. Мирей приготовила гороховый суп с шалфеем, но без петрушки, потому что от нее иссякает молоко. И жаркое из свинины. Если меню вам не подходит, мне нужно сказать об этом в кухне.

Мадлен не сдержала лукавой усмешки. Жизнь с белыми, да еще в красивом доме, стала для нее настоящим приключением. Несколько минут назад она внимательно осмотрела туалетную комнату и повертела краны, замороженная сложностью всех этих приспособлений.

— Думаю, нас все устроит, — сказала Эрмин. — Шарлотта, возьми Лоранс, а мы пойдем за тобой следом.

И они втроем направились к двери, ведущей в коридор, с удовольствием вдыхая аппетитный запах жареного лука. Мадлен увидела записку Тошана и подняла ее. Она тут же протянула клочок бумаги Эрмин, прочитав на нем ее имя.

— Это было на полу, — пояснила молодая индианка.

— О нет, только не это... Я не хочу в это верить! Тошан везет Талу назад! Это невозможно! Но, раз он написал, так оно и есть!

Сквозь пелену слез она перечитала строки. Непонимание, недоверие, разочарование — все перемешалось у нее в душе и теперь захлестывало ее.

«Эрмин, дорогая, прости, что я тебе соврал. Мать хочет вернуться домой. Отвозя ее, я исполняю сыновний долг. Я не могу сказать тебе почему, но мы поговорим об этом, когда я вернусь, а значит, очень скоро. Я сожалею, что так получилось, и мне неприятно навязывать тебе еще одну разлуку. Извинись за меня перед Лорой и Жослином. Тошан».

— Что случилось, Мимин? — спросила Шарлотта. — Ты бела как полотно!

— Плохая новость? — подхватила молодая индианка.

Эрмин не могла произнести ни слова. Задыхаясь от слез, она мысленно перенеслась туда, где сквозь морозную ночь мчались сани. Напрягая все силы, бежали собаки, и Тошан удалялся от нее, от ее объятий и поцелуев.

«Со дня рождения малышей мы так мало времени провели вместе, — думала она с возмущением. — И он уехал! Бесстыдно соврал мне! Тала не могла потребовать от него такого, это неправда!»

Ничего не сказав, Эрмин спустилась в гостиную. Мадлен и Шарлотта поспешили за ней.

— Мама! — воскликнула молодая женщина, увидев Лору. — Это ужасно! Случилось что-то ужасное, поверь!

— Что именно, дорогая?

Жослин сидел в кресле, держа Мукки на коленях. Он обратил внимание на отсутствие Тошана и Талы.

— Говори, Эрмин!

— Тошан уехал, ничего мне не сказав. Хотя нет, он соврал, что они с матерью на санях покатаются по поселку. Мне это показалось странным, но я устала и не хотела спорить.

Слезы мешали ей говорить. Отдышавшись, она продолжала:

— Я уже начала беспокоиться, и тут в моей спальне Мадлен находит записку. Тошан подсунул ее под дверь.

Лора обняла дочь за плечи.

— Успокойся же, наконец! Это ошибка, недоразумение! Куда они могли уехать?

— Мамочка, прочти записку! Тошан везет Талу к ней домой, на Перибонку, а на улице ужасный мороз и полная темнота! Отсюда до хижины Талы на санях не меньше трех дней пути. Только сумасшедший мог решиться на такое!

На крики прибежала Мирей. Она уловила основное и поспешила сообщить свое мнение:

— Тошан — славный парень, он не оставит тебя вечером первого января одну с двумя младенцами двух недель от роду!

— Ты ошибаешься, Мирей! — плача, возразила молодая женщина. — И вы все тому свидетели!

— Признаюсь, ума не приложу, что все это значит, но Тошан пишет, что очень скоро вернется, — сказала Лора. — А что, если он просто решил тебя разыграть? Твоя свекровь сейчас в гостевой комнате, а супруг вот-вот появится?

Эрмин покачала головой. Вмешалась Шарлотта:

— Я уверена, на втором этаже никого нет!

— Мадлен, вы что-нибудь об этом знаете? — спросил Жослин, вставая.

Мукки он посадил к себе на шею, словно желая защититься от неясной опасности, ощущение которой не покидало его.

— Нет, мсье! Тала сказала, что хочет побыть у вас пару дней.

Несмотря на огорчение и страх, Эрмин пыталась найти объяснение происшедшему.

«Стоило мне сказать Тале, что мама ждет ребенка, как она расстроилась. Потом сказала, что хочет поговорить с Тошаном, но не пожелала, чтобы я пошла с ней. Выходит, она уже тогда решила вернуться к себе. Но почему?»

Исполнившись сочувствия, молодая женщина пришла к заключению, которое оправдывало поступок свекрови.

«Тала живет в одиночестве и бедности, и ее единственный сын большую часть года проводит в доме моих родителей. Мы унизили ее, раздавили роскошью, которая нас окружает, своим счастьем... Маме столько же лет, сколько Тале, и она снова обрела своего супруга, у них будет ребенок... И все же это не повод вот так убежать!»

— Эрмин, не плачь, — попросил Жослин. — Я схожу к Маруа. Может, Симон что-то знает.

— Нет, папа, прошу, не уходи, — пробормотала Эрмин. — Ты можешь простудиться! Мне остается только молить Господа, чтобы они благополучно добрались до места!

— К Маруа могу сходить я, — заявила Шарлотта.

— Об этом не может быть и речи! — отрезала Лора. — Нашим соседям вовсе не обязательно знать об этом. В конце концов, это не трагедия и не катастрофа. Тошан привык ездить на санях в любую погоду, и он будет осторожен. Если Тале не захотелось погостить у нас, что ж, это ее дело! Я была рада принять ее у себя, вернуть долг гостеприимства, которое они с супругом когда-то нам оказали, но она отвергла мою дружбу. И не в первый раз. А теперь идемте ужинать!

Жослин пробормотал что-то одобрительное. Тревога снедала его. Он не осмеливался утешить дочь, которая постепенно переставала плакать.

«Это я виноват, — упрекал он себя. — Бедной Тале оказалось не по силам снова увидеться со мной! И еще хуже стало, когда она узнала, что Лора беременна от меня. Табарнак! Все вышло так, как она хотела: я выздоровел и Господь послал мне радость снова стать отцом. Но для Талы это оказалось слишком. Мне не следовало уступать желанию, которое она

во мне возбуждала; я совершил непростительную ошибку! Но ведь она повторяла, что не любит меня. Это была ложь! А теперь гнев лишил ее разума, и она заставила Тошана отправиться в опасный путь. Если с моим зятем, к которому я успел привязаться, случится несчастье, в этом будет половина моей вины!»

Из присутствующих он один знал правду и при этом понимал, какое рискованное предприятие затеяли Тала и Тошан.

Ужин прошел ужасно. Эрмин заставляла себя есть и все время вздыхала. Лора, стараясь сохранить невозмутимый вид, заводила разговор на безобидные темы, но так и не получила от дочери ни одной ответной реплики. Шарлотта опекала Мукки с удвоенной заботой и предупредительностью, словно мальчик уже стал сиротой. Мадлен, чувствовавшая себя не в своей тарелке, старалась привлекать как можно меньше внимания. Она наелась досыта и думала о том, что ляжет спать в красивой комнате, которую посетила тайком, на цыпочках. Молодая индианка словно зачарованная смотрела на медную кровать с завитушками, безукоризненно белые простыни, ковры и шкаф с зеркалом. И пообещала себе, что перед сном будет долго молиться за тех, кто живет в этом доме, за свою тетю Талу и кузена Тошана.

Перед подачей десерта Мадлен подняла палец. Тело ее напряглось. Черные глаза уставились в невидимую точку в пространстве.

— Слушайте! — воскликнула она.

И почти тотчас же крепкий дом покачнулся. Из печной трубы донесся рев. Можно было подумать, что неизвестно откуда взявшиеся злые великаны решили разрушить стены. Отовсюду слышался ужасный треск.

— Снежная буря! — крикнул Жослин.

— Да, буря, — испуганно проговорила Мадлен.

— Откуда вы узнали? — спросила у нее Мирей.

— Я узнала за мгновение до того, как она началась, — ответила та, обхватывая голову руками.

Эрмин вскрикнула, как раненое животное. Она встала и подбежала к колыбелям своих дочерей. Ей непременно нужно было обнять их, расцеловать.

«Тошан, любовь моя, не умирай! — взмолилась она от всего сердца. — Я прошу тебя, только вернись! Тошан...»

В следующее мгновение погас свет. В погруженном во мрак доме каждый думал о тех, кто оказался сейчас в белом аду, в хаосе из снега и льда. Было мало шансов когда-нибудь увидеть Тошана и Талу живыми.

— Будем молиться! — приказал Жослин. — Нужно молиться, всем

вместе!

Глава 16

Гнев Тошана

Озеро Сен-Жан, 1 января 1934 года

Тошан за свою недолгую жизнь прошел сквозь множество метелей, но эта по жестокости превзошла все, что ему доводилось видеть. Сумасшедшей силы ветер носился над коркой снега, покрывавшей лед на озере, взметая вверх тысячи колючих частичек. Погруженный в абсолютную темноту, Тошан пытался заставить собак двигаться дальше. Но четверо псов тщетно сражались с порывами снежной бури. Дюк, закрыв глаза, жалобно поскуливал. Он был вожаком упряжки; его собратья легли на снег и свернулись в дрожащие от холода и страха клубки.

Сани, груза на которых было совсем немного, вдруг занесло вправо еще более сильным порывом ветра, чем раньше. Тошан вцепился в поручни, чтобы не упасть спиной назад. Его покрытые инеем губы потрескались. Он едва мог дышать.

— Мама! — попытался позвать он. — Мама, ты в порядке?

Но голос его был слишком слабым. Он решил, что стоять на полозьях в такой ситуации очень рискованно, поэтому переместился поближе к Тале. Несчастные полметра, которые их разделяли, стоили ему огромных усилий. Наконец он упал возле матери.

— Прости, мой сын, — донеслось до него. — Мы пропали, и это моя вина...

— Нет! — сказал он, приближая свое лицо к лицу Талы. — Я не умру, не повидав еще раз Эрмин и моих детей! Укройся получше!

На ощупь, плохо слушающимися, замерзшими даже в меховых рукавицах пальцами он прикрыл одеялом голову матери. Что-то мягкое и теплое коснулось его растрескавшихся губ. Это был язычок щенка хаски.

— Потерпи, мама, — добавил Тошан, уверенный, что она услышит, ведь их лица были так близко. — Посреди бури обычно бывает затишье, и мы сразу двинемся вперед!

Он не получил внятного ответа, но почувствовал, как его мать придвинулась к нему поближе. Так они и сидели, обнявшись, сгорбившись, отдавшись на милость бури — ничтожные существа, чьи силы смешно

сравнивать с мощью неистовой природы.

«Эрмин, любимая, — думал Тошан, коченея от холода, — не сердись на меня, если чувствуешь себя одинокой и эта метель тебя пугает. Как бы я хотел сейчас обнять тебя, почувствовать запах твоего тела, ощутить твоё тепло! Эрмин, Канти, моя певчая птичка, я люблю тебя!»

Это была молитва на его манер. Тала не осмеливалась обратиться мыслями ни к Маниту, богу своих предков, ни к духам леса. Это беспощадное буйство зимы казалось ей ответом на её провинность, на её напрасные страдания.

«Я хочу умереть прямо сейчас, — думала она. — Пусть мой сын вернется живой и невредимый к своей жене и малышам, я же хочу смерти. Я глупая женщина, недостойная мать!»

Послышалось глухое ворчание, следом за ним — протяжный треск, похожий на стон титана. Подо льдом проснулись воды озера. Образовалась трещина, которая в любую минуту могла стать смертельной ловушкой. Испуганный, Тошан вскочил на ноги. Он отметил про себя, что ветер стал слабее, хотя буря и не утихла.

— Дюк, вперед! — крикнул он как можно громче. — Беги, мой пес, вперед! Ноден, Абель, Мало, вперед! Вперед, мои славные, вперед! Дюк, ну же!

Крупный серый пес, напрягая все мускулы, исполнил команду хозяина. Он тоже ощутил опасность. Тошан вернулся на свое место прыжком, достойным настоящего акробата. Он кричал и кричал, чтобы подбодрить своих собак. Нельзя было сбавлять ход. Молодой метис знал, что это их единственный шанс уцелеть. Это была гонка на выживание. Наконец впереди ночь разорвал луч света — маяк на набережной Перибонки. В то же мгновение сани промчались мимо чего-то большого и темного. Рядом с поломанной повозкой стоял мужчина и отчаянно размахивал руками.

В стране холодов взаимопомощь никогда не была пустым словом: Тошан приказал Дюку остановиться. К счастью, буря стала стихать.

— Что у вас стряслось? — спросил он у незнакомца.

— Моя лошадь упала, и ничего не поделаешь, она мертва. Весь мой груз перевернулся.

— Садитесь сюда, я отвезу вас в порт. Завтра вернетесь. Садитесь же, иначе моя мать замерзнет!

Мужчина кивнул и сел перед Талой, которая не шевельнулась, с головой укутанная в шерстяные одеяла. Достигнув берега озера, Тошан испустил победный клич. Он потребовал от собак последнего усилия, которое привело их к скромной гостинице, где путешественники часто

останавливались переждать плохую погоду. Летом здесь жили те, кто ожидал корабля.

— Мама, я отведу собак в тепло, я здесь все знаю! Мы спасены!

— Спасибо вам огромное, молодой человек, — воскликнул их пассажир. — Я думал, придется идти пешком, и тут такая удача!

Тошан махнул ему рукой на прощанье. Сейчас его заботили только собаки. Если бы не верные псы, они с матерью уже покоились бы на дне озера. Раздав им прихваченное с собой из Валь-Жальбера мясо, он бегом вернулся к саням. Тала оставалась на месте. Хотя ей было бы полезно пройтись — если не согреться, то хотя бы размять затекшие конечности.

— Мама, идем! Возьмем комнату и закажем хороший ужин, — сказал он, испытывая невероятное облегчение.

Фонари тускло освещали набережную. Тошан раскрыл складки одеяла, чтобы увидеть лицо матери. И вздрогнул от ужаса: брови, нос, щеки и губы были белыми от инея, равно как и смеженные веки. Щенок с лаем вырвался на волю.

— Мама, умоляю! — крикнул молодой метис.

Он встряхнул ее, нашел пальцем ниточку пульса у нее на шее. Она была жива. Тошан взял ее на руки и, пошатываясь, внес в гостиницу.

— Комнату, быстро! — взмолился он.

Горничная и хозяин заведения всполошились. Они помогли Тошану уложить Талу на кровать и разжечь огонь в печке.

— Пожалуйста, принесите джина или бренди! — попросил он, дрожа всем телом.

Получив спиртной напиток, Тошан растер запястья и виски матери, потом разжал ей зубы и капнул немного на язык.

— Я очень разозлился, — сказал он смягчившимся голосом, — но прошу тебя, останься со мной! Слышишь, мама? Мы победили метель и лед озера! Ты не можешь сейчас уйти!

На лесопилках и в далеких путешествиях Тошану не раз приходилось спасать обмороженных товарищей. Он решил, что будет правильно поступить с матерью так, будто она тоже мужчина, а это означало — раздеть ее почти донага. Она осудит его, это неизбежно, но сейчас было важнее всего вырвать ее из смертоносных объятий холода.

— Прости, мама, — тихо сказал он.

Быстро и ловко он снял с нее меховую куртку и сапоги из лосиной кожи. Потом взялся за разноцветное пончо. Нужно было растереть как можно больше участков тела, чтобы вернуть Талу к жизни. В спешке он разорвал ткань черной рубашки, зато смог растереть плечи и руки, смочив

собственные ладони джином. Он с радостью отметил, что дыхание женщины стало более размеренным, слышался слабый стон. Это был хороший знак.

— Еще немного терпения, мама. Ты учила меня, что боль тела — ничто по сравнению с болью души и сердца. Сейчас, я думаю, у тебя болит все. Но ты обязательно поправишься!

Он улыбнулся от радости, увидев, как дрогнули ее ресницы. И тут его заинтересовала одна деталь: под натальной рубашкой Тошан увидел белый бандаж, очень тугий, который начинался под грудью и заканчивался внизу живота. Сначала он решил, что речь идет о ране, которую мать не захотела ему показывать. Однако, присмотревшись повнимательнее, он понял, что под полосками ткани скрывается выступающий живот.

Тошан отшатнулся, руки его бессильно повисли. У него появилось мимолетное, но очень яркое ощущение, что он грезит наяву, что это всего лишь абсурдный кошмар. Однако чувство реальности происходящего вернулось очень скоро. В тот же миг он понял, что его мир, такой привычный и знакомый, разлетелся на куски. Никогда больше он не сможет верить матери, которая так ужасно ему солгала. Его гнев был не менее силен, чем разочарование. Схватив бутылку с джином, он поднес ее к губам матери и заставил сделать большой глоток. Алкогольный напиток потек из уголков ее бесцветных губ на черные косы и ключицы.

— Да очнись же! — гроыхнул он. — Мать, я хочу знать правду! Только правду!

Тала очнулась от летаргии, но пока не осознавала своей наготы. И все же, стоило ей встретиться глазами с разъяренным сыном, ее руки тотчас же сами собой схватились за бандаж.

— Буря закончилась? — спросила она дрожащим голосом.

— Нет, она только начинается! — ответил ей сын. — Здесь, в этой комнате! Кто отец ребенка, которого ты носишь? Говори! Кто? Отвечай, и быстро, пока я не разбудил всех постояльцев! Я хочу получить ответ, иначе буду орать так, что весь край узнает, как ты опорочила честь сына и невестки!

У Талы так болела голова и она чувствовала себя настолько изнуренной, что не пыталась сопротивляться. Да это было и не нужно.

— Думаю, ты сам знаешь, потому что сжал кулаки и зубы, — сказала она. — Прости меня, мой сын. Я этого не хотела.

Тошан задохнулся от ярости. Он знал, конечно знал, но все еще не хотел примириться с очевидным.

— Значит, это он, Жослин Шарден!

Молодой мужчина утонул в океане гнева. В ушах звенело, сердце билось так, что, казалось, вот-вот разорвется. Тошан подумал, что еще секунда — и он ударит мать.

— Я уйду из этой комнаты и вернусь только завтра утром, — бросил он. — Не хочу делать то, за что мне потом будет стыдно. Стены слишком тонкие, поговорим дома. Только там и не раньше, чем я сказал.

И молодой метис, с трудом переведя дыхание, выбежал из комнаты, хлопнув дверью. Увидев, что он стоит, опершись локтями о стойку, горничная подумала, что случилось что-то страшное. Тошан был ей очень симпатичен.

— Боже милостивый! — воскликнула она с сочувствием. — Да на вас лица нет! Как ваша мать?

— Она пришла в сознание. Ей нужен горячий ужин и вино. Держите!

Он поблагодарил ее жестом и положил на стойку несколько монет. На улице все еще завывал ветер. Тошан поискал глазами щенка хаски, которого оставил на набережной. Но того нигде не было видно.

«Тем лучше, — подумал он. — Я сейчас готов ему шею сломать, разбить ему голову камнем! Никаких подарков от Жослина Шардена!»

Злость мешала ему рассуждать здраво. Он видел себя пересекающим озеро Сен-Жан, стремящимся назад, в Валь-Жальбер. С каким удовольствием он бы ударил своего тестя, наговорил ему оскорбительных слов, вырвал из объятий Лоры... Как и Тала, Жослин врал ему, и ложь эта была так сокрушительна, что вдребезги разбила тот фундамент для взаимопонимания и привязанности, который оба они так терпеливо возводили.

Перибонка — небольшой поселок. Тошан углубился в ближний лес, задевая лбом опустившиеся, отяжелевшие от снега ветви елей.

«Всё это — вероломство и предательство! — говорил он себе, шагая наугад меж деревьев. — Всё: и улыбки, и разговоры, и партии в карты, и колядование, и подмигивание!»

Он пытался прогнать причиняющие боль картинки, возникавшие в его сознании с быстротой молнии: тело матери под телом Жослина, их объятия... Наконец, опершись о ствол березы, он издал долгий, хриплый крик, колотя кулаками о дерево. Костяшки пальцев скоро разбились в кровь, однако он не чувствовал боли.

«Я был прав тогда, с платком! Я был прав, и все же поверил в их с Жослином рассказы! Но Лора поймет, каков на самом деле тот, кого она так любит! Эрмин узнает, что ее отец — последний мерзавец! Он мне за все заплатит, дорого заплатит!»

Тошану хотелось заплакать, как плачут обиженные дети. Однако, слишком гордый для этого, он продолжал колотить дерево, выплескивая переполнявшие сердце ненависть и отвращение.

Тала не спеша оделась. Присев на край кровати, она прислушивалась к малейшему шуму на лестнице отеля. Горничная принесла ей куриного бульона, рагу из свинины и стакан вина. Женщина заставила себя поесть ради невинного ребенка, который рос в ее лоне. Ощущение, будто она упала на дно ямы с такими отвесными стенами, что выбраться из нее не представлялось возможным, не оставляло ее. Да индианка и не искала спасения.

Так она и задремала — изваяние из плоти и скорби. Тошан вошел в шесть утра. Тала посмотрела на него, радуясь тому, что он жив, и тут же испугалась — такое безжалостное у него было лицо. Ночи хватило, чтобы омрачить его сияющую красоту, погасить блеск этих глаз. То была ее вина, осознание которой заставило спину женщины согнуться. Из глаз Талы полились слезы.

— Пора ехать дальше, — неумолимо возвестил Тошан. — Тучи разошлись, день будет ясный. Мне не терпится услышать, что ты скажешь в свое оправдание.

Это был ультиматум. Тала вздрогнула, но тут же встала и горделиво выпрямилась. Гнев Тошана вернул ей силы. Она редко склонялась под ударами судьбы.

— Ты услышишь, что я хочу тебе сказать, мой сын, — заявила она.

Сани были готовы. Запряженные в упряжку собаки махали хвостами и оглядывались по сторонам. Они хорошо отдохнули, и теперь им не терпелось отправиться дальше, по тропинкам, ведущим на север.

— А где щенок? — спросила Тала.

На набережной никого, кроме них, не было. Она была рядом переменить тему разговора, но судьба щенка ее по-настоящему беспокоила.

— Он сам нашел дорогу в конюшню, к Дюку. Я подарил его тому парню, который вчера на озере потерял лошадь. Он пил всю ночь, ну или почти всю! К утру он был пьян в стельку и лег спать в сарае. Я подарил ему Кьюта, чтобы утешить. В любом случае я решил избавиться от щенка, иначе я мог бы его убить. И ты понимаешь почему! Ты знаешь, чей это подарок!

Тала села на свернутые одеяла и сказала сквозь зубы:

— Я к нему привязалась, он вместе со мной пережил бурю.

Тошан не ответил, только лицо его еще больше помрачнело. Он встал

на полозья.

— Вперед, Дюк!

До полудня они не обменялись ни словом. Просторные белоснежные пейзажи блестели в лучах серебристого зимнего солнца.

«Мир так прекрасен! — думал молодой метис. — А у меня вкус желчи во рту. Еще вчера утром, в это самое время, я весело похлопывал по плечу моего тестя и прижимал к груди сына! И говорил себе, что у меня замечательная жизнь и хорошая семья!»

Между ними висело такое тягостное молчание, что Тошан решился нарушить его вопросом, который неотступно преследовал его:

— Как ты осмелилась стать любовницей Шардена? Ты же знала, что он — отец моей жены? Я поверил тебе, когда ты призналась, что влюбилась в него, но безответно. Ты соврала! Соврала, чтобы его защитить!

— Мой сын, когда Жослин Шарден шел по нашей опушке, я видела в нем только измученного, отчаявшегося человека, — сказала Тала. — Мне стало его жалко. У него была одна мысль — поскорее умереть, чтобы Лора снова смогла выйти замуж. Он сожалел только о том, что так и не успел лучше узнать своего ребенка. Поверь, в первые дни, когда он оставался у меня, я думала только о том, чтобы ему помочь. Дыхание смерти уже ощущалось в нем, я это чувствовала!

Тошан не хотел успокаиваться. Отношения матери и Жослина он считал результатом того, что оба уступили аморальному, постыдному вожделению.

— Послушать тебя, так я должен сказать тебе «спасибо»! — возмутился он. — Можно подумать, ты уложила его к себе в постель, чтобы спасти и здоровым вернуть законной супруге!

— Так оно и было! — крикнула в ответ Тала. — Можешь насмеяться, сколько хочешь, но любовь порождает надежду, а без надежды тело гибнет.

— Только не говори о любви! Ты просто хотела мужчину и согласилась лечь с первым попавшимся! — заявил он. — Шарден использовал тебя, и знаешь почему? Готов поспорить, он бы не стал спать с белой женщиной, чтобы не скомпрометировать ее. Но с индианкой — запросто! Теперь понятно, почему о моих соплеменницах говорят как о легкодоступных женщинах!

— Замолчи! — приказала она.

Тала повернулась к Тошану спиной. Он не увидел выражения глубочайшей скорби у нее на лице. Каждое слово сына ранило, унижало ее и чернило воспоминания, которые были ей дороги. Тала закрыла глаза и сжала губы. Снова повисло бесконечное молчание. Когда они проехали еще

полтора километра, Тошан придержал собак, а потом приказал им остановиться: по тропинке, подняв тяжелую голову, брел лось. Более молодой его собрат следовал за ним. Дюк зарычал, но хозяин приказал ему умолкнуть.

— Для них наступили голодные времена, — сказала Тала. — Они едят березовую и ивовую кору.

— Ты ничего нового мне не сказала, — отозвался Тошан. — Побереги язык для объяснения своих поступков.

Сказав так, он закурил, давая возможность лесным великанам уйти своим путем. Потом погнал упряжку вперед так же быстро, как и на озере. Часто он срезал путь по только ему известным тропинкам, и сани со скрипом подпрыгивали на сугробах. Дважды они чуть было не перевернулись. Тала пришла к заключению, что сын вполне мог желать несчастного случая, чтобы разом избавиться от матери и ее ребенка. Но держалась она крепко и ни разу не вскрикнула от страха.

Когда они подъехали к хижине, уже смеркалось. Несколько минут Тошан с матерью занимались привычными делами: Тала разожгла огонь в выложенном галькой очаге и поставила вариться бобы. Тошан распряг собак и осчастливил их копченой рыбой, которую хранил в бочонке. Затем закрыл животных в деревянном сарае. На улице было очень холодно и мрачно. Впервые в жизни место, где он вырос, показалось ему отвратительным. На него нахлынула тоска, к которой примешивалось отчаянное желание оказаться рядом с Эрмин. Он подумал, что сейчас в Валь-Жальбере в гостиной Лоры ярко горит свет, Мукки играет под елкой, а его маленькая женушка, как он называл Эрмин в мыслях, смотрит на уснувших двойняшек. Там, далеко, осталось все то, чем молодой мужчина дорожил больше всего на свете.

— Я проклинаяю тебя, Жослин! — сказал он вслух.

Против воли он вошел в дом. Мать ждала его, сидя у стола. Свеча освещала ее измученное лицо. Тошан ощутил смутное сочувствие. Положение Талы было незавидным.

— Когда родится ребенок? — спросил он.

— В марте. Мой сын, выслушай меня! Так уж случилось, я не нашла в себе сил что-то изменить. Жослин отказался от своих прав на Лору, я давно овдовела. Я думала, что легко забуду случайного любовника, но страсть снедала меня изнутри. А потом я узнала, что ношу его ребенка. Я могла бы выпить настой, который освобождает женщину от плода, когда он еще совсем маленький, но мне не хватило решительности. Я подумала, что больше не буду одинокой, что у меня будет кого любить и о ком заботиться.

— И ты думала убедить меня, что он родился от святого духа? — насмешливо поинтересовался Тошан.

— Я знала, что ты приедешь навестить меня летом. И сказала бы, что это сирота, которого отдали мне на попечение.

Тошан опустил голову, совершенно убитый морально. Он зажег сигарету. Пальцы его дрожали.

— Значительная доля вины не твоя, — сказал он после долгих размышлений. — Я часто предлагал тебе снова выйти замуж, чтобы не жить здесь одной большую часть года. Но ты только смеялась, не хотела жертвовать своей свободой. И вот результат! Как я был наивен, что поверил вам! А ведь я был прав! Никогда больше не буду таким доверчивым! Я заподозрил правду еще в конце лета, когда нашел в хижине платок. Платок с вышитыми инициалами — «Ж» и «Ш». Я спросил у Жослина, но он все отрицал, он мне солгал!

— Конечно, он лгал! Зачем рассказывать тебе, что между нами было? — сказала его мать. — Я взяла с него обещание, что он никому не расскажет. Круг из белых камней разорвался, и наша история должна была закончиться.

— Это глупости, мать! Он-то должен был задуматься о возможных последствиях! Это обязанность мужчины!

И молодой метис в замешательстве замолчал. Все средства и способы, препятствующие зачатию, были запрещены церковью. Тошан, однако, прибегал к ним, когда позволял себе мимолетные связи с женщинами во время своих путешествий по стране.

— Завтра я уеду, — объявил он. — Шарден так легко не отделается! Он должен заплатить! Этот лицемер лишится всего: семьи, крыши над головой! Мать, я ненавижу его! То, что я сейчас чувствую, терзает меня, сводит с ума! Если бы я не боялся сгнить в тюрьме, я бы вполне смог убить его!

Тала резко встала. Она смотрела на сына с таким суровым выражением, какого он никогда не видел и которое делало ее еще красивее, возвратив чертам отблеск молодости.

— Нет, мой сын! Умоляю тебя. Не делай этого! Жослин не должен знать, что я жду от него ребенка. И я не хочу, чтобы Лора знала, и особенно — Эрмин! Я поступила глупо, затеяв эту поездку, но мне хотелось увидеть внучек и оставить Мадлен в надежных руках. Возраст не всех делает мудрее. Я надеялась, что Жослин еще питает ко мне какие-то чувства. Думала, он найдет способ поговорить со мной или хотя бы поблагодарит за то, что я дала ему шанс начать все заново. Но у него на лице я прочла

только страх, замешательство и жалость. Это было ужасно! Когда Эрмин сказала, что Лора беременна, мне не оставалось ничего, кроме бегства. Так было нужно, потому что, поступи я иначе, я могла бы открыть свои истинные чувства. Но мне не хотелось разрушать их счастье. Тошан, если у тебя осталась хотя бы капля уважения ко мне, прошу, не говори им ничего! Этот ребенок позаботится обо мне в старости. Мне уже сорок три, и если в мое лоно попало семя и проросло — это знак!

Тошан вскочил со скамьи разъяренный, с горящим взглядом.

— Счастье не строят на лжи! — выкрикнул он. — Шарден обесчестил тебя, опорочил память моего отца, наших предков. Его я не трону ради Эрмин, которая не смогла бы мне этого простить. Но я расскажу всю правду, и он будет достойно наказан!

— Не делай этого, мой сын, — повторила Тала.

Она схватила со стола нож и прижала его к шее.

— Если ты раскроешь мой секрет, я перережу себе горло, — сказала она. — На твоей совести будет моя смерть и смерть твоего брата или сестры.

Молодой метис замер от удивления. Его мать сильнее прижала лезвие ножа. Он различил каплю крови, которая в следующее мгновение потекла по медного оттенка коже.

— Поклянись, что никто и никогда не узнает, кто отец моего ребенка. Никто, кроме тебя и меня.

Тошан смотрел на мать как зачарованный. Он протянул руку к ножу.

— Мой брат или моя сестра, — удивленно произнес он. — Мама, остановись! Не делай себе больно! Что такое ты сказала? Рожденный тобой, этот ребенок станет моим братом или сестрой! Но ведь и для Эрмин тоже! Теперь ты понимаешь, куда завели нас твои капризы самки, жаждущей самца?

— Поклянись! — сказала она громче, не обращая внимания на оскорбления. — Я хочу умереть. Решай же! Для меня это будет освобождением — заснуть и больше не просыпаться...

В полной растерянности Тошан воздел руки к небу. Он только что подумал о ребенке Лоры. Ему стало противно до тошноты: девочка или мальчик, законный ребенок Жослина будет связан родственными узами с Эрмин и созданием, растущим в лоне его матери.

Тала еще сильнее прижала к шее нож. Открылась живая рана.

— Остановись! — воскликнул он. — Клянись тебе! Ну, теперь ты довольна? Однако ты потребовала от меня слишком много. И мы все будем от этого страдать, увы. И я первый. Я больше не войду в дом, где живет

Шарден, я отказываюсь видеть его, слышать звук его голоса!

В угасшем взгляде своего сына Тала различила слезы, ей было больно видеть его таким. Нетвердой походкой она подошла к шкафу, взяла чистое полотенце и вытерла кровоточащую рану, перечеркнувшую основание ее шеи.

— Как ты объяснишь свое решение Эрмин? — спросила она, снова усаживаясь у очага.

— Это будет стоить мне многих мучений, — сердито ответил он. — У моей жены не будет выбора. Вместе с детьми она переедет жить сюда. Хотя так и должно было быть. Я часто говорил ей, что специально для этого расширю хижину. Но ты уйдешь. Я не хочу знать, где ты будешь жить и с кем, но я также не хочу, чтобы твой бастард рос рядом с моими детьми. Попроси мою бабушку Одину взять тебя к себе, она будет даже рада.

— Я сделаю так, мой сын, — ответила на это Тала. — Но Эрмин не поймет, почему ты так поступаешь, она будет страдать в разлуке со своими родителями. Я нежно люблю твою жену.

— Да что ты? — глумливо переспросил Тошан. — Судя по твоим поступкам, не сказал бы! А теперь ты послушай меня! Ты не сможешь родить без помощи. Я уеду; найду место, на котором смогу работать до мая. Я хочу быть как можно дальше от Шардена. По пути я заеду к твоей сестре и попрошу, чтобы она пожила с тобой. В твоём возрасте роды могут быть трудными.

И Тошан смерил мать презрительным взглядом. Тале показалось, будто он дал ей пощечину.

— Это правда, лучше, если ты уедешь, — сказала она. — И не будь слишком суровым и жестоким, это тебя уничтожит.

— Если так, лучше бы ты бросила меня в реку, едва родив на свет! Во мне не осталось ни грамма доброты и нежности, и в этом виновата ты!

И молодой метис заходил по комнате, сунув руки в карманы. Потом ударил ногой табурет, а следом — дверь в комнату. Остановившись, он задумался.

— Честно говоря, одно меня особенно удивляет, — проговорил он наконец. — Почему у вас с отцом не было других детей? Ты помнишь Анри Дельбо? Он был золотоискатель!

— Тошан! — взмолилась Тала. — Как ты смеешь? Я никогда не забуду Анри! Когда мы поженились, мне было семнадцать лет. И я была горда и счастлива следовать за ним по берегам реки. Он был честный человек и хороший отец.

И она умолкла, захлебнувшись слезами. Ее сын никогда не узнает, что

крепкий рослый ирландец за двадцать лет совместной жизни не подарил ей столько удовольствия, сколько Жослин за двадцать дней. Это необъяснимое обстоятельство, и она точно знала, что оно в значительной мере способствовало пробуждению в ней любви, перевернувшей всю ее жизнь.

— Я хорошо знал своего отца, — продолжал Тошан. — Он был очень набожен. Поэтому не говори, что он пытался предохраняться. Помнится, он повторял, что хочет иметь большую семью, чтобы сыновья мыли с ним песок в Перибонке, а девочки помогали тебе с готовкой и стиркой.

Тала пожала плечами. И снова солгала, потому что сын со своими сжатыми до скрипа зубами и невидящим взглядом пугал ее.

— Я не пыталась мешать природе, — воскликнула она, прижимая руки к животу, словно желая защитить его. — Я думаю, что рождаются те, кто должен родиться, и не мы решаем, кому жить на свете.

— А Шарден оказался тем еще жеребцом! — взорвался молодой метис. — Двое детишек за год для старика, который еще пару месяцев назад умирал от болезни! В это просто невозможно поверить!

«Особенно если учесть, что и кобылы совсем не, юные», — с горечью подумала Тала.

Она была на грани нервного истощения, сраженная своими печалью.

— Можешь поесть бобов и поджарить себе сала, — сказала она, вставая. — Я иду спать. Верь, мой сын, мне очень жаль, что из-за меня случилось столько бед.

— Я буду спать с собаками, — сказал Тошан холодно. — Я не собираюсь ложиться в кровать, на которой Шарден обесчестил мою мать.

— В такой холод! Прощу, одумайся, Тошан! Ляг в этой комнате, возле очага!

Он согласился с этим предложением и постелил себе на полу одеяла. Тала оставила его в одиночестве. С тех пор как погиб ее муж, она спала в маленькой комнатке, которая раньше служила кладовкой. Это была ее нора, ее убежище. Стены из грубо обработанных досок были увешаны шкурами волков и медведей. В маленьком очаге она обычно готовила себе лечебные настои. Все вещи, которые были ей по какой-либо причине дороги, она хранила на одной полке. Здесь же стояли три рамки с фотографиями. На одной из них были запечатлены Эрмин и Мукки на Рождество 1932 года. Мальчику было всего три с половиной месяца, но он уже улыбался, а невестка со своим красивым лицом и короной блестящих белокурых волос походила на ангела.

— Прости, Эрмин, прости, моя певчая птичка, — вздохнула Тала, глядя на фотографию. — Прости, мой дорогой малыш Мукки...

Кончиками пальцев она коснулась стекла, которое защищало от пыли портрет Анри. Казалось, он смотрит на нее из потустороннего мира.

— И ты тоже прости меня... Ничего бы не случилось, если бы ты остался моим ангелом-хранителем, моим защитником.

На третьей фотографии был запечатлен Тошан в день своего первого причастия у монахов. С коротко остриженными волосами и молитвенником в руках, он выглядел сердитым.

— Мой сын, когда ты снова обретишь мир в душе? Ты не должен был узнать... Если бы будущим летом ты увидел у меня на руках четырехмесячного ребенка, я бы соврала тебе так, что ты ни за что не догадался бы о правде. Но теперь поздно, случилось то, что случилось. Я потеряла тебя, мой Тошан!

Среди жестянок, в которых она хранила сухие травы, пуговицы, бусины и табак, женщина увидела баночку, помеченную этикеткой. В ней был мышьяк. Этот яд ее покойный супруг использовал для приготовления приманок для каркаджу^[46] — сильных приземистых животных, кровожадных родственников каменной куницы, которые зимой уничтожали их запасы мяса.

— Почему я раньше об этом не подумала? — вполголоса спросила себя Тала.

Индианка легла на кровать. В доме было холодно, и она сжалась в комок под мехами, заменявшими ей одеяло.

«Зачем мне жить? — думала она. — О моем прегрешении никто не узнает; Тошан унаследует хижину и сможет сделать из нее настоящий дом. И никто не будет скучать по мне, даже Жослин. Я держала его судьбу в своих руках. Могла оставить его здесь, удержать. Но нет, нам нужно было расстаться. Сын прав: я не могла бы жить до конца своих дней с отцом его жены...»

Отчаяние захлестнуло ее. Тала разрыдалась. Задыхаясь, она стонала и бормотала бессвязные слова. Тошан слушал, прижав ухо к двери. Тала упоминала имена предков, ругала свое женское тело, умоляла Анри простить ее, потом звала Жослина и проклинала его, и много раз подряд повторяла имя своего сына, его имя... Слыша, как она снова и снова произносит «Тошан», как если бы это было заклинание, он закрыл глаза. Желание войти в маленькую комнатку и утешить мать было слишком велико.

Тала всегда была хорошей матерью — заботливой и любящей, веселой, ласковой. Она никогда не наказывала его, ни разу не ударила. Он вспомнил ее более молодой, миниатюрной, проворной, с длинными черными косами,

перевитыми нитками дешевых бус. Она рассказывала ему легенды своего народа по вечерам у очага, но только тогда, когда его отец уже спал. Анри Дельбо видел своего сына храбрым, набожным и образованным мальчиком и мало внимания обращал на то, что считал странностями красивой индианки, которую избрал себе в супруги.

Тошан обхватил голову руками. С другой стороны двери теперь было тихо.

«Наверное, она уснула», — сказал он себе.

Ему было бесконечно жаль мать, и от этого его ненависть к Жослину Шардену делалась только сильнее.

Валь-Жальбер, четверг, 5 января 1934 года

Эрмин сидела на своей кровати. Полы ее пеньюара были раскрыты. Обеими руками она сжимала одну из грудей. По щекам у нее текли слезы. У нее перегорело молоко. Лора, Элизабет и Мирей сошлись во мнении, что молодая мать пережила слишком сильное потрясение во время снежной бури, слишком много горя и волнений доставил ей отъезд мужа. До сих пор она не получила новостей от Тошана. Все пытались ее успокоить, но она оставалась глухой к утешениям. Жослин убеждал ее, что, случись с Тошаном и Талой несчастье, им бы уже сообщили.

— Пока я не увижу его здесь, своими глазами, я буду думать самое страшное! — возразила она.

— Он пообещал, что вернется, как только сможет. Надо просто терпеливо ждать, — назидательно советовала Лора.

В последние два дня обычный порядок жизни был нарушен. В бурю ветер повредил линии электропередач, и быстро починить их в холодное время года оказалось затруднительным.

Домоправительница достала из чулана керосиновые лампы и постоянно пересчитывала свечи в страхе, что их может не хватить.

Эрмин не выходила из своей спальни, упрямо пытаясь снова и снова прикладывать своих девочек к груди. Но не проходило и минуты, как Мари и Лоранс закатывали глазки и начинали реветь во все горло.

Накануне вечером Мадлен, обосновавшаяся в гостевой комнате, взяла малышей к себе на ночь и утром не принесла их к матери.

— Да это и бесполезно, — пожаловалась сама себе молодая женщина. — Они только снова стали бы плакать от досады! А сейчас им как раз время кушать. Мне хотелось иметь помощницу, но кормить-то я

рассчитывала все-таки своим молоком!

Этот провал в роли матери очень ее огорчал. С красными глазами она скользнула под одеяло и плакала, пока не иссякли слезы. На лестнице слышались шаги. Шарлотта дважды легонько стукнула в дверь и вошла с широкой улыбкой на лице.

— Мимин, я принесла тебе письмо от Тошана! Смотри! Лоре передал его Пьер Тибо. Он сейчас пьет кофе в гостиной.

— Дай скорее! — воскликнула Эрмин, вставая. — Господи, спасибо! Спасибо! Он жив!

Она испытала такую радость и облегчение, что даже не стала задаваться никакими вопросами.

— Как ты рада! — улыбнулась девочка. — И это так здорово!

Молодая женщина вскрыла конверт, испытав абсурдное желание поцеловать бумагу. В этот момент для нее во всем мире существовало только письмо.

«Моя любимая жenuшка!

Мне повезло встретить Пьера на набережной в Перибонке. И я отдал ему это письмо, которое как раз нес на почту. Так я могу быть уверен, что ты очень скоро его получишь. Не сердись на меня за то, что уехал, не предупредив тебя, но ты наверняка нашла записку, которую я подсунул под дверь нашей спальни. Входить я не стал, чтобы не побеспокоить Мадлен.

Мне кажется, что мы с тобой в разлуке уже сто лет! Я очень по тебе скучаю, и нам нужно что-то придумать, чтобы такая ситуация впредь не повторялась.

У меня нет выбора, моя ласковая и милая Эрмин! Тала из каприза захотела вернуться домой. Причины, по которым она настояла на отъезде, настолько странные, что я предпочитаю о них умолчать. Потом, когда мы попали в сильную метель, она пожалела о своем решении.

Умоляю, прости меня. Я не могу вернуться сейчас, потому что моя мать заболела. Я останусь с ней на несколько недель. Буду охотиться, так как запасов провизии у нее мало. Не тревожься, я регулярно буду писать тебе.

Поцелуй крепко Мукки от его отца, и моих маленьких принцесс, Мари и Лоранс, тоже. Никогда не забывай, что я люблю тебя.

Тошан Клеман Дельбо»

— Спасибо, Господи, он жив! — повторяла Эрмин. — Шарлотта, спустись в гостиную и скажи маме, что Тошан мне все объяснил. Я тоже

сейчас встану и спущусь. Попроси Пьера подождать меня, я хочу поздравить его с праздником. И сказать ему спасибо! Как любезно с его стороны приехать к нам!

Девочка с радостью исполнила роль посыльного. Эрмин, сияя от счастья, оделась. Только смерть непоправима... Теперь, когда у нее появилась уверенность в том, что она снова увидит любимого супруга, прикоснется к нему, она была готова преодолеть любые препятствия.

«Мне остается только смириться — моих дочек будет кормить другая женщина. Мадлен мне нравится, она набожная, скромная и тактичная. Я могу ей доверять. Когда Тошан вернется, я хочу предстать перед ним красивой, чтобы он желал меня!»

Последняя мысль заставила ее покраснеть. Эрмин быстро причесалась. Перед тем как выйти из комнаты, она снова схватила письмо, поцеловала то место, где была подпись мужа, и с удовольствием перечитала каждое слово.

— Тала заболела, — немного огорчилась она. — Я даже не заметила этой строчки. Очень жаль... Надеюсь, она скоро поправится.

Поведение свекрови обескуражило молодую женщину, но, живя с Тошаном, она давно привыкла к странностям индейцев.

«Эти странности — часть их обаяния, — подумала она. — С тех пор как я познакомилась с Талой и ее родственницами, я ко многому стала относиться по-другому. Я размышляю над сутью своих снов и почти везде вижу воплощение закона круга...»

Она спустилась по лестнице, облаченная в брюки из джерси и облегающую грудь шерстяную кофточку. Отцу не нравилось видеть ее одетой по моде, которую он считал эксцентричной и слишком смелой, но в подобной одежде Эрмин чувствовала себя комфортно.

Пьер Тибо, увидев ее, вскочил со стула.

— Доброе утро, Эрмин! — радостно поприветствовал он ее. — Желаю тебе быть здоровой и богатой!

— Сегодня не первый день нового года, но я все равно тебя поцелую! — с улыбкой отозвалась молодая женщина. — Ты снял такой груз с моего сердца, согласившись побыть для нас почтальоном!

Мужчина кивнул в замешательстве. Эрмин ему давно нравилась. Когда ее теплые губы коснулись его плохо выбритой щеки, он покраснел.

— Какое счастье опять видеть свою дочь веселой! — заметила Лора. — Дорогая, ты снова улыбаешься! Мсье, огромное вам спасибо! Мы все жили в страхе с того самого дня, как разразилась буря. Некоторые дома на плато повреждены, кое-где обрушились крыши.

— Этим дело не ограничилось, насколько мне известно, — сказал Пьер. — Но Тошан Дельбо ничего не боится. Похоже, они с матерью чудом спаслись, когда лед на озере треснул.

— Господи милосердный! — воскликнула Эрмин. — Тошан ни слова не написал об этом в письме. Надеюсь, он скоро вернется. И до весны я его больше никуда не отпущу!

Пьер Тибо стал прощаться. Лора настояла на том, чтобы он принял в подарок бутылку французского белого вина, о цене которого этот молодой житель провинции Квебек не имел никакого представления.

— Приезжай к нам, когда захочешь, — добавила Эрмин. — С женой и дочками! Я бы показала тебе моих маленьких двойняшек, но они сейчас с кормилицей. Я тебя провожу.

Стояла сухая, морозная и ясная погода. После нескольких дней в сероатой мгле каждый золотистый лучик солнца, от которого все вокруг сверкало и искрилось, казался Божьим благословением.

— Если ты еще раз встретишь моего мужа, — сказала молодая женщина, — передай, что мы с детьми здоровы и благополучны. Я могу ему написать, если у тебя есть время подождать. Я бы отдала тебе письмо.

— Мне очень жаль, Эрмин, но я вернусь в Перибонку не раньше, чем через месяц, — сказал Пьер. — По почте письмо дойдет скорее.

— Через месяц мой муж вернется, поэтому нет смысла писать.

Она светилась невинной радостью. Пьер, сжимая в руках картуз, не знал, сказать ей то, что вертелось у него на языке, или нет. Нужно ли говорить Эрмин о том неприятном впечатлении, которое возникло у него при встрече с Тошаном? Молодой метис показался ему мрачным, отстраненным, озабоченным. Хотя какие слова могли передать, насколько окаменело его лицо, какая ненависть была во взгляде... И встретились они в гостинице, где Тошан уже успел хлебнуть лишнего.

— Этого я тебе от всего сердца желаю, Эрмин! — сказал Тибо с улыбкой. — До встречи!

— До встречи, Пьер!

Молодая женщина не почувствовала подвоха в этом дружеском пожелании, показавшемся ей самым естественным на свете. Успокоенная, она вернулась к матери. Лора нежно обняла ее.

— Теперь мы можем вздохнуть свободно, — сказала она. — Если еще и электричество починят, то больше нечего будет и желать, правда? Не могу понять, что с твоим отцом: в последние дни он ворчит больше обычного.

— Думаю, он беспокоится о Тошане, — сказала Эрмин. — С Рождества они так славно ладили друг с другом. Все скоро образуется,

мамочка!

Молодая женщина оказалась права. Неделя прошла в покое и радости. Мари и Лоранс чувствовали себя прекрасно благодаря молоку и заботам Мадлен. Кормилице, которая никогда в жизни так хорошо не ела, не составляло труда кормить обеих девочек. Мирей не покладая рук готовила питательные блюда с преобладанием мяса, сушеных овощей, чечевицы, гороха, бобов и фасоли. Каждое утро Арман Маруа приносил бидон молока, которое шло на десерты, торты и сливки.

Окруженный женщинами, если не считать маленького Мукки, Жослин наконец сумел выбросить из головы тревогу, которая терзала его из-за краткого визита Талы. Он снова стал заботливым и ласковым отцом и дедушкой, внимательным мужем.

Произошло еще одно событие, идеально вписавшееся в гармонию, царящую в доме: Эрмин, которая больше не боялась расстроить Тошана, снова стала петь. Как только у нее появлялось свободное время, — а она настояла на том, чтобы самой менять малышам пеленки и баюкать их, — в доме звучали самые лучшие оперные арии. Для Лоры это было настоящее чудо. Золотой голос соловья из Валь-Жальбера слышался с утра до вечера, и интонации его были то трагические, то радостные. Мирей забросила свою Ла Болдюк; Жослин, вне себя от восторга, искренне забыл о своей короткой связи с Талой. Мукки, в своем нежном возрасте, переставал играть и скакать по комнате, заслышав голос матери. В такие моменты он представлял собой очаровательное зрелище: мальчик широко распахивал черные глазенки, прижимал кулачки к груди и слушал как замороженный.

Однажды днем Эрмин, стоя у окна гостиной, пела свои гаммы. Лора вышивала инициалы «М» и «Д» — Мари Дельбо — на детском нагрудничке. Нагрудник для Лоранс был уже готов.

Молодая женщина прервала упражнение и глубоко вздохнула.

— Что случилось, дорогая? — спросила у нее мать.

Жослина в комнате не было, поэтому Эрмин могла говорить открыто.

— Было намного легче работать, когда Ханс подыгрывал мне на фортепиано, — призналась она. — Репетировать арии под музыку гораздо легче.

— Но ты и так прекрасно справляешься, — сказала Лора. — Ты поешь потрясающе! Я больше всего люблю арии из «Мадам Баттерфляй». Я могла бы слушать их бесконечно! Какая трагическая история! Что до меня, то я бы этого американского офицера, который приехал забрать у нее сына, стерла бы в порошок. А несчастная женщина покончила с собой! Только подумаю об этом, и хочется плакать.

— Но это не решает моей проблемы, мама! — в отчаянии заявила Эрмин. — На этот раз я всерьез настроена пройти прослушивание. Это сильнее меня, я должна это сделать! По меньшей мере, я узнаю, что думают профессионалы о моем голосе. В июле мы поедem в Квебек. Я написала Октаву Дюплесси, что этого никогда не будет, но, думаю, если позвоню ему по телефону с почты, он обрадуется. Я приняла решение благодаря Мадлен. Помнишь, первого января я пела для нее, только для нее.

— Конечно, помню! Я была в восторге, хотя и обиделась немного, — сказала Лора.

— Я была так счастлива! Мой голос не подвел, я словно погрузилась в транс! Что бы ни готовило мне будущее, я не сдамся!

— А что плохого может случиться в будущем? — спросила у нее мать.

— Тошана будет сложно убедить, но он должен дать свое согласие! Последние дни я много думала, особенно когда узнала, как мой муж обманул меня, решившись отвезти мать на край света. Почему он так со мной обошелся, ведь я изо всех сил стараюсь быть ему хорошей женой? Только он один недоволен моей страстью к пению. Папа подбадривает меня, Мадлен, Симон и даже Пьер Тибо! Не говоря уже о тебе, Шарлотте и моей свекрови. Я полагаю, что имею полное право испытать судьбу. Я готова жить полгода в хижине Талы, если оставшиеся шесть месяцев буду выступать на сцене!

— Отлично сказано!

У Лоры учащенно забилось сердце. Ее давняя мечта наконец начала обретать форму — путешествия, пребывание в лучших отелях Квебека и Монреалья или даже Европы. И в конце увлекательного приключения — слава ее обожаемой дочери.

— Думаю, дорогая, мы очень скоро найдем решение твоей проблемы, — сказала она лукаво. — Продолжай распеваться, а я сейчас вернусь! Хочу кое о чем спросить Шарлотту. По-моему, ее учительница, мадемуазель Каликст Ганьон^[47], еще и музыкантша! Она, конечно же, обрадуется возможности поиграть на инструменте такого качества. И мы примем ее как дорогую гостью — предложим чаю с бергамотом и рассыпчатого печенья!

— Мапочка, дорогая, а ведь у тебя и вправду есть деловая хватка! — улыбнулась Эрмин. — Будет очень хорошо, если она сможет приходить после занятий и по четвергам!

Каликст Ганьон, приятная в общении незамужняя дама тридцати шести лет, с удовольствием приняла предложение. Пребывание в гостях в

этом большом роскошном доме казалось ей приключением. Визиты к Лоре, кроме того, скрашивали ее довольно скучное существование в перерывах между проверкой тетрадок по грамматике и подготовкой к урокам.

Эрмин была очень довольна ее аккомпанементом. Репетиции стали регулярными, равно как и полуденные дамские посиделки за чаем, на которые всегда приглашали и Элизабет.

Жослин подтрунивал над женой, утверждая, что вокруг него становится все больше женщин.

— Поскорее бы вернулся мой зять, — повторял он после окончания вечерней трапезы.

У него вошло в привычку навещать по вечерам Жозефа Маруа. Они подолгу беседовали за картами, а временами вместе обходили здания заброшенной целлюлозной фабрики. Динамо-машина все еще работала под присмотром бывшего рабочего, за что ему платили небольшую зарплату. В начале февраля они вместе сходили к сахароварне, чтобы починить ветхое строение.

Потекли спокойные дни. Эрмин получила по почте от мужа уже два письма. Он каждый раз откладывал свое возвращение, ссылаясь на нездоровье Талы. И молодая женщина не могла упрекнуть его в том, что он слишком хороший сын. Она тосковала по нему, но всей душой отдавалась другой своей страсти — пению. Возможно, таким образом она пыталась компенсировать ощущение покинутости, которое появилось у нее с отъездом Тошана.

Мадлен, большую часть времени проводившая в своей красивой комнате на втором этаже, слушала арии из «Лакме», «Богемы» или «Фауста» Гуно. Робкая кормилица-индианка мало внимания обращала на слова, она дрожала и плакала от волнения, внимая доносившемуся до нее чудесному голосу.

Склонившись над Мари и Лоранс, она шептала:

— Еще, Канти, еще! Пой, пой, чтобы мир стал красивее и добрее!

Хижина Талы, середина февраля 1934 года

Престарелая Одина раскачивалась взад и вперед, тихонько помахивая обуглившейся сосновой головешкой, источавшей легкий приятный аромат. Напротив нее Аранк, ее младшая дочь, закрыв глаза, напевала гортанным голосом. Обе женщины молились Маниту, верховному духу, прося его воскресить в Тале огонь жизни.

Тошан смотрел на безмятежное лицо матери. Она не спала. Ее освобожденная душа, должно быть, путешествовала меж далеких звезд.

«Мать, будь спокойна, — думал он. — Я исполню свой долг!»

Одина и Аранк уложили Талу на чистые простыни в большой комнате, под шерстяными одеялами. Ребенок родился на три недели раньше срока, поэтому в хижине было непривычно жарко натоплено. Малышка нуждалась в тепле...

«Киона^[48], — подумал молодой метис, — такая маленькая, но крепкая. Киона, бедная маленькая фея, которая весит не больше пяти фунтов^[49] и нескольких унций!»^[50].

Он сидел рядом с аккуратной корзиной, в которую его бабушка уложила новорожденную. Много раз за этот вечер он подходил посмотреть на свою сводную сестру, которая также приходилась сводной сестрой его жене Эрмин и ребенку, которого носила под сердцем Лора. Это было похоже на глупую шутку. Одина и Аранк, привыкшие легко относиться к самым серьезным вещам, находили подобную ситуацию забавной. Но необъяснимая слабость Талы на следующий день после родов вернула их в состояние торжественной серьезности.

Тала, волчица, была при смерти. Тошан отказывался в это поверить. Не осознавая, что делает, он погладил Киону по щеке. Его истерзанный дух перенесся к той, с кем он был разлучен, и к его собственным детям. Слова крутились в голове. Чтобы освободиться от груза тайны, он мысленно стал писать длинное письмо Эрмин.

«Моя любимая женушка, если бы ты знала, какую тяжелую зиму мне пришлось пережить! Не на мороз, лед и метели я жалуюсь. Я должен оставаться возле больной матери, как я тебе уже говорил. Вот только правды ты не знала. Она ждала ребенка, отец которого — не кто иной, как твой собственный отец! Ну вот, наконец — то я рассказал тебе об этой гнусности. И теперь не знаю, что думать, глядя на Киону, нашу общую сестру...

Вышло так, что Тала полюбила Жослина, который любил Лору. Я думал, что с ума сойду от ярости, от боли. Я ненавижу, я орал, мне хотелось его убить. Я пил, пожалуй, слишком много. И знаешь почему, моя женушка-ракушка, такая ласковая, такая красивая? Вечером второго января, когда мы приехали к хижине, моя мать закрылась в своей комнате. Мы поссорились, я сказал много грубых, презрительных, даже оскорбительных слов. Она плакала навзрыд, говорила бессвязно... Я слушал

под дверь. А потом в ее комнате стало тихо. Я лег спать у очага, и тут услышал внутри себя голос. Можешь мне не верить, но это был голос моего отца, Анри. «Спаси свою мать!» — говорил он мне. Я вскочил и вышиб дверь. Я был еще ближе к помешательству, чем накануне. Мама стояла у кровати, и в уголках ее рта виднелась белая пена. «Я не хочу умирать, мой сын!» Она сказала так, и я потащил ее на улицу. Она приняла яд. Я помог ей освободить желудок рвотой, напоил ее водой. Слава Богу, она приняла немного, да и мышьяк оказался старым. Я, заранее ненавидевший это дитя греха, которое она носила под сердцем, испугался за него. Я злился на Талу за то, что она пыталась умертвить это невинное создание, убив себя саму. Потом я уже не смог оставить ее одну. Я ездил только в Перибонку на собаках и в санях человека, которого ненавижу и никогда больше не хочу ни видеть, ни слышать.

Мой двоюродный брат Шоган заезжал к нам с матерью. Я попросил его передать бабушке и тете, чтобы пришли сюда. Они живут с нами уже месяц. Я все им рассказал, хотя мать этого не хотела. Вчера она ушла в лес, обманув нашу бдительность, и вернулась, неся под курткой новорожденную. Киону! Одина думает, что Тала сошла с ума. Если это правда, то я в этом виноват, и твой отец тоже.

Я скучаю по тебе, моя дорогая Эрмин, моя нежная любовь! По Мукки я тоже скучаю, а когда смотрю на Киону, то думаю о Мари и Лоранс, которые наверняка уже подросли. Все эти события не позволяют мне быть с вами, и это меня очень огорчает. Сегодня вечером я в отчаянии — моя мать умирает...»

Аранк потрясла Тошана за плечо. Воображаемое письмо, которое он только что написал Эрмин, помогло ему хотя бы в мыслях покинуть хижину.

— Племянник, ты молился богу белых? — спросила его тетя. — Твои губы шевелились, и мне показалось, что душа твоя была далеко!

Она говорила на языке монтанье, но он понял. Тошан испытал разочарование. Никогда его молодая супруга не прочтет это письмо. Он не мог нарушить клятву, вырванную у него Талой.

— Племянник, посмотри, — сказала Аранк, — моя сестра дышит легче, она открыла глаза. Тошан, дай ей ребенка!

— Нет, сделай это сама! — возразил он, еще не веря в воскрешение матери.

Создавалось впечатление, будто Тала очнулась от сна, восстановившего ее силы. Она едва заметно улыбнулась, увидев Одину и

узнав комнату, построенную еще во времена Анри Дельбо.

— На берегу реки воют волки, — сказала она. — Они голодны, зимой они всегда голодны! Я тоже хочу есть.

За этими словами последовала радостная суета. Престарелая индианка встала и увела младшую дочь в соседнюю комнату. Смерти придется искать другую жертву... Они загремели кастрюлями, стали шумно перебирать запасы продуктов.

Аранк так и не передала Киону Тале. Тошан вздохнул, но все-таки взял ребенка и бережно протянул его матери.

— У тебя на руках ей будет теплее, — смягчившимся голосом сказал он. — Твоя малышка очень красивая. А теперь, мать, я хочу, чтобы ты поскорее поправилась и вела себя разумнее. Бабушка Одина говорит, что ты полубезумна. Докажи нам, что она неправа. Ты должна вырастить Киону и сделать ее счастливой, она не виновата в грехах своих родителей. Завтра утром я уеду, на этот раз надолго. Запасов еды и дров достаточно, Шоган привезет вам рис, чечевицу и сахар, которых хватит до весны.

Тала слушала его, не сводя восхищенного взгляда со своей дочери.

— Ты добр, мой сын, — ответила она и наконец посмотрела на него. — Несмотря на твой гнев, ты не оставил меня, ты спас меня и Киону. Я должна сказать тебе что-то очень важное. Не надо слишком сильно ненавидеть Жослина Шардена! Сначала я его пожалела, потом решила вылечить, чтобы он вернулся к Лоре и Эрмин. Силе, которая толкала меня к нему, я не могла сопротивляться. Это я его соблазнила, а не он меня. Как знать, может, высшие силы соединили нас, чтобы Киона жила на свете? Я не знаю, почему твой отец не дал мне других детей, кроме тебя. Представь, как я удивилась, когда поняла, что беременна. И это в мои годы! Будь спокоен, сын, мое сердце больше не страдает от этой запретной любви. Теперь я не одна, у меня есть моя Киона, которую я буду любить и беречь. Я так счастлива! Возвращайся к своей супруге и детям!

Тошан только устало отмахнулся. Об этом не могло быть и речи. Он мог простить мужчину, который пожелал женщину, особенно в обстоятельствах, о которых он был наслышан. Шарден считал, что жить ему осталось недолго, и Лора собиралась замуж за другого. Однако ложь и трусость он ненавидел.

— Нет, мать! Я найду себе работу, мне нужны деньги. Ты не забыла наш уговор? Ты уйдешь жить к Одине. Я пообещал, что поменяю крышу на ее хижине, куплю провизии и ружье для Шогана. А потом приготовлю наше жилье к приезду Эрмин и детей.

Тала кивнула. Она уступала воле сына, которому она принесла столько

боли и заставила разлучиться с теми, кого он любил. Однако перспектива жить в жалкой лачуге еще дальше к северу вместе с Аранк, Одиной, Шоганом, его женой и детьми, совсем ее не прельщала.

— С Киной я смогла бы жить и в пещере, и в медвежьей берлоге, — сказала она, надменная и в то же время ласковая. — Не тревожься, мой сын, когда ты вернешься, я уйду из хижины, которую твой отец построил для меня!

Этими словами она давала Тошану понять, что дом принадлежит ей и она соглашается принести тяжелую жертву. Он прекрасно ее понял, но сделал вид, что ему все равно.

— Отдыхай, мать, — просто сказал он.

Ему стоило труда скрыть уважение, которое внушала ему твердость материнского характера, ее способность шагнуть в могилу и вернуться к жизни в следующее же мгновение. Тала, волчица! В глубине души он гордился тем, что она — его мать.

Глава 17

Соловей взлетает

Валь-Жальбер, 30 апреля 1934 года

Эрмин и Шарлотта в первый раз вывезли Мари и Лоранс на прогулку на улицу Сен-Жорж. Маленькие двойняшки выросли и заметно поправились. Каждая лежала в отдельной коляске, поэтому Эрмин в очередной раз порадовалась, что заботливая девочка всегда рядом. Снег всюду таял под лучами яркого солнца. День и ночь водопад на Уиатшуане глухо ревел, словно желая показать людям, что река наконец восторжествовала над зимой и вырвалась на волю, чтобы поскорее влиться в озеро Сен-Жан, которое тоже частично освободилось от ледяного плена.

Обрадованная потеплением, которое говорило о приходе весны, молодая женщина возвращалась с почты. Она отправила письмо Тошану по адресу, который он указал в предыдущем своем послании. Уже больше месяца ее супруг работал в Вальдоре — стремительно развивающемся центре горнорудной промышленности, в нескольких сотнях километров к западу от озера Сен-Жан.

Эрмин не сердилась на мужа, и все же никак не могла понять, почему он решил работать так далеко и по пути даже не заехал повидаться с ней и детьми в Валь-Жальбер. Разумеется, он что-то написал в свое оправдание в письме, но это только усилило ее терзания.

«Обидно, что он принимает такие важные решения, не спросив моего мнения, — думала она. — Он рассказал мне о своих планах, но так все равно нельзя! Тошан пишет, что мы будем жить в хижине Талы, которую он планирует сделать настоящим уютным домом, и я должна с этим смириться, уехать от родителей, уехать из Валь-Жальбера! Чтобы переделать жилище, ему нужны деньги. А его мать, которая очень любит свой дом и окрестные земли, уйдет жить к своим родственникам!»

— Тебе невесело, — негромко сказала Шарлотта. — Я это знаю наверняка, потому что ты уже три дня не поешь.

— Ты права. Меня очень расстраивает поведение Тошана. Я так хочу, чтобы он вернулся! Уже четыре месяца я его жду. Сначала я волновалась, но теперь... Мне иногда приходит в голову, что он не хочет больше видеть

своих дочек и Мукки. А меня — еще меньше. И появляются совсем уж мрачные мысли...

Молодая женщина поверяла свои сомнения Шарлотте, потому что не решалась открыться родителям. Находясь на седьмом месяце беременности, Лора все время проводила за шитьем и вязанием, а Жослин с умилением взирал на жену. Если Эрмин заводила речь о долгом отсутствии мужа, то слышала успокаивающие слова, которые, однако, звучали довольно равнодушно.

— Тебе повезло, что твой муж предпочитает работать, а не сидеть на шее у семьи своей жены, — говорила ее мать. — Пишет он тебе регулярно. Он старается сделать как лучше.

— Мужчине в расцвете сил, такому, как Тошан, нужны свобода и занятие, — слышала она от отца. — Не сердись на него, он привык ни от кого не зависеть!

В прошлое воскресенье Эрмин пожаловалась было Бетти, но та сказала с ободряющей улыбкой:

— Ты девчонка из Валь-Жальбера, Мимин! Здесь, спасибо фабрике, мужья возвращались к своим женам каждый вечер, но в других регионах эти господа проводят с семьей в лучшем случае шесть месяцев в голу. Я сразу предупредила Жозефа, что хочу видеть моего супруга дома как можно чаще. Не придумывай себе забот, Тошан скоро вернется, и в следующем году у тебя будет еще один малыш!

По ребенку в год — этой мечте милой Элизабет Маруа так и не суждено было сбыться. Она чувствовала себя виноватой в том, что не смогла родить мужу много детей.

Словом, по мнению родственников и соседей, Эрмин полагалось радоваться сложившемуся положению вещей, но у нее это не слишком-то получалось.

— Какие мрачные мысли? — спросила Шарлотта.

Молодая женщина ласково посмотрела на свою маленькую спутницу. Шарлотта из девочки уже начала превращаться в девушку: движения ее стали более грациозными, росла грудь.

— Я говорю себе, что сама во всем виновата, — сказала она. — Я воспользовалась непредвиденным отъездом мужа, чтобы начать работать над голосом и петь, как только мне этого захочется. Репетиции с мадемуазель Каликст настолько занимают мой ум, что я не замечаю, как летят недели! Мадлен так хорошо кормит малышей, что они стали для меня не заботой, а удовольствием. Я играю с ними, укладываю спать и вывожу на прогулку, как сегодня, — сплошная радость! Мне не пришлось

постирать ни одной грязной пеленки, да и меняю я их нечасто. Настоящая дама из высшего общества!

Эрмин шутила, но в голосе ее слышалось сожаление. Она упрекала себя, что так легко приняла все то, что облегчало ей жизнь.

— Я совсем избаловалась! Если я перееду жить на берег Перибонки, Тошан по-прежнему будет работать далеко от дома. Это значит, что по полгода я буду жить одна с тремя детьми. Мадлен не жалуется, но я знаю, что она ждет не дождется сентября, когда сможет уехать в Шикутими, к сестрам конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей. И меня преследует мысль, что я предала своего мужа. Или, скорее, поступила вопреки его воле.

Эрмин присела на нижнюю ступеньку крыльца дома, где некогда проживала приятная в общении вдова Мелани Дунэ. Шарлотта, на личике у которой появилось озабоченное выражение, опустилась рядом.

— Мимин, если ты и правда уедешь, что я буду здесь делать? Ты должна взять меня с собой. Я очень люблю Лору и Мирей, но тебя — намного больше! Я буду тебе помогать! Буду убирать и готовить. И следить за Мукки.

— Нет, дорогая, в начале осени мама хочет отправить тебя в пансион, чтобы ты смогла стать учительницей.

— Я и так уже все знаю! И не хочу учиться! Эрмин, не бросай меня!

И девочка, прижавшись к старшей подруге, разрыдалась.

Она плакала так горько, что Эрмин расстроилась.

— Шарлотта, ты же знаешь, что я рада бы взять тебя с собой, но это было бы эгоистично. Тебе нужно получить профессию. Она пригодится тебе в будущем.

— Вовсе нет! Ты станешь певицей, как говорит твой отец, и я буду всегда ездить с тобой, буду твоим гримером, твоей горничной! Мимин, умоляю, возьми меня с собой! А вдруг Лора и Жослин решат отдать меня назад отцу или Онезиму? Его жена, Иветта, терпеть меня не может!

Эрмин погладила девочку по волосам, густым и волнистым.

— Если не перестанешь, я тоже заплачу, — сказала она. — Не бойся, я сделаю для тебя все, что смогу. Нужно только дождаться ответа от Тошана. Я рассказала ему о моих планах и теперь хочу, чтобы он рассказал о своих. На этот раз я никому не буду врать, тем более своему мужу. Я написала, что собираюсь на прослушивание в будущем месяце, потому что пение приносит мне счастье, оно наверняка мой невидимый путь!

— Что такое «невидимый путь»? — удивилась Шарлотта.

— Когда я познакомилась с Тошаном, он рассказывал много интересного о верованиях индейцев. Они считают, что в мире для всех есть

невидимые пути и каждый должен найти свой. Тошан сказал, что наши невидимые пути пересеклись не случайно — это знак, что мы должны быть вместе. И, думаю, это правда. Еще он рассказывал мне о свойствах круга — геометрической фигуры, которой индейцы придают большое значение. Линия нашей жизни должна описать круг...

Шарлотта вздохнула. То, что говорила молодая женщина, было и забавно, и странно. Эрмин добавила более серьезным тоном:

— Я люблю Тошана всей душой, но мне не всегда легко его понять. Надеюсь, что ты выйдешь замуж за простого и очень доброго парня.

— Может быть, — ответила Шарлотта, втайне подумав о Симоне Маруа.

— Давай-ка вернемся! Мирей обещала испечь пирог с орехами пекан к полднику. Я рада, что наконец отправила это письмо. Тошан будет знать правду. Если он запретит мне ехать в Квебек, тем хуже!

— Если ты говоришь «тем хуже», значит, ты не поедешь? — спросила девочка.

— Я хотела сказать, тем хуже для него. Я поеду во что бы то ни стало! — ответила молодая женщина. — Если хочет мне помешать, то пусть поторопится вернуться!

Ответ Тошана пришел десять дней спустя. Несколько минут Эрмин не решалась разорвать конверт. С тревогой в сердце она вертела письмо в пальцах. Ее супруг мог сообщать в нем о своем скором возвращении, обрушить на нее град упреков, запретить уезжать из Валь-Жальбера. Она молилась в надежде прочесть слова, полные любви и понимания.

«Я думала, что мне не будет дела до его мнения, но это оказалось не так, — размышляла она, держа конверт в руке. — Я позвонила Октаву Дюплесси, и он назначил прослушивание на восемнадцатое мая. Послушать меня придут директор Капитолия и другие специалисты. Папа едет со мной. Я сама не своя от страха. В мире театра это называют «мандраж» — страх перед выходом на сцену. Это слово мне подсказала мадемуазель Каликст. У меня мандраж!»

Испытывая огромную тревогу, она решилась наконец прочесть написанные фиолетовыми чернилами строки, адресованные ей Тошаном.

«Эрмин, любимая!

Эти четыре месяца без тебя стали для меня сплошной мукой, но, увы, мы увидимся только в июле. Прошу, пришли мне по почте фотографии наших девочек и моего маленького Мукки, я буду очень рад и смогу

показать своих детей товарищам по работе, они очень славные парни. Единственное, что в нашей разлуке хорошо, так это то, что я неплохо зарабатываю и мало трачу. Как я уже писал тебе в прошлом письме, я выслал денег моему кузену Шогану. На них он сможет починить лачугу, в которой обитает с семьей и где будет жить моя мать, потому что хижину и участок она оставляет нам. Так что у нас с тобой будет достойное жилище. Чем больше я заработаю, тем лучше смогу обустроить наш дом. Любимая, не сердись на меня за то, что я так решил. Если увидишь Пьера Тибо, договорись с ним уже сейчас, чтобы он переправил тебя через озеро Сен-Жан в начале июля. Я тебя встречу, и с какой радостью!

Больше всего на свете мне хочется оказаться наедине с тобой и нашими детьми! Ответь мне поскорее, потому что я давно не получал от тебя письма.

Любящий тебя Тошан»

— «Любящий тебя Тошан»! — вслух прочла Эрмин. — Но это странно! Можно подумать, он не получил мое последнее письмо! «Я давно не получал от тебя письма»... Господи, но ведь мы с папой через шесть дней уезжаем!

Молодая женщина точно не знала, в какой горнодобывающей компании трудится ее муж. Она была в кабинете Лоры и с недоверием смотрела на телефонный аппарат. Его установили три недели назад.

«Мама использует его, улыбаясь от гордости! Она совершенно спокойно звонит своему управляющему в Монреаль, а я едва смогла поговорила с Октавом Дюплесси! Мне почти ничего не было слышно, я кричала в трубку... Вот бы позвонить Тошану, сказать, что еду в Квебек! Я не собираюсь ничего делать у него за спиной. Я ненавижу вранье!»

Эрмин заперлась на ключ и погрузилась в чтение телефонного справочника. У нее было немного свободного времени: Мукки играл в гостиной под присмотром Лоры и Жослина, а Мадлен с двойняшками сидела на втором этаже, в спальне. Благодаря девушке-оператору после многочисленных бесплодных попыток и несвязных разговоров молодой женщине наконец удалось поговорить с одним из управляющих компании, на которую работал Тошан. Он пообещал, что супруг сегодня же вечером перезвонит ей на указанный номер.

День показался Эрмин бесконечным. Она не могла есть, поэтому довольствовалась чаем и теплым молоком. Ее беспокойство росло с каждым часом. Однако она сумела скрыть его от родителей.

Пронзительный металлический звонок аппарата раздался за несколько минут до ужина.

Лора направилась в коридор, но Эрмин жестом остановила мать.

— Это Тошан, мама. Он в письме предупредил, что позвонит. Мы должны пользоваться достижениями прогресса!

Бледная, с трясущимися руками, она побежала в кабинет. Мать не настаивала. Она вернулась в столовую к Жослину, сложив руки на округлившемся животе. Этот жест умилял будущего отца с полысевшей головой и седыми усами. Он подмигнул ей, словно желая сказать: «Оставим в покое этих влюбленных супругов! Иди лучше ко мне!»

Эрмин чувствовала, что еще немного — и она потеряет сознание. Сердце колотилось у нее в груди. Прижав к уху трубку из бакелита, она стала слушать.

— Эрмин? Это Тошан! Что случилось? Я так испугался, когда патрон сказал, что я должен тебе позвонить! Кто-то из детей заболел?

— Все в порядке, не волнуйся, — проговорила она, запинаясь от волнения, так была рада слышать его голос. — Я отправила тебе письмо десять дней назад, ты его не получил?

— Нет! И уже начал волноваться, — ответил он.

— А я получила твое, и знал бы ты, как обрадовалась!

— Так что случилось?

— Тошан, я так по тебе скучаю! — сказала она и заплакала. — Ты уехал от меня через две недели после моих родов, ты помнишь? Ты был так мне нужен!

Слезы душили ее, когда она говорила мужу о своих чувствах к нему, о том, что не понимает, почему он так поступает.

— И ты устроила этот переполох, чтобы сказать мне это? — рассердился ее муж на другом конце провода. — Думаешь, я не тоскую в разлуке с вами? Довольно было бы и письма!

Эрмин заставила себя рассказать мужу о запланированной поездке. Набрав в грудь побольше воздуха, она выпалила несколько сбивчивых фраз.

— Что? — взвился Тошан. — Едешь в Квебек на прослушивание? И что, по-твоему, я должен сказать, если ты ставишь меня перед фактом? Поезжай, если это тебя позабавит, но когда вернешься, собирай вещи, потому что этим летом мы перебираемся на Перибонку! Уложи их в ящики, свяжи в узлы! Возьми с собой все, что может понадобиться зимой. В следующем письме я дам тебе мои указания. Целую тебя, дорогая. Сегодня вечером я заступаю на ночную смену.

— Тошан, я люблю тебя! Спасибо, что не ругаешь за поездку. Я тоже тебя целую!

Повторяющиеся гудки дали понять, что муж повесил трубку. Эрмин почувствовала себя еще хуже, чем накануне. Тревога и страх никуда не делись.

— Ненавижу этот аппарат! — пожаловалась она. — А Тошан мог бы поговорить со мной и подольше!

Жослин постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа. Он посмотрел на дочь и нашел ее очаровательной в золотистых вечерних сумерках.

— Твой муж в порядке? — спросил он. — Но ты плачешь! Что случилось?

Эрмин прижалась к отцовскому плечу, еще раз поймав себя на том, что удивляется, насколько близким ей стал человек, которого еще год назад она даже не знала. Узы крови быстро вступили в свои права благодаря взаимопониманию и многим часам, проведенным в беседах.

— Папа, я так счастлива, что ты с нами! Каждый раз, когда я смотрю на вас с мамой, вижу, что сбылась моя мечта! Я говорю себе, что мои родители наконец вместе...

— Для меня это тоже сбывшаяся мечта, дочка! Скажи своему отцу, что тебя огорчает?

Она несколькими фразами обрисовала ситуацию. Жослин улыбнулся.

— Ты быстро осваиваешь технические новинки! Тошан, наверное, не привык говорить по телефону. Если он звонил тебе из помещения, где полно людей, то наверняка чувствовал себя не в своей тарелке.

— Но дело не в этом! — пожаловалась Эрмин. — Почему он решил работать в Вальдоре, так далеко отсюда, и даже не заехал к нам, когда переезжал туда?

Об остальном молодая женщина предпочла умолчать. Ее родители не были в курсе планов своего зятя. Она без конца откладывала разговор, который станет весьма болезненным — в этом Эрмин не сомневалась.

— Дорогая, забудь ненадолго свои супружеские огорчения, — попросил Жослин. — Я с нетерпением жду дня, когда мы поедем в Квебек. Когда я жил в санатории, мне было очень скучно, поэтому я много читал. История нашей страны захватывает, потому что это земля эмигрантов, колонистов. Я очень хочу, чтобы мы вместе посетили Шато-Фронтенак^[51], живописный порт и равнины Абрахама. Известно ли тебе, что это Жак Картье, француз, бретонец, открыл Канаду и дал ей это название? Благодаря этому великому человеку на карте появились залив и река Сен-Лоран! Он первым описал эти земли с населяющими их животными и

птицами. Представляешь себе француза, который столкнулся в лесу со старым лосем?

— Папа, я прекрасно знаю, кто такой Жак Картье, и его биографию, — вздохнула Эрмин. — Сестры хорошо преподавали нам историю. Но ты можешь стать моим гидом. Я тоже горю желанием увидеть Квебек. Жаль, что мама не поедет с нами...

— Доктор запретил, — отозвался ее отец. — Никаких поездок на поезде или на корабле! Поэтому Шарлотте придется остаться дома: твоя мать, в ее положении, не сможет все время присматривать за Мукки.

Эрмин кивнула. Девочка, узнав, что не поедет, очень огорчилась, а это, в свою очередь, огорчило Эрмин.

«А вдруг это единственная возможность показать ей большой город! — подумала она с сожалением. — Моя дорогая крошка Шарлотта, только чтобы утешить тебя, мы вместе непременно еще раз поедem в Квебек!»

Наконец наступил день отъезда. Все домочадцы пребывали в смятении. Мадлен тихо всхлипывала, Мирей тоже. Эрмин снова и снова целовала своих малюток, с трудом сдерживая слезы. Лоранс и Мари, которым исполнилось по четыре с половиной месяца, похоже, нравилось всеобщее оживление. Лора перечисляла Жослину вещи, которые он должен был приобрести для их будущего малыша.

— Не забудь ничего, я не куплю этого ни в Робервале, ни в Шамборе!

Мукки с плачем цеплялся за мать, что совсем не было на него похоже. Шарлотта старалась казаться веселой, но и у нее на личике нет-нет да и появлялось расстроенное выражение. Мадемуазель Каликст зашла попрощаться. Они провели множество репетиций вместе, и она сочла необходимым подбодрить Эрмин.

— Соловей из Валь-Жальбера взлетает! — с улыбкой объявила она. — Вы очаруете своих слушателей, Эрмин! В этом не может быть сомнений!

— Спасибо, очень любезно с вашей стороны! — ответила та, заранее холодея от страха.

— Что ты будешь исполнять? — спросила Лора.

— Мама, я же тебе только что говорила! «Арию с колокольчиками» и арию Маргариты из «Фауста».

— Ну, конечно! Ту самую, в которой несчастная призывает на помощь небесных ангелов, — вспомнила ее мать. — И больше ничего?

— Еще не знаю, мама. Когда вернусь, расскажу тебе все очень подробно, обещаю!

Лора крепко обняла Эрмин. Она с таким удовольствием поехала бы

вместе с мужем и дочерью, поделила бы с ними волнение!

— Это несправедливо! — заключила она. — Мне так хочется поехать с вами!

Прощание длилось долго.

Когда они с Эрмин устроились в вагоне, Жослин испустил долгий вздох.

— Какая авантюра! — сказал он. — Мы чуть было не пропустили наш поезд! Как ты себя чувствуешь, дорогая?

— Я очень устала, папа, — призналась молодая женщина. — И у меня тяжело на сердце. Мне непривычно оставлять детей дома! Я никогда не уезжала от них на несколько дней. Я не очень хорошая мать!

— Конечно, ты хорошая мать! Не говори глупостей!

— Я начинаю понимать доводы Тошана против того, чтобы я становилась певицей, — сказала она. — Другие женщины во главу угла ставят свою семью, дом, а я на это не способна!

— Мало у кого из них такой талант, как у тебя! — воскликнул Жослин. — Не попробовать себя на сцене для тебя означало бы просто зарыть его в землю!

И он сжал руку дочери, глядя на нее с безграничным обожанием. Состав тронулся с лязгом и свистом. На перроне Шамбор-Жонксон послышались последние прощальные крики провожающих. Эрмин вспомнила предыдущий отъезд. Тогда она держала на руках Мукки...

— Слишком поздно, с поезда уже не сойдешь! — пошутил Жослин. — Будет забавно проехать мимо вокзала Лак-Эдуара. На этот раз рядом со мной будешь ты. Теперь все по-другому.

— Да, это правда. Какое все-таки чудо, что ты освободился от этой ужасной болезни! — отозвалась она. — Добрый Господь сотворил его для нас!

Он кашлянул, подумав, что не Бог, а влюбленная красавица индианка вырвала его из когтей смерти.

«А я показал себя неблагодарным тогда, в первый день нового года, — подумал мужчина. — Мне нужно было быть радушнее, обходительнее. Моя холодность показалась Тале унижительной».

Невольно мысли его переключились на Тошана. В последнее время он думал о зяте со смутным беспокойством. Поведение молодого метиса казалось ему странным, даже если в присутствии дочери Жослин и говорил обратное. Если зять узнал правду, он никогда не вернется в Валь-Жальбер.

— Папа, преподай мне еще один урок истории, — ласково попросила

Эрмин. — Если ты не будешь со мной разговаривать, я стану скучать по малышам, Шарлотте и маме!

— Если так, я не буду молчать ни минуты! — ответил он с улыбкой.

Эрмин хотелось плакать. Тошан открыто не запретил ей ехать в Квебек, но он отнес прослушивание в разряд забав.

«В глубине души он наверняка злится. Он не осмелился мне запретить, потому что вокруг были люди... Потом я сделаю все, как он захочет, буду жить в хижине Талы. Мы пробыли в разлуке много месяцев. Я сама не своя без него...»

Жослин воспользовался молчанием дочери, чтобы сказать:

— Знаешь, что меня всегда поражало? Как смогли выжить первые колонисты, ведь им пришлось очень тяжело. Когда наши предки высадились на эти земли, они ничего о них не знали. Многие сильно пострадали во время своей первой жестокой канадской зимы. Они не были готовы к такому сильному холоду. На первых порах индейцы помогали белым, давали лекарства против цинги, страшной болезни, которой заболевают все на корабле во время длинных путешествий, а на земле — в течение продолжительных зимовок, когда нет свежих овощей и фруктов. Большинство наших небольших городов появились на месте фактории. Монтанье и гуроны быстро поняли, что могут заработать деньги или предметы обихода, продавая меха, но и переселенцы это поняли тоже.

— В Тадуссаке, где родилась наша милейшая домоправительница, была одна из первых факторий, — сказала Эрмин. — Жаку Картье это место очень понравилось. Я мечтаю однажды поплыть туда на корабле. Это в устье Сагеней, там, где река впадает в Сен-Лоран. Мирей мне все подробно описала. Еще она рассказывала о мысе Троицы — утесе высотой девятьсот футов, на котором возвышается огромная статуя Пресвятой Девы.

— Я видел ее, будучи юношей! — сказал Жослин. — Это было в 1900 году! Я путешествовал вместе с отцом, который рассказал, что статуя Нотр-Дам-де-Сагеней была возведена после того, как с неким Шарлем-Наполеоном Робитайем, торговцем, приключилось несчастье. Он переезжал через озеро по льду, и лед под ним треснул. Он решил, что пропал, и обратился к Деве Марии с просьбой о спасении. И о чудо! Минуту спустя он оказался живым и невредимым на другой стороне разлома. Господин Робитай был так счастлив, что решил на свой манер поблагодарить Пресвятую Деву. Говорят, что изваяние сделано из сосны, но покрыто тончайшими свинцовыми пластинами, которые до сих пор защищают его от дождя и снега. Может, вернемся в Шикутими на корабле?

Как тебе эта идея?

— С удовольствием! Но пока я не пройду прослушивание, я ни о чем не смогу думать спокойно. На обратном пути созерцание пейзажей доставит мне больше удовольствия.

Они еще какое-то время тихо беседовали. Жослин пытался развеселить дочь, нервозность которой была очевидна. Она была бледна, с рассеянным взглядом, и без конца теребила в пальцах шелковый платочек, который скоро совершенно потерял форму.

За окном проплывали очень красивые, но слегка однообразные пейзажи. С обеих сторон железнодорожного пути тянулись леса. Жослин становился внимательнее, когда поезд проезжал мимо какого-нибудь населенного пункта. Он показал дочери реку, вода в которой после таяния снегов стояла высоко. Потом они вместе перекусили продуктами, заботливо собранными для них Мирей, и Эрмин задремала.

Когда состав остановился на вокзале Лак-Эдуара, молодая женщина распахнула удивленные глаза.

— Где это мы? — спросила она сонно.

— Недалеко от санатория, в котором я тебя увидел после стольких лет, моя дорогая крошка, — ответил Жослин. — Господи, каким же я был несчастным в то время! Но все переменялось, не так ли? Мы ходим в главный собор в Квебеке и зажжем свечку в знак благодарности Господу за то, что он послал нам столько счастья!

Эрмин, растроганная словами отца, кивнула. Она смотрела, как в Лак-Эдуаре сходят с поезда пассажиры.

— Ты прав, папа. Иногда случаются невероятные вещи! Если бы в ту зиму с локомотивом не случилась авария, я бы не попала ночевать в санаторий. И ты бы не узнал, что мама жива. Это наводит на мысль, что все в нашей жизни уже предрешиено...

Эрмин нежно улыбнулась отцу. Поезд снова тронулся. Она подумала о дорогой ее сердцу сестре Викторianne. Пожилая монахиня наверняка продолжала трудиться в санатории.

— Мне бы хотелось больше путешествовать! Я могла бы поцеловать сестру Викторianne, если бы у нас было время задержаться в Лак-Эдуаре. Но она бы не обрадовалась, узнав, что я еду в Квебек. Я провела ночь у нее в комнате, и она настоятельно советовала мне отказаться от мыслей о карьере певицы.

— И это понятно! В большинстве своем монахини твердо убеждены, что долг матери и супруги — служить семье, — заметил отец. — Я же придерживаюсь, скорее, мнения Жозефа. Когда он еще был твоим

опекуном, то попытался заработать на твоём таланте, хотя и не стал в открытую его эксплуатировать. Но чутье-то у него было!

— Конечно! — вздохнула молодая женщина. — Я говорила, что в Лак-Эдуаре познакомилась с очень приятной женщиной? Ее зовут Бадетта, она журналистка. Она такая милая! И именно ее ты должен благодарить за мой концерт. Она настояла, чтобы я спела для пациентов санатория.

— Если так, я благодарен ей по гроб жизни! — сказал он.

— Бадетта живет в Квебеке. Но я никогда с ней не увижусь.

— Никто не знает, что готовит ему будущее, дорогая, — сказал дочери Жослин с ласковой улыбкой на устах.

В вагоне было очень тепло. Молодая женщина снова уснула. Сон спасал ее от волнения, или, вернее, мандража, не отпускавшего ее ни на мгновение, и позволял не вспоминать ежесекундно о детях. Отец ее вовсе не обиделся, он просто погрузился в чтение «*La Presse*». Мужчина наслаждался присутствием дочери и, пока она спала, мог вдоволь налюбоваться ею. Но после полудня Эрмин проснулась и на этот раз сама завела бесконечный разговор о партиях, которые ей хотелось бы исполнить на сценах известнейших театров Европы, где выступали самые знаменитые оперные исполнители, в том числе великий Карузо.

В семь тридцать вечера поезд прибыл на вокзал Гар-дю-Пале, конечную остановку. Эрмин сидела, прижавшись носом к стеклу, открывая для себя Квебек. Она увидела бесчисленные дома, крыши и печные трубы и, кроме того, манящий силуэт Шато-Фронтенака на вершине Бриллиантового Мыса. Возникновение этого названия тоже было связано с именем Жака Картье, французского исследователя, который у прибрежных скал нашел блестящие камешки. Он подумал было, что это алмазы, но образцы, привезенные во Францию в 1542 году, на поверку оказались кварцем. Словно в насмешку, последующие поколения назвали мыс Бриллиантовым.

— Папа, какой этот город огромный! Я, глупая, и не подозревала, что такие бывают! Я ведь знаю только Роберваль, Шамбор и Валь-Жальбер...

— Ты бы совсем голову потеряла, увидев Нью-Йорк, дорогая! — отозвался Жослин, надевая свою шляпу и пиджак. — Я пытался найти там работу, но прожил в городе всего неделю и решил вернуться в сельскую местность.

Лора позаботилась о том, чтобы супруг выглядел элегантно. В костюме-тройке и белой рубашке Жослин был весьма импозантен. Эрмин вдруг посмотрела на отца по-новому. Он редко делился с ней воспоминаниями о годах своих странствий.

— Я видела фотографии Нью-Йорка, — сказала она. — Они впечатляют!

Отец и дочь обменялись улыбками, спеша поскорее покинуть вагон. Первый шок ожидал молодую женщину, когда она вышла из здания вокзала. Тот показался ей похожим на замок с двумя заостренными башнями возле главного входа, над которым красовалось витражное окно. Здание было великолепным и немаленьким. Построенное в 1915 году, оно служило отправной точкой на пути в Монреаль по северному берегу, и в Гаспези, через мост Квебека — по южному.

Жослин подошел к такси. Эрмин, совершенно потерянная, шла за ним. Ее оглушал шум с проезжей части, где грохотали трамваи^[52] и гудели моторы автомобилей. Вокруг сновали обремененные багажом многочисленные путешественники.

— Куда мы едем, папа? — спросила она тихим испуганным голосом.

— Сначала в отель, дорогая. Не бойся! А то по твоему испуганному виду все поймут, что ты приехала с дикой окраины страны.

— Мне все равно! — отозвалась молодая женщина, прячась на заднем сиденье автомобиля.

В это мгновение Эрмин от всего сердца сожалела, что устроила прослушивание в Капитолии. Отец сел с ней рядом и протянул ей руку, словно она была маленькой девочкой.

— Наша дорогая Лора предусмотрела все, — сказал он. — Мы остановимся в Шато-Фронтенак. Сегодня вечером, после ужина, сможем прогуляться по Террас-Дюферрен. Говорят, вид на Сен-Лоран просто великолепен. И оденься понаряднее, я хочу пройтись с тобой под ручку!

— Мама одолжила мне два своих платья. Думаю, я тебя не опозорю.

— Ты — и вдруг опозоришь? — возразил он. — Такого просто быть не может! Ты такая красавица, моя девочка!

— Папа, но ведь номер в этом отеле, наверное, стоит огромных денег! Я читала проспект, в котором расхваливалось это заведение. Оно роскошное! Маме не следовало платить столько, ведь она постоянно жалуется на кризис. Завод Шарлебуа в Монреале работает вполсилы. Я не хочу, чтобы она разорилась!

— Ты не в курсе дел твоей матери. Я тоже знаю не многим больше, — сказал Жослин. — Но я могу кое-что тебе сообщить: она продала дом Фрэнка Шарлебуа каким-то американцам. И благодаря этой выгодной сделке мы сможем прожить остаток дней в изобилии. Мне это не по нраву, но с тех пор прошло уже несколько месяцев, и я смирился. Когда я написал об этом моей сестре Мари, ответное письмо было куда менее язвительным,

чем прежние. Думаю, летом она приедет к нам в Валь-Жальбер посмотреть на твоих малышей.

Молодая женщина была удивлена. В некоторых случаях ее родители проявляли поразительную сдержанность.

«Но этим летом меня в Валь-Жальбере уже не будет, — подумала она. — Я не собираюсь ссориться с Тошаном. Я перееду жить в хижину Талы, как он того хочет. Во всяком случае, там я чувствую себя лучше, чем в этом городе».

При виде Шато-Фронтенак она забыла о своих сомнениях и страхах. Величественный фасад розового камня, большая башня и ряды окон, крыши и башенки — все было залито пурпурнозолотыми лучами заходящего солнца. Онемев от восторга, Эрмин застыла перед зданием, у подножия которого царило оживление, словно в муравейнике. Туристы, торопящиеся на свидания и прогулки, проходили по выложенной плитами набережной с беседками из чугуна и кованой стали. Многие стояли, опершись о парапет, откуда открывался прекрасный вид на старинный порт и реку Сен-Лоран. В лавандового цвета небе летали чайки.

— Мы остановимся здесь? — спросила Эрмин едва слышно, опасаясь выглядеть смешной в глазах таксиста.

— Да, как и многие приезжие, — сказал Жослин. — На самом деле Шато-Фронтенак построили, чтобы развивать в регионе туризм класса люкс. Это была идея железнодорожной компании «*Canadian Pacific Railway*». Говорят, архитектурным решением он напоминает французские замки эпохи Ренессанса. Завтра мы побываем в Крепости. Раньше на этом месте был другой замок — Сен-Луи. Идем, нам пора выходить!

— Сколько всего ты знаешь, папа! — сказала она с изумлением.

— Просто у меня хорошая память, и я целыми днями роюсь в книгах, — пошутил Жослин. — Временами у меня получается строить из себя умника!

С чемоданчиком в руке Эрмин прошла несколько шагов до входа в отель. Увидев свое отражение в зеркальной двери, она вновь обрела уверенность в себе. Она ничем не отличалась от остальных женщин своих лет, которых успела здесь увидеть. И вдруг, несмотря на то, что она чувствовала себя смущенной и потерянной среди всех этих незнакомых людей, Эрмин пришла поразительная мысль.

«Если бы я стала такой же знаменитой, как Энрико Карузо или Эмма Лаженесс, если бы все эти люди аплодировали мне, когда я стояла бы на сцене в костюме героинь, которых так хочу сыграть, — было бы глупо дрожать при мысли, что я могу выглядеть смешно или странно! Все

смотрели бы на меня, все знали бы, кто я такая! Господи, но это амбиции, это гордыня!»

Религиозное воспитание мгновенно напомнило о себе. В детстве ее учили быть скромной и милосердной. Чуть ли не испуганная собственным желанием славы, Эрмин едва обратила внимание на роскошное убранство холла. В сопровождении служащего в красивой красной ливрее они с отцом вошли в лифт. Жослин дал ему чаевые, когда тот оставил в первой комнате номера их багаж. Двустворчатая дверь вела во вторую комнату. Великолепие ковров, занавесей, мебели и постельных принадлежностей восхитило отца и дочь. На стенах, оклеенных узорчатыми обоями медового цвета, висели картины с видами города.

— Папа, это просто невероятно! — сказала молодая женщина после продолжительного молчания.

— Я никогда не бывал в таком роскошном месте, — отозвался ее отец. — Моя Лора была бы на седьмом небе, увидь она эту красоту!

— Вам нужно приехать сюда вдвоем, если у мамы после нашей с тобой поездки останется в кошельке хоть пара долларов, — пошутила Эрмин. — А ведь в стране до сих пор экономический кризис! Представляешь, сколько денег она заплатила за один только номер? Я назвала бы это несправедливостью, пустой тратой денег.

— Но что с этим можно поделать? — возразил Жослин. — Тем более что этот отель дает работу не одному десятку человек!

Он обошел комнату, неуверенно открыл шкаф, похлопал по кровати, испытывая смутное чувство уважения к тому, что его окружало. Потом приблизился к окну и открыл его.

— Подойди сюда, дорогая! Не задавайся вопросами и не мучайся больше угрызениями совести. Посмотри!

День никак не хотел угасать. Кроваво-красные отблески трепетали на темных водах Сен-Лорана. Город, раскинувшийся на его берегах, постепенно зажигал свои огни, и они были похожи на звезды, упавшие с неба, чтобы украсить старинные кварталы, превратив их повседневное одеяние в праздничный наряд.

Снизу доносились звуки музыки: в одной из беседок на Террас-Дюферрен оркестр играл вальс. Эрмин проследила глазами за медленным движением грузового судна, направлявшегося в океан. Она подумала о Тошане, который сейчас находился в маленьком рабочем городке и жил, вне всяких сомнений, в бараке.

«Тот, кого я люблю, отдает все силы тяжелой работе далеко-далеко от меня. И он хочет, чтобы мы жили вместе в затерянном уголке, где он

родился. А я — здесь, в этом сказочном замке, люблюсь прекраснейшим в мире видом! Но его нет рядом...»

От отца она предпочла скрыть свою печаль. Пройдя через вторую комнату, Эрмин обнаружила ванную, такую же роскошную, как и все в номере.

«Сегодня вечером я приму ванну, — пообещала она себе. — А сейчас мне пора переодеться к ужину».

Она выбрала бледно-зеленое платье, элегантное, но очень строгого кроя. Мать одолжила ей жемчужное ожерелье, нежное сияние которого подчеркивало светлую кожу молодой женщины. Она распустила узел на затылке и расчесала свои длинные светлые волосы. Каковы бы ни были требования моды, Эрмин ни за что не соглашалась их обрезать.

Отец нашел ее восхитительной. Они поужинали в ресторане отеля под люстрами со сверкающими подвесками. Эрмин заказала креветки и филе семги, а на десерт — мороженое со взбитыми сливками. Есть не хотелось; Эрмин казалось, что начался обратный отсчет, неумолимо приближающий час прослушивания. Жослин с удовольствием съел свою говяжьё отбивную с перцем и кусок шоколадного торта. За столом они обменялись всего несколькими невинными фразами, поскольку оба стеснялись говорить: вокруг беседовали другие клиенты ресторана, звенела посуда.

И отец, и дочь испытали облегчение, оказавшись на Террас-Дюферрен. Ночь была прохладной, ветер принес откуда-то изысканный аромат цветов и скошенной травы, к которому примешивался более крепкий запах соленых вод Сен-Лорана.

— Давай пройдемся до крепости, — предложил Жослин. — Я читал, что Квебек был одним из немногих укрепленных городов в Канаде и даже во всей северной Америке. Стены этой крепости — свидетели нашей истории!

Военное прошлое города интересовало молодую женщину меньше всего. Ей не терпелось увидеть Капитолий и торговые улочки с их магазинами.

— Завтра я куплю подарки для Мукки, Шарлотты, мамы и Мирей, — сказала она с уверенностью. — Двойняшки еще такие маленькие, что было бы глупо привозить им игрушки. Господи, я забыла о Мадлен, хотя точно знаю, что ей подарить — молитвенник и серебряные четки!

— Мне тоже нужно сделать покупки, — пожаловался ее отец. — Лора хочет пеленать нашего малыша в английские пеленки! Еще нужны качественные погремушки и башмачки. Мы пойдем в квартал Сен-Рош, на улицу Сен-Жозеф^[53], там много хороших магазинов. И очень многолюдно.

А послезавтра, доченька, ты пройдешь прослушивание.

— Увы, я только об этом и думаю! — призналась она. — Не знаю, какое платье мне надеть, как причесаться, и еще мне кажется, что я не смогу произнести ни звука!

Несмотря на ласковые и ободряющие слова отца, ей не хватало женского общества. Наивная вера Шарлотты или пламенный энтузиазм матери — она нуждалась в них как никогда, равно как и в их советах и улыбках.

Осмотрев ворота Крепости и ее бесконечно длинные стены, они вернулись в Шато-Фронтенак. Оставшись в комнате одна, молодая женщина отдалась детскому восторгу, осматривая роскошный декор места, где ей предстояло уснуть. Она села в ванну и расслабилась в теплой душистой воде, а выйдя из нее, какое-то время рассматривала в зеркале свое перламутрово-белое обнаженное тело в крошечных блестящих капельках влаги.

Через пять месяцев после родов формы ее поражали своим совершенством. Пусть и не такая худенькая, как в подростковом возрасте, Эрмин оставалась стройной, с крепкими круглыми грудями, тонкой талией и бедрами римской Венеры. Закрыв глаза, она позволила себе предаться эротической грезе. Тошан был с ней, и тоже абсолютно нагой.

«Я бы протянула руки и погладила его по гладкой, мускулистой груди... Он обнял бы меня и с улыбкой подтолкнул прямо к кровати!»

Она сдержала вздох сожаления. Желание любви преследовало ее. Но Эрмин взяла себя в руки и надела ночную сорочку. Устроившись на шелковистых простынях, она какое-то время лежала без сна, зная, что чуда не случится — Тошан не появится из темноты, чтобы обрадовать ее ласками, взять ее и подарить пронзительное удовольствие, настоящий экстаз.

— Тошан, любимый, прости меня, — пробормотала она.

Эрмин не знала точно, за что просит прощения. Они с мужем жили в разлуке с первого дня нового года, и теперь это вдруг показалось ей абсурдным.

Она довольно быстро заснула, утомленная поездкой и переменой места.

На следующий день Жослин сдержал слово: они посетили самое сердце Квебека и прошли по улице Сен-Жан, где полюбовались монументальным фасадом Капитолия. Знаменитый театр, постройка которого завершилась в 1903 году, часто называли Аудиториумом. В построенном из розового кирпича, как и Шато-Фронтенак, здании имелись,

кроме прочего, кинотеатр и кабаре, где можно было поужинать и одновременно посмотреть представление. Также на театральной сцене ставились оперетты, оперы, выступали артисты.

— Папа, мне страшно, — позднее призналась Эрмин.

— Не надо бояться! Лора порекомендовала мне купить для тебя платье, если возникнет необходимость. Похоже, даме для храбрости просто необходим новый наряд! Давай выберем для тебя подходящую материю.

Слова отца позабавили молодую женщину. Они сели в такси и отправились на улицу Сен-Жозеф с ее многочисленными магазинами.

— Ты не забыла, что сегодня мы ужинаем с Октавом Дюплесси? — спросил у нее Жослин. — Встреча назначена в отеле на семь вечера.

— Разве я могла забыть об этом! — возмутилась она. — Хотя я бы предпочла более скромную трапезу, с тобой.

Эрмин робела при мысли о новой встрече с импресарио. Она прекрасно помнила этого мужчину с правильной речью и прямолинейными манерами. Но обилие витрин и широкий выбор товаров, каких она никогда не видела ни в Валь-Жальбере, ни в Робервале, в конце концов отвлекли ее. Она купила платье из бледно-голубого муслина с широкой юбкой и приталенным корсажем. Поясок подчеркивал ее тонкую талию.

— Я надену его сегодня вечером и завтра на прослушивание, — сказала она отцу.

Жослин не был знатоком женской моды, но, живя с Лорой, научился высказывать свое мнение о нарядах.

— Ты будешь в нем очень красивой, — сказал он. — Голубой тебе удивительно идет!

Октав Дюплесси подумал так же, увидев Эрмин за столиком в ресторане гостиницы. Холостяк и любитель хорошеньких женщин, импресарио не без волнения думал о новой встрече с молодой певицей. В глубине души он сомневался, что она когда-нибудь решится приехать на прослушивание, чего он страстно желал. Поэтому, когда Дюплесси услышал ее голос по телефону, сердце его забилось быстрее. Сначала Эрмин что-то говорила ему о письме, которое он так и не получил, где она просила его больше ей не писать и не звонить. Потом пустилась в путаные объяснения, сводящиеся к одному: она поняла, что оперное пение — ее настоящее призвание. Однако для него имело значение одно: соловей из Валь-Жальбера наконец здесь, в Квебеке!

Он направился к молодой женщине и ее отцу с широкой улыбкой на устах. Жослин исподтишка рассматривал его. Импресарио ему понравился: вежлив без подобострастия, любезен и производит впечатление человека

искреннего.

— Я до сих пор не могу поверить, что вижу вас, мадам, — сказал Октав Дюплесси, едва присев. — И мне все еще трудно называть вас «мадам», так вы юны!

— Возможно, вы и правы, но я замужняя дама и мать троих детей, — возразила она. — Вы не можете обращаться ко мне «мадемуазель»!

— Так значит, Эрмин? — рискнул предложить он. — Если это не шокирует вашего уважаемого отца...

— Я нахожу, что это довольно-таки фамильярно, — примирительно сказал Жослин. — Но так, наверное, принято в театральных кругах.

— Вы правы, — согласился импресарио. — Я вижу, красавец индеец не приехал с вами?

Эрмин посмотрела на него с обидой. Она отпила глоток белого вина и сказала твердо:

— Прошу вас говорить о моем супруге уважительно. Я бы не стала рассказывать о вас отцу, называя «французом». Это не слишком вежливо с вашей стороны.

— Простите меня, но я не хотел унижить вашего мужа! — воскликнул Октав Дюплесси. — Как я уже однажды говорил вам, в вашей паре есть нечто необычное, что любят показывать в кино! И индейцы населяли эту страну задолго до того, как на ее берегах высадились французы или англичане. Хотите пример? Название этого города, Квебек, имеет алгонкинские корни. Оно означает «там, где сужается река». Самюэль де Шамплен подтверждает это в своих записках. Мой соотечественник, родившийся за три века до меня!

Жослин удивился, а Эрмин сочла нужным уточнить:

— Мсье Дюплесси родился в Бруаже, во Франции, на атлантическом побережье, там же, где и Шамплен. Но его мать — англичанка.

— Приятно, что вы не забыли наш разговор, — обрадовался импресарио. — Что же вы исполните завтра утром? Это важно, и, если помните, я советовал вам разучить арию Маргариты из «Фауста». Вот уже два года, как директор мечтает поставить эту оперу.

— Я старалась, как могла, — сказала на это Эрмин. — Также я работала над «Арией с колокольчиками»...

С этой минуты разговор вращался исключительно вокруг классических произведений оперного жанра. Жослин только кивал. Дюплесси рассказал, что слушал в Пале-Гарнье, в Париже, «Травиату» Верди^[54].

Молодая женщина знала множество названий опер и имен

композиторов. Приятно удивленный, собеседник упивался ее речами, очарованный блеском голубых глаз и страстными интонациями.

«Господь Вседержитель! Я нашел редкую птичку! — думал он. — Она вся светится, и при этом сдержанная, умная и красивая!»

Вслух он сказал:

— Эрмин, вы могли бы стать Маргаритой в «Фаусте»! Никогда раньше публика не видела исполнительницу одних лет с героиней, с настоящими белокуроыми косами, красавицу и с таким исключительным голосом! Наконец всем станет понятна жажда доктора Фауста обладать невинной девушкой!

Жослин кашлянул. Ему совершенно не понравился сюжет «Травиаты» — куртизанка умирает от туберкулеза на руках у возлюбленного, но двусмысленные комплименты Дюплесси, по его мнению, выходили за рамки приличий.

— У меня создалось впечатление, что в опере музыка часто сопровождает не слишком высокоморальные сюжеты. Неужели нельзя найти что-нибудь такое, где не было бы соблазнений, внебрачных связей и трагических смертей?

— Но ведь искусство — это всего лишь зеркало нашего общества, мсье, — ответил на это импресарио, зажигая сигарету. — Вы, без сомнения, порядочный человек и верный муж. И все же испокон веков любовь порождает драмы.

— Если бы вы знали нашу историю, — сказала вдруг Эрмин, лукаво улыбаясь импресарио, — вы бы могли написать либретто к опере.

— Прошу тебя, не нужно, — возмутился ее отец. — Это наши семейные дела. С некоторыми вещами нельзя шутить!

Жослин чувствовал себя виноватым. Он стыдился своего прошлого и не хотел, чтобы дочь рассказывала о нем. Он и так ощутил укор совести, попытавшись сыграть роль защитника морали и добродетели — он, который позволил себе спать с матерью своего зятя... Если задуматься, Октав Дюплесси прав: в каждой жизни есть «теневые» периоды, ошибки, совершенные из-за любви или в силу моральной неустойчивости.

— Я и не собиралась шутить, папа, — смутилась молодая женщина. — Но уже поздно, и нам пора спать.

Октав Дюплесси почувствовал волнение Эрмин, и, желая побереечь ее перед прослушиванием, поспешил попрощаться.

— Я зайду за вами в девять утра, — напомнил он. — И не забудьте, Эрмин, это будет великий день. Я поддержу вас, я вам это обещаю!

Она поблагодарила его улыбкой, которая взволновала его больше, чем

ему бы хотелось. В ответ импресарио подмигнул и, держа в руке шляпу, поклонился.

«Да этот тип — настоящая акула, — подумал Жослин. — И, по-моему, ему плевать на то, что у моей дочери есть муж. Хорошо, что я здесь».

Эрмин и в голову не приходило, что беспокоит ее отца. Она немного выпила и теперь чувствовала себя свободной, молодой и очень красивой в своем муслиновом платье, похожем на облако лазури, сотканное специально для нее. Ноты «Арии с колокольчиками» звучали в ее сознании и в ее сердце. Она взлетала в прекрасное будущее своей мечты, где не существовало ничего, кроме ее мастерства и великолепной бесконечности пения.

Глава 18

Предательство

Квебек, пятница, 18 мая 1934 года

Эрмин бросила последний взгляд да фасад театра Капитолий в форме ротонды. Она держалась очень прямо и была бледна как полотно. По обе руки от нее стояли отец и Октав Дюплесси.

— Вы должны решиться и войти, — сказал импресарио.

Проснувшись, молодая женщина сразу же позвонила в Валь-Жальбер. Лора сотню раз повторила, что верит в ее талант, и пожелала удачи. Мукки лепетал что-то возле самой трубки, и Шарлотта отчитала его, прося не шуметь так сильно. Это были привычные домашние звуки, голоса тех, кого она так любила, их обычные слова. По едва уловимому звону кастрюль она догадалась, что Мирей, как обычно, возится в кухне. Все это придало Эрмин храбрости, которая была ей так нужна, чтобы пройти пугающее ее прослушивание.

— У меня нет выхода, — сказала она. — Папа, пусть я буду выглядеть как маленькая, но возьми меня за руку, хотя бы на минутку!

— Директор Капитолия вас не съест, — пошутил Дюплесси. — Самая страшная среди членов жюри — певица-сопрано с дурным характером, которая ревниво относится к своим соперницам.

— Но я не собираюсь ни с кем соперничать, — тихо возразила Эрмин. — Идемте!

Весенний ветер, теплый и приятный, раздувал юбку ее муслинового платья, трепал белокурые пряди над лбом. Из кокетства молодая женщина оставила волосы распущенными, отведя их от лица с помощью черепаховых гребней.

— Не бойтесь, Эрмин! Вы воплощение обновления, майских цветов, и у вас исключительный голос, — сказал импресарио. — Вы завоюете Квебек и всю страну!

Жослину передался мандраж дочери. За несколько последних минут он не сказал ни слова, в отличие от разговорчивого Дюплесси. Внутри здания театра Эрмин почудилось, будто она наяву перенеслась в свою мечту. Просторный холл, коридоры и лестницы были отделаны красным и

золотым, и красота обстановки немного привела ее в чувство.

«Все именно так, как я и представляла, — подумала она. — И очень скоро я поднимусь на сцену!»

Когда она снова посмотрела на отца, то выглядела уже не такой испуганной. Он потрепал ее по щеке. Импресарио решил напомнить, как будет проходить прослушивание.

— Вы все поняли, Эрмин? Я отведу вас за кулисы. Вашего отца мы усадим в ложу. Я хочу, чтобы вы побеседовали с директором и всеми присутствующими на прослушивании после его окончания. То есть вы прямиком выйдете на сцену. Музыкантам раздали партитуры арий, которые вы исполните. Как только вы будете готовы, они начнут играть, но тихо, чтобы не мешать жюри слушать.

Сердце молодой женщины забилося, как пойманная птичка. В висках били молоточки, во рту пересохло. Жослин испугался, увидев, как она побледнела.

— Держись молодцом, дорогая. Я теперь боюсь, чтобы ты не потеряла сознание на сцене.

Они были на втором этаже. Дюплесси открыл дверь первой же ложи.

— Мсье, будет лучше, если мы оставим ее в покое. Поверьте, я знаю, что говорю, — добавил он твердо.

В Капитолии, который в такой ранний час был почти пуст, стояла полнейшая тишина. Импресарио показал Эрмин мир закулисы, где за гигантскими занавесями красного бархата прятались многочисленные сложные машины и установки.

— Вот ваша комната, — сказал он и, придерживая ее под локоть, ввел в маленькое ярко освещенное помещение. — Пусть только пару минут, но вы можете побыть в священном месте, где артисты отдыхают, готовятся и где прячутся после триумфального выступления или мучительного провала.

— А зачем здесь букеты роз? — с восхищением глядя на цветы, спросила молодая женщина. — Они такие красивые!

— Я хотел, чтобы вас окружала атмосфера нежности и поэзии, — признался Дюплесси. — Позвольте один совет: выпейте перед выступлением стакан воды. И не забывайте дышать. Теперь я должен вас покинуть, но очень скоро за вами придут. Думаю, это будет Лиззи, наша управляющая. Все пройдет как нельзя лучше!

Она хотела удержать его, настолько сильным был ее страх. Однако оставшись одна, поторопилась последовать его совету. Выпив почти ледяной воды, она почувствовала себя лучше. Дрожа всем телом, Эрмин

села в кресло перед обрамленным рядами ламп зеркалом. Отражение заставило ее приуныть.

«Я выгляжу ужасно! — встревожилась она. — Мне нужны румяна! Но нет, уже слишком поздно. Господи, у меня не получится!»

На мгновение она представила, что выбегает из театра на улицу, берет такси, которое отвозит ее напрямиком на вокзал Гар-дю-Пале. И передернула плечами, обвинив себя в трусости. Отец ожидал ее возвращения в ложе, а мать столько потратила на эту поездку...

«Мне нужно петь, думая только о моих любимых детях и о Шарлотте. Если бы я чудом оказалась сейчас в лесу, я бы не боялась. Когда выйду на сцену, нужно будет представить, что я далеко отсюда и никто не станет меня судить».

В дверь постучали. У Эрмин тотчас же свело желудок, стал влажным лоб. Почти неслышным голоском она едва выговорила: «Войдите!» В гримерную влетела полноватая дама лет пятидесяти с черным платком на поседевших волосах.

— Это вы — мадам Эрмин Дельбо? — весело спросила она. — А меня зовут Лиззи Фурнье. Господи Иисусе, какая же вы хорошенькая! А теперь поторопитесь, все с нетерпением вас ждут. Октав пообещал нам настоящую диву! Снежный соловей — так он любит вас называть...

В это мгновение Эрмин чувствовала себя не соловьем, а несчастным птенцом, попавшим в ловушку. Она шла на сцену, словно в густом тумане.

«То, что я делаю, просто смешно, — думала она. — Все эти люди разочаруются, будут надо мной насмехаться. Решат, что я провинциалка с большими претензиями!»

Лиззи Фурнье с улыбкой похлопала ее по плечу.

— Ну, крошка, еще пару шагов! Вы почти ничего не будете видеть, прожекторы просто ослепляют!

И действительно, сделав еще несколько шагов, Эрмин оказалась на просторной сцене из красивых коричневых досок. Тотчас же до нее донеслись шушуканье и обрывки фраз. Она не знала, что одним своим видом она уже произвела на членов жюри приятное впечатление. Именно этого и желал Октав Дюплесси.

— Да ведь это Маргарита во плоти, сошедшая со страниц либретто! — обращаясь к импресарию, шепотом проговорил директор, весьма довольный увиденным. — Надеюсь, что голос у нее так же прекрасен, как и она сама.

— Вас ожидает сюрприз, — отозвался последний.

Из ложи Жослин с тревогой взирал на свое очаровательное дитя. Он

глаз не мог отвести от ее лица. По правде говоря, в огнях рампы бледность обернулась для Эрмин преимуществом, придав ее коже молочный, перламутровый оттенок. Но она застыла на месте, соединив руки перед грудью, с отсутствующим видом.

«Что с ней? — спрашивал он себя. — Решайся же, дитя мое, пой! Я знаю, что ты много работала, что ты готова!»

Ожидание, пусть и краткое, приводило его в отчаяние. Наконец Эрмин слабо улыбнулась, и губы ее приоткрылись. Она хотела объявить «Арию с колокольчиками» из «Лакме», но на итальянском, как «*Dov'è l'Indiana bruna*». Однако не смогла произнести ни звука: она просто лишилась дара речи. Жестом Эрмин попросила у аудитории прощения.

В первом ряду партера Дюплесси заерзал от нетерпения. Директор, сидевший перед ним в кресле, посмотрел на него разочарованно.

— Терпение! — шепнул ему импресарио. — Она умирает от волнения, это же видно невооруженным глазом! Девушка никогда не выходила на сцену!

Преисполнившись сочувствия к растерянной молодой женщине, скрипач сыграл первые аккорды «Арии с колокольчиками». Пианист последовал его примеру, а следом за ними и контрабасист. Эрмин никогда не слышала столь гармоничного аккомпанемента. На несколько секунд она закрыла глаза.

«Я должна петь так, словно сижу у костра, рядом с хижинкой Талы. Шарлотта и Мадлен хотят послушать меня. Я должна петь!»

Она пожалела, что выбрала для прослушивания такую сложную арию, которая начинается весьма сложным пассажем с быстро возрастающими нотами, передающими зов юной девушки в индийских лесах. Она представила себя посреди квебекского леса ищущей Тошана, умоляющей его появиться. И ее голос полился — абсолютно чистый, прозрачный, как воды в роднике. Звуки редчайшей красоты — деликатные, субтильные, — вибрировали в полнейшей тишине огромного зала.

«Спасибо, Господи! — подумал Жослин. — Это прекрасно, великолепно!»

Он и не подозревал раньше, какую роль играет акустика в театральных залах. Похожий эффект пение производило разве что в церкви. Голос дочери, который он и в обычной обстановке находил исключительным, здесь, в театре, показался ему просто божественным. И не только он так думал.

Октав Дюплесси наслаждался своей победой, потому что директор, дама-сопрано, Лиззи Фурнье и еще два специалиста онемели от удивления.

Эрмин позабыла обо всех и обо всем. Она отметила про себя, что голос ее звучит по-другому, и упивалась этим новым звучанием. Полностью перевоплотившись в свою героиню, она сумела передать чувственность, беспокойство, счастье, достигнув при этом вершин мастерства. Когда она замолчала, Дюплесси встал, чтобы ей аплодировать. Жослин сделал то же самое.

— Какой талант! — в восторге вскричал директор театра, хлопая в ладоши. — Ущипните меня, я сплю! Она разогревала связки перед выступлением?

— Нет, — ответила Лиззи. — Но я никогда не слышала ничего красивее!

Успокоенная высокой оценкой своего выступления, Эрмин кивнула. Она сгорала от нетерпения исполнить арию Маргариты" из «Фауста», хотя при этом ей пришлось бы преодолеть небольшую проблему. В одном из фрагментов оперы, в самом финале, ария делится на три партии — для сопрано, тенора и баритона. С помощью мадемуазель Каликст молодая женщина много репетировала, исполняя только свою партию.

Ангелы чистые! Ангелы светлые!
Вознесите мою душу к небесам!
Справедливый Господь, тебе доверяюсь!
Добрый Господь, прими меня! Прости!

Эрмин этот пассаж особенно нравился. Каждый раз, исполняя его, она представляла себя Маргаритой, соблазненной возлюбленным, доктором Фаустом, который продал душу дьяволу, чтобы помолодеть и завоевать любовь девушки. И так искренне прозвучала молитва в исполнении Эрмин в это утро, что у директора Капитолия мороз пробежал по коже. Гордый до невозможности, Жослин ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Поглощенный музыкой и пением дочери, он даже поднял глаза к потолку, словно ангелы и вправду вот-вот могли появиться.

— Поразительно! Господи, это великолепно! И в довершение ко всему она такая *cute*! — воскликнул пожилой мужчина в элегантном костюме.

Дюплесси только молча улыбался. Этот богатый продюсер, похоже, сильно разволновался, если позабыл о своих манерах хорошо образованного буржуа и употребил столь любимое в Квебеке разговорное словечко. Директор аплодировал молодой певице стоя, и глаза его за стеклами очков сияли.

— Редчайший бриллиант! Редчайший! — повторял он. — Октав, я должен подать на вас в суд за то, что вы не привезли ко мне эту прелестницу раньше! Она красива! По-настоящему красива и очень способна! И какой голос!

Освободившись от страха, который практически отнял у нее голос, Эрмин теперь хотела лишь одного — петь, снова и снова... Уверенным тоном она спросила, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Вы хотите услышать еще что-нибудь из моего репертуара?

— Нет, в этом нет необходимости, нам срочно нужно поговорить, моя дорогая мадам! Прошу вас, приходите в мой кабинет!

Молодая женщина вздохнула с облегчением. Она завоевала восхищение этих строгих слушателей, об этом ей говорили их улыбки и одобрительный шепот. И только прима-сопрано, исполнявшая главную партию в премьеры этого сезона, была вне себя от злости, поскольку столкнулась с опасной соперницей.

Октав Дюплесси ловко взобрался на сцену, пройдя мимо оркестровой ямы. Он торопился поздравить Эрмин.

— Спасибо, — сказал он радостно. — Я верил в вас, но вы превзошли все мои ожидания!

Лиззи, которая все еще находилась в партере, крикнула:

— Поздравляю! Вы — настоящее чудо! И голос, какой голос! Какой талант! Я плакала, когда вы пели! Мы нашли свою диву!

Несколько минут спустя Эрмин входила в кабинет директора в сопровождении отца и мсье Дюплесси. Опьяненная успехом, она не замечала, что ее окружает. Одно имело для молодой женщины значение: она успешно прошла прослушивание. Жослин же отметил про себя красоту удобной мебели, фотографии артистов в сценических костюмах и грациозных балерин, запечатленных в момент танца.

— Присаживайтесь, прошу вас, дорогая мадам! — предложил директор. — Признаюсь, я не поверил моему другу Дюплесси, когда он заявил, что сопрано исключительной красоты скрывается от мира в полузаброшенном рабочем поселке. Это было похоже на выдумку. Он говорил, что вас называют снежным соловьем, и без конца рассыпался в похвалах. И оказался прав! Мадам, у вас исключительный талант! Вы когда-либо занимались вокалом со специалистом?

— И да и нет! — ответила она. — Один пианист, прекрасный музыкант, преподавал мне несколько уроков. С монахинями в монастырской школе мы немного учили сольфеджио и по субботам пели.

— Невероятно! Поразительно! Вы не взяли ни одной фальшивой ноты,

и ваш голос удивительно богатый, мощный и исключительно чистый! Я готов сейчас же подписать с вами контракт на следующий оперный сезон, который начнется этой зимой. В это время квебекцы жаждут развлечений. Но вам придется сразу же приступить к репетициям. Спеть арию или две — для этого не требуется много усилий, особенно когда певец наделен вашими способностями и природным слухом. Но чтобы петь несколько часов подряд, требуется серьезная подготовка. Вам нужно научиться правильно дышать, беречь связки. Думаю, вы все же успеете подготовиться до декабря. Я поставлю «Фауста» благодаря вам и для вас! Никогда раньше у нас не было такой красивой и правдоподобной Маргариты!

От этих длинных фраз у Жослина голова пошла кругом. Эрмин же внимательно вслушивалась в каждое слово, зная, что в ее ситуации важны все детали.

— Вы согласны, мсье Дюплесси? — спросил директор. — «Фауст» на афише? Нужно будет связаться с журналистами и представить им наше удивительное юное открытие. У вас есть жилье в Квебеке, мадам? Репетиции начнутся здесь в середине июня. Лиззи подыщет вам квартиру рядом с театром, за мой счет, разумеется!

Жослин хотел было возразить, но Эрмин опередила его:

— Мсье, прошу вас, дайте мне сказать! События развиваются слишком быстро для меня. Не хочу вас обманывать: я долго мечтала пройти прослушивание в Капитолии после встречи с мсье Дюплесси, который убеждал меня решиться. Но я хотела прежде всего услышать мнение специалистов о моем голосе и манере исполнения. У меня трое маленьких детей, и я не могу выступать в этом году. Я польщена и тронута вашим предложением, но должна отклонить его.

— Вы не хотите стать певицей? Мадам, вас ждет великое будущее! У нас пела Эмма Лаженесс, прославившаяся по обе стороны океана, и ваша судьба — занять ее место! Ваше исполнение арии из «Лакме» выше всяческих похвал. В Париже, Милане или Лондоне ни один директор театра не выпустил бы вас из рук!

Дюплесси предпочел не вмешиваться. Он был уверен, что молодая женщина больше всего на свете хочет петь на сцене, но опасался, что она поступит вопреки собственному желанию, так, как велит долг. Складывалось впечатление, что для нее обязанности матери и супруги — не пустое слово и она может поставить их во главу угла.

Эрмин опустила голову в задумчивости, словно погрузившись в созерцание легкой ткани, из которой было сшито ее платье.

«Конечно же, я хочу петь на настоящей сцене, — подумала она. —

Хочу играть Маргариту и другие престижные роли. Я никогда не думала, что мне сделают такое предложение! Но ведь лето мне предстоит провести с Тошаном и детьми... Я ничего не могу подписать без его согласия, а он запретит! И что делать Тошану в Квебеке? Ему нужен лес, большие пространства... Зря я приехала сюда, приблизилась к миру, который так меня привлекает! Что ж, я утешусь, зная, что могла бы стать оперной певицей, что у меня хватило бы способностей...»

— Ваше предложение я нахожу слишком поспешным, — вмешался в разговор Жослин. — Может, будет разумнее, если моя дочь еще годик поработает над голосом? Вы сами сказали, что она не может дебютировать на сцене, пока не пройдет обучение у профессионалов!

— Вне всякого сомнения, но это случится здесь, в Квебеке, — заметил Октав Дюплесси. — Эрмин не сделает карьеры, похоронив себя в Валь-Жальбере!

— Разумеется! — согласился Жослин. — Но торопиться нам некуда.

— Что до меня, то я считаю, что очень даже есть куда! — возразил директор Капитолия. — Я шучу, конечно же! Я не стану заставлять мадам нарушать течение ее семейной жизни. Но как жаль, как жаль! Это преступление — оставить при себе такой редкий дар, такой великолепный голос, который смог бы очаровать слушателей!

Эрмин решила. Она вспомнила момент, когда отважилась на эту авантюру, которая могла изменить ее судьбу. Вспомнила, что почувствовала тогда, будто бросается с высоты водопада на своей дорогой реке Уиатшуан. И если у нее не хватило бы сил раскрыть крылья, она разбилась бы о камни у подножия гигантского водопада, а если бы хватило — его бешеные воды помогли бы ей взлететь к небесным сводам лирического пения...

— Господин директор, я сегодня же подписываю ваш контракт, но с одним условием, — мягко сказала она. — Дайте мне время! Я приеду в Квебек в сентябре, с детьми и их кормилицей. Они не помешают мне репетировать и брать уроки вокала. Я знаю, что способна работать с утра до вечера, чтобы вас не разочаровать. Все лето я тоже буду петь, повторять гаммы и упражнения. Я наизусть знаю всю партию Маргариты из «Фауста». Я выучила их, да-да, все арии из всех актов! Мой голос не предаст меня — это единственное, в чем я абсолютно уверена!

— Я вам верю, — сказал тот, слегка удивившись серьезности, с какой были произнесены ее последние слова. — И все же вам предстоит большая работа, я рискую, соглашаясь на ваши условия. Но у вас есть характер, и это мне нравится! Признаюсь, я тоже верю, что после четырех месяцев напряженной работы вы будете готовы к сезону. Так, значит, увидимся в

сентябре, например второго или третьего числа?

Жослин с удивлением и недоумением смотрел на свою дочь. Она продемонстрировала решимость, даже смелость, каких он от нее не ждал. Дюплесси торжествовал.

Они прочли текст контракта и поставили свои подписи. Эрмин казалось, будто все это происходит во сне, она была в одно и то же время счастлива и ошеломлена своим решением.

— Прошу обратить внимание на одну оговорку, — сказал директор. — Вам запрещено обрезать волосы. У Маргариты длинные белокурые косы, и я не хочу даже думать о том, чтобы надевать на вас парик.

— Я об этом не забуду, — ответила Эрмин.

Последовало долгое обсуждение, закончившееся приглашением вместе пообедать. Однако Эрмин вежливо отказалась. Она очень устала, физически и морально. Жослин, догадавшись об этом, объявил, что после полудня они уезжают домой.

Оба вздохнули с облегчением, покинув стены театра. Светило солнце, и город вокруг них вибрировал тысячей самых разных звуков. Жослин остановил медленно проезжавшее мимо такси. Уже в автомобиле молодая женщина умоляюще посмотрела на отца.

— Папа, я хочу как можно скорее вернуться домой, — сказала она. — Я скучаю по детям. И по маме тоже. Довольно с меня достопримечательностей и магазинов! Я погуляю по Квебеку этой осенью.

— Ты начинаешь капризничать, как звезда сцены, — пошутил он. — Так и поступим! Я тоже хочу поскорее увидеть Лору и малышей. Я постоянно спрашиваю себя, как мог расстаться с тобой, с моей маленькой дорогой крошкой? Ты тогда была примерно одного возраста с Мукки. Каждый раз, когда я беру его к себе на колени, я думаю о тебе, о том, что не видел, как ты росла...

Эти слова глубоко взволновали Эрмин.

— Папочка, дорогой, не думай больше о прошлом! Тогда ты поступил так, как считал лучшим для меня. А теперь ты рядом! И я очень ценю это. Благодаря тебе я не убежала из театра. Не могла же я оставить тебя сидеть в ложе!

Они обменялись улыбками. С уверенностью Жослин добавил:

— Я так горжусь тобой, моя обожаемая девочка! Если бы я знал, когда ты только родилась, что однажды ты станешь оперной певицей!

Молодая женщина помрачнела. На глаза у нее навернулись слезы.

— Если я еще ею стану! — горько отозвалась она. — Я и счастлива, и напугана одновременно. Подписывая контракт, я поставила под угрозу свой

брак. Тошан никогда меня не простит! И все же я не жалею о своем решении. Ты, наверное, чувствовал то же самое, когда положил меня на крыльцо монастырской школы, надеясь, что меня спасут. Мне кажется, что я жертвую любовью к мужу, но у меня нет выбора. Я хочу дарить счастье людям, которые будут меня слушать, я хочу раскрыть всю красоту музыки сотням людей! Это трудно объяснить...

— Я тебя понимаю, — заверил ее отец. — Но не возьму в толк, почему Тошан так не хочет, чтобы ты стала оперной певицей. Он должен радоваться за тебя, поддерживать.

— До того как жениться на мне, он знал, что я пою, — сказала Эрмин. — Это ему нравилось, он даже хвалил мой голос. Но теперь я его жена и мать его детей. Он считает, что я не должна выходить на сцену, путешествовать. Может, он боится меня потерять? Этим летом я узнаю ответ! Он назначил мне встречу на набережной Перибонки в начале июля. Мы проведем в хижине два месяца.

Услышанное озадачило Жослина. Он пробормотал что-то невразумительное. Поведение зятя начало его беспокоить.

— Мы были в прекрасных отношениях в новогодние праздники, — заметил он. — А теперь можно подумать, что Тошан не хочет приезжать в Валь-Жальбер.

— Нет, думаю, он просто не может поступить по-другому, — ответила молодая женщина. — Послушай, папа, есть еще кое-что. Я боялась сказать об этом вам с мамой. Тошан делает все, чтобы мы навсегда поселились там, на севере. Он написал, что Тала уходит жить к своей матери Одине. И оставляет нам хижину и участок. Мой муж хочет расширить постройку, сделать ее более комфортной.

Они вышли из такси и по Террас-Дюферрен поднялись к Шато-Фронтенак.

— Вот глупость! Жить целую зиму отрезанными от людей, да еще с маленькими детьми! Ты же не жена первопроходца и не индианка! Табарнак!

— Не ругайся, пожалуйста, — с легкой улыбкой пожурела отца Эрмин. — Вон та дама посмотрела на нас с возмущением.

— Это потому, что я расстроился! Что будет с твоей матерью, когда она узнает, трудно даже представить. Она так радовалась перспективе качать младенца рядышком с тобой... Ты должна урезонить мужа!

Они еще какое-то время говорили об этом, опершись о парапет и любуясь видом на величественную реку Сен-Лоран. Молодая женщина рассматривала корабли в порту и городок Леви, находящийся прямо перед

ними, на противоположном берегу реки. Взгляд ее устремился к горизонту, на восток, к остальному миру, к Атлантике, к Европе и другим незнакомым странам, к другим океанам. Ей вдруг захотелось поехать далеко-далеко, невзирая на то, что материнское сердце страдало в разлуке с детьми.

— Надо поторопиться, меньше чем через час мы должны выехать на вокзал, — сказал Эрмин отец. — Еще вчера я узнал расписание поездов в обратном направлении.

— Тогда поторопимся, папочка, — отозвалась она. — Идем!

И удалилась грациозной походкой под восторженными взглядами мужчин. Жослин, в очередной раз восхищенный ее красотой, пошел следом. В платье небесно-голубого цвета Эрмин была сама прелесть и легкость.

Валь-Жальбер, на следующий день

Эрмин обогнала отца и, дрожа от нетерпения, взбежала по ступенькам крыльца. Шарлотта, держа на руках Мукки, уже успела открыть дверь.

— Мама! — закричал мальчик. — Мама!

Молодая женщина подхватила его на руки и поцеловала. Он обнял ее за шею и зарылся носом ей в волосы. В свои девятнадцать месяцев он уже произносил первые слова.

— Да, твоя мамочка здесь, дорогой, — проговорила Эрмин, покрывая его личико поцелуями.

Жослин растроганно наблюдал за ними. Он чувствовал себя усталым и надеялся немного поспать, желательно в компании Лоры.

Симон Маруа приехал за ними в автомобиле на вокзал Шамбор-Жонксон, куда поезд прибыл с многочасовым опозданием из-за какой-то поломки. Ночь пассажиры провели в вагоне на полках, которые оказались куда менее удобными, чем постели в Шато-Фронтенак.

— Шарлотта, солнышко мое, — воскликнула Эрмин, — иди, я тебя обниму! Можно подумать, ты меня боишься... Ох уж этот обратный путь! Мне он показался таким длинным, просто бесконечным! Мама не очень волновалась? Мы смогли позвонить только сегодня утром, из Лак-Бушетт!

Девочка подошла, но улыбка у нее была натянутая. Она смотрела на свою старшую подругу так, словно боялась, что за время отсутствия та успела измениться. Что до самой Эрмин, то она с радостью обвела взглядом высокие деревья у дома, цветы на клумбах, которые еще стояли в бутонах, колокольню монастырской школы, вырисовывавшуюся на фоне

голубого неба. Услышала она и ворчливый рокот водопада. Ей вдруг показалось, что она не была дома лет сто.

«Мой поселок, мой край у озера Сен-Жан, мой рай!» — подумала Эрмин. Она не обратила внимания на молчание Шарлотты, которая до сих пор не произнесла ни слова.

Жослин тоже погладил Мукки по голове. Симон поставил их чемоданы у входной двери.

— Мама могла бы выйти нас встретить, — сказала Эрмин. — А где мои маленькие принцессы? Как они? Я слышу детский плач! Это Лоранс, готова поспорить!

— Нет, двойняшки спят на втором этаже, — сказала Шарлотта. — У нас новость! Ребенок родился всего полчаса назад. Ребенок Лоры... Это он плачет. Мирей наверху. Меня просили вам сказать, что мама и малыш в порядке.

— Господи! Уже? — воскликнул Жослин и ринулся в дом. — И меня не было дома!

Симон онемел от удивления. Эрмин тоже. Сгорая от нетерпения, она побежала за отцом, прижимая сына к груди.

— Лора попросила, чтобы вы подождали, пока она приведет себя в порядок, — в отчаянии крикнула Шарлотта. — Нужно подождать, Мимин!

Но молодая женщина не слушала. Она уже стремительно поднималась по лестнице на второй этаж. Шарлотта осталась на крыльце с Симоном, который подбросил вверх свой полотняный картуз.

— Спасибо, Господи! Еще один младенец в Валь-Жальбере! — прокричал он, даже не пытаясь быть серьезным, как это приличествовало бы парню, которому уже перевалило за двадцать. — Еще один житель, и это замечательно! И еще один сосед! Мисс Шарлотта, благодарю вас! Пойду скажу родителям!

Он улыбнулся, увидев, с каким восторгом смотрит на него эта девочка, уже почти подросток, такая миленькая, с черными кудряшками и золотисто-кариими глазами. Повинуясь порыву, он схватил ее за руку, приобнял за талию и закружил в импровизированном вальсе прямо на крыльце. Она позволила себя увлечь, изумленная до предела, с раздуряющимися от удовольствия щеками. Симон отпустил ее и, попрощавшись галантным жестом и улыбкой, оставил стоять у порога.

— Думаю, что очень скоро, мисс, мы все вместе отметим это событие! — сказал он.

Юноша сел за руль. Автомобиль медленно поехал к дому Маруа, благо расстояние было коротким. Шарлотта осталась стоять на месте. Она была

счастлива.

Ей никогда не забыть день, когда родился сын Жослина и Лоры, потому что сегодня ее герой впервые пригласил ее на танец.

Мирей слышала шаги в коридоре. Она поторопилась выйти из комнаты, вздыхая от облегчения, что ей не придется больше оставаться наедине с Лорой. Она с улыбкой поздоровалась с хозяином дома, но было видно, что она плакала.

— Мсье, как я рада! Но не входите пока, мадам приводит себя в порядок. Малыш появился на свет, что называется, как снег на голову! Роды длились не более двух часов. Надо сказать, что поздно вечером мадам задумала передвигать мебель, а на рассвете ушла в верхний квартал полюбоваться восходом солнца над водопадом. Не знаю, можно ли ей было так себя утомлять...

— Малыш? — запинаясь, переспросил Жослин. — Значит, у меня сын?

— Ой! Мадам хотела сделать вам сюрприз! — расстроилась домоправительница. — Прошу вас, сделайте вид, что не знаете, иначе мне несдобровать!

— У меня мальчик! — шепотом выразил свое восхищение он.

Прибежала Эрмин. Она была взволнована, обрадована известием и очень огорчалась, что им пришлось задержаться в дороге.

— Бедная мамочка! — сказала она. — Мне следовало быть рядом! К счастью, акушерка о ней позаботится.

— Но она не приехала! У нас не было времени позвонить! — воскликнула Мирей. — Мадам хочет, чтобы я позвонила доктору в Роберваль, чтобы он приехал осмотреть ребенка.

— Это мальчик или девочка? — спросила Эрмин.

— Мне запрещено говорить, — ответила домоправительница.

Жослин с трудом сдерживал охватившее его волнение. Он мечтал о сыне, и теперь крупные слезы текли по его щекам.

— Папа, — нежно сказала молодая женщина, — как ты волнуешься! Ничего, мы скоро узнаем, брат у меня или сестричка!

— Входите! — звонко и радостно прозвучал из-за двери голос Лоры.

— Сначала иди один, — решила Эрмин. — Позовете меня через пару минут. Я сгораю от нетерпения, но пока сбегая поцелую своих крошек.

Она повернулась и убежала, сама не своя от радости. Мадлен повернулась на звук шагов и увидела, как она входит в комнату, которую Лора с недавних пор перекрестила в «*nursery*», что в переводе с

английского означало «детская». Кормилица встала со стула и бесшумно пошла Эрмин навстречу.

— Милая Эрмин, этот дом совсем не тот с тех пор, как ты уехала! Но твои дочки чувствуют себя прекрасно. Посмотри, как мирно они спят!

Мадлен взяла молодую женщину за руку и подвела к двум колыбелям, стоящим друг напротив друга у окна. Розовые кисейные занавески защищали малышей от насекомых. Мать склонилась над ними и по очереди окинула восхищенным взглядом. Лоранс сосала большой пальчик. Мари, казалось, улыбалась от блаженства.

— Я так по ним скучала! — призналась она. — Как подумаю, что мы планировали вернуться только в понедельник! В Квебеке я не находила себе места, мне хотелось быть здесь, с моими детьми и вами всеми. И какой нас ожидал чудесный сюрприз! Мама родила очень легко, и это в ее годы!

— Я предложила свою помощь, — сказала ей Мадлен, — но в тот момент, когда Мирей пришла за мной, я как раз кормила девочек. И пока я их укачала, оказалось, что все уже закончилось. Я так и не узнала, мальчик родился или девочка.

— Я тоже не знаю, — отозвалась Эрмин. — Схожу к маме! Ты присмотришь за Мукки?

— Конечно! — пообещала Мадлен.

В это время в комнате Лоры Жослин Шарден любовался своим сыном, красивым младенцем, который, по его мнению, весил около трех килограммов. Одета в зеленую шелковую сорочку Лора, исполненная материнской гордости, взирала на мужа и сына. Расчесанные волосы обрамляли ее лицо, почти не отмеченное следами усталости. Она даже припудрилась и подкрасила губы.

— Лора, любимая, ты великолепна! Невозможно поверить, что ты только что произвела на свет такого прекрасного малыша! — восхитился ею супруг. — Выходит, ты слеплена из другого теста, чем остальные женщины.

— Ты неправ, Жослин, — с улыбкой возразила она. — Я и сама удивилась. С Эрмин я так мучилась! А в этот раз роды прошли очень легко, можешь мне поверить. Ты доволен?

— Доволен? Это слабо сказано! Я — самый счастливый мужчина во всей Канаде! Я боялся, что роды станут для тебя тяжелым испытанием, боялся даже тебя потерять! Подъезжая к дому, я и подумать не мог, что меня ждет такое чудо! Мой сын, мой здоровый карапуз!

Дверь в коридор приоткрылась. Эрмин заглянула в комнату.

— Я могу войти?

— Да, дорогая, входи! — позвала ее Лора. — Посмотри на своего братика!

— Моего братика!

— Я словно с облака упал, когда узнал, что это мальчик, — без угрызений совести соврал Жослин, которому не хотелось обидеть дочь.

Молодая женщина посмотрела на обнявшихся родителей. Лора прижимала к себе новорожденного. Эрмин радовалась за них. Их супружеская спальня, оформленная в пастельных тонах и скромно украшенная, благодаря белым льняным шторам была наполнена мягким светом.

— Можно; я его подержу? — спросила Эрмин. — Господи, какой же он хорошенький! Поздравляю, мамочка! Подумать только, этот малыш — дядя моего Мукки и двойняшек! Как забавно! На полгода младше девочек, и все же их дядя! И для Мукки тоже. Как вы его назовете?

— Пока не знаю, — ответила Лора. — Мы решим с твоим отцом. Мне очень нравится имя Реаль, которое сейчас в моде в Квебеке, и Пьер-Луи. Пьер-Луи Шарден. Звучит хорошо!

— Решай сама, — сказал Жослин. — Я заранее с тобой согласен, моя дорогая.

И он поцеловал ее в лоб. Сердце его замирало от счастья. Глядя на этого ребенка, родившегося в осень его жизни, Жослин чувствовал себя по-прежнему сильным и крепким, осознавал, что смог восторжествовать над всеми превратностями судьбы. Если бы кто-нибудь шепнул ему на ухо, что он стал отцом и маленькой девочки по имени Киона, в жилах которой кровь монтанье смешалась с его кровью, что бы он тогда почувствовал?

А пока настал час всеобщей радости. В доме не смолкали шаги и разговоры. Доктор объявил, что мать и дитя в прекрасной форме. Элизабет не скрывала своего удивления столь быстрыми и легкими родами. Мирей не отходила от печки, хлопоча над оладьями и блинчиками, не говоря уже о наваристом говяжьим бульоне для Лоры. Счастливая мать спала с полудня и до вечера. Только потом она из уст Эрмин услышала подробности их с отцом поездки в Квебек.

— Ты подписала контракт! — воскликнула она, когда дочка закончила свой рассказ. — Так быстро!

— Конечно! Директор Капитолия забросал ее комплиментами, — подхватил Жослин. — Наша Эрмин будет петь Маргариту в «Фаусте» в декабре! Если бы ты только ее слышала! Голос просто ангельский! Мы

поедем поддержать ее и будем жить в Шато-Фронтенак!

Лора, которая столько сил потратила на то, чтобы убедить дочь хотя бы попытаться сделать карьеру, казалось, призадумалась. Она смотрела на своего новорожденного малыша, легонько водя пальцем по его выпуклому лобику и темному пушку волос.

— Думаешь, ты сможешь привыкнуть к жизни в Квебеке, дорогая? — спросила она. — Ты ведь очень привязана к Валь-Жальберу, а здесь так спокойно... Теперь мне тут нравится, и я не хочу другого дома.

— Мама, ты полна противоречий, — вздохнула Эрмин. — Можно подумать, ты собираешься меня отговаривать. Но я не отступлю. Я буду петь на сцене, в костюме, я должна попробовать! Это для меня очень важно.

— А твой муж? — спросила Лора. — Он уже знает?

— Узнает, — твердо ответила молодая женщина. — И очень скоро.

Она заставила себя рассказать матери о планах Тошана на будущее. Осознав, что она проведет лето без дочери, Шарлотты и Мукки, Лора очень расстроилась. Но ее маленький сын заплакал, и она забыла обо всем на свете.

Набережная Перибонки, вторник, 3 июля 1934 года

Пьер Тибо ходил взад-вперед по набережной, устланной огромными, поврежденными непогодой досками. Было очень жарко, несмотря на волновавший воды озера бриз. Тучи мух кружились над рыболовной сетью, развешенной для просушки.

Эрмин осталась в лодке рядом с Шарлоттой, которая укачивала Лоранс. Мадлен держала Мари, чей бесконечный плач составлял конкуренцию пронзительным крикам чаек. Молодая индианка не захотела расставаться с малышками. Она все еще кормила их своим молоком и предупредила Эрмин, что, если отнять девочек от груди слишком резко, это может плохо отразиться на их здоровье. Мукки, сидя возле матери, с любопытством рассматривал пришвартованные по соседству лодки.

— Ума не приложу, куда подевался Тошан! — крикнул Пьер Эрмин. — Если он не придет в ближайшее время, поплывем без него. Он сам доберется до хижины. Не волнуйся, с багажом я справлюсь. Ты уверена, что сегодня тот день?

— Конечно! — ответила она. — В последнем письме, которое он написал двадцать второго июня, он назначил мне встречу сегодня в

Перибонке и пообещал, что будет нас ждать.

Она окинула тревожным взглядом кучу вещей, загромождавших лодку: два ивовых сундука, три набитых чемодана, ящик с посудой, корзины...

«Почему Тошан опаздывает? — думала она. — Он ведь говорил, что сгорает от нетерпения, думая о нашей встрече после долгой разлуки. Увы, у меня на душе беспокойно, я боюсь того, что может случиться...»

Вопреки советам родителей Эрмин не стала сообщать мужу о результатах прослушивания. Она отправила ему три письма, в которых рассказывала о детях, о маленьком Пьере-Луи, об огороде Жослина, но ни словом не обмолвилась о поездке в Квебек.

«Я люблю его всем сердцем и все же страшусь нашей встречи. Если он воспротивится моему решению, я этого не перенесу. Мы будем ссориться все лето».

— Не беспокойся, — услышала она чуть глуховатый голос Мадлен. — Кузен Тошан так сильно тебя любит, что сейчас, наверное, со всех ног бежит в поселок. Я это чувствую.

— Спасибо, что подбадриваешь меня, — отозвалась Эрмин. — Я никогда не говорила тебе, что мне очень дорого имя, которое ты получила при крещении? Когда я была маленькой, в монастырской школе жила молодая монахиня, сестра Магдалина. Она была моим ангелом-хранителем и решила вернуться к мирской жизни, чтобы меня удочерить. Но умерла от испанки. Мне было четыре года, когда ее не стало, но я помню, каким это было для меня горем!

— Она сейчас наверняка на небе и заботится о тебе, — ответила кормилица.

Большой бежевый полотняный зонтик защищал ее от солнца. В этом мягком свете Мадлен выглядела очень хорошенькой, воплощением уверенности и покоя.

— Я очень рада, что ты со мной, — сказала ей Эрмин.

Шарлотта тяжело вздохнула. Из-за Симона Маруа она без особой радости покинула Валь-Жальбер. Они не встретятся больше случайно на улице, она не откроет ему дверь, когда он придет в гости к Жослину и Лоре...

На набережной послышались отголоски разговора — Тошан дружески похлопывал Пьера Тибо по плечу. Молодой метис держал на поводке Дюка. Эрмин была впечатлена красотой мужа. Она не видела его вот уже шесть месяцев и заново открывала для себя — высокого, худощавого, загорелого, с заплетенными в косу волосами. Лоб его обвивала красная повязка. Одет он был в просторную белую рубашку. Октав Дюплесси был прав: на улицах

Квебека он вызвал бы сенсацию.

— Я говорила, что он близко, — с улыбкой сказала Мадлен. — Иди скорее, я присмотрю за детьми.

Эрмин стала карабкаться вверх по деревянной лесенке, и Тошан вовремя протянул ей руку и подтянул наверх.

— Моя женушка-ракушка! — шепнул он ей на ушко.

И обнял, окинув с ног до головы радостным взглядом. Пьер отвернулся, шокированный столь откровенной демонстрацией нежных чувств супругов. Он никогда бы не позволил себе такое при людях.

— Ты опоздал! — мягко пожурела мужа Эрмин. — Я очень волновалась.

— У меня были дела, — отрезал он. — Но теперь мне хочется как можно скорее оказаться дома. И, как я смотрю, скучать вдвоем нам не придется.

Она услышала в его словах упрек и моментально рассердилась.

— Ты позволил мне взять с собой Шарлотту! Мадлен поехала с нами, потому что она кормит девочек. Их нельзя резко отнимать от груди, это может сказаться на их здоровье. Посмотри, Мукки тебе машет! Он так по тебе скучал!

— Такому маленькому ребенку прежде всего нужна мать, — сказал Тошан. — Пьер, скоро будем отчаливать! Сегодня вечером ты наш гость.

— Я, признаться, на это очень рассчитывал, — отозвался тот с улыбкой. — Я не собирался спускаться по Перибонке ночью.

Эрмин с трудом сдерживала слезы разочарования и обиды. Первый порыв нежности — и супруг стал холодным, отстраненным. Он не сказал ни слова о ее наряде — платье из ситца в цветочек, подчеркивавшее ее красивую фигуру, и соломенной шляпке, украшенной матерчатой розой.

Тошан молча передал ей поводок и побежал за объемистым полотняным мешком, который оставил у ближнего столба. Пес, в отличие от хозяина, всем своим видом давал понять, как рад видеть Эрмин. Он положил передние лапы ей на плечи и стал лизать в нос.

— О нет, Дюк! Не надо! — воскликнула она.

Шарлотта и Мадлен прыснули со смеху. Эрмин присоединилась к их веселью. Очень скоро все, включая собаку, оказались на борту. Пьер завел мотор. Лодка вздрогнула и понеслась по голубым водам широкой реки, с незапамятных времен впадавшей в озеро Сен-Жан. Оказавшись на борту, Тошан занялся детьми — слушал лепет Мукки, звонким голоском несколько раз произнесшего «папа»; по очереди брал на руки Мари и Лоранс и радовался происшедшим с ними метаморфозам.

— Когда я уезжал, они почти ничего не весили, а теперь ну просто два великолепных карапуза! Похоже, у Лоранс твои глаза, Эрмин! А Мари более светлокочая и светловолосая! Но они обе красавицы! Ты хорошая кормилица, кузина Мадлен!

Эти слова тоже огорчили Эрмин. Она очень сожалела о том, что не может сама кормить дочек.

«Но ведь он прекрасно знает — я рассказала в письме — что молоко у меня перегорело в ту ночь, когда нас напугала страшная метель и я боялась, что никогда его больше не увижу!» — подумала она. Присутствие мужа должно было радовать Эрмин, но радоваться у нее не получалось.

Лодка плыла против течения, поэтому ее часто качало, воды реки стояли еще высоко, течение было сильным. Шарлотта с трудом подавляла рвотный рефлекс; малышки решили выразить свой протест против ветра, солнца и шума мотора. Они кричали уже больше часа, и колыбельные Мадлен не помогли им успокоиться. Дюк лаял, стоило мимо лодки пролететь какой-нибудь птице. Однако Тошан и Пьер, похоже, были довольны поездкой. Они разговаривали и курили.

«Все это кажется Тошану нормальным, — с тяжелым сердцем подумала Эрмин. — Он попросил меня приехать в определенный день в Перибонку — и я примчалась. Мне придется жить в глубине леса целый год с тремя маленькими детьми. Но он даже не подумал сказать мне «спасибо», проявить ко мне хоть немного сострадания, учитывая жертву, которую я приношу, а для меня это именно так... Не спросил о моих родителях, об их здоровье, особенно о маме... Когда я рассказывала ему о том, как легко родился Пьер-Луи, он только покачал головой!»

Она усадила Мукки к себе на колени. Мальчик тут же задремал. Объятия ребенка облегчили ее печаль. И все же молодая женщина отчаянно тосковала по красивому дому матери, прохладе просторной гостиной, чаю с бергамотом, который Мирей подавала в пять вечера с печеньями, приятно пахнущими сдобой. Лора с Жослином, должно быть, спокойно проводили время в Валь-Жальбере, хотя и сочли ее отъезд нелепым и ненужным. Они утешились, пообещав Эрмин, что обязательно будут с ней в Квебеке с сентября и до первых снегопадов.

— Завтра же пойду на охоту, — говорил Тошан Пьеру. — Буду коптить на зиму мясо. Я уже запасся всем, что нужно: растительным маслом, мукой, сахаром и консервами!

Эрмин сжала зубы. Она злилась на мужа и на себя тоже за то, что скрыла от него правду. Страшная тревога снедала ее.

«Господи, он все продумал! Когда я скажу ему, что подписала контракт

с Капитолием и уеду в Квебек в начале сентября, он с ума сойдет от ярости!»

Весь день она была молчаливой, словно бы незаметной. Малейшее занятие приносило ей облегчение. Молодая женщина с радостью раздала всем холодную еду, собранную для них в дорогу заботливой Мирей, настояла на том, чтобы самой поменять пеленки двойняшкам. Если Тошан посылал ей воздушный поцелуй или улыбался, она едва осмеливалась ответить. Чем ближе становилась бухта, в которой им предстояло высадиться, тем больше росло в ней чувство вины.

«Я поступила безрассудно, не задумываясь о том, что сделаю мужа несчастным, — пришла она наконец к выводу. — Я настоящая эгоистка! Сестра Викторинна права: место женщины у очага, она должна воспитывать детей и заботиться о муже. Я же поступила в угоду своим глупым амбициям, согласившись петь в “Фаусте”!»

Напрашивалась параллель между судьбами Маргариты и ее собственной. Та поддавалась чарам Фауста, что вполне устраивало дьявола, Мефистофеля. Однако в конце представления Маргарита призывает на помощь небесных ангелов, чтобы они спасли ее душу. Не заблуждалась ли так же и она, поддавшись очарованию красного театрального бархата, аплодисментов и комплиментов?

«Если бы я стала такой же известной, как Эмма Лаженесс, была бы я более счастлива? Тошан никогда не поедет со мной ни в Квебек, ни в Монреаль, ни куда-либо еще. Он — охотник, больше индеец, чем белый. И я его предала. Нет. Он никогда ни о чем не узнает! Я придумаю, как отправить письмо директору Капитолия с просьбой аннулировать мой контракт».

Эрмин вздохнула свободнее. Испытав огромное облегчение, она повеселела.

В сумерках они высадились на берегу небольшой бухты, поблизости от хижины. Оранжевые отблески танцевали на воде реки. Небо окрасилось во все оттенки лилового. По нему бежали кремового цвета облака, пронизанные золотистыми нитями-лучами заходящего солнца. На противоположном берегу Перибонки обосновалась стая канадских казарок. Большие птицы кричали и квохтали, развеселив своими криками Мукки.

— Господи, все эти вещи нужно вынести на тропинку! — вздохнула молодая женщина. — Тошан, Тала останется с нами хотя бы на несколько дней, прежде чем уйдет к бабушке Одине?

— Нет. Хижина уже пуста, — отозвался он.

— А кто же тогда следит за собаками? — удивилась она. — И где

Кьют, хаски, которого тебе подарил на Рождество папа?

— Я оставил себе только Дюка, — ответил с раздражением Тошан. — Я все объясню тебе позже. Идите с Мадлен и детьми вперед, а мы с Пьером вас догоним! Ты знаешь, где спрятан ключ. Нужно проветрить дом и разжечь огонь.

Ошеломленная, Эрмин остановилась перед мужем. Он редко бывал с ней настолько грубым.

— Может, мне еще выдубить несколько кож и переодеться в одежду дикарей? — спросила она резко, даже не задумываясь о том, что своей иронией может обидеть Мадлен, которая была индианкой. — Представь себе, я знаю и без твоих указаний, что делать в доме!

Он не ожидал такого отпора и уставился на нее с недоумением. Пьер Тибо засвистел, чтобы скрыть свое замешательство: он не рассчитывал стать свидетелем семейной сцены.

— Эрмин, прости, я просто очень тороплюсь. Нам еще надо перенести все эти вещи! Обычно мать хозяйничает в доме и готовит пищу.

— У нее не было причины уходить, — со вздохом сказала молодая женщина. — А с твоей стороны нехорошо было отдавать этого прекрасного щенка. Папа обидится, когда узнает. Ладно! Шарлотта, возьми Мукки за руку. Мадлен, пусть Мари останется у тебя, а я возьму Лоранс. И давайте поспешим, или великий вождь монтанье оставит нас спать за порогом!

Послышался серебристый смех: слова Эрмин рассмешили кормилицу. Она в открытую потешалась над своим кузенком Тошаном, который от злости пнул ногой один из плетеных сундуков. Пьер тоже прыснул.

— Не сердись, приятель! — сказал он. — Женщины теперь не те, что раньше. И только моя жена никогда мне не перечит.

— О да! — с гримасой недовольства воскликнул красавец метис.

В знак протеста он зажег сигарету. Эрмин скрылась в высокой траве, а следом за ней и Мадлен с Шарлоттой. Повинуясь инстинкту, который приказывал охранять самых слабых, Дюк убежал за ними.

— Прости меня, Мадлен, — сказала молодая женщина, когда они прошли сотню метров. — Я рассердилась на моего мужа. Я не хотела обидеть твой народ, правда не хотела! Я уважаю ваши обычаи и ваши верования.

— Не беспокойся, я это прекрасно знаю, — ответила кормилица. — Иначе ты бы не вышла замуж за метиса. Ты права, что возмутилась, — я же никогда не осмеливалась перечить мужу. А в сравнении с ним Тошан просто невинный ягненок!

Эрмин от всей души пожалела ее. Впереди показались крыша,

покрытая толем, и каменная труба, над которой, увы, не вился дымок. Тала и вправду ушла. Скоро они оказались на опушке, поросшей более низкой травой с россыпью желтых цветов.

— Странно, что мы будем жить здесь без Талы, — сказала она своим спутницам.

В ту же секунду Дюк глухо зарычал, и шерсть у него на загривке встала дыбом. Не обращая внимания на поведение собаки, Шарлотта побежала вперед.

— Тала показывала мне, где лежит ключ, я его возьму!

— Нет! — приказала Эрмин. — Дюк что-то услышал! Стой на месте!

Пес уже заходился лаем. Из дровяного сарая, дверь которого была открыта, послышалось рычание. Он сообщался дверью с помещением поменьше, которое служило кладовой. Тала и Тошан хранили там копченое мясо, бочонки с засоленной рыбой и другими продуктами длительного хранения.

— Спокойно, Дюк! — приказала испуганная Эрмин.

Внезапно из сарая показалось что-то огромное и темное, испускающее хриплый рев.

— Боже милосердный! — тихо проговорила молодая женщина. — Медведь! И преогромный! Не бойтесь и не шумите. Может быть, лай Дюка его напугает...

Она дрожала всем телом. Медведь, старый самец, встал на задние лапы. Морда его была измазана чем-то белым. Должно быть, он лакомился припасами — мукой или сахаром.

«На помощь позвать нельзя, он может напасть! — быстро пришло ей в голову. — Тала рассказывала, что в это время года медведи часто бродят вокруг хижины. Но мне их раньше видеть не приходилось...»

Дюк приближался к самозванцу с дерзостью собаки, в чьих жилах течет волчья кровь. Обнажив зубы в угрожающем оскале, он встал перед женщинами и детьми. Животные уставились друг на друга, причем медведь не переставал рычать, а пес — лаять. То было настоящее противостояние, в котором одному пришлось бы уступить. Мари, более нервная, чем Лоранс, испустила голодный крик — пронзительный, громкий. Испуганная Мадлен попыталась расстегнуть свой корсаж, чтобы дать ей грудь и заставить тем самым замолчать. Шарлотта благоразумно пятилась, заслоняя собой Мукки.

— Господи, сжался над нами! — едва слышно взмолилась Эрмин.

Однако черный медведь внезапно отпрыгнул назад, встал на четыре лапы и пустился бежать с удивительной для его габаритов скоростью.

Поразительно, но резкие крики малышки испугали его, похоже, сильнее, чем враждебное ворчание Дюка. Прибежали Тошан и Пьер. Едва слышав лай Дюка и рычание медведя, они бросили вещи, которые несли, чтобы поспешить на помощь. У них на глазах крупный темный зверь скрылся в кустарнике ближнего леса.

— Все в порядке? — спросил Тошан, обнимая жену. — Это был медведь, да?

— Да! — сказала она. — Огромный! Ты заставил меня переселиться в край, где медведи творят что хотят, и это притом, что у нас трое маленьких детей!

— Этот медведь не творил что хотел, хотя бы потому, что удрал со всех ног, — возразил он. — Подождите, пойду посмотрю, что там!

И он бросился к сараю. Тут же послышались его ругательства и проклятия в адрес медведя. Эрмин, которую все еще сотрясала нервная дрожь, погладила Дюка.

— Ты смелый пес! — прошептала она. — Я знаю, ты бы дрался за нас!

Подошла Мадлен. Мари сосала грудь, прикрытая полкой шали, которая щадит целомудрые кормилицы.

— Это плохой знак, — шепнула она на ухо Эрмин. — Тала ушла из хижины, волшебный круг исчез. Здесь скоро произойдет что-то нехорошее.

— Прошу, не говори так! — попросила молодая женщина. — О каком волшебном круге идет речь?

— Дед Талы был шаманом. Он передал ей некоторые свои секреты. Но я больше ничего об этом не знаю.

Шарлотта стояла, прижавшись к ним обеим, Мукки сидел у нее на закорках. Пьер Тибо покачал головой.

— Да, здесь вы почти отрезаны от мира, — заметил он. — В любом случае, Эрмин, если вдруг захочешь летом отправить письмо, можешь на меня рассчитывать. Я буду приезжать раз в две недели.

— Спасибо, Пьер! — с благодарностью отозвалась она. — Меня уже ноги не держат! Медведь так нас напугал!

— Ты была очень смелой, — сказал он.

— Я тоже очень испугалась! — подхватила Шарлотта. — И теперь хочу в хижину!

— Так идем! Я вас провожу, милые дамы, — пошутил Пьер. — Тошан разозлился: ему придется ходить на охоту в десять раз чаще, если медведь съел все копченое мясо.

Эрмин решила примириться с отсутствием свекрови. Она все равно не могла ничего с этим поделать. Она передала Лоранс, которая еще не ела, в

руки Мадлен, а сама взяла уснувшую Мари и уложила ее на кровати в большой комнате.

В очаге нашлось все необходимое, чтобы разжечь огонь. Шарлотта отыскала спички и подожгла сухой мох под заинтересованным взглядом Мукки.

Взметнулось жаркое пламя, и комната моментально наполнилась светом. Пьер объявил, что ему нужно заняться поклажей.

Едва он вышел, как появился Тошан с чемоданом на спине, который он придерживал обеими руками.

— Эта зверюга полакомилась властью! — объявил он. — Вспорол мешок с мукой, разорвал на куски четвертую часть мяса. Я найду его, этого медведя, и он закончит свои дни ковриком у кровати!

С этими словами он сбросил чемодан на пол и ушел вместе с Пьером. В голосе мужа Эрмин услышала ярость. Сдержав вздох, она принялась готовить еду. Тала оставила много сушеных овощей, бобы и чечевицу.

— В одной из корзин у нас есть соленое сало, — громко сказала она. — Я приготовлю чечевицу. На десерт у нас будет печенье Мирей.

Все ее попытки казаться веселой ни к чему не привели. Было ошибкой вслух произносить имя домоправительницы. Оно снова напомнило о Валь-Жальбере, родителях и маленьком брате, которым она так и не успела налюбоваться; о мирном течении дня, о накрытом чьими-то волшебными руками столе и о вкусных ужинах.

«Я не должна ни о чем жалеть! — упрекнула себя Эрмин. — Монахини научили меня все делать по дому и готовить. У Бетти я тоже редко сидела без дела. Мы будем счастливы! Как только обустроимся, все будет хорошо. Должно быть!»

И она разрыдалась. Наступающее лето казалось ей непреодолимым испытанием.

Глава 19

Лето во лжи

Хижина Талы, в тот же вечер

Трапеза вышла очень оживленной. Главной темой разговора стало геройство маленькой Мари, чьи голодные крики обратили в бегство огромного черного медведя. Каждый пытался представить событие так, как его видел.

Эрмин собрала волосы в узел, повязала белый фартук поверх цветастого платья. Щеки ее разругались от близости огня, пока она готовила. Она позабыла свои страхи, сомнения и предчувствия. Ее блюдо из чечевицы с поджаренным салом имело большой успех. Молодая женщина добавила в воду немного дикого чеснока и мяты — растений, которые ее свекровь собирала в лесу.

Пьер Тибо вынул из сумки бутылку белого вина. Эрмин выпила полстакана, Тошан — намного больше, и теперь он пребывал в прекрасном расположении духа. Мукки уже спал в маленькой комнате, где обычно жила Тала, а теперь поселились Шарлотта и мальчик. В распоряжение Мадлен отдали большую комнату, где на треногах стояли две корзины, ставшие колыбелями для Мари и Лоранс. Они были ручной работы, и отец девочек с гордостью показал их супруге.

— Одина и Аранк смастерили их для двойняшек, — объяснил он. — Шоган поставил их на прошлой неделе. Моим дочкам они понравятся.

Очевидно, он оказался прав, потому что девочки спали спокойным сном. Мадлен, в Валь-Жальбере очень сдержанная, здесь стала менее робкой. Она улыбалась шуткам Пьера и становилась от этого еще симпатичнее.

— Мы здесь как короли! — заявил Тошан. — Слава богу, что медведь не съел все запасы!

Шарлотта зевала над тарелкой. Эрмин нежно поцеловала ее и отправила в кровать.

— Доброй ночи, дорогая, день был очень утомительным. Иди скорее спать!

У очага остались только взрослые. Когда с десертом — печеньем с

кленовым сиропом и черничным джемом — было покончено, Пьер спросил, где ему лечь.

— Прости, но тебе придется спать на жестком — вот на этой скамье, — сказал Тошан. — Дадим тебе одеяло, огонь в очаге заменит тебе ночник.

— Я знал постели и пожестче, — ответил гость.

Мадлен попрощалась кивком и ушла к себе. Эрмин почувствовала, что сердце быстрее забилося в груди. Еще несколько минут — и они с Тошаном останутся наедине.

— Можешь идти в нашу красивую комнату, — шепнул он ей на ухо. — Мы с Пьером выкурим по последней, я погашу угли и приду!

Горящий желанием взгляд красноречиво говорил о его намерениях. Обычно молодая женщина отвечала на это беззвучное приглашение многообещающей улыбкой. Но теперь, после шести месяцев воздержания и подавляемого гнева, она вдруг смутилась.

— Хорошо, — кивнула она.

Красивая комната, о которой говорил муж, оказалась новой спальней, которую он добавил к хижине. Молодой мужчина закончил ее на днях, поэтому там приятно пахло листвой и еловой смолой. Тошан показал ее Эрмин незадолго до ужина. Отделка была предельно простой. На перегородках висели яркие коврики. Доски все еще были светлыми, слегка желтоватыми, что очень украшало комнату. Большая кровать со стойками из неокоренного дерева занимала почти все пространство. Две волчьих шкуры служили ковром. В углу виднелся выложенный галькой очаг. Не хватало шкафа и занавесей на довольно-таки большом окне, которое выходило в лес.

Эрмин выразила свое восхищение, чтобы не расстраивать Тошана. Нельзя было сказать, что она недовольна, однако сразу подумала, что места для детской кроватки здесь может не хватить.

Она остановилась перед чемоданом, в который Мирей поместила заботливо сложенные вещи. На крохотный столик Эрмин поставила фарфоровый таз и кувшин с водой. После краткого туалета, который заставил ее с сожалением вспомнить о комфорте материнского дома, она надела ночную сорочку.

Тошан вошел через несколько секунд. Он подбежал к ней и обнял, сжав ладонями талию. Его руки заскользили по бедрам, потом вернулись к округлой груди, натянувшей легкую ткань.

— Наконец-то ты здесь! — шепнул он ей на ушко. — Моя жена! Моя восхитительная женушка-ракушка! Сними сорочку, она тебе не нужна!

Он поднял подол рубашки, чтобы помочь ее снять, но этот порывистый жест ее расстроил.

— Нет! Не сейчас! — твердо сказала Эрмин. — Я хочу с тобой поговорить.

— Дорогая, что с тобой? Мы поговорим завтра или послезавтра! Я не видел тебя полгода! Все это время я мечтал о твоём обнаженном теле, твоих грудях, бедрах!

— Чш! — возмутилась она. — Пьер услышит, и Мадлен! Это хижина, не дом! И потом, ты должен понять, что я расстроена. Ты уехал, не предупредив меня, в праздник Нового года, и подрядился работать в Вальдоре, даже не заехав в Валь-Жальбер, чем очень меня огорчил. Я беспокоилась, я такого себе напредставляла! Что у тебя появилась другая женщина, что ты меня больше не любишь!

Молодой метис присел на край кровати. Желание пропало. Он надеялся избежать выяснения отношений.

— Мои родители удивлены твоим поведением, можешь мне поверить, — продолжала она. — Я только родила, и ты вдруг исчез!

— Это просто стечение обстоятельств! — соврал он. — Я сообщил тебе в записке, что собираюсь сразу же вернуться. Но Тала заболела. Я остался с ней, и ты не можешь меня в этом упрекнуть. Из-за этой болезни она решила переселиться к своей матери Одине. Для нее было небезопасно оставаться здесь и жить одной. Поэтому она сказала, что я могу располагать хижинкой и расширить ее для моей семьи. Это означало, что нужны деньги. В Перибонке я услышал, что в Вальдоре хорошо платят. Вот только времени на поездку в Валь-Жальбер не оставалось. Ты прекрасно знаешь, Эрмин, что мне тяжело жить за счет твоей матери. Во мне выиграла гордость, что, по-моему, случилось весьма кстати, иначе я бы совсем разучился работать. Теперь у меня есть сбережения, и здесь мы у себя дома. Завтра я уйду на охоту. Я в мире с самим собой.

Молодая женщина, которая все еще стояла возле постели, не нашлась что возразить. Речи Тошана были разумными, однако в последней фразе прозвучали нотки фальши.

— Ты не кажешься мне умиротворенным, — заметила она.

— Конечно! Ведь ты отталкиваешь меня, хотя мы не виделись полгода! — пробурчал он.

— Ты сам так хотел, — не сдавалась Эрмин. — Предупреждаю, будь осторожен, я не хочу забеременеть!

Раньше Эрмин никогда не заводила об этом речь. Она была очень стыдлива и не касалась этой темы ни до, ни после их страстных объятий.

Изумленный и обиженный одновременно, Тошан уставился на нее.

— Что я слышу? — спросил он жестко. — Быть осторожным? Мы молоды, я всегда зарабатываю достаточно! Почему ты не хочешь еще одного ребенка?

— Пока слишком рано! Лоранс и Мари всего по полгода, и мы можем подождать год или два, — ответила она.

Сердитый, он снял ботинки и швырнул их об стену. Потом сорвал с себя рубашку и снял брюки. Эрмин наблюдала за ним, любуясь игрой мускулов под бронзовой кожей. Теперь уже она ощущала, как обжигающе горячие волны желания разливаются у нее внизу живота.

— Тошан, раньше ты был добрее, — сказала она. — Если тебя что-то мучит, скажи! Мы должны быть честны друг с другом.

Она подумала о контракте, который подписала, и покраснела.

«Я прошу его быть со мной искренним, а сама действовала у него за спиной и теперь не могу ему признаться в том, что сделала!»

— У меня одна забота: моя супруга отказывает мне, — иронично отозвался он.

— И еще некрасиво с твоей стороны отдавать Кьюта. Это выглядит так, словно ты совсем не дорожишь подарком папы, — сказала она. — А ведь ты так радовался на Рождество! Мы собираемся жить здесь и зимой. Разве Дюк сможет тащить сани в одиночку?

— Саней больше нет, — вздохнул ее супруг. — Я сделаю новые до начала зимы. Кузен Шоган продаст мне недорого трех хороших собак. Этой зимой, когда я переправлялся через реку, произошел несчастный случай: лед треснул. Я смог спастись сам и вытащить моих собак, но сани утонули.

Глаза Эрмин широко распахнулись от ужаса. Она ни на секунду не могла представить, что Тошан снова ей врет. На самом деле он сжег остатки саней, изрубив их топором.

— Ты дважды чуть не погиб, когда был далеко от меня! — воскликнула она. — Когда ты станешь осмотрительнее, перестанешь считать себя бессмертным? У тебя трое детей, Тошан!

Расстроенная, она задула свечу и легла с ним рядом. Какое-то время они молчали. Сердца ускоренно бились, дыхание участилось. Эрмин боролась с желанием дотронуться до супруга, а он прилагал массу усилий, чтобы не обнять ее. Но темнота напоминала обоим о стольких сладких поцелуях и дерзких ласках, что они одновременно повернулись друг к другу.

Она придвинулась к нему, коснулась губами подбородка, нашла его губы. Он ответил, раздавив ее губы своими. Секунда — и ничего больше не

имело значения. Ни родители, ни дети, ни сани, ни щенок хаски. Эрмин освободилась от ночной сорочки, чтобы поскорее остаться обнаженной, отдаться желанию Тошана. Он стал ласкать ее всю, не забывая ничего.

Внезапно он отодвинулся и встал.

— Что ты собираешься делать? — задыхаясь, спросила она.

Крошечный огонек разорвал темноту. Ее муж зажигал свечу. Она увидела его — загорелого, с черными распущенными волосами, обрамлявшими напряженное лицо. Все его тело вибрировало от страсти.

— Я хочу тебя видеть, — властно сказал он. — Ты такая красивая!

Как и в ночь после их бракосочетания, Эрмин овладела стыдливостью. Она закрыла глаза, стоило ему сдернуть с нее простыню. Но осознание того, что ею любят, пожирают взглядом, разбудило в ней чувственное удовольствие.

— У меня самая прекрасная жена в стране! — воскликнул он, тяжело дыша. — Ты — моя, только моя!

Он лег на нее сверху, и, без долгой прелюдии, вошел в нее жестче, чем обычно. Ее это удивило, и все же она позволила увлечь себя бурному потоку страсти, который быстро принес ее к пику наслаждения. Ей пришлось закусить зубами простыню, чтобы не закричать. Тошан, который тоже не издал ни звука, на этом не остановился. Он казался неумолимым. Опьяненная, пребывающая в том же чувственном бреду, Эрмин в конце концов ощутила приятную усталость. Внутренний голос не переставая твердил, что теперь она наверняка забеременеет. Но в тот момент ей не было до этого дела.

Они немного поспали, прижавшись друг к другу. За окном ночная птица испускала монотонные крики. Сонная, Эрмин все же спросила:

— А почему ты устроил Мадлен в большой комнате твоей матери? Нам там было бы удобнее. В той кровати родился Мукки, и с ней у меня связаны чудесные воспоминания.

— Мне хотелось новую комнату, чтобы начать в ней с тобой новую жизнь, — сказал он тихо, сонным голосом. — И кровать тоже новая, мы только что ее испытали.

Тошан окончательно проснулся и испытал желание рассказать ей все, что знал сам. И он сделал это мысленно.

«Моя дорогая супруга, я не могу спать с тобой в комнате, где твой отец обесчестил мою мать и куда принесли из леса мою новорожденную сестру Киону, твою сестру и сестру ребенка Лоры, Пьера-Луи, о котором ты говоришь с улыбкой гордости».

Эрмин сидела под навесом на веранде, скорее длинной, чем широкой. Отсюда она могла видеть Мукки, пускавшего бумажный кораблик в чане с водой. Шарлотта читала, лежа на одеяле. Зонтик закрывал ее от солнца.

Вокруг царили мир и покой. Мадлен укачивала двойняшек, которые только что поели. Тошан еще не вернулся с охоты. В июле он убил карibu^[55], на огромную тушу которого молодая женщина не могла смотреть без сожаления. Ей совсем не понравились три дня «скотобойни», как назвала это кормилица, в течение которых тушу разрезали и сняли мясо с костей. От запаха ее жутко тошнило, так что она решила было, что снова беременна. Но очень скоро с огромным облегчением получила верные доказательства того, что это не так. Карibu превратился в куски копченого мяса, а его шкуру, выделанную Мадлен, постелили на полу в их с Тошаном комнате.

«Дни идут так быстро! — подумала она и оторвалась от шитья, чтобы посмотреть на прозрачно-голубое небо. — Я так и не написала директору Капитолия — никак не могу решиться. Тошан смотрит, какие письма я передаю Пьеру каждый раз, когда он к нам заезжает. По крайней мере, я получила хорошие новости из Валь-Жальбера. Мама все не нарадуется моему маленькому братику Пьеру-Луи. Я не могу разделить с ней эту радость. Жаль!»

В конверт Лора вложила две фотографии. На одной фотограф запечатлел ее сидящей перед домом, под навесом, с одетым во все белое сыном на руках. За ее креслом стоял с важным видом Жослин. Другая фотография была портретом двухмесячного Пьера-Луи.

«Тошан мельком взглянул на снимок, где родители вместе с сыном, да и на второй тоже. Это наводит на мысль, что ему безразличны мои родные. И я никогда не пойму почему. Хотя мне повезло, что он не стал читать письмо мамы. Она рассказала, что уже кое-что сделала в преддверии нашей поездки в Квебек. Господи, как же она расстроится, если я откажусь от контракта!»

Огорченная собственными размышлениями, молодая женщина положила шитье в матерчатую сумку. Утешение она нашла в созерцании своего сына. В будущем месяце Мукки должно было исполниться два года.

— Где мы будем в этот день? — вполголоса проговорила она. — Здесь или на берегу Сен-Лорана?

И вздохнула. Жить в хижине в целом оказалось приятно. Здоровый,

живительный воздух; часы жары вполне переносимы благодаря соседству с рекой. Эрмин получала удовольствие от приготовления пищи. Вчера они с Шарлоттой и Мукки ходили в лес за черникой, и теперь на этажерке возле большого очага выстроились многочисленные горшочки с темно-фиолетовым джемом. По ночам Тошан был внимательным, страстным, нежным, но днем — отстраненным и серьезным.

«Готова поклясться, он что-то от меня скрывает, — часто говорила себе Эрмин. — Но я не могу его ни в чем упрекнуть: он играет с Мукки, помогает менять пеленки дочкам. И все-таки он изменился!»

Несмотря на подобные мысли, она не решалась расспрашивать мужа, поскольку и сама была с ним не до конца откровенна. В один из первых вечеров, во время ужина, она начала рассказывать о своей поездке в Квебек. Стоило ей произнести слово «театр», как Тошан попросил ее замолчать.

— Мне неприятно слушать об этих обезьянах, которые кривляются на потеху толпы в больших городах! — отрезал он. — И я не хочу ничего знать об этой твоей вылазке.

Растерянная, она подчинилась, но до сих пор чувствовала себя обиженной. Пронзительный крик вырвал ее из мрачных размышлений. Кричала Шарлотта.

— Мимин, змея! Там! Мукки хочет ее потрогать! Беги скорее сюда!

Молодая женщина бросилась к сыну, склонившемуся над огромным ужом. В Квебеке ужи не представляли никакой опасности, Эрмин это знала, и все же рептилия могла укусить ребенка. По пути она схватила ветку, чтобы прогнать ужа.

«И Дюк ушел с Тошаном! — подумала она. — Я бы предпочла, чтобы собака оставалась с нами. Неделью назад мне пришлось камнями прогонять каркаджу! Какой наглый зверь!»

Змея лежала, свернувшись, на куче золы, в том месте, где хозяин дома обычно сжигал ненужные чурки и часть мусора.

— Мукки, отойди, не нужно трогать ужа. Если он проснется, то может кинуться. Шарлотта, да перестань же наконец кричать!

— Я ненавижу змей! — ответила девочка. — Я его не заметила! Может, он тут уже давно. Прогони его, пожалуйста!

— Нет. Мы просто все вместе пойдем в дом, — сказала молодая женщина. — Я начинаю верить Мадлен. Она говорит, что Тала выкладывала вокруг хижины волшебный круг, который не давал зверям приблизиться. И доказательства есть: к нам уже заглядывали в гости и медведь, и каркаджу, и этот старый волк с блеклыми глазами, вчера

вечером. А теперь огромный уж отдыхает в десяти шагах от дома. В первый раз вижу здесь такое!

Она передала Мукки Шарлотте. Та не стала возражать и бегом понеслась к хижине, прижимая мальчика к груди. Эрмин рассмотрела змею. У той была очень красивая расцветка.

«Думаю, она переваривает лесную мышку или лягушку, — сказала себе молодая женщина. — Ее нужно просто оставить в покое».

И она бросила ветку в кучу золы. Поднялось облачко серой пыли, а под ним показался кусок дерева, наполовину засыпанный обгорелой хвоей.

— Не может быть! — воскликнула она.

И подняла с земли свою находку, глядя на нее расширенными от изумления глазами. Это оказалась ручка от саней ее отца, та самая, на которой была выгравирована буква «Л». Лак облез, сам поручень походил на обгоревшую головню, и все же сомнений быть не могло.

«Значит, Тошан обманул меня, — подумала она. — Но почему? Он не осмелился сказать правду...»

Эрмин спрятала свою находку. И решила объясниться с мужем, как только он вернется.

Позже, за чисткой картошки и брюквы, она стала строить догадки.

«Он сломал сани и, опасаясь гнева папы, сжег их. Поэтому он и не хотел приезжать в Валь-Жальбер. Но ведь случается всякое и проще было бы рассказать правду!»

Придя к этому заключению, она вспомнила о собственных недомолвках. И чуть было не выбросила обломок поручня в огонь.

«Тошан врет мне, я — ему. Как это грустно! Мы больше не доверяем друг другу!»

Расстроившись, молодая женщина решила написать короткое письмо директору Капитолия. По крайней мере, когда с этим будет покончено, ей не придется рассказывать мужу о том, что сама она считала предательством. После она написала еще одно письмо — матери, чтобы уведомить ее о своем решении. Закончив, она вздохнула с облегчением. Запечатанные конверты Эрмин спрятала в свою сумочку, которая здесь ей совершенно не была нужна.

Тошан вернулся после наступления темноты. Уже сейчас, в августе, дни становились все короче, а вечера — прохладнее. Супруг разжег огонь в их комнате, когда пришло время ложиться спать. Эрмин рассказала ему о том, как Мукки нашел ужа.

— Бетти с Симоном часто говорили, что уж может укусить, и это так же больно, как укусы кошки. Как бы наш бедный Мукки тогда плакал!

— Наверное, но это было бы ему уроком, он бы стал осторожнее со змеями, — отозвался ее муж. — Мой сын все узнает о лесе, о его опасностях и ловушках.

— Но твоему сыну всего два года! — сказала она. — Он еще только начал узнавать мир! И ты снова в плохом настроении, Тошан. Не ходи больше на охоту, если возвращаешься с пустыми руками и нахмуренный.

Тошан, который сидел у очага, ничего не ответил. Она посмотрела на его профиль. Такие обычно изображают на медалях: нос с небольшой горбинкой, высокий красивый лоб, волевой подбородок. Лицо его, как обычно, выражало едва уловимое презрение. Разочарованная поведением мужа, Эрмин позабыла о своих добрых намерениях.

— Я нашла это в золе большого очага, — сказала она, протягивая ему почерневший кусок дерева. — Что произошло? Ты соврал мне, Тошан!

— Людям свойственно врать, — мрачно проговорил он. — Я устал, я много ходил, поговорим завтра.

— Можешь сказать мне правду! Эти сани были очень дороги моим родителям, и мне тоже. Они заменили нам брачное ложе! Думаю, ты так расстроился, когда они сломались, что предпочел придумать ту историю с рекой...

— Так и было, — отчеканил он. — Ты довольна? Я надеялся отдохнуть. Если ты хочешь со мной поссориться, пойду лучше спать на улицу.

— Я не хочу ссориться, — вздохнула она. — Было бы лучше, если бы ты сразу сказал правду, вот и все. Ложь подтачивает доверие.

— Иногда правда еще опаснее, — сказал Тошан. — Бывает, что откровения разрушают семьи, разлучают супружеские пары.

Сердце Эрмин оборвалось. Эти слова показались ей странными, хотя, по сути, были довольно банальны.

— Тошан, ты меня пугаешь! — сказала она. — О чем ты говоришь?

— Ни о чем конкретном, — сказал он. — Вот, например, возьмем твоего отца. Он подумал, что убил человека, там, в Труа-Ривьер, и пустился в бега с твоей матерью и тобой. А ему нужно было сразу же отправиться в полицию. Дело быстро уладилось бы, потому что тот человек остался жив. Твои родители не оставили бы тебя на пороге у монахинь, и их собственная жизнь была бы счастливее. Вот только трудно признавать свои ошибки, в этом я с тобой согласен.

Тошан встал и разделся. Расстроенная, Эрмин не испытала никакого волнения при виде его наготы. Она задумалась. У нее появилось ощущение, что она стоит на краю пропасти и должна в нее прыгнуть.

— А еще есть люди, которые вообще не хотят ничего обсуждать, — заметила она. — Ты говоришь, что любишь меня всей душой, но при этом тебя не интересует то, что для меня очень важно. Например, прослушивание, которое я прошла в Квебеке! Думаю, тебе не составило бы большого труда спросить, что думают специалисты о моем голосе, о манере исполнения.

Они легли на кровать, стараясь не касаться друг друга. Тошан молчал.

— Когда мы познакомились, я уже пела. Ты слышал меня в церкви в Робервале. И я пела в вечер нашей свадьбы в пустыни Святого Антония. Тогда ты говорил, что восхищаешься моим пением. Не знаю, что пришло тебе в голову, но после рождения Мукки ты противишься тому, чтобы я развивала свой талант!

— Развивала свой талант! — насмешливо повторил он. — Какое великосветское выражение! Я никогда не был против того, чтобы ты пела. И признайся, ты и сама не особо стесняешься, ведь я постоянно слышу, как ты поешь свои гаммы у реки. Мое мнение, что ты — моя жена и мать моих детей, и твое место здесь, с нами, а не на сцене. Если ты будешь встречаться с людьми из театрального мира, будешь ездить из города в город, то станешь другой Эрмин, которую я не смогу любить. Станешь чужой.

Рассерженная, она привстала на постели.

— А у тебя есть полное право наниматься на работу на другом конце страны, уезжать на полгода? Я бы тоже могла получить роль и петь столько месяцев, сколько подразумевает контракт, а потом возвращаться и жить с тобой и нашими детьми. Я бы зарабатывала деньги...

Тошан сердито махнул рукой. При этом он задел простыню, и она сползла. Он встал на колени и посмотрел на жену в умирающем свете свечи.

— Я считаю, что работать должны мужчины! И в ноябре я вернусь в Вальдор. Здесь ты ни в чем не будешь нуждаться. Дров я заготовил больше, чем надо, у нас полно копченого мяса, круп и бакалеи. И так будет всегда. Удел женщины — оставаться у очага. Если бы ты принесла в дом деньги, я бы их сжег!

— Как сани моего отца? — вскричала она.

— Да!

— Значит, ты злишься на папу! Но почему? В новогодние праздники вы были в прекрасных отношениях!

— Оставь меня в покое! — взорвался ее муж.

Это стало последней каплей, как любила говорить Мирей. Молодая

женщина сказала твердо:

— Можешь не волноваться, скоро отдохнешь от меня! Я тоже тебе соврала. Я подписала контракт с директором Капитолия после прослушивания! Я буду петь в опере «Фауст». По мнению специалистов, у меня исключительный голос и большой талант, и я не имею права ими жертвовать. В начале сентября я перееду в Квебек, для меня снимут квартиру. Я буду репетировать и заниматься вокалом. Премьера назначена на 27 декабря. За детьми присмотрит Шарлотта, и, может быть, Мадлен, потому что я предложила ей забрать по пути дочку из приюта в Шикутими. Теперь ты все знаешь. Я не могла это дольше от тебя скрывать.

Эрмин закрыла глаза, чтобы не видеть озлобленного лица Тошана. Высказав то, что было у нее на сердце, она теперь дрожала всем телом.

— Нет! — взорвался он. — Нет, нет и нет! Я тебе запрещаю! Это все глупости, это твоя мать вбила тебе их в голову! И твой отец тоже! Если это он возил тебя в Квебек, то он ничем не лучше Жозефа Маруа, твоего опекуна! У них одно на уме — делать на тебе деньги! Я должен был догадаться, потому что Шарден — худший из всех!

Обвинение показалось молодой женщине настолько несправедливым, что она возмутилась и посмотрела на мужа глазами, полными тоски.

— Отец сопровождал меня, потому что тебя рядом не было! Я была бы счастлива поехать с тобой, с тобой посмотреть Квебек, но ты бы все равно отказался. И что плохого сделал тебе папа? Ты же не ревнуешь его ко мне?

— Ревную? Вот еще бредни! — возмутился Тошан.

— Ты сказал глупость: мои родители не нуждаются в деньгах, у них достаточно средств, чтобы жить в достатке до конца дней.

— Именно так, и это для меня невыносимо! Пусть бы приехали в резервацию монтанье, посмотреть, в каких жалких бараках живут индейцы! Вы не поселенцы, вы — завоеватели, хищники! Эта земля принадлежит нам; каждое озеро, каждая река носит имя, которое мы ей дали с уважением. Но вы строите гидроэлектростанции, плотины и заводы ради прибыли, в то время как мой народ прозябает в нищете!

И он замолчал, с трудом переводя дыхание. Эрмин не верила своим ушам. Она искала, что бы на это ответить, когда раздался жалобный плач Мукки. Следом послышался тихий голосок Шарлотты, которая пыталась успокоить мальчика.

— Своим криком ты разбудил сына, — сказала она. — Покричи еще, и малышки подхватят. Давай поговорим спокойно, прошу тебя! Тошан, позволь мне выполнить условия контракта, только этого, и никакого больше! В это время ты сможешь закончить обустройство дома, как ты и

хотел. Я мечтала исполнить партию Маргариты. Это юная девушка, благоразумная и набожная, с длинными белыми косами!

— И, разумеется, с большим декольте! — подхватил он. — Надо же чем-то привлекать в театр мужчин!

— Ты говоришь как умалишенный, — возмутилась она. — Люди приходят слушать оперу ради музыки и пения. Да что ты вообще об этом знаешь? Сцена довольно далеко от публики. И если это единственное, что тебя беспокоит, — я надена платье под горло. Я буду так счастлива, Тошан! Предоставь мне это доказательство твоей любви! Будущим летом я вернусь и уже никуда не уеду, разве только в гости к родителям. Позволь мне один сезон петь в опере, прошу!

Она смотрела на него умоляюще — щеки разругались, губы приоткрыты... Волосы медового цвета разметались по полуголым плечам. Ее красота только усилила гнев супруга.

— Ты и так уже похожа на проститутку, — с презрением заявил он. — Предупреждаю, если ты станешь певицей, мы больше не будем мужем и женой! Я перестал верить в Бога, который, так сказать, благословил наш союз. У вас практичная религия: можно делать самые отвратительные вещи, а потом просто исповедаться. Я же подчиняюсь другим законам — закону чести и порядочности.

Эрмин разразилась рыданиями. Она подумала о прошлом своей матери, которой пришлось торговать своим телом, чтобы не умереть от голода. То, что Тошан назвал ее так, вызвало у нее тошноту.

— Я не знаю, что с тобой произошло, — сказала она со слезами, — но ты не такой, как раньше. Как только приедет Пьер Тибо, я уеду с ним в Валь-Жальбер. И ты от меня избавишься. Ты тоже меня предал, потому что всегда говорил, что твое крещение и христианская вера имеют для тебя значение. Хочу только напомнить, что твой отец — ирландец, поселенец, завоеватель! А ты — всего лишь индеец!

Тошан встал и оделся. Несколько минут — и он ушел. Звук хлопнувшей двери прозвучал в ночи, как выстрел.

— Господи! — вскричала Эрмин. — Я во всем виновата! Ну почему это с нами случилось? Тошан, вернись, прошу, вернись!

Но в комнату неслышными шагами вошел не Тошан, а Мадлен. Она распустила свои длинные черные волосы, обычно сплетенные в косы, и теперь они лежали красивыми волнами. Просторная туника скрывала ее полненькое тело и крепкую грудь.

— Эрмин, я слышала ваши крики. Что случилось? Мой кузен не ударил тебя?

— Нет, он не прикасался ко мне. Он оскорбил меня, унизил. Я решила вернуться к родителям, и как можно скорее. Но не могу уйти пешком, увы!

— Я не хотела подслушивать, но поняла, что Тошан не хочет, чтобы ты пела в Квебеке, — сказала Мадлен.

— Он хочет одного: запереть меня в этой хижине посреди леса на долгие годы и сделать мне кучу ребятишек! — с раздражением отозвалась Эрмин. — Если бы он любил меня, то радовался бы, что у меня такой талант!

— Мой кузен считает, что ты обычная женщина, хочет видеть тебя послушной и преданной. Но ты — не обычная, твой голос — прекрасный подарок Господа, и, наверное, он очень любит тебя, если так щедро одарил. Не отказывайся от мечты, Эрмин! Однажды Тошан поймет, что был неправ.

— Странно, что именно ты поддерживаешь меня. Вы ведь с ним родственники!

— Меня почти что силой заставили стать женой человека намного старше меня. И если я хочу принять монашество, то только для того, чтобы вновь не оказаться под властью мужчины. Но я могу еще подождать и, как я тебе уже сказала, поехать с тобой в Квебек. Я очень привязалась к твоим дочкам. Когда я с ними, я меньше страдаю от разлуки с моей девочкой.

Эрмин внимательно посмотрела на Мадлен. На ее нежном лице она увидела искреннее сочувствие и бросилась ей на шею.

— Спасибо! Наконец-то у меня есть настоящая подруга-сверстница! Я буду очень рада, если ты проведешь со мной зиму, где бы то ни было. Но мы обязательно заберем твою дочку!

— Тогда мне нечего будет больше желать, — призналась кормилица.

Они еще долго разговаривали в темноте. Для Эрмин, у которой было ощущение, будто небо обрушилось ей на голову, это стало огромным утешением. Она ожидала, что Тошан будет сердиться, что с ним трудно будет договориться, но никогда не думала, что он может быть таким жестоким.

Молодой метис не появился дома ни на следующий день, ни позже. Прошла неделя. Начались дожди — проливные, холодные. Земля сильно размокла. Шарлотта, как могла, развлекала Мукки, но мальчик стал капризным. Эрмин присматривала за ним, когда он играл под узким навесом из толя, откуда открывался хороший обзор окрестностей. Она все еще ждала возвращения своего мужа.

— Но где он? — спрашивала она у Мадлен. — Он не взял ни ружья, ни ножа. Я с ума схожу от беспокойства!

— Дюк ушел с ним. Он хороший сторожевой пес. Думаю, кузен

отправился к Тале, в дом моего брата Шогана, где живут еще бабушка Одина и моя тетя Аранк. Он все обдумает и вернется.

Эрмин сомневалась в этом. Она мало спала, потеряла аппетит и не занималась пением. Крестики, нарисованные ею в ожидании очередного визита Пьера Тибо, который, как и обещал, регулярно поднимался вверх по реке в своей лодке, сказали ей, что приближается день его очередного приезда. Она решила передать ему письма, написанные двумя неделями ранее.

— Если Тошан извинится передо мной, — говорила она Мадлен, — я объявлю, что разорвала мой контракт. Еще меня очень огорчает, что я не вижу, как растет мой маленький брат, Пьер-Луи. Валь-Жальбер кажется мне таким далеким!

Прошло еще три дня, но ни Пьер, ни Тошан так и не появились. Эрмин решила уже, что Тошан нашел средство помешать своему другу приехать, поскольку его лодка оставалась единственным способом сообщения между ними и Перибонкой все лето. С первым снегом они с детьми, кормилицей и Шарлоттой окажутся запертыми в ледяной тюрьме.

В четверг двадцать третьего августа солнце вернулось. Его сияющий свет пролился, словно бальзам на раны, и рассеял тоску молодой женщины. Она отправилась развешивать белье, которое накануне как следует выварила на огне. Мукки прыгал вокруг матери — веселый и шаловливый. Он стащил у Эрмин прищепку и теперь подкидывал ее в воздух.

— Папа! — вдруг закричал мальчик. — Папа!

И со всех ног бросился к опушке леса. Эрмин увидела среди деревьев двух людей и большого серого пса — Дюка. Испытав огромное облегчение, поскольку в спутнице супруга она узнала свою свекровь, молодая женщина оставила белье и поспешила за сыном. Тала улыбнулась ей, но это была уклончивая улыбка, от которой ни ее черные глаза, ни все лицо не становились веселее. И все же, когда Мукки обнял ее ногу и прижался лицом к бедру, индианка искренне этому обрадовалась.

Тошан избегал смотреть на жену. Лицо у него по-прежнему было сердитое, надменное. Она решила тоже не обращать на него внимания и поздоровалась со свекровью. Только тогда Эрмин заметила за спиной у Талы ребенка, удерживаемого широким отрезом цветастой материи.

— Откуда у вас этот малыш? — спросила она с любопытством.

— Я его воспитываю, мать умерла при родах, — ответила Тала спокойно. — Это девочка, ее зовут Киона.

— Какая хорошенькая! — воскликнула молодая женщина. — Сколько ей?

— Шесть месяцев.

— А моим двойняшкам скоро исполнится восемь! Они очень выросли. Как я рада вас видеть, дорогая Тала! Входите, Мадлен собиралась сварить кофе, сейчас как раз время полдника!

— Давай не будем делать вид, что ничего не случилось, — перебила ее свекровь. — Я все знаю. Мой сын привел меня сюда вопреки моей воле, потому что ты уезжаешь. Ему пришлось долго меня уговаривать, я уступила не сразу. Мне очень жаль, я думала, что ваши отношения крепче.

Эти слова окончательно разбили Эрмин сердце. Она с отчаянием посмотрела на Тошана.

— Что ты наговорил Тале? — с грустью спросила она. — Я не сделала ничего плохого, это ты упорно играешь роль палача. Ты должен понять, что я чувствую, что мне нужно петь, выходить на сцену, но нет, ты уготовил мне другую роль — примерной послушной супруги в стенах своего дома.

Она повернулась и побежала к хижине. Шарлотта наблюдала за ними со стороны, от двери дровяного сарая. Ей хотелось плакать. Это ужасное лето никак не хотело заканчиваться. Она торопилась уехать, вернуться в Валь-Жальбер и, конечно же, увидеть Квебек.

— Мадлен! — позвала Эрмин. — Тошан и Тала пришли!

Словно ветер, она влетела в большую комнату. Лоранс и Мари лежали поперек кровати, обе в беленьких платицах, расшитых розовыми лентами, совершенно одинаковых. Кормилица смастерила им по простенькой погремушке, и теперь малышки улыбались, радуясь своим игрушкам.

— О Мадлен, видела бы ты лицо Тошана! Он так переменялся, просто не узнать! Он пугает меня. На этот раз все точно кончено, он даже не попытался меня обнять.

— Тала его вразумит, — примирительно сказала кормилица.

— Не думаю. Она бы уже это сделала. Оказывается, ей отдали на воспитание ребенка, девочку, у которой умерла мать. Она очень маленькая, черноволосая, с лукавыми глазками. Киона!

Эрмин не успела ничего добавить: Тала появилась на пороге комнаты, слегка согнувшись под весом ребенка. Индианка с волнением оглядывала знакомое убранство комнаты.

— Горькая радость — вернуться домой, — призналась она. — Извините меня, но девочке нужно поменять пеленки.

Мадлен поторопилась ей помочь. Киона, смуглая и улыбчивая, совсем крохотная, оказалась между Мари и Лоранс, толстенькими и светловолосыми. Это очаровательное зрелище восхитило Шарлотту и Мукки. Обычно мальчик не обращал на своих сестричек никакого

внимания.

Эрмин выскользнула из комнаты, чтобы поговорить с мужем. Тошан остался на улице. Он осматривал содержимое дровяного сарая и запасы еды. Она приблизилась к нему не сразу, какое-то время просто наблюдая с расстояния в несколько шагов.

«Каким одиноким он выглядит! — подумалось ей. — Что его так мучит? Я стала для него врагом, но у меня впечатление, что дело не во мне».

Она подошла и коснулась его плеча. Он быстро отстранился и повернулся к ней лицом.

— Что ты хочешь? — осадил он ее.

— Помириться с тобой, поговорить. Ты так быстро ушел в ту ночь, когда мы поссорились! Тошан, что с тобой? Я не должна была подписывать этот контракт, я это признаю, и все же я уверена, что это не единственная причина твоего гнева. Я люблю тебя, несмотря ни на что.

— «Несмотря ни на что» могла бы и не добавлять! — бросил он сердито. — Я ошибся, женившись на тебе. Тебе никогда меня не понять, а я не смирюсь с твоими попытками стать знаменитой и богатой. Я решил обосноваться здесь и много работать. Мне нужна настоящая супруга, а не авантюристка, мечтающая выставить себя на всеобщее обозрение. Ты бы не осмелилась вести себя так, будь ты замужем за белым. Для тебя я навсегда останусь метисом, не индейцем и не белым. Я же выбрал индейскую кровь. Ноги моей больше не будет ни в городе, ни на заводе. Лес накормит меня и согреет.

— Ты потерял рассудок! Говорить все это мне! Мне! У нас с тобой трое детей, Тошан!

Молодая женщина попыталась увлечь его за собой в дровяной сарай. Она надеялась заставить его изменить решение с помощью нежности, ласковых уговоров. Однако он не сдвинулся с места.

— Я не передумаю, Эрмин! И не пытайся меня разжалобить. Разводиться мы не будем, это изобретение белых, не нужные никому бумажки. И повторяю, наш церковный брак больше ничего для меня не значит. Ты свободна.

Ей хотелось плакать от тоски, но она сдержалась. Незнакомец, стоявший перед ней, показался ей безжалостным, фальшивым и несправедливым.

— Ты сходишь с ума, — сказала она. — Я уже отказалась от контракта, отказалась играть в «Фаусте», решила жить здесь с тобой или без тебя, если ты снова уедешь работать в Вальдор. Ты слышишь меня? Разве это не

считается? Моя жертва?

— Нет, раз ты сама сейчас сказала, что это жертва. Мне бы хотелось, чтобы ты поступала по доброй воле, по любви! Или еще лучше — чтобы тебя ни на мгновение не посещали мечты стать артисткой. Можешь уходить, ты свободна!

Он взмахнул рукой, словно желая ее прогнать. Эрмин была полностью раздавлена.

— Если так, — сказала она, — дай мне возможность уйти. Пьер Тибо не приехал, ты помешал ему, верно? В глубине души ты хотел снова увидеть меня!

— Пьер будет здесь завтра, у тебя есть вечер, чтобы собрать чемоданы. А теперь оставь меня, мне есть чем заняться.

Паника охватила молодую женщину. Нельзя, чтобы их отношения вот так закончились! Все показалось ей запутанным, абсурдным, даже присутствие Талы.

— Если ты отказываешься меня выслушать, мне больше нечего здесь делать, — сказала она и убежала.

На пороге Эрмин, дрожа от рыданий, столкнулась с Талой. Свекровь обняла ее.

— Душа моего сына больна, — серьезно сказала она. — Эрмин, иди своим путем и не оглядывайся назад. Я исцелю его, обещаю. Ярость ослепляет его, делает глухим к любви, которую он к тебе испытывает.

— Нет, Тала, я вам не верю! Тошан больше меня не любит, иначе он оставил бы меня рядом с собой, но я даже не знаю, хочу ли этого сама. Он не желает, чтобы я пела на сцене, хотя сам спокойно оставил меня на шесть месяцев!

Индианка покачала головой. Она указала на открытое окно, сквозь которое в комнату вливался солнечный свет.

— Это лето — лето во лжи, множество испорченных прекрасных дней, — торжественным тоном проговорила она. — Эрмин, доверься мне. Уезжай со спокойным сердцем. Иди своим путем, и однажды ты поймешь, что он ведет тебя к Тошану.

— Если я проведу зиму в Квебеке, то все равно буду терзать себя сожалениями, раскаянием, буду тосковать. Зачем тогда мне все это, Тала? У меня совсем не будет желаний петь. Почему Тошан так переменялся? Вы такая добрая, такая заботливая! Скажите, маленькая Киона у вас надолго? Ее отец жив? Вы полюбите эту крошку, и если ее у вас заберут, это станет для вас несчастьем.

— Она сирота. Я буду растить ее как собственную дочь, — заявила

свекровь. — Каждая ее улыбка — это такой прекрасный подарок!

— Вы знаете, что Лора родила мальчика, которого назвали Пьер-Луи? Он тоже очень хорошенький! Я покажу вам фотографии!

Заплаканная, с огорченным лицом, Эрмин все же старалась быть гостеприимной хозяйкой. Дрожащими руками она расставила на столе чашки, положила коробку с печеньем, достала сахарницу и бутылочку с кленовым сиропом. Тала и Шарлотта наблюдали, как она суетится, с живым состраданием. Мадлен кормила девочек, которые понемногу уже начинали есть кашу с ложечки. Вдруг молодая индианка вышла из комнаты, откуда послышался плач, правда, не очень громкий.

— Киона тоже проголодалась, — вернувшись, сказала она Тале. — Такая маленькая, и осталась без матери! Чем ты ее поишь, тетя?

— Водой с медом. Но если у тебя еще осталось молоко, покорми ее, я буду тебе благодарна.

Голос Талы дрогнул. Ее собственные перевязанные груди сильно болели. Она сама хотела кормить Киону, спрятавшись от взглядов домашних в своей комнате.

— Придется подождать, — с сожалением ответила Мадлен. — У Мари и Лоранс здоровый аппетит. Они засыпают. Своим криком Киона может их растревожить.

— Если так, не беспокойся, племянница. Принеси мне девочку.

Эрмин смогла вдоволь налюбоваться смуглолицей крошкой. Она, имея собственных очень симпатичных детишек, даже подумала, что никогда прежде не видела такого красивого ребенка. Тошан наблюдал эту сцену через открытое окно.

«Я не настолько плохой, Эрмин, — думал он. — Ты восхищаешься этим ребенком, из-за которого мы стали проклятой парой! Киона — твоя сестра и моя тоже!»

Он бесшумно вернулся в дровяной сарай, а с наступлением ночи вошел в дом, чтобы чего-нибудь поесть. Мукки повис на нем, без конца повторяя «папочка», которое растопило бы самое жестокое сердце. Тошан погладил сына по темным густым волосам.

— Завтра, Мукки, я сделаю для тебя лошадку-качалку! — пообещал он.

Взволнованная близостью мужа, Эрмин не обратила внимания на эти его слова. Она думала о том, где устроить Тошана и Талу на ночь. Он не пришел бы к ним в спальню, она даже не пыталась строить иллюзии.

— Шарлотта, сегодня ты ляжешь со мной и Мукки, — сказала она как можно естественнее. — Тала будет рада вернуться в комнату, которую так

любит.

— Я лягу на улице, под звездами, — уточнил Тошан.

Повисло тягостное молчание. Стоило молодому метису выйти, как Эрмин разрыдалась.

Хижина Талы, на следующее утро

Шарлотта сидела на чемодане, одном из многих, громоздившихся перед входной дверью. Она смотрела на тропинку, где должен был пройти Пьер Тибо, который теперь казался ей настоящим спасителем. Ее нежное сердечко тринадцатилетней девочки терзали сомнения. Она слышала, что половину ночи Эрмин проплакала. Поведение Тошана возмущало ее. Девочка не могла понять, как случилось, что молодой метис так изменился.

В ее голове всплывали собственные впечатления и размышления о жизни взрослых. Шарлотта часто вспоминала свою мать Аглаю, которая много лет болела и, будучи почти полным инвалидом, быстро угасла. Ее отец, Жюль, честный труженик, пристрастился к спиртному и скоро превратился в отвратительного человека с постыдными намерениями.

«Я хочу отсюда уехать!» — повторяла она про себя.

Мукки, который не понимал, что родители в ссоре, бегал из конца в конец опушки за бабочкой.

Из хижины вышла Тала. Киону она, по индейскому обычаю, несла за спиной. Эрмин нашла в себе смелость поинтересоваться этой практикой, заключавшейся в следующем: ребенка поддерживала широкая полоска ткани, а в некоторых племенах — подобие корзины, не слишком большое и глубокое. Мадлен сказала, что носила свою дочку так же.

— Дети почти никогда не плачут, потому что они рядом с матерью, — пояснила кормилица. — Близость к ней их успокаивает.

— Что ж, мы можем попробовать завтра, когда пойдем к лодке, — предложила молодая женщина. — Я возьму Лоранс, а ты — Мари.

В душе Эрмин огорчение сменилось сильнейшим гневом. Она с детства терпеть не могла несправедливости. Тошан же демонстрировал такой пример злонамеренности, что она возмутилась. Она тоже с нетерпением ждала момента, когда спустится вниз по Перибонке, снова увидит своих родителей и свой поселок. Она надеялась, что отъезд пройдет быстро, ведь ее муж намеревался проводить их до бухты, чтобы помочь Пьеру погрузить вещи.

— Шарлотта, — позвала она, выходя следом за Талой из дома, — ты

ничего не забыла, когда складывала свой чемодан?

— Нет, Мимин, я уверена, — ответила девочка.

Тала пела колыбельную, покачиваясь с ноги на ногу. Казалось, что она где-то далеко, потерялась в своих мыслях.

— Как здесь жарко! — сказала она наконец. — Боюсь, будет гроза.

— Гроза началась несколько дней назад, — со вздохом отозвалась Эрмин.

— А может, и намного раньше, — сказала Тала, верная своей манере говорить загадками.

Подошел Тошан — оголенный до пояса, весь в поту. Он колот дрова. Со связанными на затылке волосами и равнодушным взглядом, он остановился перед побелевшей от страха супругой.

— Я много размышлял этой ночью, — начал он. — Мукки останется здесь со мной и моей матерью. В таком возрасте ребенку нужны свобода и пространство. Мой сын не поедет в Квебек, город не для него. В его венах течет кровь монтанье, он нуждается в северном ветре, дыхании деревьев, пении реки. И он любит Талу.

— О нет, никогда! — крикнула молодая женщина. — Ты не имеешь права, Тошан, украсть у меня моего ребенка! Ему же еще нет двух лет! Ты зашел слишком далеко. Когда ты работал в Вальдоре, судьба Мукки мало тебя заботила, как мне кажется.

— Не сравнивай рабочий городок с землей, которая мне принадлежит. Здесь здоровый и живительный климат. Тала унаследовала дар своего деда-шамана, ты забыла? Она нарисует вокруг хижины магический круг, который отгоняет диких животных и исцеляет самые страшные болезни. И не делай из себя мученицы! Мукки здесь нравится, а у тебя будет больше времени, чтобы учить твою распрекрасную оперу. Мари и Лоранс можешь забрать с собой, они еще слишком маленькие, и им все равно, где жить. Но сына я от себя не отпущу.

Эрмин закрыла лицо ладонями. Она не знала, то ли броситься на мужа с кулаками, то ли схватить сына и бежать в лес. В обоих случаях Тошан оказался бы сильнее, быстрее.

— Умоляю, не будь таким бесчеловечным! — сказала она, взглянув на него. — Никакой закон не разрешает тебе забирать у меня Мукки. Это ты меня прогоняешь, я же сказала, что отказываюсь от контракта. Но если так, прекрасно! Мне остается только внести чемоданы обратно в хижину. Я не уеду отсюда без сына.

Между ними встала Тала, властная и спокойная.

— Не горячись, Эрмин! — воскликнула она. — Спроси себя, что

лучше для Мукки. Думаю, в Квебеке ты часто будешь занята на репетициях и встречах, ты сама мне вчера вечером рассказывала. Мой внук — подвижный и беспокойный мальчик. Тут Тошан прав, ему нужно пространство. Он любит эти места. И я присмотрю за ним, ты это знаешь.

Молодая женщина с раздражением посмотрела на свекровь.

— Скажите еще, что в городе он станет мне мешать! Шарлотта едет со мной, он всегда будет под присмотром. Мадлен тоже сможет помочь. В Квебеке есть сады, пространство! Тем более что мои родители проведут зиму с нами. Мукки обожает Лору, а она ему такая же бабушка, как и вы.

Несмотря на всю свою горячность, Эрмин чувствовала, что победа ускользает от нее, поскольку доводы Талы звучали обоснованно. Заботливая мать, она предвидела, что мальчик будет скучать в четырех стенах квартиры, когда придут холода. Шарлотте, которой придется все время сидеть с ним, тоже будет несладко. У Лоры теперь есть собственный малыш, нуждающийся в постоянной заботе. Оставался только Жослин, но он не всегда был достаточно терпелив.

«Они правы, с ними Мукки будет счастливее, с Дюком, который ходит за ним, как тень. И Тошан, общаясь с мальчиком, наверстает месяцы, которые он провел в Вальдоре. Быть может, оставляя с собой нашего сына, он точно знает, что я вернусь...»

Приход Пьера Тибо разрядил обстановку. Он звонко произнес «Доброе утро!», но вид у него был смущенный.

— Можем начинать погрузку, дамы! — воскликнул он с наигранной веселостью. — Я натянул непромокаемый тент на случай, если пойдет дождь.

Тошан пожал ему руку.

— Остается только погрузить вещи в лодку. И отправляйтесь быстрее, небо затягивается тучами.

Эрмин слабо улыбнулась Пьеру, который тут же отвел взгляд. Тала не сводила с невестки глаз.

— Хорошо, — сказала молодая женщина. — Пусть Мукки остается, но он будет очень по мне скучать, и по Шарлотте тоже. А мы будем скучать еще сильнее. Господи, зачем ты заставляешь меня так страдать? Я же больше никогда не смогу петь, вы понимаете? Я хочу уничтожить свой голос, стать немой! Дар, которым все так восхищаются, разрушает мою жизнь!

Борясь с желанием разрыдаться, она подошла к сыну и присела с ним рядом. Нежно глядя на ребенка, она стала объяснять, что они долго не увидятся.

— Ты будешь все время с папой, а твоя бабушка Тала будет часто жарить тебе блинчики, которые ты так любишь. Мукки, я люблю тебя и вернусь за тобой, как только смогу.

Мальчик слушал вполуха, личико у него было безмятежное. Дюк лаял на белку, и это интересовало малыша куда больше, чем слова матери. Эрмин обняла его и расцеловала. Он со смехом вырвался и понесся к собаке.

— Мукки, — проговорила она грустно, теряя последние силы, — Мукки, дорогой, если бы ты знал, как тяжело мне с тобой расстаться!

Тала стала успокаивать ее, обещая, что будет писать.

— Вы в курсе, что после того, как ляжет снег, письма будут идти очень долго? — холодно сказала Эрмин. — И вы знали о планах вашего сына, не так ли, Тала? Тошан уже все решил, когда возвращался сюда?

— Я не знаю, что происходит в голове моего сына, — спокойно ответила индианка. — Когда будешь в Квебеке, пой для нас всех.

Молодая женщина пожала плечами.

Через час лодка Пьера уже уносила ее от хижины. Никто не осмеливался заговаривать с Эрмин — ни Мадлен, ни Шарлотта, ни Пьер. Она сидела в некотором отдалении от всех, с застывшим лицом. Иногда ее губы шевелились, как если бы она что-то шептала. На самом же деле она молилась, как Маргарита в опере: «Ангелы чистые, ангелы светлые, защитите Мукки, мое дорогое дитя, моего сыночка! Берегите его, пока я не вернусь за ним!»

Глава 20

Квебек

Валь-Жальбер, понедельник, 27 августа 1934 года

Лора наблюдала за дочерью. Эрмин вернулась в Валь-Жальбер сама не своя, и это очень беспокоило ее мать. Они пили чай в гостиной, поскольку пошел дождь и от идеи устроиться за столиком в саду пришлось отказаться. Луи спал в своей колыбели на втором этаже. Жослин куда-то ушел. Они впервые остались наедине.

— Дорогая, скажи, что тебя беспокоит, — попросила Лора. — Увидев тебя, я сразу поняла, что ты несчастлива. Думаю, ты очень скучаешь по Мукки, но тебе просто не нужно было его оставлять, он еще слишком маленький! И как только вам такое в голову пришло! Даже если ты и вправду думала, что будет лучше оставить его на попечение Тошана и Талы... Мы с Жослином очень расстроились. Очень!

— Мама, прошу тебя, перестань без конца это повторять! — взмолилась Эрмин. — Бесполезно меня упрекать, и слишком поздно. Вчера я вам изложила причины. И больше говорить об этом не хочу.

Молодая женщина опустила голову. Лора продолжала разглядывать ее похудевшее лицо, омраченные каким-то тайным горем черты.

— Эрмин, я хочу знать правду! Раньше ты никогда не говорила со мной в таком тоне. Холодном, отстраненном. Скажи, ты же не передумала ехать в Квебек? Ты ни слова не проронила о нашем отъезде! Я спросила у Шарлотты, и она сказала, что ты хочешь разорвать контракт. Надеюсь, это неправда. Мы с отцом сделали все, чтобы провести эту зиму с тобой. Думаю, тебе будет легче, если мы всегда будем рядом. Я даже поговорила с господином Дюплесси по телефону. Директор Капитолия намеревался арендовать для тебя квартиру недалеко от театра. Я заранее сняла более просторную, и теперь мы с ним разделим расходы. Эрмин, ты меня слушаешь?

— Конечно, мама. Я еду в Квебек, но меня это совсем не радует. И все же я хочу выполнить обещание. Мне нужно было хорошенько подумать, прежде чем ставить в контракте свою подпись. Прости, я хочу подняться к себе.

Расстроенная, Лора перевернула чашку с чаем. Обжигающе горячая жидкость испачкала белую скатерть.

— Ну вот, из-за тебя я становлюсь нервной, — упрекнула она дочь. — Это плохо для молока, тебе это известно, как никому другому. А я хочу кормить Луи как можно дольше.

— Мне очень жаль, мама.

Эрмин попыталась промокнуть пятно салфеткой. Она злилась на весь мир за то, что оставила сына, и это было еще не самое страшное в сравнении с пропастью, которая теперь разделяла их с Тошаном. Она все еще считала себя его супругой, несмотря на все его заявления. Но в глубине души была уверена, что надежды нет, и мучилась чувством страшной потери. Она не могла думать ни о чем больше. И вдруг Эрмин уступила потребности выговориться. В любом случае, было бы сложно долго хранить это в секрете.

— Прости меня, мамочка! Вчера вы так радовались моему приезду, и я не смогла рассказать, что на самом деле произошло. И Симон с Бетти были здесь... Мне же, когда я увидела вас, таких счастливых и радостных, стало еще хуже.

— Твое возвращение для нас — праздник! — сказала ее мать. — Я попросила Мирей испечь пирожные и открыть сидр, но ты готова была вот-вот заплакать, это было очевидно.

Молодая женщина молча кивнула. Она вспомнила, какой ужасной показалась ей дорога от хижины до Валь-Жальбера. Из Перибонки им удалось отправить Лоре телеграмму с просьбой прислать Симона за ними в робервальский порт, куда они планировали прибыть к вечеру. В итоге их багаж с трудом, поместился в просторном автомобиле. Часть чемоданов пришлось оставить у хозяина бакалейного магазина на улице Марку. Симон, всегда готовый оказать услугу, пообещал чуть позже за ними заехать.

«В первый раз в жизни я не радовалась тому, что возвращаюсь в мой дорогой поселок, — подумала Эрмин. — Каждую минуту мне хотелось попросить повернуть назад, вернуть меня к Тошану. И ему пришлось бы оставить меня на зиму. И, возможно, через какое-то время мы бы помирились...»

— Мама, — начала она дрожащим голосом, — мой муж прогнал меня, отказался от меня, потому что я подписала контракт с Капитолием. И, раз я продолжала упорствовать, он вернул мне мою свободу.

Это стало началом длинной исповеди. Эрмин в подробностях рассказала о том, из-за чего они поссорились. Лора не верила своим ушам.

— Не может быть! — воскликнула она. — Никогда бы не подумала, что Тошан способен на такую жестокость по отношению к тебе!

— Я не узнаю его, мама, — пожаловалась молодая женщина. — Передо мной стоял незнакомец, который приводил глупые доводы. Я предпочла оставить с ним Мукки, чтобы не разжигать ссору. К счастью, вернулась Тала. Я знаю, что она позаботится о моем мальчике.

Пришел Жослин. Он из прихожей услышал голоса в гостиной и немного послушал разговор жены и дочери, стоя в коридоре.

Наконец он решил войти, заявив о своем присутствии звонким приветствием.

— Папа, у меня нет сил пересказывать тебе все, что я только что поведала маме. Мне так плохо!

Она бросилась к нему в объятия и долго плакала. В это время Лора кратко изложила мужу ситуацию.

— Табарнак! — выругался Жослин. — Вздор несусветный! Тошан перегнул палку. Откуда в нем столько упрямства? Мне твой муж показался парнем умным... Присядь, дорогая, ты еле стоишь на ногах от волнения.

— Я не хотела ничего рассказывать, чтобы вас не тревожить, — сквозь слезы прошептала Эрмин. — Это было так ужасно — уезжать! И оставлять Мукки! А ему было все равно, он играл с собакой!

Лора налила ей еще чаю. Она испытала облегчение, узнав правду. Теперь нужно было действовать, или, по крайней мере, искать решение. Жослин тоже присел за небольшой, накрытый к чаю круглый столик.

— Во-первых, дорогая, не стоит отчаиваться. Оставив у себя Мукки, Тошан знает, что ты вернешься, и это доказывает, что он по-прежнему тебя любит. Просто он очень рассердился, но скоро поймет, что был неправ. Мукки в полной безопасности рядом со своей бабушкой. Я часто слышала, что индейцы любят и балуют своих детей, никогда не ругают и позволяют почти все, так что дети не знают ограничений.

— Если бы не Тала, я бы ни за что не рассталась с сыном, — сказала молодая женщина. — Кстати, она взяла на воспитание маленькую сироту, Киону. Она просто чудо! И всегда улыбается!

— Сколько же ей лет? — спросила Лора. — Может, она будет играть с нашим Мукки?

— Нет, ей всего полгода, — сказала Эрмин, пытаясь улыбнуться. — Она такая же черноволосая, как Мукки, у нее медового цвета кожа и замечательно тонкие черты лица!

— Не думаю, что маленькая Киона красивее нашего Луи, — решила пошутить Лора. — Правда, Жослин? Наш сын становится гордостью всего

Валь-Жальбера! На крестинах, в Шамборе, кюре сказал, что он настоящий ангелочек!

Жослин пробормотал что-то бессвязное. Бывший бухгалтер, он считал в уме. Когда мужчина узнал, сколько месяцев ребенку, которого удочерила Тала, его посетило страшное подозрение. Природа иногда позволяет себе и не такие капризы... Его инстинкт говорил, что дело тут нечисто. Необъяснимые до этого разрозненные факты с невероятной скоростью складывались в ясную картину.

«Господи, что, если это ее собственный ребенок? Тогда становится понятным все, что произошло в последние несколько месяцев. Я не думал о предохранении, когда мы были вместе. И в те рождественские праздники Тала уже вполне могла быть в положении. На ней была странная накидка, скрывававшая фигуру. Там, на берегу реки, она не боялась затягивать талию и ходила передо мной в облегающей блузке. Это объясняет и поведение Тошана. Он все знает и, должно быть, проклинает меня. Потому-то он не вернулся в Валь-Жальбер, и никогда не вернется. Мстить за это Эрмин несправедливо и гадко, но он наверняка ненавидит меня всем своим существом. К счастью, Эрмин, похоже, ни о чем не догадывается. И Лора тоже. Она никогда не узнает, уж об этом я позабочусь!»

Прежние страхи преследуемого человека ожили в нем. Он снова ощутил нависшую над собой угрозу, снова почувствовал себя последним трусом. Приятная жизнь, которая до сих пор казалась ему чудом, могла закончиться в любой момент.

— Жослин, — позвала Лора, — я слышу плач Луи. Сходи и принеси его, пожалуйста! Наш ангел проголодался!

Видя, что отец погружен в задумчивость, Эрмин сама предложила сходить за малышом. Она поднялась на второй этаж и склонилась над лежащим в колыбели пухленьким младенцем. Тот моментально замолчал и замахал ручонками.

— Иди ко мне, шалунишка. Какой ты тяжеленький! Мама права, ты растешь не по дням, а по часам.

С ребенком на руках она заглянула в комнату к Мадлен. Молодая индианка как раз переодевала двойняшек, которые рядышком лежали на краю кровати с подложенными под попы чистыми пеленками и, улыбаясь от удовольствия, дрыгали голыми ножками.

— Посмотри, Эрмин, как они радуются, когда я снимаю пеленки, — заметила кормилица.

— Да, ты права, — согласилась та. — Ты ухаживаешь за ними лучше, чем я. Скоро они решат, что это ты — их мама. Здесь я тоже потерпела

неудачу.

Она задохнулась от желания расплакаться. Это было невыносимо: Лоранс и Мари очень привязались к Мадлен. Только она могла их успокоить и укачать.

— Я могу уехать, если хочешь, — сказала кормилица. — Так будет даже лучше, потому что я очень привыкла к тебе, Эрмин. Если мы расстанемся сейчас, мне будет легче.

— Об этом не может быть и речи! — возразила молодая женщина. — Разве что ты скажешь, что сама этого хочешь. Без тебя у меня не хватит решимости остаться на всю зиму в Квебеке. Ты же не наемная работница, ты — член моей семьи, ты — двоюродная сестра Тошана, который для меня все еще супруг перед Богом, в которого я верю. Он прогнал меня, но так легко он от меня не отделается!

— Прекрасно сказано! — заявила Мадлен. — Ты готова сражаться, меня это успокаивает. Ты выглядела такой печальной...

— Я рассказала родителям правду, и теперь мне стало легче.

— В Квебек ты должна ехать радостной, без печали на сердце. Ты будешь петь на сцене, это твоя мечта, и нужно идти к ней с открытой душой.

Кормилица добавила, понизив голос:

— Быть может, совсем не из-за тебя мой кузен Тошан так разозлился.

Мадлен закусилла нижнюю губу, как если бы уже пожалела, что сказала больше, чем нужно. Эрмин подошла ближе и посмотрела на нее умоляюще:

— Ты что-то знаешь? Прошу тебя, расскажи! Мне станет легче, если я буду знать, что не одна во всем виновата!

Луи беспокойно заерзал у нее на руках. Эрмин дала ему пососать свой мизинец.

— Это касается моей тети Талы, — начала кормилица. — Я думаю, Киона — ее собственная дочь. Она просила меня ее покормить, ты это помнишь, но когда я принесла девочку назад, то увидела у тети на платье мокрое пятно возле левой груди. Это было молоко, я уверена! И ночью Киона ни разу не плакала. Если у Талы был любовник и от этой связи родился ребенок, Тошан счел себя обесчещенным. Он гордый и дорожит репутацией матери. Это могло озлобить его, наполнить его сердце желчью и ненавистью. Ты не знаешь некоторых вещей, Эрмин. Белым мужчинам очень нравятся индианки, их смуглая кожа и то, что женщины моего народа не такие стыдливые и более веселые. Не хочу тебя шокировать, но так было всегда.

Эрмин была очень удивлена услышанным. Оглушенная криком Луи,

который понял, что из пальчика ему молока не добыть, она спросила:

— А почему ты говоришь о белом мужчине? Киона совсем не похожа на метиску! Тала могла влюбиться и в монтанье.

— Нет! Если бы это было так, Тошан приказал бы ей выйти замуж за своего возлюбленного. К тому же вспомни его полные ненависти слова о переселенцах. Это мое мнение, но, прошу тебя, не говори ничего своим родителям.

— Конечно, не скажу! Это слишком личное, Тошан никогда бы мне не простил. Мы поговорим об этом позже.

Молодая женщина спустилась в гостиную, размышляя на ходу о предположениях подружки-индианки. Если смотреть на ситуацию под этим углом, гнев мужа становился более понятным.

«Но даже если он оскорблен поведением Талы, я, как говорится, не должна расплачиваться за побитые горшки! — подумала она. — А может, Тошан чувствовал себя таким несчастным, я была ему очень нужна, поэтому он пришел в ярость, узнав, что я подписала контракт, не сказав ему ни слова. Да, именно так, я только сделала ему больнее!»

Она передала Луи матери, а сама подошла к одному из окон в гостиной. Дождь закончится, и перед первыми снегопадами будут еще погожие дни... Эрмин представила, как уезжает обратно на север, улаживает ссору между Тошаном и Талой, утешает своего супруга.

«Все снова было бы в порядке, Мукки был бы со мной! Я чувствую, что в силах вернуть Тошана, он не смог бы устоять, если бы я бросилась к нему в объятия совершенно нагая... Потом нам было бы легче помириться!»

Щеки ее порозовели, когда она представила, что было бы дальше, и Эрмин решила на этом остановиться. Такие картины — самое интимное, что есть у каждой супружеской пары. Охваченные жаром желания, жаждущие тела освобождаются от всех табу и стыдливости, растворяются друг в друге, открытые наслаждению. Она тряхнула головой и вспомнила широкую сцену Капитолия, ослепляющий свет прожекторов, красивую отделку лож, подаренные Дюплесси розы. Зима в Квебеке показалась ей неплохой альтернативой тоске, переживаниям по поводу ссоры, которая разлучила их с мужем. Родители будут рядом, Мадлен и Шарлотта тоже. У них на глазах Сен-Лоран покроется льдом.

«Я хочу новых впечатлений, хочу пожить так, как живут в Квебеке, — думала она. — Я навещу Бадетту, она, конечно же, очень удивится. Улицы украсят к Рождеству, всюду будут гореть праздничные огни, это будет так красиво! За это время Тошан сумеет уладить свои разногласия с Талой,

если они есть. Мадлен ведь может ошибаться... Моей свекрови сорок три, и она была вполне довольна своим одиночеством».

Одолеваемый разными, часто противоречивыми мыслями, ее разум взвешивал все «за» и «против».

«Если Киона — дочь Талы, значит, она сестра Тошану. И он хотел ее защитить, предложив ей свое гостеприимство. Теперь мне понятен уход свекрови, даже, скорее, ее изгнание. Ей пришлось подчиниться воле сына. Господи, как все сложно!»

В конце концов, эта путаница даже успокоила ее. К Эрмин вернулась уверенность, что ей удастся побороть холодную ярость супруга. Самое трудное во всем этом — разлука с сыном. Она очень скучала по нему, по его серебристому смеху, по топоту в коридоре и поцелуям перед сном. И все же она ни на секунду не сомневалась, что Тошан позаботится о мальчике. Знала она и то, что Тала, прекрасная бабушка, нежная и опытная, с удовольствием развлекает внука с утра до вечера.

— Эрмин, дорогая, — сказала Лора, — не терзайся так! В жизни супругов не бывает непреодолимых препятствий. И мы с отцом — тому живой пример.

Молодая женщина обернулась и робко улыбнулась родителям.

— Не беспокойтесь за меня, ко мне снова вернулась надежда. Как и советовала Тала, мне остается только идти своим путем. Я даже хочу поскорее оказаться в Квебеке, начать репетировать роль. Я не могу упустить такой шанс!

— Очень рад это слышать, — сказал Жослин, — и видеть на твоём лице улыбку. У меня сердце останавливалось, когда я смотрел на твоё грустное личико. Мы поддержим тебя, дорогая. Вся наша семья с тобой и верит в тебя!

— Спасибо, мне очень приятно это слышать. Я сделаю все, чтобы вас не разочаровать, — ответила молодая женщина, слегка удивленная внезапным энтузиазмом отца.

Отъезд запланировали на тридцатое августа, чтобы в назначенный день Эрмин смогла явиться в Капитолий.

Между Шамбором и Квебеком, четверг, 30 августа 1934 года

Для того чтобы разместить всех членов семейства Шарден-Дельбо, понадобилось целое купе. Отъезд с вокзала в Шамборе не прошел незамеченным. Люди оглядывались на Мадлен и Шарлотту, которые

держали на руках по двойняшке в вышитом платье и белом чепчике. При этом кормилица-индианка, в сером платье и заплетенными в косы волосами, вызывала больше любопытства, чем робкая девочка-подросток с грустным лицом. Лора, как всегда очень элегантная, говорила много и громко. Беспокоясь о багаже, она активно жестикулировала. Высокая фигура Жослина в бежевом костюме и соломенной шляпе тоже привлекала взгляды, столько было в ней силы и энергии. Эрмин прижимала к себе Луи, чтобы его, не приведи Господь, никто не толкнул. Молодая женщина, одетая в голубое, под цвет ее больших глаз, платье, притягивала к себе горящие взоры мужчин всех возрастов. Ее шелковистые волосы цвета льна также вызывали всеобщее восхищение.

Мирей тоже пришлось отправиться в путь, что ее совсем не радовало. Она надеялась провести зиму в Валь-Жальбере и сидеть, как она любила говорить, сложа руки. Однако Лора заявила, что не сможет без нее обойтись.

— Так наймите кого-нибудь в городе! Вы легко найдете кухарку, потому что кризис еще не закончился, — предложила домоправительница.

— Нет! Никто не сможет готовить, как ты, и, кроме того, ты привыкла к моим капризам. Не спорь, тебе будет полезно посмотреть на людей!

И Мирей подчинилась требованию хозяйки. Ей даже польстило то, что ее считают незаменимой. Теперь она сидела у окна и осматривала содержимое двух корзин, в которые умудрилась уложить столько провизии, что ее хватило бы на целый полк.

Мадлен, похоже, наслаждалась поездкой. Она никогда раньше не путешествовала на поезде и теперь расширенными от удивления глазами рассматривала все вокруг.

— Как быстро мы едем! — снова и снова повторяла она.

Эрмин удивлялась ее хорошему настроению. Молодая индианка наотрез отказалась забирать дочку из приюта сестер Нотр-Дам-дю-Бон-Консей в Шикутими. Они с Эрмин собирались съездить туда накануне, и тоже на поезде, но в последний момент Мадлен передумала, и теперь, похоже, не жалела о своем решении.

— Я знаю, что там за ней хорошо ухаживают и никакие опасности этого мира ей не грозят. Монахини пообещали, что с ней все будет в порядке. Я увижусь с дочкой будущей весной. И если она меня не узнает, я смогу завоевать ее любовь.

— Но мы должны взять ее с собой! — возразила Эрмин.

— Я не смогу присматривать одновременно за твоими девочками и за моей. Еще я думаю, что в городе моей дочке будет страшно. Раньше она

жила в лесу. Даже в Шикутими она начинала плакать, когда слышала шум мотора или другой громкий звук.

Решение Мадлен показалось Эрмин странным. Закрыв глаза, она подумала о Мукки.

«Я знаю, что он счастлив, и этим успокаиваю себя. Без него меня не покидает ощущение, что мне не хватает чего-то главного, и в то же время я ощущаю себя на удивление свободной. Я могу сосредоточиться на том, что ждет меня в Квебеке. Может, и Мадлен перед тем, как стать монахиней, хочет пожить спокойной тихой жизнью в лоне нашей семьи? Для нее эта поездка — уникальная возможность побывать в большом городе, увидеть магазины и многое другое...»

Каждый из них, убаюканный покачиванием поезда, думал о своем. Лора мысленно перебирала свои зимние наряды, перчатки и туфли, обещая себе обновить гардероб. Она представляла себя в ослепительно красивом платье в вечер премьеры «Фауста». Ее дочь будет петь на сцене главную женскую партию, а сама она будет сидеть в ложе, гордая, счастливая в этот звездный час, о котором так мечтала.

Жослин развернул новый выпуск «*La Presse*» и теперь смотрел на буквы, черные и крохотные, будучи не в состоянии прочесть ни слова, так он был озабочен. Ему казалось, что он снова убегает на край света от пугающей догадки. Странное имя вертелось у него в голове: Киона! Он не осмеливался расспросить Эрмин об этом шестимесячном ребенке, которого Тала, по ее словам, взяла на воспитание, но представлял себе, что девочка похожа на него и это грозит скорым разоблачением. С мокрым от испарины лбом он безуспешно гнал от себя свои страхи.

«Что я пытаюсь узнать? По словам Эрмин, Тала страдала от одиночества, поэтому, если малышка и вправду сирота, она с радостью ее удочерила. Постой-ка, нужно посчитать... Эрмин говорит, что Тала с Тошаном пришли в четверг после полудня, а Пьер Тибо приехал за ними в пятницу. Если девочка — дочка Талы, той пришлось бы ее кормить, и все узнали бы правду. Хотя она могла сделать это тайком...»

Сомнения терзали его. Он сожалел о том, что поддался чарам красивой индианки. Если Киона — плоть от его плоти, то вся тяжесть его греха воплотилась теперь в теле этого ребенка. Он знал, что до последнего будет оттягивать встречу с девочкой, которая может быть на него похожа и которую он бросил, как когда-то Эрмин. Следом ему в голову пришли те же мысли, что и Тошану, о родственной связи между его зятем, Эрмин, Луи и Кионией. Жослина прошиб холодный пот.

— Жосс, ты себя плохо чувствуешь? — с удивлением спросила

Лора. — Ты потеешь и так побледнел! Выпей немного лимонада.

— Табарнак, в этом вагоне нечем дышать! — выругался он.

— Не ругайся, — упрекнула она его с лукавой улыбкой. — Такие слова не для нежных девичьих ушей!

— Мсье, лимонад еще холодный. Мадам права, вам сразу станет лучше, — заявила Мирей. — Налью вам стаканчик.

Жослин согласился. Напившись, он притворился, что спит. Шарлотта читала, устроившись между Мадлен и Эрмин. Приключенческий роман, который она открыла, стоило поезду тронуться, совсем ее не увлекал. На сердце у девочки было тяжело. Симон Маруа, отвозивший их на вокзал, по пути похвастался, что, когда они вернутся, он уже будет женатым человеком. Слова ее героя крутились у нее в голове.

«На этот раз все по-настоящему! Я встретил самую лучшую девушку на свете и женюсь на ней! У ее родителей есть участок возле Сен-Фелисьена, так что скоро я стану фермером и буду жить с ними!»

Лора и Эрмин поздравили Симона, не заметив, как расстроилась Шарлотта. С той самой минуты девочка не могла думать ни о чем другом.

«Симон ошибается! — думала она. — Обязательно что-то случится, и они не поженятся! Он ведь танцевал со мной и называл меня «мисс»! Он мог бы подождать еще немного! Через три года мне исполнится шестнадцать, как Бетти, когда она выходила замуж за Жозефа...»

Эрмин пребывала в состоянии полусна, отрешившись от прошлого и будучи не слишком уверенной в будущем. Поезд увозил ее в Квебек, где ей предстояло погрузиться в мир, совершенно отличный от того, к чему она привыкла. Тошан никогда бы не последовал за ней по этому пути, хотя она была уверена, что для нее он правильный.

«Он не сказал мне ни “до свидания”, ни “прощай”!»! — говорила она себе, раздавленная этой мыслью. — Господи, я рассталась с мужчиной, которого люблю, не поцеловав его, не коснувшись его руки! Он до последней минуты вел себя со мной как незнакомец — холодный, исполненный презрения. Как больно вспоминать об этом!»

Трое малышей вели себя на удивление спокойно. Луи крепко спал, Лоранс и Мари проснулись, чтобы покушать, и сразу же опять задремали.

— Приятно путешествовать в такой спокойной обстановке, — заметила Лора, когда поезд снова тронулся в путь от вокзала в Лак-Эдуаре. — Было бы неплохо жить в поезде, как это делала австрийская императрица, та, что была так красива, Сисси. Мне бы это тоже понравилось: специально обустроенный вагон с гостиной и спальней, обшитый деревом, с люстрами!

— Мама, говори потише, — оборвала ее Эрмин. — Ты можешь разбудить малышей.

В то же мгновение мимо их купе прошла женщина. Она не сняла симпатичную соломенную шляпку с черной окантовкой, а белое платье в желтый горошек подчеркивало ее стройность. Мирей с любопытством взгляделась в ее взволнованное лицо, в зеленые с золотистыми крапинками глаза, которые смотрели с беспокойством. Путешественница с извинениями шла по проходу и вдруг остановилась как вкопанная.

— Эрмин! Господи, какая встреча! — радостно воскликнула она.

— Это вы, Бадетта! — тихо, чтобы не разбудить детей, отозвалась Эрмин. — Какое счастливое совпадение!

Лора и Жослин кивком приветствовали знакомую их дочери. Бадетта склонилась над спящими двойняшками, одна из которых лежала на руках у Шарлотты, другая — у Мадлен. Потом посмотрела на Луи, заботливо баюкаемого матерью.

— Как много за это время у вас родилось детишек! — пошутила журналистка.

— Присядьте на минутку рядом со мной! — предложила Эрмин. — Я сразу же вас узнала. Папа, мама, я рассказывала вам о Бадетте, она пишет статьи и новости для «*La Presse*», я правильно говорю?

— Скорее, истории из жизни, — поправила та, с любопытством рассматривая лицо Жослина. — Мне кажется, мы уже встречались, мсье, — добавила она. — У меня хорошая память на лица.

— Не думаю, мадам, — отрезал он.

Эрмин была в замешательстве. Она не могла рассказать Бадетте, при каких обстоятельствах обнаружила, что ее отец — человек, живший в санатории для туберкулезных больных под именем Эльзеар Ноле.

— Позвольте представить вам моих девочек, моих двойняшек, — быстро произнесла она. — У Мари кудряшки над лобиком, у Лоранс пальчик во рту.

— Они просто красавицы! — восхитилась Бадетта. — И ты снова путешествуешь, Шарлотта! Помнишь меня?

— Конечно, мадам, — вежливо ответила девочка. — На этот раз я все-таки попаду в Квебек. И Эрмин обещала, что мы непременно сходим к вам в гости.

— Правда? Как приятно это слышать! Я езжу этим поездом раз в месяц и все время всматриваюсь в лица пассажиров в надежде, что увижу молодую красивую белокурую даму и обаятельную девочку. Но ты выросла и превратилась в девушку!

Слова восхищения Бадетта сопровождала ласковой улыбкой. Лоре она показалась очень симпатичной. Бадетта могла бы стать для нее подругой, и это было бы особенно ценно, потому что Лора уже сейчас задумывалась о том, чем занять себя в долгие зимние дни.

— Счастлива с вами познакомиться, мадам, — сказала она с очаровательной улыбкой. — Эрмин рассказывала о вас много хорошего.

— Называйте меня Бадетта, прошу вас! Простоту и фамильярность я предпочитаю великосветской сдержанности, уж такая у меня натура. Если, конечно, это вас не стеснит.

— Вовсе нет! После нескольких лет заточения в опустевшем поселке я проведу зиму в городе, — сочла нужным уточнить Лора. — И очень рада нашему знакомству. Вы покажете мне Квебек, красоты которого нам так хвалили?

— С удовольствием, мадам! А вы, Эрмин, что у вас еще нового? Как продвигается ваша карьера? И где вы будете жить?

— Наша квартира на улице Сент-Анн, — ответила за дочь Лора. — Это недалеко от улицы, на которой находится Капитолий. В конце года моя дочь исполнит роль Маргариты в «Фаусте»!

Глаза Бадетты широко распахнулись от удивления. Она порывисто схватила Эрмин за руки.

— Я знала! Я часто вспоминала о вас, о вашем золотом голосе! Какое счастье! Я буду в первой ложе, уже сейчас начну откладывать деньги на билет! А я живу на равнинах Абрахама, это недалеко от Капитолия, и я часто хожу туда в кино.

Спрятавшись за своей газетой, Жослин надеялся, что Бадетта надолго не задержится в их купе. Он чувствовал себя ужасно.

— Дамы, с вашего позволения я покину вас. Выйду покурить, — сказал он через несколько минут. — А вы побеседуете в свое удовольствие.

— С каких это пор ты куришь? — удивилась Лора. — Ты же прекрасно знаешь, что это вредно для твоего здоровья!

— Это касается только меня, — возразил Жослин, вставая и спеша скрыться в другом конце вагона.

— Ваш отец, Эрмин, очень похож на одного из пациентов санатория, некоего господина Ноле, который после вашего выступления так сильно разволновался.

Молодая женщина не знала, стоит ли рассказывать правду, но Лора взяла это на себя.

— Скажу вам по секрету, — вы же журналистка, — что вы не ошиблись, и это один и тот же человек. Если бы вы знали, каким чудом я

вновь обрела своего супруга, вы тотчас же схватились бы за перо! Но он может вернуться в любой момент и рассердится, узнав, что я вам это рассказываю. Отложим этот разговор до Квебека.

— Конечно, — согласилась Бадетта.

Эрмин улыбнулась, глядя на раздумывающую от переполнявших ее эмоций мать. Для Лоры переезд в Квебек стал фантастическим приключением, несмотря на то, что некогда она уже жила в Монреале.

— А ваш сын, этот хорошенький карапуз, он не поехал с мамой в Квебек? — спросила журналистка.

— Нет. Сын остался с отцом и бабушкой. Он большой непоседа, ему нужно пространство для игр.

Проснувшись Лоранс. Эрмин поторопилась взять дочь на руки. Девочка заулыбалась и потянулась к шляпке Бадетты.

— Ах, дети! — восторженно воскликнула та. — Они так невинны, они — совесть мира! Стоит только посмотреть на это личико, как чувствуешь, что и сам становишься лучше!

Еще немного поговорили о радостях материнства. Лора предложила Бадетте перекусить с ними. Мирей с удовольствием разложила деликатесы собственного приготовления: пирожки с мясной начинкой, сэндвичи с ветчиной и огурцами, пирожные с черничным джемом и оладьи в сахарной пудре.

Жослину пришлось снова занять свое место. Он старался вести себя вежливее, поскольку понял, что открытая, по-детски искренняя Бадетта будет частым гостем в их квебекской квартире.

Квебек, пятница, 16 ноября 1934 года

Эрмин уже до мельчайших деталей знала дорогу от улицы Сент-Анн к Капитолию. Точно так же, с закрытыми глазами, она могла бы добраться до располагавшейся на улице Понграв квартиры своей преподавательницы по вокалу, пожилой оперной певицы-итальянки. Благодаря Бадетте, которая стала для Лоры прекрасной подругой, молодая женщина узнала много интересного об истории города. Поэтому, идя по той или иной улице, она думала о былых временах, обо всех тех, ныне покойных, людях, которые прибывали в Квебек из Франции и других государств, исследовали страну и возводили на ее землях памятники и бастионы.

Название Понграв она находила особенно трогательным, поскольку оно происходило от имени Граве Дю Пона, одного из спутников Самюэля

де Шамплена, основателя города. Одаренная живым воображением, Эрмин с волнением представляла себе первых французских колонистов, которые поселились на берегу Сен-Лорана, переплыв через бурные воды Атлантики.

Октав Дюплесси, который сопровождал ее, куда бы она ни направлялась, постоянно напоминал молодой женщине о своем соотечественнике Шамплене, весьма гордый тем, что родился в том же уголке Франции, что и великий мореплаватель. Импресарио так часто описывал свой родной городок Бруаж, что Эрмин казалось, будто она уже там бывала.

— Если когда-нибудь вы будете выступать в Пале-Гарнье, парижской опере, — говаривал он, — мы обязательно заедем в Шаранту, попробуем мидий и устриц!

Она отвечала улыбкой, отказываясь планировать такие далекие путешествия. Однако это казалось неизбежным. Все: рабочие сцены, хористы, танцоры, партнеры по сцене — рассыпались в похвалах ее таланту. И было очевидно, что директор Капитолия совершенно не жалеет, что подписал с ней контракт: он всюду рассказывал, что Дюплесси открыл сопрано века, настоящий феномен, голос, равного которому нет в мире. Поток комплиментов мог бы опьянить Эрмин, но она только усерднее работала.

В это утро, в строгом костюме, она шла в театр на генеральную репетицию. Шарлотта сопровождала ее, радуясь, что на время освободилась от своих обязанностей нянюшки маленьких двойняшек.

— Смотри, Эрмин, миндальные печенья в шоколаде! — воскликнула девочка, останавливаясь перед витриной кондитерской. — Нужно купить их для Бадетты! На прошлой неделе она сказала, что это ее любимые. А сегодня она придет к нам на ужин.

— Не сейчас, Шарлотта, мы немного опаздываем. Или сходи за печеньем сама. Для меня на улице слишком холодно. Я хочу скорее оказаться в теплой комнате. Поторопимся!

Спеша защитить горло от ледяного ветра, Эрмин поправила большой шерстяной шарф, который натянула до самого носа. При виде маленькой незаметной двери, входа для артистов, она испытала облегчение. Она чувствовала себя счастливой, стоило ей ощутить особый запах этого храма искусства. С сентября они часто бывали здесь на киносеансах вместе с Шарлоттой, Жослином, Лорой или Мирей. И только Мадлен упорно отказывалась идти в кино. Все казалось Эрмин очаровательным: коридоры, барочное оформление интерьеров с непременно красным бархатом, позолота. На первых порах она боялась заблудиться, теперь же все вокруг

казалось знакомым и она чувствовала себя в безопасности.

— Шарлотта, пойдй скажи Лиззи, что я пришла, — попросила она девочку. — И передай, что я с удовольствием выпила бы чаю с медом.

С этими словами она вошла к себе в примерную, ставшую для нее любимым приютом. В платяном шкафу хранилась смена одежды, легкие туфельки для репетиций, любимые мелочи. На зеркале, окруженном рядом лампочек, молодая женщина повесила фотографии тех, кого любила — Мукки, Мари и Лоранс, своих родителей и семейства Маруа, запечатленного на фоне их дома. Тошан тоже присутствовал в этой галерее образов. Он стоял возле загородки для собак в Валь-Жальбере, с сигаретой в уголке рта. И смотрел не в объектив, а куда-то в даль.

Стук в дверь застал Эрмин дефилирующей по комнате в розовой атласной комбинации. Многочисленные примерки и дружелюбная атмосфера восторжествовали над стыдливостью: Эрмин перестала пугаться, когда кто-то заставал ее полуодетой. Она пригласила посетительницу войти в ту минуту, когда натягивала шелковый пеньюар.

— Наш соловей готов к генеральной репетиции? — спросила Лиззи. — Шарлотта заваривает тебе чай. Ей так нравится здесь!

— Это правда. Я пообещала, что сегодня она сможет присутствовать на репетиции, — отозвалась Эрмин. — И что она сама меня причешет и накрастит. Посмотришь, она очень способная.

— Тебе понравился костюм? Посмотри-ка!

Молодая женщина открыла дверцу платяного шкафа и увидела великолепную белую блузку, черный бархатный лиф со шнуровкой и широкую красную юбку. Она с трепетом погладила каждую вещь.

— У меня мандраж! — пожаловалась она. — Ужасный! В зале будет много людей?

— Сказать по правде, много! Чтобы все смогли почувствовать атмосферу премьеры.

Раздался стук в дверь. С подносом вошла Шарлотта, а за ней — Октав Дюплесси. На лице его сияла широкая улыбка; одет импресарио был очень элегантно — черный костюм, галстук-бабочка.

— Эрмин, вы готовы? — спросил он громко. — Боятесь? Жаль, что я не могу преподнести вам розы! Наступила зима, все замерзло, и по Сен-Лорану больше не ходят суда.

— Я знаю, — ответила она. — Мы с отцом часто гуляли по Террас-Дюфферен и наблюдали, как река покрывается льдом. Сначала замерзла вода у берега, потом белые островки льда стали разрастаться, и теперь пейзаж выглядит совсем по-другому, как если бы вода исчезла, а снег

выпал только над рекой.

— Сегодня ночью точно будет снег, руку на отсечение даю, — сказала Лиззи. — У меня голова раскалывается, так обычно бывает перед сильным снегопадом. И не надо никакого барометра!

Шарлотта протянула Эрмин чашку с чаем. Девочка в красном шерстяном платье, с гребнями того же цвета в черных волосах, радовалась общению с представителями удивительного театрального мира — экстравагантными, веселыми, говорливыми, словно сошедшими с экрана кинотеатра или со страниц книги. Дрожа от гордости, она проверила содержимое своего несессера с парикмахерскими принадлежностями. Косы Маргариты родятся в ее умелых руках, и этого было достаточно, чтобы она трепетала от радости.

— Мне уже можно начинать расчесывать тебе волосы, Мимин? — спросила она шепотом.

— Мимин? Как это мило! — воскликнул Дюплесси. — Обожаю всех, кто вас окружает, мой дорогой соловей! Лиззи, напросись в гости к нашей юной диве! У нее удивительная семья — кормилица-индианка, скромная, но с пламенным взглядом, домоправительница с сочным акцентом, таким же, как у тебя, кстати! И маленькие принцессы — двойняшки, которые спокойно играют в детском манеже. Не забудем и хозяйку дома, очаровательную Лору, у которой тоже растет замечательный малыш!

Эрмин рассеянно слушала излияния импресарио. Она привыкла к его говорливости. Молодая женщина угадала в нем сердцеда, а потому не обращала внимания на его подмигивания и знаки внимания. Лиззи как-то обронила, что французы славятся своей манией ухаживать за хорошенькими женщинами, к этому нужно относиться с иронией. Эрмин не замечала перемен, которые произошли с ней за эти последние месяцы. Год назад излишне галантные манеры Дюплесси ее шокировали. Теперь же она находила их приятными. Оживленная атмосфера города, полного туристов и представителей квебекской буржуазии, перестала ее смущать. Она принимала все, что ее окружало, лишь бы остаться той, кем она стала, — артисткой, которая вот-вот появится перед публикой.

— У меня для вас сюрприз! — заявил вдруг импресарио. — Держите!

И он положил ей на колени свежий номер «*La Presse*». Статья об Эрмин была помещена на шестой странице под многообещающим заголовком: «*Прекрасная Маргарита к зимним праздникам!*» Молодая женщина быстро нашла нужную страницу и увидела собственную фотографию, где она улыбалась подобно одной из этих star^[56], как в США называли известных киноактеров и киноактрис. Текст был написан с целью

разбудить любопытство публики. В нем говорилось об исключительном таланте некой девушки из региона Лак-Сен-Жан. Автор не упустил ничего: ни голоса исключительной чистоты, ни подробностей ее сиротского детства, проведенного под присмотром строгих монахинь.

— Но кто рассказал им все это? — удивилась Эрмин. — И сестры никогда не были такими уж строгими! Октав, я уверена, что вы приложили к этому руку. Я поступила неосмотрительно, рассказав вам истории из своего детства. Вы передали их журналистам, не спросив моего разрешения!

— Мой дорогой юный друг, нам нужно привлечь публику! После такой публикации вы соберете полный зал!

— Хватит болтать! — отрезала Лиззи. — Я здесь, чтобы следить за порядком. В коридор, Октав! Эрмин пора одеваться.

Импресарио поторопился подчиниться, но не забыл послать молодой женщине воздушный поцелуй. Она только вздохнула, расстроенная.

— Мне не нравится, что о моем прошлом пишут в газетах, — пожаловалась она.

— Дюплесси выполняет свою работу, привлекает зрителей, — пояснила Лиззи. — Господин директор хочет сделать из премьеры настоящее событие. Он мечтает о триумфе своего «Фауста». И вся ответственность лежит на твоих плечах, малышка. Маргарита должна ослеплять, очаровывать.

Эрмин подумала, что это огромный груз. Она постаралась расслабиться, дышать спокойно и глубоко. Шарлотта все еще расчесывала ей волосы, и это было очень приятно. Довольно скоро под бдительным взглядом Лиззи молодая женщина была причесана и подкрашена.

— Спасибо, дорогая, — нежно поблагодарила Эрмин девочку. — Лучший способ одолеть мандраж — это выйти на сцену и запеть. Увы, я выхожу только во втором акте. Ненавижу ждать!

Она прислушалась. Музыканты оркестра настраивали инструменты. Звучали высокие пронзительные ноты, глухие вибрации.

— Теперь пора одеться, — сказала она. — Господи, только бы не забыть текст третьего акта! Я часто спотыкаюсь на одном и том же слове!

Прикрыв глаза, она быстро прочитала по памяти слова главной арии — «В Фуле жил да был король», которую она пела, сидя за прялкой. Мелодия сочеталась с повторяющимися движениями персонажа — Маргарита пряла шерсть.

— Шарлотта, — сказала она вдруг, пристально глядя на девочку, — в опере много моментов, которые могут впечатлить твою юную душу. Демон,

Мефистофель, восхваляет золотого тельца, да и поведение Маргариты нельзя назвать образцовым, хотя в финале ангелы и являются, чтобы спасти ее душу...

— Не беспокойся, Эрмин, я тайком прочитала книгу Гете. И мне совсем не страшно.

— Это восхитительное дитя сообразительнее меня, — заявила Лиззи. — Но я все равно уведу ее с собой в зал. Тебе нужно несколько минут побыть одной, я тебя знаю!

Дверь за ними закрылась. Эрмин посмотрела на себя в зеркало. Отражение ей понравилось. Золотистые косы лежали на плечах, белая блузка подчеркивала теплый оттенок кожи. Она была Маргаритой и намеревалась петь от всей души, разделяя волнение и страдания своей героини, которая противостоит дьяволу. И вдруг взгляд ее упал на один из портретов Мукки. Мальчик улыбался, прижимая к себе мячик.

По телу Эрмин пробежала дрожь. Ей показалось, будто она взлетает над Капитолием, словно перелетная птица, стремящаяся к своему гнезду, по которому долго тосковала. Ей предстояло пролететь над бесконечными лесами, над озером, потом — вдоль реки. Там, в бедной хижине, она увидела своего обожаемого сына сидящим у очага. Еще там был красивый мужчина с длинными черными волосами и профилем, какой часто изображают на медалях — Тошан, ее супруг, ее любовник, ее любимый мужчина. Возможно, там, ближе к северу, уже шел густой снег и возле жилища бродили волки...

Она заглушила рыдание и взяла себя в руки. Было не время плакать, портить искусный макияж, выполненный руками Шарлотты и Лиззи.

«Как я по ним соскучилась! — подумала она. — Как бы я хотела обнять Мукки, расцеловать его! И Тошан... Если бы только он был здесь, рядом со мной, чтобы приободрить меня! Но что бы он здесь делал? Это место не для него. И все же я счастлива в этом театре, где наконец осуществила свою мечту!»

Эрмин выпила стакан воды и повернулась спиной к зеркалу. Она написала Пьеру Тибо в середине сентября, через двенадцать дней после своего приезда в Квебек. В конверт она вложила другое письмо, адресованное Тошану. Оно было длинным: Эрмин просила прощения и обещала вернуться и доказать ему всю силу своей любви.

«Если он захочет, то сможет мне ответить. Он даже мог бы позвонить из Перибонки. Я просто хочу, чтобы он дал мне свое благословение, чтобы я пела без этого груза тоски на сердце», — сказала она себе.

Чтобы избавиться от уныния, которое снова готово было заключить ее

в свои объятия, Эрмин покинула гримерную и направилась к кулисам. Она знала, с какого места можно смотреть на сцену, оставаясь невидимой благодаря складкам тяжелого занавеса. Доктор Фауст как раз жаловался на то, что он стар, и поднимал склянку с ядом, чтобы покончить с жизнью. Скоро на сцене должен был появиться дьявол и предложить ему фатальную сделку. Тенор, исполнявший роль Фауста, был загримирован под старика, но в следующем акте ему предстояло помолодеть. Что до Мефистофеля, роль которого исполнял бас, — мужчина весьма не худенький, — то он как раз готовился к выходу.

Кто-то ущипнул Эрмин за талию. Она быстро обернулась, рассчитывая увидеть Шарлотту. Но это был Дюплесси.

— Что вы делаете?! — возмутилась она вполголоса. — Я чуть было не закричала! Меня бы услышали в зале. И вообще, вы слишком много себе позволяете!

— Простите, но этот костюм вам удивительно к лицу! И он делает вас другой, еще более соблазнительной, — шепнул он на ушко Эрмин. — Ваша матушка, когда я заходил к вам на чай, сказала, что вы с мужем расстались. Вы мне нравитесь уже не первый год, я умираю от любви к вам!

Импресарио был слишком близко. Молодая женщина почувствовала слабый запах одеколона и чистого белья. Рука его по-прежнему лежала у нее на талии. Она отстранилась, чтобы высвободиться из этого подобия объятий.

— Сейчас не время для подобных заявлений, которые к тому же звучат фальшиво, — заявила она. — Моя мать сказала глупость: весной я возвращаюсь к мужу, и мы по-прежнему любим друг друга.

Эрмин посмотрела на красивое лицо сорокалетнего мужчины, которое не портили первые морщинки. Он широко улыбался — лукаво, но с пугающей самоуверенностью.

— Прошу вас перестать, потому что, если вы меня расстроите, я не смогу оправдать всеобщих ожиданий, когда придет время петь, — сказала она.

Октав Дюплесси изящным пируэтом отстранился. И, смеясь, заявил:

— Как вы серьезны и степенны, настоящая воспитанница монахинь! Разумеется, я не влюблен в вас, я просто решил порепетировать с вами соблазнение доктором Фаустом! Эрмин, не надо делать драму из-за того, что я прикоснулся к вашему божественному бедру. Зато вы забыли о своем мандраже. Я тоже сделал на вас крупную ставку. Вы должны превзойти себя!

Эрмин была согласна ему поверить, и все же ей стало стыдно за

посетившее ее при этих словах легкое разочарование.

«Тошан был прав — театральный мир развратит меня! У меня большое декольте, и сейчас на сцене я поцелую моего партнера. Пусть это притворный поцелуй, но все же! И мне было бы лестно, если бы Октав и вправду в меня влюбился. Какая гадость!»

Перед тем как уйти, импресарио снова ущипнул ее за талию.

— Эрмин, хочу вас предупредить: если «Фауст» пройдет с триумфом, не рассчитывайте на возвращение в вашу хижину в глубине леса, где вы намереваетесь играть роль белой индианки. Мы поедем в турне в Монреаль, возможно, в Нью-Йорк! Разве вы не понимаете, что вас ждет блестящее будущее?

— Нет, совершенно не понимаю! — отрезала она, награждая его гневным взглядом. — Я подписала контракт, срок которого истекает в последние дни марта.

Лиззи положила конец этому разговору. Она еще раз проверила костюм и прическу молодой женщины.

— Ты выходишь через три минуты. Стань с другой стороны кулис. Наш любимый баритон уже ждет тебя!

Исполнитель, о котором она говорила, довольно пожилой баритон, исполнял партию Валентина, брата Маргариты. Он встретил Эрмин улыбкой. Пришел момент, когда им полагалось выйти на сцену и занять свои места среди других певцов. С этой секунды, как все артисты, которые одалживают свои голоса и лица персонажам оперы, они думали только о своих ролях.

В зале директор театра не переставал удивляться. Эрмин, сияющая и прекрасная, мгновенно приковала к себе внимание публики, так грациозно она двигалась по сцене. Когда же она запела, по рядам слушателей пробежало нечто вроде трепета. Она заставляла вибрировать сердца и души. В этот момент в зале сидели близкие и друзья артистов, большая часть служащих Капитолия, специалисты из сферы искусства.

В финале раздался гром аплодисментов. Никогда еще Маргарита не была так красива, так молода, а ее молитва-обращение к ангелам в вокальном плане исполнена просто идеально! У Дюплесси не осталось никаких сомнений: Эрмин обладала редчайшим голосом, но, кроме того, у нее был еще один дар, о котором он раньше не подозревал — талант вживаться в свою героиню, волновать, очаровывать.

— Изумительно! — прошептал кто-то рядом по-английски. — Я хочу заключить с этой девушкой контракт! В будущем сентябре мы поставим с ней «Травиату» Верди!

Импресарио узнал своего коллегу из лондонского театра Ковент-Гарден. Он торжествовал. Соловей из Валь-Жальбера прославится очень быстро...

Квартира Лоры на улице Сент-Анн, в тот же вечер

Мирей накрыла на пять человек. На таком столе, украшенном серебряными приборами и тончайшими кружевными салфетками, могли появиться только самые изысканные кушанья. Домоправительница и вправду постаралась приготовить нечто экстраординарное в честь генеральной репетиции, которая, по словам Эрмин, прошла с большим успехом. Молодая женщина переодевалась в своей комнате, но Шарлотта уже рассказывала всем, что она видела. Приглашенная в этот вечер на ужин Бадетта слушала, не скрывая своего восторга. Лора и Жослин засыпали девочку вопросами, желая услышать как можно более подробный рассказ.

— Все аплодировали и кричали, — говорила Шарлотта. — А конец оперы был просто фееричным! Мне хотелось плакать, я больше не думала об Эрмин, я печалилась о Маргарите! Это я заплела ей косы!

— Вот твое будущее и решилось, Шарлотта! — объявила Лора. — Ты будешь костюмершей и гримером дивы! Так мсье Дюплесси называет нашу Эрмин!

— Господи, как же мне не терпится оказаться в зале в день премьеры! — воскликнул Жослин.

Он потягивал красное вино из бокала — изысканное французское вино, подаренное семейству импресарио. Бадетта, в черном платье, слегка подкрашенная и с убранными в аккуратную высокую прическу волосами, достала из сумочки записную книжку. И очень быстро набросала несколько строчек.

— Чем вы заняты, дорогая? — спросила Лора.

— Хочу зафиксировать идеи на бумаге, а завтра напишу статью. Я сказала патрону, что знакома с Эрмин Дельбо, и он обещал выделить мне больше строк на полосе, чем обычно.

Мирей вышла из кухни, на ее вкус слишком узкой, с металлическим ведерком, в котором покоилась бутылка шампанского.

— Это сюрприз! — воскликнул Жослин. — Нужно отметить мастерство нашего чудо-ребенка!

— Я попросила Мирей купить креветок, крабов и филе копченого лосося, — подхватила Лора. — В качестве основного блюда нам подадут

жареную утку, доставленную прямым из Франции. Я хотела пригласить и господина Дюплесси, но он не смог прийти. Какая жалость!

Послышался детский плач. Это был маленький Луи, которому на днях исполнялось полгода. У него резался зубик.

— Вашей nurse^[57] приходится нелегко с тремя такими маленькими детьми, — заметила Бадетта.

— Нашей nurse! Это громко сказано! — вздохнула Лора. — Эрмин отчитала меня, когда я имела легкомыслие назвать так Мадлен. Моя дочь считает ее родственницей, потому что та и вправду двоюродная сестра ее мужа. Я даже не имею права называть ее кормилицей! К счастью, двойняшек отняли от груди, и, поскольку у меня уже нет молока, Мадлен кормит Луи. Знаете, Бадетта, вчера вечером я читала вашу сводку новостей. И мне очень понравилось: у вас прекрасная манера подавать информацию.

— Спасибо! Я всегда боюсь попросить знакомых прочесть и высказать свое мнение.

Шарлотта воспользовалась короткой паузой в разговоре, чтобы сказать:

— Костюм Маргариты Эрмин очень идет! И мне кажется, раньше женщины одевались красивее, чем в наше время. Вы сами услышите — у дьявола Мефистофеля такой страшный низкий голос! Когда он пел «На земле весь род людской чтит один кумир священный...», я дрожала!

— Не рассказывай нам всех подробностей! — порекомендовала девочке Бадетта. — Я умираю от нетерпения. А ведь придется ждать еще целый месяц! Пока не пройдет Рождество...

— Нет, дату премьеры перенесли, — объявила Шарлотта, гордая тем, что владеет такой важной информацией. — Директор сказал, что она состоится раньше, потому что Эрмин готова и уже много билетов раскуплено.

Мирей хмыкнула с почти материнской гордостью. Жослин сжал руку Лоры. И они снова заговорили о премьере, ожидаемой с таким нетерпением.

До Эрмин, которая была в своей комнате, доносились отголоски оживленного разговора. Одетая в серый шерстяной халат, она расчесывала волосы.

«Мне следовало бы радоваться больше, — думала она. — Ведь я получила комплиментов на сто лет вперед!»

Луи надрылся от плача. У Мадлен никак не получалось его успокоить. Эрмин вошла в соседнюю комнату.

— Прости меня, Эрмин, — сказала кормилица. — Этот проказник

разбудил девочек. А ведь Мари и Лоранс так хорошо спали!

— Маме не следовало устраивать в комнате троих малышей. Ты выглядишь очень усталой. Уверена, что в последние ночи ты не сомкнула глаз.

Мадлен только пожала плечами. В квартире было четыре просторных спальни, по две с каждой стороны коридора. Шарлотту и Мирей устроили в первой, Эрмин отдала другую, третью заняли Лора и Жослин, а в четвертой молодая индианка спала на раскладной кровати, окруженная тремя детьми. Еще имелись гостиная и столовая, окна которых выходили на улицу Сент-Анн.

— Я заберу двойняшек к себе в комнату, — заявила Эрмин. — У них хороший сон. А у тебя останется один Луи.

— Нет, не надо! — взмолилась Мадлен. — Тогда я буду думать, что даром ем свой хлеб! Тебе отдых нужен больше, чем мне!

Сердце Эрмин сжалось при мысли о терпении и доброте ее подруги. Присутствие рядом Мадлен хотя бы немного приближало ее к Тошану. Каждый раз, когда она любовалась ее черными волосами или медного оттенка кожей, она вспоминала и о своем муже. В этот вечер, несмотря на ощущение счастья, испытанное на сцене, молодая женщина почувствовала острое желание повернуть все вспять.

— Мадлен, мне страшно! — сказала она. — Страшно, что я потеряю себя, что весной уже не буду собой! Если бы я так сильно не хотела забрать Мукки, думаю, я никогда бы не вернулась на берег Перибонки. Мне начинает нравиться смех над глупыми шутками, нравится, что на меня смотрят и без конца хвалят. Я уже не знаю, правильный ли выбрала путь!

— Значит, иди до конца, — отозвалась Мадлен. — Если то, что ты найдешь, тебе не понравится, ты сможешь вернуться.

— Ты говоришь, как Тала, загадками, — грустно пошутила Эрмин. — Не оставляй меня, умоляю!

— Но я и не собираюсь, — серьезно ответила ее подруга. — Я молюсь за тебя и за Тошана. Ничего не бойся. Я с тобой.

Они улыбнулись друг другу. Луи заснул. За окном падали крупные хлопья снега.

Глава 21

Разоблачения

Квебек, 22 декабря 1934 года

Это был день премьеры — самый важный день сезона для дирекции театра, поскольку от успеха представления зависело, будет ли спектакль поставлен на других сценах. В случае успеха «Фауст» был бы заявлен на афишах Монюман-Насьональ^[58], где некогда пела Эмма Альбани. Эрмин часто слышала имя этой выдающейся квебекской певицы, и ей обещали такое же блестящее будущее.

— Эмма дебютировала на Сицилии, — рассказывал Дюплесси, — в «Сомнамбуле» композитора Беллини^[59]. Она прославилась во многих странах, в числе которых Англия и Германия.

— Я кое-что знаю о жизни этой великой артистки, — сказала молодая женщина. — Думаю, невозможно достичь такого же успеха. Никто не займет ее место.

— Кто знает? Возможно, вы добьетесь большего, — предположил импресарио.

Но сегодня вечером, оставшись одна в своей гримерной, Эрмин уже не могла понять, хочет ли она становиться знаменитой. В костюме героини, причесанная и покрашенная заботливой Шарлоттой, она страдала от глубочайшей тоски. Она так соскучилась по Мукки, что у нее разрывалось сердце. Каждый раз, когда она вспоминала о сыне, к горлу подкатывал комок, в груди болело.

«Он еще слишком мал, чтобы жить без меня! — думала она. — Конечно, рядом с ним Тала, и она хорошо о нем заботится. Но у него не так много игрушек, и если выпадет снег, Мукки не сможет гулять, когда захочет!»

Эрмин попыталась выровнять дыхание, вернуть себе спокойствие, несмотря на громкий ропот, от которого вибрировали стены Капитолия, вместившего в себя массу народа. В театре царил оживление, звучали тысячи голосов, по коридорам грохотали шаги, слышался смех, а рабочие сцены в это время безмолвно устанавливали декорации.

Чтобы отвлечься, молодая женщина представила себе родных, которые

устроились в зарезервированной для них ложе, одной из лучших, поблизости от сцены. В вечернем платье и изысканных украшениях, Лора, должно быть, сгорала от нетерпения.

«Мама думала, что этот день никогда не наступит! Однако в итоге все вышло, как она и хотела. Она сможет аплодировать мне здесь, в Квебеке. И папа, наверное, волнуется! Сегодня утром он ничего не ел. Мне даже пришлось его поругать. Он переживал вместо меня. А наша славная Мирей? Она, конечно же, грызет что-нибудь сладенькое. И Бадетта так обрадовалась приглашению! Уверена, она напишет прекрасную статью. Надеюсь, что и Шарлотта там же, я попросила ее к ним присоединиться...»

Неумолимо, минута за минутой, шло время. Эрмин услышала, как оркестр заиграл увертюру. После первого акта она окажется на сцене.

«Еще немного — и исполнится моя самая заветная мечта, — пришло ей в голову. — Но я не испытываю настоящей радости. Когда я начну петь, мне, конечно же, станет лучше».

Умирая от страха, она чуть было не разрыдалась. Лиззи была слишком занята, чтобы прийти ее поддержать. Хотя именно сейчас Эрмин ощущала отчаянную потребность в присутствии друга, в ободряющих словах.

«Господи, если бы Тошан был здесь, рядом со мной! Если бы он обнял меня, улыбнулся мне, я бы почувствовала себя сильнее!»

В ту же секунду кто-то постучал в дверь. Эрмин вскочила, чтобы открыть — как если бы ее желание увидеть мужа могло сотворить чудо. Но это был Дюплесси, в смокинге и с белой розой в руке.

— Эрмин, хочу пожелать вам удачи! Сегодня вечером я дарю вам одну-единственную розу, белую, — символ чистой любви. Кто знает? Через несколько недель я, быть может, осмелюсь подарить вам красную розу, которая значит намного больше!

Обманувшись в ожиданиях, молодая женщина опустила голову, кляня себя за свою нерешительность. В глазах ее стояли слезы.

— О нет! — воскликнул импресарио. — Макияж! Чудесный цвет ваших глаз виден даже из зрительного зала, но косметика все же необходима. Возьмите же мою розу, дорогая!

— Какая же я глупая, — пробормотала она. — Я думала, это мой муж...

Эрмин взяла цветок и в отчаянии швырнула его на пол. Но Дюплесси поднял его и поместил туда, где в оборках белой блузки виднелась соблазнительная ложбинка между грудей. Потом он обхватил ладонью ее затылок, чтобы помешать ей отстраниться. Держал он крепко, поэтому молодая женщина не смогла уклониться от страстного поцелуя, который он

ей навязал. И тут же, против воли, она ощутила, как в ней просыпается желание. По ее лишенному любви телу пробежала легкая дрожь удовольствия. И все же, разъяренная, она резко отпрянула. Он засмеялся и тоже отступил на шаг.

— Я просто хотел вас приободрить, Эрмин! Вы были похожи на привидение. Пробудитесь, выходите из гримерной и готовьтесь! Весь Квебек ожидает вашего появления!

Эрмин настолько растерялась и так нуждалась в утешении и нежности, что чуть было не бросилась к нему в объятия. К счастью, в гримерную влетела запыхавшаяся Лиззи.

— Господи, зал забит под завязку! — воскликнула она. — Быстрее, моя крошка, идем к кулисам! Господин директор порекомендовал мне за тобой присматривать. Он видел тебя недавно и говорит, что ты совсем расклеилась!

— Я готова, — заявила Эрмин. — Держи, Лиззи. Эта роза для тебя!

С этими словами она вышла, адресовав Дюплесси ироничный взгляд. По дороге к сцене молодая женщина старалась поскорее забыть поцелуй, украденный у нее импресарио.

«В этом кругу это ничего не значит, не должно значить!» — повторяла она про себя.

К ней вернулся мандраж. Ей снова захотелось убежать. Но она подумала о маленьком Жореле, который сказал, что ее голос исцеляет. Эрмин поняла, что ее призвание — во время представления стирать все печали и страдания с души и тела своего слушателя. В глубине души она посвятила сегодняшнее выступление этому мальчику, и все сразу стало понятным. Да, она была права, что сделала выбор в пользу пения, она сможет вызвать у слушателей эмоции, которые заставят их позабыть обо всех заботах, боли, а иногда — даже о драмах, переживаемых ими. Это обязанность любого артиста. Благородная обязанность...

Несколько минут спустя она перевоплотилась в Маргариту, прядильщицу шерсти.

Для Лоры, Бадетты, Мирей и Жослина опера стала лакомством, настоящим праздником. Они с самого начала представления восхищались исполнителями, но пение Эрмин привело их в неистовый восторг. Никогда ни одно произведение она не исполняла с такой легкостью. Ее мастерство, в котором было много инстинктивного, граничило с чудом благодаря полученным урокам и несчетным часам работы. Молодая женщина общалась с публикой, даря ей возможность прикоснуться к совершенству, околдовывая ее...

В зрительном зале люди любовались этой юной Маргаритой, стройной и грациозной, с голосом, удивительным в своей прозрачности и силе. Исполнительница была не только красивой и молодой, чего нельзя сказать о большинстве оперных певиц, часто женщинах зрелых и пышнотелых, но еще и необыкновенно правдоподобной. Ее голос звучал не жеманно и не мелодраматично — он тек, ясный и кристально чистый, как быстрая вода горной реки. Ее ослепительно прекрасное лицо излучало искренность, правдивость, прелесть. Ее талант казался безграничным. В конце каждого акта звучали оглушительные аплодисменты.

Последняя сцена стала апофеозом: заключенная в темницу Маргарита отказывается от содействия демона и своего возлюбленного Фауста, призывая на помощь небесные силы. Казалось, Эрмин вложила в эту роль всю себя. В длинной белой тунике, с распущенными волосами, она протягивала руки в цепях к небу и душераздирающим, полным отчаяния голосом призывала небесных ангелов. Несколько человек в зале вскочили на ноги.

Знаю, как я низко пала,
Но ты, Господь, прости паденье!
Вам, ангелы мои святые, я душу отдаю,
Меня спасите вашей силой!
Прости меня, Творец, помилуй!

Когда упал занавес, все присутствующие в зале в едином порыве встали. Последовала сумасшедшая овация. Это был настоящий триумф. Крики «Браво!» не стихали. Эрмин и другие артисты вышли на поклон, но их никак не хотели отпускать.

— Господи, спасибо! — выдохнула заплаканная Лора. — Жосс, это наша девочка, ты отдаешь себе отчет?!

— Конечно! Я задыхаюсь от гордости! — восторженно отозвался мужчина.

— Это просто поразительно, — сказала Бадетта. Глаза ее блестели от волнения. — Как я за вас счастлива!

Мирей тоже плакала. История Фауста и Маргариты произвела на нее большое впечатление, и она очень гордилась Эрмин.

— Это наша Мимин! — повторяла она. — Всеблагой Господь, как ей хлопают!

Никто из сидящих в ложе не заметил исчезновения Шарлотты.

Несколько минут назад туда заглянула Лиззи и увела девочку с собой. В итоге всеобщему удивлению не было предела, когда на сцену выбежал маленький мальчик с букетом цветов. Ребенок, в штанишках из оленьей кожи с бахромой и такой же рубашке, черноволосый и смуглый, бежал в свете прожекторов. Он смотрел на женщину в белом. В ней он узнал свою маму, по которой так долго скучал. Артисты расступались, чтобы дать ему пройти, а он кричал тоненьким голоском: «Мамочка!»

Эрмин вскрикнула и бросилась к сыну. Она обнимала его и покрывала поцелуями, испытывая бесконечное, исступленное счастье. Картина была такой очаровательной, такой необычной, что большинство решило, будто это инсценировка. Повисла короткая тишина, потом грянул гром аплодисментов, еще более неистовый, чем раньше.

— Как он похож на Мукки! — воскликнула Лора, приподнимаясь в нависающей над залом ложе.

— Но это он и есть! — удивился Жослин. — Тошан приехал — это единственное объяснение!

Эрмин не задавалась никакими вопросами. Она обнимала сына, позабыв обо всем на свете.

— Мамочка, — повторял мальчик, — мамочка, любимая!

Понадобилось время, прежде чем молодая женщина осознала, что означает присутствие в театре ее сына. Кто, кроме Тошана, мог привезти его в Квебек? И купить парниковые розы с опьяняющим ароматом? Она встала и ускользнула за кулисы, прижимая мальчика к груди.

— Больше я тебя не оставлю, мое солнышко! — прошептала она. — Но где папа? Скажи!

К ним торопливым шагом приблизилась Шарлотта. Мукки протянул к ней ручки. Похоже, девочке он обрадовался не меньше, чем матери.

— Где Тошан? — спросила Эрмин. — Шарлотта, ты его видела?

— Нет! Лиззи постучала в дверь ложи, и я к ней вышла. У нее на руках был Мукки с букетом. Она попросила вывести его на сцену, сказала, что это идея твоего мужа. Значит, Тошан где-то здесь.

Обезумев от радости и в то же время с трудом веря в такое счастье, Эрмин бросилась в свою гримерную. Там она чуть не столкнулась с отцом и матерью, сияющими от счастья.

— Bravo, дорогая! — воскликнула Лора. — Это было великолепно! Все идет как нельзя лучше! Мукки произвел сенсацию, и, наверное, Тошан тебя простил. Да и как может быть по-другому, если он услышал, как ты поешь? Твой муж с минуты на минуту постучит в дверь!

Эрмин надела свою шубку, натянула сапожки. Дрожащая, с

отсутствующим взглядом, она словно пребывала в состоянии транса.

— Я знаю Тошана, он наверняка уже на улице! — заявила она. — Если бы это было не так, он бы уже пришел. Лиззи объяснила бы ему, где меня найти. Я не хочу, чтобы он ушел, вы понимаете? Я хочу его догнать!

— Об этом даже не думай! — возразил Жослин. — Ты вся разгоряченная, а на улице мороз, ты сразу простудишься. Тошан не стал бы ехать в такую даль, если бы не собирался с тобой помириться. Я его найду. А ты оставайся здесь. И сними этот костюм!

— Нет, папа, только не ты! — взмолилась она.

— Это еще почему? — спросил Жослин.

Изнуренная, нервная, Эрмин уступила. Она не знала точно, в чем именно Тошан обвиняет ее отца. Повисла атмосфера паники. Октава Дюплесси, который пришел справиться об Эрмин, тотчас же выставили за дверь, чтобы дать ей время переодеться в вечернее платье. К входу гримерной приносили все новые букеты; пришел директор Капитолия. Эрмин, спрятавшись за ширму, всем отвечала, что никого не хочет видеть, кроме некоего Тошана.

— Это ее муж, ее большая любовь, — объясняла Бадетта любопытствующим посетителям, которых не пустили в гримерную.

Добросердечная журналистка радовалась, попав в ситуацию, похожую на те, которые она описывала тихими одинокими вечерами. Она попросила Лиззи поискать за кулисами, в коридорах и в баре красивого мужчину-метиса, разумеется, одетого в индейскую одежду.

— Но я его видела! — заявила та. — На нем были черное пальто, шляпа и галстук. И никакой он не дикарь с севера! Хотя у него и вправду длинные волосы, красивые, черные как вороново крыло, собранные на затылке. Теперь я лучше понимаю тоску нашей дивы. Было бы мне лет на тридцать меньше, я бы тоже в него влюбилась!

В это время Жослин объяснял ситуацию Дюплесси. Потом они оба тепло оделись и вместе покинули театр через служебный выход.

— Нужно привести Эрмин ее мужа, — вздохнул импресарио. — Иначе придется отменить предстоящие выступления. Она либо заболит, либо бросится искать его на другом конце страны!

— Вы думаете только о своей выгоде! — проворчал Жослин.

— Это моя работа! Я имею определенный процент, и в этом нет ничего постыдного. Мне все равно, какими средствами мы осчастливим влюбленную женщину, лишь бы она успокоилась!

— Моя девочка вас не подведет.

Они разошлись в разные стороны, чтобы осмотреть окрестности

Капитолия. Оба заглядывали даже в окна близлежащих кафе.

В заснеженном, украшенном по случаю зимних праздников разноцветными огнями Квебеке, несмотря на поздний час, царило оживление. Не обращая внимания на холод, зрители обсуждали увиденное прямо перед театром. Неподалеку стояли припаркованные такси. Тошан спрятался в тени крыльца одного из домов. Он смотрел на блики света от фонарей, но не видел ничего, кроме картины, навсегда запечатлевшейся в его сердце — Эрмин на сцене. Она больше не была его женой-ракушкой, какой он увидел ее в их первую брачную ночь, и тем более робкой четырнадцатилетней девчушкой, с которой он познакомился однажды зимним вечером в Валь-Жальбере. Она не походила и на прекрасную любовницу, не зная стыда, отдававшуюся ему в хижине на берегу Перибонки. Он был поражен ее выступлением, которое наблюдал с галерки, где располагались самые дешевые места.

«Мать права, она — артистка, великая артистка! На сцене она затмевает всех! И ее голос! Да, этот дар не случайность, это знак судьбы!» — думал он.

Гнев и ненависть в его душе уступили место гнетущей тоске. Случилось непредвиденное, и Тошан решил вернуть Мукки матери незадолго до Рождества. Теперь он никак не мог уйти, терзаемый страстным желанием подойти к Эрмин, прикоснуться к ней.

«Не сейчас, — сказал он себе. — Я должен оставить ее в покое. Если я задержусь еще на минуту, я сделаю какую-нибудь глупость! Думаю, вокруг Эрмин сейчас десятки людей и она не выйдет из театра».

Оставалось чуть больше часа до отправления поезда, на котором ему предстояло совершить бесконечно долгий обратный путь, такой же, какой он недавно проделал с сыном. Спонтанная поездка поглотила почти все его сбережения. Тошан решил перейти через улицу Сен-Жан и сесть в такси. В тот момент, когда он попросил шофера отвезти его на вокзал Гар-дю-Пале, в машину сел какой-то мужчина и захлопнул за собой дверцу. Это был Жослин Шарден.

Быстро справившись с изумлением, молодой метис посмотрел на тестя с таким спокойствием, чтобы не сказать с холодностью, что тот даже удивился.

— Дорогой Тошан, — начал он, — Эрмин так счастлива, что вы вернули ей Мукки! Но счастье ее будет полным, если вы придете и, поговорив с ней, забудете наконец свою ссору двух влюбленных!

— Она могла бы прийти и сказать мне это сама, — возразил он. — Тогда мне бы не пришлось говорить с вами, видеть вас.

— Я помешал ей, чтобы она не заболела. Моя дочь не идиотка: увидев Мукки на сцене, она поняла, что вы где-то рядом. Куда вы едете?

Тошану не хотелось продолжать этот разговор в присутствии постороннего человека, водителя такси. Сжав зубы, он молчал.

— Не знаю, что творится у вас в голове, — продолжал вполголоса его тесть, — но ваш приезд в Квебек наводит на мысль, что вы хотели услышать, как поет Эрмин. Это было прекрасно, божественно! Надеюсь, теперь вы понимаете, что нельзя запрещать ей развивать свой талант.

По мнению Тошана, автомобиль ехал слишком медленно. Окажись они сейчас в темном переулке, он бы с удовольствием ударил Жослина, но ему приходилось сдерживаться.

— Мне очень тяжело, господин Шарден, — тихо сказал он, вложив в это «господин» все свое презрение, — сидеть с вами рядом и не иметь возможности раскроить вам череп. Вы прекрасно знаете, почему я уехал и почему вас презираю. Проявите смелость хотя бы раз в жизни, не стройте из себя невинную овечку!

Такси остановилось у вокзала. Тошан расплатился и вышел. Жослину хотелось попросить шофера повернуть назад и отвезти его обратно к театру, но он сдержал тяжелый вздох и тоже вышел. Пришло время разговора с оскорбленным сыном. Предстояло признать свои ошибки, и от этой мысли сердце у него заболело, лоб покрылся испариной. Холод пронизывал до костей. Сил сопротивляться не было.

— Я не собираюсь вас убивать, — бросил ему Тошан. — Не смотрите на меня так, будто я бешеный волк!

— Это из-за вашей матери? — наконец удалось выговорить Жослину. — Она рассказала вам наш секрет?

— Нет. Я догадался сам, — ответил молодой метис. — Она страдала, попав в собственную ловушку. И в первое время я ненавидел ее. Потом стал ненавидеть вас. Почему? Да потому, что мужчина, достойный называться этим словом, должен с уважением относиться к вдове — одинокой женщине, честь которой некому защитить. Если бы вы не являлись отцом моей жены, клянусь, вы были бы уже мертвы или искалечены!

Тошан поднял лицо к небу. Шел снег. Где-то зазвучали колокола. Созерцание ночного неба, укутанного толстой шубой туч, помогло ему успокоиться. Он дорого дал бы за то, чтобы сейчас рядом оказалась Эрмин, поцелуем заставила его замолчать, если только еще не вычеркнула мужа из своей новой жизни.

— Моя мать заслуживает быть любимой, — глухим голосом сказал

он. — Она объяснила, что между вами произошло. Я знаю, вы отчаялись, потому что Лора собиралась замуж, а вы сами считали себя обреченным на смерть от болезни. Вы хорошо провели вместе время, и, по сути, меня это не касается. Но в таком случае вам нужно было проявить порядочность и остаться с ней.

— Я не просто хорошо провел время с вашей матерью, я уважал ее и ценил даже больше, чем вы можете думать, — попытался оправдаться Жослин. — Я хотел остаться с ней, но Тала отказалась. Она говорила, что летом приедете вы с Эрмин и правда выплывет наружу. Тошан, поверьте, это она подталкивала меня уйти, завоевать Лору и заботиться о дочери. Благодаря ей, и только ей, я выздоровел, я это знаю! И мне легче оттого, что я наконец могу открыто это сказать. Я очень благодарен вашей матери!

Тошан направился к входу в здание вокзала Гар-дю-Пале. Он шел быстро, подняв воротник пальто.

— Мой мальчик, простите мне зло, которое я вам причинил! — взмолился Жослин.

Ему пришлось прибавить ходу, чтобы догнать зятя. Холл вокзала был просторным, но вокруг сновали десятки пассажиров. Тошан остановился у выхода на платформу.

— Вы ей благодарны? — холодно повторил он. — В таком случае могли бы быть к ней внимательнее, когда она приехала в Валь-Жальбер! Сказать по правде, Мукки я привез в Квебек, потому что у меня не было выбора. Вы не знаете главного: ваша с матерью связь принесла свой плод. Вы — отец невинной десятилетней девочки, которая в любой момент может умереть! А может, уже умерла. В регионе Лак-Сен-Жан и на Перибонке еще холоднее, чем здесь. Перед тем как сесть в поезд, я отвез мать и мою маленькую сестру Киону к монахиням в больницу Сен-Мишель, в Робервале. Девочка, такая хрупкая и маленькая, страшно кашляет.

— Господи! — вырвалось у Жослина. — Что вы такое говорите, Тошан?

Этот вопрос он задал, уже будучи в состоянии паники. Его страшная догадка, так долго не дававшая ему покоя, оказалась правдой: ребенок Талы — его ребенок.

— Вы прекрасно слышали, — отрезал молодой метис. — Я возвращаюсь в Роберваль и всю ночь буду молиться, чтобы мою маленькую сестру спасли. Мою сестру, которая также приходится сестрой Эрмин и Луи, — вашу дочь! Ни слова Эрмин и Лоре — так хочет Тала. И я уважаю ее волю.

— Я еду с вами! Вы можете отказаться, но я все равно поеду!

Жослин дрожал, сгорбившись в своем дорогом пальто из серого драпа. Он снял перчатки и шейный платок и направился к кассе. Тошан пожал плечами. Он никому не мог запретить сесть в поезд и в глубине души знал, что приезд Жослина придаст Тале сил. И если Кионе суждено угаснуть, как маленькой звездочке, которая уже не может светить, по крайней мере, отец будет с ней рядом...

Ни Тошан, ни Жослин не обратили внимания на женщину, закрывавшую лицо платком, а волосы — отороченным мехом капюшоном. Она медленно шла прочь, покачиваясь, как человек, испытывающий головокружение. Это была Бадетта, которую Эрмин и Лора отправили вдогонку за стремительно развивающимися событиями. И то, что она узнала, глубоко взволновало ее.

* * *

Эрмин не удалось ускользнуть из Капитолия. Она была готова обежать все улицы города в поисках Тошана, но ей пришлось отказаться от этой идеи, поскольку гримерную заполнили почитатели. Явился и директор театра собственной персоной и сообщил, что в баре угощает всю труппу шампанским.

— Мой дорогой друг, если ваш супруг здесь, мсье Шарден его найдет, — повторяла Бадетта, которую растрогала печаль молодой женщины.

— Конечно, — подхватила Лора. — Мсье Дюплесси тоже его ищет! Тебе нужно принарядиться! И не волнуйся так!

Молодая женщина невольно погрузилась в радостный хаос, оставив сына заботам Шарлотты и Мирей. Устав после долгой поездки, Мукки заснул на узком диванчике в гримерной, на котором иногда отдыхала его мать.

Импресарио явился с новостями. Виду него был таинственный.

— Эрмин, могу сообщить вам, что ваш муж сел в такси, и ваш отец — вместе с ним. Думаю, эти господа побеседуют немного и вернуться, чтобы выпить с нами за ваш исключительный талант!

Краснобайство и утонченные обороты Дюплесси рассердили Эрмин, которая внезапно сильно побледнела. Пока ее мать разговаривала с импресарио, она стала умолять Бадетту взять такси и отправиться следом за Тошаном.

— Я уверена, мой муж отправился на вокзал, он уезжает! — с тревогой прошептала она. — Прошу вас, поезжайте за ним, потому что я не вырвусь отсюда! Тошан с отцом в ссоре, я не знаю из-за чего, но, боюсь, это может кончиться плохо. Попытайтесь их урезонить!

Бадетта согласилась не раздумывая.

— Я ваш друг, не так ли? И я сделаю невозможное, чтобы вам помочь, — ответила она.

Эрмин поблагодарила ее шепотом, со слезами на глазах. Прошел уже час, а журналистка так и не вернулась. В театре отмечали триумф представления.

Лоре казалось, что она в раю. Внук проведет новогодние праздники с семьей! Кроме того, каждый принимался поздравлять ее, узнав, что она — мать «соловья из Валь-Жальбера» — прозвище, которое подхватили все газетчики. Но юная дива, как громко называл Эрмин Дюплесси, поднимая бокал, без конца смотрела на входную дверь. Она едва обращала внимание на комплименты, расточаемые ее красоте и таланту.

На многочисленных фотографиях, сделанных во время этого симпатичного приема, Эрмин была запечатлена в длинном голубом муслиновом платье, с распущенными по плечам волосами и с жемчужным ожерельем на грациозной шее. Она улыбалась, но во взгляде ее светилась безумная тревога, болезненная нервозность. Наконец появилась Бадетта. Капюшон ее был запорошен снегом. Лиззи бросилась к ней, чтобы помочь снять меховую куртку.

— Ну что? — спросила она шепотом. — Вы обнаружили этого красавца индейца? А мсье Шардена? Его супруга немного волнуется, он должен был бы уже вернуться!

— Я знаю, где оба, — сказала Бадетта. — Но хотелось бы сначала поговорить с Эрмин.

— Делайте как знаете, а я пока принесу вам шампанского.

Журналистка, дама чувствительная и мечтательная, не знала, как ей поступить. Сама того не желая, она стала свидетелем волнующей сцены, и обвинения Тошана в адрес своего тестя ее ошеломили. Столь же впечатлительная, как и Эрмин, она повторяла про себя их слова, своей серьезностью породившие целый мир образов, то ли расцвеченных любовью, то ли омраченных трагедией.

«Господи, я бы хотела ничего этого не знать! — думала она. — Что мне теперь делать? Я не могу обрушить эту правду на Эрмин и Лору! Но ведь они — мои друзья и я не должна их обманывать!»

Бадетта привыкла к одиночеству, и все же проводить свободное время

в компании новых подруг ей было очень приятно. Она восхищалась Эрмин, к которой успела сильно привязаться, и любила Лору за сильный характер, ее капризы и щедрость.

«Если бы только я смогла остаться в стороне от всего этого!» — пожаловалась она себе.

Эрмин подошла к ней. На напряженном лице молодой женщины читалась тревога.

— Ну что, Бадетта? Вы нашли их на вокзале? — спросила она.

— Увы, да! — вздохнула журналистка. — Они разговаривали, а на платформе уже стоял поезд, который возвращается в ваши родные места. Ваш супруг, Тошан, рассчитывает на нем уехать. Я не осмелилась ни заговорить с ним, ни удержать, потому что у них с вашим отцом был серьезный разговор.

— Как вам показалось, они в хороших отношениях? — не сдавалась Эрмин. — Будьте со мной откровенны, мне так тоскливо! Я знала, что Тошан снова от меня убежит. Но, сказать правду, это дает мне надежду, ведь он привез нашего сына!

— Какой красивый мужчина! — с улыбкой заметила Бадетта. — Вам надо держаться за него, Эрмин! Это настоящий повелитель леса, необыкновенный человек!

— Теперь, Бадетта, у вас есть новый герой для рассказов, — грустно сказала Эрмин. — И все-таки вам нужно было вмешаться, попросить его приехать и поговорить со мной. Может, у меня еще есть время взять такси и поехать на вокзал самой? Прошу, помогите мне! Я обегаю все вагоны, я его найду!

— Мой бедный юный друг, у вас остается не больше двадцати минут, а на улице сильный снег и машины двигаются по шоссе очень медленно!

— А мой отец? Где он? Он мог бы вернуться с вами, — забеспокоилась молодая женщина.

— Они меня даже не видели, — уточнила Бадетта. — Эрмин, если хотите, едем! Возможно, еще не поздно!

Бадетта не верила в то, о чем говорила, но таким образом она смогла бы побеседовать со своей юной подругой наедине. Лора, которой Дюплесси как раз обещал стремительное развитие карьеры дочери, даже не заметила, как они выскользнули из комнаты. Эрмин надела только шубу, перчатки и шерстяной шейный платок. Бадетта натянула свою куртку. Они быстро спустились на улицу и сели на заднее сиденье такси. Город засыпало безукоризненно белыми хлопьями, и снегопад мог затянуться на несколько дней.

— Вокзал Гар-дю-Пале! — негромко сказала Бадетта водителю.

Молодая женщина молилась от всей души, чтобы они успели вовремя. Бадетта взяла ее за руку, пытаясь успокоить.

— Эрмин, думаю, поезд уже ушел, — сказала она. — Мы едем так медленно!

— Но ведь мой отец мог задержать Тошана, и мы, возможно, встретимся на вокзале! Если же они уже в театре, ничего страшного, мы скоро вернемся. Я так хочу его видеть!

Бадетта со смущенным видом кивнула. Эрмин наконец осознала, что та выглядит встревоженной и в ее золотисто-зеленых глазах застыла непонятная тоска.

— Бадетта, вы узнали что-то конкретное? — спросила она.

— Эрмин, не знаю, что вам и сказать! Мне показалось, что мсье Шарден тоже купил билет на поезд. И я поторопилась вернуться в Капитолий. Но я не осмеливалась вам об этом сказать.

Молодая женщина попыталась слабым голосом возразить:

— Но у папы не было причин уезжать! Наверное, вы ошиблись. И куда бы ему ехать?

Бадетта расплакалась. Она не могла заставить себя рассказать то, что услышала. Автомобиль остановился перед вокзалом, и Эрмин попросила шофера подождать.

— Конечно, мадам! — весело сказал он. — Не так уж часто ко мне в такси садится настоящая артистка! Я видел вашу фотографию в «*La Presse*». К вашим услугам!

— Спасибо, мсье! — проговорила она и вышла.

Бадетта ломала руки, на сердце у нее было тяжело.

— Могу я спросить у вас совета, мсье? — спросила она у водителя такси. — Всегда ли нужно говорить правду?

— Конечно, всегда! Ложь чаще всего приводит к несчастьям, мадам.

Бадетта думала так же. Умирая от тревоги, она ждала возвращения Эрмин. Молодая женщина не замедлила появиться, почти бегом, рискуя поскользнуться и упасть в свежесвыпавший снег. Она быстро села в такси.

— Поезд уже ушел, и на перроне никого, — сообщила она, устраиваясь рядом с подругой. — Отец, должно быть, вернулся в театр. Мсье, к Капитолию, пожалуйста!

— Моя дорогая крошка Эрмин, я больше не могу молчать, — сообщила Бадетта. — Мне жаль вас расстраивать, но я услышала часть разговора между вашим супругом и господином Шарденом. Вы немного делились своими горестями, поэтому я знаю, что Тошан не одобрял вашего

желания сделать карьеру. Но, оказывается, проблема не в этом и вы не виноваты в том, что произошло.

Почти то же самое месяц назад сказала молодой женщине Мадлен.

— И о чем же они говорили? — спросила она умоляющим тоном. — Не скрывайте от меня ничего, довольно я сомневалась и горевала!

Бадетта в общих чертах передала суть разговора. Когда она замолчала, Эрмин покачала головой, словно отказываясь верить в подобный вздор.

— Папа и Тала? Нет! Киона — моя сестра? Нет, нет и нет!

— Разумеется, я слышала не все, — тихо продолжала Бадетта. — Ваш муж и отец начали разговор задолго до того, как я их догнала. Но в чем я точно уверена, так это в том, что мсье Шарден купил билет. Он хотел быть в больнице в Робервале, у постели своей маленькой дочери.

— Господи, какая жуткая история! Бадетта, я не хочу сомневаться в ваших словах, но вы уверены? Мне кажется, я сплю и вижу кошмар, но ведь это не сон!

Они снова были на улице Сен-Жан. Таксист припарковался возле Капитолия.

— Вы можете поговорить в машине, дамы, — сказал он с заговорщицким видом.

— Если так, пойдите и выпейте горячего кофе! — предложила журналистка. — Это будет наш подарок. Мы занимаем ваш автомобиль и поэтому компенсируем вам отсутствие пассажиров.

Мужчина поспешил последовать ее совету. Эрмин почувствовала облегчение. Они с Бадеттой нигде не нашли бы места для спокойного разговора, вернись они сейчас в театр. Перед глазами у нее стояло милое личико крошки Кионы.

«Это поразительно! Я сразу прониклась симпатией к этому ребенку, мне хотелось ее приласкать, без конца качать ее на руках... — думала она. — Моя сестра! Но, если я правильно понимаю, она приходится сестрой еще и Луи, и Тошану!»

Эрмин вдруг осознала, что ей неприятно думать о том, что они с Тошаном таким образом оказались родственниками. Это помогло ей понять, что он чувствовал и почему вдруг стал таким злым, таким жестоким.

— Господи! — воскликнула она. — Теперь все стало понятно!

Исполненная сочувствия, Бадетта погладила ее по щеке.

— Поплачьте, милое дитя, если вам от этого станет легче, — посоветовала она.

— Мне не хочется плакать, — возразила молодая женщина. — Я

ошарашена, ошеломлена! Теперь все, что происходило начиная с первого января, мне ясно! Когда моя свекровь вместе с Мадлен приехала в Валь-Жальбер, она была беременна. А я тут же радостно объявила ей, что у мамы скоро будет ребенок. Неудивительно, что она тут же уехала обратно. Наверное, она упростила Тошана отвезти ее. И если мой муж узнал правду, то не смог вернуться домой. И, если я правильно помню, мой отец тогда вел себя странно. Он был смущен, все время молчал... Я никогда ему не прощу, никогда!

Эрмин сжала свои маленькие кулачки, как если бы хотела ударить Жослина. Гнев удивительно красил ее личико в облаке белокурых волос, и Бадетте пришло на ум, что молодой женщине надо бы сниматься в кино. Эта неуместная мысль, однако, заставила ее улыбнуться.

— Ну-ну, успокойтесь, моя маленькая и такая сильная девочка! — сказала она быстро. — Если немного подумать, то станет очевидно, что ваш отец имел связь с Талой до того июньского дня, когда приехал в Валь-Жальбер. Я помню все события, которые случились в последующие месяцы. Лора многое мне рассказывала, пока вы были на занятиях по вокалу. вспомните, Лора и Ханс Цале собирались пожениться. Мсье Шарден считал себя холостяком, когда поддался чарам Талы. Скажите, а она симпатичная?

— Симпатичная? Не знаю... Я бы сказала — красивая, соблазнительная. Господи, Бадетта, когда прошлым летом я носила под сердцем двойняшек, моя свекровь казалась мне собственной тенью. Я не могла понять, почему она грустит. А оказывается, она тосковала по любимому мужчине, с которым рассталась. По моему отцу!

Эрмин обхватила голову руками. Она вспомнила Лору в день ее родов, с Луи на руках.

— Бадетта, это ужасно! Если мама узнает правду, она будет очень страдать! Она так счастлива с папой! Посмотреть на них — настоящие молодожены! Мы не можем разрушить их вновь обретенное счастье! Нет, ни за что! И вы сказали, что Киона очень больна и сейчас в больнице, в Робервале? Господи, сделай так, чтобы она не умерла! Я тоже хочу туда поехать!

— Боюсь, это невозможно, Эрмин! — оборвала ее Бадетта. — «Фауст» пройдет в Капитолии еще раз, через две недели, а потом — в Монреале, это было решено заранее, на случай, если премьера пройдет с успехом. Она стала настоящим триумфом. Зал аплодировал вам стоя.

— Жизнь крохотной девочки, которая к тому же моя сестра, мне дороже, чем все это, — тихо отозвалась Эрмин. — И вы, моя дорогая

Бадетта, первой узнаете новость — я отказываюсь от карьеры. Это не для меня, я чувствую, что постепенно превращаюсь в ту Эрмин, которая мне не нравится. Сестра Викторианна, монахиня из санатория, была права: мать должна посвящать себя своим детям и дому. Я не могла смириться с этим, потому что мечтала выступать на сцене, петь в самых известных операх мира. Моя мечта близка к исполнению, но цена, которую придется заплатить, слишком высока. Лоранс и Мари еще совсем маленькие, хотя им и исполнилось по годику, и Мукки тоже нуждается во мне.

Бадетта с серьезным видом кивнула. И похлопала подругу по руке.

— Не принимайте поспешных решений, Эрмин, особенно когда вы взволнованы, — посоветовала она. — Я бы расстроилась, узнав, что вы оставили ваше искусство и отказались от перспективы блестящего будущего.

Водитель такси постучал в стекло задней дверцы. Шел такой густой снег, что шляпа его совсем побелела, и куртка тоже. Им пришлось выйти из машины. Заплатив любезному таксисту по счету, Эрмин медленным шагом направилась к Капитолию. Лора, должно быть, уже начала волноваться.

— И что мне сказать маме? — спросила она у Бадетты. — Если я скажу, что отец не вернется сегодня вечером, она поймет, что произошло что-то серьезное. Но я не смогу рассказать о том, что знаю. Я, которая так полюбила вновь обретенного отца, теперь его ненавижу! Господи, и Тошан прошел через все эти испытания один, без моей поддержки! Тала, конечно, взяла с него обещание обо всем молчать. И мне до сих пор не хочется во все это верить! Это какая-то басня, причем в очень дурном вкусе!

— Мы ничего не можем рассказать вашей матери, пока не узнаем подробностей, Эрмин. Вам не обязательно ехать в Роберваль. В конце концов, существует телефон. Позвоните в больницу, и вы узнаете, как себя чувствует малышка, а может, вам удастся поговорить с отцом или мужем. Они приедут туда только завтра утром, и то, если с этими снегопадами поезд не задержится в пути, который может занять четырнадцать-пятнадцать часов.

— Спасибо, моя дорогая Бадетта, без вас я бы уже ударились в панику! Странно, но я успокоилась. Раньше я не могла понять поведения Тошана. Теперь же я хочу поскорее с ним увидеться, объясниться. Может, он меня уже простил?

— Уверена, что так и есть. Идемте, вы продрогли!

Они вошли через служебный вход. В театре было тихо. По пути журналистка пообещала, что придумает, как объяснить Лоре отъезд Жослина, и ради этого отправится в бар. Эрмин вошла в свою примерную,

где обнаружила Шарлотту и Мукки спящими на диване.

«Господи, верни мир в нашу семью! — взмолилась она про себя. — Даже если это кажется сумасшествием! Я готова на любые жертвы, чтобы вернуть любовь моего дорогого мужа!»

Эрмин закрыла глаза, молитвенно сложила руки у груди. Перед ее мысленным взором теснились образы — слова, взгляды, лица. Отчаяние на лице Талы, сидящей у выложенного галькой очага, веселое личико Кионы с розовым, как ягодка, ртом. Она увидела своего отца на крыльце их дома в день его возвращения в Валь-Жальбер, в то время как его считали мертвым и похороненным. Потом появился Тошан с застывшим лицом, которое стало выглядеть старше от пережитого стыда и гнева. Но еще она вспомнила его поцелуи, его стройное мускулистое тело цвета бронзы, удовольствия, которые они дарили друг другу.

«И я позволила этому фату Дюплесси меня поцеловать! — подумала Эрмин в ужасе. — Тошан никогда не узнает. Да это и не имеет значения!»

Вошла взбудораженная и испуганная Лора, следом за ней — Бадетта.

— Эрмин, я только что узнала, что твой отец уехал! Похоже, чтобы вернуть твоего мужа и убедить его провести с нами Рождество здесь, в Квебеке. По-моему, на этот раз Жослин перегнул палку! Что на него нашло? А я так приятно провела время на этом приеме!

— Чш-ш-ш, мама, дети спят! — попросила Эрмин.

— Шарлотта уже не ребенок, — отрезала Лора сердито. — А я отправила Мирей домой, чтобы она приготовила нам вкусный ужин! Ну почему у нас всегда все идет вкривь и вкось!

Эрмин и Бадетта обменялись расстроенными взглядами. Обе размышляли о том, как уберечь Лору от огорчения.

— Остается только вернуться домой, — сказала та. — Что ж, тем хуже для Жослина, поужинаем без него! Идемте, Бадетта, вы останетесь ночевать у нас. Похоже, завтра утром все вокруг засыплет снегом. Хотя, думаю, мой муж решил, что поступает правильно.

Пришлось разбудить Мукки и Шарлотту. Дюплесси, которому сообщили о возвращении Эрмин, поторопился предложить свою помощь.

— Я провожу вас, дамы! — объявил он. — Я понесу мальчика, он очень устал. И поторопитесь, живете вы неблизко!

Было очевидно, что импресарио желает получить приглашение на ужин. Эрмин разочаровала его по дороге к улице Сент-Анн, на самом деле расположенной совсем недалеко.

— Октав, мы хотим побыть все вместе сегодня вечером, только члены нашей семьи, — извинилась она. — Не обижайтесь, но у нас появилась

проблема, и я, например, постараюсь пораньше лечь в постель.

— О, не напоминайте мне о вашей огромной кровати, где для меня вполне нашлось бы местечко! — пошутил он.

— Замолчите, я больше не хочу слышать подобных бестактностей! — отрезала она.

— Но без меня вы — ничто, — тихо сказал он. — Я нашел вас в Валь-Жальбере, поселке-призраке, где вы пели для пустых домов! И только я могу привести вас к вершинам славы, дорогая Эрмин.

— Вы хотите сказать, что я всем обязана вам? — тоже шепотом спросила она, поскольку следом за ними шли Лора и Бадетта. — Если так, оставьте себе деньги, которые я заработала, все деньги! Во времена монастырской школы я жила в бедности и могу зимовать в хижине и быть довольной этим. Я ошиблась в выборе пути, господин импресарио! И скоро поверну назад!

— Вы говорите вздор! — всполошился он.

Они пришли. Эрмин попрощалась с Дюплесси, забрав у него сына. У нее было только одно желание — поскорее оказаться в уютной квартире, чтобы зажечь разноцветные электрические гирлянды на рождественской елке.

— До свидания! Но не делайте глупостей! — проворчал он в ответ. — Ваша частная жизнь не должна мешать исполнению условий контракта, который вы подписали.

— Оставьте при себе свои ученые слова, — бросила она. — Доброй ночи!

Шарлотта с трудом стояла на ногах, так ей хотелось спать. Эрмин уложила ее в свою постель вместе с Мукки. Мадлен пришла сказать Лоре, что Луи и малышки спят как ангелы.

— Вы сегодня ужинаете с нами, — со вздохом отозвалась та. — Мой муж уехал, и на столе будет лишний прибор. И именно под Рождество, когда должны случаться чудеса! Мсье бегаёт за Тошаном, но ему никогда не поймать зятя...

Кормилица кивнула и вежливо поблагодарила за приглашение. Она казалась спокойной, но сердце быстро билось у нее в груди. Слова Лоры встревожили ее. Едва оставшись с Эрмин наедине, возле сияющей огнями елки, она посмотрела на нее вопросительно.

— Мадлен, дорогая, ты была права насчет Кионы, — тихо сказала молодая женщина. — Это и вправду дочка Талы. Однако ты имеешь право узнать всю правду: ее отец — мой собственный отец, Жослин... Но ни слова Лоре. Обещай!

По смуглым щекам Мадлен потекли слезы. Она кивнула.

— Что вы там замышляете? — громко спросила у них Лора. — Сегодня вечером я и так расстроена и сердита, возвращайтесь за стол! Поговорим о «Фаусте». Прекрасное произведение! Демон, Мефистофель, такой страшный! Но голос его меня очаровал. Это баритон, не так ли?

— Нет, Мефистофель — бас, мама, — поправила ее Эрмин. — Баритон — это Валентин, брат Маргариты.

— И эта сцена, где ты поешь, сидя за прялкой. Это так трогательно! — продолжала Лора. — Но в ней ты целуешь исполнителя роли Фауста, это смущает...

— Не больше, чем в фильме, — возразила Бадетта. — Я обожаю оперу, и мне этот спектакль показался исключительным.

Далее разговор коснулся великих опер французского и итальянских композиторов — «Богемы» Пуччини, «Кармен» Бизе и «Травиаты» Верди.

Молодой женщине с трудом удавалось делать вид, что все хорошо. Она думала только о Кионе.

«Завтра я узнаю, как она, завтра я, быть может, поеду к ней, к моей маленькой сестричке! Господи, спаси ее, потому что, если она умрет, я никогда не прошу отца. Никогда!»

* * *

Эрмин спала плохо, преследуемая мыслями о невероятных новостях. Ночь показалась ей одновременно и слишком длинной, и слишком короткой. Известие было настолько ошеломительным, что в него с трудом верилось. У них с Тошаном одна сестра на двоих, причем она приходится сестрой и маленькому Луи тоже!

Несколько месяцев назад она бы по-другому судила о поведении Талы и своего отца. Но недели, проведенные в театральных кругах, весьма своеобразных в смысле норм поведения и морали, ее многому научили. В этом мире царили интриги, фамильярность и снисходительное отношение к внебрачным связям. Да и она сама оказалась равнодушна к «французскому» шарму Дюплесси. Эрмин не хотела обманываться: когда импресарио поцеловал ее, тело женщины ответило, дрожа от желания.

«Тала долго жила одна. И когда мой отец приехал к ней, кстати, не знаю зачем, она в него влюбилась... Или же свекровь просто нуждалась в мужской ласке, как я вчера вечером в объятиях Октава. Плоть слаба, это всем известно...»

Но как она себя ни уговаривала, вся эта история безумно ее огорчала. Жослин солгал им, ей и матери, без всяких зазрений совести. По крайней мере, она видела события именно под таким углом.

«И мы с Тошаном столько страдали из-за этих секретов! Да и мама переживет ужасную боль, а ведь она так гордилась, что им с папой снова удалось стать парой!» — подумала она на рассвете.

Мадлен проскользнула к ней в спальню на цыпочках. Кормилица была сама не своя от волнения.

— Эрмин, я молилась всю ночь и слышала, как ты ворочаешься в кровати. Мне так жаль вас всех!

— Ты тут ни при чем, — сказала молодая женщина. — Это жизнь! Тала и моя мать могли и не зачать. Или не полюбить одного и того же мужчину. Если бы я знала, что происходит, я бы сумела помочь Тошану, заставить его все мне рассказать! В нашей семье слишком много секретов и недомолвок. Мне очень хочется во всем признаться матери. Она все равно узнает, не сейчас, так позже. Зачем откладывать?

С этими словами Эрмин встала. Проходя мимо кормилицы, она погладила ее по черным волосам, таким похожим на волосы Тошана.

— Не грусти! Я много думала о Кионе. Сейчас семь утра, я позвоню в больницу, а потом решу, что делать дальше. Пока у меня одно желание: сесть на первый же поезд. Я умираю от нетерпения, Мадлен. Киона не может умереть! Я видела ее совсем крошкой и чувствую, что мы с ней связаны. С прошлого лета я сильно переменилась. И я так скучала по Мукки, что поняла очень важную вещь: дети — это святое! Их драгоценная жизнь, их счастье — вот что взрослые должны беречь прежде всего. Дети приходят в мир невинными, и они не должны расплачиваться за ошибки взрослых. Мне нужно было понять это намного раньше. Когда мне было три года, с неба спустился ангел, окруживший меня любовью и нежностью — красивая монахиня, сестра Мария Магдалина.

— Твои слова полны мудрости, Эрмин, — отозвалась молодая индианка. — Я молилась и за Киону, надеюсь, Господь ее спасет. Твой ангел-хранитель заботится о ней, и о нас тоже!

Эрмин сдержала вздох. Она подумала, что было бы лучше, если бы небеса вовремя вмешивались в действия людей, весьма склонных поступать вопреки здравому смыслу. Через пять минут она уже пыталась связаться с больницей Сен-Мишель в Робервале. Но это оказалось невозможным, потому что снег оборвал провода. Ей посоветовали попытаться еще раз, в полдень.

В лиловом домашнем халате и с бигуди на голове, Лора подошла,

чтобы ее поцеловать.

— И кого ты намеревалась разбудить телефонным звонком в такую рань? — спросила она. — Наши мужья так и не появились. Ты не знаешь, где они, я полагаю?

Вопрос прозвучал странно, как если бы Лора знала правду.

— Вчера вечером, когда мы возвращались из театра, я не хотела портить тебе радость, мама, — начала Эрмин. — Но я кое-что узнала благодаря Бадетте, которую отправила на вокзал. Тошан привез нам Мукки, потому что Тала больше не могла оставить его у себя: маленькая девочка, о которой я тебе рассказывала, Киона, очень больна. Она сейчас в больнице, в Робервале. И я пыталась узнать, как она, вот и все.

— Вот как? Тогда я понимаю, почему Тошан так быстро уехал, но Жослин? Он здесь ни при чем.

— Что ты, мама! Он счел нужным поехать с зятем, чтобы поддержать его.

Мирей, нахмурившись, слушала их разговор из кухни. Она чувствовала, что начинаются неприятности. Шарлотта, которая тоже была уже на ногах, наострила уши, потягивая свое теплое молоко.

— Одного я не могу понять, — сказала Лора. — Киона — приемный ребенок, правда? Я понимаю, почему она дорога Тале. Но из-за нее жизнь целой семьи перевернулась вверх дном — это кажется мне оскорбительным! Даже Тошан никак не связан с этой девочкой!

Мадлен вошла в столовую с маленьким Луи на руках. Кормилица сочла нужным признаться:

— Киона из нашей семьи, мадам. Она моя двоюродная сестра.

— Вы все двоюродные сестры и братья! — вздохнула Лора. — Я совсем запуталась в вашей генеалогии!

Эрмин почувствовала в голосе матери раздражение, а может, и неясную тревогу. Она поняла, что оказалась в очень трудном положении.

— Мама, ты опять-таки не поймешь, но я тоже поеду в эту больницу, в Роберваль! Второй спектакль состоится в начале января. Я должна поддержать Талу, этот ребенок много для нее значит. Ведь это ее дочка... Ну вот, главное ты знаешь.

— А как же Рождество? — воскликнула Лора, которая, казалось, не услышала последних слов дочери. — Жослин уехал, и ты тоже уезжаешь? Нет, так не пойдет! Если все бегут на поезд, то я тоже в Квебеке не останусь! Праздники мы отметим в Валь-Жальбере. Мирей, готовь мой чемодан, вы, Мадлен, займитесь вещами детей. Не надо брать слишком много, у нас там полно одежды. Шарлотта, быстрее беги на почту и отправь

телеграмму Маруа. Пусть Арман протопит дом и срубит нам рождественскую елку. Выедем поздно вечером и дома окажемся через сутки. Я приглашу Бадетту составить нам компанию! Она мечтала увидеть Валь-Жальбер, вот случай и представился!

— Мама, это невозможно! — воскликнула Эрмин, понимая, что ситуация усложняется. — Идет сильный снег, может оказаться, что некоторые участки пути непроходимы. Наши малыши могут заболеть!

— Помилуй Бог, дорогая, мы же не собираемся выращивать наших детей в теплице! — с иронией отозвалась ее мать. — Переселенцы в былые времена приезжали сюда со всем своим потомством, и им приходилось куда хуже, чем нам! Я не изменю решения! Твой отец проведет Рождество со мной рядом, в нашем доме в Валь-Жальбере!

Молодая женщина отказалась от мысли противоречить матери, которая, мало того что обладала волевым характером, со временем становилась все более авторитарной. Она снова попыталась дозвониться до больницы. После долгого ожидания ответила медсестра.

Вокруг Эрмин моментально повисла тишина. Она задавала вопросы, несколько раз произнесла «да» и «спасибо». Наконец повесила бакелитовую трубку.

— Ну что? — спросила Мадлен.

— Как она? — подхватила Лора. — Как Киона?

— У нее бронхопневмония, — ответила Эрмин. — И состояние очень тяжелое. Делай что хочешь, мама, но я уезжаю прямо сейчас!

Мирей перекрестилась, Мадлен тоже. Шарлотта не поднимала глаз. Она не ожидала, что уже завтра может оказаться в Валь-Жальбере и увидеться с Симоном Маруа. Новость ее обрадовала, но она сумела скрыть свои эмоции.

Эрмин быстро оделась. Мукки, закутанный в одеяла, лежал на широкой постели, протягивал к ней ручонки и смеялся. Она наклонилась и расцеловала его.

— Дорогой, мама уезжает, но мы очень скоро увидимся! Шарлотта за тобой присмотрит!

Она подумала, что накануне мальчик уже провел много часов в поезде. Но он был крепкий и его ничего не стоило увлечь игрой.

— У меня нет выбора, сынок, — вздохнула она.

Ей не терпелось увидеть Киону, передать ей часть своей силы, своей любви. Ничто в мире не помешало бы ей отправиться к маленькой сестре, словно от этого зависели судьбы их всех.

Глава 22

Киона

Роберваль, воскресенье, 23 декабря 1934 года

Эрмин разглядывала фасад больницы Сен-Мишель из красного кирпича, крышу которой замело снегом. Стоял сильный мороз. Молодая женщина какое-то время вопросительно смотрела на огромное озеро, взятое в плен льдами. Она спрашивала себя, каким образом Тошан привез Талу с девочкой в Роберваль, если у него больше не было саней.

«Наверное, он одолжил их у кого-то», — подумала она, никак не находя в себе решимости войти, несмотря на недавшее ее беспокойство.

Эрмин приехала еще накануне, но было уже за полночь и она сняла комнату в скромном отеле.

«Сегодня вечером мама и все наши приедут в Валь-Жальбер. Счастье, что я выехала раньше, это дает мне немного времени!»

Монахиня, выходя из больницы, кивнула в знак приветствия. Эрмин поняла, что раздумывать больше нечего. Она подозревала, что вызывает любопытство у тех, кто смотрит на нее из здания. Сама того не зная, Эрмин сразу же производила впечатление жительницы большого города — в красивой шубке и шапочке из того же меха, в роскошных сапожках.

В холле ей навстречу вышла медсестра в монашеском одеянии.

— Здравствуйте, мадам! Я приехала навестить одну женщину, Талу, маленькая дочь которой больна бронхопневмонией. Я звонила по телефону вчера утром.

— Должно быть, вы говорите о мадам Роланде Дельбо и о малышке Кионе? — предположила молоденькая медсестра.

— Именно так! Эта дама — моя свекровь. Как себя чувствует девочка? Она ведь не...

Произнести слово «умерла» оказалось выше ее сил. Медсестра сочувственно улыбнулась, чем еще больше напугала Эрмин.

— Киона очень плохо чувствовала себя этой ночью. Мы боялись ее потерять. Кюре окрестил ее перед рассветом. Но мы столько за нее молились, что сегодня утром она все еще с нами. Идемте, я вас провожу! Какой-то господин не отходил от ее кровати. Он представился ее отцом.

Сердце Эрмин застучало как сумасшедшее: Жослин Шарден был тут. Да, она до сих пор злилась на него, и все же его поступок ее растрогал.

«Папа не захотел повторять свою ошибку. Он оставил меня, но решил познакомиться со второй дочкой или хотя бы попрощаться с ней!» — думала она.

Потерявшись в своих мыслях, она едва обращала внимание на звуки больницы, на витавший в воздухе запах камфары и дезинфицирующих средств. По коридорам сновали монахини. Из какой-то палаты донесся душераздирающий крик. Медсестра ввела ее в комнату, в которой стояло четыре кровати. Только одна была занята. На белоснежной подушке маленькая головка Кионы походила на золотистый цветок. Глазки у нее были открыты, ручки лежали поверх простыни. Тала сидела у ее изголовья на табурете. Индианка ласково посмотрела на Эрмин, потом перевела взгляд на свое дитя.

— Похоже, ей лучше, — выпалил Жослин, сидевший по другую сторону кровати.

Эрмин сделала вид, что не видела его и не слышала. Склонившись над девочкой, она плакала.

— Милая крошка, останься с нами! — молила она. — Мир так прекрасен! Я хочу, чтобы ты вдыхала аромат роз и мяты, чтобы ты босыми ножками бегала по мелководью на берегу Перибонки... У тебя для прогулок будет целый лес, и я научу тебя петь, если захочешь! Я всегда буду с тобой рядом. Киона, моя маленькая сестричка, я так сильно тебя люблю, что ты просто не можешь уйти!

Тала беззвучно рыдала. Медсестра отошла, взволнованная до глубины души. Столько искренней любви и ласки было в голосе молодой женщины, что ее мольбы никого не оставили бы равнодушным. Жослин шмыгал носом, удивленный и огорченный одновременно. Он спрашивал себя, откуда Эрмин могла узнать правду, и пришел к заключению, что Лора тоже в курсе всего. Должно быть, супруга проклиняет его, ненавидит...

— Худшее — это приступы кашля, — тихо объяснила Тала. — Я так испугалась этой ночью! Она вся горела и задыхалась. Но доктор хорошо ее лечит. Если бы Тошан не решился привезти нас сюда, моя маленькая Киона сегодня была бы уже мертва.

Эрмин встала на колени возле свекрови и нежно ее обняла. На ухо Тале она сказала с уверенностью:

— Вы столько выстрадали в жизни, что Господь просто не может послать вам такое жестокое испытание! Да и зачем ему забирать у вас прекрасный подарок, который он вам сделал в лице Кионы? Такой

маленькой, но такой важной, такой драгоценной! Я молилась за нее, пока ехала в поезде.

— Спасибо, что приехала, — отозвалась Тала. Было видно, что она очень устала.

Вот уже трое суток она спала только короткими урывками.

— Господи, нет! — внезапно вскричал Жослин.

Эрмин с Талой вскочили. Киона вздрогнула. Глаза ее при этом были закрыты, ротик приоткрыт. Подбежала медсестра.

— Не беспокойтесь напрасно, — сказала она. — Малышка заснула. Я слушала ее пульс, он нормальный. Жара почти нет. Ей нужно набраться сил, она ужасно кашляла этой ночью.

Жослин заплакал. Он так испугался, что у него сдали нервы. Ребенок, о чьем существовании он не знал еще несколько дней назад, теперь значил для него невероятно много.

— Выйдите подышите воздухом, мсье, — порекомендовала ему медсестра. — Сразу станет лучше. Вам сделают кофе, если захотите. Я провожу вас на первый этаж.

— Да, да... — бормотал он.

Тала посмотрела на него с жалостью, но, похоже, испытала облегчение, оставшись с Эрмин наедине.

— Ты правда думаешь, что Киона поправится? — с тревогой спросила она у молодой женщины. — Когда она только заболела, я давала ей травяной настой и сосновый мед, но кашель только усиливался. Тошан испугался, что Мукки тоже заразится, поэтому смастерил сани, более легкие, чем сани твоего отца, и мы поехали спасать нашу маленькую Киону. Я держала ее на руках, закутанную в медвежью шкуру. Собаки, пожалуй, поняли, что нужно спешить. Славные псы! Дюк и Кьют...

— Хаски? Тот самый? — поразилась Эрмин.

— Да, Тошан его забрал. Мой сын не такой злой, каким кажется. Он узнал, что с собакой плохо обращаются, поехал и забрал его. Теперь это красивый пес!

В этой новости Эрмин увидела росток надежды. Ненависть, снедавшая ее супруга, похоже, ослабела. И у него не было повода снова ее отталкивать.

Они разговаривали тихо, не сводя глаз с маленькой Кионы. Временами тело ребенка сотрясал приступ кашля, но она не просыпалась и по губам ее, казалось, пробегала легкая улыбка.

— Лора знает? — спросила Тала. — Я умоляла сына молчать. Он не смог сдержать слова.

— Нет, она ничего не знает. И, судя по всему, Тошан сообщил о болезни Кионы только моему отцу. Но, думаю, что бы ни случилось, нужно будет все ей рассказать, — сказала Эрмин твердо. — Не нужно больше секретов, не нужно лжи. Внешне все выглядит прекрасно и гладко, а внутри чувства угасают, радость меркнет. Тала, вы еще любите моего отца?

— Нет, у меня нет к нему любви. Клянусь тебе в этом. И не сердись на него, крошка! Тошан мог убить Жослина, но мне удалось его урезонить бесконечными разговорами. Он знает все, мой сын, ты можешь задать ему все вопросы, которые тебя мучат. Это я хотела его и не знаю почему. Твой отец очень привлекательный, он притягивал меня как магнит. И мне пришла в голову эта странная идея — вылечить его, чтобы он мог вернуться к вам полностью здоровый. Кюре сказал бы, что я грешила гордыней. Я решила, что достаточно сильная, чтобы не влюбиться в него. И дорого заплатила за свою ошибку. Но сейчас ты говорила очень красиво: я и вправду получила в подарок Киону. Когда она родилась, вся моя любовь обратилась к ней, к ней одной. Этот ребенок дал мне столько счастья! Киона — сама нежность, свет и веселье! Да, имя очень ей подходит. Оно напоминает о солнце, восходящем над холмами, когда оно рассыпает свои золотые лучи по кронам деревьев... Мой золотистый холм, моя Киона... Сокровище, которое я не хочу терять! Если это случится, я умру!

И Тала разрыдалась — а плакала она очень редко. Эрмин нежно взяла ее за руку.

— Дорогая Тала, я уверена, она поправится! Здесь, в больнице, у докторов есть лекарства от кашля и от жара. Можете назвать меня эгоисткой, но где Тошан? Я так хочу, чтобы он меня простил, хочу с ним поговорить!

— Он уехал вчера вечером, из-за Жослина. Моему сыну было неприятно, что он здесь. Еще я знаю, что Тошан избегает встречи с тобой, Эрмин. Он обошелся с тобой плохо и знает это. Он предпочел вернуться в лес, в нашу хижину.

Молодая женщина не смогла скрыть разочарования. Все же одна деталь ее заинтриговала.

— Вы сказали, Тошан избегает встречи со мной. Но ведь он не мог предвидеть, что я так быстро приеду в Роберваль!

— Значит, ты плохо его знаешь. Он говорит, что видел твою подругу в холле вокзала, в Квебеке. И она слышала, что он говорил Жослину. Разве ты забыла, что индейцы — ловкие следопыты? Это верно и в отношении слезки. Моего сына не проведешь: он понял, что женщина за ним следит.

Эрмин вздохнула, но, представив очаровательную Бадетту в роли

детектива, улыбнулась.

— Это я ее послала, — призналась она. — А сегодня вечером Лора, дети, Мадлен, Мирей и Шарлотта — все приедут в Валь-Жальбер отмечать Рождество. Моя мать не подозревает, что ее ждет. Отец должен рассказать ей правду.

— Эрмин, я старалась, как могла, пощадить твою семью. Мне жаль, что так вышло. Может, Лора поймет? Я готова сама все ей объяснить...

— Мама — женщина непредсказуемая, но при этом ревнивая и гордая. Она не простит предательства. Если бы папа в первые дни признался, это было бы совсем другое дело. Но как это будет теперь, ума не приложу!

Тала развела руками, потом сказала:

— Признай, о таких вещах сложно говорить. Кто бы понял? Ни ты, ни Тошан, ни тем более Лора. Но теперь походи и поговори с отцом. Мне его очень жаль. Мы почти не разговаривали, но он не переставая молился и говорил шепотом. Он очень расстроен.

Жослин Шарден, заложив руки за спину, прохаживался строго по расчищенным дорожкам больничного сада. Погрузившись в мрачные размышления, он пришел к заключению, что утратил уважение своей старшей дочери и ее любовь. Она ни разу не посмотрела на него, не сказала ни слова. Если Эрмин отвергает его без объяснений, что же тогда говорить о Лоре? Что до Кионы, то он едва успел посмотреть на нее и скоро ее потеряет... Такая крохотная, она не сможет долго противостоять болезни легких.

«Кто же рассказал все Эрмин?» — подумал он, испытывая тоску, отвлечение к самому себе.

Снегопад прекратился. Небо наконец посветлело, но жуткий холод стискивал край в своих объятиях. Эрмин какое-то время наблюдала за отцом, прежде чем догнать его. Он выглядел как человек, преследуемый роком, к тому же ужасно одинокий.

«По правде говоря, я совсем мало его знаю, — подумала она. — Но с тех пор, как он живет с мамой и со мной, мне не на что было жаловаться. Он всегда в хорошем настроении, услужливый, ласковый с детьми. Ему нравится опера, его интересует все, что связано с миром сцены. Я так долго жила без отца и не хочу от него отказываться. Но мама так и поступит. И Луи, мой маленький братик Луи! Я не хочу, чтобы он рос без отца, как я!»

Она направилась к Жослину, испытывая необъяснимый, глупый страх, что он вдруг исчезнет. Он вполне мог снова удариться в бег, стать тенью среди других теней.

— Папа! — позвала она.

Он обернулся на зов, лицо его было печально. Она подумала, что он выглядит старше, уголки его губ опустились. Он до сих пор плакал.

— Папа, прошу, не убегай, как Тошан! — попросила она, жестом приглашая его приблизиться.

Наконец они были рядом. Весь ее гнев, вся злоба испарились, едва она увидела его бесконечно грустные глаза.

— Эрмин, моя маленькая дочь, она умерла? — пробормотал он. — Киона умерла? Господи, я всем приношу несчастье! Я проклят!

— Нет, она спит, разве ты забыл? Медсестра нас успокоила.

— Долг медсестры — утешать родных, и она не задумываясь скажет нам неправду. Киона умрет, и я ничего не могу сделать для нее, для моей совсем крошечной дочки! Все начинается снова, Эрмин, для меня в этой жизни счастья не существует. Я — трус, мне нужно было покончить с собой еще пять лет назад, когда я узнал, что болен туберкулезом. Вы думали, что я умер, так что не было бы никакой разницы. Лора вышла бы за Ханса, а ты, дорогая, жила бы преспокойно со своим супругом! Тошан покинул тебя из-за меня, слышишь?

Он ударил себя кулаком в грудь, и лицо его было искажено гневом. Эрмин попыталась схватить его за запястье.

— Перестань, папа! Ты пугаешь меня! Успокойся!

— Но ведь твоя мать прогонит меня, будет меня ненавидеть, а я так ее люблю! Я никогда не переставал ее любить. Ни одна женщина не заменит ее, ни одна! И мой маленький Луи даже не запомнит своего отца. Господи! Господи!

Подошла монахиня с тяжелой, полной картофеля корзиной в руках.

— Вам нужна помощь, мадемуазель? — спросила она. — Этот господин вам докучает?

— Нет, сестра, благодарю вас. Это мой отец. Он очень расстроен, я его успокаиваю.

Эрмин поторопилась увести Жослина поглубже в сад. Он дрожал на пронзительном ветру.

— Папа, послушай, я сама объясню маме, что произошло. Мы не всегда знаем, что готовит нам судьба. Киона должна жить, я в этом уверена. Возможно, вас с Талой подтолкнула друг к другу высшая сила, которая хотела создать это светлое дитя!

— Слова! Это только слова! Мне не надо было возвращаться в хижину Дельбо. Но я хотел знать, кто же похоронен на моем месте. И я увидел Талу, она была одинока. Приближалась весна. Меня словно околдовали...

— А если бы ты туда не поехал, то умер бы от туберкулеза, я бы никогда не увидела тебя и Луи вообще не было бы на свете. Папа, я люблю тебя несмотря ни на что. Я буду защищать тебя, мама поймет. Посмотри, какая красота вокруг! Солнце освещает снега, сияют сосульки на крыше. Ты еще не видел Киону здоровой, когда она улыбается. Это зрелище прекраснее, чем этот пейзаж!

Молодая женщина чуть не плакала. Жослин вдруг понял, что она ни разу не упрекнула его, что она пытается его утешить. Его дочь проявила такое благородство, что он устыдился собственной слабости.

— Я горжусь тобой, Эрмин! — сказал он. — Ты прекрасный человек. Я боялся твоего презрения, но нет, ты, похоже, меня простила.

— Позавчера, в Квебеке, я тебя ненавидела, — призналась она. — Я наконец поняла, почему Тошан был в такой ярости, почему в нем кипело столько ненависти. Это из-за тебя. Но он не говорил мне правду, потому что Тала заставила его поклясться сохранить тайну. Я должна была догадаться... Он отдал чужаку Кьюта, хаски, и сжег твои сани. Что ж, папа, будь храбрым! Поезжай в Валь-Жальбер, поговори с мамой и объясни ей всё, на этот раз всё без утайки!

Жослин поднял глаза к небу. Он отрицательно покачал головой. Вся его дрожащая от холода фигура будто говорила «нет». Эрмин испугалась, как бы он сам не заболел.

— Бедный мой папа, у тебя ужасный вид! Готова поспорить, что ты со вчерашнего дня ничего не ел. И даже не переодевался.

— Да, у меня под пальто выходной костюм, — угрюмо подтвердил он. — И как ты объяснила мой поспешный отъезд бедной Лоре?

— Мама вовсе не слабая, и ты это прекрасно знаешь, — заметила Эрмин с грустной улыбкой. — Давай вернемся в тепло! Ты выпьешь чего-нибудь горячего. Сестры могут приготовить тебе кофе или чай.

Угрюмое настроение отца и его молчаливое послушание огорчали Эрмин. Она поручила его вниманию медсестры, а сама поднялась на второй этаж, в палату своей маленькой сестрички. Болезнь ребенка разорвала полотно лжи. Эрмин ожидало трогательное зрелище: Тала дремала на кровати, прижимая Киону к груди. Девочка тоже спала, слегка причмокивая во сне губками, похожими на лепестки цветка.

Молодая женщина присела на стул и стала молиться наивными словами, как делала это в детстве.

«Добрый Господь, дай нам мир, сохрани живыми всех, кого я люблю. Я не хочу жить в разлуке со своим мужем, с моими детьми. Отныне я знаю, где мой путь, и больше с него не сойду...»

Валь-Жальбер, вечер того же дня

Жозеф Маруа вовремя успел предупредить Онезима Лапуанта, и тот приехал забрать Эрмин и Жослина из Роберваля на удивительном автомобиле, который смастерил сам, чтобы ездить даже по толстому слою снега. Это был маленький грузовик, вместо передних колес у которого были длинные полозья.

Обратный путь был трудным, их бросало в стороны и подкидывало на пригорках. Дорога была уже, чем в прежние времена, всюду выросли новые деревья, словно желая окружить и завоевать Валь-Жальбер — поселок-призрак.

Эрмин была на удивление словоохотлива, скрывая за притворной веселостью свою нервозность. Чем ближе становилась цель их поездки, тем сильнее она боялась встречи с матерью.

— Табарнак! — выругался Онезим. — Видел только что Шарлотту, потому что это я забирал все семейство из Шамбора. Моя сестра выросла, настоящая мадемуазель, с хорошими манерами! Вы уже знаете, что наш отец умер месяц назад? По крайней мере, оттуда, где он теперь есть, папаша не сможет опустошать мои запасы карибу! И никому больше не причинит вреда!

Эта необычная поминальная речь шокировала Жослина. Он перекрестился и сердито посмотрел на водителя.

— Я ей сказал, что может приходить в дом, когда захочет, — добавил он серьезно. — Отец больше не будет к ней цепляться.

— Она поступит, как посчитает нужным, — ответила Эрмин. — Примите мои соболезнования.

— Спасибо, но я-то и слезинки не пролил! А у Маруа тоже новости: Симон разорвал помолвку со своей девушкой. Если спросите меня, то я считаю, что этот парень никогда не женится!

— У него еще есть время, — отозвалась молодая женщина.

Они въехали в Валь-Жальбер. На улице было темно. Жослин попросил Онезима высадить их возле того места, где раньше находилась церковь. Само здание давно снесли, но осталось нечто вроде парковки, где часто останавливались автомобили и грузовики.

— Хочу прогуляться немного, — сказал Шарден в свое оправдание.

— В такой холод? — удивился Онезим. — Ну, как знаете!

Эрмин попрощалась с крепким парнем, которого боялась, когда была подростком. Она вдохнула морозный воздух, счастливая снова оказаться в

том месте, где прошли ее детство и юность.

«Каждый раз, когда я сюда возвращаюсь, я испытываю приятное волнение, — подумала она. — Однажды я покажу мой дорогой поселок Кионе. Благодарение Господу, она поправится!»

Единственным щитом от неотвратимой ярости Лоры для Эрмин была обворожительная картина, запечатленная в ее памяти: личико Кионы. Ближе к вечеру, когда она вошла в палату попрощаться с Талой, то с удивлением увидела, что маленькая больная сидит, уцепившись за складки простыни всей силой своих крохотных ручек. Жослин, который тоже был в палате, поддался непреодолимому очарованию ребенка. Он стоял и смотрел на нее как зачарованный.

Для своих десяти месяцев Киона демонстрировала удивительную волю к жизни и желание веселиться. Несмотря на то, что она еще часто кашляла и в ее маленькой груди слышались глухие хрипы, малышка улыбалась.

«Я не найду подходящих слов, чтобы описать эту крошку, — думала молодая женщина. — Ее улыбка — самая нежная в мире, самая красивая! Она вся светится, даже когда нездорова! Какое облегчение, что худшее позади. Доктор сказал, что она вне опасности. Следующим летом она сможет играть с двойняшками, у них всего два месяца разницы. Как это будет умирительно!»

Жослин поддерживал Эрмин, поскольку снегоступов у них не было и идти было тяжело. И все же они наконец добрались до крыльца большого дома. Его окна ярко светились в темноте. Из гостиной доносились детские крики. Они бесшумно проникли в коридор с навощенным паркетом. Мирей уже суетилась на кухне, это было ясно благодаря аппетитному аромату.

Лора сидела в гостиной у печки. Зимой это было ее любимое место. Она чинила кружево на домашнем халате. Можно было подумать, что женщина никогда и не уезжала из поселка. Шарлотта украшала елку, вокруг нее сновали двойняшки и Мукки. Мальчик пытался снять шарики из разноцветного стекла, висящие на нижних ветках. Он был очарован их мягким сиянием.

— Все у нас по-старому! — радостно воскликнула Эрмин. — Можно подумать, мы никогда и не ездили в Квебек!

Ее мать не ответила. Жослин не осмеливался подойти к супруге.

— Пойду переоденусь, — сказал он.

— Советую тебе остаться! — отчеканила Лора. — И тебе тоже, Эрмин. Шарлотта, иди наверх, к Мадлен и Луи. Да поторопись, елку нарядишь позже.

Девочка поспешила подчиниться. Мирей, заглянувшая было в гостиную, тоже получила распоряжение:

— Помоги Шарлотте, ей не поднять двух малышей одновременно. А потом ты спустишься и закроешься у себя в кухне. Мне нужно спокойно поговорить с мужем и дочкой!

Эрмин сняла шубу и шапку. На сердце у нее стало тяжело. Отец ее не двигался с места, уставившись на угли в печном окошке.

— А где Бадетта? — спросила молодая женщина. — Мама, да что с тобой такое?

— Бадетта приедет завтра, ночным поездом. Она хорошо воспитана и подумала, что нам нужно устроиться и подготовить дом к приему гостя. А теперь я расскажу, что со мной. Хочу задать вам двоим один вопрос: вы принимаете меня за идиотку?

Они озадаченно уставились на нее. Лора показалась им очень красивой в своем гневе. В ореоле шелковистых волос, снова выкрашенных в платиновый блонд и коротко стриженных, ее прозрачно-голубые глаза сверкали. Она сидела очень прямо, словно была готова отразить любой удар.

— Вовсе нет, мамочка, — попыталась оправдаться Эрмин.

— Я и секунды так не думал, — пробормотал Жослин. — Лора, дорогая, ты сердисься?

Прежде чем ответить, Лора отшвырнула свое шитье на пол и смерила обоих презрительным взглядом.

— Вы и правда думаете, что я не заподозрила подвоха? Сначала ты, Жослин, прыгаешь в поезд в вечернем костюме, а потом Эрмин летит следом, словно за ней гонится дьявол! И все это — чтобы посидеть у постели ребенка, которого усыновила Тала?

Лора не оставила им времени для ответа. Сквозь зубы она спросила:

— Кто на самом деле Киона? Из здания вокзала в Шамборе, когда мы ждали Онезима Лапуанта, я звонила в робервальскую больницу. Монахиня сообщила, что девочке лучше и что родители не покидают ее изголовья. Я еще раз спрашиваю: кто на самом деле Киона? Кто родители этого ребенка?

Лора смотрела в бледное лицо мужа. Он тер подбородок, на лбу выступила испарина.

— Как здесь жарко, — вздохнул он. — Сниму-ка я хотя бы пальто!

Эрмин стало жалко отца. Она помогла ему раздеться и проводила к креслу.

— Мама, я оставлю вас наедине, папе нужно кое в чем тебе признаться. И прошу, будь к нему милосердна. Вспомни, что я простила

вам обоим то, что вы меня бросили, и даже больше — я простила и некоторые события вашего прошлого, когда о них узнала. Я постаралась понять причины, которые заставили вас так поступать. И перед тем, как принять жестокое решение, подумай хорошенько. Если бы я поддалась своему гневу или злопамятности, мы сегодня вечером не были бы вместе, втроем. Мне нечего добавить.

Молодая женщина вышла из гостиной и поднялась в комнату Мадлен, превращенную в детскую. Ей хотелось приласкать своих дочерей, своего сына и маленького брата Луи.

«Они такие невинные и доверчивые! Для счастья им хватает хорошей еды, теплого молока и игрушек. Я — отвратительная мать! Я думала только о Кионе, забыв о Лоранс и Мари, моих дорогих принцессах!»

Жослин не решался начать. Он терпел адские муки под неумолимым взглядом своей супруги. Она смотрела на него и готовилась услышать то, что отказывалась даже представить.

— Лора, Киона — моя дочь! — заговорил он. — Прошу, не прогоняй меня сразу, ты должна знать, что произошло. Помнишь, в тот зимний день, когда я хотел постучать в твою дверь, я наблюдал за вашим весельем в этой вот комнате? Я даже забыл снегоступы на крыльце. Ты сильно изменилась, и тебя обнимал другой мужчина. Я потерял всякую надежду. Мне хотелось одного — покончить с жизнью. В любом случае, я считал, что скоро туберкулез меня доконает. Перед тем как умереть, я решил навестить Анри Дельбо. Я не знал, что он погиб. Я хотел узнать, кто же покоится в могиле, которую я считал твоей, а ты — моей. Но в хижине я увидел только Талу. Вдову... Она сразу меня узнала и догадалась, что я очень болен. Мы поговорили, и она рассказала мне свой секрет. Могила не была пуста: там лежал человек, который оскорбил ее, и это было самое страшное для женщины оскорбление. Брат Маикан отомстил за ее поруганную честь. Шли дни, и Тале удалось вернуть мне желание жить. Она говорила, что может меня вылечить, и у нее получилось. Я не рад тому, что произошло, Лора. Я по-прежнему любил тебя, но меня грызла ревность. И Тала, опять-таки, стала подталкивать меня к тому, чтобы я снова завоевал тебя, повторяя, что я не должен позволить твоему повторному браку свершиться. Я уступил ее пламенным уговорам. Я так хотел снова поговорить с тобой, провести немного времени с тобой и нашей дочкой! Увы, наша с Талой дружба не осталась целомудренной. Так была зачата Киона. Если бы не Тошан, я бы не узнал. Эта десятилетняя девочка могла бы прожить одну ночь или сто лет, и я бы никогда ничего не узнал...

Лора слушала его не шевелясь, даже не мигая. И сейчас она не отвела взгляд, но вид у нее был отсутствующим.

— В общем, подведем итог: Тала вылечила тебя своими индейскими методами и отправила сюда, в Валь-Жальбер, — сказала Лора бесцветным голосом. — Этот народ заслуживает большего внимания с нашей, колонистов, стороны! Медицина бессильна перед туберкулезом, но внучке шамана-монтанье удалось тебя исцелить!

Жослин не осмеливался поднять голову.

— Я не знал, что она внучка шамана, — сказал он. — Откуда тебе это известно?

— У каждого свои секреты! — отрезала Лора. — Что ж, будем считать, что дело улажено. Иди переоденься в домашнее и в тапочки. А потом сядем ужинать. Мирей сварила суп с бобами.

— Но как же... — заикаясь, пробормотал он. — Лора, ты потеряла рассудок?

— Вовсе нет! Ты бы предпочел, чтобы я с тебя шкуру живьем содрала или вышвырнула на улицу ударами метлы? Ты хотел душераздирающих криков, потоков слез? Я совсем не рада, но у меня есть чувство справедливости. Если бы не Тала, я бы никогда больше тебя не увидела. Луи, наш дорогой сын, не родился бы. Прости, если причиняю тебе боль, но я больше всего огорчена тем, что ты не доверился мне. Пока ты угасал в санатории, мы с Хансом Цале жили как муж и жена. И, все так же ради сохранения справедливости, я полагаю, что, раз я считала тебя умершим, ты имел право любить другую женщину или, по меньшей мере, делить с ней постель.

Эмоции нарастали. Чем больше она говорила, тем сильнее волновалась. Кровь прилила к ее щекам.

— Но в будущем не советую тебе повторять эксперимент! — воскликнула она. — В следующий раз я не буду так снисходительна. Я надаю тебе пощечин, я тебя убью!

Она вскочила и с размаху дважды ударила его по щекам, изо всех сил. Моментально разразившись рыданиями, Лора упала в объятия супруга.

— Я не смогла до конца вести себя достойно, — проговорила она жалобно. — О Жосс! Жосс, я люблю тебя, слишком сильно люблю! Я так счастлива с тех пор, как ты вернулся! Не покидай меня, умоляю!

Жослин обнял ее так, что у Лоры перехватило дыхание. Он осыпал ее лоб и кудряшки поцелуями, а потом спрятал лицо у ее шеи, чтобы вдохнуть любимый запах, ощутить под губами ее нежную кожу. Лора плакала навзрыд, прижимаясь к его груди.

— Я никогда тебя не покину, дорогая, — прошептал он ей на ухо. — Умоляю, прости меня. Я так боялся тебя потерять! Если бы не Эрмин, не знаю, могло ли хватить у меня смелости вернуться в этот дом!

— Я уже успела по тебе соскучиться, — призналась Лора. — И я тебя слегка обманула. Я позволила тебе исповедоваться, но для меня это не стало сюрпризом: Тала позвонила мне по телефону сегодня после обеда. Вы с Эрмин тогда только уехали. Она настояла на том, чтобы объяснить свое видение событий. Думаю, это было для нее тяжело, но, уверяю тебя, она сумела найти нужные слова, чтобы я смирилась. Это было очень больно. Честно говоря, после ее стремительного отъезда первого января, после странного отсутствия Тошана, продлившегося несколько месяцев, у меня появились подозрения, но я ничего не знала наверняка. Ты чувствовал себя так неловко в ее присутствии! Я не понимала почему. Я и заподозрить не могла правду. Мы еще поговорим об этом, я не смогу сдержаться, но после Рождества. Иначе испортим себе праздник!

И она снова заплакала. Закрыв глаза, Жослин наслаждался прикосновениями к ее коже. Даже эхо ее рыданий говорило ему о том, как они любят друг друга.

— Да переоденешься же ты, наконец? — всхлипывая, спросила Лора. — Твое пальто пахнет табаком и больницей. И я проголодалась. Пойду попрошу Мирей накрыть на стол пораньше.

Она встала и подняла свое рукоделие. Жослин смотрел на нее с уважением. Его супруга казалась ему хрупкой и непобедимой одновременно. Он еле сдержался, чтобы не обнять ее снова.

— Я быстро вернусь, — сказал он.

Эрмин услышала шаги отца в коридоре второго этажа. Она вышла из комнаты Мадлен, чтобы узнать, как дела.

— Ну что? — шепотом спросила она. — Мама не кричала... Я решила, что у вас получилось поговорить спокойно.

— Твоя мать меня простила, — сообщил он. — Позже, наверное, завтра утром, мы поговорим о моих обязанностях относительно Кионы, но у меня хорошее предчувствие. Лора прекрасно со всем справилась!

Жослин забыл о полученных пощечинах. Эрмин увидела четкие красные отпечатки на его мертвенно-бледных щеках, но не позволила себе никаких комментариев.

— Я рада за вас, — сказала она. — Теперь все наладится.

Так и случилось. Шарлотта нарядила рождественскую елку. Мукки разбил два темно-красных стеклянных шарика. Лоранс и Мари, сидя в

своих деревянных манежах, играли, испуская тоненькие радостные крики. Дымился суп из бобов, и Мирей напевала у любимой плиты.

В своем неизменном сером платье, с заплетенными в косы волосами цвета ночи, Мадлен укачивала Луи. Мальчик только что вдоволь напился молока. Лора смотрела на сына — пухлощекоего, с русым пушком. В свои семь месяцев малыш был крепеньким и активным. Он смотрел на мир любопытными темными глазами — глазами Жослина.

«Я простила многое из чувства справедливости, — подумала она. — Но Киона никогда не войдет в этот дом. Тала пообещала мне, что будет держаться подальше от нашей семьи. Жослин сможет видаться со второй дочерью, но не говоря, что он — ее отец. Он и так ей уже крестный. У Талы не было выбора: кюре настоял на том, чтобы крестить малышку, а Жослин уже был у ее изголовья. Крестный отец — это почти отец настоящий! Так даже лучше, ради всеобщего блага. Он должен смириться, потому что он меня любит, в этом я теперь уверена».

Несмотря на нежные улыбки и оживление, Лора умирала от ревности. И не к Тале, но к Кионе. Создавалось впечатление, что девочка наделена даром вызывать восторг, необъяснимую любовь. Если это очевидно, когда ей всего десять месяцев, то с годами этот дар будет только развиваться. Эгоистичная мать, она опасалась, как бы Жослин не привязался слишком сильно к своей незаконнорожденной дочери, не полюбил ее крепче, чем своего сына Луи. Об этом не могло быть и речи, она за этим проследит.

Эрмин спустилась к ужину последней, в брюках и свитере под горло из джерси — голубом костюме, купленном в одном из магазинов Квебека. Молодая женщина, с виду сама невинность, заглянула к домоправительнице в ее царство — в кухню.

— Мирей, ты могла бы приготовить корзинку с холодной едой завтра к полудню? — спросила она шепотом. — И еще мне понадобится бутылка-термос с чаем. Я возвращаюсь в больницу, хочу побаловать немного Талу.

— Конечно смогу! А мадам согласна? — спросила она. — С каких это пор она кормит свою соперницу?

— Ты подслушиваешь под дверь! — возмутилась молодая женщина. — Тала ей не соперница. Не думаю, что когда-нибудь они станут подругами, но они уважают друг друга.

— Ну разумеется! — буркнула Мирей. — Скажешь такое! И да, мне не остается ничего другого, кроме как подслушивать под дверь, иначе я не буду знать, что происходит в доме. А ведь я уже много лет живу в этой семье!

Вместо ответа Эрмин поцеловала домоправительницу в щеку —

звонким, чуть насмешливым поцелуем.

— Теперь я буду рассказывать тебе все!

— Хм, — отозвалась Мирей. — В таком случае можешь сразу сказать мне правду. Корзинка с едой и чай, если спросишь меня, нужны тебе вовсе не для больницы. У тебя другое в голове! Насколько я тебя знаю, ты решила, что, раз муж не дождался тебя в Робервале, нужно самой ехать к нему.

Эрмин была поражена услышанным. Ее щеки стали пунцовыми, а взгляд лазурных глаз осветился радостью.

— Как ты догадалась? — спросила она лукаво.

— Я знаю тебя наизусть, вот и весь секрет! Но оставлять детей на Рождество — это не очень хорошо. Ты странная мать, Эрмин!

— Хорошая мать, достойная так называться, должна вернуть своим детям отца, Мирей. Ну что, получила?

Молодая женщина вышла из кухни. Она ощущала себя невероятно легкой и счастливой. Киона была вне опасности, и ее родители остались вместе. Бадетта, которая приедет завтра, компенсирует ее отсутствие. Они с Лорой смогут вдоволь наговориться. Эрмин представила их и Бетти вокруг стола с вкуснейшим полдником.

«А я полечу к своему любимому, — радовалась она про себя. — Но на каких крыльях?»

За ужином, очень мирным, решение пришло к ней благодаря Шарлотте. Девочка, которая была в прекрасном настроении, кормила Мукки. Чтобы заставить его проглотить ложку каши, она издавала звуки, подражая то животному, то средству передвижения. Заинтересованный, мальчик беспрекословно открывал ротик.

— Это — велосипед мадемуазель Каликст! А это — большой автомобиль Симона — врум, врум!

Жослин и Лора улыбались. Мадлен беззвучно смеялась. Шарлотта продолжала:

— А вот Онезим в своем красном грузовичке на полозьях едет по лесу! Крик-крак! Он наехал на ветку!

Эрмин увидела себя, закутанную в теплую одежду и похожую на мешок с мукой, на переднем сиденье грузовичка. Онезим Лапуант всегда нуждался в деньгах. И если она хорошо заплатит, он, конечно, согласится отвезти ее хотя бы в Перибонку. И дальше тоже.

«Я так хочу быть рядом с Тошаном!» — думала она.

Ночью ей приснился муж. Обнаженный до пояса, он сидел у огня, отбрасывавшего золотистые отблески на гладкую кожу его торса, к которой

она так любила прижиматься щекой. Он не был ни холодным, ни отстраненным. Он обнял ее, раздел, и они легли на мехах. Это было невероятно похоже на ночь их свадьбы, в круге лиственниц.

Проснувшись, Эрмин услышала грубый голос Онезима. Она быстро спустилась вниз — в пеньюаре, с распущенными волосами. Жослин поил кофе молодого человека, который отправлялся в Шамбор за Бадеттой. Она подошла к столу, грациозная и веселая.

— Онезим, ты сможешь отвезти меня в Роберваль? — спросила она. — Мне нужно в больницу, повидаться со свекровью.

— Тогда я пойду позавтракаю, — ответил он. — Из города я сразу поеду обратно. Вечером мы с Иветтой едем на рождественскую мессу. А потом ужинаем у соседей.

Молодая женщина испытала жуткое разочарование. Она совсем забыла, что сегодня — святой вечер. Вспомнились предыдущие новогодние праздники с колядованием, организованным Жозефом, Жослином и Тошаном.

«А я еще жаловалась, что осталась в одиночестве в моей спальне, потому что недавно родила, — вспомнила она. — Господи, тогда я не понимала, насколько мы счастливы, все вместе...»

— Конечно, вы вернетесь к назначенному времени, Онезим, — ответила она печально.

И поднялась наверх, не зная, что ей предпринять. В коридоре второго этажа она встретила Шарлотту. Девочка бросилась ей на шею.

— Мимин, все устроилось, ну, или почти все! Малышки спят. Мадлен попросила не шуметь, поэтому я говорю шепотом. Я так рада, что Бадетта приезжает! Она сказала в Квебеке, что напишет обо мне историю. Я ей рассказала, что была уже почти слепой и ты катала меня на Шинукке и описывала мне пейзаж. Она сказала, что это поэтично. Кажется, это самое подходящее слово!

— Я так хотела, чтобы ты представила себе красоту мира, природы, — вспомнила Эрмин. — И Шинук был такой послушный! Мой славный Шинук, я до сих пор не сходила к нему в гости с краюшкой хлеба!

— Давай я схожу, после завтрака, — предложила Шарлотта. — И зайду к Бетти.

Эрмин ни на секунду не заподозрила настоящей цели этого визита. Девочка светилась от радости, потому что Симон в очередной раз разорвал помолвку. И теперь она убеждала себя, что он не находит идеальной невесты по одной простой причине — речь идет о ней, Шарлотте Лапуант, которой исполнилось уже тринадцать с половиной. Если верить брату, она

выглядела настоящей девушкой, с черными кудряшками и карими с золотинкой глазами.

— Я не смогу составить тебе компанию, я еду в Роберваль, — сказала молодая женщина. — Пожелай всем Маруа веселых праздников!

Эрмин задумалась, не сможет ли она одолеть весь путь на лошади. Шинук был выносливым конем, и зимой Жозеф подковывал его специальными шипованными подковами.

«Но когда мы доедем до хижины, у меня не найдется ни сена, ни зерна для него! И переходить озеро на лошади опасно. Сколько коней утонуло, когда лед трескался, и в прошлом, и в наши дни...»

— Мимин, сегодня утром ты грустная, — сказала Шарлотта. — Завтра днем Лора решила пригласить к нам в гости всех Маруа. Но мне почему-то кажется, что тебя дома не будет.

Эрмин увлекла девочку в свою комнату. Там она взяла ее за плечи и посмотрела в лицо.

— Лолотта, меня и вправду не будет! Знай, я хочу поехать к Тошану, в хижину. Я ничего не сказала родителям. Ты сама им объяснишь. Это плохо с моей стороны, но я надеюсь, что между нами больше не будет ни секретов, ни лжи. Если я признаюсь, мне помешают уехать. На улице сильный ветер, и сегодня вечером наверняка пойдет снег. Но я не могу поступить по-другому, понимаешь? Я люблю его всей душой и должна идти к нему!

— Но как?

— Я найду способ! Прошу, позаботься о Мукки. Его подарки на нижней полке в моем шкафу. Он очень счастлив, когда ты с ним. Двойняшки слишком маленькие, они не заметят, что меня нет. А у тебя будет Бадетта! Скажи ей первой, что я уехала, она сумеет успокоить маму и папу. И готова поспорить, она напишет об этом в газету, в раздел «Новости»! Что-нибудь вроде «Соловей из Валь-Жальбера на тропе любви»!

Они обе прыснули, нервные, восторженные. Шарлотта представила, что бежит сквозь метель навстречу своему красавцу Симону.

— Ты поступаешь правильно, Мимин, — сказала она. — Не тревожься, я стану Мукки второй мамой сегодня вечером.

— Беги скорее, тебя зовут! Пока ты выпьешь теплого молока, я оденусь.

Эрмин причесывалась, когда вошла Лора. На матери был красивый пеньюар из зеленого атласа, накинутый поверх ночной рубашки из той же ткани, украшенной кружевом по линии декольте.

— Дорогая, — обвиняющим тоном начала она, — Мирей заявляет, что ты сегодня едешь в больницу. Уместно ли это, особенно если учесть, что придет наша подруга Бадетта? И ты даже не поздравила меня по поводу моего героизма! Да, вчера вечером я сумела простить твоего отца.

— Мамочка, помнишь, как крепко я расцеловала тебя перед сном — это потому, что я хотела тебя поздравить! Но, сказать правду, я боялась твоей реакции. Я до сих пор поражаюсь тому, как ты воспринимаешь ситуацию. Bravo, я очень горжусь тобой!

— Ты говоришь от сердца? — спросила Лора. — Мне пришлось сделать над собой нечеловеческое усилие, но прежде всего я думала о Луи. Мой сын должен расти в настоящей семье, окруженный родительской заботой, не так, как ты, дорогая. Вчера я прекрасно поняла, что ты хотела мне сказать, у тебя получилось призвать меня к порядку. Я сумела простить, ведь сама ошибалась в прошлом и знаю, что люди легко отдаются влечению плоти. Я решила покориться судьбе. Но с Кионой я знакомиться не хочу. А ты, похоже, обожаешь ее, даже больше, чем собственных детей...

Эрмин и так уже упрекала себя за странную привязанность, которую испытывала к своей маленькой сестре. Лора коснулась больного места.

— Ты ошибаешься, — отозвалась она с уверенностью. — Я обожаю Мукки, Лоранс и Мари, но Киона... Я не могу тебе объяснить... Если ты увидишь ее, то поймешь...

— Я не увижу ее никогда и не стану жертвой колдовских чар! Ребенок или нет, но она внушает мне страх.

— Мама, это смешно! Ей всего десять месяцев, и она такая крохотная, смуглая, такая улыбчивая! Киона очаровательна, вот и все! Когда я узнала, что она тяжело больна, то, конечно, разволновалась.

Лора вздохнула. Молодая женщина с бесконечной нежностью обняла мать.

— Я восхищаюсь тобой и очень тебя люблю, мамочка, потому что второй такой нет на свете! Радуйся праздникам, своим друзьям, своему красивому дому, папе. Жизнь так коротка! И нельзя терять ни секунды радости и покоя.

Мать поблагодарила ее растроганной улыбкой.

— Снова в брюках? — заметила она. — Эрмин, как тебе это удастся? Я чувствую себя удобно только в платье... Хотя в такой холод в брюках, конечно, намного теплее, чем в чулках.

— Это несложно, — заверила ее молодая женщина. — Кстати, Бадетта пообещала, что скоро тоже примерит брюки. Ты ведь покажешь ей

поселок?

— Но ты же пойдешь с нами? Расскажешь ей о золотом времени Валь-Жальбера, когда поселок был полностью заселен, о праздниках, о садовых конкурсах, о том, как работала фабрика...

— Да, правда, — согласилась Эрмин.

Ей было немного стыдно перед родными за этот маленький обман, но всем своим влюбленным существом она стремилась к Тошану. И ничто не могло ее остановить.

Больница Сен-Мишель, Роберваль, в тот же день

Эрмин увидела Киону сидящей на постели. Девочка играла с кожаным мячиком, украшенным цветными узорами. Тала напевала колыбельную, временами тихонько насвистывая. На лице индианки отражался такой внутренний покой, что молодая женщина моментально поняла: ее маленькая сестричка скоро поправится.

— Здравствуйте, Тала! — сказала она радостно. — Киона хорошо выглядит!

— Да, доктор только что ее слушал. В легких еще шумы, но хинин снимает жар. Может, это обычный бронхит. Главное, что моя дочка лучше дышит. Я еще кормлю ее грудью, и сегодня утром она прекрасно поела.

— Это замечательные новости! — отозвалась Эрмин. — Я привезла вам пирожные с кленовым сиропом, которые сегодня утром приготовила Мирей. И шоколад! Как долго вы здесь пробудете?

— Дней десять, чтобы убедиться, что болезнь не вернется. Меня тревожит обратный путь. Будет еще холоднее, а я не хочу, чтобы она снова заболела. Эрмин, как ты думаешь, ее легкие уязвимы из-за твоего отца?

Тала, казалось, сама не хотела в это верить, хотя долго об этом размышляла.

— Понятия не имею, — призналась молодая женщина. — Нужно спросить у доктора. Туберкулез — болезнь очень заразная, но я не знаю, передается ли она ребенку^[60]. В принципе вы тоже можете быть больны. Однако папа совсем выздоровел.

— Я не вполне в этом уверена, — сказала Тала. — Вчера у него было два приступа кашля.

— Это от усталости, от нервного напряжения, — возразила Эрмин, которая не хотела даже думать о плохом. — Посмотрите, Киона мне улыбается. Какая она лапочка! Можно, я подержу ее на руках? Одну

минуточку?

Индианка кивнула. Эрмин взяла девочку на руки и посмотрела на нее. Миндалевидные глазки крошки были удивительного цвета — почти фиолетовые, с точками темного золота. Очень длинные ресницы казались накрашенными. Малышка засмеялась, прикоснувшись руками к милому лицу, которое уже было ей знакомо.

«Господи, — подумала молодая женщина, — какое счастье я испытываю с ней рядом! Я могла бы целовать ее часами, играть с ней, забыв обо всем на свете!»

Это было очень странно, и Эрмин невольно вспомнились слова Лоры, которая боялась попасть под чары этого невинного ребенка.

— Киона необычная девочка, — сказала она вслух.

Тала совсем не удивилась. Она даже кивнула с загадочной улыбкой.

— Случайностей не бывает, — сказала она. — В мои годы я не должна была зачать. Теперь я понимаю, что божественная сила толкнула меня к твоему отцу, чтобы создать мою маленькую фею, мою Киону.

— Почти то же самое я сказала вчера отцу, но он мне не поверил. Я же верю в это, Тала, и чувствую себя более сильной, более смелой. Мне больше не надо терзаться выбором.

С этими словами она вынула из сумки пирожные и кексы, завернутые в бумагу, и положила их на стол вместе с конфетами и бутылкой черничного сиропа.

— На обратном пути я оплачу ваш счет в больнице, — сказала она. — У меня много денег, Тала. И я горжусь тем, что они вамгодились.

— Почему ты говоришь — «на обратном пути»? — удивилась индианка. — Ты разве не возвращаешься в Квебек?

Оказавшись в ловушке собственной экзальтации, Эрмин задумалась. Но со свекровью можно быть до конца откровенной.

— Я еду к Тошану. Я просто должна это сделать. Слово чей-то голос призывает меня пересечь наш край снегов. Я не хочу больше ждать, он нужен мне, я хочу быть его женошкой-ракушкой! Хочу видеть его улыбку, его полные любви глаза, чтобы стерлись все плохие воспоминания об этом лете, его ненависти и ярости!

Она говорила очень быстро и тихо. Дыхание у Эрмин слегка сбилось. Она положила Киону на кровать.

— Но кто отвезет тебя к хижине в канун Рождества? — всполошилась Тала. — Эрмин, это слишком рискованно! Тошан убьет меня, если я позволю тебе ехать!

— Я найду кого-нибудь, кто едет в Перибонку на санях. Выйду на

набережную, там всегда людно. Я думала взять Шинука, коня Маруа, но отказалась от этой идеи. Поверьте, Тала, со мной ничего не случится. Киона оберегает меня!

— Как ты веришь в мою Дочь! — заметила индианка, не опровергая, однако, экзальтированных слов Эрмин. — Желаю тебе удачи, потому что удержать все равно не смогу. Но будь осторожна: мужчины, которые вертятся на набережной, не всегда заслуживают доверия, как здесь, так и в Перибонке. Некоторые похожи на диких зверей. Особенно если переберут карибу. Ты такая молодая и красивая! Думаю, твои родители ничего не знают?

— Нет, — сказала Эрмин со смущенной улыбкой. — Тала, прошу, не рассказывайте им слишком скоро! Шарлотта сделает это ближе к вечеру. Я знаю, что вчера вы звонили маме, и это, без сомнения, спасло союз моих родителей. Но теперь пришло время спасти мой брак, встретиться с мужчиной, которого я люблю.

— Меньше чем через два часа уже будет темно. Подожди хотя бы до утра!

— Я переночую в гостинице в Перибонке, за озером. У меня есть деньги — это все упрощает и делает людей услужливыми. До свидания, дорогая Тала, до свидания, Киона!

Эрмин помахала рукой, как это обычно делают дети, и покинула их, торопясь отправиться в путь. Имя звучало у нее в голове на разные лады, сводя с ума: Тошан...

Глава 23

Край снегов

Роберваль, понедельник, 24 декабря 1934 года

Эрмин шла по набережной в Робервале. Одета в теплый красный анорак, толстые брюки и сапожки на меху она спрятала свои светлые волосы под вязаной шапочкой, которую натянула почти до бровей. Белый шарф прикрывал ее рот подчеркивая большие голубые глаза.

Озеро замерзло, поэтому в порту почти не было людей. Молодая женщина надеялась встретить друга, Пьера Тибо, зная в то же время, что он сейчас дома, со своей супругой и детьми.

«Я верила в чудо, — подумала она. — А лучше бы поговорила с Симоном. Он проводил бы меня или, по крайней мере, отговорил ехать».

Она посмотрела на близлежащие дома и улицы, ведущие к озеру. Роберваль казался опустевшим.

«В худшем случае я еще могу позвонить домой. Мама пришлет за мной Симона на машине».

Она уже была готова отказаться от своей вылазки, если удача не улыбнется ей до наступления ночи. Отголоски разговора и смех, прозвучавшие в холодном воздухе, привлекли ее внимание. Они доносились из домика, расположенного в ста метрах от того места, где она находилась. Эрмин даже показалось, что она слышит ворчание собак.

Она осмелилась подойти поближе. На этот раз молодая женщина явственно разобрала слова песни «Роза в лесу»^[61], столь любимой многими квебекцами, особенно лесорубами. Это ее успокоило. Даже Тошан знал эту песню и напевал Мукки, чтобы тот скорее уснул. Она подумала, что это хороший знак.

У матери и отца
Не было других детей, кроме меня,
Не было других детей, кроме меня.
Судьба — роза в лесу!
Не было других детей, кроме меня,
Не было других детей, кроме меня.

Они отправили меня в школу,
В королевскую школу,
В королевскую школу.
Судьба — роза в лесу!
В королевскую школу,
В королевскую школу.

Они заказали мне платье
У молодого портного,
У молодого портного.
Судьба — роза в лесу!
У молодого портного,
У молодого портного.

С каждым уколом иголки
Он хотел меня поцеловать,
Он хотел меня поцеловать.
Судьба — роза в лесу!
Он хотел меня поцеловать,
Он хотел меня поцеловать.

Очень быстро Эрмин оказалась перед входом. Но песня закончилась, и за дверью, сколоченной из разнокалиберных досок, зазвучали не вселяющие доверия крики.

— Дружище, двадцать долларов, если я буду в Перибонке через два часа! Этот пес, которого я купил за бешеные деньги, тянет так, что за мной и чертям не поспеть! Я еду, как только прикончу стакан!

В комнате пахло дымом и алкоголем. Тут собрались, бесспорно, именно те люди, которых Тала советовала сторониться.

— Табарнак, ты потеряешь свои двадцать долларов, дружище Гамелен! — пророкотал кто-то из мужчин. — И кто нам докажет, что ты приехал в Перибонку вовремя?

— Я! Я ставлю на него! — прокричал более тонкий голос. — Я видел Гамелена в деле! И я поеду с ним, у вас будет мое честное слово!

Эрмин слушала, и сердце ее стучало в груди. Выходит, у нее будет возможность переправиться через озеро, но какой ценой? И все же, недолго думая, она постучала. В то же мгновение внутри повисла тишина. Ей

открыл верзила в картузе с отворотами. Увидев перед собой женщину, он икнул от удивления. Это и был Гамелен, племянник экстравагантной старушки Берты. Эрмин без труда его узнала. Два года назад он проиграл гонку по озеру Тошану.

— Господи Иисусе, а вот и мой рождественский подарок! — заявил он с грубоватым смешком, чем вызвал новый всплеск всеобщего веселья. — И беленькая, посмотрите-ка! Из-под шапки торчит прядь!

Он протянул к виску Эрмин свои грязные пальцы, но она быстро отстранилась.

— Я ищу человека, который отвезет меня в Перибонку, — сказала она громко. — И хорошо заплачу.

— Гамелен к вашим услугам, красавица! Только придется опустить шарфик, чтобы я получил свое! Моя цена — поцелуй при отъезде и поцелуй на месте!

— Нет, это невозможно! — мягко ответила она.

Четверо сидящих за столом были прилично навеселе. Эрмин решила уйти. Она поступила опрометчиво и теперь испугалась пристального взгляда Гамелена.

— Не бойтесь, — громыхнул он. — Я отправляюсь через три минуты, мои собаки запряжены, полозья смазаны жиром. Входите, мы вас не съедим! Сколько же вы дадите?

Она сделала пару шагов вперед, повторяя себе, что опасности нет. Ей вспомнилось личико Кионы цвета золота и меда, и храбрость к ней вернулась.

— Пятьдесят долларов и ни одного поцелуя, — объявила она. — И нужно поспешить.

Быстрым движением руки Гамелен сдернул с нее шарф. Увидев красивое лицо, он удивился.

— Господи Иисусе, мы знакомы? — спросил он. — Теперь-то уж я точно вас не повезу, если не получу мой поцелуй прямо сейчас! А пятьдесят долларов оставьте себе!

Он обнял Эрмин за талию и принудил приблизиться. Она оттолкнула его, охваченная паникой. Двое за столом глупо ухмылялись, но третий поспешил ей на помощь.

— Оставь ее в покое, Гамелен! Это хорошая девушка! Я ее знаю лучше, чем ты. Это оперная певица, и очень талантливая. О ней было напечатано в «*La Presse*» вчера утром. Пусть раньше она и пела в отеле.

Дрожащая Эрмин с благодарностью посмотрела на своего спасителя.

— Альбер! — воскликнула она. — Большое спасибо. Твои хорошие

манеры по-прежнему с тобой.

Это был грум из «Château Roberval», роскошного отеля, в котором Эрмин делала свои первые шаги в искусстве вокала. Альбер, все такой же рыжий и веснушчатый, подрос на полфута и раздался вширь.

— Мадемуазель Эрмин, очень рад, что вы меня помните! Мне теперь двадцать три, я рабочий в Альме. Но сегодня у меня выходной.

Они пожали друг другу руки. Гамелен смирился с неудачей. Он тоже читал газету, и не далее как сегодня утром.

— Что вам надо в Перибонке? — спросил он. — Там нет ничего интересного! Несколько хибар, гостиница, а потом — лес и индейцы!

— Я еду к мужу, Тошану Дельбо, — ясным голосом сказала Эрмин. — И прошу вас, давайте отправимся поскорее! Не думаю, что стесню вас, я не очень тяжелая.

— Теперь я вспомнил! Вы — жена метиса! — пробурчал Гамелен. — Хорошенький же он муж, если позволяет вам бродить ночью одной!

— Вас это не касается, — возразила Эрмин. — Я дам вам шестьдесят, если вы проиграете пари.

— А вы умеете уговорить, — воскликнул он, радуясь выгодной сделке.

— Я поеду с вами! — сказал Альбер. — Дадим Гамелену десять минут сверх нормы, у него ведь будет лишняя поклажа — известная артистка!

Эрмин, у которой отлегло от сердца, рассмеялась. Через пару минут сани Гамелена уже неслись по замерзшему озеру, влекомые восемью собаками, каждая из которых была помесью маламута и хаски.

* * *

Воспользовавшись тем, что малышка Киона уснула, Тала попросила монахиню присмотреть за ней и вышла. Ей хотелось пройтись, вдохнуть морозный воздух. Сидение взаперти было не для нее, но ради дочери она была готова сделать много больше. Ноги привели ее на берег озера, где Тала смогла подставить лицо ветру. Ее душа била крыльями, жадная до пространства и бесконечности, хотела лететь вместе с воронами, чьи хриплые крики разрывали тишину.

Красавица индианка задумалась, глядя на бескрайние просторы озера. О своей жизни, о детстве, проведенном в нищей резервации, о встрече с золотоискателем Анри Дельбо. Он пообещал ей хижину, большую кровать, чтобы она могла спать на ней одна, и детей, которые никогда не будут страдать от голода и холода. Рождение Тошана стало для нее огромной

радостью, и благодаря ему она встретила с Эрмин, о которой теперь очень тревожилась.

— Когда же я успокоюсь, когда в моем сердце поселится покой? — сказала она вполголоса. — На мою долю выпало много радостей и печалей. Я отрекалась от страха, и все же он всюду преследовал меня. Страх за мужа, который задерживался снежным зимним вечером, за сына, который уходил к белым в поисках работы, за Киону, которую чуть не отняла у меня болезнь... И сегодня вечером я опасаясь несчастья для Эрмин, моей дочки, моей ласковой Канти — той, которая поет.

Полотно туч разорвалось, открывая пылающий диск заходящего солнца. словно по волшебству, яркий золотой свет залил серовато-белый пейзаж. Снег окрасился в деликатный оттенок розового, заискрилась хлопковая масса гор и холмов.

Это было так прекрасно, что Тала протянула руки к небу. С губ ее сорвалась молитва. Она выучила ее в детстве и часто повторяла, чтобы победить свою женскую слабость.

О великий дух,
Чей голос я слышу в пении ветра
И чье дыхание дает жизнь всему существу,
Услышь меня, меня, маленькую и слабую!
Дай мне силу и мудрость,
Позволь любоваться красотой нашей земли,
И пусть каждый день глаза мои видят
Красно-лиловый закат!
Сделай так, чтобы руки мои уважали все, что ты сотворил,
И чтобы уши мои слышали твой голос.
Дай мне мудрость понять
Все, чему ты научил мой народ.
Позволь усвоить уроки,
Которые таят в себе каждый листок и каждый камешек.
Я хочу быть сильной, и не для того, чтобы властвовать над
братом,
Но чтобы победить моего худшего врага — меня саму.
Сделай так, чтобы я всегда была готова предстать перед тобой
С чистыми руками и открытым взглядом.
И когда жизнь, словно заходящее солнце, померкнет,
Мой дух сможет, не стыдясь, прийти к тебе ^[62].

Когда она умолкла, тучи снова закрыли солнце. Мир опять стал мрачным и темным. Где-то вдалеке залаяли собаки.

— Эрмин, я уверена, это ты уезжаешь. Будь осторожна, даже если Киона оберегает тебя, как ты сказала. Она еще очень маленькая, поэтому будь благоразумна. Ты была права, Тошан ждет тебя. И надеется...

Валь-Жальбер, в тот же день, в канун Рождества

С первой минуты своего пребывания в Валь-Жальбере Бадетта без усталости хвалила этот поселок-призрак, о котором ей столько рассказывала Эрмин и который она теперь смогла увидеть собственными глазами. На обед Мирей подала рагу из свинины с отварными овощами — картошкой, брюквой, морковью, а за ними последовали пирог с яблоками и консервированные фрукты. Журналистка расстроилась, узнав, что Эрмин нет дома, но она понимала, почему молодая женщина так торопилась в больницу. Лора рассказала ей о событиях прошедшего дня, даже не позаботившись дождаться, когда подадут еду, и отойти на приличное расстояние от Жослина.

— Увы, я узнала обо всем первой, — вздохнула Бадетта. — Эрмин отправила меня на вокзал, и я слышала часть разговора между вашим супругом и Тошаном. И все рассказала вашей дочери. Вам я ничего не сообщила, потому что она так решила. Эрмин хотела узнать больше, прежде чем говорить об этом с вами. Вы простите меня, Лора?

— Конечно! Я, как никто другой, знаю, что иногда нужно солгать или, по крайней мере, о чем-то умолчать. Самое важное, на мой взгляд, — это быть вместе с мужем, сохранить нашу любовь. Признаюсь, мне все еще больно представлять его в объятиях Талы. Она красивая женщина.

Перед обедом Шарлотта поторопилась показать госте дом, исполняя роль гида.

— Раньше все называли его «великолепным домом главного управляющего Лапуанта». Это был начальник фабрики, когда она еще работала. Посмотрите, если не считать монастырской школы и особняка другого управляющего, на улице Сент-Анн, наш дом — самый большой, и, по словам Лоры, самый красивый.

Девочка была в прекрасном настроении. Она часто брала Бадетту за руку, и та была растрогана подобным проявлением привязанности.

— Как я рада быть с вами! — повторяла она. — У Лоры прекрасный вкус! Все в доме просто замечательно!

— Вы будете спать в моей комнате, Бадетта! Я поменяла белье, вытряхнула коврик и уже перенесла туда ваш чемодан. А я буду спать с Эрмин. Мы привыкли.

И они с заговорщицким видом улыбнулись друг другу. Шарлотта чувствовала себя свободно в обществе этой обходительной женщины с ребяческими манерами, которая всему радовалась и интересовалась мельчайшими деталями.

Приезд Бадетты так обрадовал Лору, что она, похоже, забыла о Тале и о Кионе. Успокоенная гармоничной и оживленной атмосферой дома, она думала, что заказать Мирей на завтра и что надеть сегодня вечером.

— Мирей, ты уверена, что у тебя нет всего необходимого для слоеного паштета в тесте? — в пятый раз спросила она у домоправительницы. — В прошлом году он был таким вкусным и красивым!

— Нет, мадам, его долго готовить, да и хорошего мяса мы уже не успеем купить. Нужно было позаботиться об этом раньше. И как это вы удумали ехать в такую даль, только чтобы отметить тут Рождество?

— Не становись буквой, — сказала ей Лора. — Ты никогда не бываешь довольна. И что я тебе должна на это ответить?

Домоправительница вздохнула, вид у нее был озабоченный. Она очень тревожилась об Эрмин.

«Где сейчас наша крошка? Лучше бы я предупредила мадам и мсье! Если с ней случится беда, я не прошу себе до конца своих дней!»

Мирей перекрестилась и стала пламенно молиться всем святым небесного пантеона. Дикая природа мест, протянувшихся на северо-восток от озера Сен-Жан, казалась ей полной опасностей. Она представляла себе Эрмин идущей пешком по снегу, окруженной голодными волками, изнуренной, обреченной умереть от холода или же быть сожранной заживо.

После кофе Жослин предложил немного прогуляться, хотя на улице было очень холодно. Лора решила познакомить Бадетту с Маруа, раз уж они все равно шли мимо. Шарлотта заявила, что останется в тепле с Мукки. Она бы никогда так не поступила, если бы знала, что может увидеть Симона. Но утром она пережила один из лучших в жизни моментов, и ей было достаточно воспоминаний о нем. Когда она зашла к Шинуку с кусочком хлеба, старший сын Маруа как раз был в хлеву — поил теплой водой корову и коня.

— Доброе утро, мисс! — вежливо поздоровался он. — Ты хорошеешь день ото дня, Шарлотта! Ну что, расскажи, как наша Эрмин очаровывала публику в Квебеке.

Шарлотта описала ему самые запоминающиеся сцены из «Фауста»,

иногда подражая мимике артистов. Симон слушал ее как зачарованный. Он даже сел на чурбачок, как если бы был на спектакле.

— Спасибо, мисс! — воскликнул он, когда она замолчала. — Отец ждет меня, чтобы поехать в Шамбор, забрать родственников матери. Они приезжают к нам на праздники. И это целое событие! До встречи и до поцелуя в первый день нового года, а может, и раньше!

Десять раз, двадцать раз Шарлотта вспоминала, как смотрел на нее Симон, видела перед собой его жесты, его манеру сворачивать сигарету, зажигать ее, а потом давить окурок каблуком. Было очевидно, что ему хочется, а может, даже не терпится ее поцеловать.

Не помня себя от счастья, она строила замок из деревянных кубиков для Мукки возле сияющей огоньками елки. Взрослые ушли на прогулку. Мадлен на втором этаже укачивала Луи, Мирей готовила. Шарлотта представляла себя принцессой в заколдованном замке. Но когда за окнами повисли синеватые сумерки, она подумала об Эрмин. Где была ее старшая подруга в этот час?

«Пусть она благополучно доберется до Перибонки! Лора будет беспокоиться, когда увидит, что она до сих пор не вернулась. И мне придется сообщить плохую новость... Мимин не будет с нами в рождественский вечер...»

Лора, Бадетта и Жослин вскоре возвратились. Они громко разговаривали и смеялись, стряхивая снег с ботинок на просторном крыльце. Хозяйка дома и журналистка сняли свои пальто в коридоре, где располагались вешалки. Они говорили о Бетти.

— На первых порах я ревновала. Эрмин относилась к ней как к матери, — говорила Лора. — Бетти — очень хорошая женщина, заботливая и щедрая.

— Ее супруг, Жозеф, показался мне грубым и подозрительным, — отозвалась Бетти. — Мне стало неловко, когда он начал расспрашивать меня о моей профессии.

— Я очень доволен прогулкой, — подхватил разговор Жослин. — И рад, что нам удалось подойти достаточно близко к фабрике, чтобы вы слышали пение водопада, как любит говорить Эрмин. Ваша выносливость порадовала бы ее.

— Завтра вы сфотографируете меня в снегоступах, — пошутила Бадетта. — Это очень практично, когда глубокий снег!

Все трое вошли в гостиную. Лора быстрым взглядом окинула диван и кресла. Дочери нигде не было.

— Шарлотта, где Эрмин? Я просила ее вернуться к чаю. Господин мэ

ездил в Роберваль, он обещал забрать ее. Она давно уже должна быть дома!

Бадетта первой заметила смущение девочки. Этот визит к Шарденам, в прекрасный поселок, принес ей массу эмоций, которые радовали ее романтическую душу и придавали ей чувствительности.

— Шарлотта, у тебя странный вид, — заметила Лора. — Что происходит? Эрмин позвонила и сказала, что задерживается? Но если мэр не забрал ее, то как же ей теперь вернуться? Может, попросим Онезима поехать за ней? Но это будет нехорошо, сегодня же праздник!

Мирей внесла поднос с красивым чайным сервизом и кексами. Домоправительница мрачно посмотрела на девочку, и та решилась.

— Лора, Эрмин отправилась в хижину Талы, — едва слышно начала Шарлотта. Она очень жалела, что приходится обманывать, но не хотела вас беспокоить. Она хочет увидеться с Тошаном. Бадетта, вам она желает счастливого Рождества у нас в гостях и просит ее извинить. Я передам вам подарки, которые она для вас купила. Но завтра, не сегодня. Вот!

— Вот! — повторила Лора. — Но это же сумасшествие! Я не верю, нет, нет и нет! Она не хотела нас волновать! Жосс, догони ее, умоляю, поезжай и найди ее! Наша дочь потеряла рассудок, другого объяснения я не вижу. Ты — ее отец, вот и докажи это! Если бы это была твоя Киона, ты бы уже был на улице!

Этот крик души привел всех в замешательство. Бадетта осторожно присела на стул, как если бы хотела дать понять, что ее нет в комнате. Мирей вышла, но решила побыть в коридоре, чтобы, если понадобится, высказать свое мнение. Жослин же только потер подбородок.

— Лора, не говори глупостей! Шарлотта, если это шутка, то плохая. Посмотри, как расстроилась Лора!

— Не нужно догонять Эрмин, — сказала девочка. — Она собиралась после полудня, навестив Талу, переправиться через озеро. Теперь она наверняка в Перибонке. Ей ничего не грозит, поверьте, у нее есть деньги, еда, теплая одежда.

— И кто же приготовил ей эту еду? — угрожающим тоном спросила Лора. — Мирей, ты знала об этой дурацкой вылазке и не сказала мне ни слова? На этот раз я точно выставлю тебя за дверь! Я не потерплю секретов, предательств и лжи!

— Мой бедный друг, успокойтесь! — осмелилась подать голос Бадетта. — Посмотрите на ситуацию с другой стороны. Эрмин стремится к своей любви, ради Тошана она готова преодолеть любые опасности... Это прекрасно. С ней ничего плохого не случится, я в этом уверена. Когда-нибудь она расскажет своим детям о Рождестве 1934 года, и они будут

слушать, затаив дыхание!

Лора взяла себя в руки. Она осознала, что только что поставила себя в глупое положение перед человеком, чьей дружбой дорожила.

— Простите меня, Бадетта, я совершенно изнервничалась за последнее время! Давайте выпьем чаю и подумаем вместе! Но поймите меня: знать, что твоя родная дочь сейчас, может быть, бредет посреди темного леса — это любого приведет в ужас!

— Ты права, дорогая, — подхватил Жослин. — Я тоже очень расстроен. Но даже если бы я сейчас же уехал, правда, не знаю на чем, я бы ее не догнал. Эрмин умная и осторожная девушка, она наверняка наняла себе сопровождающего. Если она осталась на ночь в гостинице в Перибонке, то остаток пути одолеет завтра, при свете дня. Ты обижена, это естественно, потому что сегодня Рождество. Но если ей и вправду удастся помириться с мужем, это будет лучший подарок и для нее, и для нас. И, прошу тебя, не впутывай во все это невинное дитя!

— Золотые слова, — вздохнула Бадетта.

Лора заплакала. Сидящий с ней рядом Жослин погладил ее по плечу. Этот нежный жест ее утешил.

— Давайте помолимся, чтобы наша Эрмин поскорее увиделась с Тошаном, — вздохнула она. — Что меня огорчает, так это то, что много дней мы не получим от нее новостей. Что ж, нужно полагаться на Бога!

— Вы правы, — сказала Бадетта. — Я, например, верю в ангелов-хранителей.

— Вроде сестры Марии Магдалины? — сказала Лора с задумчивым видом. — Эрмин рассказывала вам об этой молодой и красивой монахини, которая хотела ее удочерить, но за два дня сгорела от испанки? Моя дочь считает ее своим ангелом-хранителем. Я думала, вы это знаете.

— Нет, — воскликнула Бадетта. — Решительно, сегодня вечером я засижусь допоздна — буду писать, чтобы ничего не забыть!

Красноречие Лоры с этой минуты не иссякало: она была рада раскрыть страницы своего прошлого перед Бадеттой, которая, возможно, напишет об этом историю. Шарлотта ускользнула из комнаты, прихватив с собой Мукки. Мирей возвратилась к плите. В дом вернулся мир.

За окном снова пошел снег. На возвышенности, с которой низвергался водопад реки Уиатшуан, завыл волк. Потом, в поисках добычи, он ускользнул в лес. Зима сжимала свои объятия.

Перибонка, в тот же вечер

Альбер протянул руку, чтобы помочь Эрмин выпрыгнуть из саней. Гамелен бушевал: он проиграл пари, потому что дорога по озеру заняла у него на полчаса больше, чем он рассчитывал. Из соображений безопасности, поскольку лед местами еще был недостаточно крепким, ему пришлось пару раз выбирать обходной путь.

— Это все из-за вас! — снова крикнул он молодой женщине. — Вы, может, и не весите много, зато весят ваши корзина и сумка!

— Я пообещала вам шестьдесят долларов, если вы проиграете. Я дам вам еще десять, — сказала она.

— Честное слово, вы что, спите на золоте? Интересно, сколько же у вас при себе?

Бывший грум нахмурился и предупреждающе посмотрел на Эрмин. Та поняла, что нужно быть осторожнее.

— Не так уж много, — ответила она. — Когда вы получите обещанное, мне останется долларов двадцать на номер в гостинице и на ужин.

При этих словах сердце ее сжалось. Все-таки грустно было оказаться в такой праздник вдалеке от семьи!

«Если бы я только смогла сегодня вечером добраться до Тошана — но это невозможно!» — подумала она.

Зазвонили колокола маленькой церкви. Эрмин с трудом сдерживала слезы. Она вспомнила свое детство в монастырской школе и как в первый раз пела «*Ave Maria*» в Валь-Жальбере.

«Мне тогда было восемь... Мать-настоятельница репетировала со мной и делала руками жесты, как дирижер оркестра!»

— Мадемуазель Эрмин, идемте скорее в гостиницу, погреемся! — позвал ее Альбер. — Я по привычке называю вас «мадемуазель». Не обижайтесь!

Присутствие молодого человека вселяло в нее уверенность. Поездка на санях обошлась без неприятностей, Гамелен хорошо справлялся с упряжкой. Собаки бежали быстро, несмотря на встречный ветер. Альбер пытался с ней разговаривать, но быстро умолк, чтобы закрыть рот шейным платком.

Они вошли в гостиницу. На Эрмин нахлынули воспоминания. Тошан привез ее сюда после церемонии их бракосочетания в пустыни Святого Антония, что недалеко от Лак-Бушетт. Ей в то время казалось, что она переживает невероятное приключение, покинув родной поселок и вновь обретенную мать.

«Мы были так влюблены друг в друга, — вспоминала она. — Но я стыдилась удовольствия, которое испытывала, не осмеливалась полностью

ему отдаться. В одной из комнат, там, на втором этаже, я смогла преодолеть стыдливость, и это было великолепно. А утром я открыла для себя ревность, увидев, как Тошан смеется и разговаривает с двумя здешними девушками».

В зале было накурено и шумно. У тех, кто собрался здесь под выкрашенными в желтый потолочными балками, украшенными еловыми ветками, не было семьи, с которой можно было бы отметить праздник. Клиентура состояла в основном из закоренелых холостяков, любителей карибу и джина, и охотников-следопытов.

Гамелен толкнул Альбера, прежде чем устроиться у стойки. Глядя на парня с насмешкой, он сказал:

— Ну что, дружище, выпьем по стаканчику, и в обратный путь! Меня ждут у тетки Берты. Она пообещала мне хороший пирог с мясом и картошкой.

Эрмин сняла свою шапочку, и ее белокурая головка засияла на фоне темных фигур мужчин с загорелыми бородатыми лицами. Официантка с удивлением посмотрела на нее.

— Хотите комнату, мадемуазель? — спросила она. — Если вы здесь проездом, то вам будет спокойнее наверху. Я могу принести вам поесть.

— Я пока еще не знаю, — ответила молодая женщина, у которой появилась идея.

«Тошан может быть сейчас в Перибонке! Он здесь многих знает и не захочет оставаться один в праздничный вечер. Есть шанс, что он приедет!»

Она посмотрела на свои наручные часы. Была половина шестого вечера. Эрмин удивилась: ей казалось, что из Валь-Жальбера она выехала давным-давно. Ранняя зимняя ночь наступила, когда они еще были на середине озера.

— Мадемуазель Эрмин, что вы будете пить? — спросил у нее Альбер. — Может, глоток джина? Согреетесь!

— Нет, мне вполне хватит кофе, — ответила она, рассматривая мужчину, сидевшего за столом в глубине зала.

Ее поведение удивило бывшего грума. Он спросил шепотом:

— Вы ищете своего мужа? Я никогда не видел этого Дельбо, но официантка может вам помочь.

Она кивнула, оценивая необычность сложившейся ситуации. Три дня назад она стояла на сцене Капитолия и публика аплодировала ей стоя. Но она была чужой в этом поселке, местная гордость которого именовалась «Мария Шапделен». Луи Эмон описал в своем романе обычную жизнь этой части региона Лак-Сен-Жан, пожив некоторое время в семье фермера

Самюэля Бетара. Бадетта, которая была прекрасно информирована, сказала, что скоро здесь откроется музей^[63].

У Эрмин не было выбора — она останется ночевать в гостинице. Никто не согласится проехать много километров, чтобы отвезти ее к хижине Талы, особенно в праздник. И она приготовилась провести самый одинокий и мрачный рождественский вечер в своей жизни.

— Мадемуазель, я все-таки возьму номер, — обратилась она к официантке. — Я надеялась, что встречу здесь мужа, но увы! Вы наверное, часто видите Тошана Дельбо?

— Милостивый Боже, так вы — жена Тошана? — воскликнула та. — Он был здесь вчера в полдень. Я подала ему миску бобов с салом. Он очень переживал об этом ребенке, которого оставил в больнице, в Робервале.

Игла ревности вонзилась Эрмин в самое сердце. Официантка была грациозной, пухленькой и темноволосой. Судя по смуглому оттенку ее кожи, можно было предположить, что среди предков у нее были индейцы. И Тошан рассказывал ей о личном!

— Я еду к нему, — сказала молодая женщина. — Завтра же! Я бы уехала и сегодня, но никто не захочет меня отвозить!

— А как вы собираетесь ехать завтра? В комнате дымно, и видно плохо, но за окнами, похоже, снова идет снег.

— На меня можете не рассчитывать! — воскликнул Гамелен. — Я возвращаюсь в Роберваль. А ты, Альбер?

— И я с тобой! Меня тоже ждут дома.

Его рыжие волосы по блеску соперничали с шевелюрой Эрмин. Он протянул ей руку на прощанье.

— Веселого Рождества, мадемуазель певица, идо встречи! — сказал он и ушел.

— И вам веселых праздников! И спасибо! — вежливо отозвалась она.

— Вы певица? — тотчас же спросила официантка. — Тошан никогда не рассказывал. Хотя, нужно признать, он не слишком разговорчив. И какие вы песни поете?

— Оперу и церковные гимны, — ответила Эрмин, которая теперь торопилась подняться в номер, чтобы не вдыхать дым, не слышать шума и не видеть, как смотрят на нее мужчины.

Молодая официантка наклонилась над обитой цинком стойкой. Вид у нее был лукавый.

— Через час кюре будет служить мессу. В церковь приведут детей из приюта. Потом для них устраивают праздничный ужин. Мой брат-вдовец отдал своего мальчика к монахам-иезуитам Сен-Франсуа-Режис, они

приехали из Франции и открыли приют^[64]. Если бы вы спели для этих детей, это было бы для них прекрасным рождественским подарком!

Эрмин не думала о возможности такого времяпрепровождения, но согласилась, потому что речь шла о сиротах.

— Конечно, — шепотом сказала она. — Если это их порадует.

— Вы согласны? Какое везение! Мой брат будет в церкви — я шепну ему словечко о вашем затруднении. Он сможет подвезти вас к хижине Дельбо. Представьте, у него есть *snowmobile*^[65] с гусеницами и полозьями впереди! Он часто предлагает свои услуги людям. Он еще сможет проехать по тропинке, слава Богу, снега пока выпало не так уж много. За два-три часа вы доберетесь, а на санях пришлось бы ехать десять.

— Значит, все к лучшему! — обрадовалась Эрмин. — Спасибо от всего сердца, и если ваш брат и вправду может отвезти меня к мужу, передайте ему, что я заплачу. У меня есть деньги.

— Это было бы прекрасно! Во времена кризиса деньги на дороге не валяются. Я знаю, он не хочет отмечать Рождество, его жена умерла в октябре. С тех пор он вечно что-то мастерит и на месте ему не сидится. А я сегодня вечером работаю, хотя могу ненадолго и отлучиться. Идемте, я познакомлю вас с нашим кюре! Я сказала патрону, что выйду минут на десять.

Пока они шли по главной улице поселка, Эрмин узнала имя девушки — Грацианна.

— Я бы с удовольствием вас послушала, — вздохнула официантка. — А вот и мсье кюре!

Она шепотом заговорила со священником. Эрмин ожидала в сторонке. Она заметила, что на первых рядах скамеек сидят дети. Это напомнило молодой женщине о том, что в праздничный вечер с ней нет Мукки и девочек, и ей стало грустно. Мгновение спустя ее горячо приветствовал священник. Он выглядел изумленным.

— Дорогая мадам, я читал о вас в газете! Все хвалят ваш голос, ваш талант! Очень любезно с вашей стороны уделить немного времени сиротам.

— Я сама росла в монастырской школе в Валь-Жальбере, — сказала Эрмин. — Я считала себя сиротой, и особенно грустно мне становилось на праздники.

Грацианна кивала, преисполненная сочувствия. Сияющий от радости кюре встал перед аудиторией и произнес короткую речь. Он объявил о присутствии в церкви известной оперной певицы, которая любезно

согласилась спеть для жителей Перибонки и подопечных монахов Сен-Франсуа-Режис.

— Мой брат вон там, — прошептала официантка, указывая на светловолосого бородатого мужчину с потемневшим от горя лицом. — Пойду с ним поговорю.

— Спасибо, Грацианна, вы очень добры! — шепнула молодая женщина. — И не торопитесь уходить! Я сейчас буду петь.

К Эрмин вернулась надежда, что через три-четыре часа она все-таки увидит своего мужа. Грациозная, женственная, несмотря на брюки и толстый свитер с поднятым воротником, она улыбнулась притихшим сиротам. Их молчаливое нетерпение и блеск глаз подарили ей крылья. Она встала перед алтарем и запела «*Ave Maria*» Гуно. Голос ее вознесся к сводам церкви, прозрачный и сильный, как никогда раньше. Соловей из Валь-Жальбера вложил все свое сердце в этот великолепный, посвященный Деве Марии гимн.

Даже без музыкального сопровождения ей удалось завоевать внимание юной публики и взрослых. Запоздалые прохожие торопливо входили в скромную церковь, привлеченные красотой ее голоса. Когда она умолкла, смиренная и взволнованная, маленький мальчик захлопал, и все собравшиеся последовали его примеру.

Грацианна стояла, сложив руки перед грудью, со слезами на глазах. Она забыла и про гостиницу, и про патрона, и про своих клиентов. Эрмин сделала шаг вперед и, легонько помахивая рукой в такт, исполнила «*Gloria in excelsis Deo*»^[66].

Кюре удивился, когда четверо самых старших воспитанников встали и подхватили припев. Вдохновенная, молодая женщина запела громче. В ореоле белокурых волос, разрумившаяся от радости, с лучистыми голубыми глазами, она была подобна ангелу, который спустился с небес, чтобы порадовать этих лишенных семьи детей.

— Спасибо! — сказала она, кланяясь. — Спасибо большое, я желаю вам счастливого Рождества!

— Спасибо вам, мадам! — послышались робкие голоса.

Появилась Грацианна и сделала ей знак рукой. Брат шел за ней. Эрмин тихонько подошла к ним, в то время как кюре собирался с мыслями и готовился к мессе.

— Как это было прекрасно! — прошептала официантка. — Никогда ничего лучше не слышала! Познакомьтесь с Рюделем, моим братом. Он согласен вас отвезти, но выезжать надо сразу.

— Спасибо, мсье, — сказала молодая женщина, дрожа от волнения. —

Я готова, только нужно забрать из гостиницы корзину и сумку. Так любезно с вашей стороны!

— Нужно помогать друг другу, — пробурчал тот. — Мой сын пел с вами сегодня вечером. После смерти матери мальчик ни разу не улыбнулся. А сейчас я увидел, что он гордится собой и очень доволен. Монахи разучили с ними гимн, а он всегда хорошо схватывал мотив!

— Когда мы поем, наши раны заживают, — тихо сказала Эрмин. — Думаю, я часто буду сюда приезжать.

У нее появилась смутная идея. Грацианна взяла ее за руку.

— Поторопитесь, Рюдель уже на улице! Он заводит свои мотосани.

Они быстро вышли. Шел снег — мириады пушистых хлопьев сыпались с неба. Эрмин не верилось в такую удачу.

«Тошан, любовь моя, наконец-то я тебя увижу!» — думала она, сияя от счастья.

Грацианна помогла ей сесть на переднее сиденье и передала ее вещи.

Мотор гудел так громко, что им было трудно слышать друг друга.

— Счастливого Рождества, Эрмин! — сказала молодая официантка. — Позаботься о ней, Рюдель! Ты слышал, как она поет, — как ангел, спустившийся с неба. И она пообещала вернуться!

— Не беспокойся, я позабочусь о молодой даме, — отозвался ее брат.

— Еще раз спасибо, Грацианна! — крикнула Эрмин.

Мотосани продвигались с умеренной, но постоянной скоростью. Они быстро выехали из Перибонки и направились по тропинке в лес. Фары освещали стволы елей, заставляли сверкать миллионы белых снежинок.

Первые километры Эрмин разговаривала со своим водителем. Но Рюдель, человек вежливый, тем не менее был, похоже, всецело сосредоточен на своем средстве передвижения. Она решила помолчать, думая исключительно о Тошане. Вот он удивится, когда увидит ее на пороге хижины...

«Нет, я не стану стучать, я буду петь, — решила она, теряясь в самых прекрасных мечтах. — Он выйдет на улицу, не помня себя от удивления. Я сначала спрячусь, а потом выбегу и брошусь ему в объятия!»

Что до Рюделя, опечаленного недавней смертью супруги, то у него в голове были совсем невеселые мысли. Он омрачил ее радость, сказав:

— Надеюсь, мадам, что он дома, Тошан Дельбо! Мне не жалко съездить, но будет плохо, если вы его не найдете...

Они ехали уже два часа. Эрмин вздрогнула.

— Я уверена, что Тошан дома, иначе я встретила бы его в гостинице, — сказала она. — Ваша сестра вчера подавала ему еду. Он как

раз возвращался из Роберваля.

— Да услышит вас Господь! — вздохнул Рюдель. — Я забыл вас предупредить: мне придется высадить вас за две мили до хижины. Там дорога кончается, и мне не останется ничего другого, кроме как повернуть обратно.

— Ничего страшного, — согласилась она. — У меня есть фонарь на батарееке. Без вас и Грацианны мне бы пришлось ночевать в Перибонке.

Дальше они ехали молча. В свете фар Эрмин заметила рысь. Животное скрылось, испуганное ревом мотора. Чуть позже на тропу выскочил лось. Рюдель притормозил, чтобы избежать столкновения.

Чем дальше они забирались в лес, тем яснее обнаруживал себя страх, древний как мир. Несмотря на решимость и горячее желание оказаться рядом с Тошаном, две мили в одиночестве в лесу стали казаться Эрмин бесконечно длинными.

— Дальше я проехать не смогу, — час спустя заявил Рюдель. — Мне жаль, мадам, но я высажу вас здесь.

Он с тревогой смотрел на черные пятна теней, окруживших его мотосани.

— Постарайтесь не заблудиться! Иначе я буду мучиться угрызениями совести.

Эрмин, не раздумывая больше, прыгнула на снег.

— Спасибо! Не волнуйтесь, я хорошо знаю эти места. Поскорее возвращайтесь, я не пропаду!

— Мне надо бы вас проводить, — сказал он. — Если с вами случится несчастье, я буду злиться на себя.

— Не надо, — возразила Эрмин, включая фонарик. — Снег не очень глубокий, и ваша сестра одолжила мне пару снегоступов. Я ничем не рискую.

Молодая женщина вовсе не была в этом уверена, но ей хотелось закончить путь в одиночестве. Это было испытание, которое она решила преодолеть, чтобы доказать Тошану всю силу своей любви. Когда она надевала снегоступы, то почувствовала в холодном воздухе легкий запах дыма. Ветер дул с северо-востока, со стороны хижины. Еще она различила на снегу следы полозьев.

— Видите, — крикнула она своему водителю, — мой муж здесь проехал! И отпечатки собачьих лап здесь тоже есть! Я просто не смогу заблудиться!

Рюдель кивнул. Эрмин отдала ему условленную сумму и пожала руку.

— Еще раз спасибо, и не волнуйтесь обо мне, — сказала она. — Вы

можете оказать мне одну услугу напоследок?

— Конечно! Говорите!

— Попросите Грацианну позвонить Лоре Шарден, в Валь-Жальбер. Это моя мать. Она будет рада узнать, что вы довезли меня до хижины.

— Договорились, мадам! Удачи вам, и до встречи!

Эрмин помахала ему рукой и пошла дальше. В одной руке она несла корзину, в другой — сумку. Пока Эрмин еще слышала шум мотора и видела отблески фар, она чувствовала себя в безопасности. Но скоро ее окружила темнота и ей стало ужасно одиноко.

«Нельзя думать о лесных зверях, — сказала она себе. — Звук машины их, скорее всего, напугал, и они убежали, как та рысь. Волков я не боюсь. Мы с Симоном слушали, как они воют в снежные вечера. Волки совсем не жестокие, совсем...»

Молодая женщина упорно не сводила глаз с отпечатков полозьев на снегу. Каждый метр становился победой над ночью. Она повторяла себе, что Тошан будет горд ее храбростью, что поймет наконец, как она его любит.

«Все произошло тут, на берегу Перибонки, теперь я это понимаю, — думала она. — Наверное, хижина Талы — магическое место. Мои родители попали сюда, когда убегали. Папа дрожал от страха за преступление, которого не совершал, мама умирала от тоски, думая, что потеряла меня. Тошан был тогда ребенком. Он не знал, что позже женится на дочери людей, которых Тала и Анри, искатель золота, приютили. А потом папа прошел по пути, по которому сейчас иду я, потому что считал себя обреченным на смерть от болезни. Но он уходил отсюда уже исцеленным. И, наконец, Киона пришла в этот мир...»

Эрмин обрадовалась, придя к такому заключению. Она подумала о совершенной форме круга. Тошан объяснил ей закон круга во время их первых свиданий. Она изо всех сил сконцентрировалась на мечтах о муже, стала вспоминать все хорошее, чтобы только занять свой ум, чтобы не думать о бескрайней темноте, ее окружившей. Но как она себя ни утешала, каждый звук наводил на мысль о появлении голодного волка.

— Киона! — крикнула вдруг Эрмин. — Защити меня, маленькая сестра, мне страшно!

Голос ее резко прозвучал в тишине. И глухой ужас, с которым она боролась, пропал.

— Я должна петь! — решила она вслух. — Воздух, конечно, холодный, но если я запою, то уже ничего не буду бояться!

И вот в лабиринтах северного леса зазвучала «Ария с колокольчиками»

из «Лакме». Бродивший неподалеку лис замер от удивления. Взлетела недовольная сова. Эрмин позабыла об осторожности. Она подвергала опасности свой драгоценный голос, но состоится ли вторая постановка «Фауста» или нет, ей было уже безразлично. Как безразличен стал и цветистый, фантастический мир театра.

Молодая женщина упивалась своим пением, равнодушная к темноте. Она только чувствовала, как ласково касаются ее щек падающие снежинки. Она не сразу заметила, что деревья стали реже и в просвете появились опушка и хижина Талы, в которой светилось только одно окошко, похожее на золотой глаз в зимней ночи.

Сильный запах дыма вернул ее к реальности. Она замолчала, еще не веря в происшедшее, бесконечно обрадованная.

— Я добралась! Спасибо, Господи!

Эрмин ускорила шаг, смеясь и плача. Она вся была любовь, трепет. Идея запеть, спрятавшись от мужа, а потом броситься к нему, забылась. Она хотела видеть его, хотела прикоснуться к своему прекрасному Тошану.

Быстро постучала она в дверь, прижавшись лбом к доскам. Сердце билось как сумасшедшее. Изнутри донесся шум, потом вопрос.

— Кто там? — спросил Тошан.

Она не смогла ответить, ее переполняли эмоции. Но дверь открылась сама. В стране снегов и холода не принято оставлять за дверью никого, будь то даже сам дьявол во плоти.

— Тошан! — крикнула Эрмин.

Он смотрел на нее, настолько удивленный, что не мог сказать ни слова. Она пожирала его глазами, которые наполнились слезами. Для нее это был самый красивый мужчина на земле. Словно пребывая в экстазе, она снова открывала для себя рисунок его губ, его лицо, черноту его волос и мускулистые плечи, все это обожаемое тело.

— Я пришла! — воскликнула она. — Сегодня Рождество! Тошан, я не могу больше жить в разлуке с тобой!

Не говоря ни слова, он притянул ее к себе и стал осматривать окрестности. Все такой же молчаливый и серьезный, он забрал у нее из рук корзину и сумку. Постепенно легкая улыбка осветила его черты.

— Ты пришла? — спросил он наконец. — Одна? Но как тебе удалось? Кто тебя привез? С тобой кто-то пришел?

— Нет! Никого нет, ты же и сам видишь! Тошан, не отталкивай меня, прошу, не прогоняй меня! Я прошла две мили по следам твоих саней. И я была у Кионы. Она поправляется, представляешь? Наша прелестная маленькая сестричка!

Молодая женщина сняла анорак и шапку с торопливой неловкостью. Она тряхнула золотистыми волосами и улыбнулась, но вид у нее был чуть испуганный.

— Значит, ты знаешь правду? — спросил он тихо.

— Всю правду, — уточнила она. — Но во мне нет ни ненависти, ни злости. Эти чувства исчезают, стоит только посмотреть на Киону. Тошан, мне столько надо тебе сказать! Сначала главное: я отказываюсь от карьеры певицы. Это не для меня — город, контракты. Я исполню свои обязательства, сыграю в «Фаусте» 10 января, но потом вернусь к тебе. Будущим летом я хочу учить детишек петь, особенно сирот, и выступать перед больными и обездоленными. Я буду жить здесь, в нашей хижине. С нашими детьми — Мукки, Мари и Лоранс, но еще с нами будут жить Тала и Киона. Ты построишь новые комнаты, я знаю. И больше я не хочу с тобой расставаться.

То, чего Эрмин хотелось больше всего на свете, случилось: Тошан смотрел на нее, и во взгляде его сияла радость. Он снова улыбался, но не осмеливался приблизиться.

— Я пришла, — повторила она. — Я не смогла бы встретить Рождество без тебя. Я принесла еду: Мирей положила в корзину много вкусного. Ее было тяжело нести, уж можешь мне поверить! И я счастлива быть здесь и видеть тебя!

Он подошел и прижал палец к ее губам, заставляя замолчать.

— Чш-ш-ш! Об этом мы поговорим завтра. Я сидел у огня и мечтал о тебе, когда вдруг в дверь постучали. Я ждал чего угодно, но только не увидеть на пороге тебя, мою женушку-ракушку. Одну, такую храбрую, такую красивую! Завтра, а может, и сегодня ты расскажешь, каким чудом прилетела сюда из Квебека. Позже... Но уже сейчас я могу сказать тебе одно — я очень горжусь тобой, и я очень счастлив...

И Тошан нежно ее обнял. Она прижалась к нему, смежив веки, пьяная от счастья. Он нашел губами ее губы, скользнул руками под свитер, который тут же стащил, чтобы насладиться прикосновениями к ее горячей атласной коже.

Две свечи освещали комнату. Молодой метис потушил их и, не отрываясь от Эрмин, уложил ее на покрытую мехами лавку перед очагом.

— Любимая, моя любимая жена, — сказал он, целуя ее в шею, — ты сделала мне самый лучший в жизни подарок!

Она хрустально засмеялась, празднуя победу над судьбой, пустотой и разлукой. Несколько мгновений — и она уже была обнаженной и лежала на полу. Пламя отбрасывало пурпурные отблески на ее перламутровую плоть.

Все началось заново — это была вторая брачная ночь, но вдали от круга лиственниц, в приятном тепле отвоеванного у одиночества супружеского очага.

Тошан тоже разделся. Он показался Эрмин очень высоким и по-прежнему похожим на великолепную бронзовую статую, но живую, настолько живую!

— Иди ко мне! — взмолилась она. — Прошу тебя! Иди! Я тебя люблю!

Он наклонился, потом встал на колени, потом лег на нее с коротким криком страсти. На этот раз Эрмин закрыла глаза, жадная до ощущения, из которого после ласк и поцелуев рождается наслаждение. Она полностью отдавалась ему, будучи уверенной, что выбрала правильный путь — путь любви, который вел ее к Тошану и только к нему.

Больница Сен-Мишель, среда, 26 декабря 1934 года

Лора колебалась уже несколько бесконечных минут. Сердце ее переполняли противоречивые чувства. Оставалось только открыть дверь, которая была прямо перед ней, чтобы лицом к лицу оказаться с Талой и маленькой Кионой.

«Может, будет лучше, если я уеду? — думала она. — Ничто не заставляет меня встречаться с этой женщиной. Жослин целовал и ласкал ее; я думаю только об этом и могу повести себя надменно и оскорбительно. И эта девочка... Почему мне так хочется ее увидеть? Даже если она приходится сводной сестрой моему дорогому Луи, то будет расти на расстоянии многих километров от него и от меня, и хорошо, что так!»

Никто в Валь-Жальбере не знал, куда направилась Лора. Она попросила Симона отвезти ее в Роберваль под безобидным предлогом. Теперь же, со свертком в руке, ей предстояло исполнить последнюю часть задуманного. Из соседней комнаты вышла монахиня и с любопытством посмотрела на эту элегантную даму, искусно подкрашенную, с неестественно светлыми волосами.

— Мадам, я могу вам помочь? Вам нехорошо?

— Нет. Спасибо, сестра!

На этот раз Лора легонько постучала. Не дожидаясь ответа, она повернула ручку и вошла. И сразу же встретилась взглядом с тревожными черными глазами Талы. Она замерла на пороге — во рту пересохло, дар речи пропал.

— Здравствуйте, Лора, — тихо сказала индианка.

— Здравствуйте, — отозвалась та растерянно.

Перед лицом соперницы решимость покинула Лору. Она считала ее именно соперницей и ничего не могла с этим поделать. Несмотря на успокаивающие слова Жослина, вечером, в интимном уединении их спальни, несмотря на страсть, которую он демонстрировал, она терзалась ревностью к Тале.

— Очень любезно с вашей стороны приехать нас навестить, — добавила Тала.

— Да, да, конечно, — ответила Лора.

Тала показалась ей утратившей всю свою необыкновенную соблазнительность, которой наделяла ее Лора. В черных косах серебрились нити седины. Она была одета в старомодное серое платье с высоким воротником. А гармоничные черты тронула усталость — бессонные ночи у постели ребенка не прошли для нее бесследно.

— Надеюсь, ваша дочь по-прежнему хорошо себя чувствует, — сказала Лора вежливо. — Я принесла ей подарок к Рождеству.

— Что ж, проходите и присаживайтесь, — сказала индианка. — Киона не сводит с вас глаз, но вы на нее не смотрите.

Это была правда. Лора сознательно старалась не поворачиваться к кровати, на которой она успела заметить ребенка. Высокий хрустальный смех заставил ее обернуться. Онемев от восторга, она смотрела на десятимесячную девочку, в которой так желала увидеть обычного младенца.

— Думаю, это она вас позвала, — добавила Тала.

— Позвала? — повторила Лора, не отрывая глаз от девочки.

— Не сейчас, я говорю не о ее смехе! Со вчерашнего вечера она стала беспокойнее, в ней появилась какая-то новая веселость...

Лора уже поняла, почему Эрмин и, конечно же, Жослин так восхищаются этой малышкой. Она казалась очень сообразительной и развитой, как ребенок двух лет от роду. Ее глазенки цвета золота сияли. Смуглая кожа гармонировала с темными, теплого оттенка волосами, обрамлявшими ее выпуклый лобик. А своей улыбкой это дитя могло бы завоевать любое сердце, даже самое зачерствевшее.

— Какая она милая! — вздохнула Лора.

— Вы очень смелая, раз решились прийти, — заметила Тала. — Присаживайтесь! Нам нужно поговорить. К счастью, остальные кровати пусты. Мы одни, ну, или почти одни.

Это «почти» означало, что нужно считаться с присутствием Кионы.

Лора положила перевязанный лентой сверток перед ребенком и присела на стул.

— Я могла бы сказать, что сожалею, но это была бы неправда, — начала индианка. — Я чувствую ваш гнев, вашу ревность, которые вы хорошо скрываете. Лора, хочу вас заверить, что никогда не собиралась отнимать у вас мужа. Когда Жослин пришел ко мне, он был отчаявшимся и больным. Я чувствовала, как смерть бродит вокруг него. Это может казаться вам глупым или невозможным, но в моей крови пребывает сила очень уважаемого у монтанье шамана, моего деда. Он прожил долгую жизнь и никогда не переставал исцелять тела и души. Он передал мне свои знания и много чего другого. Я поняла, что смогу вылечить этого человека, пожираемого страхом и любовью. Я так любила Эрмин, что решила вернуть ей отца, но не на несколько месяцев, а надолго. Ей — отца, а вам — супруга.

Лора кивнула. Все это она уже знала на память. Киона играла с красной ленточкой на свертке, ее ловкие пальчики пытались разорвать блестящую зеленую обертку.

— У меня были добрые намерения, — снова заговорила Тала. — Сначала Жослин держался презрительно и недоверчиво, как это часто бывает с белыми, которые сталкиваются с индейцами. Он расстроился, узнав, что мой супруг, Анри Дельбо, умер, поскольку полагал, что только он мог сказать, кто похоронен на его месте возле жалкой лачуги, где вы прятались. Возможно, мой ответ изменил его мнение обо мне в лучшую сторону.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — сухо спросила Лора. — Я знаю, что речь идет о человеке, который причинил вам вред, и ваш брат вас от него избавил. Но цивилизованные люди не вершат самосуд!

— Цивилизованные люди, как вы их называете, часто ведут себя так, как тот человек, который меня обесчестил, — с ненавистью в голосе сказала Тала. — Жослин, в отличие от вас, понял, что мне пришлось перенести, и смягчился.

— Мне не нужны детали!

— Лора, в этой истории пострадала и я, оказавшись в ловушке собственных чувств. Я вылечила вашего мужа, я отправила его к вам. Но то, что было дальше, причинило мне боль. Да, я любила его. Но ни на мгновение не думала его у вас забрать. Он обожает вас. Потом я узнала, что ношу ребенка. Меня охватило полнейшее счастье. Больше ничего не имело значения, кроме этого обещания радости!

— Вы лжете! — сказала Лора. — Когда в прошлом году вы посетили

Валь-Жальбер, в первый день нового года, по вашему измученному виду, по тому, как быстро вы уехали, можно было сделать вывод, что вы все еще любили Жослина. Не отрицайте! Мне больно об этом думать, поэтому я предпочла бы всё забыть.

К огромному удивлению Лоры, Тала засмеялась. Киона последовала примеру матери, одарив гостью благожелательным взглядом. Малышка, которую мать посадила на постели, подложив под спину подушку, размахивала ручонками, в которых зажала обрывки оберточной бумаги.

— Нужно открыть для нее подарок, — сказала Лора. — Осторожно, она может задохнуться, если сунет бумажку в рот!

Уверенными движениями она сняла упаковку с коричневого плюшевого мишки с желтым бантиком на шее. Киона с возгласом удовольствия схватила игрушку и тут же прижала ее к лицу, как если бы хотела поцеловать.

— Луи я купила такого же, — призналась Лора.

— И это — единственное, что у этих детей будет общего, не так ли? — спросила Тала. — И еще: я не делала ничего, чтобы в мои годы стать матерью. Тошан очень мучился при мысли, что теперь все они — он, Киона, Луи и Эрмин, — родственники. Он считал это нездоровым. И ошибался. Моя дочь должна была прийти в этот мир, чтобы сделать его лучше, красивее, мудрее.

— Вы говорите, как христиане о Мессии, — оскорбилась Лора. — Эрмин тоже вне себя от восторга.

— Но я говорю только правду, — возразила индианка. — Мир может сжаться до уголка леса, до поселка или до семьи. Моему народу была нужна Киона, и мне тоже. Лора, прошу вас, простите, если я вас обидела. Теперь это в прошлом, вы должны быть счастливы со своим мужем и детьми.

— Но это прошлое слишком свежо в памяти!

И тут случилось что-то необыкновенное. Лора, смущенная, полная ревности и смутного Гнева, перевела взгляд на Киону, чтобы не смотреть в пронизательные глаза Талы. Девочка поймала взгляд, как до этого ее мать. С плюшевым мишкой в руке, худенькая и смуглая, она залепетала нечто похожее на песню и стала раскачиваться в такт. Еще она улыбалась, показывая два крошечных перламутровых зубика. У Лоры появилось странное ощущение, что эта невинная песня обращена именно к ней, и это глубоко взволновало ее. Киона улыбалась, и на Лору потихоньку накатывали волны приятных воспоминаний.

Вернулись картинки из детства, когда она играла на мостовых

Рулера^[67], своего родного города. Лора бежала, взяв за руку сестру, умершую от туберкулеза в подростковом возрасте. Она ощутила сладкий запах булок с изюмом; тесто для них поднималось на краю печи — белое и упругое тесто, которое месила ее мать, Зульма. Потом появилось ласковое лицо брата Реми, того самого, который погиб при аварии в кузнечном цеху в Сен-Морисе, недалеко от Труа-Ривьер, в Квебеке. Внутренний голос шепнул, что смерть — вот самый страшный враг, и с ним нужно сражаться любыми способами.

— Лора, — позвала ее Тала, — не плачьте, вам пришлось так много страдать! Отныне вы должны быть счастливы.

Эти последние слова индианка сказала очень мягко, с просто поразительной нежностью.

— Откуда вы знаете, что я страдала? — спросила Лора, смягчившись.

— Я никогда не забуду совсем молодую женщину, пришедшую ко мне в хижину двадцать лет назад, в слезах, не помнившую себя от боли, причину которой я тогда не знала. Вас разлучили с ребенком, а это самое страшное испытание для матери.

— Да, с моей дорогой крошкой Эрмин! Когда Жослин забрал ее у меня, силой вырвал из рук, я подумала, что умираю. Она не плакала, но смотрела на меня и улыбалась, как если бы жест ее отца был всего лишь игрой.

На Лору снизошло озарение. Распахнув от изумления глаза, она снова посмотрела на Киону.

— Господи, я только что заметила! Эрмин и Киона похожи! Мне нужно было сразу понять! У них глаза разного цвета, но свет от них исходит один и тот же!

— Они сестры, — пробормотала индианка.

— Ну конечно! Теперь я вспоминаю, что не могла без восторга смотреть на свою маленькую дочь. Я часто говорила себе: «Она одарена свыше, она ведь такая ласковая, такая послушная, такая улыбчивая!»

— Вы правы. Эрмин получила великолепный дар — голос, который умиротворяет, радует душу и дарит счастье. Киону высшие силы тоже не обделили. Маниту благословил ее. Это бог, которого я почитаю, великий создатель в верованиях моего народа. Но у нее другой дар. Я вам уже говорила, она будет исцелять больные души и делать всё и всех лучше. Не беспокойтесь, Лора. Я спешу вернуться в хижину, где буду жить между рекой и лесом, далеко от поселков и городов. Я выращу свою дочь на лоне кормилицы-природы. Я передам ей секреты растений и источников. Она будет расти очень далеко от Валь-Жальбера.

— Вы мне это обещаете? — с беспокойством спросила Лора. — Я знаю, Жослин ее крестный отец. Обряд крещения провели быстро из страха, что Киону заберет болезнь. Он сможет заботиться о ней, но лучше не рассказывать нашим младшим детям о том, какие их связывают узы.

Женщина беззвучно плакала, очарованная девочкой точно так же, как ранее ею были очарованы Тошан, Жослин и Эрмин.

— Это слезы облегчения, Тала, — уточнила она, доставая носовой платок. — Я не могу теперь сомневаться в таланте Кионы. Эта малышка — вся из света, любви и доброты. Ненависть и гнев мои ушли, и это очень странно... Спасибо вам за то, что вылечили моего мужа, вернули его мне. Благодаря вам я узнала драгоценные минуты счастья. Господи, наконец-то в моей душе мир!

Лора еще раз посмотрела на красивую индианку. Усталость больше не омрачала высокомерные черты. На красиво очерченных губах играла легкая удовлетворенная улыбка, темные глаза смотрели ласково.

— Мы никогда не станем друзьями, Лора, потому что наши пути вряд ли снова пересекутся, разве что ненадолго, — сказала она. — Но мы должны относиться друг к другу с глубоким уважением. Обе мы страдали из-за жестокости мужчин, обе пережили дни траура. И отныне нам нужно избегать несчастий и печалей.

Эти слова заставили Лору вздрогнуть. Неужели Жослин осмелился сказать Тале, что некогда она продавала свое тело и находилась под властью жестокого типа, была такой жалкой, что подчинялась ему?

— Что рассказал вам мой муж? — запинаясь, спросила она.

— Ничего, — отрезала Тала. — Но я лечила вас, когда от жара вы бредили, давно, двадцать лет назад. Некоторые кошмары не так уж сложно понять, когда спящий говорит вслух...

Лора ни на секунду не усомнилась в искренности индианки. Она до сих пор иногда видела дурные сны, напоминавшие ей о самых страшных периодах в жизни.

— Мне пора домой, — сказала она. — Без Эрмин Рождество показалось нам немного грустным, но дети повеселились на славу и наелись вкусностей. Моя дорогая дочь живой и невредимой приехала к Тошану, это нас всех успокоило.

— И вы любезно сообщили мне об этом по телефону, этому необыкновенному изобретению. Я очень беспокоилась.

— Похоже, наша Эрмин готова на многое ради любви, — сказала Лора.

— Как и мы все, — добавила индианка.

— Я заставляю ждать Симона, славного парня, моего шофера. Он сын

наших соседей. Его мать, Бетти, можно сказать, вырастила Эрмин. До свидания, Тала! Я боялась этой встречи, и, как видно, была не права. Я ухожу с легким сердцем, освобожденной от того, что меня терзало. Я восхищаюсь вами, вы мужественная и мудрая. Не сердитесь на меня за мое решение. Узы, которые связывают Киону с моим мужем и моим сыном Луи, должны храниться в тайне.

Она встала и вдруг, повинувшись порыву, протянула Тале руку. Та взяла ее и мягко пожала.

— Спасибо, что приехали и подарили Кионе игрушку. Она довольна, послушайте, как лепечет! Я исполню вашу волю.

Девочка испускала крики, то тихие, то пронзительные, и трясла плюшевого мишку.

— До свидания, Киона! — прошептала Лора, поглаживая малышку по лобку. — Или прощай...

Она выпрямилась и на этот раз посмотрела на Талу умоляюще:

— Я знаю, этот ребенок будет часто видаться с Эрмин, когда она будет жить с вами. Но не забывайте, Луи и Киона никогда не должны узнать, что они — брат и сестра.

— Никогда! — повторила Тала.

— Да, никогда! — подхватила Лора со слезами на глазах, но тоном, не допускающим возражений.

Наконец она вышла, будучи не в состоянии думать ни о чем, кроме сияющей улыбки Кионы. За окнами свистел северный ветер. В жемчужно-сером небе кружили вороны. Белый пейзаж, казалось, уснул, но и во сне он навевал на смотрящего глубочайший покой.

Это был зимний день, и над озером Сен-Жан шел густой снег.

Слова признательности

Спасибо Жану-Клоду Ларушу, моему издателю, которому я предлагаю этот маленький подарок, действие которого развивается между Робервалем, Квебеком и поселком-призраком под названием Валь-Жальбер. Об этом поселке он мне очень много рассказывал.

Отдельное спасибо ему же за то, что сопровождал меня на прогулках по региону Лак-Сен-Жан и в моих занятиях литературным творчеством... С огромной доброжелательностью, терпением и дружелюбием. Эта книга — мой способ отдать дань его профессионализму, увлечению литературой и высоким человеческим качествам.

Самую искреннюю признательность выражаю Дани Котэ, историку, за активную помощь. Благодаря ему я наполнила роман интересными квебекскими диалектизмами и историческими анекдотами. Как человек, который пылко любит свою страну, он убедил меня не слишком упорствовать в описании сурового климата Канады и помог избежать многих других ошибок. Нашу совместную работу я нахожу плодотворной и приятной.

Большое спасибо Клеману Мартелю и всем членам издательской команды за их доброту и профессионализм.

И спасибо моей преданной Гийометте за поддержку и понимание.

Имя Мари-Бернадетт Дюпюи на обложке обещает настоящий французский роман: трогательный, интригующий, чувственный. Ее «сиротки» взрослеют и влюбляются, а их историями зачитываются 2,5 млн читателей и читательниц по всему миру — именно такой суммарный тираж более 20 ее книг!

Еще маленькой девочкой Мари-Эрмин молилась лишь об одном: она хотела обрести семью... Теперь она сама — любящая жена и мать, но что, если тихое супружеское счастье не для нее? Ее пение — нежнее соловьиных трелей, такой голос должен звучать со сцены, а не у колыбели. Втайне от мужа она отправляется на прослушивание в Квебек. Неужели в погоне за мечтой она променяет свое уютное гнездышко на золоченую клетку?

— Какая красавица! — заметил незнакомец в черном пальто и фетровой шляпе. — Мне кажется, я где-то ее уже видел.

— Это наш соловей, найденыш, которого сестры подобрали на пороге монастырской школы. Они научили девочку петь, и теперь она поет лучше ангелов небесных!

Незнакомец зажег сигарету. Прищурив глаза, он взглядом хищника на охоте рассматривал Эрмин.

— Так, значит, это она пела в Шамборе, на рождественской мессе!

И добавил сквозь сжатые, очень белые зубы, но уже по-английски:

— Я предлагаю соловьям золоченую клетку, чтобы они пели еще лучше!

© studio Ph. Mazere

Имя Мари-Бернадетт Дюжои на обложке обещает настоящий французский роман: трогательный, интригующий, чувственный. Ее «сиротки» взрослеют и влюбляются, а их историями зачитываются 2,5 млн читателей и читательниц по всему миру — именно такой суммарный тираж более 20 ее книг!

Еще маленькой девочкой Мари-Эрмин молилась лишь об одном: она хотела обрести семью... Теперь она сама — любящая жена и мать, но что, если тихое супружеское счастье не для нее? Ее пение — нежнее соловьиных трелей, такой голос должен звучать со сцены, а не у колыбели. Втайне от мужа она отправляется на прослушивание в Квебек. Неужели в погоне за мечтой она променяет свое уютное гнездышко на золоченую клетку?

— *Какая красавица!* — заметил незнакомец в черном пальто и фетровой шляпе. — *Мне кажется, я где-то ее уже видел.*

— *Это наши соловей, найденыш, которого сестры подобрали на пороге монастырской школы. Они научили девочку петь, и теперь она поет лучшие ангелов небесных!*

Незнакомец зажег сигарету. Прищурив глаза, он взглядом хищника на охоте рассматривал Эрмин.

— *Так, значит, это она пела в Шамборе, на рождественской мессе!*

И добавил сквозь сжатые, очень белые зубы, но уже по-английски:

— *Я предлагаю соловьям золоченую клетку, чтобы они пели еще лучше!*

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-1754-1

9 785991 017541

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-2336-6

9 789661 423366

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Примечания

Сюринтендант Лапуант проживал в поселке. Целлюлозная компания Шикутими построила для него в 1919 г. очень красивый дом на улице Святого Георгия, неподалеку от монастырской школы. В наши дни сохранились поросшие кустарником руины этого дома. *(Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)*

Монастырская школа функционировала вплоть до 1933 года. Детей обучали преподавательницы-мирянки: Жеральдин Лёмэ, Жюльетт Марку и Жермэн Паже, сменившие на этом посту монахинь, которые покинули Валь-Жальбер в 1929 году. Все три были родом из Шамбора.

Церковь в Валь-Жальбере была снесена в 1932 году. Строительные материалы и предметы обстановки были переданы соседним коммуна.

Трехактная опера, композитор Лео Делиб, либретто Эдмона Гондине и Филиппа Жилья. Впервые поставлена на сцене 14 апреля 1883 года в парижском театре Опера Комик.

В действительности первым кюре Валь-Жальбера был аббат Жозеф-Эдмон Трамбле. Он занимал этот пост с 1911 по 1927 год.

Христианский гимн «Придите к Младенцу», исполняемый в период рождественских праздников. Его связывают с именем святого Бонаventura. Иногда во Франции его называют «Peuple fidele» («Верующие»).

Пятиактная опера по мотивам легенды и одноименной пьесы Гете, созданная 19 марта 1859 года.

Бумажная фабрика, принадлежащая фирме «Price Brother's», на которую устроились многие рабочие из Валь-Жальбера после того, как закрылась местная целлюлозная фабрика.

Прообразом этого персонажа стала Жермен Паже, которая в упомянутые годы преподавала в Валь-Жальбере, а потом приняла постриг.

Доверенное лицо, выполняющее все поручения или предписания другого лица. (*Примеч. пер.*)

Достоверно. Речь идет о гостинице «Hotel Tadoussac».

Пункт для закупки добычи охотников и для снабжения их промысловыми орудиями, продовольствием, одеждой и т. п. в отдаленных промысловых районах. (*Примеч. пер.*)

13

Растение с сиреневыми цветами, настои из которого облегчают зубную боль.

Настоящее имя — Мэри-Роуз-Энн Треверс. Одна из первых певиц, добившихся популярности в Квебеке.

Подлинное название реки, по мнению специалистов Топонимической комиссии Квебека — Метабечуан.

Самюэльде Шамплен родился в Бруаже (Франция) между 1567 и 1580 гг. и умер в Квебеке 25 декабря 1635 г. Мореплаватель, исследователь, географ и хроникер.

Пять лет тяжелого труда рабочих потребовалось, чтобы построить железнодорожные пути протяженностью 238 км, соединившие Роберваль с Квебеком. Первый поезд прибыл на вокзал в Робервале в 1888 году.

Дамаз Жальбер, основатель рабочего поселка, который носит его имя — Валь-Жальбер, хотя ранее назывался поселок Святого Георгия.

Регион Квебека, в котором находится озеро Эдуар.

Рузвельты — семья американских политиков, которая дала США двух президентов; Рокфеллеры — семья богатых американских промышленников.

Исцеление стало возможным, когда были изобретены антибиотики.

Санаторий в Робервале открылся в 1942 году.

Информация взята из книги Луизы Соте «Защищайся! Туберкулез в Квебеке в первой половине XX века».

Соответствующий закон принят в 1901 г.

Мельница была построена в 1866 г. на реке Уэлле, названной в честь одного из первых жителей округа. Это место находится поблизости от Валь-Жальбера и до 1871 г. относилось к муниципалитету Роберваль. Фундамент мельницы сохранился до наших дней и считается одной из старейших построек в Валь-Жальбере.

Имя индейцев монтанье, которое означает «волк».

Песня Ла Болдюк, записана в 1931 г.

Фильм, имевший большой успех, снят в 1923 году Джеймсом Крузом. Натурные съемки проходили в Неваде.

Фильм Рауля Уолша, снят в 1930 г.

Псевдоним актера Мэриона Моррисона.

Грубое ругательство, квебекский диалект.

Привлекательный, интересный (*амер. разг.*).

Роман Луи Эмаля, классика канадской литературы, о первых французских поселенцах в Канаде.

У индейцев шаман играет роль колдуна и лекаря.

Имя, которое с языка индейцев монтанье переводится как «гора».

Такое положение вещей продлилось до 1939 г.

Почтовое отделение закрылось в 1947 г.

Энрико Карузо (1873–1921). Считается одним из величайших оперных певцов всех времен.

Мария Луиза Цецилия Эмма Лаженесс (1847–1930), знаменитая певица (драматическое сопрано). Сценическое имя — Альбани — появилось после того, как она впервые публично спела в церкви при Альбани, в Нью-Йорке.

«Ангелы в нашем краю».

Французское *Bonhomme Sept Heures* звучит как «боном сет ёр», что созвучно английскому *bone setter* — костоправ. (Примеч. пер.)

Из книги Жана Сегуэна «Сборник квебекских диалектизмов».

Рождественский католический гимн, авторы — Йозеф Мор и Франц Грубер. Впервые исполнен в рождественские праздники 1818 года в Австрии.

Берт Сильва, популярная французская певица-шансонье. Исполняла «Белые розы» и упомянутые в тексте романа песни.

Женское имя, на языке индейцев монтанье означает «дождь».

46

Индейское название росوماхи.

Каликст — мужское имя. Это вымышленный персонаж. Имени мирской учительницы, преподававшей в поселке в указанное время, найти не удалось.

На языке индейцев монтанье имя означает «фея».

Фунт — единица измерения массы, приблизительно равная 0,45 кг.

Унция — единица измерения, в данном случае массы, равная 28,35 г.

Замок Фронтенак был назван в честь Луи де Бюада, графа де Фронтенак, первого правителя колонии Новая Франция с 1672 по 1682 и с 1689 по 1698 гг.

В Квебеке электрические трамваи пущены в эксплуатацию в 1897 году.

Улицу Сен-Жозеф называют еще Квебекским Бродвеем, в подражание Нью-Йорку с его знаменитой авеню.

Джузеппе Фортунито Франческо Верди (1813–1901) — великий итальянский композитор. Его оперы были высоко оценены публикой еще при жизни автора и в наши дни с огромным успехом идут на сценах всего мира.

Карибу — крупный североамериканский олень. Так же квебекцы называют и свой любимый алкогольный напиток.

Star (*англ.*) — звезда. (*Примеч. пер.*)

Nurse (*англ.*) — няня. (*Примеч. перев.*)

Большой театр в Монреале. Основан в 1893 г.

Винченцо Беллини (1801–1835), композитор, представитель романтизма, родился на Сицилии.

В XIX веке и в предыдущие столетия действительно было еще неизвестно, является ли туберкулез наследственной болезнью.

Старинная канадская песня.

Молитва Желтой Ласточки, вождя племени лакота.

Музей Луи Эмона открылся в 1937 году в доме Самюэля Бетара. В 1983 г. был причислен к историческим памятникам.

Приют закрылся в 1938 г. по причине того, что после запуска гидроэлектростанции в Исль-Малине поднялся уровень воды в озере Сен-Жан.

Предок современных мотосаней. Рассчитан на семерых пассажиров.

Древний католический гимн, часто исполняемый на богослужениях.

Так называли город Руселаре, расположенный на западе Бельгии.